

Вячеслав Ложко

Непридуманная жизнь

Книга первая

Путь с Востока на Запад

Симферополь
ООО «Форма»
2018

УДК 82
ББК 84 (2Рос=Рус)
Л 71

Л 71 **Ложко В.Ф.**
Непридуманная жизнь. Книга первая. Путь с Востока на Запад. –
Симферополь: ООО «Форма», 2018. – 480 с.

ISBN 978-

ББК 84 (2Рос=Рус)

С творчеством Вячеслава Ложко знакомы многие крымчане, и не только. Его поэзия и проза нашли отклик в сердцах многих людей.

Новая книга – это автобиография, это потаённые чувства и мысли В. Ложко. Человек непростой, но очень увлекательной и многогранной судьбы, весь свой жизненный опыт он всегда вкладывал в свои произведения. Прочитав «Непридуманную жизнь», читатель, возможно, ещё лучше сможет понять мысли автора, более глубоко осознает его произведения, наполнит их иным смыслом. Эта книга – не итог творчества, это – раскрытие тайн.

ISBN 978-

© Ложко В.Ф., 2018
© ООО «Форма», 2018

* * *

*Не всё сбывается, как хочется.
Судьбе порой не угодишь.
Она идёт к тебе пророчицей,
А ты обугленный стоишь.*

Вячеслав Ложко.

Вместо предисловия

Долгое время я размышлял, как мне начать писать большую интересную вещь. В моей жизни было столько разных событий, эпизодов, на основе которых можно было написать не одно художественное произведение: рассказ, повесть и даже роман. Периодически я это и делал. Были написаны рассказы и повесть. Они были опубликованы и вызвали неподдельный интерес читателей.

Хочу сказать ещё вот о чём. Я давно дружу с известным писателем, докой своего дела Прониным Виктором Алексеевичем. В частных беседах я рассказывал ему эпизоды из своей жизни под рюмочку коктейльного коньяка. Пронин, человек внимательный и пытливый, быстро схватывал суть повествования. Он обращался ко мне и говорил:

– Я возьму этот эпизод в книгу?

– Витя, конечно, возьми. У меня в запасе ещё столько, что хватит на десять книг.

И Виктор Алексеевич умело включал в свои романы эпизоды, услышанные от меня, рассказы, произошедшие в действительности. Есть эпизоды из моей жизни в книгах Виктора Пронина «Брызги шампанского» и «Божья кара». В «Божьей каре» он описал события, происходившие в Коктебеле, и даже не сменил мою фамилию. Так я и попал на страницы романов В. Пронина.

Однако хотелось самому рассказать о своей жизни и обо всём, что узнал и пережил. Взяться по-настоящему за эту работу меня всегда что-то останавливало. Мысль, которая приходила мне в голову, – написать свою жизнь, как я её помню и чувствую, без художественной выдумки. Есть прекрасное выражение: «Жизнь – это роман, произошедший в действительности». Мне кажется, что жанр записок намного честнее художественного вымысла, сочиняемого для читателя.

Я нашёл утверждение Льва Николаевича Толстого, который писал: «Мне кажется, что со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения. Будет совестно сочинять про какого-нибудь вымышленного Ивана Ивановича или Марью Петровну. Писатели, если они будут, будут не сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случилось наблюдать в жизни».

И примеров тому в литературе немало. Так же думал и писал известный учёный, экспериментатор, писатель Андрей Тимофеевич Болотов.

Вот и пришло осознанное решение описать свою жизнь и все события, коим я стал свидетелем и участником с самого раннего детства. Однако, чтобы легче писалось и меньше звучало местоимение «я», буду писать как от третьего лица и с неизменной фамилией и именем, чтобы не отвлекало от событий, описываемых в книге.

Глава I

Край, где восходит солнце

У каждого человека есть своя легенда появления на свет. Есть такая легенда и у Вячеслава Ложко. Мужчина крепкий духом, прошёл тюрьмы, лагеря, тяжёлую работу, страшную болезнь, но не сдаётся жизненным нагрузкам. Часто спрашивают: «Откуда такая сила духа?»

Ответ такой. С детских лет его кормили не молоком матери и потом всякими кашками, а упорством и настойчивостью. И ещё он знал, где его нашли. Все знают, что многих детей находили в капусте, а других приносили аисты. У каждого народа есть свои версии появления детей. Капуста – это, конечно, прекрасная еда для зайцев, для козлов, не только реальных, но и в образе людей.

Аисты, которые приносят детей некоторым людям, живут на болотах и питаются, в основном, лягушками. А что можно принести с болота, кроме затхлости, косности, неповоротливости мысли, лени?

Его же маленьким нашли в тайге под кедром. Кедровые шишки крепкие, долговечные, полезные и выносливые к жизненным бурям дерева. А легенда звучит так. Далеко-далеко на краю огромной страны, в крае, который именуется Дальний Восток, на берегу широкого батюшки-Амура рос новый молодой город. Молодое социалистическое государство постепенно осваивало огромные пространства, возводя на новых землях города, посёлки, селения.

Новостройками, как правило, в то время занимались комсомольцы и молодёжь, приехавшие на Дальний Восток по призыву партии и правительства. Молодые строители, вербованные отовсюду, соблазнённые посулами и обещаниями лучшей жизни. Второй значительной категорией строителей были заключённые, собранные в эти края со всей огромной страны.

Вот здесь, в дальневосточной тайге, Славка и нашёл свою мать – молодую энтузиастку. Она по призыву Хетагуровой с первой пар-

тией девушек из Ленинграда поехала на Дальний Восток строить город кораблестроителей Комсомольск-на-Амуре. Хетагурова была женой осетинского поэта Косты Хетагурова, жила в Ленинграде, занималась комсомольской работой. Откликнувшись на призыв, Валентина Шестопёрова оказалась в дальневосточной тайге за 12000 километров от Ленинграда.

Молодость может всё. Ей кажется, что преград в жизни не существует, а если даже они появляются – их легко можно преодолеть. Там же, в трудармии, в те далёкие предвоенные годы была такая на Дальнем Востоке, служил Фёдор Фёдорович Ложко. Где и как встретились Валентина и Фёдор, досконально не известно. Но известно, что, гуляя по весенней тайге, под кедрами они нашли свёрток. Развернув его, они обнаружили крупного новорожденного мальчишку. «Какой славный», – произнесла мать. Так и решили называть его – Славка.

Так гласит легенда. А по записи актов регистрации новорожденных 29 марта 1940 года у молодожёнов Фёдора и Валентины родился сын, которого они назвали Славкой, и местом его рождения значился город Комсомольск-на-Амуре Хабаровского края.

Первые годы, совсем ранние, Славка вспоминал смутно. Где-то годам к трём начали прорисовываться картины жизни более чёткими и запоминающимися. Жили они в большой коммунальной квартире из четырёх комнат. Одну из комнат и занимала молодая семья. Три остальные комнаты были заселены холостяками. В одной комнате жил доктор. Его комната углом примыкала к комнате молодой семьи. Этот факт впоследствии будет иметь огромное значение.

Вообще, коммунальные квартиры – это особое интересное явление. Если коммунальная квартира была дружной и жильцы находили общий язык, то на входной двери был один звонок. Открыть дверь по звонку мог любой, независимо, к кому пришли. Если же в коммунальной квартире люди жили, как кошка с собакой, то перед входной дверью висела табличка с указанием, сколько раз звонить тому или иному жильцу, чтобы пришедшему открыли дверь.

В дружных коммунальных квартирах помогали друг другу, встречали вместе праздники и вообще существовали по-людски. В

квартирах, где только и ждали подлости друг от друга и часто ненавидели, могли в кастрюлю что-нибудь подсыпать, а то и мышшь бросить. К счастью, там, где жила семья Славки, все относились друг к другу с вниманием и уважением.

Двери комнаты, в которой жил Славка с родителями, открывались в коридор от одного косяка, как и из комнаты доктора. И порой, выходя одновременно из комнат, соседи сталкивались в междверном пространстве. Две другие комнаты занимали специалисты – молодой инженер-кораблестроитель, пользующийся на заводе авторитетом хорошего знающего работника, и прораб-строитель.

Завод всё время расширялся и постоянно строился. Для всех обитателей коммунальной квартиры Славка был как живая игрушка. То и дело ему уделяли внимание. То отец, то прораб-строитель мастерили ему незамысловатые деревянные игрушки. Зато доктор и инженер взялись за обучение Славки чтению. Он быстро освоил азбуку и к трём с половиною годам начал читать по слогам, чем приводил в восхищение не только родителей, но и доморощенных учителей – доктора и инженера.

Вначале Славку носили в ясли-садик. Ну, а порой приходилось оставлять дома, запирая дверь на ключ. В перерыв мать прибегала домой, чтобы накормить сына и проверить, всё ли нормально. В один из таких моментов, когда сын сидел дома один под замком, произошёл случай из ряда вон выходящий. Этот случай чуть не унёс Славкину жизнь.

В комнате стоял белый фарфоровый горшок, который Славка использовал по мере необходимости. Надо сказать, что горшок был треснутый. Как уже там получилось, неизвестно, но мальчик уселся на горшок, который под ним в тот момент развалился, ошестинившись остроконечным обломком. Вот на этот осколок с размаху и уселся Славка, распоров до самой кости ягодицу.

Что привело соседа-доктора домой в рабочее время, никто толком потом и не вспомнил. Но когда доктор, оказавшись в квартире, открывал ключом свою комнату, он вдруг услышал тихое нытьё, больше похожее на скуление, из-за соседней двери. Доктор наклонился к низу двери соседней комнаты, откуда доносились эти зву-

ки, и увидел, что из-под двери натекла большая лужа крови. Так как ключей, чтобы открыть дверь, не было, доктор просто вышиб дверь ногой.

Заскочив в комнату, доктор увидел картину, заставившую его оторопеть. У входа на полу сидел Славка уже со свесившейся набок головой, а под ним растекалась огромная лужа крови. Увидев совсем бледное лицо мальчика, доктор подхватил его на руки и кинулся в свою комнату. Положив мальчика на кровать, доктор достал бинты, вату и начал его перевязывать.

Перевязав Славку, доктор схватил его в охапку и помчался с ним в ближайшую поликлинику. Благо, это было недалеко. Славку начали приводить в чувство и штопать. С работы срочно вызвали мать. Чтобы спасти жизнь ребёнку, ему нужно было влить много крови, так как свою кровь он потерял, сидя на разбитом горшке. К счастью, у матери оказалась кровь нужной группы. Славку спасли. Мать дала ему столько крови, сколько потребовалось на восстановление.

Позже жители коммунальной квартиры говорили: Валентина родила сына дважды. 29 марта 1940 года – первый раз. И вот сейчас, на третьем году жизни. Надо отдать должное матери и медперсоналу, которые выходили Славку и быстро подняли на ноги.

Уже через некоторое время он носился по квартире как до происшествия. В четыре года Славка стал сносно читать. Мать не уставала с ним заниматься. Она уделяла ему достаточно много времени, которое позволяли работа и хлопоты по хозяйству. Славку перевели из яслей в садик. И теперь утром, уходя на работу, родители выводили его на улицу и отправляли в садик, который находился во дворе, со всех сторон ограниченном многоквартирными жилыми домами.

Отправив сына, родители уходили за угол дома и отправлялись на работу. Славка не спеша продвигался к садику. На пути у него было одно непреодолимое препятствие. Недалеко от садика стоял старый одноэтажный дом. Дом был окружён густыми зарослями. Этаким уголок-хутор. На лавке возле забора часто сидел одноногий, заросший густой чёрной бородой мужик. Выставив деревяшку, за-

меняющую ему ногу, перед собой, мужик внимательно наблюдал за Славкой.

Тот осторожно, с опаской пробирался мимо мужика, буквально крался. Мужик, глядя на Славку выпученными чёрными глазами, наблюдая за тем, как он осторожно продвигается, в какой-то момент вдруг громко произносил:

– Угу!

Славка срывался с места и стремглав летел к садику. Вечером его забирала мать. Когда они проходили мимо злополучной лавки, сын прятался за мать с противоположной стороны. Если мужик с выпученными глазами сидел на лавке, он хитро провожал Славку взглядом, но ничего не произносил. Испытание откладывалось до утра. Так продолжалось долго. Сын стал отказываться ходить в садик сам. Но мать, строго прикрикнув, отправляла его одного.

Однажды Славка, стиснув зубы, проходил медленно мимо лавки, на которой, как всегда, сидел пучеглазый мужик. Тот по обычаю, по выработавшейся у него вредной привычке, гукнул. Но Славка не сорвался и не помчался стремглав мимо. Он продолжал идти медленным шагом, только скосив глаза в сторону пучеглазого. Мальчик заметил удивлённый взгляд, брошенный на него с недоумением злым мужиком. Славка почувствовал, что в нём что-то произошло.

С тех пор Славка, хоть и с опаской, но уже не бежал мимо лавки, на которой восседал пучеглазый, а проходил шагом. По выработавшейся вредной привычке мужик гукал, но через некоторое время, заметив, что это не даёт ожидаемого эффекта, прекратил своё вредное занятие. Это была Славкина первая победа над собой. Конечно, осознал он это гораздо позже.

В определённой степени страх является естественной и даже необходимой реакцией. Он выполняет защитную функцию. Есть страх разрушительный, парализующий. Он ограничивает свободу человека. Такой страх опасен тем, что может распространяться и усиливаться. Неконтролируемый страх превращает человека в слабого и глупого. С таким страхом надо бороться, иначе он станет

определяющим чувством в жизни человека. Если человек совладал со своим страхом, он вернёт себе внутреннюю свободу.

Как определили ещё древние философы и врачеватели, причинами страха являются неуверенность в себе и негативное мышление. Чтобы избавиться от страха, его надо понять. Что является причиной страха? Какие мысли пошли не в том направлении? Понимание этого пришло гораздо позже, когда Вячеслав обогатился огромным жизненным опытом. А что мог знать пацан в четыре года о страхе? Он просто его чувствовал. Обстоятельства поставили Славку в такие условия, которые заставили его стиснуть зубы и преодолеть страх перед хмурым, злым мужиком, постоянно его пугающим.

Это была его первая победа над собой, ещё толком не осознаваемая. Как ему впоследствии пригодился этот первый опыт преодоления себя! Жизнь бросала его в такую мясорубку, что другой бы на его месте не выдержал. Вячеслав нёс по жизни всё то, что получил от неё в детстве.

И ещё один случай врезался ему в память. Детская группа гуляла в парке вместе с воспитательницей. Пошёл сильный дождь. Воспитательница стала всех собирать в беседку. Но дети, расшалившись, не слушали её. Каким-то образом в парке оказался военный в пограничной форме. Он шёл с большой собакой на поводке. Воспитательница что-то сказала пограничнику. Он отпустил собаку с поводка и дал какую-то команду. Собака помчалась по кругу, прижимая детей к беседке. Все с криком понеслись в беседку.

Славка стоял и удивлённо смотрел на всё происходящее. Но когда собака направилась в его сторону, он сорвался с места и кинулся в беседку. Дети столпились вокруг воспитательницы, стараясь прижаться к ней поближе. Пограничник взял собаку на поводок и помаhal рукой, улыбаясь. Когда дождь закончился, все двинулись в сад...

Шла Великая Отечественная война. Предприятия работали в усиленном режиме. В марте 1944 года советские войска освободили от фашистов территорию Украины. Уже позже, учась в школе, Славка узнал подробнее об этих событиях. Дело в том, что был освобождён на Украине город Николаев. И там началось восстановление производства, как и по всей стране. В Николаеве был крупный

кораблестроительный завод. И вот по приказу правительства в Николаев командировали лучших специалистов с кораблестроительных заводов.

Получил предписание ехать в Николаев и отец Славки с ещё несколькими работниками. Тогда особо не рассуждали: хочу, не хочу. Надо, значит надо. И отец отбыл в город Николаев на восстановление завода. Поэтому Славка впоследствии поинтересовался событиями в Николаеве.

А разворачивалось всё это в таком порядке. В марте 1944 года советские войска развернули широкую наступательную операцию по освобождению Правобережной Украины. В ходе наступления 3-й Украинский фронт проводил Одесскую операцию с целью освобождения всего северо-западного побережья Чёрного моря, города Одессы и выхода на границу с Румынией. Для помощи войскам 3-го Украинского фронта выделены были подводные лодки, торпедные катера и авиация. Они активизировали свои действия на коммуникациях противника в западной части Чёрного моря.

И вот первым этапом освобождения Одессы стало взятие Николаева. Это была поистине героическая операция. Десантники, морские пехотинцы в количестве 55 человек отправились под покровом ночи и густого тумана вглубь расположения противника. Они удачно высадились на берег и заняли один укрепленный район. Это был отвлекающий десант. Они сражались с противником, в десятки раз превосходящим их по силам. С 26 марта по 28 марта стойко оборонялись и отвлекали на себя значительные силы. Из 55 человек в живых осталось только 12.

Небывалый случай в годы Великой Отечественной войны. За проявленный героизм и стойкость всем 55-ти участникам было присвоено звание Героя Советского Союза. По официальным данным, при освобождении Николаева от немецко-фашистских захватчиков погибло 10000 человек. Вот в этот Николаев отец и был отправлен на восстановление кораблестроительного завода.

А на Дальнем Востоке жизнь шла своим трудным, но размеренным шагом. Мать ходила на работу, Славка – в садик. Пришла долгожданная счастливая весть об окончании войны. Из Николаева

пришло письмо от отца. Он попал в аварию и лежал в госпитале. Мать, недолго думая, засобиравшись ехать к отцу. Она отпросилась на работе, получила расчёт. Забрала Славку из садика и стала собирать вещи. Путь был очень далёкий, через всю страну. И мать старалась взять минимальное количество вещей. Сложив в большой чемодан свои и Славкины вещи, на дно уложила все документы и закрыла чемодан. Во второй чемодан мать собрала все игрушки сына. Чемодан оказался не таким тяжёлым.

Их провожали на вокзал соседи по квартире. Мать всегда была душой любой компании. Она прекрасно пела. В Комсомольске-на-Амуре был народный театр. И мать принимала активное участие в его деятельности. Все привыкли друг к другу, сроднились. И расставались тяжело. Было такое ощущение, что расставались навсегда.

И покатил Славка с матерью через всю страну. Ехали вначале до Свердловска, больше семи суток. За долгий путь все в вагоне перезнакомились. Через некоторое время все знали судьбу каждого. В Свердловске надо было делать пересадку на поезд, который следовал в юго-западном направлении. И вот тут произошло событие, которое круто изменило судьбу всей семьи. На огромном вокзале в центре зала мать составила вместе два чемодана и на них посадила сына, строго наказав ему не вставать, а сама побежала к кассам компостировать билеты.

Вокруг Славки начали крутиться три мужика блатного вида с глубоко натянутыми почти до глаз кепками. Славка тревожно заёрзал. Затем мужики разделились, и двое куда-то ушли. Один отошёл и остановился напротив Славки, внимательно осматривая всё вокруг. Затем он присел в метрах десяти от него, что-то достал из кармана и стал разглядывать. Подняв голову и обратившись к Славке, он поманил его рукой, сказав:

– Иди, посмотри, как интересно.

Славка не сразу, но отреагировал на приглашение. И, снедаемый любопытством, он сполз с чемоданов и подошёл к мужику. В руках у того был большой складной нож самодельной работы.

– Хорош, – проговорил парень. Затем резко встал и пошёл в противоположную сторону. Славка обернулся и застыл на месте.

Чемоданов не было. От неожиданности он заорал благим матом. Откуда-то из глубины зала, от касс, услышав рёв сына, бежала мать. Увидев, что чемоданов нет, она всё поняла. Схватив Славку за руку, она кинулась к милиционеру, который стоял у входа. Начались поиски, которые закончились безрезультатно.

Мать пошла к военному коменданту с рассказом о краже. Самое страшное в этом происшествии было не то, что пропали Славкины, в основном, самодельные игрушки, и не то, что исчезли вещи. А то, что пропали все документы: материн паспорт, партийный билет, Славкино свидетельство о рождении. Что уж там было и что говорили по этому поводу официальные люди, Славка не помнит. Он помнит, что они получили какую-то бумагу и с ней отправились дальше на Запад.

Жизнь в деревне

В Николаев они не поехали. Им пришлось добираться в деревню на Украине, где жила мать отца. Село называлось Мишурин Рог. Приехав в деревню и поселившись в хате у бабушки, они влились в сельскую жизнь. Матери надо было восстанавливать документы. И она занялась этим трудным, муторным делом. Начала рассылать письма в Симбирск, где она родилась, в Ленинград, где она училась и работала, в Комсомольск-на-Амуре. А пока письма ходили по инстанциям, она пошла работать в сельскую школу, преподавать химию.

В Ленинграде она окончила техникум и получила профессию химика. И уже в Комсомольске-на-Амуре она работала в химической лаборатории. Знания, полученные и во время учёбы, и подкреплённые практической работой, ейгодились. Она была знающим, хорошим преподавателем. В школе её ценили.

Славка рос, в основном, на улице, то гоня с сельскими пацанами, то шастая по садам и огородам, пробуя на зуб всё, что рождала благодатная земля. Тогда не ждали, когда поспеют фрукты или овощи. Рвали и ели зелёными, закаляя и тренируя свой желудок и

весь организм. Мать, приходя под вечер с работы, усаживала сына за стол, давала книжку и говорила, сколько надо прочитывать. Славка читал, а к столу подходила бабушка, садилась рядом и с умилением смотрела на внука. Она удивлялась, что такой маленький мальчишка, а так хорошо читает.

В хате у бабушки, где жили Славка с матерью, жила ещё и его двоюродная сестра Мария. Ей было лет шестнадцать. Бабушка звала её просто, по-деревенски – Манька. Манька была плотная, ладно скроенная девушка. Вся в соку и в расцвете женской красоты. По вечерам она убегала на гулянки. Вся сельская молодёжь собиралась возле клуба. Это было одноэтажное здание на две двери. Зал, заставленный простыми длинными лавками, небольшая сцена. Молодёжь собиралась в клуб танцевать под гармошку. Лавки дружно убирали под стенку, и освобождённое пространство использовали под танцы.

Затем, после окончания, разбрелись по селу, по своим хатам. Шли порой компаниями, оглашая окрестности пением. Манька была завсегдаем этих сельских гуляний. Однажды, когда Славка был уже на печи и почти провалился в сон, он услышал, как хлопнула входная дверь. Из сеней в хату зашла Манька. Бабушка Саня, заскрипев старой кроватью, заворчала: «Манька, де ты допоздна шлёндраешь? Завтра рано вставать». Манька, ничего не говоря, молча разделась и затем полезла на печь. Улёгшись рядом со Славкой и забравшись к Славке под одеяло, Манька прижалась к нему.

Она была возбуждена. Её выдавало учащённое дыхание и горячее лицо, которым она прижалась к Славке. Дрёма, которая уже навалилась на Славку своим ватным мешком, внезапно отлетела. Манька взяла Славкину руку, нежно погладила по кисти, выпрямила его пальцы и потянула к себе между ног. Славкина рука прикоснулась к пушистым волоскам. Необъяснимое волнение охватило Славку. Манька прижалась горячим ртом к уху Славки и прерывисто зашептала: «Шевели пальчиками там, внутри». В то же время она вжимала Славкину руку к себе во влагилице.

Пальцы Славки утонули во влажной, горячей, живой плоти. Манька прижала голову Славки к своей оголённой груди с такой

силой, что Славка чуть не задохнулся. Манька начала буквально надеваться на Славкины пальцы. Горячий шёпот бил Славке в ухо ураганной волной страсти: «Шевели, шевели быстрее». Вовлечённый Манькой в эту необычную для него, совершенно незнакомую игру, Славка учащённо нырял пальцами в горячую, пульсирующую щель у Маньки между ног.

В какой-то момент Манька конвульсивно задёргалась, из её рта вырвался стон наслаждения. В руку Славки ударила волна горячей жидкости. Ничего не понимая, Славка пытался выдернуть руку. Но Манька ещё крепче заталкивала Славкину руку к себе между ног. Снизу с кровати послышался сонный голос бабушки: «Манька, ты шо там робышь?»

Манька затихла, заглушив свои стоны, уткнувшись головой в подушку. Но тело её продолжало конвульсивно вздрагивать, и руку Славки она не отпускала. Лицом Славка упирался в Манькины большие груди. Голову Славки Манька прижимала второй рукой к себе со всей силы. Прошло несколько секунд, Манька отпустила голову Славки, и он с облегчением вдохнул воздух родной хаты, перед этим задыхаясь в девичьей груди не только потому, что ему не хватало воздуха, а ещё и от новых, неведомых для него чувств, накрывших его горячей волной.

Манька отпустила мокрую руку Славки. Он начал вытирать её об одеяло. Манька ласково погладила Славку по голове и, уже почти успокоившись, прошептала ему на ухо: «Спи давай». Славка отвернулся от Маньки на правый бок и ещё долго лежал с закрытыми глазами без сна, переваривая то, что с ним и Манькой произошло. Своими пацанячьими мозгами Славка не мог вникнуть в суть произошедшего, но чувствовал, что он вплотную приблизился к великой тайне. К тайне отношений между мужчиной и женщиной.

Так, прокручивая события последнего часа в своих неопытных мозгах, он незаметно заснул. Проснулся от звуков, издаваемых бабушкой возле печи. Она уже растопила печь и засовывала в неё казанки с варевом. Выскочив на улицу из хаты, Славка увидел во дворе Маньку. Она кормила кур, рассыпая им просо и приговаривая: «Цып, цып, цып». Заметив Славку, Манька посмотрела на него лу-

кавым взглядом. Глаза её весело блестели, и весь её вид был какой-то удовлетворённый и радужный. Славке всё это было непонятно и ново. Манька, глядя на Славку и ничего не говоря, приложила палец к губам. Он понял. Это означало: «Молчок. И никому».

Это уже была их тайна, о которой никто не должен был знать. Однако больше Манька не рисковала так поступать со Славкой. Очевидно, в тот раз её провожал один из местных парней, и распалённая объятиями и поцелуями Манька пришла домой и, не в силах успокоиться, задействовала Славку.

Впоследствии, пытаясь осознать окружающий мир, Вячеслав новые для него явления пытался объяснить себе и найти в них закон и логику. Это в обязательном порядке касалось и женщин. Он узнал, что приступы сексуальной активности у девушек часто зависят от гормональных изменений в разные периоды цикла. Что их можно спровоцировать и извне. Чем? Своей нечеловеческой сексуальностью. Именно тогда на улице какой-то юноша раззадорил Марию до такой степени, что она не могла себя успокоить, пока не прибегла к помощи малолетнего Славки.

Шло время. Матери начали приходиться документы. Так она со временем восстановила все документы. Отец тоже выздоровел и из госпиталя был направлен на работу в город Днепродзержинск на Азотно-туковый завод в цех под № 8 в подразделение КИП (контрольно-измерительных приборов). Надо сказать, что отец Славки был очень сообразительным человеком. Образование у него было всего один класс, а всё остальное время – работа и приобретение опыта и знаний.

Древние свидетельства фамилии

Забегая вперёд, следует сказать, что цех № 8 был заводом в заводе. В него ходили рабочие с двойными пропусками. В нём изготавливали что-то секретное. Отец Славки отладил приборы настолько здорово, что производственный процесс никогда не давал сбоев. Его назначили начальником цеха, и работа шла всегда на вы-

соком уровне. Как-то по назначению на завод приехал дипломированный инженер. Отца Славки, как говорят, подвинули. Назначили начальником цеха КИП приехавшего инженера. Прошло совсем небольшое время, и в цеху начались срывы и неполадки. Отец работал бригадиром наладчиков, и фронт своей работы они выполняли всегда качественно.

Руководство завода, поняв, что промахнулось с назначением дипломированного специалиста, попросило отца Славки вернуться на прежнее место работы. Отец, в основном молчаливый, но с характером человек, отказался. Руководство завода стало наседать на мать Славки, чтобы она уговорила мужа вернуться и наладить работу в цеху. Отец Славки был беспартийный, и поэтому позволял себе вести разговор в таком разрезе. По работе к нему претензий никогда не было. Мать Славки была членом партии и относилась ко всему гораздо строже. Она уговорила отца пойти хотя бы наладить работу, а затем передать всё другому человеку. На том и порешили. Буквально через месяц цех вошёл в нормальный режим работы, и все агрегаты работали как часы.

У отца были золотые руки, а к ним – умнейшая голова. Он всё время что-то изобретал, совершенствовал, мастерил. Славка помнил, как отец, придя с работы, поужинав, отправлялся в подвал. Там у него была коморка, которую он превратил в мастерскую. Его рукам были послушны и металл, и дерево, и пластмассы. Он мастерил рамочки, столики, тумбочки, инструменты. У отца Славки был просто зуд на работу. Прошли долгие годы, и когда и Славка, уже Вячеслав Фёдорович, стал прадедом, он продолжал бережно хранить подарок отца, который тот ему сделал, когда Славке было четырнадцать лет. Это был складной нож, в котором рукоятка была сделана в форме лисы, катящей колобка. Когда пришло время и отец ушёл на пенсию, он устроился работать на птицефабрику. За Соцгородом, где они проживали, находился совхоз № 12, который снабжал город фруктами-овощами. Там же был большой птичник. С приходом отца на птичнике через полгода всё неузнаваемо изменилось. Он полностью механизировал и автоматизировал производство. Руководство не могло нарадоваться таким работником.

Гораздо позже, став взрослым, Славка удовлетворял своё желание знать историю, зачитывался книгами по истории. Ещё живя в деревне, а потом каждое лето приезжая туда, он удивлялся, что кругом живут одни родственники. И это натолкнуло его на мысль узнать происхождение их фамилии. По крупичкам он собирал сведения, и узнал вот что. Фамилия Ложко значилась в старорусских рукописях. Жители с этой фамилией относились к сословию аристократии из славянского и киевского духовенства в X – XIII вв., имевшему существенную власть и почести.

Древние свидетельства фамилии были в указателе переписи населения Руси во времена Ивана Грозного. У царя существовал реестр уважаемых, благозвучных фамилий, которые вручались придворным в случае особого расположения или поощрения. Фамилия пронесла своё индивидуальное обозначение и является уникальной. Люди с такой фамилией жили на Дону. Донское казачество, притесняемое боярами, перебралось в Малороссию на пороги. Так в Малороссии появились люди с фамилией Ложко.

Всё это было гораздо позже. А в то время отец Славки, получив назначение в город Днепродзержинск, приехал в село забирать семью. В один из дней в город уходила сельская полуторка, на которой они и поехали. Бабушка, мать отца, отдала им добротный стол, когда-то сделанный местным столяром, и в придачу пару стульев. Переезд в город очень обрадовал Славку. Он сидел с отцом в кузове и то и дело вертел головой во все стороны. Вокруг зеленели поля, сверкая изумрудной зеленью. Островками выделялись кудрявые светло-зелёные рощи в бескрайнем пространстве полей. Над всей этой красотой сверкало голубизной бесконечно-чистое безоблачное небо. Солнце грело ласково, мягко, и земля буквально купалась в его нежных потоках.

Славка вскакивал с матраса, пытаясь стоять в кузове, держась за борта. Отец усаживал его на место, переживая, чтобы он не перевалился через борт. Вдали показались большие дома приближающегося города. Они проехали по улицам в один из районов города. Назывался этот район Соцгородом.

Новые знакомства и жизненные уроки

После войны почти в каждом городе были свои Соцгородки. Грузовик заехал во двор одного из домов. Дом располагался на углу улицы и стоял большой буквой «Г». Отец Славки получил в этом доме комнату в коммунальной квартире на четвёртом этаже. С водителем полупортки отец разгрузил вещи, и они занесли их в комнату.

Мать Славки тут же разыскала ведро, тряпку и принялась за уборку. Она делала это быстро и сноровисто. Вообще, мать Славки была очень подвижной, активной и инициативной женщиной. В жизни она предпочитала не мямлить и рассуждать, а браться за дело и что-то делать. У неё в руках всё горело. Она всё вычистила и вымыла. Из мешка достала скатерть. Накрыла ею стол, расставила стулья и табуретки. В углу комнаты была небольшая печка. Достала продукты, привезённые из деревни. Мать отца нагрузила их в дорожку, зная, что на первое время им всё это очень понадобится.

Расставив на столе продукты, выставив бутылку водки в центр, мать пошла в коридор и пригласила обитателей коммунальной квартиры к столу для знакомства. Пришли две молодые семьи. Выпив по стопке, закусив, все начали беседы. Мать Славки была компанейским человеком. И с ней людям было легко. Разговорились. Все были приблизительно одного возраста. Было много общих тем, да и, как выяснилось, все работали на Азотно-туковом заводе.

Сразу после войны были голодные годы, и люди не очень-то ходили в гости друг к другу. Да особо никто и не приглашал. Но к этой молодой семье люди потянулись. Отец и мать Славки были людьми гостеприимными. Они без жадности делились скудными запасами, которые из деревни передавала то и дело мать отца Славки. Так как мать и отец Славки работали во вредном цеху, им дополнительно выдавались хлебные карточки. Дополнительные карточки, а значит и дополнительный хлеб.

Славку устроили в садик, который располагался недалеко от дома. Из садика, возвращаясь с работы, забирал его отец. Вернувшись домой, отец Славки шёл на общую кухню и ставил на плиту

большой чайник. Затем заносил и расставлял на столе мелкие тарелки и чашки. Славка крутился возле стола и начинал просить есть.

– Сейчас придёт мать с мальчишками, и все вместе сядем, – отвечал отец.

Вскоре появлялась мать, ведя с собой двоих, а то и троих фезеешников. ФЗО – это фабрично-заводское обучение. Это заведение при заводе готовило молодых специалистов. В это голодное время многие недоедали. Так что того, что давали в столовой ФЗО, молодым растущим организмам не хватало. Мать Славки взяла на себя добровольную обязанность помогать молодым парням по мере возможности.

Получив с мужем карточки на хлеб, она шла в магазин, получала хлеб и шла домой. А по пути подходила к зданию ФЗО и брала с собой двоих или троих пацанов и вела домой. Её уже все знали в ФЗО и с радостью встречали. Пацаны понимали, что она не могла забрать всех, и сами установили между собой очередь.

Когда приходили в дом, мать Славки отправляла их мыть руки, а потом все рассаживались за столом. Если в доме была картошка, привезённая из деревни, это был особый случай. В большую миску высыпав картошку из казанка, мать давала команду приступить к ужину. Отец приносил чайник, ставил на подставку, доставал баночку с леденцами, брал хлеб и резал его на равные порции. Съев по две-три картофелины, пацаны брали порции хлеба, запивали его кипятком, бросая в рот леденцы.

И такие ужины в семье Славки происходили довольно часто. Шло время. В доме появлялись уже не раз бывавшие здесь фезеешники. Они привыкли и прикипели к дому. Впоследствии, став взрослыми, они приходили навещать эту гостеприимную, заботливую семью. Старались что-нибудь сделать для них, помня добро.

Это были хорошие жизненные уроки для Славки. Именно тогда от матери и отца он перенял привычку относиться к людям лучше, чем к себе. В суровых жизненных передерягах эта привычка не один раз его выручала. К нему тянулись люди, несмотря на то, что он был суров и строг. Славка помнил один страшный случай из жизни в коммунальной квартире.

Вернувшись с работы, забрав Славку из садика, отец начал растапливать печку. Была зима. Славка сидел на кровати и читал книжку. В дверь постучали. Отец ответил. В комнату зашёл молодой парень. Отец повернулся к нему.

– Я пришёл попросить у вас топор. Хотим растопить печку, а разрубить нечем. В комнате очень холодно, – произнёс парень.

Не поднимаясь от печки, отец Славки произнёс:

– Возьми. Вон, возле двери. Только сразу принесёшь.

– Да-да, – поспешно произнёс парень. И, прихватив с собой топор, быстро ушёл. Жил он вместе с другими в этом же подъезде на первом этаже. Прошло немного времени. В дверь опять постучали. В комнату вошёл тот же парень.

– Я принёс топор, – произнёс он.

Отец Славки как раз возился у печки.

– Поставь у двери, где взял.

Парень поставил топор и молча быстро вышел. Отец поднялся, глянул на стол и с возмущением воскликнул:

– Ах, какой гад!

Славка поднял голову и удивлённо посмотрел на отца.

– Он хлеб украл, – возмущённо произнёс отец.

Отец схватил топор и быстро вышел из комнаты. Славка побежал за ним. В дверях квартиры они столкнулись с матерью.

– Ты куда, Фёдор? – глянув на сердитого мужа и увидев у него в руке топор, взволнованно произнесла мать.

– Сейчас приду, – резко ответил отец и пошёл вниз по лестнице.

Славка прошмыгнул за ним мимо матери. Они спустились на первый этаж. Отец дёрнул дверь. Она была открыта. Сделав несколько шагов по коридору, он открыл дверь комнаты, в которой жил парень, что брал топор. Он зашёл в комнату. Славка шмыгнул за ним.

Войдя в комнату, они увидели следующую картину: за столом сидели четыре парня и спешно дожёвывали хлеб. Они буквально заглатывали куски, запивая холодной водой. Увидев вошедшего в комнату разъярённого мужчину, они застыли. Взгляды их устремились к топору в жилистой руке отца Славки. Топор он держал, крепко сжимая топорнице. Отец еле сдерживал себя. Парень, что

приходил за топором и украл хлеб, сообразил, чем это ему грозит, и, торопясь, залепетал:

– Я не хотел. Честное слово, не хотел. Это как-то само получилось. Мы давно не ели. Вот и не выдержали.

– Сволочь. Ты оставил пацана без хлеба. Я же тебе столько помогал, – свирепо произнёс отец Славки и направился к столу. Двое парней, что сидели ближе к двери, вскочили и кинулись за стол, ближе к окну. Они поняли, что может произойти.

– Мы вернём. Точно вернём, – все вместе зачастили парни. Отец Славки, с трудом сдерживая себя, подошёл к столу и с размаху вогнал топор в стол, за которым только что ели ворованный хлеб. Парни отпрянули к стене. Отец выдернул топор, взял Славку за руку и они вышли из квартиры. Отец рассказал матери обо всём произошедшем.

– Молодец, Фёдор, что сдержался. Могли быть большие неприятности.

Во дворе дома было много сарайчиков и сараев. На крышах некоторых сараев стояли голубятни. Пацаны, не имея своих голубей, воровали их, очень рискуя. Они продавали их в другой район голубятникам. Заправлял этим промыслом Витька Карпов. Он был старше других пацанов. Был он изворотливым, пронырливым. Однажды у дяди Ивана, который постоянно гонял пацанов от голубятни, они решили украсть голубей. Гвоздём открыли замысловатый замок. Витька послал маленького Вовку лезть внутрь голубятни. Дверца была двойной. Нижнюю открыли, а верхнюю не смогли. Вовка пролез. И тут на улице появился Иван Саввич. Витька крикнул Вовке:

– Сиди тихо!

Все бросились врассыпную. Вслед понёсся отборный мат Ивана Саввича. Он приставил лестницу к голубятне и полез наверх. Увидев открытую дверцу, Иван Саввич разразился новой порцией отборного мата. Перепуганный Вовка не выдержал и закричал:

– Дядя, выпустите меня отсюда.

От неожиданности Иван Саввич отшатнулся и полетел вниз. Со всего размаху он бахнулся своим большим телом о землю. Он

заорал от боли. К нему подскочила соседка тётя Глаша, что-то достававшая в своём сарайчике. Она пыталась помочь Ивану Саввичу, но ничего не смогла сделать. Тётя Глаша побежала за мужиками из их подъезда. Сообща они подняли Ивана Саввича и отвели его домой. Вовка, перепуганный ещё больше, забился в угол голубятни и замолчал, объятый ужасом происходящего. Кто-то из мужиков закрыл на замок голубятню и убрал лестницу.

А в это время мать Вовки, забеспокоившись, кинулась на его поиски. Вечером Вовка домой не пришёл, и мать, покричав во дворе несколько раз, подумала, что тот ушёл с пацанами на ставок за раками. Такое уже не однажды случалось. Хоть мать и задавала Вовке после таких походов отменную трёпку, но по истечении некоторого времени всё повторялось вновь. Он продолжал периодически исчезать, не предупредив мать. На этот раз мать Вовки не на шутку испугалась и побежала во двор искать пацанов, с которыми сын вошёл. Она увидела Сергея и Кольку. Кинулась к ним:

– Где Вовка?

Сергей и Колька, зная о происшествии, только пожимали плечами. Вовка, понимая, что произошло что-то невероятное, молчал, как рыба об лёд, забившись в угол голубятни. Голуби ворковали, переходя с жёрдочки на жёрдочку. Только на второй день Иван Саввич пришёл в себя после помощи врачей. Он вспомнил, что, когда поднялся к голубятне, ему показалось, что внутри кто-то есть. Иван Саввич кликнул жену:

– Нина, иди сюда.

Когда жена подошла к лежащему на кровати Ивану Саввичу, он, волнуясь, произнёс:

– Сходи к Степану и позови его. Пусть идёт сюда.

Степан Игнатьевич был приятелем Ивана Саввича. Он жил на верхнем этаже. Нина, ещё не зная, что произошло, побежала звать Степана, и через некоторое время они вдвоём появились в комнате.

– Степан, возьми в моей куртке ключи и сходи в голубятню. Там кто-то сидел внутри. Возьми кого-нибудь с собой.

Степан достал ключи из кармана куртки Ивана Саввича и пошёл в голубятню. Он вышел во двор и проследовал к голубятне. Степан

Игнатъевич залез на крышу и, прежде чем открыть дверцу, внимательно всмотрелся в голубятню. Он увидел в углу забившегося и дрожащего всем телом Вовку.

– А, вот кого увидел Иван в голубятне, – произнёс удивлённо Степан Игнатъевич. Он отомкнул замок, открыл дверцу и строго произнёс:

– Ну-ка, иди сюда, голубятник.

Вовка боялся пошевелиться. Крутившиеся там же Серёга и Колька побежали звать Вовкину мать и пацанов. Сообщили, что Вовка нашёлся. Мать Вовки побежала к голубятне. Степан Игнатъевич вытащил Вовку. Он был весь в пуху и голубиных перьях, да ещё и в помёте. Степан Игнатъевич начал спускать Вовку по лестнице. Подбежала мать, не дождавшись, когда его снимут. Когда Вовка ступил на землю, мать схватила его за шиворот и тут же начала мутузить. Вовка, перепуганный происходящими событиями и попавший в новый оборот, орал благим матом.

– Да оставь ты его, Валька. Ему и так досталось уже, – миролюбиво произнёс Степан Игнатъевич. Мать потащила Вовку домой, причитая и ругаясь на ходу.

Голодное время, недоедание, все трудности были испытанием для людей. Отец Славки серьёзно заболел. У него обнаружили язву желудка. К тому же, у него была вредная привычка. Он много курил. Курил с раннего детства, и всё это отразилось на здоровье. Отца положили в больницу.

Так случилось, что большую группу работников отправили в Среднюю Азию в город Чирчик на восстановление химического комбината. В группу командировочных была включена и мать Славки. Директором завода на новый строящийся химкомбинат в Средней Азии был назначен директор Азотно-тукового завода. Всё решалось наверху, и особого согласия ни у кого не спрашивали. Но появилась большая проблема. У многих командировочных оставались дети, и куда их деть, никто не знал.

Решение было принято директором завода. Он отдал свой коттедж под временный детский дом. Всю детвору, девчонок и мальчишек, привели в этот детдом. Появились работницы: повара, няни,

воспитательницы. Многие дети знали друг друга. Жили в одном районе. Спали все вместе: и пацаны, и девчонки.

В это время дети выросли рано. Пребывание в детском доме Славка часто вспоминал, уже будучи взрослым. Особенно ему врезался в память эпизод, когда воспитательница укладывала их спать. Спальня была большая, и расположена она была на втором этаже. Все по команде раздевались и, уложив свою одежду на табуретки, ныряли в кровать. Шестилетние пацаны и девчонки затихали. Воспитательница, внимательно оглядев все кровати, строго произносила:

– Спать. И смотрите у меня.

Затем она выключала свет, закрывала двери и спускалась по крутой деревянной лестнице вниз, где в коридоре стояли кровать и стол. На столе – настольная лампа, какой-то журнал и будильник. Лестница была старая и скрипучая. Пройти по ней незаметно, вернее, неслышно, было невозможно. Вовка Кречетов, кровать которого стояла у самой двери, вставал с постели, подходил к двери и прикладывал ухо. Послушав, Вовка произносил: «Всё тихо». А потом давал команду: «Мужики, к жёнам».

Дело в том, что после войны у детворы была распространённой взрослая игра. Солдаты возвращались домой, и их с радостью встречали жёны, или просто женщины. Пацаны считали себя солдатами, вернувшимися с фронта, и шли к своим жёнам. Жёны должны были с радостью встречать своих мужей и пускать в постель для любви. Когда Вовка давал команду: «К жёнам», пацаны выскакивали из своих постелей и ныряли в постели к девчонкам.

У Славки такой женой была шестилетняя Светка Огледкова. Нырнув под одеяло к Светке, он стал снимать с неё трусики. Странно, но по прошествии стольких лет Вячеслав помнил это ощущение, которое овладевало им тогда, в далёкие годы детства. Он был возбуждён, и маленький пенис торчал, как острый сучок на большой ветке. Он забрался на Светку и тыкал её своим сучком между ног, в то же время стараясь, чтобы не упало одеяло. То же проделывали и остальные пацаны и девчонки.

Внизу раздавался скрип ступеней, и пацаны вылетали из постелей «своих жён» и быстро ныряли в свои кровати. Звук скрипучих

шагов приближался. Дверь открывалась. Свет из коридора падал в комнату. Все затихали и не шевелились. Воспитательница, постояв на пороге, закрывала дверь и шла вниз, скрипя ступенями.

Этот детдом просуществовал год. Когда родители вернулись из командировки из Средней Азии, временный детдом расформировали.

Недалеко от дома, где Славка жил, был детсад. Вот туда его и устроили. Однако, уходя из дома, Славка часто проходил мимо садика и отправлялся гулять. Особенно он любил гулять по базару. Славка с интересом бродил между телегами, нагруженными арбузами и дынями, привезёнными крестьянами из близлежащих деревень. Он ходил вдоль прилавков, разглядывая обилие вкусной пищи. Здесь были молоко, сметана, творог, яйца, домашние колбасы, сало, сальтисон и прочие вкусные лакомства. В тот голодный год это обилие еды на базаре казалось фантастическим и невероятным.

Глотая слюну, Славка долго бродил по базару. Почувствовав, что он хочет есть до одури, что у него уже сводит живот от голода, он бежал в садик. Получив порцию нагоняя от воспитательницы, он шёл в группу. Приближался обед. И какой была вкусной обыкновенная каша! Детвора уплетала всё с быстротой молнии. Работницы шутили: «После них и тарелки мыть не надо».

Трудное, полуголодное детство. Самоотверженное поведение большинства взрослых, личным примером показывающих, как нужно переносить трудности, – всё это были наглядные уроки жизни, которые без труда входили в плоть и кровь нового, растущего поколения. Именно на плечах этого поколения поднималась страна из руин. Страна строилась и мужала, давая миру пример стойкости, бескорыстной любви к Родине.

Жизнь послевоенная

Вся страна гордилась даже самыми небольшими успехами. В этом грандиозном подъёме принимали участие все, от мала до велика. Жизнь послевоенная шла своим чередом. Работа самоотверженная и добросовестно выполняемая приносила положительные пло-

ды. Изменения к лучшему происходили не только в стране в целом, но были радости и у простых тружеников.

Однажды отец пришёл с работы в приподнятом настроении. Этот вечный труженик, озабоченный в трудное время добычей куска хлеба для своей семьи, редко улыбался и шутил. Он много работал. А сейчас вот пришёл и улыбается, подшучивает над Славкой. Вскоре пришла мать, и Славка узнал причину радости отца.

На работе и отец, и мать Славки были на хорошем счету. Их ценили и как специалистов, и как ответственных людей. Руководство завода решило улучшить жилищные условия молодой семьи. Тем более, что представилась такая возможность. Им выделили освободившиеся две комнаты в трёхкомнатной квартире в другом доме, здесь же, на Соцгороде. Отец получил ордер на жильё и ключи от комнат.

Начались сборы. Мать собирала нехитрые пожитки, связывая их в кульки в два фанерных чемодана. Посуду уложили в оцинкованную жестяную ванночку. И вот началось переселение. С работы к отцу пришли помогать его коллеги. Вынесли круглый стол, шкаф, тумбочку-буфет и два стула. Мебель дополняли три табуретки и две железные кровати. Вот и весь скарб семьи. Славку в кузов грузовика посадил отец. Он взгромоздился на кучу одеял, матрасов, покрывал и белья. Отец ехал в кабине, показывал дорогу. Поездка была недолгой, ибо новое жильё было через улицу, совсем рядом.

Разгрузившись, все стали заносить мебель и пожитки в новое жильё. Пока отец с коллегами устанавливали шкаф и расставляли другую мебель в квартире, мать, в свойственной ей быстрой манере, уже соображала на кухне ужин. Закончив расстановку мебели, мужики пошли в ванную мыть руки. Мать быстро ставила нехитрую снедь, тарелки, рюмки.

В центр стола поставили бутылку водки. Все расселись вокруг стола. Отец наполнил рюмки водкой. Все цокнулись, пожелав новой жизни на новом месте. За разговорами осушили бутылку. Коллеги отца, довольные приёмом, повеселели ещё больше. Пошли разговоры о работе, о жизни. Славка внимательно слушал взрослых. В тот вечер спать легли поздно. Все были возбуждены приятными событиями.

С утра начинался обычный трудовой день. По заводскому гудку мать и отец отправились на работу. Тогда так было заведено. Это дисциплинировало людей. По гудку выходили на работу. Каждый рассчитывал, сколько ему идти. За 15 минут до начала смены звучал ещё один гудок. И в 8 часов раздавался заводской гудок, по которому все приступали к работе. Славка, направляясь в садик, опять прошёл мимо. Он пошёл в поле, где в отдалении стояло разрушенное во время войны здание. В нём собирались такие же, как он, пацаны, которые не пошли в садик и в школу.

Недалеко от развалин, на краю поля, стояла одинокая братская могила. Как рассказывали знающие старшие пацаны, в этой могиле были похоронены лётчики, которых расстреляли гестаповцы. Гестапо располагалось в этом разрушенном здании. Пацаны лезли в подвалы, желая найти подтверждения тому, что слышали из рассказов старших. Однако найти ничего не удавалось. К тому же, вскоре здание было огорожено колючей проволокой. Его тщательно обследовали сапёры, а потом туда привезли пленных немцев, которые начали восстанавливать здание.

В те годы в их городе, да и не только, находились лагеря для военнопленных. Немцы работали прямо во дворе, где жил Славка. В центре большого двора стояло здание, которое требовало восстановления. Оно было обнесено колючей проволокой. Каждое утро к воротам ограждённой территории подъезжала большая грузовая машина с пленными немцами. Ворота открывались, и машина заезжала внутрь ограждённой территории. Немцы выгружались и ходились по зданию на работу.

В 12 часов ворота вновь открывались, и внутрь заезжала армейская кухня. Немцы неспешно подходили к котлу, получали свою порцию первого, потом подходили за кашей. Славка крутился вместе с другими пацанами возле ограды. От армейской кухни доносились головокружительные запахи, и пацаны глотали слюну. Немцев в то голодное время кормили намного лучше, чем кормился народ страны освободителей.

Солдаты снисходительно относились к крутящимся за забором мальчишкам и не отгоняли их. Особенно благосклонно относился

к мальчишкам молодой конвоир по имени Мишка. Он позволял пацанам брать у немцев деньги и бегать в магазин за хлебом. Мальчишки покупали хлеб и приносили немцам. Надо сказать, что никто ни разу не убежал с деньгами или не принёс покупку. Немцы в благодарность давали пацанам самодельные ножички, зажигалки, чем доставляли огромную радость мальчишкам.

Прошло время. Основные восстановительные работы были закончены. Немцев перевели на другие объекты. А в здании, внутри и снаружи, начали работать женские бригады. Они штукатурили, мазали, красили, белили. Женские бригады были составлены в основном из молодых девчат, приехавших из окрестных деревень.

По команде старших пронырливых пацанов бегали к зданию и лазили под лесами, заглядывая девчатам под платья и юбки, с удивлением смотрели на их тугие бёдра и ягодички в разноцветных трусах. Затем по команде Тольки Бумаги должны были рассказывать, кто что видел.

В то время все дети буквально катастрофически выросли. В памяти запечатлелся такой эпизод. За домом Славка с Толькой Бумагой, это была его кличка, построили шалаши, куда всё время и бегали. Однажды Толька позвал в шалаши свою сестру Вальку и её подружку Томку. Все забрались в шалаши, и Толька авторитетно начал разговор:

– Окончилась война. Мужики возвращаются с войны к жёнам. Жёны соскучились и должны давать фронтовикам.

Все внимательно слушали.

– Валька, ты – жена Славки, – безапелляционно заявил Толька. – А ты, – обратился он к Томке, – моя жена. Ложись.

Томка улеглась на солому, а Толька снял с себя штаны, влез на Томку и начал своим «пистоном» тыкать ей между ног. Славка с Валькой лежали рядом и смотрели в их сторону. Внезапно Томка закричала и начала выворачиваться из-под Тольки.

– Он написал на меня, – кричала Томка. Валька, а следом и Славка вскочили из шалаша, побежали во двор. Валька, увидев Томкину мать, закричала:

– Тётя Надя, а наш Толька написал вашей Томке в письку.

Мать Томки оторопела. Потом, всё сообразив, она побежала за дом. Она знала, где находятся шалаши. Счастье Тольки, что он выбрался из шалаша раньше, чем прибежала Томкина мать. Увидев бегущую в его сторону Томкину мать, Толька рванул с места, как молодой архар, только его и видели. Тётя Надя забрала плачущую Томку и повела домой. Толька ещё долго прятался от Томкиной матери.

Славка был не по возрасту выше других, крепеньким. И старшие пацаны брали его на всевозможные мероприятия. Они зачастую отправлялись собирать металл, а затем сдавали его в пункт приёма металла и макулатуры. Особо ценился цветной металл. Мальчишки собирались кучей и шли на железнодорожную станцию. Там они находили тормозные колодки или сбивали их со стоящих вагонов. А затем отбивали прокладки, что было совсем не лёгким занятием. Сбитые прокладки из цветного металла победита сдавали в приёмные пункты.

Победит – это металл тёмного цвета, но блестящий. Это очень тяжёлый металл. Им можно царапать любую металлическую поверхность, и даже стекло. Победитом пацаны точили ножи. Отбить победит от колодки было очень трудно. Что только ни делали мальчишки с колодками: и на рельсах долбили, и таскали к наковальне. Били кувалдами, пытались разъединить с чугунной колодкой калёными зубилами. Но сплав, а это был сплав цветных металлов, поддавался плохо. Пацаны разводили костёр, бросали в него колодку, а потом пытались раскалёнными отбивать победит. Сколько обожжённых рук и ног! Получив деньги, мальчишки мчались или на рынок, или в магазин.

Как правило, все выходили на улицу утром, как только родители отправлялись на работу, и целыми днями шатались ватагой то в совхозных садах, то в парках, то в заброшенных зданиях. Никто никого не контролировал. У родителей не было такой возможности. Жизненный опыт пацаны приобретали на улицах: в играх, драках, во всевозможных походах по окрестностям города. Много узнавали от старших ребят, которые рассказывали младшим обо всём. А младшие, раскрыв рты, слушали их и всему верили.

Однажды, собравшись за сараем, пацаны обсуждали свои дела. На одной из таких сходов Толька Бумага сообщил, что есть одно место, где можно посмотреть на голых женщин. Все пацаны, даже маленький Колька, заинтересовались этим предложением. Тольку Бумагу поддержал Витька Шишмарь из среднего подъезда. По возрасту они были одинаковыми с Толькой.

– Толька идти надо под вечер, – таинственно заявил Витька.

Это обстоятельство вносило определённые трудности. Обычно в вечернее время то из одного, то из другого окна раздавались родительские, в основном материнские, крики:

– Серёжка, домой быстро!

– Колька, сколько я тебе раз буду говорить? Сейчас ты у меня получишь!

Вот такие возгласы, как только темнело во дворе, оглашали окрестные дворы. Представив себе, что будет, если на возгласы матерей в определённое время не откликнуться, пацаны поникли и загнурили. Витька успокаивал мальчишек:

– Мы не долго. Только туда. Глянем, и домой.

Его поддержал Бумага.

– Такое увидите, – с таинственным придыханием сообщил Толька.

Соблазн был настолько велик, что пацаны не устояли. Тем более, что Витька и Толька поднялись и направились к выбранному объекту. Все отправились следом за ними. Идти оказалось совсем не долго. На краю улицы Медицинской одиноко, в отдалении от остальных зданий, располагалась баня жилого района. Сразу за баней начинались огороды горожан. Огороды тянулись вниз к большой балке. Ведомая Витькой и Толькой, ватага подошла к бане с тыльной стороны.

– Надо немного подождать. Пусть начнёт темнеть, – сказал Витька.

Пацаны с нетерпением переминались с ноги на ногу и поглядывали на сереющее небо. Сумрак начал накрывать город.

– Да ладно, пошли, – произнёс Толька.

Они подошли к боковой стене бани. Над подвальными окнами были сделаны железные навесы. Вот на них и надо было забрать-

ся. Все полезли на средний навес, куда указал Витька. Навес начинался прямо от окон бани. Витька первый прильнул к оконному стеклу, наполовину покрашенному белой краской. В окне в краске были протёрты «глазки». Глядя на Витьку, пацаны проделали то же самое. Славка прильнул к окну. Перед ним открылась картина, которую в тот момент было трудно описать.

Большое помещение общей бани было заполнено голыми женщинами. Женщины в основном стояли, нагнувшись над своими тазиками с водой. Некоторые сидели на банных лавках, сделанных из мраморной крошки. Женщины мылись. Тёрли себя мочалками, смывали мыло водой из тазиков. У крайней лавки, ближе к окну, спиной стояла, нагнувшись, дородная, с большими ягодицами и крутыми бёдрами, женщина. Справа от неё во весь рост, лицом к окну, слегка наклонив голову вправо, держа распущенные волосы в руках, стояла крупная молодуха. Её белая грудь с яркими коричневыми сосками слегка покачивалась от движения. Ниже живота выделялся тёмный треугольник волос. Женщина была красива и восхитительна.

Только через много лет Славка, увидев картину Кустодиева «В бане», понял, что он уже это когда-то видел. И это запечатлелось у него в мозгу навсегда. Впоследствии он часто вспоминал увиденное. И, как тогда в детстве, его всегда волновали эти воспоминания и стоящая перед глазами картина. Но это было потом. А в тот момент Славка почувствовал, как ему стало жарко. Он оторвался от стекла, чтобы поделиться с пацанами увиденным.

Славка уже открыл рот, чтобы произнести слова удивления, но так и остался с открытым ртом. Пацаны прижались к окнам лицами настолько сильно, что казалось, будто их вдавили в окно. Как только выдерживали стёкла такое давление? Вдруг внизу, под навесом, где находилась котельная, хлопнула дверь. Это было так неожиданно, что хлопок двери прозвучал для пацанов как артиллерийский выстрел. Они посыпались с навеса, как сухой горох.

– Ах, вы, стервцы, – раздался громкий голос кочегара. – Вот я вам сейчас задам. Всыплю как следует!

Но пацаны уже не слышали кочегара. Они неслись молодым жеребьячим табуном через огороды в направлении балки. И только

пролетев через небольшое поле и поняв, что за ними нет никакой погони, они остановились. Отдышавшись, пошли домой в обход района, где располагалась баня. Дома, конечно, был переполох, и всем без исключения досталась солидная родительская трёпка. Через несколько дней, когда родители поуспокоились, пацанов начали выпускать на улицу. Они, забившись за сараи, наконец, смогли обменяться переполнявшими их впечатлениями.

Рассказы каждого были сбивчивыми. Невразумительными, но полными восхищений:

– А ты видел?!

Сбивчивыми рассказы были потому, что ещё не было у этих маленьких растущих мужичков запаса нужных слов, чтобы описать те, ещё не понятые ими чувства, которые охватили каждого при виде столь удивительного, прекрасного и волнующего зрелища. Сама природа приоткрыла им тайну сквозь запотевшие окна бани. Прошло несколько дней, и Витька с Толькой вновь предложили пацанам наведаться к бане. Вспоминая взбучку, которую им задали родители, мальчишки засомневались и отнекивались. Нужно ли идти? Витька и Толька Бумага стали давить на психику младших.

– Что, слабо? Маменькины сынки. Ну, получили немного. Ничего же не случилось? – уговаривал, подзадоривал пацанов Витька.

– Пошли, – твёрдо произнёс Славка.

Ему не давала покоя увиденная им картина. Она заставляла мучиться его какими-то таинственными страданиями. Вслед за Славкой и Витькой двинулись и все остальные. Подойдя к бане и боязливо озираясь, они полезли на навесы. Разойдясь по окнам, все обнаружили обстоятельство, которое их сильно обескуражило. Окна тщательно были выкрашены белой краской.

Витька поднял с навеса какой-то камешек и начал им драть краску на стекле, проделывая себе «глазок» для наблюдения. Его примеру последовали остальные. Пока они отдирали краску, шло время. На улице совсем стемнело. Прильнув к крошечным расчищенным «глазкам», через которые почти ничего не было видно, пацаны потолкались и начали спрыгивать с навеса.

Походы в баню на этом не прекратились. Они продолжались, но были уже более подготовленными. У многих появились ножички, сделанные из ножовочного полотна. Пацанов тянуло увиденное. Что-то пробуждалось в их детских головах. Начиналось приобретение опыта. Что-то было услышано от старших пацанов, которые чувствовали себя опытными под восхищёнными взглядами младших. У каждого появлялись мысли, которым они, в силу своего малого возраста, не могли дать нужное направление. Однако это был путь к открытию манящей тайны, которую со временем каждый, конечно, разгадает. Эти походы в памяти Славки остались как детские, смешные воспоминания.

Но он понимал, что увиденное в общественной бане пробудило в маленьких человечках что-то необычайно большое, привлекательное и вечно волнующее, которое, по прошествии времени, сформировалось в огромное желание обладать, желать, жаждать и, в конце концов, измучившись, получить.

И ещё вспоминался Славке эпизод из жизни, связанный с общественной баней. Толька Бумага по секрету рассказал Славке, что из мужского отделения бани идёт вторая дверь в коридор. Дальше по коридору находится ещё одна дверь. Она ведёт в другое помывочное отделение, только на женскую половину. Однажды они с отцом пошли в баню. Дождавшись, когда отец пойдёт в парилку, а он был большой любитель париться, Славка нырнул к двери в углу помывочной. Дверь легко открылась. Он прошёл по коридору и оказался возле другой двери. Славка потихоньку потянул её на себя. Она не поддавалась. Или была закрыта, или набухла. Затею свою Славка не оставил.

Он дёрнул дверь что есть силы. Дверь открылась. Славка остолбенел, увидев прямо перед собой множество голых женских тел. Прямо перед дверью к нему спиной стояла крупная голая женщина. Она наклонилась над тазиком и мыла голову. Большой круглый зад и крутые бёдра лоснились от воды. Нагибаясь, женщина шевелила ягодицами. Славка не мог оторвать взгляд от её тела. Загремел кем-то обронённый тазик. Славка резко закрыл дверь. Он быстро юркнул в мужское отделение и подбежал к своему тазу.

От увиденного Славку охватило волнение. Он долго не мог прийти в себя. То поливал на себя водой, то тёр мочалкой. Из парной вышел отец. Они ополоснулись под душем и пошли в раздевалку. Картина увиденного в бане запечатлелась чётко в сознании Славки, пожалуй, навсегда. Таким сильным было впечатление от увиденного.

Жизнь шла своим чередом. Страна после страшной войны поднималась из развалин. Восстанавливались заводы, строились новые дома. Всё постепенно преображалось. Славку отправили в школу. После уроков все мальчишки были представлены сами себе. Родители – на работе. Гуляй, пока придут. Славка с пацанами обследовали чердаки дома, подвалы. Всё им надо было знать. За домом выходил люк наружный, а внутри шли трубы отопления. Трубы шли от одного дома к другому, и в подвалах находилась разводка.

Бумага бросил клич обследовать тоннели, в которых располагались трубы отопления. И вот однажды Славка и Толька полезли по этому тоннелю. Тоннель был довольно узкий, и лезть приходилось с трудом. Они хотели вернуться назад, но развернуться не могли и задом лезть тоже. Решили лезть вперёд. И только при повороте труб на другую половину дома они нашли углубление, в котором они могли развернуться. Толька осветил всё фонариком. Они рассмотрели обстановку.

Одна труба шла по тоннелю дальше, а вторая была повернута вправо и направлена через подвалы жильцов. За трубой, которая входила в стену и в помещение, были вытащены несколько кирпичей. Образовалось небольшое отверстие, через которое можно было пролезть. Они с Толькой опустились в углубление, благо, уместились оба. Толька, подсвечивая фонариком, вытащил из стенки ещё несколько кирпичей. Отверстие расширилось.

– Лезь, – кивнув на дырку, промолвил он.

И Славка полез, подсвечивая себе фонариком. Пролезши наполовину, Славка осветил помещение. Под ним стояли ящики с картошкой. Он опёрся о ящики и полностью влез в помещение. Посветив вокруг фонариком, Славка осмотрелся.

– Ну, что там? – окликнул его Толька. Славка начал перечислять увиденное, вода фонариком по открывшемуся богатству.

– Тут стоят ящики с бутылками, яйца в коробке, банки с помидорами и огурцами... А в бутылках, по-моему, вино, – сказал он, увидев на бутылках этикетки.

– Доставай вино, – скомандовал Толька. Славка достал две бутылки и передал их в дырку. За вином последовали яйца, потом консервация.

– Закрой так, чтобы не было видно, и вылезай, – торопил Толька.

Хотя кто мог их видеть и застать в это дневное время? Все были на работе. Пацаны знали об этом точно. Славка вылез из дырки, а Толька помог ему слезть на трубы. Они вставили в отверстие несколько кирпичей, уменьшив проём. Хоть немного закрыли дырку, чтобы не так бросалось в глаза. Закончив закрывать, они присели в углубление.

– Ну, давай съедим по яйцу, – предложил Толька.

Разбив по яйцу, выпили. Потом ещё по одному, а потом ещё.

– Хорош. Надо пацанам оставить, – промолвил Толька.

Отправились обратно по трубе. Возвращение Славке показалось слишком долгим. Когда он показался из тоннеля, его встретил беспокойным возгласом Вовка Шишмарь:

– Ну, чего так долго?

– Мы уже думали, что вы застряли.

– Хотели идти звать кого-нибудь из взрослых.

– Дураки, – буркнул Толька и достал прихваченную бутылку вина.

– Ох, ты, – удивились пацаны.

– А закуска там, в подвале, – изрёк Толька. – Кто ползет? – задал он сакраментальный вопрос.

– Давай, я, – вызвался Шишмарь.

– Надо вдвоём, – произнёс Толька.

Он рассказал Шишмарю, как лезть, где разворачиваться, как вытащить кирпичи. Шишмарь взял у Славки фонарь и, повернувшись к Борьке, приказным тоном произнёс:

– Полезли.

Они забрались в люк, затем полезли в тоннель. Толька повернулся к Эдику, одному из их компании:

– Тащи хлеб.

Эдик, который жил в первом подъезде, помчался домой. Через некоторое время он вернулся, неся в руках два больших куска хлеба. Толька раскупорил бутылку, осторожно понюхал, а затем сделал глоток прямо из горла.

– Давайте, – протянул бутылку пацанам, пригласив и их отведать содержимое. Пацанва начала осторожно пробовать вино. Славка категорически отказался. Пацаны ломали по кусочкам хлеб и не спеша жевали. Бутылка несколько раз прошла по кругу. Содержимое закончилось. Вскоре из люка вылезли Шишмарь и Борька. Судя по тому, что они тащили, поход в подвал прошёл благополучно.

Вылазки, вернее, проказки в подвал продолжались ещё несколько раз. Но однажды, преодолев по трубам уже знакомое состояние, Славка и Толька наткнулись на полностью замурованную дырку, через которую они проникали в подвал. Очевидно, хозяин подвала, обнаружив пропажу и обследовав путь, по которому в подвал попадали тайные похитители, решил полностью заложить дырку. Что успешно и сделал. Путь к дефициту у пацанов был отрезан в этом месте навсегда.

Семейные тайны

В школе Славка сошёлся с Юркой Дробницей и Витькой Зайцевым. Вместе они не только прогуливали уроки и ходили по базару, но и не ходили домой, когда им доставалось от родителей за их проказы. Мать старалась держать Славку в строгости, в ежовых рукавицах, чтобы его буйный нрав не завёл его в неприятности. Вообще, мать была энергичной, подвижной и волевой женщиной.

Как-то, уже когда он был постарше, к ним из Ульяновска приехала бабушка, мать мамы Славки. Она была уже в возрасте, но обладала сильным характером. Она и рассказала внуку о семье Ше-

стопёровых. Девичья фамилия мамы Славки была Шестопёрова. И надо сказать, зная историю возникновения своей фамилии, она гордилась ею. Поэтому, выйдя замуж за Фёдора Фёдоровича, она осталась на своей фамилии.

Бабушка рассказала, что у них была большая дружная семья. У неё с дедом было одиннадцать детей. Мать была где-то девятая или десятая по счёту. Так что у Славки было много родных тёток и дядьёв. В процессе жизни ему удалось с некоторыми увидеться и пообщаться.

Он узнал, что фамилия Шестопёров произошла от названия древнего русского оружия ратников. Шестопёр – это род булавы. В процессе ратники булаву усовершенствовали. Они добавили шесть металлических перьев в форме перьев стрелы. Шестопёр появился в середине XIV века. Обладатели этого оружия и хорошо им владевшие имели прозвище – шестопёр. Это, как правило, были сильные, смелые русские ратники. Есть предположение, что от этого прозвища и пошла фамилия Шестопёров.

Впервые нашли запись этой фамилии в Валдайском уезде Новгородской губернии. Вообще, шестопёр служил символом власти военачальника. Прозвище Шестопёр относилось к числу профессиональных именованных и указывало на род занятий. В старинных книгах регистрации был записан Шестопёр Михаил Иванович. Со временем Шестопёр получил фамилию Шестопёров.

Тогда в доме семьи Славки встретились две бабушки: мать мамы и мать отца, которая приехала из деревни повидаться со всеми. Обеих бабушек звали Саня. Они быстро нашли общий язык и подружились. Родители тоже были очень довольны. Особенно мать. Она знала строгий, неприступный характер своей матери и боялась, что они не поладят.

Но бабушка Саня, мать отца, была очень добрым, покладистым человеком, и они подолгу проводили время в беседах, рассказывая о своих семьях. В семье отца у бабушки также было пятеро детей. Три брата и две сестры. Бабушка из Ульяновска гостила почти месяц. Это была первая и единственная встреча Славки с бабушкой. Съездить в Ульяновск ему так и не довелось.

Бабушка Саня из Ульяновска прожила достаточно долго. Учитывая сложности того времени, становление страны, войну, восстановление после разрухи, поднятие одиннадцати детей на ноги, то возраст 97 лет можно считать хорошим. Бабушка умерла на 97 году жизни.

Когда все гости разъехались, всё пошло своим чередом у Славки. Школа, пропуски уроков, беготня по паркам и стройкам. В то время на Соцгороде прокладывали трамвайные пути. Рабочие на рельсах оставляли вагонетку, на которой развозили шпалы. Под вечер толпа пацанов толкала вагонетку вверх до высшей точки наклада, недалеко от Заводского переезда. Потом все взбирались на вагонетку. Несколько человек толкали её вниз, на ходу заскакивая на вагонетку.

Вагонетка мчалась вниз, набирая бешеную скорость. Трамвайная линия пересекала улицу Уральскую, где часто ходили люди. Перед улицей все хором начинали орать, чтобы как-то предупредить людей. Трудно себе представить, что бы произошло, если бы вагонетка на кого-то наскочила. До улицы Уральской расстояние было метров 700. После пересечения трамвайный путь начинал подниматься.

Но вагонетка, набрав скорость, легко преодолевала небольшой подъём и мчалась дальше в конец пути. Путь был ещё не завершён. Была произведена только отсыпка из камня, а по бокам трамвайных путей насыпаны кучи песка. Перед самым концом на ходу пацаны начинали соскакивать с вагонетки, стараясь попасть на кучки песка. Вагонетка вылетала с трамвайного пути, мчалась по каменной насыпи, переворачиваясь в воздухе.

С прокладкой трамвайного пути у Славки было сопряжено ещё одно воспоминание. Рабочие днём занимались газосварочными работами. Когда они заканчивали работу, то увозили с собой кислородный баллон, разряжали аппарат, который давал газ, высыпали использованный карбид. При взаимодействии с водой из карбида выделялся газ, который по шлангам шёл к горелке газосварщика. Не до конца использованный карбид подбирали пацаны и делали своеобразные бомбы.

Кусочек карбида накрывался консервной банкой с дырочкой. В дырочку лили воду, и, как только начиналось шипение, в дырочку бросали зажжённую спичку. Газ вспыхивал, следовал выстрел. Банка летела вверх. Но до того, как бросить спичку, все падали в канаву, и возле банки оставался тот, кто бросал спичку. Бросив зажжённую спичку в дырочку, он валялся в канаву. Раздавался взрыв.

Однажды Славка с Юркой и Витькой соорудили такую бомбу. Славка бросил одну спичку. Ничего. Вторую – никакого результата. Он плеснул воды, услышал шипение и бросил горящую спичку. Взрыва не было. Славка полез к банке и только протянул руку, чтобы посмотреть, что происходит, как вдруг раздался взрыв, и банка ребром бахнула Славку прямо в лоб, попав в переносицу. Он свалился в канаву.

Из разбитой переносицы потекла кровь. Перепуганные Витька и Юрка лили на Славкино лицо оставшуюся в стеклянной банке воду. То ли с перепуга, то ли от сильного удара Славка пролежал минут десять. Затем, почувствовав воду на лице, открыл глаза. Пациенты помогли ему подняться и довели домой. Дома с охами и вздохами мать обработала рану, забинтовала и уложила в постель.

Но в то время обстоятельства жизни не позволяли долго болеть. Через пару дней с забинтованной головой Славка вышел на улицу гулять. А уже через неделю с него сняли повязку. Шрам на переносице остался у него на всю жизнь как напоминание об огненном детстве.

Мать с младенчества приучала Славку к порядку. Она сама была большой аккуратисткой. У неё в квартире всегда всё блестело чистотой, всегда был отменный порядок. Вернувшись с работы, мать в первую очередь спрашивала не о сделанных уроках, а навёл ли он порядок в квартире. На Славке лежала обязанность подмести и мыть полы, вытирать пыль с вещей.

Но Славке не нравилось это делать, и он выполнял поручения матери спустя рукава. Работа была, в общем-то, не сложная. Она приучала к порядку и дисциплинировала. Однако сын, пусть и не всегда, но хитрил. Подметал и мыл полы порой он там, где было видно, не трогая полы под кроватью и под столом. Мать, приходя с

работы, в первую очередь проверяла, как он выполнил поручение. Она сразу же заглядывала под кровать, потом сдвигала край скатерти на столе и, увидев нетронутые места, строго произносила:

– Пока я схожу в магазин, ты немедленно всё убери.

Как только мать уходила из дома, Славка хватал ведро с водой, тряпку и бросался на уборку пола. Сын знал, что если он быстро не уберёт, его ожидает солидная трёпка. Вообще, его надо было держать в крепких руках. Он был очень подвижным и гордым на всевозможные выдумки пацаном. Родители работали, и Славка был предоставлен сам себе.

Однажды произошёл интересный случай. Мать поставила готовить из вишни наливку. Она в бутылку засыпала ягоды, пересыпала их сахаром. Прошло время. Наливка была готова. Готовую наливку мать перелила в стеклянную посуду, а ягоды оставила в бутылке. Из школы Славка пришёл со своими друзьями Юркой и Витькой. Они уселись за стол делать уроки. Так было и раньше. У них сообща получалось быстрее и интересней. Затем они уходили гулять до прихода родителей.

На этот раз всё было по-другому. Сделав уроки, они взгромоздили на стол бутылку с вишнями. Поставили тарелки, начали доставать ягоды, затем приступили к трапезе. Вкус был интересный, и они полезли в бутылку за следующей порцией. Ягода была хмельная и вскоре сделала своё дело. Она поставила мозги пацанов набекрень. Они начали беситься.

Носились вокруг стола друг за другом. Мазали друг друга чернилами, пуляли друг в друга косточками, которые разлетались по всей комнате. Кто-то из них глянул на часы.

– Ой, скоро придут с работы родители!

Они остановились, поглядели друг на друга и кинулись в ванную отмываться. Сколько они ни тёрли руки и лица, чернила не исчезали. Они побежали в комнату и бросились собирать косточки от вишни, подметать и протирать пол. Время мчалось стремительно. Вот-вот должны были прийти родители. Едва убрав, как им показалось, комнату, приятели Славки исчезли. Их как ветром сдуло. А Славка пытался ещё как-то навести порядок, но было уже поздно.

Когда родители зашли в комнату, сын забился в угол комнаты возле этажерки.

Мать внимательным взглядом обвела комнату и всё сразу поняла, остановив свой взгляд на бутылке с вишнями. Бутылка стояла не там, где она оставила. Потом мать внимательно посмотрела на сына, увидела чернильные пятна у него на лице, на руках, на рубашке. Она медленно закипала. Отец стоял рядом и молчал. Мать вышла из комнаты и через некоторое время вернулась, держа в руках верёвку, сложенную в несколько раз. Славка носился вокруг стола и орал:

– Ой, мама, больше не буду!

Мать через стол пыталась достать его, но ей это никак не удавалось. В какой-то момент она задержалась у окна, и сын стремглав выскочил в коридор и забежал в туалет, закрывшись на крючок. Его из заточения вызволил отец. Мать поуспокоилась и уже больше в тот раз не пыталась бить его верёвкой. После этого случая приятели Славки долго боялись приходить к нему домой.

Вообще, Славке часто доставалось от матери верёвкой. Он вспоминает такой случай. За очередную провинность мать принялась доставать Славку верёвкой, бегая за ним вокруг круглого стола. Он носился по кругу и орал:

– Ой, мама, больше не буду!

Отец сидел на табуретке, положив на колени свои натруженные руки. Он смотрел на всё происходящее каким-то грустным взглядом.

Вдруг мать резко остановилась возле отца, и со словами:

– Почему всё я, да я наказываю? На, ты хоть один раз дай ему, – протянула ему верёвку.

Опешив от такого поворота дела, Славка с размаху налетел на мать. Она схватила его и поставила перед отцом. Отец взял в руки верёвку и, не замахиываясь, хлопнул ею Славку, стоящего рядом. Это был не удар, а обозначение. Славка, вместо того, чтобы продолжать орать, рассмеялся. Это был его промах. Мать выхватила верёвку у отца и выдала ему по полной программе. Отец никогда сына не трогал. Чтобы не смотреть на заслуженное наказание, он махнул рукой и ушёл из комнаты.

Мать встретила с родителями Юрки и Витьки. Они договорились взяться серьёзно за воспитание детей и на время разъединить их. Хотя, как родители себе это представляли, непонятно. Приятели виделись в школе каждый день и во время перемен бегали на улице возле школы вместе. На какое-то время мальчишки притихли. Но надолго их не хватило. Потом началось всё сначала.

Однажды Славка что-то натворил в школе и родителей, через запись в дневнике, пригласили в школу. На вызов в школу последнее время стала ходить мать. Дело в том, что раньше ходил отец. Выслушав учителей, он старался дома не говорить о проделках сына. Узнав о том, что муж скрывает от неё подвиги сына, в школу она начала ходить сама.

Получив сообщение от классного руководителя, мать прямо с работы направилась в школу. Славка услышал, что мать пошла в школу и, конечно, узнает о его новых художествах. Он успел заскочить домой. Потеплее оделся. Было зимнее время. И ушёл из дому. Вначале мать и отец просто ждали его домой. Наступил поздний вечер, а Славки всё не было. Отец оделся и пошёл искать сына. Он обошёл все ближайшие дворы. Спросил у мальчишек со своего двора. Никто не знал, где Славка. Отец обследовал подвал дома, затем забрался на чердак.

На чердаке у местной пацанвы был штаб, и они часто в нём проводили время. Но сына не было и на чердаке. Ещё долго в квартире Славки не гасили свет. Родители не ложились спать почти до утра. В те времена на производстве было очень строго в отношении трудовой дисциплины. За опоздание следовало строжайшее наказание, вплоть до судебного разбирательства.

Славка со своими приятелями не ходили в школу, а прятались среди домов и сараев. Спали они в бункере. Металлические бункеры были предназначены для сгоревшего шлака. Шлак в бункеры сбрасывали из котельных, которые отапливали дома. В определённое время подъезжала специальная машина и в неё сгружали ещё горячий шлак. Бункер нагревался от горячего шлака и долго хранил тепло. Вот в этом бункере и ночевали три ночи приятели.

Их увидели мальчишки из соседних домов. Отец прямо после работы занялся поисками. Ему сказали, где видели его сына. Уже смеркалось. Отец, договорившись со старшими мальчишками, решил пройти по полю до конечной остановки трамвая. За трамвайной линией возле депо они увидели Славку и погнались за ним. Мальчишки его поймали и подвели к отцу. Отец взял сына крепко за руку и коротко произнёс:

– Пошли домой.

Славка упирался и твердил:

– Не хочю идти домой. Мать будет бить.

– Никто тебя не тронет. Мать вся извелась, – произнёс отец.

Они зашли в квартиру. Отец стянул с сына пальтишко, шапку и повёл в ванную отмывать. Лицо Славки было чёрным, как у кочегара. Они зашли в комнату. Мать встала со стула и хотела что-то сказать. Отец поднял руку, выставил её вперёд и произнёс:

– Накорми его.

Мать выставила на стол хлеб, поставила тарелку с борщом. Сын принялся за еду. Ел он торопливо, как будто опасался, что у него заберут тарелку. Потом мать подсунула картошку, жареную на сале. Картошка была просто объедение. Славка уплетал за обе щёки. Напротив него сидела мать. На удивление, она молчала и только вытирала слёзы платочком. Отец сидел за столом и пил чай. Когда сын поел, он сказал:

– Раздевайся и иди спать.

Когда Славка ушёл спать в другую комнату, отец рассказал жене о похождениях их сына и строго-настрого предупредил не трогать его и не наказывать.

Однако надолго Славки не хватило. Через некоторое время всегда что-то происходило. Занятия в спортивной секции не делали его тише и спокойнее. Энергия била из него фонтаном. Он ни секунды не мог сидеть спокойно. И затихал он только тогда, когда читал книги. Это была его страсть, приобретённая с раннего детства. Обычно его сажали за последнюю парту. И если ему попадалась интересная книга, он, открыв крышку парты и положив книгу на колени, погружался в события, описанные в книге.

Не все учителя давали ему читать. Некоторые его ругали за то, что он читает, подходили и забирали книжку. И вот здесь началось верчение, затрагивание других учеников, стрельба бумажными пульками из резинки в девочнок. Учёба Славке давалась легко. Если ему удавалось слушать учителя, то уже не надо было дома зубрить уроки. Он помнил учительницу истории. Она никогда не забирала у него книги. Молча подходила, смотрела название книги и отходила. Под конец урока она вызывала его к доске и говорила:

– Ну-ка, расскажи нам, о чём ты читал?

Славка любил читать исторические и приключенческие романы. Он кратко излагал перед классом о прочитанном. Учительница говорила ему:

– Молодец.

Ставила в журнал пятёрку и отправляла на место. С некоторыми учителями у него не было такого контакта, и он постоянно получал замечания, а то и был выдворяем из класса за поведение.

Новая школа и новые открытия

Произошёл такой случай. На Соцгороде школы были переполнены. Была построена новая школа, которую нужно было заполнить учениками. Учителям поручили подготовить списки учеников, которые будут переведены в новую школу. Учителя, действуя по принципу: «На тебе, Боже, что мне негоже», включили в списки худших, по их мнению, учеников.

Вот по такому принципу формировалась школа. И, надо сказать, классы подобрались: ах! В одном из таких классов и учился Славка. На уроках творилось невероятное! Их класс вошёл в передовые по нарушениям дисциплины. Педагоги пытались всячески справиться с буйным классом. Вели беседы с каждым учеником в отдельности, вызывали родителей. Но всё было тщетно.

Однажды мальчишки этого класса решили остаться после уроков и поговорить, как им наладить дисциплину. Класс их располагался на втором этаже. Обо всём переговорив, они договорились,

что будут сдерживать друг друга. Они уже собрались уходить, когда прозвучал призыв одного из заводил класса:

– Ну, ладно. Давайте напоследок устроим фейерверк! И выбросим глиняный горшок из-под цветов.

Это произнёс Юрка Кривошеев. Надо сказать, что это был интересный мальчик. С первого класса он ходил в клуб ДКХЗ в духовой кружок. К шестому классу он прилично играл на трубе. Но был шалопаем, как большинство мальчишек в то время.

Впоследствии, когда Славка, став уже Вячеславом, учился в Ленинградском институте физической культуры им. П.Ф. Лесгафта, он встретил Юрку, который поступил в Ленинградскую консерваторию. А по окончании её он работал в Мариинском театре в оркестре. Но это было гораздо позже. В тот момент в школе прозвучала команда:

– Открывай окна!

Были открыты все четыре окна.

– Бросать будем по команде, – произнёс Юрка.

Возле каждого окна встал пацан с горшком. Цветы были засохшие. У крайнего окна справа стал Юрка и выглядывал в окно. Славка стоял у крайнего окна слева и держал в руках горшок с землёй. Прозвучала команда Юрки:

– Приготовились, три-четыре. Давай!

Все бросили в открытые окна горшки с цветами. Послышался грохот разбиваемых об асфальт горшков.

– Атас! – прокричал Юрка, и все, похватав свои портфели, кинулись из класса. Все помчались вниз по ближайшей к классу лестнице. В дверях на выходе произошёл затор. Оказалось, что каждого выскакивающего на улицу пацана встречала бледная, разъярённая директриса и кричала:

– А в морду, сволочи!

И с размаху била пацанов в морду. Да порой так сильно, что некоторые от удара валились с ног. Славка и Юрка проскочили мимо, пригнувшись, и помчались вон со школьного двора. А произошло вот что. Когда в классе, взяв горшки в руки, мальчишки стояли у окон, готовые выбросить их, из-за угла школы показалась директриса и пошла вдоль школы. В этот момент Юрка и дал команду:

– Давай!

Один из горшков, который выбросил Славка, грохнулся прямо перед директрисой, проскочив буквально в нескольких сантиметрах мимо её головы. Можно было только представить, что почувствовала она, когда горшок грохнулся у её ног. Директриса была злой и стервозной дамой. Помимо того, что она позволяла себе постоянно орать на уроках, она ещё и била то книжкой, то линейкой, то указкой не только мальчишек, но и девчонок.

Конечно, это не давало право покушаться на её жизнь. Да никто и не собирался этого делать. Всё получилось само собой. И то, что случилось, уже случилось. Какое-то время директрисы в школе не было. Через некоторое время она пришла в класс, в котором учился Славка, с классным руководителем. Директриса заявила:

– Если я сейчас не узнаю, кто кинул горшок с землёй в меня, я выгону из школы всех учеников.

Славка как-то долго не раздумывал, а поднялся и сказал:

– Это я кинул горшок, но я не знал, что внизу кто-то есть.

Он был исключён из школы немедленно, даже без вызова родителей в школу. Когда мать узнала о случившемся, она выдала ему по всей строгости. Но исправить этим положение она уже не могла. Уходя на работу, родители запирали его, чтобы он никуда не ходил. Славка набросился на книги, которые он любил с младенчества. Он перечитал всё, что можно было перечитать. Но вскоре это ему надоело. Его натура требовала движения, действий.

И однажды он решил вырваться из домашнего плена. Он вылез на улицу через форточку. Квартира была на первом этаже. Погуляв немного, при помощи мальчишек Славка залез назад в комнату. Так продолжалось до тех пор, пока однажды он не загулялся до такой степени, что прозевал время возвращения родителей с работы. Он пришёл домой, когда родители уже были дома. И получил от матери очередную порцию значительной трёпки. Но после этого родители стали оставлять ему ключи и разрешили выходить на улицу.

Мать неоднократно ходила в школу и просила, чтобы сына восстановили, но директриса была непреклонной. Тогда мать пошла в райком партии. Она была коммунисткой со стажем и на хорошем

счета. Она объяснила ситуацию и попросила помощи. В те годы слово партии было всё. Из райкома позвонили в школу и дали команду восстановить Славку.

Прошлявшись почти половину учебного года, он вернулся в школу. За пару месяцев Славка подтянул то, что пропустил. Учёба давалась ему легко. Завучем в школе был фронтовик Николай Кузьмич. Он преподавал зоологию и ботанику. Собрав всех «хулиганов» школы, Николай Кузьмич создал из них кружок юннатов. Он зарядил их своей энергией и вместе с мальчишками принялся озеленять школу.

Организовал копку ямок под деревья, раздобыл саженцы, и они создали вокруг школы сад. Надо сказать, что все деревья прижились, и по прошествии многих лет все видели вокруг школы большой цветущий сад. И ещё одно интересное дело сделала эта дружная команда. В то время популярно было выращивать кукурузу. При школе находился приличный земельный участок. На этом участке и высадили кукурузу. За ростом внимательно следили. Окучивали, поливали, убирали сорняки и вредителей-насекомых.

И кукуруза ответила на заботу юннатов отменным урожаем.

В школу приезжали специалисты-агрономы, ответственные работники из райкома. Все сделали заключение, что ребята добились отличного результата и их надо послать на выставку ВДНХ. Все загорелись этой идеей и надеялись, что так это и будет. Но директриса встала на дыбы. Моталась по району, по организациям и добилась отмены поездки в Москву на ВДНХ.

Кто знает, как повернулась бы судьба каждого из юннатов, если бы такая поездка состоялась. После того, что с ними случилось, интерес к тому, что они делали, упал, и со временем они перестали этим заниматься. А сад вокруг школы выжил, разросся и радовал своим цветом и листвой многие поколения учеников.

Время шло. Славка рос, то погружаясь в чтение книг, забросив и учёбу, и помощь родителям, то в постоянных путешествиях в сады, в парки, на ставок, на Днепр. Жизнь стала легче. Страна поднималась из руин. Крепчали колхозы. В доме часто появлялись родственники отца из деревни: то приезжали племянники отца, то

приезжал его брат, дядя Саша – весельчак, гармонист, прекрасный рассказчик. Накрывали на стол. Выпив по рюмке, за второй обменялись новостями, а затем пели.

А как пела мать Славки! Ещё там, в Комсомольске-на-Амуре, она принимала участие в народном театре. Она знала много классических произведений. И не только родственники посещали этот дом по любому поводу. На дни рождения, праздники коллеги с работы собирались всегда в их доме. Всегда было шумно, весело и дружелюбно. Во время приезда бабушки из Ульяновска (матери мамы) было принято непростое решение. Летом 1952 года у Славки появился маленький братишка. Мать отца приехала помогать нянчить его. Тогда же приехала и бабушка из Ульяновска.

На семейном совете было принято решение крестить малыша, а заодно с ним и Славку, которому уже было 12 лет. Дело в том, что мать Славки была членом партии коммунистов. А с этим было тогда строго. Хотели ехать в какую-нибудь деревню, подальше от города, но мать, всё обдумав, решительно сказала, что крестить будут в городе. Так и произошло. И хоть все и опасались, что могут быть неприятности, но всё обошлось.

Славка начал ходить в спортивные секции. Благо, в то время их было предостаточно и в школе, и в спортзале. Занимался он и лёгкой атлетикой, и акробатикой, и борьбой. Постепенно он превращался в крепкого, стройного юношу. У него появились друзья, с которыми он часто приходил домой. Его мать, по давно заведённой привычке, рассаживала их за стол и кормила, глядя с удовольствием, как аппетитно едят парни, проголодавшись после тренировки.

В стране шли изменения. Жизнь менялась к лучшему. Менялась она и у отдельных граждан. Семья Славки получила отдельную квартиру в 12-ти квартирном доме. Дом располагался внутри двора и находился в тихом уютном месте. Окончив школу-семилетку, Славка вместе с другими вернулся в школу, в которой он раньше учился. Учёба в школе, тренировки, книги – всё это было в одном ряду.

Ремесленное училище и трудовая закалка

Когда он был в восьмом классе, то узнал, что при заводе в ремесленное училище набирают группу электриков. Притом, набирают весной, в апреле. Переговорив с родителями, он подал заявление в ремесленное училище. Решено было: чтобы не бросать школу, он переведётся в вечернюю школу рабочей молодёжи. В ремесленном надо было учиться два года. График был очень плотный. С утра – в ремесленное училище, затем – на тренировки, а потом – в школу.

Но как-то это всё срastалось. Впоследствии, уже будучи взрослым, он с благодарностью вспоминал ремесленное училище, особенно своего мастера Шепеля. Учёба у них шла по интересному графику. День у них была теория. На второй день – практика. И так всё время. Вначале в мастерских они обтачивали большими драчёвыми напильниками молотки. Затем осваивали сварку.

В ремесленном училище их и одевали, и кормили. После года учёбы их отправили по цехам. Что они только ни делали касаемо электрооборудования! Они разбирали и ремонтировали двигатели, меняли в двигателях обмотку. Обслуживали трансформаторы. Работали на проводке линий электропередач низкого напряжения. Затем со специалистами работали на монтаже высоковольтных линий.

Однажды группа была отправлена на новостройки для прокладки электропроводки. Мастер каждому выделил по квартире. Им предоставили материал. И они должны были полностью провести электропроводку по квартире, от ввода до электроприборов. Шепель ходил от одного к другому, проверял и подсказывал. Но в основном группа справилась с этим ответственным заданием. Это всё шло им в зачёт.

Гораздо позже, отслужив в армии, Вячеслав жил на проспекте, в домах которого они делали освещение. Окончив ремесленное училище и на «отлично» сдав экзамены, Вячеслав окончил и вечернюю школу рабочей молодёжи и получил среднее образование. Ещё не раз емугодились те навыки и знания, которые он получил в ремесленном училище. Самое интересное то, что их готовили настолько серьёзно, что думалось, будто их готовят для какого-то

важного дела. Экзамены проходили с большой требовательностью. Мастер Шепель возился с ними чуть ли не каждый день. Надо сказать, что отстающих в группе не было. Экзамены сдали все. Классификационная комиссия присвоила им профессию электрика 4-го разряда.

А пятеро из группы получили 5-й разряд. Это были высокие разряды. На заводе работали люди в основном с 3-м разрядом, чуть меньше – с 4-м, а с пятым – вообще редкость. А тут выпускают совсем молодых пацанов с такими высокими разрядами. После окончания ремесленного училища все были трудоустроены по цехам завода.

Рабочие с ревностью смотрели на молодое пополнение. Старались загрузить молодых электриков, давать им сложные задания. Но, к чести ребят, они хорошо справились с порученными заданиями и честно отработывали свои разряды. Постепенно все привыкли и перестали придираться к молодым электрикам.

Пошла у Вячеслава трудовая жизнь. График был забит до предела. Утром – работа. Затем он мчался на тренировку. Помимо занятий спортом, Вячеслав ходил на репетиции эстрадного оркестра при Доме культуры. Будучи ещё в школе, он записался в оркестр народных инструментов. И стал учиться играть на домре. Он уже сносно играл, когда руководитель кружка вручил ему балалаечный контрабас и поручил освоить его.

Создавался струнный оркестр. Так Вячеслав стал контрабасистом. Этот же руководитель в ДК создал и эстрадный оркестр. В оркестре на тот момент не было контрабасиста. И руководитель поставил играть на контрабасе Вячеслава. Но загвоздка была в том, что для эстрадного оркестра нужен был скрипичный контрабас.

– Мне же надо ноты освоить на этом инструменте, а потом играть, – сказал Вячеслав руководителю Петру Григорьевичу.

– Ноты ты уже знаешь, а на этом контрабасе будешь подбирать, вообще играть на слух, – произнёс Пётр Григорьевич.

Начались репетиции. Готовились к какому-то празднику. Репетировали каждый день. Видно, Бог не обделил Вячеслава слухом. И у него вскоре стало неплохо получаться. А как ему это позже

пригодилось! Он с благодарностью вспоминал руководителя оркестра Петра Григорьевича много раз. Занятия музыкой, увлечение эстрадой впоследствии ему пригодились и в армии, и в Сибири. Они предоставили ему возможность встречаться и общаться со знаменитыми музыкантами: с Алексеем Козловым – знаменитым саксофонистом, и с белорусской группой «Песняры», которые тогда ещё не были столь знаменитыми.

Но самая значительная, запомнившаяся встреча – это встреча со всемирно известным эстрадным музыкантом Эдди Рознером. В то время молодёжь, увлечённая джазом, жадно ловила звуки джаза по приёмнику. Вячеславу доводилось слышать музыку знаменитого трубача. Конечно, они разговаривали в своём кругу о музыке Рознера. Почти все в оркестре собирали о нём сведения. Ребята из оркестра от Петра Григорьевича знали, что родился Эдди Рознер в Германии. Вначале он занимался на скрипке, достиг хороших, прямо надо сказать, отличных результатов.

По совету своего дяди он сменил специализацию со скрипки на трубу. Он увлёкся джазом. Рознер стал солистом-трубачом в знаменитом оркестре Марека Вебера. С 20-х годов прошлого века до начала 30-х годов он считался лучшим трубачом Европы. Работал на круизном пароходе в джазовом оркестре. Пароход совершал круизы из Гамбурга в Нью-Йорк. Он был прекрасным дирижёром, композитором, аранжировщиком.

Когда в Германии к власти пришёл Гитлер, Рознер бежит в Польшу. Он был из семьи польских евреев. В середине 30-х годов Рознер создаёт собственный оркестр и гастролирует по городам Франции. Выходят огромным тиражом пластинки с музыкой его оркестра. Эдди Рознер пишет музыку на стихи известных советских поэтов: М. Пляцковского, М. Червинского, Евгения Долматовского, Владимира Харитоновна, Леонида Куксо, Григория Поженяна, Бориса Дворного и других.

Впоследствии жизнь свела Вячеслава с Григорием Поженяном. Они с ним подружились и часто встречались. Эдди Рознер сочинял джазовые композиции, танго, вальсы. Перед самым окончанием войны Эдди Рознер переезжает жить в Белоруссию.

Вскоре он становится заслуженным артистом Белоруссии. Он был одним из самых популярных джазовых артистов в СССР. И, тем не менее, записи его музыки дважды запрещали. За блестящую импровизацию Эдди Рознер был прозван «белым Армстронгом». Он играл на двух трубах одновременно.

И вот случилось! Знаменитый эстрадный оркестр под управлением Эдди Рознера из Минска приехал в город химиков, металлургов – в Днепродзержинск, гастролируя по крупным городам Украины. Билеты были раскуплены задолго до прибытия оркестра. Вячеславу вместе с товарищами из их оркестра удалось пообщаться с музыкантами оркестра Эдди Рознера и с самим Э. Рознером.

Правда, это было накоротке, за кулисами сцены, но это случилось. Это было событием в жизни не только Вячеслава, но и всех музыкантов его оркестра. А сколько было разговоров, обмена впечатлениями после. А как они играли! Это не поддавалось объяснению... Это был оркестр виртуозов.

Многие слышали, что Эдди играет на двух трубах одновременно. Но слышать от кого-то, и услышать самому – это разные вещи. Когда Рознер вышел на сцену с двумя трубами, зал притих. Но когда он заиграл сразу на двух трубах, зал взревел и долго не мог успокоиться. Рознеру пришлось исполнить несколько музыкальных произведений, чтобы удовлетворить настойчивые просьбы.

Ещё долго по городу ходили разговоры об оркестре Рознера, и не только среди музыкантов, но и среди благодарных горожан. Приезд такого оркестра в город в то время был событием. Вообще, это было событием для всей страны. Музыкантов такого уровня в стране не было.

Известен случай. В Москве оркестр Э. Рознера и самого его прослушал знаменитый Леонид Утёсов. После концерта он сказал своим музыкантам: «Нам на эстраде больше делать нечего».

По натуре Эдди был авантюристом. Сбежав из Германии в Польшу, надо было как-то жить. Но вскоре немцы заняли Польшу. Набравшись наглости, Эдди пошёл в гестапо. Он заявил, что он – чистокровный ариец. А смуглый потому, что у него мать – итальянка. Документы его сгорели. Семья голодает. Один из офицеров выдал

ему мотоцикл с коляской, полной еды. На этом мотоцикле Рознер и въехал в СССР.

На границе он обратил внимание на женщин, которые ломами курочили железнодорожное полотно. У него мелькнула мысль, что он попал не туда. Эдди был одарённым музыкантом и столь же одарённым авантюристом. Такой себе Остап Бендер с трубой. Известно, что Остап хотел сбежать из СССР, а Эдди нелегально проник туда и почти всю жизнь прожил в стране Советов. Окольными путями Рознер с семьёй добрался до советской Белоруссии. Он попал в страну в то время, когда её называли «сталинским неонэпом». Стране нужны были талантливые люди, и Эдди Рознер пришёлся ко двору. Аскетизм ушёл в прошлое. Вот тогда Сталин сказал: «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселей».

Без музыки веселья нет. В республики было спущено указание обзавестись оркестрами классической музыки, народными ансамблями. Разрешили даже джаз. Рознер в Белоруссии был под надзором, и он возглавил Государственный джаз БССР. Биографы Эдди Рознера поведали, что это была заслуга первого секретаря ЦК компартии Белоруссии Пантелеймона Пономаренко. Он был большим любителем джаза. Рознеру Пономаренко будет помогать всю жизнь.

По стране с большим успехом прошли гастроли оркестра под управлением Эдди Рознера. В Сочи оркестр выступал перед пустым залом. За занавешенной ложей его слушал Сталин. Концерты Эдди Рознера запомнились на всю жизнь. В этом на себе лично убедился позже Вячеслав. Э. Рознер казался человеком из другого мира. Он был бешено популярен. Но это продолжалось недолго, до войны.

Фронтвые концерты, разруха, послевоенный голод. Э. Рознер хотел уехать в Польшу. Были куплены документы. Но им не повезло. Когда их задержали, Рознера допрашивал сам Берия. Дело крупное ему не вменили, но 10 лет лагерей он получил. Рут, его жену, отправили на 5 лет под Кокчетав.

На Колыме, куда отправили Рознера, он бы сгинул. Но спасли музыка и женщины. С 1946 года ГУЛАГ был огромным хозяйством. Это было государство в государстве. Впоследствии, когда

Вячеславу пришлось побывать в лагерях, он писал заметки и свои наблюдения об этом внутреннем государстве. Тогда в лагерях были свои театры, ансамбли, шарашки. Начальство вовсю старалось за-получить талантливых артистов, музыкантов. И Рознер остался в Магадане на «гастроли». Музыканты ходили пешком, через стужу, неся свои инструменты. У Рознера выпали зубы. От начавшейся цинги его спасла лагерная подруга. Она подарила ему целую связку чеснока.

Рознера любили женщины, а он – их. На Колыме у него были две подруги. Одна, вольнонаёмная, работала счетоводом, а вторая – медсестра. У него родилась дочь, и он поддерживал её всю жизнь. Выпустили Рознера в 1954 году. Рут, его жена, завела роман с другом, пока не было Эдди. Он не простил. Жена с дочерью уехали в Польшу, а его из СССР тогда не выпустили.

Он стал работать при Мосэстраде. Был популярным советским шоуменом. Его оркестр снимался в фильме «Карнавальная ночь». Принимали участие в «Голубых огоньках». Рознер много зарабатывал. Он крутил романы с молодыми вокалистками. Его вторая жена относилась к этому снисходительно. Она знала страсть Эдди к женщинам.

Живя в Москве, Э. Рознер совершил дорожное преступление. Его спутник погиб.

Но и тут ему удалось «выскочить» из-под уголовного дела. Был очередной советский юбилей, и он попал под амнистию. В 1971 году его отправили на пенсию, и он уехал в Гомель. И там создал новый ансамбль. Через два года ему удалось эмигрировать в ФРГ.

Но дела, как мечтал Рознер, не сложились. Сестра вышла замуж, и её имущество досталось её мужу. Ночной клуб «Гамаше», созданный Э. Рознером, прогорел.

Эдди Рознер умер в 1976 году. Вот с таким человеком Вячеславу довелось познакомиться во время его приезда в Днепропетровск. При встрече он даже пожал руку Вячеславу. Рознер был приветливым, не заносчивым человеком.

Как вырабатывают в себе качества борца

Вячеслав занимался плаванием и освоил все виды: кроль, брасс, баттерфляй и на спине. На Соцгороде был построен большой открытый плавательный бассейн. Тренер Анатолий Сахаров из ребят-пловцов создал команду ватерполистов. Команда, сыгравшись, неплохо играла. Всегда собиралось много болельщиков, которые горячо поддерживали свою команду. Надо сказать, что послевоенная молодёжь была активной. Кружки художественной самодеятельности, спортивные секции всегда были переполнены.

В то время считалось у парней, что тот, кто имел два разряда по двум разным видам спорта и первый разряд по тому виду, который лучше всего шёл, был в авторитете. Это было как бы негласное соревнование между парнями. Шло им в зачёт.

Учась в ремесленном училище, помимо посещения кружков и спортивных секций, Вячеслав выкраивал время сходить с друзьями на танцы в парк Соцгорода. Однажды, находясь на танцплощадке, он увидел девушку, которая разговаривала со своей подругой. Девушка стояла к нему вполоборота. Она была невысокого роста, но хорошо сложена. Голова была поднята вверх, её оттягивали две тугие косы, спускающиеся ниже ягодиц. У неё был тонкий, изящный профиль.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, девушка повернулась в его сторону. Глянув на её лицо, он внутренне застыл. Она была удивительно красива. Брови вразлёт, светло-карие глаза смотрели на него заинтересованно. Её упругая грудь вздымалась под светло-салатной кофточкой. И, стесняясь и горя желанием, Вячеслав решил пригласить её на танец. Заиграла музыка. Он сделал несколько шагов и почти пересохшим голосом пригласил её на танец.

Она сделала шаг к нему навстречу, положила левую руку ему на плечо, а правую вложила ему в руку. Танцуя, он слегка прижимал её к себе. Они разговорились. Её звали Нина. После танцев он напросился её проводить до дома. Шли они втроём: она, её подруга и он. Он заметил, что идут они в сторону того района, где он живёт. За разговорами они подошли к общежитию, которое располагалось

во дворе дома, где он жил. На вопрос, когда они смогут увидеться, Нина отвечала:

– Я ведь живу в Днепропетровске. Там учусь. А сюда приезжаю к своей родной тётке, которая живёт в этом общежитии.

Они расстались. Но теперь в субботу и в воскресенье он шёл к танцплощадке, надеясь её там встретить. Если Нины не было, он уходил. Она заняла все его мысли. Он всё время думал о ней. При воспоминании о ней в груди что-то ёкало. Периодически она приезжала. Они встречались на танцплощадке. А когда шли домой, с ними шли парни старшего возраста, живущие в том же общежитии. Они тоже проявляли свой интерес к Нине. Но зная, какая слава ходила за Вячеславом, они не решались его отогнать.

Уже в то время он слыл дерзким уличным бойцом. Он не обращал внимания ни на возраст, ни на то, что кто-то был сильнее его. Если его задирали, он не тушевался, а смело бросался в драку. Поэтому к нему относились с должным уважением.

Когда Нина уезжала, он с нетерпением ждал следующей встречи. Как-то, проводив Нину до самого дома, он зашёл с ней в подъезд и, наконец-то, решился её обнять и поцеловать. Она не сопротивлялась и с готовностью подставила губы. Короткие встречи через неделю, а то и через две, продолжались. Затем Нина не приезжала долго, месяца три. Он спросил у Владимира, который встречался с её тёткой:

– Ты не знаешь, почему не приезжает Нина?

– Да она уехала куда-то с родителями. Ты, давай, пересмотри своё отношение к ней, а то, я вижу, ты втрескался по уши. Ты знаешь, что она старше тебя на четыре года?

Тогда для Вячеслава это не имело никакого значения. Прошло время. Он поостыл. За учёбой, тренировками и всякими делами всё потихоньку отошло само собой. Но через много лет, когда он встретил Валентину, ему показалось на какое-то мгновение, что он её уже встречал. Она была чем-то очень похожа на Нину: невысокого роста, ладно скроенная и близкая.

Вячеслав занимался цирковой акробатикой, борьбой, плаванием и лёгкой атлетикой. В акробатический кружок он ходил в клуб

Азотно-тукового завода. Руководил акробатическим кружком Михаил Вергун. Он и сам выступал на всех концертах. У него была четвёрка на одной основе. Впоследствии и Вячеслав освоил этот вид акробатики. И уже когда он руководил секцией акробатики во Дворце культуры имени Горького от шлакового завода, он создал пятёрку на одной основе. Сам он работал низом.

В секции борьбы Вячеслав познакомился с парнем по имени Виктор Мангушло. Виктор служил в стройбате. В части он работал поваром. Из части его отпустили, и он ходил на тренировки. В спортзале нижний зал был отдан тяжелоатлетам. В нём располагались боксёры, штангисты и борцы. С одной стороны зала был установлен ринг для боксёров, возле стен висели боксёрские мешки и груши. В центре зала находился помост для штанги. Сбоку расположились нехитрые тренажёры: для жима лёжа, для приседаний. Справа в углу был раскинут борцовский ковёр.

Когда народ приходил на тренировки, они разминались на втором этаже. Бегали или играли в баскетбол, а затем спускались в зал тяжёлой атлетики. Так получилось, что те, кто занимался борьбой, занимались и штангой, и ходили на бокс. Подготовленный в уличных драках Вячеслав был затаян друзьями в секцию бокса, и стал заниматься боксом серьёзно.

С боксом у Вячеслава была особая история. Как-то, выйдя из спортзала, он пошёл в душевую. Мылся долго, тщательно, с большим удовольствием. Он ощущал, как свежело тело, как мышцы отдавали свою напряжённость, не прошедшую ещё после усиленной тренировки. Уже несколько лет Вячеслав занимался силовой акробатикой во Дворце культуры имени Горького. Коллектив секции акробатики подобрался дружный и работоспособный. Вячеслав работал низом в силовой четвёрке. Им нравилось составлять пирамиды на одной основе, которые по своей сложности были не только трудны в исполнении, но и красиво смотрелись.

Увлёкшись, они задерживались в спортзале дольше обычного. Вот и в этот раз они почти три часа отрабатывали сложные акробатические элементы, соединив их в одну фигуру. Помывшись, Вячеслав не спеша оделся и пошёл к выходу. Забросив на плечо

спортивную сумку, он медленно шёл по улице. До трамвайной остановки было минут пятнадцать ходу. Он никогда не торопился после тренировки. Улица от Дворца культуры, ведущая к остановке, была тихой, в густой одежде деревьев. Дышалось легко. Слегка ныли уставшие мышцы тела. На трамвайной остановке стояла группа парней.

– Славка, привет! – отделился один из них и направился к Вячеславу.

– Здравствуй, Володя, – пожал он протянутую руку.

Это был его товарищ, с которым они приятельствовали давно. Да и жили рядом. Владимир давно занимался боксом. Зная всестороннюю подготовку Вячеслава, он всё приглашал его прийти к ним на занятия боксом.

Вячеслав раньше занимался лёгкой атлетикой. Он отлично бегал на средние дистанции. Увлёкшись водным поло, играл за сборную города в защите. Однако, занявшись ещё в школе акробатикой, тренировки он не оставлял. Ему нравилось и бегать, и плавать, ощущать своё сильное тело в работе. Как-то Вячеслав пообещал Володе, что придёт на занятия боксом. Да всё как-то не получалось.

Подошёл трамвай. Они зашли в вагон. Сев на свободные места, повели разговор о спорте. Владимир начал рассказывать о своих спортивных новостях. Постепенно разговор перешёл на бокс.

– Мы готовимся сейчас на первенство Центрального Совета физкультуры и спорта, – говорил Володя. – Команда подбирается сильная во всех весовых категориях, – с гордостью рассказывал он. – На соревнования едем месяца через полтора.

За разговорами время в дороге пролетело быстро. Прощаясь, Володя ещё раз пригласил Вячеслава зайти к ним на тренировку.

– Ладно, – согласился Вячеслав. – В следующий раз заходи за мной. Пойдём вместе. Ну, пока, – и, пожав друг другу руки, они разошлись по домам.

В условленное время Владимир зашёл за Вячеславом, и они вместе отправились на тренировку. В спортзале Володя познакомил Вячеслава с тренером. Звали тренера Евгений Васильевич. Невысо-

кого роста, сухощавый, с широкими плечами и короткой стрижкой, он выглядел подтянутым и энергичным.

– Евгений Васильевич, это тот парень, о котором я вам рассказывал.

Тренер посмотрел на Вячеслава внимательным взглядом и произнёс:

– Ну, что ж, иди, переодевайся, и в спортзал.

Они зашли в раздевалку. Здесь уже было человек двадцать парней. Поздоровавшись со всеми, Володя коротко представил Вячеслава:

– Мой друг. Будет заниматься боксом.

В спортзале Вячеслав стал в общий строй. Он заметил, что на него с интересом смотрят парни. Они рассматривали его фигуру. У Вячеслава была широкая грудь, сильные, покатые плечи и крепкие, в узлах мышц, руки. Занятия другими видами спорта не прошли для него зря. К тому же, дома он ещё занимался и атлетической гимнастикой. Имея хорошую координацию движений, Вячеслав быстро схватывал азы бокса. Работая в паре с кем-нибудь, он смело шёл на сближение и точными быстрыми ударами заставлял противника переходить в оборону.

Тренер начал ставить Вячеслава в пару с более подготовленными боксёрами. В своём районе города Вячеслава уважали и сверстники, и парни постарше. Он был силён. Сам он никогда никого не обижал, но задирам и драчунам не давал спуска. В драке Вячеслав становился яростным и напористым, и, как правило, перед ним пасовали. Поэтому на тренировках, работая в спарринге со старшими партнёрами, Вячеслав не пасовал и не ощущал трудностей. Имея опыт уличных драк, он был внимательным и ловким в движениях.

Дня за три до отъезда команды на соревнования проходила подготовительная тренировка. Евгений Васильевич оформлял в тренерской документы, а разминку проводил староста секции Гена Куликов. Он был техничным, отличным бойцом, и уже набирал победы на мастера спорта.

Закончив разминку, он разделил всех по парам и дал задание отрабатывать комбинацию. Вячеслав боксировал с парнем, равным себе по силе. И был аккуратен, стараясь не пропускать лишних уда-

ров. Так прошло три раунда. Вячеслав увидел, что трое членов команды о чем-то говорят и смотрят в его сторону.

Потом они подошли к нему:

– Слушай, Слава, поработай с Николаем в паре, – сказал Валерий Данилов, боксёр тяжёлого веса.

Несмотря на свой большой вес, он был подвижен, быстр и в то же время хорошо сложен. Он работал на заводе молотобойцем. Валерий Данилов подавал большие надежды, ему оказывали внимание, и он держался самоуверенно и нагло.

Николай Иванов, которого подвели к Вячеславу в спарринг-партнёры, выступал в полутяжёлой весовой категории, имел второй спортивный разряд и уже набрал много побед для выполнения первого.

Вячеслав, выслушав Валерия Данилова, пожал плечами и согласился. Они начали работать. Николай, передвигаясь, наносил Вячеславу удары, которые всё чаще достигали цели.

Закрываясь, Вячеслав как-то нерешительно отвечал. Он робел перед опытным противником. А Николай начал наносить удары с полной силой.

После одного такого удара Вячеслав, разозлившись, быстро провёл встречный. Николай оказался на полу. Он недоумённо сидел и смотрел на Вячеслава.

– Вставай, – проговорил Данилов, следящий за боем. – Ты просто поскользнулся.

Николай бросился навстречу Вячеславу, стараясь угодить ему сильным ударом в подбородок. Он уже забыл, что перед ним – боксёр намного слабее его в технической подготовке.

Вячеслав, закрываясь, уходил от ударов, но бой не прекращал. Он видел, что Николай хочет нанести ему сокрушительный удар, и готовился к этому.

И вот, в тот момент, когда Николай сделал шаг вперёд и нанёс ему правый прямой, Вячеслав, ожидая этого, на секунду раньше бросился вперёд и вразрез ударил прямым ударом правой руки. Удар пришёлся точно в подбородок, и Николай буквально рухнул на пол. В этот момент из тренерской комнаты вышел Евгений Васильевич и увидел всё происходящее.

– Что ты делаешь, Данилов? Нам же на соревнования ехать! – сердито произнес он. Несколько человек кинулись к Николаю поднимать его. Он шатался, лицо его было бледным. Когда Иванов боксировал с Вячеславом, все окружили их, с интересом наблюдая за происходящим. После сокрушительного удара, свалившего Николая на пол, все с уважением смотрели на Вячеслава.

– Да, силен, – говорил мухач Костя. – Вот Колька и нашёл себе мешок. Сам стал мешком.

Оказалось, что Данилов предложил Иванову размяться и отрабатывать удары на Вячеславе, которого в расчёт они не брали, зная о том, что заниматься боксом он начал недавно. Так за свою самоуверенность Николай был наказан. Володя подошёл к тренеру.

– Евгений Васильевич, вот кого надо взять на соревнование.

– Нет, Володя. Опыта у него пока маловато, да и команда уже подготовлена. Ещё успеет поехать на соревнование. Но парень он действительно крепкий и способный.

После тренировки в раздевалке все шумно обсуждали бой Николая с Вячеславом. Вячеслав молча переодевался, молчал и Николай. Выйдя на улицу с Владимиром, они направились к трамвайной остановке.

– Скоро первенство города, – произнес Владимир, – тебе надо обязательно выступить.

Вячеслав только кивнул головой. Он всё ещё думал о бое с Николаем и мысленно повторял его.

Начались выступления на квалификационных соревнованиях. Затем – соревнования на первенство города. Он сдружился с Виктором, хотя тот был старше его на два года. В летнее время вечером они ходили, как и вся молодёжь, в парк на танцплощадку. Вячеслав отлично танцевал вальс.

Когда-то, будучи в шестом классе, он с пацанами бегал в общежитие коксохимического завода. Общежитие было сделано в отремонтированном здании, в котором во время войны находилось гестапо. Ещё совсем маленькими после войны они бегали в это разрушенное здание. Затем его отремонтировали. Перед общежитием сделали бетонный круг – местную танцплощадку. В общежи-

тии жили и парни, и девушки. По вечерам они выносили радиолу и устраивали танцы. К этому общежитию бегали не только мальчишки, но и собиралась молодёжь всего района. Там всегда было спокойно. Никогда не было драк.

На эту танцплощадку приходила одноклассница Славки Нина Воронова. Она была старше его на год, а для девчонок это много значит. Набравшись смелости, Славка попросил Нину научить его танцевать вальс. И Нина добросовестно, шаг за шагом, передавала ему свои знания. Прошло немного времени, и он уже свободно кружился в паре под звуки музыки. В парке они с Виктором приглашали двух девушек и начинали кружить восьмёрку под звуки духового оркестра.

Девчонкам это нравилось, и они с Виктором были нарасхват. После танцев они уходили сами, никого не провожая. После танцев, а то и во время их, в парке возле танцплощадки случались драки. Местные дрались с бандой, которая проживала в районе 32-й школы за башней. И часто инициаторами драки были приезжие. Местные парни, объединившись, давали отпор. Вячеслав и Виктор дрались здорово, и выходили победителями из этих драк.

Однажды их встретили на перекрёстке улиц Южная и Уральская. Их окружили человек десять. Они передвигались в центре, внимательно следя за действиями противника. Со стороны тех, кто окружил, сыпались угрозы. Вдруг Виктор резко бросился на одного из парней. От неожиданности они расступились. Витька быстро скомандовал:

– За мной!

Они проскочили в разрыв круга и побежали. Дело в том, что Виктор увидел, как один из парней достал нож и хотел ударить Вячеслава в спину. Это увидел Виктор и бросился вперёд.

Уйдя от погони, они не пошли домой. Дело в том, что в группе, которая напала, были парни, что жили недалеко от Соцгорода. Их лица уже примелькались. Вячеслав с Виктором пошли в тот район и стали ждать участников нападения. Через некоторое время показался один из них. Они взяли его в тиски. Он даже не пытался со-

противляться. Только кучей они были смелые. Вячеслав в жизни не однажды встречал таких. Это были люди из породы стервятников.

Затем в эту ночь они нашли ещё двоих. Это возымело действие. Их старались обходить стороной, даже находясь в большинстве.

На занятиях боксом Вячеслав познакомился с двумя парнями, которые служили в части. Эта часть охраняла Азотно-туковый завод. Это были Владимир Кургузов и Виктор Ломакин. Они приглашали Вячеслава выступать за команду «Динамо». И он делал это с удовольствием. Впоследствии они стали мастерами спорта СССР, занимали первые места на первенстве ЦС «Динамо», на первенстве Украины в своих весовых категориях. И каждый из них тренировал команды.

Однажды на танцплощадке они с Виктором познакомились с девушками, пригласив их танцевать. Уделив им внимание на несколько танцев, они разговорились и пошли провожать девушек. Оказалось, надо было ехать на 54-й блочок. Это была железнодорожная остановка, вернее, полустанок. Надо было ехать на трамвае в город, выходить возле кинотеатра «Аврора» и потом ещё минут 20 идти пешком. Девчонок звали Лида и Люда.

Проводив их домой, ребята бегом пустились к трамвайной остановке. Снизу из города должен был идти последний трамвай. Если бы они на него не успели, пришлось бы на Соцгород идти пешком, а это – километров 25. В тот раз они успели. Но девушек они увидели потом только через месяц. А дело было так. Виктор окончил службу в стройбате и остался на проживание в Днепродзержинске. Его взяли на работу в единственный тогда в городе ресторан «Днепро» поваром.

Работая в железнодорожном цеху электриком, Вячеслав сошёлся с ребятами гораздо старше его: с Сашей Кондратьевым, он работал бригадиром электриков, и Андреем, по профессии – сварщик. Они были старше Вячеслава на 10 лет. И впоследствии у него были товарищи всегда старше его. Он находил с ними общий язык и понимание. Его начитанность и уже немалый трудовой опыт позволяли быть с ними на равных. И старшие его приятели соответственно и вели себя так с ним.

Однажды Вячеслав, придя с тренировки, проголодавшись, хватал на кухне то сыр, то колбасу и запивал простоквашей. Мать ходила рядом и беззлобно его ругала:

– Сядь, поешь, как люди, нормально.

Но сын не обращал внимания на бурчание матери. В прихожей раздался длинный звонок. Открыв двери, Вячеслав увидел на пороге Андрея.

– Есть дело, – с ходу, ещё не пройдя в комнату, начал Андрей. – Понимаешь, Слава, назначил свидание Шууре, а тут приехала Лена. Надо идти к ней. Выручай.

С Леной Андрей встречался давно, уже пять лет, но до свадьбы дело у них не дошло.

Однако последнее время Андрей серьёзно решил порвать с холостяцкой жизнью, и спутницей его дальнейшей жизни, конечно, должна была стать Лена. Она была тихая, спокойная женщина, всего на два года моложе Андрея. Однако характером обладала сильным, и Андрей, как ни противился, был подчинён её влиянию.

Несмотря на то, что он считал себя свободным человеком, не обязанным отчитываться перед кем-нибудь, на свидание к девчонкам он старался ходить тайно. Не дай бог, узнает Лена!

Вячеслав знал и Шуру. Она работала в заводской центральной столовой. Туда частенько Вячеслав ходил вместе с Андреем и Сашкой, весельчаком и балагуром. Ему нравилось в этой столовой всё: чистота, какой-то домашний уют. А больше всего Славе нравилось то, что туда в большинстве ходили питаться работники заводоуправления, было много молодых девчонок. Здесь они выглядели более деловитыми и простыми. Не то, что вечером на танцплощадке в парке Соцгородка. Иногда к ним подсаживалась Шура. И пока они ели, она весело рассказывала новости, поддевая Вячеслава, а он, хоть и был не из робкого десятка, смущался, когда Шура затрагивала его своими замечаниями. Шууре было 25 лет, но она выглядела гораздо моложе своих лет. Вот к этой Шууре и посылал Андрей Славку.

– Сходи, Слава. Ну, придумай там что-нибудь. Скажи, что приехали родственники, и я пошёл встречать их. Понимаешь, не знал, что Ленка так быстро приедет. Хотел просто погулять.

Вячеслав, поразмыслив, согласился.

– Ладно, топай к своей Ленке.

Узнав у Андрея место свидания, Слава не без волнения отправился выполнять поручение Андрея. Подойдя к молочному магазинчику, он увидел Шуру, которая стояла в тени деревьев.

– Добрый вечер, – буркнул как-то несмело Вячеслав, подойдя к Шуру.

– Привет! А где Андрей? – бойко, но в то же время и удивлённо произнесла Шура.

Шура была невысокого роста, плотно сбитая, пышущая страстью и здоровьем молодая женщина. Её красивые груди высоко вздымались, когда Шура вдыхала весенний, наполненный вечерним ароматом цветов и зелени, воздух. У Шуры были красивые, слегка полноватые ноги. Шёлковое платье в больших цветах облегло её ладную фигуру, волнуя Вячеслава хорошо выделяющимися формами. Её симпатичное, милое лицо обрамляли кудряшки золотых волос. Глаза, большие, бездонные, внимательно смотрели на Вячеслава. Что греха таить, Шура нравилась Славе. Да и Шура частенько с интересом поглядывала на высокого, широкоплечего, не по годам мускулистого Вячеслава. Очевидно, разница в возрасте мешала им сойтись поближе.

– Так что же случилось? – вновь спросила Шура.

– Понимаешь, – начал объяснять Вячеслава. Потом, поняв, что любая его выдумка сейчас прозвучит слишком фальшиво, и Шура ничему не поверит, он махнул рукой и решительно произнёс:

– В общем, Андрей не придёт!

– Понятно! – протяжённо, но без огорчения произнесла Шура. – Ну, что ж, тогда пойду домой. А вечер какой хороший... – вздохнула она и повела вокруг своими большими глазами.

Уходить она не торопилась, и Вячеслав, набравшись смелости, предложил ей сходить в кино.

– Пойдём в клуб, там сегодня – «Утраченные грёзы». Говорят, путёвый фильм.

Шура согласилась, и они отправились к заводскому клубу. До начала сеанса оставалось совсем немного времени, а народу в фойе и у кассы было много.

Вячеслав увидел Николая, своего товарища по занятиям в секции бокса. Тот был недалеко от кассы и как раз повернулся в их сторону. Вячеслав поднял руку и молча, чтобы не вызвать недожество окружающих, показал два пальца. Николай понял жест и согласно кивнул головой.

Выбравшись из очереди, он вручил Вячеславу два билета, и когда Вячеслав полез в карман за деньгами, дружелюбно произнес:

– Ладно, старик, иди. Успеешь рассчитаться...

Он с интересом посмотрел на Шуру. Подмигнув Вячеславу, он направился к своей компании, откуда уже с нетерпением кричали:

– Коля, давай быстрее!

Во время сеанса Вячеслав и Шура всё время молчали. Вячеслав искоса поглядывал на Шуру и видел, как на её лице отражаются переживания за судьбу героев фильма.

Домой они шли не спеша. Вячеслав пошёл провожать Шуру. Натянутость прошла, и они вели свободную беседу о разных пустяках: о фильме, о знакомых. Шура спрашивала у Вячеслава о занятиях боксом и проникновенно говорила:

– И зачем симпатичные парни бьют друг другу морды?!

Вячеслав снисходительно усмехался, но вдаваться в объяснения не стал. Как-то само собой получилось, что он взял Шуру под руку. Она не противилась. Вячеслав почувствовал, что ему как-то стало легко. Между ним и Шурой возник невидимый, но уже хорошо ощущаемый контакт.

Общежитие, где жила Шура, было последнее в ряду зданий на новой стройплощадке. За общежитием начиналось поле. Слабый свет от электрической лампочки освещал небольшое пространство у дверей.

Вячеслав и Шура, не останавливаясь возле двери, прошли до конца здания. Здесь было совсем темно. На небе давно зажглись звёзды, совсем не закрываемые облаками. Свежий весенний ветерок то и дело налетал с поля. Становилось прохладно. Вячеслав обнял Шуру. И она с желанием прижалась к его сильному телу. Подняв голову, она смотрела на мужественное лицо Вячеслава, и он прижался своими сухими губами к её влажному, полуоткрытому, зовущему рту. Страшное волнение охватило Вячеслава. Он отстранил-

ся и, не зная, зачем это делает, присел, обхватил Шуру чуть выше колен, прижав к себе, легко поднял её. Она положила ему руки на плечи и, смотря на него с высоты, ласково сказала:

– Пусти, Слава.

Он не поставил её, а, слегка разжав руки, позволил ей соскользнуть вниз. Шёлковое платье высоко поднялось, и Вячеслав почувствовал руками горячее, упругое тело Шуры. Туман поплыл у него перед глазами. Кровь сильными толчками била ему в виски. Он лихорадочно гладил Шурины ноги, бёдра и в то же время прижимался к Шуре, которая прислонилась к стене. Шура почти не сопротивлялась, только тихо шептала:

– Не надо, дурачок. Тебе же неудобно.

И когда, наконец, Вячеславу удалось сделать то, что сильно желало всё его существо, весь организм его, сильный, давно созревший, Шура вдруг прижалась к нему всем телом и стала страстно целовать Вячеслава. Вячеслав почувствовал, как что-то горячее, огненное, струей вырвалось из него, и он ощутил величайшее блаженство от близости с женщиной. Он застонал от удовольствия. Шура, целуя его в губы, всхлипывала.

Вячеслав увидел перед собой расширенные зрачки и понял, что Шуру жжёт тот же огонь страсти, который сжигает и его. Потом они долго молчали. Шура просунула руки под мышки Вячеслава и тихонько, нежно гладила его широкую спину. А он, прижав её голову к груди, губами теребил её волосы и был полон благодарности этой женщине, давшей ему почувствовать, что он мужчина. Шура подняла голову и жарко зашептала:

– Слава, мне так было хорошо с тобой. Я такого никогда не испытывала.

Вячеслав поцеловал Шуру в губы, отстранил от себя, держа её за плечи, и сказал:

– Спасибо тебе. Ты у меня – первая женщина.

Как-то они разговорились с Виктором о том, чтобы в отпуск поехать в Крым. Но для этого нужны были деньги. И Вячеслав решил пойти поработать грузчиком в том же железнодорожном цеху. Он оформил перевод, так как это был один и тот же завод, и вышел на

работу в отдел грузоперевозок. Грузы были разнообразные: уголь, цемент в мешках и насыпом, кирпич, лес, проволока разного сечения.

Стройматериалы приходили на завод в стройгруппу, которая ремонтировала цеха, достраивала новые помещения. Увозили с завода кальциевую и аммиачную селитру, серу. Всё это ложилось на плечи грузчиков. В бригаде грузчиков в основном были мужики от 37 до 45 лет, матёрые, закалённые работой. Вячеславу шёл 18-й год. Занятия разными видами спорта, уличное воспитание сделали его крепким и закалённым парнем.

Попав в бригаду грузчиков, он попал в оборот, которого, честно говоря, не ожидал. Груз начали разгружать бегом, на скорости. Так прошёл первый рабочий день. Темп, заданный бригадой, выдержал. На второй день началось то же. Подходила к концу рабочая неделя, а бригада грузчиков носилась бегом и гоняла его. Впоследствии он узнал, что бригадники так поступали с каждым новеньким членом бригады. Больше двух дней никто не выдерживал и уходил из бригады.

По прошествии семи дней бригадир изрёк, обращаясь к бригаде: «Всё. Берём». Оказывается, это была проверка на выносливость, силу и умение работать. Бригадир – лет сорока, невысокого роста, жилистый и сильный, с твёрдым характером. Он пользовался всеобщим уважением и у руководства цеха, и у работников. Первое время, приходя с работы, Вячеслав валился на диван и засыпал как убитый. Прошло немного времени, он втянулся и приходил в себя после работы гораздо быстрее.

Он вновь начал ходить с Виктором не только на тренировки, но и в парк на танцы. Мать, жалея его, уговаривала больше отдыхать. Но где там! Его влекла бурная молодая жизнь. Работали они посменно. И часто так было, что после гуляния в парке он мчался на работу в третью смену. Бригадир разбивал всех по звеньям, по 3-4 человека, давал задание, и все расходились по рабочим местам.

Вячеслава бригадир брал с собой на самые ответственные и тяжёлые участки. Им часто приходилось разгружать пульманы с углём. Если ямы для угля были пустые, это ещё куда ни шло. Они открывали нижние люки, и уголь сыпался в ямы. В пульмане оставалось подчистить лопатами и вымести. Но случалось так, что приходил вагон с

углём, а ямы были заполнены. Вот тут и начиналось самое тяжёлое: отбив крюки, с люков высыпали совсем немного угля.

Два человека становились возле люка с двух сторон и огромными угольными лопатами начинали перебрасывать уголь в дальние края свальных ям. Третий участник звена лез в пульман и перебрасывал уголь к люкам. Разгружали и перебрасывали, не останавливаясь. Здесь был заведён такой порядок. Если не успели до конца разгрузить вагон с углём, то разгрузку этого вагона записывали на бригаду, которая приходила на смену и заканчивала разгрузку. И можно только представить, какое огорчение получали те, кто разгрузил почти полностью вагон и не успел до конца окончить работу. А в пульман помещалась 61 тонна угля.

Поэтому работали без перекуров и в живом темпе. После разгрузки падали на угольную кучу и по очереди ложились осторожно на спину друг к другу. Отмахав 8 часов лопатой в согнутом состоянии, не так легко можно было выпрямиться. Потихоньку выпрямившись, шли в рабочую баню. После разгрузки угля грузчики выглядели как шахтёры. Уголь въедался в лицо, в голову, в тело. Отмывались по часу-полтора, а то и больше.

Иногда звено бригадира уходило на разгрузку в аммиачный цех. Укладчиков не хватало, и давали команду, чтобы приходили грузчики из железнодорожного цеха. Работа была своеобразная, но не из простых. Из больших чанов шла селитра аммиачная, или кальциевая. Она рассыпалась по бумажным мешкам. Вес каждого был 50 килограммов. По транспортёру мешки продвигались на железнодорожную ветку, подходящую вплотную к цеху.

Подгоняли железнодорожный вагон. Внутрь вагона устанавливали малый транспортёр, по которому продвигались мешки с селитрой. Войдя в вагон, бригадир давал команду оператору. И тот включал рубильник. Селитра пошла.

И вот здесь начиналось самое главное. Друг за другом хватали мешки и неслись в конец вагона, укладывая их в ряд. Зевать нельзя было ни секунды. Прозевал – мешок упал на ноги. Надо кому-то изловчиться и убрать его, чтобы не мешал. Не останавливались, пока не загрузили вагон. Норма на человека была 40 тонн. Невероятно, но все её выполняли.

Философия трудового детства и каникулы

Вообще, подготовка к труду тогда у многих была отличная с детства. Слава вспоминал, как во двор приезжала совхозная машина и забирала ребятню 6-ти, 7-ти, а то и пяти лет, и увозила на совхозные участки. То траву дёргали между грядками, то приходило время, и все отправлялись на уборку урожая.

Вспоминается время, когда собирали помидоры. Каждый должен был собрать 6 сапеток. Это большие плетёные корзины. Пять собранных сапеток с урожаем помидор шли совхозу, а шестая шла сборщику в качестве оплаты. По окончании работы ребят вместе с их заработком грузили на машины и развозили по домам. Работник совхоза и водитель разгружали сапетки с помидорами и уезжали. Ребяшня сидела возле своего заработка и ждала родителей с работы.

Вскоре они появлялись. И сколько было радости у детворы от похвалы за усердие. Это было большим подспорьем в то время. Матери консервировали помидоры, делая заготовки на зиму. Такие же операции проделывали и с огурцами. Надо сказать, что руководство совхоза было довольно работниками. Работали они аккуратно и со старанием. Никакого баловства не допускали. Каждый старался выполнить норму, чтобы к концу рабочего дня было что привезти домой. Да и взрослые то и дело проходили по грядкам и подсказывали малышне, что делать.

А сбор металлолома! Из искорёженной войной земли были добыты тонны металла. И это было подспорьем для всех. Да и в школах труду уделяли большое внимание. Мальчишек обучали работе по дереву. Они пилили, строгали, делали табуретки. У девчонок были уроки кройки и шитья. Их учили готовить пищу. Были уроки кулинарии. Готовили всех к взрослой жизни.

В то время при каждой школе были приусадебные участки. Выращивали фруктовые деревья и ягодные кусты. Самое интересное то, что ребята, которые привыкли шастать по колхозным и совхозным садам, ревностно оберегали свой школьный сад.

По очереди, по несколько человек, ходили на дежурство. Всем хотелось, чтобы выросшие плоды созрели. Чтобы осенью, когда все

придут в школу, собрать урожай из собственного сада и разделить на всех учеников. Сбор урожая проходил дружно, затем учителя со старостами классов и добровольными помощниками делили урожай и раздавали ученикам.

В сознание закладывалось главное знание: полезность труда не только для себя, но и для всех. Подготовка к взрослой жизни велась основательно.

Уже живя в городе, Славка каждое лето проводил у бабушки в деревне. Только заканчивались школьные занятия, его собирали в деревню. Мать покупала в магазине хамсу, расфасовывала по банкам. Покупала конфеты, и, всё упаковав в сумку, Славку вели на причал. Подходил пароход, ходивший тогда по Днепру. Отец заносил сумку на верхнюю палубу и заводил туда Славку. На выходе что-то говорил матросу и, помахав рукой, уходил.

А Славка располагался на свободной лавке, и по ходу движения парохода он разглядывал берега. В хорошую погоду на верхней палубе появлялись люди. А если было ветрено или шёл дождь, все прятались на центральной палубе или спускались в коридоры ближе к машинному отделению, где было тепло. Славка засовывал сумки под лавку и тоже спускался к машинному отделению. Где-нибудь пристроившись между перегородками, он, убаюканный звуком машин, засыпал. Плыть надо было недолго, к утру пароход причаливал к пристани села Мишуриной Рог. Один из матросов, с которым долго разговаривал отец, брал Славкины сумки и сносил на берег. Пароход отчаливал и уходил дальше в плавание по реке.

А Славка ожидал, когда за ним придут. Его обычно встречал дядя Саша, папин брат, прекраснейший гармонист. Первые музыкальные уроки Славка получил от дяди Саши. Он показал ему, как играть на гармошке, и тот уже через пару сезонов сносно играл простые вещи. У дяди Саши дома был барабан с прикрепленными медными тарелками. Он научил племянника отбивать ритмы, и впоследствии брал его на свадьбы.

Если дядя Саша не приходил, то Славка оставлял сумки у матроса на причале, а сам, сначала по берегу, а затем и деревенскими улицами шёл к дому бабушки. Сумки потом забирали дядя Саша.

Долго расслабляться Славке не приходилось. Через несколько дней начиналась его трудовая жизнь в деревне.

В деревне было заведено, что каждое утро выгоняли в стадо коров. Их пас деревенский пастух, но каждый день два двора выделяли по человеку на помощь пастуху, подпaska. И, как правило, это была детвора. Пастух гнал стадо через огромное провалье. Так называли в деревне каньон. По нему стадо шло не спеша километров пять. С другой стороны была дорога наверх, на обширные поля.

Вот туда и выгоняли стадо. Пастух располагался где-нибудь под кустом, а подпaskи бегали и заворачивали коров, если они далеко отходили от стада. Корма хватало всем. К обеду подпaskи сгоняли коров к ближайшей роще. Через некоторое время из села появлялись бабы с вёдрами. В них на треть была вода. Бабы шли на дневную дойку. Покричав каждая свою корову: «Манька», «Зорька», «Чернуха», «Белянка», бабы располагались сбоку от коров и, приговаривая ласковые слова, мыли вымя, а затем начинали дойку.

Пастух и подпaskи получали свою порцию молока и садились обедать. Хлеб они приносили из дома. Подоив коров, бабы забирали вёдра с молоком и шли верхней дорогой в село. Постояв, погнав мух и слепней хвостами, коровы вновь разбрeдались по пастбищу.

Стадо паслось до позднего часа. Уже когда смеркалось, пастух и подпaskи собирали коров и гнали их на нижнюю дорогу в каньон. Коровы шли не спеша, отягощённые накопившимся молоком. Ближе к деревне коровы сами убыстряли шаг. Войдя в село, они самостоятельно разбрeдались по своим улицам. На улицах и возле дворов их ждали хозяйки, зазывая по имени.

Коровы заходили в свой хлев. Подбросив им травы, хозяйки приступали к вечерней дойке. Славку усаживали ужинать. После ужина он хотел лезть на печь, чтобы отдохнуть. За день подпaskи прилично наматывались, бегая за коровами. Но тут мальчишку ждало огорчение. Тётя Аня говорила ему:

– Поешь и беги к бабушке. Спать будешь там сегодня. Завтра её очередь выставлять подпaska.

Славка, поужинав, бежал к бабушке. Её хата была через пару улиц. Прибегая домой к бабушке, он во дворе умывался. Бабушка отправляла его на печь пораньше:

– Иди, спи. Завтра рано вставать.

Утро начиналось в том же ритме. А вечером он слышал уже от бабушки:

– Беги к тётё Вере. Завтра её очередь выставлять подпaska.

И так всё лето. Но были и другие дни, когда он был свободен от работы подпaska. Он бежал в конец улицы, где собирались такие же, как он, пацаны и девчонки. Собравшись гурьбой, они шли в плавни. От Днепра отходили небольшие речки. Обогнув островки, речки вновь впадали в основное русло Днепра. Берега плавней были песчаные. Золотой песок сверкал на солнце, маня своей белизной растянуться на песке.

Все дружно раздевались и кидались в речку. Купались и ныряли до одури. Затем выскакивали на горячий песок, вываливались в нём и шли на солнце. Но не только этим они занимались, приходя на берег. Смыв с себя песок и одевшись, они разбредались по плавням и начинали таскать в кучки сушняк. На плавнях было полно ивняка. Сухие ветки они обламывали и собирали в кучу.

Каждый себе готовил вязанку, которую потом мог без особого труда донести до дома. Собрав по вязанке, шли за травой. На пойме она была высокая и сочная. Из травы же сплетали небольшие канаты для связки вязанки. Все друг другу помогали. Вязанки связывали прочно, в тугую. Туда же, в вязанку, укладывали небольшой сноп травы.

Взгромоздив вязанки на спину, отправлялись в деревню. Пройдя плавни и дикое поле, подходили к селу и расходились по своим улицам. Придя домой, Славка сбрасывал вязанку за коровник. Бабушка забирала траву, которую он приносил, и кидала в ясли. Вскоре во дворе появлялась и корова. Зайдя в коровник, она с аппетитом жевала речную сочную траву. Вот в таком ритме у Славки проходило лето. Возвращался он из деревни загоревшим, окрепшим и с новыми силами.

Учась в ремесленном училище, Вячеслав с одноклассниками ходил на копку погребов в частный сектор на окраине города.

Таким способом они подрабатывали себе не только на жизнь, но и на скромные в то время какие-то желания. Поэтому, работая грузчиком, Вячеслав быстро втянулся в работу и, что удивительно, продолжил ходить на тренировки в спортзал в секцию бокса и борьбы.

В этом напряжённом ритме он успевал проглатывать книгу за книгой. Это была его страсть, приобретённая в детстве. Уже тогда он делал вырезки из газет и журналов о писателях, поэтах, людях, его интересующих. Короче, именно тогда он стал собирать архив. Собирателем он занимался давно. С третьего класса он начал собирать марки. Этим тогда увлекались многие. Они менялись марками, в то же время узнавая всё о том, что было изображено на марках и по какому случаю.

Марки Славка собирал до седьмого класса, а потом увлёкся собиранием монет. Однажды на день рождения его пригласил Боря Белостоцкий. Он тоже собирал марки. Это увлечение у Бориса было серьёзным. У него были альбомы и всё по полочкам. Славка не знал, что подарить Борису. Ему подсказала мать:

– Подари Борису марки. Ты уже их не собираешь. А он занимается этим основательно.

Надо сказать, что Славка без сожаления согласился с маминым предложением. Он взял жестяную коробочку от леденцов, доверху в тугую заполненную марками, и пошёл к Борису. Зайдя в квартиру, он поздравил Бориса с днём рождения и подарил коробку. Родители Бориса, учителя из школы, в которой учился Славка, заинтересованно смотрели на происходящее.

Борис хотел отложить коробку, но Славка возразил:

– Ты открой вначале.

Борис открыл коробку и ахнул. Глаза его заблестели, он не мог скрыть охватившую его радость. Отец Бориса, завуч школы, глядя на такой шикарный подарок, произнёс:

– Да зачем ты? Можно без этого.

Он знал, что Славка тоже собирает марки. Они часто обменивались марками с Борисом.

– Нет. Всё, – твёрдо сказал Славка. – Я так решил.

Кстати сказать, позже Борис, узнав, что Славка собирает монеты, подарил ему несколько старинных монет. Однако с коллекционированием у него произошло ещё немало разных случаев. Уже когда Вячеслав уходил в армию, у него дома осталась коллекция из 113 монет. В ней были древние русские квадратные рубли. Это были уникальные экземпляры.

Но когда он вернулся из армии домой, своей коллекции он не нашёл. Осталось только 12 монет. Пока он служил в армии, его младший брат Илья, увлечшись, как большинство в то время, коллекционированием спичечных коробков, добрался до коллекции монет и стал на них выменивать спичечные коробки. Это как-то прошло мимо родителей. А когда отец обнаружил пропажу монет, уже было поздно.

Ну что было делать Вячеславу в таком случае? В 1961 году ему исполнился 21 год, а Илье шёл только девятый год. Погоревав немного, Вячеслав махнул рукой и забыл. Да и Илья ещё недолго занимался сбором спичечных коробков. Увлечение прошло. Но это было позже.

Служба в армии

А в тот момент, поработав полгода грузчиком, он получил отпуск. Они с Виктором засобирались в Крым. Купили билеты до Феодосии. В Феодосии они сняли квартиру в частном секторе. Расположились и пошли знакомиться с городом. Жили недалеко от моря. Пляж они себе облюбовали у санатория Министерства обороны.

Они быстро перезнакомились с матросами-спасателями. Каждый день утром, приходя на пляж, они садились в лодки вместо спасателей и гребли по 2-3 часа. На пляже появилась ещё пара крепких ребят-гимнастов. Они организовали на пляже чуть ли не секцию акробатики. Стали лепить фигуры. Вокруг них стала собираться молодёжь: парни, девушки.

Они привлекали к себе внимание и пользовались популярностью. Как-то, надев спортивные костюмы и по домашней привычке

ке засунув за пояс по тонкой кожаной перчатке, они отправились в город. Дело в том, что они часто участвовали в уличных драках, а в то время это было неизбежно. Всё решалось в уличных драках. Вот тогда, в то время, и Вячеслав, и Виктор заметили, что после бокового левого, который молниеносно наносил Вячеслав, противник падал, как подкошенный. У Виктора получался отлично удар с правой.

У Славки были перчатки из тонкой настоящей кожи. Когда перчатку надевал на руку и сжимал кулак, рука становилась как камень. Не нужно было никаких предметов. Так они разделили перчатки, и в случае каких-то разборок надевали их и были во всеоружии. Однажды они пришли к железнодорожному вокзалу в Феодосии. На площадке башни Святого Константина была танцплощадка. Купили билеты и зашли внутрь ограждения.

Осмотревшись, они пригласили пару девчонок станцевать. В перерыве стояли возле круга. За ними толпилась большая группа парней и громко хохотала. Один из них ринулся, буквально ринулся, между Виктором и Вячеславом, пытаясь их растолкать. Явно затевал драку. Виктор и Вячеслав прижались плечами друг к другу и не пустили парня. Он повернулся назад и что-то крикнул в группу. Те повернулись и начали подходить к ним.

Виктор схватил парня за локоть и повёл к выходу, где стояли два милиционера. Подведя парня к милиции, Виктор толкнул его на милиционеров:

– Заберите, дерутся.

Пока те соображали, что делать, Витька сказал:

– Быстрой спускаемся!

Приостановившись внизу у лестницы, они обернулись и заметили, что парни здороваются с милицией. Понятно, что это были свои, местные, а потом всей группой ринулись вниз за ними. Убыстря шаг, они направились по аллее. Но это была их тактика. Уже отработанная в уличных драках. Вячеслав вычитал в одной из книг, как дрался Спартак, предводитель восставших рабов. Он создавал впечатление, что сбегает. Преследующие его бросались вдогонку. Кто-то вырывался вперёд.

В этот момент Спартак останавливался и наносил удар преследователю. Валил его наповал. И устремлялся дальше. Затем резкая остановка, удар и следующий противник повержен. То же делали и Вячеслав с Виктором. И вот сейчас от группы оторвался особо ретивый. Виктор через плечо увидел его и скомандовал: «Бьём». Они резко остановились и с разворота в два кулака нанесли удар. Удар был настолько сильным, что у преследователя ноги оторвались от земли, и он грохнулся на землю. Ещё ничего не сообразив, за ним кинулся следующий. Произошло то же самое.

Группа стала быстрее подтягиваться к ним. На выходе из сквера они вдруг услышали зов:

– Слава, сюда идите!

Вячеслав опешил от неожиданности. Звали его из группы моряков. К ним направлялся моряк. Славка узнал Анатолия Дочуркина. Это был парень из их двора, старший по возрасту. Моряки окружили их, сняли ремни и кинулись на преследователей. Завязалась приличная драка. Подтянулись ещё моряки, и вскоре группа ретировалась. Оказалось, что это была банда Чеснока с Карантина. Моряки их ставили на место, когда они совсем распоясывались. Так случилось, что в тот вечер Виктор и Вячеслав встретили своего земляка Анатолия, и они здорово им помогли. В незнакомом городе неизвестно, чем бы это всё закончилось.

Отпуск подошёл к концу, и они отправились домой. Вечером по прибытию они пошли в парк на танцы и там встретили Лиду и её подругу. После танцев Вячеслав поехал провожать Лиду. Так они начали встречаться. Только через десять дней он решил её поцеловать. Затем каждый раз, когда он её провожал, они обнимались, целовались и что-то взволнованно шептали друг другу, хотя рядом никого не было. Потом снизу раздавался звонок трамвая, и он начинал длительный подъём без остановок.

Славка целовал Лиду и срывался с места. Он бежал до трамвайной остановки кинотеатра «Аврора». Это был последний трамвай, и если он не успевал, то домой приходилось идти пешком через Баглейский мост, через станцию Баглей. А до дома это было около двадцати пяти километров. Как-то, находясь у Лидино дома и об-

нимая её, он решил запустить руку ей за пазуху. У Лиды были большие, круглые, твёрдые груди. Они возбуждали Славку. Но попытка не удалась. Девушка заартачилась и даже закричала.

Вячеслав махнул рукой и пошёл домой. Он решил не встречаться с ней. Где-то через неделю Лида с подругой появилась на танцплощадке. Однако Вячеслав даже не подошёл к ней. Прошёл мимо и не обратил на неё внимания. Уговоры Виктора тоже не помогли. И только когда Вячеслав получил повестку в армию, Лида приехала на Соцгород. Позже оказалось, что Виктор видел её на работе. Она работала продавцом в магазине одежды. Он сообщил ей, что Славка получил повестку и скоро уйдёт в армию. И уговорил её приехать. Они помирились.

Проводы в армию устроили грандиозные. В то время в армию провожали очень широко. Собрались родственники, друзья. Стол был заставлен выпивкой и закуской. Лида тоже приехала на проводы. Когда закончили гулянье, родственники и родители, набросав на пол матрасы, улеглись отдыхать в другой комнате. В комнате, где проходило застолье, на диване постелили Лиде и Вячеславу. Друг Славки, одноклассник Юрка, улёгся на полу, подстелив матрас. Изрядно выпив, он быстро заснул.

Вячеслав, весь польхая, начал обнимать и целовать Лиду. Она тоже была возбуждена, и он, преодолев её робкое сопротивление, вошёл в неё. С ним происходило что-то невероятное. Он не спал до утра. Утром, проснувшись, он обнаружил кровь на простыне. Лида была девственницей. Кое-как скомкав простыню, он отнёс её в ванну.

Начали просыпаться родственники. Позавтракав, все поехали в город в военкомат на призывной пункт. Военкомат находился в старом польском костёле. На территории военкомата уже собралось много народа. Пришли военные. Начали вызывать всех по фамилиям. Парни с вещами заходили внутрь костёла. Таким образом отделили родственников от призывников.

Во второй половине дня к костёлу подъехали автобусы. Всех призывников разместили в автобусы и повезли в Днепропетровск на общий призывной пункт. В огромном зале стояли десятки кроватей с матрасами. Парни расположились на ночлег. Началось зна-

комство, разговоры и куча вопросов. В обед их покормили. Затем всех проверили.

На следующий день устроили переключку и разрешили поехать домой. Приказано было вернуться через два дня. Получатели, которые должны были разобрать призывников по воинским частям, не приехали. Где-то произошла накладка. Славка с другими парнями из города помчались на железнодорожный вокзал на электричку.

Приехав домой, удивив родителей, к вечеру Славка поехал к Лиде. Она тоже была удивлена, но и обрадована. Дождавшись, когда стемнеет, он начал усиленно обследовать Лидино тело. Распалившись, он прижал её к забору и проник в неё. Домой по привычке бежал, чтобы успеть на трамвай, идущий на Соцгород. Два дня пролетели мгновенно. Приехав на сборный пункт, он попал на переключку.

Утром их всех строем отправили на вокзал. Погрузившись в вагоны, парни располагались для поездки. Вагон гудел как улей: разговоры, воспоминания о доме, обмен впечатлениями. Поездка была недолгой. Утром они прибыли в Харьков. На привокзальной площади их ждали автобусы. От вокзала до воинской части ехали недолго. Воинская часть, а это была радиолокационная часть, находилась на Холодной горе, такое название местности.

Затем всех новобранцев строем, в сопровождении старшины и сержантов, повели в баню. Мытьё, стрижка наголо, передевание в военную форму – всё это происходило в другом городке воинской части, который располагался возле гарнизонного Дома офицеров. В городке новобранцев разбили по батареям. Так назывались подразделения. В батарею входили 4-е взвода, а всего было 120 человек. Четыре батареи составляли дивизион.

Весь дивизион размещался в одном здании. Две батареи – на первом этаже, две – на втором. Новобранцам представили заместителей командиров взводов, сержантов, которые начали службу второй год. Разбили всех по взводам. Выстроили их по росту. И тут Славка заметил, что со своим ростом 1 м 78 см он оказался в конце отделения. Впереди стояли парни выше его. Вольные вещи рассовали по мешкам и сдали в каптёрку.

Одевание, раздевание, мытьё, стрижка, обед, ужин, знакомство с казармой, получение спальных мест быстро съели время. Подошло время отбоя. Все завалились спать. Утомлённые дневной суетой, переменой жизни, все быстро заснули. Утром прогремел глас старшины: «Подъём!»

Новобранцы начали просыпаться, прыгать с верхних коек, одеваться, мотать портянки, натягивать сапоги. «Становись!» – прогремела команда старшины. Все начали выстраиваться в коридоре в две шеренги. Сержанты подгоняли отстающих, даже тех, кто не успел обуться.

– Равняйся! – подал команду замкомвзвода старший сержант. – Смирно!

С этими командами большинство было знакомо, так как в то время в школах преподавали военное дело. Были военруки, которые усиленно обучали военной дисциплине.

– Выходим на улицу и разбираемся по взводам, – проговорил старшина. – А сейчас всем раздеться до пояса. Рубахи и гимнастёрки – на табуретки. На всё про всё – две минуты.

Надо сказать, что был конец ноября, и на улице уже было холодно. Фамилия старшины была Шармар. Следует отметить, что у него был скверный характер. Он всегда норовил кого-нибудь зацепить и наказать за любую мелочь.

Батарея не осталась у него в долгу. Каждое утро, вернее, каждый день батарею водили на завтрак, обед и ужин в другой городок. Там была войсковая столовая. За ними вечно бежали несколько собак-дворняжек. Солдаты то и дело подкармливали их, хотя это было запрещено делать. Солдаты заметили одного симпатичного щенка и начали его подкармливать. Кличку ему дали «Шармар».

Со временем он привык к батарее, узнавал её среди других батарей. Кто-нибудь из строя давал команду: «Шармар, ко мне». И пёс, весело виляя хвостом, нёсся от ближайших домов к идущей батарее. У солдат были припасены для него кусочки хлеба, а иногда и кусочки мяса, не съеденные во время обеда или ужина. Пёс сопровождал батарею в городок, а иногда ему удавалось проско-

чить мимо караульных у ворот, и он добирался до самой солдатской столовой.

Однако старшина и сержанты следили строго за тем, чтобы пса не кормили. Кто был пойман на этом крамольном деле, строго наказывался: внеочередное дежурство на кухне или наряд вне очереди.

Утром по подъёму – туалет, умывание и бегом на улицу. Делали несколько кругов по городку, потом – гимнастика и подход к турнику и брусьям. Подготовленный спортивно на гражданке, Вячеслав легко воспринимал утренние нагрузки. В батарее было ещё человек десять спортивных парней.

Они быстро объединились, сложились деньгами и вместе с двумя сержантами поехали в город в спортивный магазин. Закупили гири разных весов – 16, 24 и 32 кг – по две гири. Вечером после ужина, через час или полтора, начинали таскать гири прямо в казарме. Им разрешили соорудить небольшой помост. К гилям подходили не только спортсмены, но и все желающие. В армию Вячеслав пришёл с первым разрядом по боксу, со вторым разрядом по борьбе, и это ему здорово пригодились.

Через некоторое время его нашёл начальник физподготовки части, по званию – майор, сухой, жилистый и подвижный человек. В части ещё нашлись новобранцы, которые на гражданке занимались боксом. Было объявлено, что через два месяца будет проводиться первенство дивизиона, а затем и первенство части. Вячеславу было поручено готовить команду. В городке был спортзал. Им принесли перчатки, и тренировки начались.

Надо сказать, что часть, куда они приехали служить, была радиолокационная. Учебная часть. Как в любом учебном заведении, после всех утренних мероприятий начинались занятия по классам. Занятия шли до обеда. После обеда – политзанятия, строевая подготовка, затем личное время – тренировки. Время солдат было занято до предела. Перед ужином проходило изучение схем радиолокационных установок и практические занятия в радиолокационных установках, которые стояли во дворе части на козлах.

Командиром части, он же – руководитель училища, был генерал-майор инженерных войск Белов. Состав новобранцев был подо-

бран заранее в городах, из которых они призывались. У всех было образование не ниже десяти классов, а некоторые, как и Вячеслав, имели профессию электрика. В освоении знаний это помогало. Службу себе Вячеслав облегчил тем, что пришёл в армию подготовленным и как спортсмен, и не только.

По прибытию в часть, буквально через пару дней, в казарму зашёл старшина. Курсанты, а учащиеся радиолокационной школы считались курсантами, занимались каждый своим делом. Кто беседовал, кто таскал гири, а то просто отдыхал на табуретках. Шармар громко произнёс: «Кто?» Не успев досказать вопрос, он услышал ответ: «Я». Это выкрикнул Вячеслав неожиданно для себя.

– Ну-ка, иди сюда, – хитро произнёс Шармар и повёл Вячеслава по коридору казармы. Они зашли в Ленкомнату. В ней ещё Вячеслав не бывал. Окинув быстрым взглядом Ленкомнату, он заметил в углу большой домровый контрабас, рядом на тумбочке стоял баян. На окне лежал футляр от кларнета. Справа от двери на подставке стоял барабан, и на нём лежали барабанные палочки.

– Так вот, я приду через тридцать минут, чтобы ты собрал тех, кто умеет играть, – повернулся и пошёл.

С контрабасом было ясно. Он возьмётся играть сам. Не зря он играл в эстрадном оркестре Дворца культуры химиков. Он с благодарностью вспоминал своего руководителя оркестра, который научил его играть на слух. Вячеслав вернулся в казарму. Курсанты смотрели на него с ожиданием.

– Кто играет на баяне? – произнёс громко Вячеслав. Из дальнего угла казармы вышел невысокого роста щуплый парень. На утренних зарядках и на занятиях по физподготовке он всегда вошёл в конце. Давалось это ему с большим трудом.

– Иди сюда! А может, кто-то владеет хоть немного кларнетом? – спросил со слабой надеждой Вячеслав. Но такой человек тоже нашёлся. Вячеслав повеселел:

– А кто в школе был барабанщиком?

Выдвинулось сразу несколько курсантов. Вячеслав указал на ближайшего:

– Пошли, ты.

Они все направились за ним в Ленинскую комнату.

– Разбирайте инструмент, – произнёс Вячеслав, а сам направился к контрабасу. Он потрогал пальцами струны. Контрабас был расстроен. Вячеслав начал подтягивать струны на слух. Курсант, который сказал, что знаком с баяном, взял баян, надел ремни, сел на стул и пробежал по клавишам. С первого движения стало ясно, что инструментом он владеет. Он начал потихоньку что-то наигрывать, разминая пальцы.

К футляру для кларнета подошёл тот, кто сказал, что с ним знаком. Открыли футляр. Там лежал кларнет в разобранном виде. Курсант собрал его и на дне футляра обнаружил мундштук с тростью. Барабанщик уселся на стул и тихонько отбивал дробь.

– Дай-ка мне ноту «ре», – обратился Вячеслав к баянисту. Тот нажал клавишу на басовом регистре. Подстроив контрабас, Вячеслав прошёл по грифу пальцами, одновременно извлекая звуки правой рукой. Кларнетист возился с кларнетом. Собрав его, он пробовал извлекать из него звуки. У него получалось.

Дверь в комнату открылась, и зашёл старшина. Увидев, что инструменты разобраны, он безапелляционно произнёс:

– Вернусь через полчаса. Не будете играть, все пойдёте на гауптвахту, – повернулся и ушёл.

– Ничего себе оборот, – произнёс барабанщик. – Что мы ему будем играть? Когда успеем подготовиться?

И тут Вячеслав вспомнил популярную в то время мелодию. Они часто играли её с эстрадным оркестром на вечерах в Доме культуры. Обратившись к баянисту, он спросил:

– Ты знаешь мелодию «Истамбул-Константинополь»?

– Да, – коротко ответил баянист.

– Давай играй, а мы с барабанщиком подберём ритм.

Баянист начал играть. Ударник начал отбивать чёткий ритм. Вячеслав тоже через несколько тактов вошёл в ритм мелодии. Кларнетист потихоньку пробовал тоже подбирать. Баянист подсказал ему ноты. И уже через десять минут у них стало получаться слаженно.

Пришёл старшина:

– Ну, я слушаю.

Барабанщик отстучал счёт, и они заиграли. Потом прибавили звук, и комната наполнилась популярной в то время мелодией. На лице старшины появилась довольная улыбка. Отыграв несколько тактов, они остановились.

– Так. Каждый вечер – репетиция, – произнёс старшина тоном, не терпящим возражения. Впоследствии участие в ансамбле им помогало избежать не только нарядов вне очереди, но и тогда, когда наступала их очередь.

Фамилия баяниста была Крапива. Он был с Донбасса, родом из знаменитой музыкальной семьи. На баяне играли не только его братья, но его отец и дед. Владел инструментом он отменно и знал массу популярных мелодий. Вячеславу и барабанщику надо было держать ритм. Труднее приходилось кларнетисту. Но со временем он тоже всё вспомнил и прекрасно влился в квартет.

В то время над воинскими частями брали шефство производственные коллективы. Шефами у их части была харьковская типография. И вторыми шефами был хлебозавод. Иногда коллективы художественной самодеятельности предприятий приезжали к ним с концертами, но чаще приглашали их к себе. Ансамблю подавали небольшой автобус. Они забирали свой инструмент и во главе со старшим сержантом, помкомвзвода, отправлялись на встречу.

Помимо выступлений, они, по просьбе работниц, играли и танцевальную мелодию. Молодые работницы угощали их булочками и чаем. Однажды Вячеслав сообразил, что оставлять угощение неудобно, а везти в часть нельзя. Он отпустил струны контрабаса и в отверстие опустил несколько булочек. Струны натянул. Так они и вернулись в часть. На КПП прошли спокойно. Инструмент занесли в Ленинскую комнату. Достали из контрабаса булочки и позвали своих друзей.

Впоследствии они заносили контрабас прямо в казарму. В казарме всегда горел ночник. И курсанты доставали булочки из утробы контрабаса сами. В казарме всегда ожидали их возвращения из поездок к шефам.

Но не только эти мероприятия облегчали службу Вячеславу. Он получил разрешение от командира дивизиона ходить постоянно на тренировки. Он ездил в спортзал «Авангард». Уезжал на тренировку он к 18 часам. До отбоя должен был вернуться. Комбат был против этих тренировок и не хотел его отпускать. Но на его стороне были начальник физподготовки части и командир дивизиона. Его поддерживал и командир взвода старший лейтенант Сорокин.

Претензий по занятиям к Вячеславу не было. Учёба ему давалась легко. Он свободно чертил схемы, которые развешивал в казарме командир взвода Сорокин. И когда они занимались практической учёбой в станции, Вячеслав быстрее других в порядке строгой последовательности включал все блоки.

Со временем он сообразил, что не обязательно ходить на тренировки каждый день. И, идя на тренировку, он заворачивал в парк, где гуляла молодёжь. В парке он встречал курсантов из своей части. Однако они гуляли с опаской, боялись попасться патрулям.

Прошло первенство дивизиона. Команда их батареи выиграла первое место. Затем состоялось первенство части. А в части было шесть дивизионов. Первенство части они тоже выиграли. Придирки командира батареи прекратились, и не только потому, что результат был налицо. А потому ещё, что командир дивизиона строго-настроено приказал его не трогать.

Тогда командир батареи придумал другое. Он перестал пускать Вячеслава в увольнение в субботу и воскресенье. Служба шла своим чередом. Занятия днём в классах. Вечером – чтение схем в казарме. Тренировки, занятия в ансамбле. Шефские выезды на хлебобулочный комбинат. Ночные подкормки курсантов булочками из контрабаса.

Пошли частые занятия на радиолокационных станциях. Ночной подъём по тревоге. Расчёты быстро должны были занять места, завести двигатель. А старший расчёта должен был в строгой последовательности включить 139 тумблеров и запустить в работу станцию. Курсантов готовили основательно, и все справлялись с поставленной задачей. Часть выехала на летние учения в Чугуевский лес. Курсы, маршировки не прекращались. И занятия, и тренировки на радиолокационных станциях воспринимались как отдых.

В начале сентября Вячеслав вместе с другими членами сборной части по боксу были отправлены Харьков в часть. Половину дня они работали на ремонте склада вооружения, а вторую половину готовились на первенство округа, которое должно было проходить в Киеве. Так случилось, что два человека были в одной весовой категории – во втором среднем весе. Кому-то надо было гонять вес и перейти в категорию первого среднего.

Начальник физподготовки части сказал: «Бросайте жребий, и кому выпадет, тот и будет гонять вес». Бросили. Гонять вес выпало Вячеславу. Что такое гонять вес в армии, можно было с трудом представить. Постоянные физические нагрузки, длинные дистанции бега, тренировки и так не позволяли иметь солдату лишний вес. Начались изнурительные тренировки и стгонка веса. Сокращение рациона. На что только ни шли...

Кто-то посоветовал поесть селёдки на ночь, а потом привязать к кровати, чтобы не бегал пить. Так и сделали. Весов в этом городке не было, и лишний раз взвешиваться возможности не было. У Вячеслава было 75 килограмм до начала стгонки, а когда он встал на весы, то весы показали 69 кг. Это был перебор. И это потом вышло боком.

Он приехал в Киев. Их расположили в одной из частей. Первенство проходило в гарнизонном Доме офицеров. Собравшись с силами, первый бой Вячеслав выиграл. На второй день, выйдя на ринг, он почувствовал, что с ним что-то не то. Голова кружится, правая сторона щеки опухла. К нему, как обычно, подошёл судья на ринге. Посмотрев на Вячеслава, он позвал врача.

Подошедший врач осмотрел внимательно Вячеслава и констатировал: «Срочно в госпиталь». Вячеслав с трудом оделся. Машина «скорой» привезла его в госпиталь. Врач, принимающий больного, глянув на Вячеслава, скомандовал: «В операционную». Его завели в стоматологический кабинет. Сделали укол. Зашёл доктор из приёмной. И быстро разрезал ему челюсть. Затем вытащил зуб, который хорошо держался.

На следующий день Вячеслав узнал, что операцию ему делал сам начальник госпиталя, армянин по национальности. Во время

врачебного обхода он спрашивал Вячеслава обо всём. Узнав, что тот гонял вес, он сердито произнёс:

– Начальник физподготовки – кретин. Будешь в госпитале, пока не наберёшь вес семьдесят шесть килограммов.

И прописал усиленное питание. Вячеслав быстро пошёл на поправку. Подходило время выписки. Ему пришла в голову мысль: съездить домой, прежде чем вернуться в часть. Он пошёл с просьбой к начальнику госпиталя. Тот выписал ему командировочное удостоверение, на котором указал срок возвращения в часть на два дня позже.

Он тут же помчался на вокзал. Взял билет на ближайший поезд и к утру уже был в Днепропетровске. Родители были и обрадованы, и удивлены. Два дня пролетели мгновенно. В свою часть он вернулся вовремя. Занятия подходили к концу. Курсанты начали сдавать экзамены. Затем началась отправка по воинским частям.

Их группу, как одну из наиболее подготовленных, собирались отправить в Германию в Группу Советских войск. Вячеслав тоже готовился к поездке. Но внезапно пришло распоряжение: «Спортсменов распределить по частям Киевского военного округа». Никто не хотел отдавать спортсменов. И он получил направление в одну из воинских частей в город Фастов.

В Фастов его привёз старший сержант, помкомвзвода. Передав на вахте дежурному офицеру документы и Вячеслава, он попрощался и тут же отбыл в свою часть. Вячеслава отвели в казарму, показали место для сна. На следующий день его вызвали в канцелярию. С ним разговаривал молодой лейтенант со значком «Мастер спорта СССР» на кителе. Заметив значок, Вячеслав повеселел.

Спортсмен-офицер – это хорошо и даже здорово. Это был его командир взвода радиолокаторщиков. Во взводе у него было четыре машины с радиолокаторами. В расчёт входили четыре человека: старший оператор, оператор, радист и механик-водитель. Старшим расчёта назначили Вячеслава, как выпускника школы курсантов.

Командир взвода занимался и борьбой, и боксом. Поэтому, прочитав в личном деле курсанта, что он – спортсмен первого разряда по боксу, выразил своё удовлетворение. Не откладывая на потом,

он расспросил Вячеслава о его занятиях спортом и назначил тренировки уже на ближайшие дни. На тренировки надо было ходить в городской спортзал.

На вахте имелось распоряжение командира о разрешении выходить из части каждый день. А Вячеславу выдали постоянную увольнительную. Начался процесс службы в новой части. Утром – зарядка, но на зарядку выходил, кто хотел. Вячеслав, чтобы не выходить из режима, вскакивал по сигналу побудки и бежал на улицу, делая пробежки по плацу и спортивной площадке. Приведя себя в порядок, сходяв на завтрак, расчёты отправлялись по своим машинам, и начинался рабочий процесс.

Механик-водитель включал генератор, а остальные приводили станцию в рабочее состояние. Затем начиналось выполнение боевого задания, полученного от командира взвода. Боевой расчёт сработался быстро. Они помогали друг другу и через некоторое время стали как единый рабочий организм.

Иногда на проверку приходили командиры высшего звена. Отдав команду, они устраивались в станции на свободное место и следили за работой расчёта. Как правило, всё обходилось без ошибок и нарушений, как и должно было быть в армии, особенно при обслуживании столь сложной техники. Прошло около трёх месяцев, их почти перестали проверять, и расчёт смог расслабиться. Включив станцию, они забирались внутрь и потихоньку дремали.

Вечером Вячеслав отправлялся на тренировки, которые он никогда не пропускал. Это доставляло ему огромное удовольствие. С ним на тренировки ходили ещё семь человек. Они готовились к соревнованиям. Должно было пройти первенство гарнизона. И когда состоялось первенство гарнизона, они заняли первое место.

Как-то вечером солдаты не пошли на тренировку, а решили погулять по городу. Помыкавшись по улицам, они решили зайти в местный ресторан поужинать. В зале былолюдно. На них смотрели с удивлением. Для ресторанных посетителей это было удивительно: солдаты все – в армейской форме, и в ресторане. Подошёл официант.

Принял заказ. Спиртное команда не заказывала. Заказали много сока. Команда уже начала ужин, когда в зале ресторана появился офицер. Это был майор, начальник штаба их части.

Он медленно подходил к их столу.

– Сидеть. И не вскакивать, – тихо, но твёрдо сказал Вячеслав.

Вокруг от столиков шёл оживлённый шум гуляющих людей. Когда майор подошёл к столу, занятому солдатами, за соседними столиками затихли.

– Поднялись, и немедленно вышли на улицу, – грозно произнёс начальник штаба.

Из-за соседних столов послышались голоса возмущения. Подвыпившие люди начали бросать реплики:

– Не тронь солдат. Пусть сидят.

Сообразив, что обстановка не в его пользу, майор тихо произнёс:

– Я жду. И побыстрее.

И направился к выходу. Некоторые засуетились и хотели тут же подняться и выйти.

– Сидите. Доедим всё, что заказали, тогда и пойдём. Уже всё равно нас никто не пожалеет. Придётся отвечать.

Команда продолжала ужин. Несколько раз в дверях появлялся майор, но идти к столу с солдатами он не решился. Он понимал, что могут произойти большие неприятности. Доев свой ужин и расплатившись, команда пошла на выход. Перед самым крыльцом ресторана, у самых ступенек, задним бортом стояла большая крытая военная машина. От двери к заднему борту стояли два ряда автоматчиков, человек по семь.

Вот по этому коридору из автоматчиков по одному и пошли члены боксёрской команды части. В грузовике ещё стояли два человека, они подхватывали поднимающегося по ступенькам солдата и провожали его внутрь кузова. Погрузив всю команду, автоматчики забрались в кузов и тоже расселись по бокам на лавках. Автомобиль тронулся. Их привезли в часть. На вахте переписали фамилии, и майор куда-то ушёл. Вернулся он быстро и, обращаясь к «нарушителям», скомандовал:

– Идёте в свои казармы. Собираете вещи и сюда на вахту.

Все пошли собирать вещи, ничего не понимая. Через некоторое время на вахте Вячеслав встретил своего командира взвода. Он был вызван по тревоге. Оказалось, их всех должны были немедленно развезти по другим воинским частям. Их хватало в то время в каждом городке. Позже Вячеслав узнал, что пока они сидели и ужинали в ресторане, начальник штаба всех обзвонил, доложил командиру части и настоял, чтобы их всех немедленно развезли по другим частям.

Ещё на вахте командир взвода обратился к начальнику части с просьбой:

– Оставьте хотя бы его, – и указал на Вячеслава. – Скоро первенство армии, а он идёт у нас первым номером.

В ответ Вячеслав и комвзвода услышали:

– Он прибыл сюда служить, а не заниматься спортом. Армии нужны дисциплинированные солдаты, а не разгильдяи-спортсмены.

А потом, помолчав, начальник штаба добавил:

– Вот ты его и повезёшь. Иди в канцелярию, бери его личное дело, и на станцию.

– А куда везти? – задал вопрос комвзвода.

– На деле уже написано, – коротко ответил начальник штаба.

Забрав в канцелярии документы, позвав Вячеслава, они отправились на железнодорожную станцию пешком. Часть находилась недалеко от вокзала. На вокзале комвзвода пошёл оформлять проездные документы. Дождавшись поезда, они зашли в вагон. Разговаривать не хотелось, да и особенно не о чём было говорить. Всё и так было ясно.

– Куда меня? – тихо спросил Вячеслав комвзвода.

– Мы едем в Белую Церковь. В кадрированную дивизию, – ответил лейтенант.

Что такое кадрированная дивизия, понятия Вячеслав не имел. От Фастова до Белой Церкви дорога была недлинной. Выгрузившись на вокзале, они пошли на автобусную остановку. Доехали до воинской части, зашли на вахту. Комвзвода стал разговаривать с дежурным по части. Он вручил ему личное дело Вячеслава, подошёл к нему. Пожал руку и пожелал:

– Ну, ладно. Служи без происшествий.

И вышел на улицу. Дежурный офицер повернулся к Вячеславу и сказал:

– Иди в сто двенадцатую батарею. Скажешь дежурному, чтобы тебе дали место. Располагайся и жди, когда тебя вызовут в канцелярию.

Забросив мешок на плечи, Вячеслав через внутренние двери вахты вышел на улицу. Он остановился и огляделся. Территория части была огромной. Справа вдали виднелись ангары для техники. Слева – двухэтажные здания. Очевидно, это были казармы. Ещё куча каких-то строений. По центру располагался огромный плац. Вячеслав неспешно пошёл к двухэтажным зданиям. Это действительно были казармы.

– Где сто двенадцатая батарея? – спросил он у проходящего мимо солдата.

– Второе здание. На первом этаже, – коротко ответил служивый и дальше заспешил по своим делам.

Зайдя в здание, он открыл дверь и очутился в казарме. Помещение было большое и светлое. Аккуратно в два ряда стояли солдатские койки-одноместки. Второго яруса, как было у них в части, где он проходил обучение, не было. В отдалении у тумбочки сидел солдат с повязкой на руке и что-то писал. Услышав звук открываемой двери, солдат повернулся, затем поднялся и направился к Вячеславу.

– Меня направили в эту батарею, – коротко сообщил Вячеслав.

Солдат, дневальный по батарее, без лишних вопросов повёл его к койкам.

– Вот, весь ряд свободен. Выбирай.

Вячеслав бросил вещмешок на кровать и присел на стоящую рядом табуретку.

– Что это за часть? – спросил дневального.

– Это кадрированная дивизия. А ты кто? Артиллерист? – глядя на петлицы с пушками, спросил солдат.

– Нет. Я радиолокаторщик.

– Так здесь нет такого, – удивлённо проговорил солдат. – Ну, да ладно, разберутся, куда и что. Если захочешь есть, просто иди в

столовую, подходи к раздаче и говори, что ты из сто двенадцатой батареи.

Вячеслав посидел ещё немного, а потом решил пройтись по территории части, заодно ознакомиться с пищеблоком. Выйдя из казармы, он направился в сторону ангаров. Дошёл до них и направился вдоль.

Под навесом стояли большие армейские гаубицы. Он насчитал их 7 штук. В ангаре никого не было. Вячеслав пошёл дальше. Дойдя до крайнего ангара, он обнаружил целый отряд танков. Возле одного из них возился солдат.

Походив ещё немного, Вячеслав отправился на поиски столовой. Столовую нашёл быстро. К зданию тянулась цепочка солдат. Кто шёл группами, кто – поодиночке. Он заметил, что строем никто не шёл. В школе курсантов-радиолокаторщиков они ходили только строем: отделением, взводом, ротой, но только строем. Служа в Фастове, он отвык от хождения строем. Судя по всему, и здесь не придётся маршировать строем.

Войдя в столовую, Вячеслав осмотрелся. Столовая была очень обширная. Он прикинул, что одновременно в неё могли зайти и принять пищу человек 600. Он направился к раздаче. Повар даже не спросил, подал первое и второе сразу. Забрав миски, Вячеслав присел за свободный столик и с удовольствием отобедал. Пища была нормальная, а не лишь бы. После обеда, побродив ещё по части, он отправился в казарму.

– А где все? – спросил дневального.

– Они сегодня в карауле, – услышал ответ. – Наши ходят в караул через двое суток на третьи, – пояснил дневальный. – Мы охраняем склады с боеприпасами и оружием, – продолжал дневальный. – Вечером сменятся и придут.

Часов в восемь вечера в казарму шумно ввалились солдаты батареи. Батарея сдала смену другому подразделению, поужинала, и теперь каждый занимался своими делами.

На Вячеслава особенно никто не обращал внимания. Очевидно, здесь часто прибывают новые люди, и это особо никого не интересует. Так продолжалось дня три-четыре. Его никто не

беспокоил. Он обошёл все закоулки части, ознакомился со всеми строениями.

Нашёл большой спортзал. Обнаружил в нём боксёрские мешки и груши. Нашёл даже перчатки. Но нигде никого не было. Вячеслав стал подумывать о том, чтобы махнуть через забор и пойти ознакомиться с городом, но решил ещё подождать.

Первым его из руководства нашёл начальник физподготовки части.

– Так, спортсмен, – обратился он к Вячеславу. – Обходишь все подразделения и находишь боксёров. В спортзал, и начинай тренировки, – коротко дал указания майор.

Вячеслав был и обрадован такому повороту дела, и ошарашен. В Фастове его, как спортсмена, не оставили. А здесь предлагают сами. На следующий день после завтрака он отправился по казармам и начал искать тех, кто на гражданке занимался боксом. Таких он обнаружил семнадцать человек.

Назначив время в спортзале, он пошёл к себе в батарею. К 17 часам в спортзале собрались все, кого он нашёл. Он провёл хорошую тренировку, дал себе и команде среднюю нагрузку. Затем всех переписал в тетрадь. Среди боксёров было даже два сержанта. Один из них был из санчасти – фельдшер.

Время пошло как в спортивном лагере. Утром он сам бегал, делал зарядку. После завтрака занимался своими делами. Нашёл библиотеку, навалился на книги, а вечером шёл тренировать и тренироваться. Батарея ходила в караулы по расписанию. Его никто не трогал. Командир батареи был в отпуске. Его замещал заместитель. Ему, очевидно, было всё равно.

Но однажды в батарею появился командир. Соскучившись по командованию, он навалился на батарею и начал, как он говорил, подтягивать дисциплину. Познакомился со всеми новыми солдатами, которые прибыли в часть в его отсутствие. А таких, помимо Вячеслава, оказалось ещё несколько человек. Пришло время идти бригаде в караул. Командир бригады приказал быть готовым всем. Пришлось идти и Вячеславу.

Это был его первый выход в караул за долгое время. Ещё учась в воинской части, он только один раз был в карауле на охране скла-

дов. В части служило много народу, и в караул попадали редко. А здесь это было для большинства основной службой.

Шёл декабрь. Зима была холодной. И даже лютой. Войдя в караульное помещение, они расположились на деревянных нарах. Первое отделение с разводящим отправились менять караул. Сменившиеся, вместе со своей бригадой, тут же построились и ушли в часть. Караульным порядком был такой: 2 часа в карауле, 2 часа бодрствовать и 2 часа спать.

Вячеслав попал в третье отделение. Через четыре часа их отделение пошло менять караул. От караульного помещения до охраняемых складов было пятьсот метров. Выйдя из помещения, они попали в лапы пурги. Ветер дул непонятно откуда. Солдаты старались идти боком, чтобы меньше продувало. Подошли к забору из колючей проволоки. Раздался возглас часового:

– Стой! Кто идёт?

– Караульный, – ответил сержант

– Караульный – ко мне. Остальные – на месте, – чётко прокричал солдат за забором из колючей проволоки.

Сержант отправился к караульному. В два ряда тянулся забор. И вот между этими рядами колючей проволоки и должны были ходить часовые. Подойдя к караульному, сержант назвал сменщика. Став друг против друга, солдаты отпартовали.

– Караул сдал, – произнёс тот, кого меняли.

– Караул принял, – ответил заступивший.

Сержант отправился дальше по коридору проводить смену. Сменив караул, сержант увёл в караульное помещение отстоявших два часа. Караульные ходили по коридору: 100 метров – в одну сторону, 100 метров – в другую. Спрятаться от пронизывающего ветра было негде. Приходилось идти энергично. Но караульные должны были сходить и окликать друг друга. Время тянулось долго и противно, пока не показалась смена. Вернувшись в караульное помещение, всё отделение полезло быстрее на нары, чтобы отогреться и заснуть.

По караульному помещению ходил помкомвзвода, младший сержант, и не давал спать.

– Не спать. Вы должны бодрствовать, – громко будил он засыпающих солдат. Так продолжалось два часа.

– Спать, – последовала команда. Вячеслав, как и все, кто пришёл от складов, разомлевший в тепле караулки и почти уже спавший, провалился в сон мгновенно. Раздалась команда караульного:

– Подъём, готовься к выходу на посты.

Ему показалось, что он и не спал совсем. Так они менялись четыре раза. Отстояв в карауле, рота возвращалась в часть. Шли на ужин и потом – быстрее в казарму. Все, повозившись, валились спать. Сходив в караул пару раз, Вячеслав понял, что это выбивает его из спортивной колеи, да и не только его. Пару-тройку раз его освободил от караула сержант из медсанчасти.

Потом за это дело взялся начальник физподготовки части. Он добился, чтобы членов команды, готовящейся на первенство армии, не отправляли в караул. Но командир роты так просто в покое их не оставил.

– Вы, четверо, – указал он утром на разводе на боксёров. – Идёте дневальными на офицерские сборы.

Оказывается, в части проводились офицерские сборы. Офицеров из многих частей прислали в кадрированную дивизию и поместили на казарменное положение. Всё как у солдат срочной службы. Утром – подъём, зарядка, завтрак. Строевые занятия, занятия в классах. Ужин, и в 22 часа – отбой. Единственное, что они не делали, – не убирали казарму. Старшие офицеры взялись за них с полной ответственностью. Улизнуть нельзя было никак. Сборы намечалось проводить три месяца.

Первую неделю офицеры как-то притиралось, а потом затосковали по семьям и начали искать возможность улизнуть в самоволку. Некоторые вели себя с дневальными солдатами грубо, надменно. Вячеслав придумал, как их поставить на место. Убирая казармы, дневальные оставляли мусор под кроватями тех офицеров, которые нагнали. Днём приходил проверяющий и записывал, у кого грязно возле кровати. Вечером – построение, и начинался разнос. Прощтрафившиеся офицеры получали наряд вне очереди. Они ходили работать на кухню.

Вечером те, кто жил в Белой Церкви, начали уходить в самоволку. Утром к подъёму возвращались. Тех, кто наглед, дневальные утром не пускали в казарму до прихода проверяющего. Застав самовольщиков у двери, брали на карандаш. Затем – построение, и командир части объявлял, сколько суток на гауптвахту в гарнизон. Сидеть отправляли на гарнизонную «губу». Меньше десяти суток командир части не давал.

Большинство офицеров, находящихся на сборах, сообразило, что с солдатами-дневальными надо водить дружбу. Уходя в самоволку, они договаривались с конкретным дневальным, чтобы рано утром, до подъёма, он открыл дверь и запустил в казарму. Так прошло почти три месяца. Сборы подходили к концу. Офицеры начали выезжать по своим частям. Затем казарма осталась пустой. Всех офицеров отпустили на три дня раньше.

Боксёрская четвёрка приняла решение: наводим порядок, и вечером – в город в самоволку. Так и сделали. Вычистили казарму до блеска. Вечером закрыли казарму и через забор – в город. Они направились в городской клуб. Недалеко от него в центре была швейная фабрика. Там работало много девчонок. По вечерам в клубе были танцы. В клуб приходили и солдаты из части, которая располагалась в центре города, и городские парни.

Вошли в клуб, сняли шинели, и боксёрская четвёрка зашла в танцевальный зал. Всё шло своим чередом. Но затем Вячеслав и его сослуживцы заметили, что солдаты из другой части собираются в группу и зло на них посматривают. Оказывается, они считали, что девчонки с швейной фабрики – только их, и никто не должен девушек приглашать танцевать и заводить знакомства. Несколько человек подошли к ним.

– Давайте выйдем отсюда, – произнёс один из подошедших.

Это был солдат не из русских, из какой-то среднеазиатской республики. Возмущённые такой наглостью, Вячеслав и его группа послали их подальше. Туда, куда обычно посылают русские. Это возымело обратное действие. Началась драка.

– Иди, забирай шинели и на выход, – сказал Вячеслав одному из своих сослуживцев.

А остальные трое начали чётко отбивать атаки нападающих. Солдаты заметили, что их однополчане падают, сбитые с ног. Они расступились.

– Пошли на выход.

У выхода их ждал товарищ. Быстро оделись и вышли на улицу. И вот тут на них навалился целый взвод. В ход пошли ремни с бляхами. Кто-то из нападающих прокричал:

– Атас! Патрули.

Из-за здания, в сторону дерущихся, бежали патрульные с повязками на руках. В этой суматохе Вячеслав не заметил, как на него навалились сразу трое солдат, размахивая ремнями. И тут он получил удар бляхой прямо в лоб. Кожа на лбу треснула, и кровь начала заливать лицо. Дерущиеся стали разбегаться. Солдаты из его группы хотели ему помочь.

– Бегите. Я вас не знаю. Быстрее.

Его напарники шмыгнули на тёмную соседнюю улицу, а Вячеслав побежал по освещённой улице. За ним гнался патруль. Льющаяся обильно кровь мешала смотреть и двигаться. Патрульные подскочили к нему, схватили за руки. Мимо них проехала патрульная машина – крытый грузовик – и остановилась метрах в сорока впереди.

– Всё, не держите. Уже не могу.

Солдаты отпустили. Не дойдя до машины пяти метров, Вячеслав сорвался с места и помчался по улице. За ним устремились патрульные. Пробежав метров двести, он сбавил ход. Тяжело было дышать. Подбежали патрульные. Подъехала машина. Через задний борт его погрузили в кузов и повезли на гарнизонную гауптвахту. Вызвали врача. Врач осмотрел лоб Вячеслава. Через весь лоб перпендикулярно зияла рана.

Дежурный офицер произнёс, глядя на это «художество»:

– Его надо везти в больницу. Зашивать.

Врач в ответ произнёс:

– Не надо. Сейчас промоем, засыпем, замажем и забинтуем. Всё заживёт.

Что он последовательно и проделал. После обработки раны его отвели в камеру. В камере уже было несколько человек. В ней было

холодно. Вячеслав улёгся на свободные нары и накрылся шинелью. После бурных событий, которые вихрем пронесли над ним, он забылся тревожным сном. Утром проснулся от возгласа караульного:

– Подъём! Приготовиться на opravку.

Проснулись все сокамерники. Через некоторое время грохнул замок на двери. Дверь открылась:

– Выходи в коридор строиться.

В камере было с Вячеславом семь человек. Вышли в коридор. Построились по двое. Один караульный шёл впереди, второй замыкал строй. Вышли из помещения. Холодно. Зима. Мороз. Конец декабря. Туалет находился вне помещения. Съёжившись, солдаты пробежали через двор и нырнули в туалет. Через некоторое время прозвучала команда:

– Кончай opravку. Выходи строиться.

Быстро построились. Тянуть время было нельзя. Дул холодный, пронизывающий ветер. Зашли в помещение. Их завели в комнату для умывания. Все быстро умылись, и в камеру. Через некоторое время в коридоре загремели металлической посудой. Привезли завтрак. Им раздали кашу и ложки. После принятия еды всё забрали. Потом подали по кружке чая.

После всех процедур начали знакомиться. Все попавшие на гауптвахту были из разных частей. Кое-кто находился здесь уже трое суток. Вячеслав узнал, что топят камеру, как и всё остальное, раз в трое суток. Если в камере что-то не так и не понравится начальнику караула, он утром докладывает коменданту. Комендант принимает решение: или не топить в камере ещё три дня, или добавить сутки нахождения на гауптвахте.

Вячеслав узнал, что гарнизонная гауптвахта находится в тюрьме. И в ней сидел Котовский в бытность, когда он возглавлял банды, а не отряды красноармейцев. Котовский из этой тюрьмы бежал. Территория тюрьмы и само здание были окружены высоким забором. Верхушка забора была утыкана разбитыми бутылками. Лезть через забор не рисковали.

Через пару дней его и ещё одного солдата стали выводить на работу после завтрака. Они должны были убирать в кабинетах сле-

дователей. Здесь же, в тюрьме, находилась военная прокуратура. Помимо уборки, они должны были протапливать печи, которые находились в каждом кабинете. У них был свободный проход на улицу и хождение по коридору. Они должны были с улицы приносить дрова на растопку и брикеты угля.

Растопив печи и забросив уголь, Вячеслав с напарником брали вёдра и уходили. Он приспособился часть брикетов оставлять в ведре. Затем брикеты рассовывали по карманам штанов и шли в камеры на обед. В камере освобождали карманы и прятали под нары брикеты угля. Вечером, когда уже объявляли отбой, они тихонько всё забрасывали в печь и затапливали.

Хоть немного, но в камере становилось теплей. Так продолжалось несколько дней. Однажды в камеру зашёл комендант гарнизонной гауптвахты.

– Что-то здесь слишком тепло, – грозно произнёс комендант. – Ты разрешал топить? – обратился он к начальнику караула.

Молоденький лейтенант, попавший под раздачу не за своё, лепетал испуганно:

– Да нет, товарищ майор. Никто не давал им ни дров, ни угля.

– Будешь наказан, – произнёс комендант. – Значит, караульные спят во время дежурства.

Он сердито хлопнул дверью, и в коридоре ещё долго слышался его громкий голос. Он давал разгон караулу. Но так как караульные менялись и были из разных частей, то о том, что произошло, они не знали. Вячеслав и напарник ещё несколько раз пополняли запасы топлива. Через пару дней, вновь зайдя в камеру, комендант обнаружил, что в камере тепло. Или он догадался, или ему кто-то сказал, но он произнёс:

– Всё! На работу из этой камеры не выводить.

Лафа кончилась. Но на то и тяжёлые условия, чтобы заставить человека работать мозгами. Их каждый день выводили на прогулку. Они топали по двору, чтобы не замёрзнуть. В углу стоял ящик с угольными брикетами.

– Поднимайте крышку и суйте по карманам, – дал команду Вячеслав.

Так и сделали. Вечером опять в камере было тепло. Но комендант, озлобившись за неподчинение, проверил все карманы. Он обнаружил угольные крошки и обо всём догадался. Теперь на прогулку их сопровождал офицер. Им не давали ни шагу ступить в сторону. Вот так проходила отсидка на гарнизонной гауптвахте.

Однажды в караульное помещение прибыл командир взвода, в котором служил Вячеслав. Его вызвали в дежурку.

– Перепиши, какие вещи у тебя находятся в части, – произнёс комвзвода.

– Зачем? – недоумённо задал он вопрос.

– Поедешь служить в другую часть. Приказано тебя в часть для сбора вещей не пускать.

Вячеслав переписал свой нехитрый солдатский скарб и отдал комвзводу. Через пару дней после обеда на гарнизонную гауптвахту прибыл комвзвода. Получил документы, вручил Вячеславу небольшой вещмешок, и они отправились на вокзал.

– Так куда меня отправляют? – спросил Вячеслав.

– Поедешь служить в Днепропетровск, – загадочно ответил комвзвода.

«Уже хорошо. Ближе к дому», – подумал Вячеслав.

На железнодорожном вокзале комвзвода оформил билеты, и они вышли на перрон. Через некоторое время должен был подойти поезд Киев – Днепр.

– К тебе просьба, – произнёс комвзвода. – Ты можешь не писать в часть ребятам хотя бы месяц?

– А что за секрет? – спросил Вячеслав.

– Дело в том, что ты и ещё четыре человека из нашей части попали под сокращение.

В 1961 году в СССР произошло сокращение Вооружённых сил на 1 миллион 200 тысяч. Кстати, те, кто попал под сокращение, находились на гауптвахте. Он увидел одного из них на вокзале в сопровождении офицера. Подумал, что его тоже переводят в другую часть.

– Понимаешь, – как бы виновато говорил комвзвода. – По идее, надо было отпустить домой отличников боевой и политиче-

ской подготовки. У некоторых солдат есть семьи, дети. Но командование приняло решение отправить по домам разгильдяев, чтобы не мутили воду и не портили показатели. Но, вообще, ты создал хорошую команду боксёров в части. И всё бы было нормально, если бы не эта крупная драка, – уже миролюбиво произнёс комвзвода.

Подошёл пассажирский состав. Комвзвода пожал ему руку, отдал документы и произнёс:

– Ну, всего тебе хорошего на гражданке и удачи.

Он повернулся и пошёл в здание вокзала. К Вячеславу подошёл ещё один «воин», попавший под сокращение. Они пожали друг другу руки и поздравили с досрочным освобождением от службы в армии. Напарнику надо было ехать до Кривого Рога. Они разошлись по своим вагонам. Когда поезд тронулся, к нему в купе из соседнего вагона пришёл солдат, тоже попавший под сокращение.

Они проговорили очень долго. Было что вспомнить об армейской службе.

– Давай отдыхать, – произнёс напарник. – Тебе рано вставать.

Вячеславу надо было выходить на станции Днепродзержинск. Немного вздремнув, он поднялся, сходил в тамбур, постоял там и вернулся. Не спалось. Его охватило волнение. Он ехал домой, к новой жизни. Неизвестность манила, волновала, будоражила. На станцию поезд прибыл в пять часов утра.

Выйдя из вагона, он отправился на трамвайную остановку. П слышался грохот приближающегося трамвая. Зайдя в трамвай, он обнаружил, что, несмотря на раннее время, трамвай был заполнен людьми. А было это 1 января 1961 года. На него с интересом смотрели, на перевязанную голову. Кто-то из мужиков не выдержал и задал вопрос:

– Что это у тебя? – кивнув на перевязанную голову.

– Учения, – кратко ответил Вячеслав, дав понять, что не желает дальше продолжать разговор. И, по большому счёту, ответ его был не ложью, а сутью происходящего. Любое наше действие, положительное или отрицательное, является наукой, то есть учением в школе жизни. Когда-то позже у него сформиро-

вался ответ на разные вопросы. Когда ему задавали вопрос: «А что ты окончил?» – имея в виду учебное заведение, он отвечал:

– Я окончил академию Мозгунова.

На этот ответ обычно следовало удивлённое:

– А где это?

– Это жизнь, со всеми её курсами, это тайга и зоны, где я был, – отвечал неспешно Вячеслав. И большинство с ним соглашалось, замолкая и не задавая лишних вопросов. А вот сейчас ответ мужику натолкнул его на мысль, что говорить матери и отцу, чтобы зря их не волновать. Выйдя на своей остановке, он направился к дому. Их дом располагался в глубине большого двора буквально в пяти минутах ходу от остановки.

Поднявшись по лестнице на второй этаж и подойдя к своей квартире, он прислушался. За дверью уже слышались негромкие голоса. Вячеслав постучал в дверь. Он услышал голос матери:

– Кто это к нам так рано?

– Это Славка, – послышался голос отца. – Только он так стучит, – резюмировал отец.

За дверью зашуршали. Она распахнулась. На пороге стояла мать. Увидев сына, она охнула и кинулась его обнимать и целовать.

– Да дай ему раздеться, – тихо произнёс отец.

Когда Вячеслав положи вещмешок и снял шинель, отец подошёл к нему и крепко обнял. Мать захлопотала. Побежала в соседнюю комнату. С кем-то заговорила, потом понеслась на кухню. Оказывается, в другой комнате спали родственники. Все вместе встречали Новый год. Через некоторое время все собрались за столом. Начался завтрак.

– Вот уж хороший подарок на Новый год, – радовалась мать.

Посыпались вопросы.

– Дайте ему прийти в себя, – произнёс отец.

Постепенно все успокоились. Короткими фразами Вячеслав обрисовал службу в армии, не вдаваясь в подробности. Так за разговорами и выпивкой просидели до трёх часов дня. Двоюродный брат Иван произнёс:

– Пора ехать домой, а то мы отсюда не выберемся.

Все начали собираться. Пошли обнимания, поцелуи, обещания скорых встреч. Проводив гостей, мать, по своему обычаю, кинулась наводить в квартире марафет, несмотря на праздник. Она перемыла всю посуду, подмела и вымыла полы. Вячеслав с отцом и младшим братом Ильёй пока вышли на улицу.

День пролетел мгновенно. Он хотел вечером ехать к Лиде, но отец остановил его:

– Отдохни. Только приехал, а завтра уже поедешь с утра. На ночь незачем.

Спал он на удивление крепко и без сновидений. Утром подскокил рано. Умылся. Мать перевязала ему свежий бинт. Рана уже затягивалась. Переодевшись в гражданскую одежду, он надел пальто отца, которое ему было как раз, и отправился на трамвайную остановку. Через полчаса он вышел на остановке возле кинотеатра «Аврора», и дальше вдоль железнодорожной колеи пошёл на улицу, где жила со своими родителями Лида. Подойдя к калитке, он услышал залиvistый лай собачонки.

– Кто-то пришёл, – услышал он голос Лидиной матери, тётки Раи. – Лида, иди, посмотри, – произнесла мать.

Через некоторое время калитка открылась. В проёме двери показалась Лида. Увидев Вячеслава и расширив от удивления свои большие серые глаза, девушка вскрикнула, а потом бросилась к нему на шею. Они обнялись, расцеловались и стояли, обнявшись, приходя в себя.

– Ну, кто там? – послышался голос матери Лиды.

– Сейчас увидишь, – дочь первая зашла в калитку. За ней во двор шагнул Вячеслав.

– Ох, – как-то неожиданно охнула тётка Рая. Она направилась к нему.

Обняла его, расцеловала. Вошли в дом. Лидина мать принялась хлопотать на кухне, готовя угощение. И уже скоро стол был накрыт. Пришёл Лидин отец. Он ходил к кому-то из автомобилистов, помогал в ремонте автомобиля. Выпили, закусили. Пошли расспросы о службе, о ране на голове. Ему оставалось придерживаться уже озвученной легенды: травму получил на учениях.

Через пару дней после прибытия он пошёл в военкомат. Стал на учёт и начал оформление жизни на гражданке. Профессия электрика была популярной и востребованной. Он устроился на работу на Приднепровский химзавод в электроремонтный цех. В городе встретил своих друзей-боксёров. И уже через некоторое время начал регулярно ходить в спортзал на стадион «Победа».

С Лидой они встречались часто. Иногда она приезжала к нему на Соцгород. Закрывшись в своей комнате, они предавались любви. Эти встречи привели к тому, к чему и должны были привести. Лида забеременела. Она сказала об этом Вячеславу, и они решили пожениться, подать заявление раньше, а не осенью, как планировали. Сообщили родителям, и началась подготовка к свадьбе.

Расписались в начале мая. Свадьба проходила в доме у Лиды. Много гостей, тостов, поздравлений, как бывает всегда на таких мероприятиях. Всё было чинно и прилично. Лидины родители настояли, да этого хотела и сама невеста, чтобы жили они в доме её родителей. Без особого желания, но он согласился. Однако семейная жизнь не выбила его из колеи. Днём – работа. Вечерами – тренировки.

Институт физической культуры им. П.Ф. Лесгафта

Его тренер, Евгений Васильевич Суетов, предложил ему группу боксёров на Соцгороде. Тренировать надо было в спортзале Азотно-тукового завода. Профсоюз выделил на это деньги. Небольшие, но в то время они были очень нужны. Окунувшись в работу, тренировки, домой возвращался поздно. Ужин, и спать. Отец жены настаивал, чтобы он бросил работу и занятия спортом и перешёл к нему работать автослесарем по ремонту автомобилей. Зарплата была намного больше. Вячеслав отнекивался.

Во-первых, у него была прекрасная профессия. Да и занятия спортом бросать он не хотел. И секция бокса, которую он вёл, тоже давала приработок. Вначале разговоры проходили в более сдержан-

ной форме. Лида была в положении и ушла в декретный отпуск. Чтобы меньше слушать наставления родителей жены, Вячеслав организовал секцию акробатики в клубе ДКХЗ. Ритм его жизни убыстрялся. Утром – бегом на работу. После работы – сразу на Соцгород, на тренировку боксёров. Перед тренировкой он успевал заскочить к родителям. Перекусить, перекинуться словами. Успокоить мать и отца, и бежать в спортзал.

А через день, проведя тренировку, он мчался в клуб ДКХЗ тренировать акробатов. Три раза в неделю он ещё успевал мчаться и в спортзал стадиона «Победа» тренироваться самому. Естественно, дома начинались разговоры, постепенно перерастающие в ссоры. Так прошло лето, осень. 27 ноября у него родился сын. Назвали его Гарик. Родители жены и сама Лида переключились на заботы о малыше. Ненужных разговоров стало меньше, но недовольство им росло.

В городе прошли соревнования на первенство города по боксу. Но ещё до всех этих событий Вячеслав решил поступать в Ленинградский институт физической культуры им. П.Ф. Лесгафта. Дома его решение приняли без энтузиазма. Поддержала его мама:

– Езжай. Там, в Ленинграде, живёт жена моего брата Всеволода Софья со своими сыновьями. Это – твои двоюродные братья. Увидишь их, да и город посмотришь.

Оформив отпуск и назначив старших в секциях, он уехал в Ленинград. Институт находился на улице Декабристов. Сдав документы в приёмную комиссию, он получил направление в общежитие. Общежитие гудело, как улей. Полно было приехавшего поступать в институт народа. Люди были со всего Союза. Институт считался одним из лучших институтов физкультуры в Европе.

Помимо своих, в нём учились и студенты стран содружества. Здесь были немцы, чехи, поляки, болгары, монголы. По этажам ходили и чёрненькие студенты из Африки. В комнате, в которую направили Вячеслава, было семнадцать коек. Уже почти все были заняты. Ребята быстро перезнакомились.

У них сложилась небольшая группа: Гена из города Свердловска, молодой офицер, Василий Мугрычёв из Саранска, гиревик-

штангист, Вася Улеев, легкоатлет из города Горький, и он. Они начали вместе готовиться к вступительным экзаменам. Надо сказать, что все из их группы экзамены сдали и поступили в институт. Вячеслав, не дождавшись решения приёмной комиссии, уехал домой. Тётка прислала ему письмо и сообщила, что он принят.

По приезду домой – вновь работа, тренировки, подготовка к соревнованиям. В то время в их спортзале проходили соревнования по боксу, первенство Украинского спортобщества «Авангард». Соревнования были командные. Вячеслав выступал во втором среднем весе за сборную Днепропетровска. Два боя он выиграл. За него неистово болел зал, который был забит до отказа. На третий бой соперником ему был боксёр из Запорожья, который приехал в город совсем недавно из Москвы. Фамилия его была Хохлов. Он был призером РСФСР.

Начался бой. Противник сходу полез в ближний бой. Вячеслав умело уходил. Первый раунд он приспособивался. Во втором раунде он дважды послал противника в нокдаун. В третьем раунде бой обострился. По окончании боя собрали судейские записки и отдали на стол главному судье соревнований. Произошла заминка. Позвали судью на ринге и что-то спросили. Он показал рукой в сторону Хохлова, отдавая ему победу.

Зал взревел. Поднялся шум, топали ногами, свистели, чем-то кидали на судейский стол. Не давали дальше проводить соревнования. Главный судья объявил, что решение будет пересмотрено, но после соревнований. Зал поутих. Начался бой в полутяжёлой весовой категории. Боксёр днепропетровской сборной явно проигрывал запорожцу. Но победу отдали ему. Решили таким образом уравнивать нечестный выигрыш Хохлова. Но надо отдать должное болельщикам. Несмотря на то, что победу вернули другому боксёру, зал от несправедливости взревел. Успокоились тогда, когда главный судья соревнований объявил, что судья на ринге снимается с соревнований и будет наказан. После соревнований Вячеслав уехал в Ленинград.

Начались лекции, тренировки и знакомство с городом. Он был в группе тяжелоатлетов. В их группе были боксёры, штангисты и

борцы. В группе у них учился борец классического вида Прудсков. Он уже был довольно известным спортсменом, призером Союза в своей весовой категории, а выступал он в тяжёлом весе. Преподаватели гоняли студентов, несмотря на титулы. Особенно давала им прикурить Мария – тренер по гимнастике.

Если те, кто был полегче и подвижнее, как-то вкладывались в нормативы, то Борис Прудсков не попадал в группу сдавших нормативы. Мария загоняла его на брусья, которые под его весом прогибались. Помучавшись несколько занятий, он перестал ходить на гимнастику. Как-то потом этот вопрос уладили.

В зимнее время, когда команда тяжелоатлетов шла на занятия по хоккею с шайбой, к ледяной коробке собирался весь институт посмотреть на игру «виртуозов». Практически на коньках толком никто не стоял. То и дело валились на лед. Ехали враскоряку или падали вслед за ударом клюшки. Вокруг стоял гомерический хохот. И, тем не менее, через пару месяцев уже многие из тяжелоатлетов сносно стояли на коньках.

К декабрю Вячеслав приехал домой. Его тут же забрали в команду. Проводилось Первенство Центрального Совета физкультуры и спорта СССР. Это было первенство среди команд из закрытых городов, где находились закрытые предприятия.

Так случилось, что Вячеслав ехал на соревнования в первом среднем весе. Соревнования проходили в городе Кирово-Чепецке Кировской области. Ехали почти двое суток. Всё время играли в карты под интерес. Кто проигрывал, должен был есть булочки без воды, не запивая. Вячеслав на пару с тренером играл против мухача и полулёгковеса. Они всё время проигрывали. Евгений Васильевич заставлял их есть булочки, не давая воды. Такие были условия.

– Василич, они же наберут вес, кто выступать будет? – спрашивал Вячеслав.

– Сгонят, – коротко отрезал тренер.

По прибытию в Кирово-Чепецк они расположились в гостинице и пошли пройтись по городу. Город был красив и компактен. Утром все отправились во Дворец культуры.

Взвешивание проходило в одном из танцевальных залов. Ринг был установлен на сцене. Когда Вячеслав подошёл к весам, на них как раз проходил взвешивание парень. Он был широк в плечах, с большими накаченными мышцами.

«Этот, наверное, попадётся мне», – почему-то подумал Вячеслав.

И когда подошла его очередь выходить на ринг, он увидел, что в противоположный угол направился тот здоровяк, которого он видел на взвешивании. Он был из Прибалтики. Начался бой. Здоровяк попёр на него танком. Вячеслав, уворачиваясь, следил за ним. Он заметил, что здоровяк держит низко руки и почти открытый. Вячеслав давно знал, что у него хорошо поставленный удар. Он не один раз посылал своих напарников в нокаун и в нокаут.

Надо было выбрать момент. И такой момент наступил. Увидев, что Вячеслав всё время отходит, «здоровяк» решил, что он его боится, и почти открыто кинулся на него. Этого момента только и ждал Вячеслав. С резкого, быстрого разворота он нанёс удар «здоровяку» прямо в подбородок. Удар был мощным, точным и очень быстрым.

«Здоровяк» рухнул на ринг лицом вперёд. Когда боксёр падает лицом вперёд, как подрубленный, это значит, что был нанесён классический боксёрский удар без толчка.

Судья на ринге указал Вячеславу пройти в нейтральный угол, а сам начал отсчет. Просчитав до 10, скрестил руки над головой. К поверженному здоровяку кинулся секундант и кто-то ещё на помощь. Его подняли и довели в его угол. Дав понюхать нашатырь, привели в чувство. «Здоровяк» поднялся. Их пригласили на центр ринга. За судейским столом диктор в микрофон объявил:

– Победу нокаутом одержал боксёр в красном углу – представитель города Днепродзержинска, Украина.

Зал аплодировал и довольный гудел. Второй бой он выиграл ввиду явного преимущества. А надо сказать, что особого задания на бои тренер ему не давал. Надо было выходить на ринг и боксировать. На него психологически ничто не давило. И он делал то, что и положено делать на ринге, – выигрывал.

Выиграл он и третий бой, по очкам. Четвертый бой начался с бешеной скоростью. Перед ним стоял боксёр ниже его ростом,

коренастый, с сильными руками. Когда он начинал наносить удары, казалось, этот шквал собьёт Вячеслава. Но буквально после трёх атак он заметил, что все удары идут в пустоту и даже близко до него не доходят. Тогда он решил применить приём, который не однажды применял на ринге. Он начал наносить удары и загонять противника в угол. Он не давал ему уйти ни вправо, ни влево.

А загнав противника в угол, он начал бить через перчатки. И тот не выдержал в какой-то момент и опустил руки. Тут же Вячеслав провёл серию сильных ударов. На ринг полетело полотенце, кинутое тренером противника. Судья на ринге остановил бой. Объявили его победу ввиду явного преимущества. Вообще, их команда шла неплохо. После первых боев никто не был выбит. А через день был финал. Евгений Васильевич довольно потирал руки и говорил:

– Второе место, как минимум, у нас уже есть. Да и Вахрушев уже точно третье место занял.

На таких крупных соревнованиях это был хороший результат. При наличии количества побед, и от первого до третьего места на этих соревнованиях, боксёру присваивали звание «Мастер спорта СССР». Подошёл последний финальный день.

Когда Вячеслава пригласили на ринг, зал дружно его приветствовал. Его противником был чемпион Москвы, мастер спорта Мананов. Главным судьей соревнований был знаменитый Анатолий Грейнер. Профессор бокса, технарь. Он ушёл с ринга, не проиграв ни одного боя. А. Грейнер любил бокс техничный, красивый, и это сыграло свою роковую роль в выступлении Вячеслава. Тренер Евгений Васильевич знал Грейнера. Когда-то они боксировали в Средней Азии. Начался бой. Вячеслав с ходу пошёл в атаку. Противник тоже был не подарок.

Упорный бой продолжался три раунда. В перерывах тренер говорил, что всё идёт нормально:

– Держи этот темп и не отпускай его.

Прозвенел гонг. Судья на ринге собрал судейские записки боксовых судей и отнёс на стол Грейнеру. С ним сидели ещё судьи. Просмотрев их, они подозвали судью на ринге и спросили его мне-

ние. Очевидно, сработало то, что главный судья был из Москвы и боксёр – тоже из Москвы. Судья на ринге показал в сторону Мананова. В зале раздались крики недовольных болельщиков.

А когда по микрофону объявили, что победу одержал Мананов, в зале поднялся такой свист, что ничего не было слышно. Тренер Евгений Васильевич подбежал к судейскому столу и начал сердито и громко возмущаться:

– Ты забрал у нас победу!

– Женя, успокойся, – говорил Грейнер.

Но тренер никак не мог успокоиться. После того, как Вячеслав покинул ринг, он подошёл к тренеру:

– Василич, мы же сюда не за первым местом ехали. Ты сам говорил. У нас есть хороший результат: одно второе и два третьих на крупных соревнованиях. Всё-таки это первенство Центрального Совета физкультуры и спорта СССР.

Тренер отошёл от судейского стола, что-то возмущенно приговаривая. На следующий день они разъезжались. Утром в гостинице от боксёров из Жёлтых Вод они узнали, что судью, который судил на ринге бой Вячеслава и Мананова, побили. Он, оказывается, был из Прибалтики, из того города, откуда был «здоровяк», нокаутированный Вячеславом. Используя момент, он отыгрался на Вячеславе, за что и поплатился.

Вячеслав помнил, как Евгений Васильевич говорил А. Грейнеру:

– Расскажу об этом Георгию.

– Да ладно, успокойся, Женя, – миролюбиво говорил Грейнер.

Вячеслав удивлялся тому, как тренер говорил с человеком-легендой. Оказывается, они давно знали друг друга. Боксировали вместе. Были в Средней Азии и даже приятельствовали. Анатолий Грейнер был действительно легендой, особенно для молодых боксёров. Заслуженный мастер спорта СССР. А в 1946 году он был чемпионом Олимпийских игр в Хельсинки.

Сам Анатолий Грейнер – из простой рабочей семьи. Родился в Харькове. Учился в ФЗО (фабрично-заводское обучение). Затем работал токарем на заводе. Увлёкся боксом, придя в секцию с улицы, где начинал познавать азы кулачного боя в уличных драках.

Вячеслав проделал тот же путь: школа, улица, драки, ремесленное училище, бокс. И вот он принимает участие в серьёзных соревнованиях. Анатолий Грейнер провёл огромное количество боёв – 204 боя. Победу одержал в 170 боях. Он был чемпионом СССР в полулёгкой и лёгкой весовых категориях 7 раз, начиная с 1936 года по 1954 год. Затем он учился при Харьковском институте физкультуры на высших курсах тренеров. Она называлась ВШТ – высшая школа тренеров. Была в то время такая. Учился отлично.

Грейнер был одним из тонких и искусных техников. Обладал великолепной техникой, потрясающей реакцией. К тому же, он был отличным тактиком. Анатолий Грейнер – долгожитель в боксе. Как тренер, он передавал свой огромный опыт ученикам. У него была прекрасная реакция на удар, комбинационное мышление, контригра и сильный волевой характер, а бокс – это характер. Было с кого брать пример.

Вообще, 1961 год был богат у Вячеслава на события. Он поступил в Ленинградский институт физкультуры им. П.Ф. Лесгафта. Это был один из лучших институтов в Европе. В нём учились, помимо советских граждан, студенты из-за границы. В ноябре 1961 года у него родился сын Гарик. А уже в декабре на первенстве ЦС ФК и Спорт СССР он стал призёром во втором среднем весе и познакомился с замечательным человеком – Анатолием Грейнером, хотя и не при обычных обстоятельствах.

Вот тогда Вячеслав узнал от своего тренера о Георгии Ивановиче Свиридове. Когда Г.И. Свиридов жил в Средней Азии, помимо того, что он сам занимался боксом, он ещё работал и тренером. И у него тренировался тренер Вячеслава Евгений Суетов. В том же году Георгий Иванович Свиридов стал первым Президентом бокса в СССР.

Георгий Иванович всегда был целеустремлён и настойчив. Его главное кредо: «Настойчивость – мать удачи». С раннего детства жизнь взяла его в жёсткий оборот. Расстрел отца-казака. Высылка в Среднюю Азию. Надо было или выживать, или погибать. Обладая сильным характером, Георгий Иванович Свиридов шёл по жизни, преодолевая трудности, и достиг духовных высот. Несмотря на вы-

сокие звания, Георгий Иванович был всегда прост в общении и благожелателен. Старался всегда что-то сделать хорошее людям.

Вячеслав буквально проглотил роман Георгия Свиридова «Ринг за колючей проволокой». В процессе жизни он несколько раз перечитывал его. Это был учебник мужества. Прошло много времени. Они встретились в Феодосии. У Вячеслава уже было издано более десятка книг. Георгий Иванович предложил создать Союз русских писателей Восточного Крыма. В то время, когда шла усиленная украинизация, это было актуально. В Феодосии жил Михаил Ветров, тоже член Союза писателей России, поэт, писатель, замечательный журналист.

Они собрались, всё обговорили и приняли решение о создании такого Союза. Началось оформление документов. Георгий Иванович, как секретарь правления СП России, приложил много усилий для становления Союза русских писателей Восточного Крыма. Они часто встречались. Вячеслав приезжал к Георгию Ивановичу в гости в посёлок Береговое, в его скромный домик. Подолгу они просиживали за беседами. Говорили обо всём: о спорте, о литературе. Георгию Ивановичу было что рассказать.

Впоследствии созданная организация разрослась. В неё вступали талантливые литераторы. Георгий Иванович поддерживал идею вступления в Союз молодёжи. Направлял, подсказывал. Он всегда сдерживал слово. Его литературная деятельность огромна. Двадцать романов. И каких романов! Воспитывающих, зовущих к подвигу. Он был Заслуженным работником культуры СССР. Мастер спорта СССР. Его память была феноменальна. Он никого не забывал. Благодаря его книгам, героям этих книг было возвращено их честное имя.

Георгий Иванович писал летопись советского бокса. Все знаменитые боксёры были современниками Вячеслава. Боксируя в Днепропетровской области, Вячеслав был включён в сборную области. Тренировал их знаменитый тренер – Николай Фёдорович Королёв, боксёр-тяжеловес, прошедший войну в партизанских отрядах.

В Ленинграде Вячеслав встречался с олимпийским чемпионом Валерием Попенченко. В институте физкультуры им.

П.Ф. Лесгафта спортивным факультетом руководил известный боксёр и друг Королёва Князев. Георгий Иванович был частым гостем Вячеслава в литературно-музыкальном салоне «Богдан» в посёлке Коктебель. Он с большим удовольствием выступал в салоне. Общался с писательской братией: и местными, и столичными представителями русской литературы. Он дарил свои книги, вызывая восторг у тех, кто получал книгу от знаменитого писателя. Да ещё с автографом!

Однако годы взяли своё. На Георгия Ивановича навалилась болезнь. Он ушёл из жизни...

Но благодарное литературное братство и Москвы, и Феодосии хранило добрую память о замечательном человеке. В день ухода из жизни Георгия Ивановича собрались в библиотеке посёлка Береговое, названной в его честь. Приезжали гости из столицы, приходили местные литераторы и люди, знавшие Георгия Ивановича и хранящие светлую память о нём. Добрыми словами вспоминали знаменитого писателя, организатора и гражданина своей страны.

Назад они возвращались через Москву. В их распоряжении был целый день. Вчетвером они отправились на Красную площадь. Возле Мавзолея сфотографировались. Вернувшись домой, они были встречены руководством хорошо. Результат действительно был отличным. За второе место в этих соревнованиях Вячеслав получил ордер на две комнаты в трёхкомнатной квартире в доме на проспекте Ленина. Когда-то, учась в ремесленном училище, они проводили электропроводку и в этом доме.

Начались хлопоты по переезду. Лёгкий ремонт, приобретение простой мебели. Переезд. И начало самостоятельной жизни, подальше от глаз родителей, всё время старающихся дать «полезные советы». Лида должна была вскоре родить. Понимая, что учёба на очном только затруднит дальнейшее существование, Вячеслав перевёлся на заочное отделение.

Ритм жизни у него там был стремительный, а сейчас началась «карусель». Работа на заводе. После работы каждый день – тренировки. Он вёл три группы, и к тому же тренировался сам. Затем как-то всё вошло в определённый ритм, стал везде успевать.

Как-то его встретил на улице его давний приятель, тоже боксёр, Юра Письменный:

– Зайди ко мне в горком комсомола. Надо поговорить.

Они договорились о встрече. Юра с молодых лет занимался боксом. Затем он поступил в Киевский институт физкультуры. После окончания работал тренером. Старший брат Юры позвал его работать в горком комсомола, и Юра перешёл. Он занимал должность второго секретаря горкома комсомола.

В назначенный день он приехал в город и пошёл на встречу с Юрием. После дружеского приветствия Юрий перешёл к делу:

– Ты видишь, что творится в городе? В каждом районе – своя банда. В городе – драки, беспредел.

– Ну, а я какое имею к этому отношение? – удивлённо спросил Вячеслав.

– Мне известно, что у тебя есть команда крепких, серьёзных ребят. И вы в своем районе наводите порядок.

Так действительно было. В группе Вячеслава было семь человек. В своем районе они не давали разгуляться хулиганью. Всегда давали достойный отпор. Их боялись и уважали.

– Надо бы при горкоме комсомола организовать отряд спортивный. Потом можно будет патрулировать в парках, на улицах, – говорил Юрий. – Ты же – комсомолец. И ребята твои – из комсомола.

С комсомолом у Вячеслава были особые отношения. Когда-то в раннем детстве он, как и все, был принят в октябрята. Что ни говори, но это как-то дисциплинировало. В четвёртом классе он был принят в пионеры. Тогда класс соревновался с классом. Сражались за первое место: кто больше соберёт макулатуры, чей класс больше соберёт металлолома.

Все эти полезные мероприятия учили работать на всех, делать полезное дело для всех и очень хорошо сплачивали коллектив. Детворе были знакомы такие понятия, как: помощь другим, взаимовыручка, сопереживание, коллективизм. Когда Вячеслава перевели вместе с другими во вновь открывшуюся школу, как-то всё пошло не так, как следует.

После того, как он был исключён из школы, а затем при помощи райкома партии возвращён, он вёл себя тише. В школе была комсомольская организация. Вячеслав подал заявление о вступлении в комсомол. Ему отказали. В то время для вступления в комсомол нужны были две рекомендации членов ВЛКСМ или одна рекомендация от члена партии.

Узнав, что рекомендации комсомольские ему не дали, завуч Николай Кузьмич, фронтовик, награждённый многочисленными орденами и медалями, сам предложил ему свою рекомендацию и написал её. На заседании комсомола он говорил: «Смотрите, какой сад вокруг школы высадили члены кружка юннатов, который организовал Вячеслав». Николай Кузьмич нашёл ещё много хороших слов для характеристики. Его приняли в члены ВЛКСМ.

Чуть позже, когда он пошёл учиться в ремесленное училище, его выбрали комсоргом группы и ввели в комитет училища. Пришло время служить в армии, и вновь его избирают комсоргом взвода. Просто по своей жизненной позиции он был активным человеком и всегда отзывался на полезные, нужные дела. В этом он был похож на свою мать.

Вот и он нынче, без всяких поручений, организовал серьёзных крепких ребят, чтобы дать отпор разнузданной братве. Юра знал об этом и решил это движение пустить в нужное русло. Постепенно к ним присоединялись всё новые и новые члены бригады. Они начали делать рейды не только в одном парке Соцгорода, но и выходили в город и на другие развлекательные площадки. О них узнали в городе. Хулиганье притихло.

Юрий перешёл работать в милицию замполитом горотдела. Он предложил оформить комсомольский отряд как оперативный комсомольский отряд. Так получилось само собой. Ворьё, хулиганье, грабители их боялись. Ребята по вечерам выходили в город патрулировать. Ходили они без милиции, самостоятельно. Они шли по тёмным улицам города, куда, надо честно сказать, не ходили милицеские патрули.

Однажды их небольшая группа, всего четыре человека, при-

шла во Дворец культуры им. Горького. Была суббота, шёл танцевальный вечер. Они поднялись на второй этаж в фойе. Именно здесь были танцы. Вячеслав заметил, что в фойе много подвыпивших парней. Они стояли у окон и наблюдали за танцующими. В начале очередного танца он увидел, как буквально перед ним два подвыпивших парня грубо приглашают девушек танцевать, если это можно назвать приглашением. Они хватали девушек за руки и тянули в свою сторону.

Девчонки возмущались и отбивались от них. Один из них схватил девушку за шею и стал тянуть к себе. Вячеслав подошёл к парню: – Прекрати. Что ты творишь?

Тот бросил девушку и, ничего не говоря, с размаху хотел ударить Вячеслава. Быстро среагировав, Вячеслав уклонился и нанёс нахалу встречный удар. На него кинулись сразу несколько человек. Видя начало драки и понимая, что не обойдётся, к нему на помощь подоспели его ребята. Они быстро и умело успокоили группу хулиганья, уложив их на пол. Откуда-то появилась милиция. Начались разборки.

Всё это плохо кончилось для него. Парень, который хамил девушкам, задирали их, а на замечания Вячеслава полез в драку, оказался племянником прокурора города. А тот, недолго думая, возбудил уголовное дело против Вячеслава за хулиганство. Все те, кто пришёл с племянником прокурора и получил в драке по заслугам, пошли свидетелями.

Самое странное для Вячеслава, что девушки, за которых они заступились, тоже давали показания против него. Его это очень удивило и возмутило. Заступничество Юрия ничего не дало. Его осудили. Он получил три года общего режима. Но когда дело ещё только велось, его предупредили, что прокурор закусил удила и хочет во что бы то ни стало посадить его. Ему надо уезжать, чтобы всё утихло и рассосалось.

В то время шла война не на жизнь, на смерть между прокуратурой и МВД. Всё шло от самого верха. Прокурорские ловили и сажали работников милиции, а те в отместку охотились за прокурорскими работниками.

Вячеслав собрал нехитрые пожитки, получил рекомендательное письмо от Якова Михайловича Тимофеева, которого он считал своим духовным отцом, и отправился на Кавказ в Архипо-Осиповку, в которой находилась одна из туристических баз ВЦСПС.

Яков Михайлович Тимофеев – интереснейший человек. Он с семьёй жил в соседнем со Славкой подъезде. Яков Михайлович занимался борьбой, знал прекрасно лечебную физкультуру. Призывался в армию он из Ростова-на Дону, где жил до войны. Войну закончил в Будапеште в звании майора.

При возвращении домой он взял что-то лишнее. По приезде на границу его «прихватили» и дали срок. Срок он отбывал в Днепродзержинске в местной колонии. Срок был недолгим, и он по выходу из колонии остался жить в городе. Сюда же приехала его семья: жена Вера Михайловна, врач, и дочь Наташка.

Яков Михайлович начал руководить спортивной работой при заводе. Организатор он был прекрасный. По характеру – отзывчивый, добрый. Всегда помогал людям. Особенно он поддерживал молодёжь. К нему тянулись. Крупный, широкоплечий, слегка полноватый, он заполнял собою пространство. У Вячеслава и Якова Михайловича за годы общения сложились хорошие отношения. Тем более, что Вячеслав тренировал секцию бокса в спортзале, где Яков Михайлович Тимофеев был председателем.

Именно Тимофеев смог пробить строительство прекрасного спортзала. Не говоря уже о спортивных площадках: баскетбольных и волейбольных. А со временем в парке возле спортзала появилась и ледовая площадка для хоккеистов.

Но самым грандиозным было строительство открытого бассейна для пловцов, ватерполистов. Бассейн был с вышками для прыжков в воду: 3-х, 5-ти метровые и даже десятиметровая. У Якова Михайловича по всему Союзу было много друзей и знакомых. И когда Вячеслав обратился к нему за помощью, он дал ему рекомендательное письмо и отправил на Кавказ в Архипо-Осиповку на турбазу.

Вопросы, которые надо решать

На этой турбазе замдиректора работал его приятель. Добравшись до Архипо-Осиповки и вручив замдиректора сопроводительное письмо, Вячеслав ждал. Прочитав письмо, тот поднял голову и произнёс:

– Ты вовремя. Нам нужны инструкторы по туризму. Пиши заявление.

Оформившись, Вячеслав пошёл знакомиться с турбазой. Вещи бросил на койку в небольшом общежитии для работников. К вечеру он полностью владел ситуацией. Был май, и на турбазу уже начали заезжать туристы. Через пару дней с инструктором, который уже работал на турбазе, он пошёл вместе с группой в горы, чтобы ознакомиться с маршрутом.

Вечером зашёл в библиотеку и взял всю имеющуюся литературу, чтобы получше узнать о местности, где он сейчас находился. И в коллектив, и в работу он влился быстро. Уже через некоторое время он самостоятельно водил группы по туристическим маршрутам. Перезнакомился с массой людей.

Вячеслав не был обделён вниманием женщин. Вечером на танцплощадке турбазы собирались все отдыхающие. Сюда же приходили и местные жители, девчонки и парни. Инструкторы турбазы обязаны были дежурить не только по турбазе, но и во время проведения танцевального вечера. Как-то к концу лета, в последних числах августа, на турбазу приехал Юра Письменный со своим приятелем. Приятель его работал с женой Юры Тamarой в Днепродзержинске в химико-технологическом институте. Юра знал от Якова Михайловича, где работает Вячеслав.

Он решил проведать его, а заодно и рассказать обстановку. В тот вечер они с приятелем куда-то пошли в посёлок, а Вячеслав был на вечернем дежурстве на танцплощадке. На танцплощадке было шумно в тот вечер по-особому. Было много местных парней. Они задирались к отдыхающим. Вячеслав одёрнул одного из них. Парень с размаху неожиданно ударил его по лицу. По давнишней боксёрской привычке он мгновенно ему ответил, нанёс удар правой боковой.

Вячеслав видел, как его противник повалился в сторону лавок. Сзади на него наступали, и он резко отвернулся. Затем, когда он повернулся, парень, которого он ударил, стоял перед ним. Ничего не поняв, он нанёс ему ещё удар, и тот рухнул как сноп. Оказалось, после первого удара обидчик упал на парней с турбазы, и они его сильно вытолкнули назад. Как раз он и оказался перед Вячеславом снова и получил сокрушительный удар.

Местные, видя, что не всё так, как они затеяли, начали собираться в группу. Скопившись возле входа, перегородили его, чтобы перехватить дежурного инструктора. Вячеслав прорвался через толпу и пошёл по открытой территории к комнате инструкторов. За ним устремились несколько человек.

Вновь повторялась жизненная ситуация. Он, используя свой опыт, ускорил шаг, за ним вырвался особо ретивый. Вячеслав развернулся и резко ударил, свалив преследователя с ног.

Его начал настигать ещё один. Тот же приём, и второй преследователь на земле. В этот момент из-за угла здания показались Юрий и его приятель, вернувшиеся из посёлка. Они видели всё от начала и до конца. Ещё не понимая, что происходит, они с удивлением смотрели на бой Спартака, как потом охарактеризовал его Юрий. Местные начали окружать Вячеслава, но с опаской. В этот момент один из местных жителей достал нож и хотел ударить его в спину, выбрав момент. Это заметили два парня, которые отдыхали на турбазе. И видели начало драки. Они схватили нападающего за руки и потащили его в сторону.

Подошли и Юрий с приятелем. Увидев, что противников прибавилось, местные дали дёру. Заведя парня с ножом в туалет, его пыл остудили. А Юрий потребовал, чтобы он назвал и показал, где живут его приятели. И тот, мгновенно протрезвев, всё рассказал. Вячеслав с Юрием и его приятелем пошли по адресам. Им удалось обнаружить четверых.

Получив свою порцию, они рассказывали, где живут остальные. Вячеслав давал им тумачков уже не за то, что они устроили драку на турбазе, а за то, что они сдавали своих приятелей. Было противно и гадко видеть этих слюнтяев, спасающих собственную шкуру. Толь-

ко кучей, залив глаза алкоголем, они были смелые, хотя это была не смелость, а пьяная наглость.

На следующий день Юрий пошёл разговаривать с местными правоохранительными органами. Вернувшись из милиции, он сказал:

– Тебе надо потихоньку рассчитывать и уезжать отсюда. Они так этого не оставят. На них будут давить местные руководители.

Понимая всю ситуацию, Вячеслав написал заявление. Его начальник уговаривал:

– Всё обойдётся. Мы знаем, что они сами затеяли драку. Тем более, ты был на дежурстве.

Но Вячеслав, уже наученный горьким опытом, решил не рисковать. Он не хотел надеяться на мнимую справедливость. Это понятие существовало только в разговорах. На самом деле дела решались по обстоятельствам, выгодным тем или иным людям. Для того, чтобы всё решалось и делалось по справедливости, необходимо было обучать этому качеству человека с детских лет.

«А часто ли это делается?» – задавал себе вопрос он. И делается ли это вообще? Упрямое безумие одних не приносит счастья другим. Бывает в жизни и такое, когда любой путь ведёт только к поражению.

Он ещё ходил на работу, выполнял свои обязанности, но всё время думал, куда ему податься. И тут он вспомнил Людмилу. С туристической группой она приехала из Одессы. В однодневном походе они познакомились. Люся была стройной, красивой брюнеткой. Она потянулась к нему. Они сблизились. И две недели пребывания Люси на турбазе прошли в обоюдном страстном сближении. Она вскоре уехала домой. И оставила ему свой адрес. Они расстались хорошо, но с большим сожалением. Он обещал приехать к ней осенью.

Сложившиеся обстоятельства толкали его в путь. Добравшись до Одессы, Вячеслав сдал вещи в камеру хранения, а сам пошёл знакомиться с городом. Впереди был ещё целый день. Люся была на работе. Под вечер, забрав вещи, он пошёл по адресу, данному ему Люсей. Позвонив в дверь и услышав за дверью какой-то шум, он нервно перекидывал сумку с руки на руку. О своем приезде Людмилу он не предупредил. И всё было покрыто неизвестностью.

Дверь открылась. На пороге в домашнем халате стояла Люся. Увидев Вячеслава, она удивилась и в то же время обрадовалась. Бросив сумку на пол, он обнял Людмилу, расцеловал. Радостная, взволнованная, она зачастила:

– Ну что мы здесь стоим? Бери сумку, пошли в комнату.

Захватив сумку, он проследовал по полутемному коридору в комнату Люси. Зайдя в комнату, он осмотрелся. Комната была небольшой и узкой, с высоким потолком. Слева от входа стояла двуспальная, аккуратно застеленная кровать. За кроватью, уткнувшись в угол комнаты, примостилась этажерка с книгами. Прямо перед дверью, на противоположной стене, было расположено окно, из которого в комнату шёл слабый дневной свет.

За окном виднелось какое-то строение, близко примыкающее к зданию и закрывающее потоки дневного света. В углу справа стоял большой старый платяной шкаф. И почти у входа располагался небольшой кухонный стол и пара стульев. Вот и вся обстановка комнаты. Люся жила в одной из комнат коммунальной квартиры. Помимо неё, в квартире проживала ещё пара семей.

Стены коридора, как обычно в коммунальной квартире, были завешаны тазиками, детским ванночками и ещё какой-то рухлядью. Люся работала в технологическом институте, в области консервирования овощей и фруктов. На скорую руку приготовив лёгкий ужин, она пригласила Вячеслава за стол. Поужинав, они пошли прогуляться по вечернему городу. Жила она недалеко от железнодорожного вокзала на улице Чичерина. Вячеслав вкратце обрисовал обстановку и спросил:

– Можно ли у тебя пожить какое-то время, пока я определюсь?

Люся с радостью согласилась. Ночью они предавались любви и не спали почти до утра. Утром Люся убежала на работу. Уходя, сказала:

– Ты отдыхай. Ключи я тебе оставляю.

Повалявшись в кровати некоторое время и поняв, что он уже не заснёт, Вячеслав поднялся. Привёл себя в порядок и пошёл в город. Он впервые был в Одессе, хотя много читал об этом городе и слышал. Бродил по улицам и рассматривал строения, витрины. Читал

названия улиц. Он почти не думал о своём сложном положении. Единственное он знал, что без дела не сможет долго, и решил на следующий день идти искать работу, любую.

Люся его отговаривала, но на следующий день он отправился на знаменитый одесский «Привоз». Он знал, что рабочие руки для разгрузки нужны всегда. И работа нашлась быстро. Он помогал разгружать крестьянам, приехавшим в город на рынок, картошку, лук и другие овощи. В работе быстро прошёл день. Подзаработав немного денег, он принёс с собой ещё и картошку с луком.

Люся встретила его приветливо. В разговоре он сообщил ей, что на рынке познакомился с парнем, который также подрабатывал, и завтра они идут на овощные и фруктовые склады. Там постоянно нужны рабочие. На следующее утро, встретившись на «Приво́зе», он со своим новым знакомым, а звали его Виталий, отправился на склады. Они располагались за железнодорожным вокзалом.

На площадке перед складами уже собрались такие же, как и они, временные работники. Через некоторое время появился работник склада. Он разделил их по группам, рассказал, что делать, и развёл по складам. Вячеславу с Виталькой досталось пересыпание лука из мешков в контейнеры. Контейнеры ставили на длительное хранение. Перед этим пришёл вагон с луком. Его разгрузили, и мешки возвышались огромной кучей в центре склада.

Вячеслав с Виталькой собрали штук десять контейнеров и установили их вдоль стены. Затем начали переносить мешки и высыпать в контейнеры. Прошло уже часа три, а они всё носили и носили мешки.

– Давай отдохнем, – предложил Виталька.

Но Вячеслав, имея колоссальный опыт грузчика и умение работать физически, твёрдо сказал:

– Пока не пересыпем весь лук, отдыхать не будем.

Виталька удивлённо посмотрел на него, но спорить не стал. К концу рабочего дня они полностью завершили порученную работу. На них приходили смотреть женщины, которые работали в конторах: кладовщицы, учетчицы, бухгалтера. Такие работники попадались редко, и они сочувственно говорили им:

– Да вы отдохните. Не надрывайтесь.

Заплатили им за работу хорошо, да ещё и отсыпали по сумке лука. Когда Вячеслав пришёл домой, Люся была дома и готовила ужин. Она была рада тому, что он принёс домой. И заработок, и овощи были большим подспорьем. Морально было легко и ему. Он не сидел на шее у приютившей его женщины. С Виталькой они поработали ещё пару раз. Он сказал:

– Всё, я больше не хочу. Это как на каторге.

И ушёл. Но Вячеслава быстро узнали. Как-то утром к нему подошёл заведующий базой. Это был высокого роста холёный мужчина, смесь армянина с евреем.

– Ты можешь не приходиться чуть свет. Подбери себе бригаду и работа для тебя всегда найдётся.

Как-то к складам подошёл пульман с картошкой. Работа была тяжёлой, и от неё старались все откреститься. Вячеслав увидел в стороне двух новеньких парней, подошёл к ним.

– Ну, что, пойдём на разгрузку? – спросил он.

Парни согласились. Это были студенты строительного института. Звали их Саша и Николай. Они были из одной деревни. Узнав это, Вячеслав понял, что они будут работать нормально.

– Пошли, – он поднялся с ящика и направился к складам.

Сашка и Николай пошли за ним. Подойдя к группе ожидающих работу, он произнес:

– Нам нужен ещё один человек на картошку.

Особого желания никто не проявил, зная, что работа тяжёлая. От группы отделился один парень. Они познакомились.

– Владимир, – коротко произнёс коренастый парень.

Они отправились к пульману с картошкой. Это была как раз та работа, которую обходили все остальные. И в этот день, зарядившись с утра, они проработали до позднего вечера. Вячеслав в работе был злой и не любил перекуров. Ребята бурчали, но подчинялись ему. Закончив разгрузку пульмана, они разошлись по домам.

На следующий день завскладами с ними щедро рассчитался. Ребята были довольны, и был доволен завскладами. Тогда за простой вагонов склады платили железнодорожникам большие штрафы. А

тут получилось, что разгрузка произошла быстро и за простой платить не надо. Невольно получилось так, что их небольшая бригада была как бы негласно принята на постоянную работу.

И они не подводили. Но им доставалось и хорошая, на языке грузчиков – лёгкая, вкусная работа. Им оставляли вагоны с виноградом, с фруктами. Разгружался такой груз легко и быстро. Они могли взять и домой с разрешения завскладами. Платили неплохо. Студенты были довольны. А Вячеслав про себя злился. Всё равно это была непостоянная работа. Он чувствовал себя между небом и землёй.

Без прописки, без жилья. Жить с оглядкой он не умел. По натуре он был деятельным, напористым человеком. Он любил спорт. Любил общественные места. Пользоваться этим в полной мере он не мог. Да и с Людмилой у него отношения складывались как-то по-особому. Там, дома, в семье у него уже давно не было ладу. Жена, подогреваемая подсказками родителей, то и дело устраивала ему сцены. Это раздражало его, и отношения становились всё хуже и хуже, полностью истекая на нет.

Здесь, в Одессе, с Люсей у него получалось вроде гражданского брака. К нему приходила мысль, что он фактически женат, у него в паспорте стоял штамп. Но, по сути, что мешало людям сходиться, если к этому были все предпосылки? Взаимный интерес, симпатия, влечение. Между людьми нет запрещающих заборов, нет преград и нет лишних вещей.

Никто не мешает одному человеку увидеть другого и протянуть ему руку навстречу. Можно говорить о том, что ты хочешь, и ты получишь то, что хочешь. Мир переполнен избытком. Тебе нужна любовь – тебе дадут её потому, что она есть у каждого. Нужны человеческие встречи? Как попасть в мир человеческих встреч? Достаточно очистить свою душу. Надо шагнуть навстречу другому. Шагнуть так, чтобы к тебе тоже шагнули. И это у него с Люсей произошло. Думать о дальнейшем он не хотел, не позволял себе это делать.

Понимал, что рано или поздно, но ему придётся из Одессы уехать. Его пугало то, что с Люсей у них было всё хорошо. Она по-

нимала его и не лезла с расспросами, чувствуя, что его что-то гнетёт и беспокоит. С ней было легко. Но слишком много света слепит, а избыток кислорода пьянит. И в каком мире оказывается человек, зависит только от него самого. Человек вправе распоряжаться собой, как ему вздумается. Может быть, это единственное достояние, в котором он до конца волен.

В мире нет таких обстоятельств, которые заставили бы человека оказаться в другом мире. Труднее всего оставаться в том мире, в котором находится человек. Только потому, что человек попал в этот мир. Надо уметь перестраиваться. Что и предстояло Вячеславу в очередной раз: менять свою жизнь. А чтобы изменить жизнь, надо измениться самому. А разве это возможно вообще? От себя не уйдёшь и не спрячешься.

Всё чаще с работы они уходили вдвоём с Володей Тонкилеви-чем. Взяв в магазине продукты, бутылку вина, они шли в общежитие института. И не спеша, разложив провизию, садились ужинать. Говорили о многом. Правда, больше говорил Володя, рассказывая о своей жизни. Вячеслав старался отмалчиваться.

Володька видел, что он что-то скрывает, но с расспросами в душу не лез. Был он деликатным человеком. И Слава был благодарен ему за это. В один из октябрьских вечеров они, по обычаю, после работы сидели и не спеша ужинали, запивая ужин красным сухим вином. То ли Вячеславу надоело таиться и скрывать, то ли он окончательно убедился, что он доверяет Владимиру, но он вдруг начал рассказывать ему всё о себе.

Он рассказал, что у него дома произошли крупные неприятности, что вдобавок он окончательно поссорился с женой, и вообще всё вверх тормашками. Выговорившись до конца, Слава почувствовал облегчение. Как будто с души свалился огромный камень. Владимир долго молчал, а затем произнёс:

– Знаешь, что? У меня в Красноярске есть очень хорошие верные друзья. Он работает в краевом военкомате, а жена его – в стройтресте. Тебе надо ехать к ним.

Это было неожиданное предложение, и Вячеслав даже опешил.

– Но ведь я же их совершенно не знаю, – возразил он Владимиру.

– Не переживай. Это добрые, отзывчивые люди. Я напишу письмо, и всё будет в порядке, – говорил Володя. – Они помогут и с работой, и с пропиской.

После этого разговора Володя связался со своими друзьями по телефону. Получив согласие, он подбадривал Вячеслава, который был в сомнениях. Но было и ещё одно обстоятельство, сдерживающее его. У него в паспорте стоял штамп прописки города, где он жил до навалившихся на него шквалом событий.

Они с Володей начали решать этот вопрос. Так как на склады приходил разный народ, и они уже многих знали, то им удалось найти «специалиста». За небольшую плату он сделал штамп о выписке. Когда он сообщил Люсе о своем решении ехать в Красноярск, она расстроилась, а потом заявила, что поедет с ним хоть на край света. Она готова к любым лишениям.

Его и обрадовало это, и в то же время он не мог взять на себя такую ответственность: сорвать человека с хорошего места, с хорошей работы, твёрдо стоящего на ногах. Сорвать и лететь в неизвестность. Ни дома, ни работы, ни знакомых. Это было слишком рискованно.

К тому моменту он уже познакомил Люсю с Володей. Они вдвоём уговаривали Людмилу потерпеть, пока Вячеслав устроится на новом месте, разъяснит обстановку, обживётся, а затем вызовет и её. С огромным трудом, но им удалось уговорить её. И вот наступил день отлёта. Купив билет, они с Володей поехали в аэропорт. Он уговорил Людмилу не провожать его. И вот он в самолёте, рейсом до Москвы. Затем он сделает пересадку, и на Красноярск. Он летел в неизвестность.

В здании аэропорта его ожидал дядя Миша. Слава заметил его сразу. Он выделялся огромным ростом и шириной плеч. К тому же, он был без головного убора. Эту привычку ходить без головного убора Вячеслав перенял у дяди Миши, и так ходил всю дальнейшую жизнь. Дядя Миша был родным братом его матери.

Слава знал дядю Мишу с детских лет. Как-то, когда он учился в четвёртом классе, из Москвы позвонила тётя Женя, родная мать, и предложила прислать Славку к ним в Москву. Мать,

решительный человек, быстро согласилась. Купила билет, усадила Славку в поезд, поручив его попутчикам, молодой семье. Сказала, что в Москве его встретят. И он прибыл в Москву. И тогда его тоже встречал дядя Миша.

Вячеслав помнил, как дядя Миша, выйдя из здания вокзала, спросил его:

– Ну, что? На чём поедем? На метро или такси?

Славка на метро ещё не ездил, хоть много слышал о нём. Ему не терпелось поехать на метро, но неожиданно для себя он сказал:

– На такси.

Дядя Миша остановил такси, они загрузились и отправились в путь. По ходу движения Славка крутил головой во все стороны, поражаясь огромности и разнообразию города. Дядя Миша только усмехался.

Ехали они на улицу Малая Семёновская. Там жила мамина сестра тётя Женя. Славка впервые познакомился с тётей Женей, дядей Лешей и двоюродной сестрёнкой Аней. Дружеские тёплые отношения у него с сестрой сложились сразу. И так продолжалось всю жизнь. И вот сейчас вновь дядя Миша встречал его.

– Слава, дорогой!– воскликнул дядя Миша, заметив его, и направился в его сторону, широко расставив руки для объятий. Они обнялись, расцеловались.

– Ну, что? Рассказывай. Каким ветром и по каким делам? – весело расспрашивал дядя Миша.

– Я пролётом на Красноярск. Времени у меня совсем немного. Ты можешь поехать со мной в Домодедово? – спросил Вячеслав.

– Конечно, – удивлённо посмотрел дядя Миша.

Они уселись в автобус, идущий в аэропорт Домодедово. По дороге Слава рассказал дяде Мише обо всех своих злоключениях. Попросил дядю передать матери, что он жив-здоров, но пока связаться с нею он не может. И где он, пусть пока не говорит. Дядя Миша кивал головой и с участием поглядывал на Вячеслава. В аэропорту Домодедово, узнав рейс на Красноярск и забронировав место, они прошли в буфет. До отлёта было ещё два часа, и они не спеша ужинали.

– Да ты здорово не расстраивайся. Всё образуется, – успокаивал дядя Миша удручённого Вячеслава.

Но тот оставался по-прежнему хмурым. Никакой определённости и уверенности в том, что всё наладится, у него не было. Однако пропадать он тоже не собирался. Раздался голос дикторши, объявляющей посадку на нужный ему рейс. Люди засуетились, все устремились к выходу.

– Ты меня проводишь? – обратился он к дяде Мише. Дядя Миша был на тринадцать лет старше его, и они с ним были давно на «ты». Таково было желание дяди Миши.

– Ну, что за вопрос? Конечно.

Они направились к выходу, протискиваясь сквозь толпу.

– Ну, до свиданья, – повернулся Вячеслав к дяде Мише. Они обнялись.

– Если будет невмоготу и будет нужна моя помощь, сразу же сообщай, – ровным, спокойным голосом говорил дядя Миша.

– Я пошёл, – и Вячеслав направился к выходу.

У посадочной площадки и у вокзала горели фонари. Небо совсем потемнело. Задувал холодный ветер. Вячеслав глубоко вздохнул, но легче от этого не стало. Пассажиры поспешно спускались по лесенке и быстро шли к стоящему недалеко самолёту. Вячеслав не торопился войти в самолёт, пропуская вперёд других. Он всё ещё не решался сделать последний шаг, хотя всё уже шло своим чередом помимо его воли. Вячеслав взбежал по лестнице и нырнул в самолёт.

Он отыскивал своё место, сел. Пассажиры рассаживались поудобней, обменивались замечаниями. Лёту до Красноярска было шесть часов.

Вячеслав увидел в иллюминатор, как от самолёта откатилась лестница, и через некоторое время самолёт покатили на взлётную полосу. Из-за голубых шёлковых портьер вышла стюардесса. Она была стройна и симпатична. Форменная одежда сидела на ней изящно.

– Добрый вечер, товарищи, – произнесла стюардесса. – Рейс по маршруту Москва-Красноярск выполняет экипаж Красноярского авиаотряда. Командир корабля – пилот первого класса Фёдоров.

Наш полёт будет проходить на высоте восемь тысяч метров со скоростью 650 километров в час. Время в пути – 5 часов 45 минут. А сейчас прошу всех пристегнуть ремни и не курить до полного набора высоты. Экипаж корабля желает всем приятного полета, – и стюардесса ушла за портьеру.

Через некоторое время она появилась вновь с подносом конфет и начала обходить пассажиров.

Включили двигатели. Самолёт вздрогнул и, набирая скорость, понёсся по взлётной полосе. Ещё мгновение, и он, плавно оторвавшись от земли, начал набирать высоту.

Вячеслав пытался представить людей, к которым он летел, город, в котором ему придётся жить и работать. Кроме газетных сообщений и сообщений, слышанных по радио, ничего больше о Красноярске он не знал. Мысли ворочались в голове тяжело, неохотно. За последнее время ему пришлось столько передумать, что он уже не знал, в какое русло направлять свои мысли...

Табло с надписью: «Не курить», «Пристегнуть ремни» погасло. Самолёт набрал высоту. В салоне было тепло. Пассажиры начали подниматься, снимать верхнюю одежду. Вячеслав тоже сбросил с себя куртку. Улетая из Одессы, он не подумал, что в Сибири может быть холодно. Да если бы и подумал, ничего бы это не дало. Вся зимняя одежда была дома, у матери. Прошло около трёх часов...

Стюардесса разбудила начинающих дремать пассажиров.

– Товарищи пассажиры, приготовьте столики, – сказала она, улыбаясь, – будем завтракать.

Пассажиры задвигались, вставляли столики, усаживались удобнее.

– А вы почему не готовите столик? – спросила Вячеслава сидевшая рядом с ним молоденькая девушка.

– Не хочу я есть, – недовольно буркнул Вячеслав.

Девушка пожала плечами.

Подошла стюардесса, подавая подносы с упакованными в целлофан пакетиками.

– Вам нездоровится? – обратилась она к Вячеславу.

– Да нет, ничего. Не беспокойтесь. Я просто не хочу есть.

Сидевшая рядом девушка заинтересованно посматривала на Вячеслава.

Вячеслав смотрел в иллюминатор, стараясь взглядом проникнуть в темноту ночи. В салоне вновь появилась стюардесса и начала собирать подносы. Через некоторое время все успокоились, затихли. Многие, откинув спинки кресел, усаживались удобнее, намереваясь поспать. Вячеслав закрыл глаза, но спать не хотелось. Так он и просидел с закрытыми глазами до тех пор, пока не услышал голос бортпроводницы:

– Наш самолёт пошёл на посадку. Прошу всех пристегнуть ремни и не покидать своих мест до приземления и полной остановки двигателей. В Красноярск прибываем в 6 часов 45 минут по местному времени. Температура воздуха в Красноярске – -11° С.

«Ого! – подумал про себя Вячеслав. – Ну, да ладно. Не пропадём».

Когда самолёт, приземлившись, подрулил к зданию аэровокзала, Вячеслав, взяв свою сумку, начал продвигаться к выходу, пока пассажиры одевались. Подъехала лестница, открыли дверь. Вячеслав шагнул на лестницу и бросил взгляд вокруг. Занималось морозное осеннее утро. Было четвертое ноября.

Он сбегал вниз и направился к зданию аэровокзала. Выйдя на привокзальную площадь, Вячеслав спросил у стоявшего возле автобуса шофёра, как ему проехать на улицу Урицкого.

– Садитесь, – и он кивнул на открытую дверцу автобуса. – Пассажиры поднаберутся, и поедем, – добавил он.

Ехал он сразу не к Василию Егоровичу и Юле Николаевне, куда его направил Володька Тонкилевич, а сначала к его товарищу. Звали его Анатолий. Раньше они с Володькой жили в одном посёлке в Крыму под Евпаторией. Вот у этого Анатолия на первое время и должен был остановиться Вячеслав. Найдя нужный номер дома и квартиру, Вячеслав постучал. Дверь открыл невысокого роста крепыш.

– Вам кого? – спросил он.

– Мне бы Анатолия Лугова, – произнёс Вячеслав.

– Я он и есть. Что вы хотели? – спрашивал крепыш.

– Я к Вам от Володи Тонкилевича. Вот письмо, – и он протянул конверт крепышу.

– А, от Володьки, – заулыбался крепыш. – Проходите.

Он взял конверт, разорвал его и начал читать.

– Так, понятно, – прочтя письмо, произнес Анатолий. Он провёл его в кухню. – Располагайся, а я буду готовиться на работу, – сказал Анатолий.

У окна, напротив двери, стояла односпальная железная кровать, застланная старым тёмно-зелёным одеялом. Справа у стены – кухонный стол. На нём громоздились грязные тарелки, куски хлеба, стаканы и пустая бутылка из-под водки. Возле стола по обе стороны стояли две табуретки. Вячеслав перевёл взгляд влево. Сразу за дверью, очевидно, ведущей в комнату, выступала плита со стоящими на ней грязными кастрюлями.

– Проходи, не робей. Я пойду, подыму жену, – и он ушёл в комнату.

Вячеслав снял куртку, повесил её на вешалку. Поставил под вешалку сумку, прошёл к столу и уселся на табурет. Из комнаты доносились невнятные голоса. Вскоре из неё вышли Анатолий и полная молодая женщина. Она была в каком-то буром халате, растрепанная и неаккуратная. Взгляд у женщины был сердитый и недовольный. На приветствие Вячеслава она буркнула в ответ что-то невразумительное. Вячеслав внутренне поёжился. Впечатление было не из радостных...

Анатолий одевался, пил чай, что-то жевал и на ходу рассказывал, как проехать к Василию Егоровичу.

– Работает он с девяти часов. Поговоришь с ним, а потом мы уже вечером потолкуем не спеша, – говорил Анатолий. – А сейчас можешь прилечь отдохнуть. У тебя ещё есть время, – одеваясь, говорил он. – Ну, я пошёл. До вечера.

Вячеслав пересел на кровать, снял жакет, разулся и прилёг. По кухне, гремя посудой и кастрюлями, ходила жена Анатолия. От Володи Вячеслав знал, что она работает в школе учительницей, и он удивлялся грязи и беспорядку, царящему в доме. «А какое мне до этого дело?» – одёрнул он себя мысленно.

Рая, так звали женщину, начала поднимать детей. Она торопила их, покрикивая и ругаясь. В дверях показались заспанные мальчишка лет восьми и девчонка чуть постарше. Они удивлённо уставились на Вячеслава.

– Быстрой, быстрее, – подталкивала их мать.

Кое-как умывшись и одевшись, дети уселись за стол. Пока они ели, Рая ушла в комнату и вскоре вышла одетая и причёсанная.

– Поторапливайтесь, – прикрикнула она на детей, доставая с вешалки их пальтишки.

– Мы пошли. Ключ у вас есть. Отдыхайте, – залпом произнесла она, и они вывалились из кухни.

Вячеслав вздохнул и прикрыл глаза. Расслабился. С часик можно было полежать спокойно и осмыслить первые впечатления. Осмыслить и переварить...

Ни к чему не придя и ничего не решив, Вячеслав поднялся и начал одеваться.

Закрыв дверь и положив в карман ключ, оставленный ему Анатолием, он вышел на улицу. Шёл снег... Вячеслав выставил ладонь. На неё упало несколько замысловатых звёздочек, которые вскоре растаяли, превратившись в маленькие капельки воды. Выйдя на центральную улицу – улицу Мира, Вячеслав спросил у прохожего, как пройти в Центральный райвоенкомат.

– Да здесь совсем рядом, – ответил мужчина. – Перейдите на правую сторону и идите до первого перекрёстка. Поворачивайте направо – и там увидите двухэтажное зелёное здание. Это и будет военкомат, – объяснял мужчина.

– Благодарю, – сказал Вячеслав, удивляясь, что мужчина с готовностью и со всеми подробностями объяснил дорогу.

Вячеслав быстро нашёл нужное ему здание. Открыв дверь, он вошёл в помещение. Подошёл к окошечку дежурного. Окошечко открылось, и Вячеслав, наклонившись, увидел мужчину средних лет в форме капитана.

– Я слушаю вас, – произнес капитан.

– Здравствуйте. Мне нужен подполковник Голованов.

– По какому вопросу? – спросил дежурный.

– По личному. Из Одессы я, – ответил Вячеслав.

Дежурный пододвинул к себе телефон и стал набирать нужный номер.

– Василий Егорович, к вам тут человек, – сказал капитан в труб-

ку. – Он говорит, приезжий. Из Одессы, – пояснял дальше он. – Хорошо, – кивнул капитан головой и, положив трубку, повернулся к Вячеславу. – Поднимайтесь на второй этаж. Кабинет номер пять.

– Спасибо, – и Вячеслав направился к деревянной лестнице. Поднявшись на второй этаж, он пошёл по коридору.

Одна из дверей открылась, и из неё вышел военный.

– Вы ко мне? Я Голованов, – произнёс он, подходя к Вячеславу и протягивая руку.

Вячеслав пожал её. Рука подполковника была сухая, но крепкая. Василий Егорович был выше Вячеслава, худощав, с большими залысинами. С умными тёмно-карими глазами. Он произвёл приятное впечатление на Вячеслава, и у него потеплело на душе.

– Пойдём со мной, – обнял он Вячеслава за плечи.

Они зашли в комнату. Обстановка в ней была совсем скромная: стол, покрытый чёрным дерматином, в углу – сейф, и несколько стульев.

– Присаживайся. Рассказывай, – пригласил Василий Егорович. Проговорили они около двух часов. Василий Егорович внимательно слушал Вячеслава, иногда задавал вопросы.

– Документы при тебе?

Вячеслав молча достал из кармана документы и положил на стол паспорт, военный билет, трудовую книжку и диплом об окончании института физкультуры. Василий Егорович внимательно рассматривал документы.

– Так, – поднялся он из-за стола. – Я их оставляю, а ты завтра приходи к нам домой часам к пяти вечера. Запиши наш адрес, – произнес он.

Вячеслав записал адрес, выслушал, как найти дом, и попрощался. Идя по улице, он думал.

«Может, и образуется всё. Приятный мужик», – подумал он о Василии Егоровиче.

Вячеслав решил побродить и хотя бы немного ознакомиться с городом. Он дошёл до краевой библиотеки, до памятника В.И. Ленину, постоял на площади. Потом вспомнил, что надо пойти в магазин и кое-что подкупить для вечера. Взяв две бутылки водки, колбасы,

сыра, конфет для детей, Вячеслав понёс покупки в дом Анатолия. Раи и детей ещё не было. Сложив всё в сумку, Вячеслав решил идти на улицу. Оставаться одному ему не хотелось.

Его потянуло в аэропорт. Узнав, как проехать в аэропорт, он дождался троллейбуса и отправился в путь. Минут через двадцать он был уже на месте. Вячеслав ходил по площади перед зданием аэровокзала, затем зашёл в помещение, где находились кассы, и начал изучать расписание рейсов. Услышав звуки прилетающих и отлетающих самолётов, он разволновался. Пошёл в здание, где проходила регистрация пассажиров.

«Взять билет, да махнуть назад? – подумал Вячеслав. – Спокойно, спокойно, – урезонивал он сам себя. – Во-первых, у тебя нет таких денег, во-вторых, ты уже отдал документы. И вообще, не вайлай дурака».

Он вышел из здания, походил ещё немного и направился к остановке троллейбуса. Вышел на четыре остановки раньше, чтобы пройтись пешком, успокоиться, да и потянуть время. Пришёл часам к шести вечера. Все уже были дома. Рая готовила ужин, со стола всё было убрано.

– Раздевайся. Сейчас будем ужинать, – говорил, потирая руки, Анатолий. Он открыл кухонный стол и достал оттуда бутылку водки. Поставил на стол, достал пиво. Вячеслав открыл сумку и выложил на стол покупки, поставил водку. Отдал толкавшимся тут же детям конфеты. Рая, глянув на стол, произнесла:

– Зачем так много?

Но голос её был уже не такой сердитый. Поставив на стол закуску и разложив по тарелкам жареную картошку, она пригласила за стол. Анатолий, раскупорив бутылку, разлил водку в маленькие гранёные стаканчики.

– За знакомство и за всё хорошее, – поднимая свой стаканчик, произнес Анатолий.

Все выпили. Водка горячим потоком ринулась по пищеводу в желудок. Вячеслав крикнул. Закусили. По телу разлилось приятное тепло. Ударило в голову хмелем.

«Это потому, что я целый день не ел», – подумал Вячеслав.

Выпили по второй... Анатолий начал расспрашивать Вячеслава о Володьке, и Вячеслав, понимая, что это действительно интересует его, обстоятельно, со всеми подробностями, повёл рассказ. Проговорили они долго. Вячеслав чувствовал, что все его беды, которые держали его в напряжении, как бы отодвинулись от него. В нём начала пробуждаться надежда на лучшее...

Спал он хорошо и крепко. Утром все проснулись позже обычного. Был предпраздничный день. Анатолию на работу не надо было идти.

День прошёл быстро. К назначенному часу Вячеслав поехал к Василию Егоровичу. Перед дверью Вячеслав поправил волосы, переложил в другую руку захваченную с собой бутылку, нажал на кнопку звонка. За дверью послышались шаги, щёлкнул замок.

Дверь открыл сам Василий Егорович.

– А, Вячеслав. Проходи, проходи.

Поздоровавшись и сунув Василию Егоровичу в руки бутылку, Вячеслав начал раздеваться. Вячеслава разглядывали выскочившие из комнаты мальчишки лет по десяти.

– Мои сыновья, Борька и Генка, – представил их Василий Егорович.

– Юля! – позвал он, подталкивая Вячеслава в комнату.

Из спальни вышла невысокая светловолосая женщина. Она была хорошо сложена, и это бросилось Вячеславу в глаза. Нарядное платье плотно облегалo её ладную фигуру. На Вячеслава смотрели большие чёрные глаза. Женщина была красива.

– Знакомься, – обратился к ней Василий Егорович.

Женщина протянула руку:

– Юля.

– Вячеслав, – как-то неловко назвалcя он. – А отчество? – обратился он к женщине.

– Просто Юля, – непринуждённо ответила она.

Они сели за стол и повели неторопливую беседу. Первая неловкость прошла, и Вячеслав почувствовал себя свободнее.

– Вячеслав, – обратился к нему Василий Егорович, – будешь ночевать у нас. Мы сейчас должны уйти к Юле на работу, но долго

там не будем. Ты поужинаешь с ребятами, и, если задержимся, располагайся в их комнате. Они тебе всё покажут.

– Да, может, я пойду? Ни к чему это, – отнекивался Вячеслав.

– Не выдумывай и оставайся, – твёрдо произнесла Юля.

После их ухода Вячеслав уселся с ребятами смотреть телевизор. Часов в девять вечера зазвонил телефон. Борька поднял трубку.

– Да. Есть. Сейчас, – говорил он. – Это вас, – повернулся он к Вячеславу.

Вячеслав удивлённо взял трубку:

– Я слушаю.

– Вячеслав, – раздался в трубке женский голос. – Это я, Юля.

– Слушаю.

– У тебя есть при себе деньги?

– Да.

– Тогда одевайся, заскочи в магазин и приходи к нам в нашу контору, – Юля назвала адрес.

– Да не задерживайся, – послышался в трубке мужской голос.

Вячеслав так и сделал. Управление стройтреста он нашёл быстро. Внизу сидел старичок-дежурный. Вячеслав разъяснил ему причину прихода, и старичок указал ему на лестницу, ведущую на второй этаж. В этот момент на лестнице показалась Юля.

– Пришёл... Молодец. Подымайся, – говорила весело Юля.

Тут же появился и Василий Егорович. Они завели его в какой-то кабинет, стащили с него куртку и повели в комнату, откуда доносились весёлые громкие голоса. Они зашли в просторную комнату, в которой было человек тридцать народу. Слева от входа буквой «Г» стояли столы с закуской и выпивкой, справа, на свободном месте, под радиолу танцевало несколько пар. Юля и Василий Егорович принялись знакомить его с присутствующими. Вячеслав машинально отвечал, толком не расслышав имена знакомившихся с ним людей. Его усадили за стол. Стали рассаживаться и остальные.

Пока рассаживались за столы, Вячеслав разглядывал людей. В большинстве здесь были женщины разных возрастов. «Очевидно, это сотрудники стройтреста», – думал Вячеслав. Рядом с ним села молодая женщина лет двадцати пяти.

– Это Зина, моя подруга, – говорила Юля, сидя по другую сторону от Вячеслава.

На противоположном конце стола поднялся мужчина. Он предложил выпить за всех присутствующих. Постепенно Вячеслав освободился от неловкости и вошёл в колею вечера. Домой возвращались около двенадцати часов ночи. Зина жила далеко, и Юля потащила её ночевать к себе.

– Я, наверное, пойду к Анатолию, – предложил Вячеслав.

– Не выдумывай и не беспокойся, – удержал его Василий Егорович.

Дома они ещё выпили по рюмке и потом пили чай.

Вячеслав взял гитару, которую до этого притащили мальчишки, и, тихонько аккомпанируя себе, пел песни. Спать улеглись поздно...

Седьмого ноября на улице был мороз до двадцати градусов, и демонстрацию смотрели по телевизору. Василий Егорович сказал Вячеславу, чтобы он после праздников пошёл в Сибирский технологический институт, и назвал человека, к кому подойти. Там нужен преподаватель физкультуры.

Прежде чем пойти говорить о работе, Вячеслав прошёл по аудиториям, заглянул в спортзал. Там как раз шли занятия. Он постоял, посмотрел на всё происходящее и пошёл на улицу. Непонятное чувство охватило Вячеслава. В голову полезли нелепые мысли:

«Куда я забрался? А если ещё устроюсь здесь работать, засяду надолго».

Какая-то тоска сдавила сердце, и он ходил и ходил по улице. Так и не зайдя в институт, он отправился к Василию Егоровичу...

Он не стал придумывать причины, а прямо сказал Василию Егоровичу, что не может туда идти, что ему тяжело. Если бы на транспорт, то он бы пошёл на любую работу. Он хочет иметь возможность передвижения, тогда не так тяжело будет на душе. Вячеслав думал, что Василий Егорович рассердится, и будет прав. Но подполковник, внимательно выслушав Вячеслава, сказал:

– Иди к Анатолию, забирай свои вещи и возвращайся к нам. Будешь жить у нас. А вечером я тебе всё скажу. Давай, а сейчас мне некогда, – и подтолкнул Вячеслава к выходу.

«Приехал к чужим людям. Они тебе пытаются помочь, а ты ещё и носом крутишь», – корил себя Вячеслав.

Вечером он с нетерпением ожидал прихода Василия Егоровича...

– Ну, так, – уже сидя за ужином, произнёс подполковник, – завтра пойдёшь к начальнику авиаотряда. Я с ним говорил сегодня. Пойдёшь летать бортпроводником, – и тут же задал вопрос: – Пойдёшь или нет?

Вячеслав поторопился согласиться. Так он попал в Красноярский авиаотряд в службу бортпроводников. Служба бортпроводников была в основном укомплектована девушками и молодыми женщинами. Мужчин было мало.

Авиаотряд выполнял различные рейсы во все концы Советского Союза. Летать приходилось в разные города, и это было здорово. Вячеслав по натуре был бродяга, и то, что перед ним открывалась перспектива увидеть и узнать новые места, только радовало его.

Первый рейс он полетел стажёром на Москву. Несложные обязанности бортпроводника он запомнил быстро, и, сдав зачет инструктору своей эскадрильи, уже в следующий рейс отправился равноправным членом экипажа. Работа ему нравилась. Ничего сложного в ней не было. Поэтому Вячеслав удивлялся, когда слышал жалобы на усталость после рейсов. Сам же он готов был летать всё время без всякого отдыха.

Когда он возвращался в Красноярск, его с радостью встречали мальчишки Василия Егоровича и Юли, с которыми он успел подружиться. Мальчишки задавали ему множество вопросов, лезли к нему в карман, ища конфеты, зная, что он обязательно принесёт им что-нибудь вкусненькое. Вячеслав попал в тройку с двумя молодыми женщинами. Тамара Колокольчикова раньше работала администратором в театре, но затем сменила эту профессию на профессию бортпроводницы и, по её выражению, не жалела об этом. Галя Сидорова работала второй год и заочно училась в институте иностранных языков.

В полёте они работали дружно и споро. Тамара общалась с пассажирами, а Вячеслав помогал Галке на кухне, а во время стоянки сдавал и принимал багаж. Обязанности были несложными, но необходимо было быть внимательным...

Однажды, придя на вылет, Вячеслав узнал, что рейс откладывается по метеоусловиям. Он подождал Тамару и Галку, и они вместе пошли в гостиницу. Таков был порядок. Как только будет дано разрешение на вылет, их тут же вызовут. В гостинице находился весь экипаж вместе с командиром. Вячеслав сбежал в диспетчерскую и узнал, что вряд ли их до утра выпустят, если даже самолёт, который они ожидали, прибудет раньше. Придя в гостиницу, он разделся и завалился спать. В середине ночи его разбудила Колокольчикова.

– Иди, встречай самолёт из Москвы, – сонно говорила она.

– Зачем? – удивился Вячеслав. – Мы же всё равно не полетим.

– Звонит третий номер с прибывшего самолёта и требует, чтобы ты пришёл, – ответила Тамара. – Иди сам к телефону и поговори, – добавила она.

Вячеслав зашёл в комнату дежурной по этажу, взял снятую с рычага трубку:

– Алло. Я слушаю, – произнёс он в трубку.

– Ты чего спишь там? Иди сюда и принимай, – зашумела трубка женским голосом.

Вячеслав отстранил трубку от уха.

– Не кричи. Объясни толком, – говорил Вячеслав.

Голос чуть успокоился.

– Ты что, не знаешь, что надо встречать рейс? Имеются два ценных багажа.

Вячеслав прислушивался к голосу. В нём звучали приятные грудные нотки, и Вячеслав молчал.

– Чего ты молчишь? – послышался вопрос.

– Рейс откладывается до утра. Закрой багажник, опечатай, а ключи отдай бортмеханику, – произнёс Вячеслав и положил трубку.

Как и сказал диспетчер, улетели они только утром. Рейс прошёл благополучно. В городе его встретила Тамара.

– Будет тебе на пироги, – произнесла она, смеясь, – не захотел встретить самолёт и принять, а Воронкова на тебя нажаловалась.

– А, ерунда, – махнул Вячеслав рукой, – всё же нормально. Чего крик поднимать зазря?

Через несколько дней он зашёл в службу бортпроводников узнать, когда ему в рейс, послушать служебные новости. В коридоре его встретила Галка:

– Очень кстати ты появился. Иди, послушай, что там про тебя говорит Воронкова.

Вячеслав открыл дверь инструкторской. Там было полно народу. Столы инструкторов были окружены бортпроводниками. Возле стола инструктора Пасляковой Веры, что командовала третьей эскадрилей, в составе которой был и Вячеслав, стояли три девушки. Одна, невысокого роста, в расстегнутом форменном пальто, без платка, облокотилась на стол и приятным грудным голосом говорила Вере:

– Покажите вы мне этого Ложко. Какой он хоть из себя?

Вера повернулась к двери и, увидев Вячеслава, сказала:

– А вот и он, лёгок на помине. Смотри, – обращалась она к девушке, требующей показать ей Вячеслава. Девушка повернулась к Вячеславу, и он увидел большие тёмно-синие глаза, удивлённо смотревшие на него. У неё было красивое неброское лицо. Тёмные волосы аккуратно уложены. Брови приподняты вверх. Из-под пальто виднелась светло-салатная кофточка, застёгнутая на все пуговицы. Небольшими упругими бугорками выделялись груди. Сердце Вячеслава учащённо забилося.

«Что за чёрт? – подумал он про себя. – Однако, она хороша».

Воронкова, а это была она, подошла к нему и начала его отчитывать. Но голос её уже не звучал сердито. Скорее, она это делала по инерции. Говоря с Вячеславом, она с интересом рассматривала его.

– Да ладно, успокойся, – улыбаясь, произнес Вячеслав, – ничего же не случилось, – и подошёл к столу инструктора. Воронкова вышла из инструкторской. Через некоторое время вышел и Вячеслав, тайно надеясь, что она ещё не ушла. Но её уже нигде не было. Вячеслав постоял на пороге и пошёл в общежитие...

Прошло несколько дней. Перед глазами у Вячеслава стояло лицо бортпроводницы. Что-то в нём было такое, что заставляло Вячеслава думать о ней постоянно. Он пытался яснее представить её, но чем больше он напрягал память, тем расплывчатей становились черты, а затем исчезали вообще.

«Ерунда какая-то. Чего ты разошёлся?» – выговаривал сам себе мысленно Вячеслав.

Но она не давала ему покоя, и он принялся через девчонок искать её. Зачем, он ещё и сам не знал, но ему крайне надо было её увидеть. Посмотреть на неё хотя бы раз. У Галки он узнал, что Валя, так звали её, замужем, и у неё двое детей.

Вячеслав огорчился и расстроился. Он даже начинал сердиться на неё. Но проходило время, а встретить её ему никак не удавалось. То он был в полёте, то уходил с ребятами куда-то, но никак не мог увидеть её. Неожиданно помог случай. Вячеслава вызвали в службу бортпроводников, и Вера Паслякова сказала ему:

– Пойдешь в УТО. Приказ уже подписан.

– Чего это вдруг? – буркнул Вячеслав.

Находящаяся в инструкторской Галка повернулась к Вячеславу и произнесла:

– Чем ты недоволен? Всего на две недели. Что, хочешь, чтоб весной заперли на три месяца?

Ничего не оставалось делать, и на следующий день к девяти часам утра Вячеслав отправился в здание УТО. УТО – это учебно-тренировочный отряд. Здесь повышали свою квалификацию лётчики, диспетчеры, бортпроводники и вообще все службы. Через УТО периодически проходили все. Это делалось, чтобы человека подготовить теоретически, преподнести новое, появляющееся в процессе работы. Проверить знания и закрепить навыки. Авиация есть авиация. Здесь всё важно и необходимо.

Вячеслав зашёл в класс, где должна была заниматься их группа. Там уже было несколько человек. Девушки все – незнакомые. Да Вячеслав мало кого ещё и знал. Встречаться часто не приходилось. К девяти часам набралось человек пятнадцать. Вошёл преподаватель, и начались занятия по изучению устройства самолёта. Парней было всего трое, вместе с Вячеславом. В перерыве из класса никто не вышел, а остались на месте, обмениваясь новостями. Вячеслав из разговора понял, что в группе подобрался народ бывалый, уже имеющий за плечами по несколько лет лётного стажа. К нему повернулась сидящая впереди молодая женщина с кудрявыми белыми волосами, вы-

бывающимися из-под меховой шапочки, которую она так и не сняла.

– А как тебя зачислили в эту группу? Ты же из новеньких, – спросила она. – Здесь все уже с опытом, – добавила она, смеясь.

– Очевидно, меня тоже считают опытным, ну, а то, что не знаю, подучу здесь, – ответил, улыбаясь, Вячеслав.

В этот момент открылась дверь и... на пороге появилась она, та, которую искал последнее время Вячеслав.

Сердце его учащённо забилося. Да, это была Валя Воронкова. Она стояла в проёме двери, как бы раздумывая, заходить или не надо. Одета она была в синюю, плотно облегающую бёдра, юбку и в ту же светло-салатную кофточку. Вячеслав отчетливо видел её всю. Глаза её на этот раз были не тёмно-синими, а синими, как весеннее небо. Она повела взглядом по находившимся в классе. Взгляд её наткнулся на смотрящего на неё Вячеслава. Брови вздёрнулись вверх. Она тоже не ожидала встретить его здесь.

– О, Валюха, привет, – обрадовалась ей молодая женщина, только что разговаривавшая с Вячеславом.

Валя зашла в класс и начала здороваться с присутствующими. Чувствовалось, что она многих знает и знает хорошо. Потом она прошла к свободной парте впереди Вячеслава и села одна. Вячеслав тоже сидел один на последней парте. Прозвенел звонок, и в класс вошёл преподаватель. Урок начался. Вячеслав плохо слышал то, что говорил преподаватель, а смотрел на спину Валентины. Наклонившись вперёд, она что-то записывала в тетрадь.

Кофточка на спине натянулась, и Вячеслав отчетливо видел полоски лифчика и две пуговики, соединяющие его концы. Она, очевидно, почувствовала его пристальный взгляд, потому что повернулась к нему и внимательно посмотрела. Кровь ударила Вячеславу в голову.

Постепенно они все перезнакомились. Вячеслав тоже включался в разговор, но как-то обходил моменты, когда говорила она. Он чувствовал себя при ней скованно, хотя и старался это скрыть. Это ему удавалось, и никто не замечал его неловкости. На следующий день он пересел к Людмиле Пермяковой. Это была девушка двадцати одного года, рослая, со светло-русыми волосами, с хорошо сложенной фигурой, с высоко стоящей грудью. Она была

очень привлекательна. Вячеслав свободно болтал с Людкой о всяких пустяках.

Она проявляла к нему интерес и охотно беседовала с ним. Вячеслав знал, что нравится женщинам. Он был высок, широк в плечах. Черты лица у него были крупные, но правильные и соразмерные. А кудрявые светло-русые волосы колечками падали на лоб. Однако, болтая с Людкой и с остальными, он всё время думал о Валентине и украдкой рассматривал её. Когда он подходил к ней близко, его всего обдавало жаром.

«Что за чёрт? – думал Вячеслав. – Это всё так просто, новизна. Пройдёт».

Но с каждым днем он всё мучительнее хотел видеть её, говорить с ней.

Вечером, лёжа в общежитии на кровати, он вдруг вспомнил дом, жену. Бестолковые ненужные ссоры, взаимные оскорбления. И всё ему показалось сейчас таким никчемным, ненужным и далёким, что он удивился этому открытию. Ничего у него в сердце не дрогнуло при воспоминании о жене, ничто не взволновало.

«Как же мы жили?» – подумал он удивлённо.

Потом его мысли переключились на Валентину. Сердце Вячеслава забилось учащённо. Ему доставляло удовольствие думать о ней. Он старался забыть о том, что у неё есть муж, дети...

Он вспоминал её слова, сказанные ему, её взгляды, её движения, и всё волновало его. Он уже, не замечая этого, придавал значение обыкновенным словам, распаля своё и без того возбуждённое воображение. Вячеславу тяжело было дожидаться утра, чтобы быстрее бежать в УТО и там видеть её. Он не находил себе места, когда она не приходила на занятия. Неля, подруга Вали, заметила его состояние и дружески подначивала Вячеслава:

– Что, влип?

Он досадливо махал рукой и отмалчивался. Как-то, сидя на уроке и записывая в тетрадь то, что говорил преподаватель, он почувствовал на себе внимательный взгляд. Вячеслав быстро поднял голову. На него смотрела каким-то задумчивым взглядом Валентина. Застигнутая врасплох, она не успела отвести глаз и густо покрасне-

ла под взглядом Вячеслава. Её глаза потемнели, но она продолжала смотреть на Вячеслава, и он смутился. В перерыв он подошёл к ней и подсел за парту.

– Давай после занятий ходим в кино, – несмело предложил он Валентине.

– Да нет, дома дел много, – отказывалась она.

– Ну, подумаешь. Часа два займем времени.

Но она отказалась. Вячеслав встал и недовольно посмотрел на неё. Он злился и на неё, и на себя. На себя – за то, что ничего не мог поделать с собой, его тянуло к Валентине всё сильнее и сильнее. А на неё – за то, что она стала объектом его мучений и тайных желаний, за то, что она тянулась к нему и в то же время сдерживала себя. Вячеслав чувствовал это и не понимал её состояния.

Люди очень тяжело сходятся друг с другом. На пути у них – тысячи преград, условностей. Этого не понимал Вячеслав и не принимал. Ну почему, если люди чувствуют тягу друг к другу, взаимное влечение, чувствуют, что они могут стать бесконечно близкими друг другу, они должны лишать себя этого? Семья, дети, долг – это всё понятно. Но разве врать человеку, которого ты не любишь, прикидываться, делать вид, что всё благополучно, – разве это не хуже, чем честное разрешение вопросов? Разве дети не чувствуют, не видят ложь в отношениях взрослых? Конечно, видят.

Люди боятся оказаться непорядочными, но по отношению к кому? Не верят в глубину своих чувств и так нелепо расходятся. После занятий Вячеслав сидел на парте, задумавшись.

– Вячеслав, быстрее собирайся. Пошли, – окликнула его Людка.

– Иду, – поднялся Вячеслав.

За своей партией собиралась Валентина. Когда он проходил мимо неё, она подняла голову и посмотрела на него укоризненно, с виноватой, чуть тронувшей её пухлые губы улыбкой. У Вячеслава царапнуло по сердцу, но он решительно прошёл мимо. В раздевалке, одеваясь и помогая одеться Людке, он заметил, что Валентина сидит в сторонке и тайком поглядывает на них. Выйдя на улицу, Людка взяла Вячеслава под руку, и они пошли к троллейбусной остановке. Людка что-то щебетала, заглядывая Вячеславу в лицо.

Вячеслав кивал ей, но ровным счётом ничего не понимал из того, что она говорила. Перед его глазами стоял укоризненный взгляд Валентины.

«Сама виновата», – мысленно злился Вячеслав, не желая понять её.

Прошло несколько дней. Вячеслав чуть успокоился. Он шутил в классе, и девчонки легко отзывались на его незлобивые шутки. Разговаривал он и с Валентиной, сидя с ней рядом. Её глаза потеплели, и она как-то по-особому ласково смотрела на Вячеслава.

Вячеслав готов был, не отрываясь, смотреть в эти глаза, видеть перед собой её улыбающееся лицо, слышать её голос. Когда во время переменки к Валентине подходили знакомые лётчики, тоже проходящие учебу в УТО, разговаривали с ней о чём-то, смеялись, Вячеслав скрежетал зубами. А она, повернувшись и замечая его сердитый взгляд, устремлённый на неё, моментально сгоняла с лица улыбку и поспешно отходила в сторону. Что-то пугало её во взгляде Вячеслава и настораживало. Его настойчивость, которой веяло от всей его фигуры, его дико сверкающие глаза говорили ей о многом.

Она была рада этому, но боялась себе в этом признаться, и поэтому прятала свои ощущения далеко вглубь. Валентина понимала, что Вячеслав не зря так на неё смотрит, но семья, дети не давали ей возможности дать волю чувствам. Но то, что её тянуло к нему, она чувствовала. Это-то её и пугало. Она не могла разобраться в себе, в своих чувствах.

Рушился такой, казалось, прочный мир. Мужа она своего не любила, но двое мальчишек и то, что он не угнетал её, удерживало её от решительных шагов. Квартира, хорошая зарплата, частые отлучки из дома, внимание к ней со стороны мужчин делали её уверенной в себе, и ей казалось, что она прочно стоит на земле и ничто и никто не затронет её мир.

Но вот появился этот горячий, диковатый человек, и всё покачнулось. Она сама ещё не отдавала отчета в том, что происходит и откуда ждать беды, но ощущение этой беды подспудно бродило в ней. Занятия в УТО подходили к концу. Осталось сдать зачеты и разойтись по своим эскадрильям. Вячеслав не хотел этого. Он по-

нимал, что будет видеть Валентину редко, да и, к тому же, ему до сих пор не удалось с ней поговорить по-настоящему.

Она же надеялась на то, что, летая в разных эскадрильях, они будут видаться редко, и всё само по себе уляжется, так и не вырвавшись наружу. После второго урока в класс пришла Зина Маслакова и сообщила всем, что дают зарплату.

– Надо получить деньги и посидеть немного. Отметим окончание занятий, – предложила Неля.

Все дружно поддержали её.

– А где соберёмся? – спросил Виталька.

– Поедем все ко мне, – пригласила Неля, – хоть и тесная у меня комнатка, но мы поместимся.

Собравшись, все дружно вывалили из класса. Получили зарплату и так всей группой ввалились в троллейбус.

– Там от меня недалеко есть продуктовый магазин. Всё и купим, – разъясняла Неля.

Приехали быстро. Девчонки набирали снеди и складывали всё в сетки и сумки. Вячеслав с парнями и с Нелей подошли к винному отделу. Посовещавшись, что брать, и уложив всё купленное, они шумной толпой пошли по каким-то переулкам за Нелей. Минут через десять они подошли к старому одноэтажному зданию. Затопали по деревянным ступеням, отряхивая с обуви снег, протискиваясь во входную дверь.

Комнатка у Нели была крохотная. Значительную её часть занимал огромный платяной шкаф. На оставшемся месте втиснулись диван, кровать и небольшой кухонный стол.

– Как же мы здесь поместимся? – осмотрев комнату, удивлённо произнес Вячеслав.

– Не переживай. Здесь ещё больше помещалось. Раздевайся, – успокаивала Неля.

Разделись они все в коридоре, заняв всю вешалку своей одеждой. Неля распоряжалась, а парни двигали столы, заносили из кухни стулья, размещали всё в комнате. Девчонки готовили закуски, расположившись на кухне, по объёму раза в четыре больше комнаты, которую занимала Неля.

Пока Неля, по просьбе Вячеслава, бегала за гитарой, девчонки расставили на столе бутылки с вином, закуски. Начали рассаживаться и, удивительно, уселись все. На диване уместилось шесть человек. Рядом с Вячеславом уместилась Людка. После первой рюмки разговор за столом оживился, стал свободнее. Девчонки начали вспоминать всякие истории, которые с ними происходили в полёте. Валентина сидела напротив Вячеслава и переговаривалась с Нелей, сидевшей от неё наискосок.

Вячеслав внимательно рассматривал её лицо, её саму. Впервые ему удалось так долго смотреть на неё. Валентина улыбнулась ему и тут же посмотрела на Людку, которая клала в тарелку Вячеславу какой-то салат.

– Ну, зачем я бегала за гитарой? – спросила Неля, обращаясь к Вячеславу.

Он взял гитару и стал потихоньку настраивать её, пощипывая струны и наклонив голову поближе к гитаре. За столом шёл весёлый, шумный разговор. Настроение у Вячеслава было какое-то непонятное. В душе его было полнейшее смятение.

Взяв аккорд, Вячеслав запел. Голоса за столом стали стихать. Он пел песню о любви, об ожидании, о лётчиках. Подняв глаза от гитары, Вячеслав увидел, что Валентина смотрит на него с каким-то новым интересом, глаза её блестели. Сочные пухлые губы её были чуть приоткрыты, на щеках сквозь смуглую кожу проступал румянец.

Сердце Вячеслава забилось гулко, отдаваясь ударами в голове. В висках покалывало. Он пел, а Валентина не сводила с него глаз. То ли она понимала, что хотел сказать своей песней Вячеслав, то ли она чувствовала, что поёт он для неё одной, но она внимательно слушала, подавшись вперёд. Вячеслав закончил петь, девчонки захлопали, заговорили.

Постепенно внимание переключилось на стол. Кто-то встал и пошёл на кухню за закуской. Вячеслав следил за Валентиной. Она поднялась и пошла к выходу. У двери она остановилась и всем корпусом повернулась в сторону Вячеслава. Она позвала его. Нет, она ничего не сказала вслух, но её губы, шёпотом произнесшие его имя, её глаза, зовущие его, – всё говорило, что она хочет, чтобы он вышел с ней.

Вячеслав поднялся и вышел в коридор. Они вышли под навес. У Вячеслава перехватывало дыхание. Он стоял за её спиной, не решаясь ничего сказать. Она молчала тоже. Он взял её за руку и повернул к себе. Вячеслав увидел бездонность глаз и... утонул в них. Она прижалась к нему, а он впился своими губами в её податливые, ищущие губы.

Поцелуй был таким долгим, что они чуть не задохнулись. Вячеслав целовал её глаза, лицо, губы с какой-то одержимостью и отчётливостью, как будто целовал её в первый и последний раз. Она не отстранялась и не сопротивлялась, а только всё крепче и крепче прижималась к нему всем телом, как бы говоря: «Я твоя вся, без остатка. Забери меня».

Вячеслав ещё крепче сдавил её своими сильными руками, но Валя только издала вздох, подставляя вновь свои губы для поцелуя. Они ничего не видели и не слышали, и не знали, сколько времени стояли. На пороге появилась Неля.

– Куда вы исчезли? Уже все собираются домой, – говорила Неля, с интересом глядя на них обоих.

Они молча пошли за ней в комнату. Почти все были одеты и ожидали остальных, которые убрали посуду со стола и уносили её на кухню. Вячеслав надел пальто и вышел на улицу. Морозный воздух приятно охлаждал его разгорячённое лицо, успокаивал, и он вдыхал его полной грудью.

Из ворот дома вышла Валя, посмотрела в обе стороны и направилась к Вячеславу. Она молча подошла и прижалась к нему. Он обнял её, глядя рукой по плечам. Из ворот высыпали все остальные и направилась к остановке. Так как они стояли в противоположной стороне, их не заметили.

– Пойдём, – сказала она тихо. – Уже поздно, надо идти.

Вячеслав не знал, что делать, но чувствовал, что если он сейчас её отпустит, то, возможно, это будет навсегда. Он решительно взял её за руку и повёл назад в дом к Неле.

– Не надо, Слава, – говорила она, но покорно шла за ним.

Неля не удивилась, когда они оказались на пороге.

– А я-то думала: чего это вы убежали? – говорила она.

– Неля, мы останемся у тебя? – всё так же держа Валю за руку, спрашивал Вячеслав.

А она смотрела не на Нелю, а на Вячеслава, и он чувствовал её взгляд.

– Конечно, оставайтесь. Я и чай поставила, – с готовностью согласилась Неля.

Она ушла на кухню, а Вячеслав, сняв пальто, помог раздеться Вале. Посидев ещё немного втроем, Неля поднялась:

– Я пойду к соседке, а вы располагайтесь.

Вячеслав стоял у стола, а Валентина сидела за столом на табуретке и смотрела на него. Обоим было неловко. Кому-то надо было нарушить это сковывающее молчание. Валя поднялась, подошла к нему и только прошептала:

– Слава...

Всё куда-то ушло, провалилось, исчезло...

В целом мире остались только они одни. Что будет завтра, потом – это было неважно. Важно было то, что они были вдвоём, они любили друг друга, они нужны были друг другу.

Он не мог объяснить словами, но чувствовал, что ближе и роднее человека, чем Валентина, он не встречал и не встретит никогда. Что подсказывало ему эту мысль, Вячеслав не знал, но знал твёрдо, что это так.

Он готов был отдать ей весь мир. Нечеловеческая нежность к ней теснилась у него в груди, переполняла его. Её глаза, расширенные и глубокие, устремлённые на него, говорили ему, что она испытывает к нему то же чувство...

О, если бы он знал тогда, сколько мук и страданий ему ещё предстоит вынести из-за неё. Но это будет потом, потом...

А сейчас в мире не было человека счастливее Вячеслава. Это было тринадцатого февраля. День, подаривший ему счастье и муки. День, перевернувший всю его жизнь. День, при воспоминании о котором все его горести и беды уходили; нет, не исчезали совсем, но они его не мучили до физической боли. День, который он считал своим днём рождения. День, который заставил и помог ему понять, что в мире есть великое чувство – Любовь.

Наше счастье в нас

Начались тайные редкие встречи. Они работали в разных эскадрильях. Чтобы они в одно и то же время находились в городе, не совпадало. Валентина попросила начальника службы перевести его в их экипаж. У них часто были рейсы в Норильск, Якутск, Братск и другие города Сибири. Парням легче было разбираться с ценными грузами и торчать на морозе во время погрузки-разгрузки. Валентина была на хорошем счету, и просьбу её удовлетворили.

Теперь они летали вместе и, находясь в других городах, могли оставаться наедине. У них бывали предполётные перерывы. Так было необходимо по инструкции. Прилетая в Москву и сдав груз, они отправлялись в профилакторий аэропорта, где отдыхали экипажи из всех городов. Они отдыхали и ждали следующего рейса, на котором экипажи менялись.

Была у них возможность и посещать города. Очень часто они летали на Москву. В один из рейсов он созвонился с дядей Мишей и договорился с ним о встрече. На встречу с Михаилом он забрал и Валентину. Встретились они в городе. Зашли в уютное кафе и долго говорили обо всём. Михаил с интересом смотрел на Валентину.

Вячеслав ему сказал, что они летают вместе. Михаил согласно кивал головой, но по всему было видно, что он всё понимает. Он замечал это в движениях Вячеслава, по его ухаживанию за ней. А главное, как в разговоре он смотрел на неё.

В очередной рейс они побывали в гостях у дяди Миши, в его московской квартире. Лины, жены Михаила, не было. Она была на работе. Это несколько не огорчило Вячеслава. Он не хотел ненужных расспросов и необходимости отвечать на них.

Рейсы у них были настолько разнообразные, что от перемены направления захватывало дух. Вячеслав по натуре был путешественником. И новые места его радовали и восхищали. Красноярск был связан с аэропортами городов почти всей страны. Рейсы из Красноярска были проложены в Москву, Ленинград, Волгоград, Симферополь, Сочи, Владивосток, Благовещенск, на Чукотку, в Братск, Якутск, Норильск.

Были и внутренние рейсы по Красноярскому краю. Эти рейсы выполнялись на более мелких лайнерах – АН-24, одномоторных. Специальной бригады для обслуживания местных рейсов не было, поэтому брали из экипажей бортпроводников, которые находились или на отдыхе, или в резерве. Набирая налёт часов, Вячеслав часто соглашался идти на внутренние рейсы. Летая на внутренних рейсах, он убедился в огромности и необъятности Красноярского края. Одно перечисление чего стоит: Ачинск, Лесосибирск, Енисейск, Тунгуска, Подкаменная Тунгуска, Дудинка, Снежногорск, Игарка, Туруханск, Костино, Норильск, Богучаны, Татарск, Абакан, Минусинск.

Ещё масса мелких селений, куда не было авиарейсов не то что дальних, а даже совсем ближних. Посёлки в основном располагались на берегу Енисея или его притоках. Где вода, там люди. Это всегда так, с древних времён. Народ населял край разный, и народностей – море. В разговорах, расспросах, в книгах, с которыми он не расставался, узнавалось много интересного.

Иногда Вячеслав делал короткие пометки в блокнотах. Не всё сохранилось, да и не могло сохраниться из-за того, что он порой оставался без ничего. Но память хранила многое и многие интересные моменты. Зная, куда будет вылет, Вячеслав в аэропорту присматривался к пассажирам, одетым по-северному. Постепенно узнавал, что край населяли ханты, манси, агулы, алеуты, якуты, сибирские татары. Эвенки – эвены самоназвание, по устаревшему русскому названию – ламуты. По-эвенкийски это – море.

Много народа из Прибайкалья – тунгусы. Редкие названия народов, населяющих Красноярский край, встречались довольно часто. Это и долганы, энцы, чулымцы, кеты, комы. Лётные экипажи в обиходе то и дело называли кого-нибудь по названию народа. Из истории было известно, что Красноярский край называли «тюрьма народов». На самом деле, это – чудесный край с невероятными природными богатствами.

До прихода в Сибирь русских поселенцев здесь обитали народы тюркские, самодийские, тунгусские и другие племена с особым образом жизни. Порывшись в краевой библиотеке, Вячеслав узнал,

что первыми в эти края по побережью северных морей добрались поморы. Поморы были потомками новгородских ушкуйников.

Национальный состав Красноярского края настолько пёстрый, что порой было трудно разобрать, кто есть кто. Вообще, в конце XVI – начале XVII вв. Сибирь осваивали казацьи отряды, в которые входили выходцы из Малороссии, Польши, Литвы, Поволжья. Как их сюда заносило, одному Богу известно, но их следы остались в этом огромном крае. В дальнейшем уже было понятно, что Енисейская губерния пополнялась за счет спецпереселенцев, ссыльнопоселенцев, в состав которых входили евреи, поляки, немцы, народы Прибалтики.

Очень сильно развивалась крестьянская миграция. Здесь хватало земли всем. И сюда потянулись крестьяне из Малороссии, из уральских татар, мордвы. Странно показалось Вячеславу одно замечание, которое он прочитал в одной из книг в Красноярской краевой библиотеке: в 1897 г. при первой переписи оказалось, что больше всего в тогдашней Енисейской губернии было украинцев.

С началом столыпинской реформы, со строительством Транссибирской железной дороги, сюда хлынул большой поток переселенцев: украинцев, белорусов, поляков, эстонцев, чувашей, латышей и татар с Урала. И это был не последний поток народов в Енисейскую губернию. Спасаясь от первой мировой войны, в Сибирь устремились беженцы из Украины, Белоруссии, Прибалтики. Затем сюда же повезли военнопленных из Германии, Австро-Венгрии.

Во время великой голодовки в Сибирь устремились «голодбеженцы» с Украины, Поволжья. Интересная деталь: к тому времени нерусское население Красноярского края насчитывало 185 тысяч человек. Из них только треть относилась к коренным народам. Хакасских поселений было больше всего. Как ни странно, но вторыми по численности населённых пунктов за ними были белорусы, третьи – украинцы. Немало поселений было татарских. В своё время хакасы были разбиты монголами, но им удалось сохранить свой язык, свою культуру.

На севере края жили тунгусы. Они считаются предками современных эвенков. Из разных источников Вячеслав выловил цифру, отражающую количество коренного населения. Их было 33.

Ему приходилось летать в Ачинск, Минусинск, Канск. Он видел в этих городах церкви православные. Несмотря на обилие разных народов, они в основном были все православные. Дело в том, что вместе с казаками в Сибирь шли и монахи. Они обращали местное население в православие. Строили часовни, скиты, церкви, монастыри. Труд их оказался не напрасным. Хакасы – поголовно православные.

Казачество продвигалось в основном по рекам, и очень активно. Заселялись берега рек: Обь, Кемь, Енисей, Ангара, Лена. К примеру, в устье реки Турухан казаки создали поселение и назвали его Старотуруханск, а затем дали ему название Новая Мангазея.

Вячеслав многое узнавал из бесед с лётным составом. Его удивило, что гражданские лётчики так хорошо ориентируются в исторических событиях Красноярского края. Именно от одного бортмеханика он узнал, что в 1619 г. у входа в Ангару был построен Енисейский острог. И очень длительное время он был главным административным, экономическим и ремесленным центром.

Особенно много рассказывал штурман Саша Пряников. Они сдружились. Жили в одном общежитии и в одной комнате. С ним у Вячеслава произошёл случай, который привёл его на скамью подсудимых. Но это было позже.

Шурку не переводили на большие самолёты, потому что у него был малый налёт часов в малой авиации. Шурка тоже интересовался историей и много знал. Наверное, это ему нужно было и для работы. Мало того, что он должен прокладывать точный маршрут, он должен был знать и о населённом пункте, куда следовал рейс.

Вот в беседах с Шуркой Вячеслав узнал, что тунгусы часто нападали на остроги. С них собирали дань киргизы. А киргизы платили дань, в свою очередь, монголам. Круговорот.

Несмотря на то, что тунгусы порой вели себя недружелюбно, русские защищали их. Сибирские поселения росли.

Красноярский острог построили в 1628 году. В том же году был построен и Канский острог. Как отмечали исследователи, главная роль в освоении Сибири принадлежит простому народу. Крестьянство из своей среды выдвигало руководителей дела. Из среды крестьянства вышли первые завоеватели Сибири: Ермак – на Енисее;

Хабаров – на Амуре; Атласов – Камчатка; Дежнёв обогнул Чукотский нос.

Из разговоров и расспросов постепенно складывалась картина о народностях, населяющих Красноярский край. На Енисее в средней его части жили и, наверное, до сих пор живут кеты, остяки. Кет в переводе означает «человек». Много в северной части края якутов, долганов, хакасов, чулымцев. Различать их между собой невозможно. Разве только специалисты могли это делать.

Сашка говорил, что тунгусы – это те же маньчжуры, а эвенки-нанайцы – алтайская группа. Вот и пойми, где у кого корни. Интересны долганы. У них главой семьи считается женщина – хранительница очага, кормилица. Её слово – закон. Её не имеет права ослушаться никто из племени. Ханты и манси обожествляют природу. Отношение к природе прямо трепетное.

У них были ритуалы: подношение природе, молитвы. Или – «обуться». На ноги крепили кусочки древесной коры. Они защищали не свою ступню от земли, а наоборот – природу от человеческого вмешательства. Не хотели оскорблять землю. Всем бы поучиться такому отношению к природе.

Они по-своему трактуют животных и птиц.

Кто бы мог подумать, что ворону, которую на западе считают предвестницей беды, они считают повелительницей весны. Её появление связывали с приходом тепла, благополучием и плодovitостью. С прилётом вороны устраивались праздники. Однако в этих праздниках принимали участие только женщины.

Как-то шли с Сашей по аэродрому и разговаривали о житейских делах. Саша отвечал очень тихо.

– Ты что, заболел? – спросил Вячеслав.

– Да нет. Здесь нельзя громко говорить, – тихо ответил Саша.

– Ну-ка, расскажи, – настаивал Вячеслав, предчувствуя что-то интересное.

– В этом городе много живёт энцев. Их осталось совсем мало. Они очень строго хранят свои верования и традиции. Им нельзя громко говорить, особенно кричать, чтобы не разбудить суровых духов, – поведал Саша.

– Ты же русский, – возразил Вячеслав.

– Нет. Это для всех так, – пояснил Саша. – Я уже проверял. Чем тише разговариваешь, тем всё идёт спокойнее.

«Может, он и прав», – подумал Вячеслав.

– А у них есть ещё одно верование, – продолжал штурман Саша.

– Давай, рассказывай, – коротко и почему-то тихо произнёс Вячеслав.

– Нельзя бросать, по их верованию, камни в воду. Вода – живое существо. Она во всём и везде.

«Может, и правда это так», – подумал Вячеслав.

– А ещё у них нельзя убивать животных ради забавы, – продолжил открывать секреты энцев приятель. – Охотиться можно только, чтобы обеспечить свои семьи пищей. Кстати, они делятся пищей и с соседями, и с пришельцами. Они считают, что еда – для всех, независимо от того, кто добыл эту еду. Хорошие, толковые верования и обычаи.

– Другим бы научиться у них, – резюмировал Вячеслав.

Возвращаясь из рейсов, Вячеслав опускался на землю в прямом и переносном смысле этого слова. Его ждала Валентина. И это двойственное положение рано или поздно должно было разрешиться. И развязка наступила, как всегда в таких случаях, неожиданно. Кто-то из «доброжелателей», благо, свет полон такой публики, донёс мужу Валентины об их встречах. Как-то в день получки в вестибюле управления Аэрофлота было много народа.

Вячеслав с Сашкой получили зарплату и уже подошли к входным дверям. Саша пошёл первый. Вячеслав притормозил, пропуская его вперёд. В этот момент он получил оглушительный удар по голове бутылкой. Он почувствовал, как по затылку хлынула кровь. Сознание он не потерял. Вячеслав повернулся и увидел, как на него с осколком бутылки в руке бросается мужичок невысокого роста.

Только многолетние занятия спортом и хорошая реакция позволили ему в этой сложнейшей ситуации отклониться. И, тем не менее, удар осколком бутылки пришёлся ему в лицо, но по скользящей. Ещё бы немного, и – в глаз. От неожиданности народ охнул. Мужичонка,

сообразив, что он не сбил человека и сейчас последует наказание, кинулся в проём двери, выскочил на улицу.

Уже на автомате Вячеслав кинулся за ним. У соседнего здания он догнал мужичонку и схватил его за шиворот левой рукой. Правой он полез в карман пальто за платком. Кровь заливала ему голову и лицо. Рука наткнулась на открывалку бутылок с газированной водой и пивных. Выдернув руку из кармана, уже в бешеной ярости, он стал наносить удары. Удары шли с такой силой, что пробивали пальто и одежду мужичка.

Он упал на землю, а Вячеслав, наклонившись над ним, всё бил и бил. Подбежали Саша Пряников и Сергей Лосев – его друзья по Аэрофлоту – и попытались оттащить Вячеслава. Но он не отпускал. Тогда Сашка ногой выбил из рук Вячеслава мужичка, и они с Сергеем повели Славу в больницу. Аэрофлотовская медсанчасть находилась через дорогу.

Друзья завели его в санчасть. Его быстро обработали, забинтовали и уложили в койку. Сашка с Серёгой забрали его одежду и отнесли в службу obsługi в прачечную. Надо сказать, что в санчасти Вячеслав задерживаться не собирался. Каждодневная перевязка, лечение. Всё быстро стало восстанавливаться. Раны были неглубокие и затягивались хорошо.

Ребята рассказали, что мужичонка, который напал на Вячеслава, – это был муж Валентины. Его увезла «скорая помощь». Он был в тяжёлом состоянии, но жив. Через неделю Вячеслав вышел из санчасти и долечивался дома. Валентина приходила проведывать его. Состоялся серьёзный разговор. Надо было принимать решение. Она боялась, что его могут наказать за мужа. Ходили такие разговоры среди сослуживцев.

Через пару недель он вышел на работу. Чтобы не дразнить гусей, он перешёл в другую эскадрилью. Постепенно всё поутихло. В милиции решили: раз он не нападал, а защищался, то и не будут возбуждать дело. Да и заявления не было.

Вячеслав ещё в начале работы в Аэрофлоте в одном из рейсов познакомился с командиром авиалайнера Фёдоровым. Это был заслуженный лётчик гражданской авиации. В большом авторитете как специалист и как отличный человек. Бортпроводников, в основ-

ном парней, ставили в рейс на грузовые самолёты. На север в Норильск перевозили почту, продукты, деньги.

В рейс на ИЛ-18 уходило шесть человек. Пять человек экипажа и шестой – бортпроводник. В его обязанности входило следующее. До отлёта принять груз, вместе с механиком проверить крепления. В полёте он должен был покормить экипаж и снабдить, если надо, водой или чаем. Когда к борту подъехала машина с аэрофлотовской кухней и работницы подали один контейнер с питанием, Вячеслав спокойно, но внятно произнёс:

– Больше с нашего рейса из любого города вы не получите ни одного контейнера с пищей.

А дело вот в чём. Вылетая часто ночным рейсом из крупного города, бригада стюардов должна кормить пассажиров в полёте. Это входило в стоимость билета. Как правило, большинство пассажиров засыпало, и есть не хотело. За исключением нескольких человек. По прибытию и Вячеслав, и стюардессы брали немного провианта по домам.

Вячеслав подкармливал Сашку Пряника и Сергея. А оставшиеся конфеты носил мальчишкам Василия Андреевича. Но то, что они брали, была мизерная часть того, что оставалось работникам пищеблока. Провиант не сдавался на блок. Это было запрещено. А разбирался работниками пищеблока. Старшая, сообразив, чем это им грозит, затараторила:

– Слава. Мы не знали, что ты идёшь в рейс. Подожди. Мы сейчас привезём.

Она дала команду водителю, и тот шустро погнал машину по взлётному полю. Через некоторое время они вернулись и перегрузили на борт три контейнера, притом полных. Дело в том, что из Норильска после разгрузки и нескольких часов отдыха экипаж возвращался на этом же лайнере. После взлёта, через часик, Вячеслав разогрел еду и начал кормить экипаж. Отобедав по полной программе, все были довольны и в отличном настроении. Обратным рейсом также всё прошло на высоком уровне.

– Полетишь следующим рейсом со мной? – задал вопрос командир Фёдоров.

– Конечно, полечу, – согласился Вячеслав.

Многие, особенно зимой, не хотели лететь грузовым рейсом. Во-первых, холодно; во-вторых, ответственность. Но в этом рейсе считались северные и сложность. Ему это было не в напряжение.

– По графику на Норильск мы полетим через две недели, – сообщил командир. – А до этого у меня рейс на Сочи. Беру тебя с собой.

По возвращении в Красноярск, отдохнув пару суток в службе бортпроводников, он узнал, что полетит с двумя девчонками из другой эскадрильи. Так заказал Фёдоров. И вот они – в воздухе рейсом на Сочи. Приземлились в Адлере. Основной Сочинский аэропорт. На автобусе поехали в Сочи в профилакторий. Бросив вещи, они все отправились на берег моря.

– Эх, водички бы морской с собой прихватить, – произнёс командир.

Экипаж плескался руками в морской воде.

– Вода какая холодная, – проговорил механик.

– Так ведь декабрь, – резюмировал штурман.

Вячеслав оглянулся. Увидел недалеко небольшое торговое заведение. В нём горел свет. Подойдя к строению, он постучал в дверь. Она открылась. На пороге стояла женщина средних лет. Увидев человека в лётной форме, спросила:

– Чего хотите?

– Мне бы пустую банку. Воды морской набрать. Мы из Сибири.

Женщина пошла внутрь ларька и вернулась с 3-х литровой пустой банкой, да ещё и с пластмассовой крышкой. Вячеслав полез в карман за деньгами.

– Да не надо. Что вы! Берите так.

– Спасибо большое, – поблагодарил Вячеслав.

Он взял банку и поспешил к экипажу.

– О! Есть сосуд, – воскликнул механик.

Второй пилот, глядя на воду, произнёс:

– Что-то у берега вода грязновата.

В воде, действительно, у самой кромки болтались водоросли и ещё что-то тёмное.

– Вот если бы метров за пятьдесят от берега, – добавил второй пилот.

– А кто полезет? – спросил радист.

Пока они решали, Вячеслав разделся, взял банку и полез в воду. Вода была обжигающей. Но ему было не привыкать. Ему приходилось купаться в холодной воде раньше. Навыки и закалка пригодились. Оглянувшись, он не спеша поплыл от берега. Отплыв на приличное расстояние, открыл крышку, взял её в зубы и наполнил банку морской водой. Закрыв крышкой банку, поплыл к берегу.

Вернувшись из рейса, он теперь не спрашивал, когда и куда лететь. Ему говорил кто-нибудь из экипажа Фёдорова. На него начали косо посматривать другие бортпроводники. Слетать рейсом Красноярск-Сочи хотели многие, особенно зимой. На Норильск желающих не было. Но нарушить заведённый Фёдоровым порядок никто не мог. К тому же, он был другом начальника авиаотряда.

Однажды необходимо было лететь в Норильск. Погода была плохая. Если в других регионах сказали бы, что погода нелётная, то здесь, в центре Сибири, погода была плохая, но лететь надо. Этим грузовым рейсом, помимо груза, ещё летело человек 13 пассажиров. Набрав высоту, борт пошёл курсом на Норильск.

Радист сообщал погоду по ходу продвижения. Подлетая к Норильску, радист сообщил, что идёт сильный ветер – 27 метров в секунду. Как садиться? Пассажиры в салоне волновались. Борт болтал. Но за штурвалом самолёта сидел опытейший пилот. Фёдоров сообщил по рации, что заходить на посадку они будут против ветра в другую сторону полосы. Поговорив с диспетчером и всё выяснив, командир экипажа принял решение:

– У меня на борту пассажиры. Подготовьте машину с канатом, – произнёс командир. Услышав такую команду, Вячеслав удивился. Механик объявил:

– Идём на посадку. Пристегнуть ремни.

Все вжались в кресла. Несмотря на то, что многие летали уже десятки раз, всё равно было беспокойство. Ветер за бортом ураганный! Пошли на снижение. Через некоторое время выпустили шасси. И вот – долгожданное прикосновение к полосе, и лайнер, тормо-

зимый не столько тормозной системой, сколько ураганным ветром, начал замедлять ход. Подрулили почти к самому аэровокзалу.

– Груз будем снимать завтра, – скомандовал командир.

К борту, где находилась входная дверь, подали трап.

– По трапу держаться за поручни и не отпускать, – скомандовал командир.

– За трап пристегнуть канат. Идти по канату. Отпустите, никто ловить не будет, – пояснил командир.

Подошла машина. Работник аэропорта за трап пристегнул канат. Открыли дверь. Ударило потоком сильного ветра.

– Спускаться по одному.

Первым поднялся рослый сильный мужчина. Держась за трап, он спустился к канату, обхватил его левой рукой. Упругий ветер дул справа. Помогая правой, он стал продвигаться к зданию аэровокзала. Второй конец был пристёгнут у входной двери. Начали подниматься остальные и продвигаться к зданию. Фёдоров подождал, когда пройдут все. Затем с механиком они закрыли дверь и двинулись к зданию аэровокзала. Всё обошлось. Но отдохнуть экипаж остался в здании, в профилакторий не поехали.

К общему удовольствию, за ночь ветер утих. И все поспешили к самолёту. Надо было разгрузить, загрузить, заправиться и – в обратный путь. Всё обошлось без происшествий. Позже, уже когда он не работал в аэропорту, Вячеслав, находясь в аэропортах и услышав, что рейс откладывается по метеоусловиям, вспоминал Сибирь. Лётчики из сибирских городов старались летать в любую погоду. Они понимали: надо.

Это были высокие профессионалы своего дела, смелые и решительные. Вспоминается один неординарный случай. Из Ташкента рейс на Красноярск выполнял экипаж Красноярского авиаотряда на самолёте ТУ-154. Командир – Константин Гурецкий. Они были знакомы и дружили. Когда он жил уже в Крыму, Костя со своей семьёй прилетал к нему в гости. А тогда случилось невероятное.

Лайнер уже набрал высоту, и тут отказали все двигатели. Собщили на землю:

– Дайте запасной аэродром.

Рядом находился военный аэродром в городе Чирчик. Взяв управление самолётом на себя, Константин Гурецкий смог посадить самолёт на военном аэродроме без работающих двигателей. Это было ЧП. Несчастья их преследовали одно за другим. Уже при посадке на полосе загорелись шасси. В полосу самолёт не вписался полностью. Выехав за полосу, самолёт тормознулся в полтора метра от трубы бензопровода.

В эту сторону самолёты никогда не подлетали и даже не подкатывали. С другой стороны бензопровода недалеко располагалась солдатская казарма. Представить только, если бы самолёт с горящим шасси врезался в бензопровод!

К самолёту мчались со всех сторон пожарные машины. Открыв запасные люки, по надувным трапам команда лайнера отправила пассажиров вниз. Там их уже встречали подъехавшие на машинах солдаты и офицеры. Пассажиров, родившихся заново, отвезли в здание аэровокзала. Шасси затушили. Экипаж самолёта во главе с Гурецким посадили в отдельную машину, и затем закрыли в помещении, не давая ни с кем общаться.

В комнате, где они находились, был приёмник. Радист начал крутить рукоятки. После того, как они сели на военный аэродром, уже через три с половиной часа на коротких волнах они услышали сообщение из-за «бугра» на русском языке: «Командир ТУ-154 Константин Гурецкий посадил самолёт без работающих двигателей».

Члены экипажа удивлялись: откуда знали, что двигатели отказали, что самолёт сел, что все спасены? Этим дело не кончилось, их долго допрашивали, выясняя малейшие детали. В Чирчик вызвали ряд специалистов из КБ Туполева. Спецы удивлялись, как Гурецкий смог посадить лайнер без работающих двигателей.

– Наш самолёт не рассчитан на планирование, – говорили они.

Как всегда в таких случаях, искали виновного. И виноватым должен был быть стрелочник – экипаж самолёта во главе с командиром. На заседании высшей квалификационной комиссии в Москве на командира начали вешать все грехи. Однако у председателя комиссии, а им был министр гражданской авиации Бугаев, хватило здравого смысла.

– Чего вы его ругаете? – задал он вопрос членам комиссии. – Пассажиров спас. Самолёт спас. Показал лучшие, ещё не раскрытые качества самолёта. Он достоин поощрения.

И гнев сменили на милость. Объявили благодарность командиру лайнера и экипажу. И предоставили внеочередной отпуск на месяц. Этот случай произошёл, когда Вячеслав уже не работал в Аэрофлоте. Тогда они уже жили в Крыму в посёлке Планерское. Но до того, как попасть в Крым, произошло много событий, которые потом суровой строкой лягут в биографию Вячеслава.

Как-то в один из вечеров втроём – он, Сашка и Сергей – пошли в ресторан на центральной улице города. Поужинали, выпили, отдохнули. Подошла официантка, которая их обслуживала, и положила счёт. Оплатили. Никто не посмотрел на бумажку внимательно. Саша взял счёт и сравнил с цифрами, которые он писал на салфетке.

– Ну, чёрт, – удивлённо произнёс Саша. – Она нас обсчитала на крупную сумму, – и показал салфетку.

Подозвали официантку. Вместо того, чтобы извиниться и вернуть деньги, она устроила скандал. К столу из глубины зала подошли четыре армянина. Начались разборки.

– Ладно, давай уйдём, а в другой раз зайдём сюда, – сказал Вячеслав Саше.

Они поднялись и вышли в фойе. К тем четверым прибавилось ещё трое. Они стали на них наседать.

– Бери одежду и выходи на улицу, – бросил Вячеслав Саше.

Тот быстро забрал одежду из гардеробной и вышел на улицу вместе с Сергеем. Один особо задиристый полез с кулаками на Вячеслава. За ним полезли другие. Поняв, что разговорами не обойдётся, Вячеслав начал наносить точные сильные удары по мордам кавказских наглецов. Когда три человека из их компании были завалены на пол, остальные ринулись в зал прятаться.

Эта армянская группа всегда крутилась в этом ресторане. Официантки, работающие в ресторане, были их женщинами. Вячеслав с Сашей вышли на улицу, оделись и поехали в аэропорт. Недели через две его, Сашку и Сергея вызвали в отдел кадров.

– На вас пришла бумага из милиции, – сообщила начальник отдела кадров. – Вы там устроили дебош.

Вячеслав попытался объяснить, что и как. Начальник отдела кадров слушать не захотела:

– Разбирайтесь сами. И чтобы таких бумаг не было. Иначе придётся распрощаться с работой.

Дело приобрело плохой оборот. «Наверное, надо кардинально менять обстановку», – подумал он. Никак не кончается чёрная полоса. Сколько ещё она будет длиться, трудно представить. Но одно понятно: надо прервать эту цепь неприятностей. Они всё обговорили с Валентиной и решили уехать из Красноярска.

– Мне надо ещё доработать три месяца, чтобы был лётный стаж для последующей пенсии, – сказала Валентина.

На том и порешили. По ходу соображали, куда ехать. Валина давняя подруга Людмила Брусова подсказала, что ехать надо в Крым. Там у неё живёт подруга по институту. И она на первых порах сможет помочь. Это был приморский город Феодосия. Об этом предварительно и договорились.

Очередным рейсом Вячеслав с экипажем вылетел в Якутск. При полёте к Якутску радист сообщил, что в городе – минус шестьдесят. Из-за сильных морозов стоит сплошной туман, и аэропорт не принимает. Им дали команду идти на запасной аэродром в п. Маган. Там температура выше на десять градусов и видимость лучше. Приземлились в аэропорту Маган. «За бортом – минус пятьдесят один», – объявил командир корабля. Подогнули трап. Пассажиры начали быстро выходить и нырять в стоящий рядом автобус. Вячеслав надел пальто и пошёл на выход.

– Ты куда без шапки? – спросила напарница Тамара.

– А у меня её нет вообще, – буркнул он в ответ.

Много лет назад, переняв привычку ходить всё время без головного убора у своего дяди Миши, он твёрдо следовал этому правилу. В лёгких туфлях, он не обул даже тёплые ботинки, уходя в рейс, в пальто выскочил из самолёта. Сбежав по трапу, он подошёл к багажному отсеку самолёта. Открыл его и разрешил грузчикам выгружать багаж. Грузчики, одетые в меховые

полушубки, в меховые шапки, в унтах, с интересом смотрели на Вячеслава.

А он, подняв воротник пальто, пританцовывая, начал растирать рукавом пальто уши. Когда в первое мгновение он сбежал по трапу, его как жаром обдало. Такой холод! Стоя возле машины, он чувствовал, как тело его сковывает мороз. В это время к самолёту подогнали тепловоздуховку. Рукав-шланг быстро проложили в салон и включили обдув. Благо, груза было немного, и грузчики быстро справились с разгрузкой. Вячеслав хотел быстро пробежать по трапу внутрь лайнера, но скованные морозом мышцы плохо слушались. Из двери самолёта выглянула Томка.

– Давай быстрее! – крикнула она ему.

Он нырнул в самолёт. Его обдало теплом. Пройдя в салон, он остановился у края шланга, подающего тёплый воздух.

– Снимай пальто и ложись на пол к рукаву, – скомандовала Тамара.

Она помогла ему стянуть пальто. Окоченевшими руками он не мог даже пуговицы расстегнуть. Вячеслав лёг на дорожку, а Тамара направила на него рукав с горячим воздухом. Руки, лицо, уши стали отходить. Всё тело пощипывало. Минут через пять он почувствовал, что отошёл от сковавшего его тело мороза полностью. Он поднялся.

– На, пей, – сунула кружку с горячим чаем ему в руку Тамара.

В тот раз всё обошлось. Он ничего не отморозил. Выслушав отповедь девчонок, сделал для себя выводы и больше над собой такие эксперименты не ставил.

В марте они с Валентиной начали рассчитываться с работы. Прихватив с собой младшего сына Валентины, они вылетели в Крым. Автобусом добрались до Феодосии. Разместились в гостинице с таким же названием. Пару дней ушло на знакомство с городом.

– Знаешь, я, наверное, пройду пешком по побережью Крыма и всё посмотрю, – сказал он Валентине.

Одевшись в лётную форму и взяв с собой документы и деньги, он отправился в путь. Он так решил твёрдо, что пройдёт всё пешком.

Новые испытания... Новая жизнь

Пройдя по дороге мимо Подгорного, он решил подняться на плоскую гору, видневшуюся перед ним справа от дороги. Перевалив через возвышенность, он остановился от удивления.

Перед ним открылась панорама огромной долины. Слева море омывало берег, на котором уютно и свободно раскинулся посёлок. С запада посёлок вплотную примыкал к невысоким горам, которые причудливыми фигурами выделялись на фоне утреннего неба. Его охватило непонятное волнение. Он долго стоял, впитывая открывшуюся его глазам красоту. Что-то во всём открывшемся было ему близко и подспудно знакомо.

«Вот тут надо остановиться», – подумал Вячеслав, спускаясь в долину.

Он дошёл до берега моря и не спеша пошёл вдоль, внимательно всё разглядывая. В нём зрела уверенность, что это место, где надо остановиться и начать новую жизнь. Идя по посёлку, он решил убедиться в правоте своего выбора. Для этого решено было пройти дальше по побережью пешком. И, недолго думая, он тут же отправился дальше.

К вечеру он добрался до Рыбачьего. Переночевав в какой-то хате, по случаю, наутро пошёл дальше. В Алуште он остановился в гостинице. За день обошёл все близлежащие населённые пункты. Побывал в Ялте. И, выйдя к морю, пройдя по набережной, он вспомнил берег посёлка Планерское и принял для себя решение поселиться в нём. Автобусом вернулся в Феодосию.

На следующий день они отправились в Планерское. Сняли жильё и, долго не раздумывая, пошли искать работу. До поступления в Аэрофлот Валентина окончила медицинские курсы и работала в Канске детской медсестрой. В трудовой книжке это было отмечено. Они нашли поликлинику, и Валентина пошла разговаривать. Через некоторое время она вышла с улыбкой:

– Меня взяли медсестрой к детскому врачу.

Работников не хватало. Она пошла в дом, где сняли жильё, а он отправился на берег. Пришёл на спасательную станцию. Перегово-

рил с начальником. Посмотрев внимательно документы Вячеслава, тот сказал:

– Беру старшиной спасателей. Завтра выходи на работу.

Валентина с добрым, покладистым характером быстро сработалась с врачом, да и со всем немногочисленным персоналом. В обязанности Вячеслава входили спуск шлюпки на воду и выход в море в район ограничивающих буйков. Он с удовольствием грёб по акватории, просматривая свой участок. Просто болтаться в лодке и ждать, пока пройдёт день, он не хотел. Ему нравилось чувствовать своё сильное тело. Шлюпка, подчиняясь его сильным рукам, легко скользила по водной глади.

Шло время. Он чуть поуспокоился, но что-то всё равно его тревожило. И это чувство его не подвело. В какой-то летний день он причалил к берегу в районе холма Юнге. В этом районе отдыхал его земляк из Днепродзержинска. Со стороны спасательной станции показался катер. Он двигался в его сторону. Катер подошёл к берегу. Моторист окликнул Вячеслава:

– Тебя ждут на спасательной станции какие-то люди. Цепляй лодку на буксир.

– Не надо. Я сам догребу, – ответил он.

Внутри него что-то ёкнуло. Когда он подгрёбал к причалу, заметил рядом катер, который стоял на привязи, но двигатель работал. В катере сидели три человека, одетые не по-южному. На причале ходили ещё два человека, полностью одетые. Промелькнула мысль: «Это за мной».

Глянул в море и потом отбросил мысль куда-то грести.

«Это надо было делать раньше», – подумал он.

Не спеша подгрёб к причалу. Привязал шлюпку и поднялся на дощатый причал. Пока он всё это проделывал, два человека стояли на краю причала и делали вид, что не обращают на него внимания. Но стоило ему пойти в сторону спасательной станции, и те двое за спиной двинулись за ним.

«Всё. Мышеловка захлопнулась», – мелькнула мысль.

Идя по настилу и глянув вправо и влево, он увидел, что территория станции пуста. Но с двух сторон находятся люди в гражданской

одежде. Как только он зашёл в помещение станции в комнату для матросов, в неё мгновенно ввалились все, кто находился на улице. Нет, они его не хватали, но обступили так плотно, что размахивать руками не было необходимости.

– В чём дело? – задал вопрос человеку в милицейской форме, который сидел за столом дежурного.

Парни, а это были в основном молодые парни, с интересом разглядывали его. Перед ними стоял загорелый, рослый, мускулистый мужчина. Он был в одних плавках.

– Надо поехать с нами. К тебе есть серьёзный разговор.

– Почему нельзя поговорить здесь? – задал вопрос Вячеслав.

– Все документы, которые пришли, находятся в городе, – ответил офицер.

– Одеться-то мне можно?

– А где твоя одежда? – спросил один из парней.

– Моторист знает. Пусть мотнётся и привезёт. И жене сказать надо, – добавил он.

– Да там только поговорят и отпустят, – сказал один из приехавших.

И это слово «отпустят» подсказало ему, что его уже точно не отпустят. Моторист на катере смотался за одеждой. Брюки, шведка да сандалии. Когда его выводили из дежурки, все приехавшие обступили его плотным кольцом, не давая ему свободы движения. В машине тоже уселись по бокам и перед ним.

В городском отделе, прямо в дежурной комнате, ему зачитали постановление об аресте и сказали, что этапом его отправят в Днепропетровск. Отвели в КПЗ. Камера была забита до отказа, но место на нарах нашлось. На следующий день его вызвал один из тех, кто принимал участие в его задержании. Он работал в уголовном розыске. Парень тоже занимался боксом, и они, разговорившись, нашли общий язык. Он пообещал съездить в Планерское, разыскать Валентину. По возможности успокоить её и сказать, что делать. Обещание он выполнил.

Валентина привезла ему одежду и сумку. Отчаиваться он не стал, а начал действовать. Попросил парня, звали его Григорий, по-

содействовать быстрой отправке из КПЗ в следственный изолятор в Симферополь. Народ в камере то и дело менялся. Одних отпускали, других переводили в соседние камеры, кого-то на «воронках» отвозили.

В какой-то день дверь камеры открылась, и в камеру завели мужчину лет 30–35-ти с перевязанной головой. Увидев внутреннюю обстановку: голые потные тела, дым коромыслом, да ещё вонь от параши, – он шарахнулся назад к двери, но постовой быстро захлопнул дверь. Увидев ужас на лице мужчины, Вячеслав понял, что пришедший был совершенно далёк от мира, куда он попал.

Вячеслав обратился к молодому парню, который лежал у стены:

– Перейди на ту сторону. Освободи место.

Парень безропотно подчинился.

– Иди сюда, – обратился Вячеслав к новому сокамернику. Почувствовав твёрдость в голосе и чутьём уловив авторитет мужчины, он покорно пошёл в сторону Вячеслава.

– Располагайся, – пригласил тот.

Парень, а он был крупный и рослый, залез на настил. Кое-кто из сокамерников полез к нему с расспросами.

– Дайте ему прийти в себя, – остановил их Вячеслав.

Прележав часа три в глубоком молчании, новый постоялец обратился к Вячеславу с вопросом:

– А в другое место, где поменьше народа, могут перевести?

– Да сейчас все камеры переполнены, – ответил тот.

Постепенно разговорились, и мужчина, узнав, что Вячеслав – из Планерского, как-то даже повеселел. Звали его Юрий, возраст – 34 года. Он приехал в посёлок отдохнуть на своей машине «Волга». Ехал из Феодосии, подвозил попутно девушку. Попал в аварию. Она сильно пострадала. Сейчас находится в больнице в тяжёлом состоянии.

За пару дней Вячеслав ввёл Юрия в курс дела. Сказал, что надо вызвать сюда родственников. Через Григория, работника розыска, отправили письмо в Москву. Юра был из Москвы. Он рассказал Вячеславу, что работал в Индии. Они строили котельное производство в каком-то южном штате Индии. Ум у него был цепкий, и знал он

много. Его слушал с интересом не только Вячеслав, но замолкали и остальные.

Как-то пришёл Григорий и сообщил, что на завтра – на этап. Всех увезут в СИЗО. Юрка держался всё время возле Вячеслава. В СИЗО их разместили вначале в одной камере. Затем всех повели в баню. А после бани начали разводить по камерам. Тех, кто под следствием, – в одни камеры, этапников – в другие. Они расстались.

– Ты, давай, держись. Не раскисай, – успокаивал он Юрия.

Позже он узнал, что Юрий осуждён, получил три года колонии-поселения. Аварийщиков обычно отправляли туда.

Когда был сформирован большой этап на Днепр, их на «воронках» повезли на железнодорожный вокзал. В дальнем углу вокзала платформа была оцеплена конвоем. Их выводили из вагонов и садили на платформу. Затем конвой из вагон-зака стал принимать их. Зачитывали фамилию. Арестованный поднимался и в быстром темпе следовал к вагону.

Всё время их сопровождали конвойные, до того момента, пока не закрывали в камере-купе. Все процедуры были окончены. Оставалось ждать отправления поезда. Всё! Поезд пошёл и повёз его в неизвестность. Утром прибыли в Днепр. Вагон отцепили и оттащили на дальнюю площадку. Подъехали «воронки». Пошла разгрузка.

Из камеры выпускали по одному. Спустившись на платформу, арестанты в быстром темпе пробегали между двумя шеренгами конвоя. С обеих сторон стояли конвоиры с собаками, которые неистово рвались с поводков, норовя ухватить пробегающего арестанта. Происходило это так. Конвойный в тамбуре громко произносил:

– Первый пошёл!

Конвойный в автозаке отвечал:

– Первый принял!

И так, пока всех не рассаживали по «воронкам». Сдавали по счёту, и по счёту принимали. Наконец «воронки» двинулись в путь. До тюрьмы от вокзала было недалеко. Открылись огромные тюремные ворота. «Воронки» заехали внутрь. Там возвышались ещё одни ворота. Всех разгрузили и через ворота завели во двор тюрьмы. Все крутили головами, рассматривая здание.

Виднелась куча окон. Окна были закрыты так называемыми «банными». Пошла обычная процедура. Фамилия, статья, срок, если уже у кого был. Всех повели в этапку, в камеры, в которых стены сделаны под серую «шубу». Вдоль стен – лавки для сидения. В углу – параша.

Здесь находились до тех пор, пока канцелярия разбиралась с делами. Затем обыск тщательный в отдельной комнате. После обыска – баня. Опять этапка. И уже часа через три начали разводить по камерам. Следственных – отдельно, этаплируемых – в другие камеры, осуждённых – отдельно.

Прошло недели две, и его вызвали на этап. «Воронком» привезли в КПЗ в горотдел. Народу было совсем мало. В камере он был один. Пришли проведать и поддержать его Женя, замначальника городского отдела, с которым они были в хороших отношениях, и Письменный Юра, который и затащил его, как спортсмена, в комсомольский отряд.

Следствие. Прокуратура давила вовсю! Суд. Он получил три года с направлением на стройки народного хозяйства. Ему удалось сообщить Валентине, что скоро она сможет к нему приехать. Валя была в положении. Он понимал, что ей сейчас нелегко одной в посёлке, но ничего не мог поделать.

Ожидая приговор в тюрьме и его утверждение, он до этапа пошёл работать. Его отправили в тюремную библиотеку. С вольнонаёмной библиотекаршей он развозил книги по камерам. Надо сказать, что уже через неделю он знал, кто как относится к книгам. Были камеры, где много читали. Он старался привозить на тележке книги, которые они спрашивали. Он и сам накинулся на книги. Библиотека в тюрьме была отменная.

Прошло два месяца. Уже пришла разрядка на стройки народного хозяйства, в просторечии – «химию». И он уже готовился к отъезду, предвкушая и скорую встречу с Валентиной. Но судьба была к нему немилостива. Однажды пришли два контролёра в рабочую камеру и обратились к нему:

– Собери вещи и пошли с нами.

Они привели его в камеру, даже не этапную. На следующее утро работник спецчасти сообщил:

– Идёшь этапом в Сибирь, в Красноярск. Тебя затребовали оттуда.

И пошёл он этапом через всю страну. Днепр – Харьков – Свердловск – Новосибирск и, наконец, Красноярск. Тюрьмы переполнены. Народ то и дело попадает под Указы. В стране всё время велась с чем-то борьба: то с пьянством, то с хулиганством, то со спекуляцией. Нужны были рабочие руки во многих местах страны, вот и ковали строителей коммунизма.

Перед отправкой из Днепра ему удалось переслать письмо Валентине, в котором он сообщал, что его направляют в Красноярск. Надо, чтобы она рассчиталась и ехала к матери. Пока он шёл этапом, Валентина переехала к матери в Красноярск. У неё работала в краевом отделе народного образования её подруга Люся Брусова. С ней она дружила много лет. Они были близки, как сёстры.

Людмила узнала, когда Вячеслава привезли в следственный изолятор. Она помогла устроить свидание ему с Валентиной. Для него это была огромная радость. Валентина держалась молодцом. Она не жаловалась, не хныкала, а, наоборот, успокаивала его. Когда его привезли на следствие в один из районных отделов Красноярска, то его дело вела женщина, следователь-капитан. Она не давила, не писала ничего лишнего, а, наоборот, смягчала, где только возможно. Дело подходило к завершению. Его привезли на ознакомление с делом. Он должен был всё прочитать и подписать. Следователя куда-то срочно вызвали, а она уже достала ему дело. Следователь взяла дело, позвала Вячеслава и завела в свободный кабинет. В кабинете стояли три стола. За одним из столов сидел работник в гражданской одежде и что-то писал.

– Пусть он здесь знакомится с делом, – указала на Вячеслава следователь.

Парень согласно кивнул головой. Вячеслав углубился в читку. Прошло минут тридцать. Зазвенел телефон. Парень поднял трубку. Выслушал и коротко ответил:

– Сейчас иду.

Собрал свои бумаги, положил в сейф и вышел. Прошло минут пятнадцать. В кабинет никто не заходил.

«Так ведь меня не охраняют», – подумал Вячеслав.

Он встал из-за стола и осторожно выглянул в коридор. В коридоре никого не было. Он не спеша пошёл к выходу. Справа была дежурка. Бросив взгляд в дежурку, он заметил, что дежурный возится в дальнем углу комнаты. Он осторожно, не поворачивая головы, прошёл мимо окон дежурки и вышел на улицу.

«Странно», – подумал он.

Во дворе никого не было. Ворота на территорию райотдела были открыты. Вячеслав не спеша вышел, повернул направо и медленно пошёл по центральной улице Красноярска. За ним никто не гнался. Он был свободен. Зашёл в ближайший магазин, прошёл через весь магазин и вышел на улицу.

«Что делать?» – билась мысль.

Ну, спрячется он у друзей Валентины. Затем уедет. И что? Опять бегать? И тут он подумал о женщине-следователе. Её посадят. В крайнем случае, выгонят. И...

Он повернул назад. Ворота также были открыты. Он зашёл в здание райотдела. Прошёл мимо окон дежурки. Поймал на себе удивлённый взгляд дежурного офицера. Тот дёрнулся. Вячеслав приостановился и произнёс:

– Я ходил в туалет.

Дежурный успокоился:

– Иди в кабинет, куда тебя посадили.

Видно, ему следователь сказала об этом. Он зашёл в кабинет. За другим столом сидел уже другой парень.

– Тебе что? – спросил.

– Да я вот с делом знакомлюсь, – показал Вячеслав на том дела, лежащий на столе.

– Ну, садись, читай.

Вячеслав сел и продолжил дальше читать дело. Прошло ещё около часа. В дверях с обеспокоенным лицом появилась женщина-следователь. Увидев другого работника, она спросила:

– А где Костин?

– А его и не было тут.

До неё стало доходить, что Вячеслав оставался один без присмотра, и что могло произойти, если бы он ушёл. Она на глазах ста-

ла меняться в лице. Работник поднялся и вышел. Она вопросительно смотрела на Вячеслава.

– Да, я немного прошёл по улице, посмотрел и вернулся, – тихо сказал он ей.

Следователь охнула, представив, что могло произойти. Позвав помощника дежурного, она попросила его посидеть в кабинете, а сама куда-то вышла. Вернулась она с пакетом. Купила ему батон, колбасы и ещё что-то съестное. За время, которое он ожидал суда, следователь вызывала его из тюрьмы и устраивала ему свидания с Валентиной. Она была ему очень благодарна за то, что он её не подвёл.

Используя все связи, она также включилась в мероприятие по уменьшению срока Вячеславу. На суде его приговорили к одному году лишения свободы. И по совокупности с тремя годами по приговору суда, который уже был у него, ему дали четыре года лишения свободы. Срок отбывать его отправили в Иркутск. Он попал в цех по производству деревянных коробок для танковых аккумуляторов, он стал на шлифовку ящиков.

Напарником у него был здоровый бурят, сидевший за убийство. Станок был устроен так. С двух сторон – круги, на которые надевались круги наждачной бумаги. Всё это зажималось гайками. Двигатель включался, а они с напарником, путём прижимания поверхности ящика к шлифовальному кругу, очищали поверхность. Ящик должен был быть идеально отшлифован со всех сторон. В цеху часто появлялись военные приёмщики. Качество работы они проверяли голый рукой.

Не должно было быть никаких зацепок. Если случались шероховатости, всю партию отправляли на переделку. Работа была тяжёлая. Больше месяца никто не выдерживал. Но они с бурятом сработались и перевыполняли норму. Правда, по ночам руки непроизвольно двигались, повторяя движения, как при шлифовке. Плечи ныли невероятно. Но месяца через три пошло намного легче. Он смог, помимо работы, ещё таскать и железки.

В феврале 1969 года Валентина родила. У него появилась маленькая дочка. Как-то Валентина приехала на личное свидание. Они

не были расписаны. Как уж она разговаривала с администрацией лагеря, неизвестно. Но сказала, показывая им дочку:

– Вот мы посмотрим на папу.

В то время не было свободных коек. Но все дружно вытащили столы с кухни, а туда затащили две кровати. На свидании Валя с дочкой пробыли у него трое суток.

По закону можно было идти на стройки народного хозяйства. Начальник заявил ему прямо:

– Формируется строительная бригада. Или ты идёшь в бригаду, и через полгода я представлю тебя на условное освобождение. Или остаёшься в своей бригаде и будешь работать дальше.

Ему ничего не оставалось делать. За Иркутском должны были построить областной психиатрический диспансер. На языке зеков – «Дом дураков». Это целая страница из его жизни, и о ней есть смысл рассказать. В зоне была сформирована бригада строителей. В неё вошли все пять человек, с которыми Вячеслав поддерживал дружественные отношения. Это была так называемая зонавская семья. Они делились провиантом, добытым чаем. Помогали друг другу, если надо, отстаивали свои интересы. В таком режиме было легче существовать в зонавской жизни.

Зима. На дворе – лютые морозы. Однажды утром вывели всю их бригаду в предзонник. Подогнали открытую машину. Возле кабины, спиной к ней, расположились двое конвойных. Они были в тулупах. Над кузовом была приделана решётка, но так, чтобы, согнувшись, можно было пробраться к лавкам. Началась посадка. Сзади на специальных местах расположились по бокам ещё два конвоира.

Старший конвоир залез в машину, и машина двинулась. Проехали по улицам Иркутска и выехали за город. Дул холодный, леденящий ветер. Все кутались в воротники жидких ватных бушлатов, натянув шапки, насколько позволял объём головного убора. Подъехали к воротам ограждённой высоким забором с колючей проволокой территории. Заехали внутрь. Остановились возле небольшого деревянного строения.

Зеки выбирались из машины, ругались и заходили в деревянное строение, на крыше которого торчала металлическая труба. Из неё

шёл дым. Кто-то внутри топил печку. Вся бригада забилась в помещение. Все старались пролезть поближе к буржуйке. Минут через пятнадцать открылась дверь, и в помещение зашёл мужик лет тридцати девяти в гражданской одежде. Чуть протиснувшись внутрь, он произнёс, вернее, задал вопрос:

– Кто?

Вячеслав, не дослушав до конца вопрос, громко сказал:

– Я!

– Выходи на улицу, – произнёс мужик.

Они вышли.

– Что – я? – спросил он.

– А что тебе нужно? – задал вопрос Вячеслав.

– Мне нужен электрик, – ответил мужик.

– Так это как раз то, что тебе необходимо, – резюмировал Вячеслав. – Я – электрик широкого профиля. Рассказывай, что надо делать.

– Я здесь буду работать вольным электриком. Зовут меня Геннадий. Нам надо срочно сделать воздушку вон к тем баракам, – сказал Геннадий и указал на два деревянных барака, стоящих в отдалении от КПП. – Столбы сейчас подвезут. Их надо установить.

– Так ведь нет ям для столбов, – удивился Вячеслав.

– Вот их сейчас и надо вырыть.

– Хорошо, организуем, – твёрдо произнёс Вячеслав.

Он зашёл в теплушку и позвал своих парней, четырёх человек. Разъяснил им работу. Лопаты и ломы нашли возле бараков.

– Собирайте все обрезки древесины и тащите к воротам.

Затем они с Геннадием измерили, где будут стоять столбы, и на этих местах развели три костра. Через полчаса убрали кострища и быстро начали копать оттаявшую землю. Так проделали раза три. Земля была промёрзшей на глубину до 1,5 метров. С наружной стороны столб уже стоял. И к нему была подведена воздушка – три алюминиевых провода. Установили столбы с внутренней стороны забора. Пока его звено устанавливало второй столб, они с Геннадием пробросили воздушку.

Вячеслав взял «когти», которые принёс Гена, и ловко забрался

на столб. К вечеру они подвели воздушку к деревянным баракам. Остальная бригада начала размечать, где будет находиться здание, с пришедшим в зону прорабом. Очищали место под фундамент, ставили колышки. На следующий день во временный цех завели кабель для подачи электроэнергии.

Вячеслав с благодарностью вспоминал своих преподавателей в ремесленном училище, особенно своего мастера Шепеля. Он учил их многим секретам профессии электрика. И основательно! В барак привезли станки деревообрабатывающие: строгальный, фуговочный, сверлильный, распиловочный. Мастер по рекомендации вольнонаёмного Геннадия, по просьбе Вячеслава, назначил работать на станках звено из тюремной семьи Вячеслава: Виктора, Николая и молодого парня Василия.

Теперь они работали в помещении в тепле. Тут же была камера электрика. Вячеслав придумал, как облегчить работу землекопам. Перед тем, как бригаду снимали с работы, он брал человек пять, и они забивали в три ряда металлические стержни в землю. Забивали глубоко. Стержни соединяли между собой проводами. Из зоны стройки последним уходил Вячеслав. К началу проводов он подключал кабель, включал рубильник и уходил. Ворота закрывались на замок.

Утром, по приезду на работу, он заходил первым в рабочую зону, отключал рубильник и снимал кабель. Его помощники быстро сматывали проволоку и выдёргивали колья.

– Навались, – давал команду Вячеслав.

Бригада разбирала лопаты и, не разогреваясь, начинала работу. Надо было успеть снять верхний слой, который за ночь под напряжением в 380 вольт размягчался.

– Пробивайте глубже, пока не замёрзло, – подсказывал он бригадникам.

А морозы стояли лютые, до минус сорока и ниже. Разрыв верхний слой на три штыка, работяги вгрызались в землю, которая была не замёрзшей. Как-то в один из дней Генка не пришёл на работу. Но и без него Вячеслав знал, что делать. В вырытые траншеи установили опалубку для последующей заливки бетоном. И тут пригодились

знания, полученные в ремесленном. Залив бетоном подготовленное место, надо было побеспокоиться, чтобы бетон не замёрз.

Вдоль всей линии он расставил электроды в три ряда. Накручивал на них проволоку и подключал через трансформатор на 36 вольт. Сверху засыпали опилками. К утру бетон схватывался. И уже к вечеру следующего дня снимали провода. Генка стал появляться всё реже и реже.

– Ты хоть чайку приноси, – говорил ему Виктор. – А то за тебя работают, а ты спишь.

Генка стал приносить чай по несколько пачек. Вначале старались, чтобы об этом никто не знал. И всё проходило спокойно. Затем кто-то из зеков подъехал к Генке и предложил ему деньги. Он клюнул. Это впоследствии и подвело его. Да кого не подводила жадность до дармового? Генка стал брать деньги то у одних, то у других.

Принести чай он всем не успевал. Да и конвойные, которые вначале его не трогали, заметили, что он стал приходить с набитой пазухой. Его обыскали, обнаружили чай и весь забрали. А так как он набрался денег впрок, а отдать у него не получалось, то он перестал вообще ходить на работу.

Мастер Сергей вначале поискал другого электрика. Но в зону необходим был спецпропуск, чтобы работать с осуждёнными. Потом мастер махнул на эти поиски, и всё взвалил на Вячеслава. Благо, тот справлялся отлично. Стройка шла своим чередом. Завершили нулевой цикл. Рядом начали прокладывать линию для башенного крана. Уложили шпалы, на них закрепили рельсы.

В зону по частям привезли башенный кран. Приехали машины с кранами. Начался монтаж. В зоне появился крановщик башенного крана, который следил за монтажом. Ему по электрической части помогал Вячеслав. И эта часть работы была ему известна. Кран необходимо было подключать и отключать, что и вошло в обязанности Вячеслава.

Начали монтаж первого этажа. Вячеслав стал общаться с крановщиком Анатолием на короткой ноге. Он часто вместо Анатолия разгружал машины с блоками, а Анатолий дремал в кабине. Толя стал

приносить что-нибудь съестное. Он давал сверху сигнал прожектором, и Вячеслав лез к нему на кран. Забрав припасы, он спускался с крана и шёл в мастерскую. Там они со своими ребятами делали перекус.

Как-то Анатолия спросили на вахте:

– Чего у тебя такая сумка большая с едой?

– А я ем много. Холодно. Надо поддерживать организм.

Конвою ничего не оставалось, как пропускать. А две трети провианта уходило в звено Вячеслава. Анатолий приносил им и чаёк. Зная историю с Генкой, он больше ни с кем не связывался. Однако, в зоне у них были друзья, которым тоже надо было приносить чай. Они продумали схему заноса чая в зону.

Когда их привозили с работы, то строили в предзоннике по пять человек. Все расстёгивали бушлаты, подходили пятеро конвоиров и ощупывали со спины, с боков, проверяли карманы. Василия ставили во вторую пятёрку. Все остальные становились в третью. Как только обыскивали первую пятёрку и отпускали, приступали к обыску второй. Обыскав вторую, конвоир давал команду:

– Пятёрка пошла.

И тут Васька и ещё пара человек срывались с места и бегом мчались в зону, чтобы быстро заскочить в здание.

– За ними! – кричал старший.

Конвоиры неслись следом за бегущими. А их пятёрка шагом проходила в ворота. Как раз здесь и были «заряженные» чаем. Убегавших находили в бригадных казармах. Волокли на вахту. Там раздевали и тщательно обыскивали. Конечно, ничего не находили.

– Что бежал? – спрашивали Василия.

– Замёрз сильно. Хотелось быстрее в тепло.

Так как смены конвоиров были разные, такой способ проноски чая проходил. Затем бегавшие примелькались, и им пригрозили штрафным изолятором. Нашли ещё один способ. Разыскивали сапоги большого размера. Васька надевал их на себя. В стройзоне пачки с чаем расфасовывали в плоские мешочки и клали под подошву ноги. Васька натягивал сапоги и так топал на обыск. Пока было холодно, это проходило. На улице на морозе никто не заставлял разуваться.

Потом, видно, кто-то стукнул «куму». По прибытию бригады

с рабочей зоны выбирали несколько человек и вели на вахту для тщательного обыска. А в рабочей зоне происходили события, которые взвалили на Вячеслава ещё больше обязанностей. В какой-то из дней на работу не вышел крановщик Анатолий. Пришли машины со стенными блоками. Пометавшись по стройучастку, Сергей сказал Вячеславу:

– Лезь на кран. Разгрузи машины.

Этого делать было нельзя. Для работы на кране нужен был специальный допуск. Вячеслав разгрузил одну машину. Затем пришла ещё одна.

– Завтра поеду в управление и привезу крановщика.

Наутро, походив без дела, бригадники обратились к Вячеславу:

– Лезь на кран. Будем монтировать.

Махнув рукой, он полез в кабину крана. Бригадир строителей был толковый и знающий малый. Они начали монтировать угол здания. Потом продолжили монтировать стену. Сергей появился только к концу рабочего дня. Увидев смонтированный угол здания и стену, он внимательно обошёл со всех сторон. Убедился, что всё сделано хорошо, подошёл к стоящему у крана Вячеславу.

– Ну, что? Крановщика сейчас нет. Пока найдут, примут на работу, пройдёт время. А сроки нас подпирают. Я буду вместе с тобой здесь. Придётся тебе поработать на кране.

На том и порешили. Прошла зима. Самое трудное время. Весной дела пошли веселей. Вячеслав подошёл к начальнику отряда:

– Гражданин начальник! Вы обещали весной отпустить на «химию», – напомнил он начальнику отряда.

– Ну, во-первых, ещё месяц. Ты должен подготовить себе на замену электрика. А потом будем говорить, – услышал ответ Вячеслав.

В их бригаду уже просились многие. Во-первых, это была смена обстановки каждодневная. В рабочей зоне было намного свободнее. И время шло быстрее. Он предвидел такой поворот. И в электромастерской уже давно нашёл электрика, который изъявил желание перейти в стройбригаду.

После беседы с отрядным занялись переводом зека из одного

отряда в другой. Нужно было ещё заключение режимной части. Этим занимался отрядный. Когда нового электрика перевели в бригаду, прораб Сергей сказал Вячеславу:

– Ознакомь его с краном. Что-то никак не получается найти крановщика-мужчину. Все крановщики – женщины. А как её сюда приведёшь? Нужно будет отдельно ещё конвой.

Началась процедура оформления освобождения на стройки народного хозяйства. Вначале – заседание совета коллектива отряда. Было положительное решение. Его и Василия представили на административную комиссию. Админкомиссия, состоящая из сотрудников лагеря, пропустила 10 человек. Прошли они наблюдательную комиссию, и последним в этом оформлении на условное освобождение был суд.

За месяц все мероприятия прошли. Пришли бумаги из суда с положительным решением. Через пару дней к зоне подъехал автобус. На вахту вызвали условно-освобождённых. Попрошавшись с приятелями, условники вышли из зоны уже без конвоя. Их завели в автобус, и с ними поехал начальник отряда, который вёз их личные дела. Он должен был их доставить в спецкомендатуру и передать в руки спецкоменданта.

Ехать надо было недалеко. Их отправили в город Шелихов на строительство кабельного завода. Завод строился рядом с крупнейшим металлургическим комбинатом. Это был Иркутский алюминиевый комбинат. Почему Иркутский, если он находился в Шелихово, Вячеслав так и не понял. Заехали в город. Автобус остановился перед зданием. Это было общежитие, на первом этаже которого располагалась комендатура.

Отрядный пошёл в здание, неся с собой сумку с документами. Через некоторое время он вышел со старшим лейтенантом в гражданской форме. Отрядный представил его:

– Это ваш спецкомендант. Главный. Всем начальник. Теперь все вопросы решать через него.

Комендант брал папку, зачитывал фамилию. Условно-освобождённый переходил и становился за комендантом. Передав осуждённых, отрядный пожелал всем добра:

– Живите, работайте и в зону не возвращайтесь.

И отбыл в Иркутск. Все зашли в здание общежития. Теперь опеку над ними взяла комендант общежития. Это была женщина лет сорока пяти. Из кладовой получили матрасы, постельные принадлежности и разместились в комнатах, куда их расселила комендантша.

Начиналась новая жизнь. При выходе из зоны они все получили зарплату и все деньги, что были у них на счету. Недалеко от общежития располагалась столовая. Вся группа направилась туда. В них жила привычка, полученная в зоне за годы отсидки, везде ходить строем: и в столовую, и на работу, и на мероприятия. Понадобится время, чтобы они все избавились от этой привычки. Поужинав, они покрутились возле общежития и пошли отдыхать.

Наутро уже надо было прибыть в контору стройтреста для оформления на работу. По давно заведённой привычке, Вячеслав встал рано и побежал на улицу делать зарядку и пробежку. За общежитием была небольшая спортплощадка. Это его устроило. В стройтресте их быстро определили и расформировали по бригадам. Они с Василием попали в бригаду бетонщиков.

Стройка была грандиозной! По сибирским масштабам. Они делали бетонные стаканы, в которые затем монтировали огромные опоры. На них ставили арочные конструкции и затем монтировали кровлю. Цеха получались просто огромные. Поработав пару недель и ознакомившись с городом, он решил пойти в спорткомитет, надеясь, что есть такой.

На одной из улиц он разыскал горспорткомитет. Он располагался в одноэтажном здании. Спорткомитет состоял из одного человека. Фамилия председателя была Баюрский. Они познакомились. Вячеслав представился, показал диплом института физкультуры. Баюрский сообщил ему, что в горторг требуется инструктор физкультуры, и сказал куда и к кому надо идти.

Не откладывая на потом, он пошёл по назначению. Нашёл кабинет директора. Постучал. Получив разрешение, вошёл. На него внимательно смотрел молодой мужчина лет тридцати. Дело в том, что Вячеслав был в одежде заключённого: чёрная спецовочная роба с нагрудной нашивкой. На ней была написана его фамилия. Он ото-

слал письмо Валентине с просьбой прислать его одежду, хотя бы на первое время. Одежда была в пути, и ему пришлось ходить пока в зоновской спецробе.

В стройтресте вообще не обращали на это внимание, а здесь была другая обстановка. Директором горторга был Рыжов Владимир Александрович. Узнав, что Вячеслав окончил Ленинградский институт физкультуры им. П.Ф. Лесгафта, он произнёс:

– Так ведь я тоже учился в Ленинграде. Я окончил торговый институт.

Рассказав вкратце о себе и поведав директору историю своего появления в Шелихове, он приготовился выслушать ответ директора. Директор сказал секретарше:

– Таня, позови сюда председателя профкома Галину Яковлевну.

Девушка убежала. Через некоторое время в кабинет зашла женщина лет пятидесяти. Жгучая брюнетка, очень приятная на вид. Она удивлённо посмотрела на Вячеслава и перевела вопросительный взгляд на Владимира Александровича. Он поведал ей суть вопроса и спросил:

– Нам нужен инструктор физкультуры?

– Да. Мы ищем давно, – ответила Галина Яковлевна.

– Давайте возьмём. Мы ничего не теряем.

Обговорив всё об оформлении, директор сказал:

– Если всё пойдёт нормально, заберём на постоянную работу.

Через пару дней из Красноярска пришла его вольная одежда. Переодевшись, уже после работы он начал обход магазинов. Везде работали молодые девчонки. В каждом магазине он создал группу и назначил физоргов. В торг пришло сообщение, что надо представить на первенство Иркутскоблторга команду волейболистов. Шла областная спартакиада. Нужно было собирать и тренировать команду. Девчонки подсказали ему, что есть хороший спортзал в школе-интернате.

Туда он и направил свои стопы. Вячеслав заметил, что в Сибири ему намного легче общаться с людьми. Это было в зоне и с зеками, и с конвойной командой, да и во всех местах. Комендант спецкомендатуры к условно-освобождённым не придирался. Лишь бы они

не нарушали режим и не пьянствовали. Вячеслав получил у коменданта разрешение вызвать сюда семью. Он даже подсказал ему, где поискать съёмные квартиры.

Отправившись в указанный район, он оказался в районе частного сектора и стал заходить в каждый дом. Ему подсказали, что рядом живёт старик. Живёт сам, и он сдаёт. Зайдя во двор, который ему указали, Вячеслав громко позвал:

– Есть кто-нибудь в доме?

Подошёл поближе к крыльцу. На порог вышел пожилой человек. Он был горбатый.

– Что тебе?– спросил.

– Да я вот хочу снять жильё. Семья должна приехать.

– А кто у тебя? – начал расспрашивать старик.

– Жена, двое детей, пацан лет девяти и девочка совсем маленькая. А с ними – мать жены.

– Ну, это ничего, – миролюбиво произнёс хозяин дома. – Я ложусь в больницу на полгода, и ты как раз вовремя.

– Но у меня ещё одно обстоятельство, – произнёс Вячеслав.

– Чего там ещё? – спросил хозяин дома.

– С ними едет ещё щенок, месяца четыре.

– Ну, что ж, хорошо. Будет гонять соседских курей. А то они мне весь огород испаскудили.

Хозяин спросил Вячеслава о его работе, как попал сюда. Уже было, что он сдавал жильё условно-освобождённым. И то, что Вячеслав из зоны, его не смущало. Вообще, в Сибири к осуждённым относились благосклонно. Договорились о цене и о всяких организационных делах. Хозяин передал Вячеславу ключи от дома:

– Я завтра ложусь в больницу, так что можешь занимать весь дом.

Походив по дому, осмотрев стены, Вячеслав спросил:

– А лёгкий ремонт можно сделать?

– Да, делай. Чего мне?

На том и решили. На работе Вячеслав договорился с женской бригадой маляров-штукатуров сделать в доме ремонт. Они не тянули, и за неделю привели дом в порядок. Ещё и убрали. Помыли

полы, всё вычистили. Оставалось ждать приезда семьи. А пока он улаживал дела по работе.

В школе-интернате он познакомился с преподавателем физкультуры. Беседа у них получилась продуктивная и доброжелательная.

– Платить за аренду зала, конечно, торг не будет, но чем-то поможет интернату, – сказал Вячеслав. – А ещё я могу вести бесплатно секцию акробатики, – поведал он преподавателю физкультуры.

За утверждением принятого решения они отправились к директору школы. Директор школы, мужчина лет пятидесяти пяти, выслушав их обоих, дал согласие. И уже через день Вячеслав к назначенному часу пришёл в школу вести секцию акробатики. В зал пришли человек тридцать ребят и девчонок. Количество желающих заниматься его не испугало. Он знал, что в процессе занятий нестойкие и нетерпеливые начнут отсеиваться.

Сделал разминку общую, разделил всех на группы и начал с ребятами осваивать акробатические элементы. Они делали кувырки, колёса, выполняли поддержки. Через день он пригласил в спортзал девушек из магазинов, изъявивших желание заниматься волейболом. Дни полетели в работе, в тренировках. Владимир Александрович, директор торгового центра, был доволен, что началась работа и что есть куда ходить тренироваться без особых затрат.

Поняв, что Вячеслав – это как раз тот человек, который им нужен, он сказал ему:

– Давай я тебя переведу в торг на постоянную работу.

– Да кто меня отпустит? Рабочих на стройке и так не хватает.

– Это моя забота, – ответил директор.

И уже через пару дней на работе ему сказали, что его переводят с участка в Главстройтрест. А оттуда его перевели в торг инструктором физкультуры. Пришло время ехать на областную спартакиаду. Но ещё перед соревнованиями Вячеслав нашёл кабинет спортивного врача и договорился, что приведёт к нему на осмотр команду волейболистов и легкоатлетов. Всё сделали как надо. Осмотрели всех. Проверили. Завели карточки. Начали готовиться к отъезду.

Вячеслав подготовил заявки, заверил их у спортивного врача.

Приготовил командировочное. Взял на себя разрешение в спецкомендатуре, мало ли чего. К этому времени уже приехали Валентина с Витькой и маленькой Сусанной, и Степанида Захаровна. С ними в Шелихов прибыл щенок-девочка. Витька, играя на улице зимой в Красноярске, встретился со щенком. Угостил хлебом, который по случаю оказался у него в кармане.

И пока он бегал по улице, щенок бегал за ним следом. Витьку позвали домой, и он, прихватив щенка, забрал его в дом. Посоветовавшись с матерью, они, глядя на умоляющие глаза Витьки, приняли решение взять в дом щенка. Выделили ей место у самых дверей под вешалкой. Назвали её Пальма. Это была смесь дворняжки с лайкой, собака с очень умными глазами. И вот теперь все вместе они приехали в город Шелихов. Собаке быстро смастерили будку из досок, которые нашли в сарае у хозяина. Сделали ей подстилку, и она быстро заселила свой дом, сообразив, что это сделано для неё.

Ехали на соревнования в автобусе. До Иркутска было всего пара часов. Разместили их в общежитии торгового комплекса. Народ съехался со всей области: из Ангарска, из Братска, из Усолье-Сибирское. Всё делали сами тренера: проверяли здоровье, готовили протоколы. Ребята из Иркутска предоставили своих судей. Понятно было, что они готовятся забрать первые места.

Тем более, по некоторым видам спорта уже прошли соревнования. Вячеслав внимательно просмотрел заявки и обнаружил, что против каждой фамилии участника, где должна была быть подпись врача и врачебная печать, стояли непонятные подписи, заверенные печатью профкома или вообще печатями со складов. Это было грубейшее нарушение. Собрались представители команд, и он им объявил:

– Или вы снимаетесь с соревнований, или я закрываю глаза на ваши заявки, но мы со своей командой проходим вперёд. Вы можете сражаться за второе, третье и дальше места, а первое оставляете нам.

Команда шелиховского торгового комплекса была на высоте и играла отлично. Всякие судейские крючки и придирки ей не строили. И девчонки достойно заняли первое место и получили кубок. Так же хорошо выступили легкоатлеты. Домой они возвращались триумфаторами. Из восемнадцати команд, участвующих в летней спартакиаде, ко-

манда шелиховского торго по итогам заняла седьмое место, потому что они поздно включились в соревнования и был пропущен целый ряд видов спорта. Администрация торго была очень довольна. В кабинете у директора в шкафу за стеклянной дверцей красовались два кубка.

– Владимир Александрович, надо бы девчонок поощрить, – обратился к директору Вячеслав.

– Согласен. Сделаем, – коротко ответил директор.

Как-то, зайдя в клуб, Вячеслав переговорил с завклубом и предложил вести кружок акробатики. Завклубом согласился:

– Через неделю у нас концерт. Если будет пара номеров, то после концерта оформим как секцию и будешь почасово получать зарплату. Только веди журнал, чтобы была отчётность.

На секцию акробатики ходили в спортзал не только ученики школы-интерната, но и ещё три человека из стройтреста, которые приехали с ним на стройку. Они уже подготовили целый ряд фигур. И вот подошло время выступления. Выступали дети с групповой программой. Это была младшая группа. Выступили ребята старшей группы. И в заключение они показали силовой номер – четвёрка на одной основе. Встретили их бурными аплодисментами.

В Доме культуры ему случилось встретить знаменитую актрису Людмилу Гурченко. Не так часто, но в Шелихов заезжали концертные бригады. И вот однажды одна из таких бригад и приехала подзаработать. В бригаде было человек пятнадцать. Среди них и была Людмила Гурченко. Все были на лёгком подпитии. Находясь на сцене, Вячеслав обратил внимание на красный нос Гурченко. Все только начинали готовиться к выходу на сцену. Ещё никто не красился и не пудрился.

Когда-то давно, лет 13-14 назад, в канун 1956 года, на экраны страны вышел художественный фильм «Карнавальная ночь». Народ толпами валил в кинотеатры на просмотр фильма. Популярность фильм приобрёл колоссальную. Знатоки говорили, что продано было 50 миллионов билетов на фильм, в котором главную роль сыграла Людмила Гурченко.

Судя по тому, что она ездила с концертами по стране в составе бродячих бригад в поисках дополнительного заработка, жилось ей

нелегко. Гарантией счастливой жизни фильм «Карнавальная ночь» для неё не стал. Вот и приходилось Людмиле ездить на так называемые халтуры. За ней закрепился штамп актрисы лёгкого танцевального жанра. Серьёзных ролей ей не давали.

Был у неё в жизни и каверзный случай. В 1957 году в Москве проходил Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Людмиле предложили сотрудничать с КГБ. Она отказалась и подписала себе приговор на неприятности. Началась травля. А уж как эта контора глубокого бурения умеет травить, Вячеслав знал. Ему самому пришлось попасть под зубья этой буровой машины.

Период забвения у Людмилы Гурченко длился 10 лет. Постепенно всё наладилось. Однако снималась она, в основном, в музыкальных комедиях. С 90-х она вообще не снималась. В 2000 г. она вернулась и попала на телевидение. Её подъём, как актрисы драматического плана, начался со знаменитого многосерийного фильма «Сибириада». Фильм был поставлен по роману Георгия Маркова, тогдашнего председателя Союза писателей. У Людмилы Гурченко, несмотря на все сложности, была очень активная личная жизнь. Она была шесть раз замужем. У Вячеслава в личной библиотеке была книга Людмилы Гурченко, написанная талантливо, свободно и с большой любовью, – «Воспоминания об отце».

Вячеслав связал цепочку полезных дел и для других, и для себя. Используя спортзал школы-интерната, он сэкономил средства на аренде зала. Зато профком торга и директор, помимо ставки для него, шли на траты на спортивный инвентарь, на спортивную форму. Директор школы и преподаватели физкультуры были довольны работой секции акробатики. Ребята выступали не только у себя в школе, но принимали активное участие и в концертах, которые проходили в городском клубе. Они выступали в других школах и ездили на всевозможные выступления в Иркутск.

Владимир Александрович рекомендовал его ещё инструктором физкультуры в Горпищеторг. Его оформили на полставки. А он объединил всех вместе. И тренироваться они ходили в спортзал в одно время. Места хватало всем. Однажды Владимир Александрович сказал ему:

– Вячеслав, тебе придётся взять ещё и команду «Иркутскоалюминстрой».

Это был головной трест, где в одном из подразделений работал Вячеслав по прибытии.

– Директор треста, узнав об успехах спортивных наших, заявил мне: «Как же так получается? У меня нет инструктора, а я отдал его вам», – рассказывал директор торга. – Я ему пообещал, что ты сможешь вести и физкультурную команду треста.

И Вячеслав взялся и за этот коллектив. Летом он всех приглашал на стадион. А осенью и зимой – в спортзал. Колесо закрутилось. Материально для него это было сильное подспорье. Он был оформлен инструктором физкультуры в пяти коллективах. В «Иркутскоалюминстрое» была ещё команда по хоккею с мячом.

Он познакомился и сдружился с тренером команды «Локомотив» Дождиковым Николаем и его товарищем, тоже хоккеистом, Виктором Капроновым, по прозвищу «Капрон».

Однажды Вячеслава вызвали в райком партии к третьему секретарю райкома. Когда он вошёл в кабинет, куда его пригласили, то увидел за столом женщину крупного телосложения. Пригласив его присесть, она сообщила ему:

– На вас поступила жалоба, что вы работаете в семи коллективах инструктором физкультуры.

Жалобу написал председатель горспортсоюза Баюрский. Начали вести беседу. Пришлось огласить результаты работы. Она сама видела выступления акробатического коллектива неоднократно. Команды шелиховские, которыми он руководил, занимали призовые места на областных соревнованиях.

– Так в чём крамола? – задал он вопрос. – И почему Баюрский сидит в кабинете и не возьмёт какой-нибудь коллектив, чтобы не на словах, а на деле развивать спорт?

Секретарь райкома партии в прошлом сама была преподавателем физкультуры и отлично понимала ситуацию. Они нашли общий язык. Она пожелала ему успехов в работе и сказала, что всё останется в силе.

У него подходил срок досрочного освобождения. Владимир Александрович был членом горисполкома, в большом авторитете. Узнав, что Вячеслав готовится на админкомиссию, он начал его уговаривать остаться работать здесь. Пока сказать что-то определённое он не мог. Тем более, процесс этот проходил нескоро. Шла зимняя спартакиада области. Он собрал хорошую команду лыжников.

В одном из магазинов торго работала продавщица Валентина Башкирова. Она была кандидатом в мастера спорта СССР. Помимо лыж, она занималась и лёгкой атлетикой. Муж у неё был тренером легкоатлетов. У Валентины был маленький ребёнок. Она недавно родила, но Вячеслав уговорил её выступить. Он договорился с директором торго о том, чтобы он дал машину привезти В. Башкирову на соревнования к старту. Так и сделали.

Она отлично выступила на длинной дистанции. После соревнований её покормили, отпоили чаем и на машине отправили домой. На следующий день водитель Анатолий вновь привёз Валентину к старту. На этот раз соревновались в беге на короткие дистанции. Валентина прошла её в высоком темпе, обеспечив команде первое место. Эстафета тоже была за ними. Кубок забрала команда шелиховского торго.

К весне Владимир Александрович усиленно начал агитировать Вячеслава остаться в Сибири. Он организовал поездку на Байкал. Они добрались до Андриановки, а оттуда пошли пешком через лес к Байкалу. Выйдя на берег, все застыли в изумлении. Перед ними открылись огромные просторы. Это было не озеро. Это было море! Берегов не было видно. Солнце жарило нещадно. Они спустились к берегу. Вячеслав разделся. Группа не торопилась это делать и смотрела на него с интересом. Он подошёл к камню, залез на него и, долго не раздумывая, нырнул в воду. Его всего обожгло. Он выскочил, как пробка, от неожиданности. Стоящие на берегу хохотали.

Никто ему не сказал, что вода в Байкале очень холодная. В то время было всего четыре градуса тепла. Выскочив на берег, он схватил рубашку и принялся обтираться. Такова была первая встреча с Байкалом. Ещё не раз они ездили на Байкал.

Как-то отправились в Слюдянку целой компанией: он, Валентина, Витька, Нина, их знакомая, тоже с сыном, и Капрон. Они установили на берегу палатку. Ночью пошёл обложной дождь. Их залило. Они с Капроном лежали на днище палатки, а все старались забраться на них, спасаясь от воды. Так они продрожали до утра. Утром дождь поутих, но всем было понятно, что нужно выбираться.

Как-то его пригласила в горисполком председатель горисполкома Наина Степановна. Без долгих предисловий она начала с ним разговор:

– Короче, так. Ты останешься здесь работать. Получаешь трёхкомнатную квартиру, и мы разрешаем работать на трёх работах, – заявила она.

– Наина Степановна, при всём уважении, нет. Если бы я сюда приехал сам по желанию, возможно, я бы согласился. Но меня сюда привезли. Поэтому я всё-таки вернусь в Крым, откуда меня забрали.

– Ладно, – согласилась председатель. – Ещё есть время. Подготовь себе замену.

На должность инструктора в торге он рекомендовал Валентину Башкирову. Она дала согласие. По возможности передал опыт работы. А он у него был высшего качества. Его зимой даже затребовали в Москву в Центральный Совет добровольного спортивного общества «Спартак» для обмена опытом работы с малыми коллективами физкультуры.

Прислали официальное приглашение и запрос. Разрешение давал комиссар милиции, руководивший УВД Иркутской области. Его вызвали к комиссару на беседу. В его опыте работы ещё не было такого, чтобы в Москву вызывали условно-освобождённого для обмена опытом работы. Беседой комиссар остался доволен и разрешение дал. В Москве его встретил инструктор ЦС «Спартак», который приезжал в Шелихов.

Три дня он ходил на заседание совета и рассказывал о работе с малыми коллективами физкультуры. Инструктор сделал ему командировку ещё на четыре дня. И Вячеслав, воспользовавшись образовавшимся временем, слетал на Украину. До Днепра – само-

лѐтом, а дальше добирался электричкой. Он повидал отца и мать. Побыл с ними, успокоил и, чтобы не рисковать, выехал в Днепр. Были задержки, но улететь удалось.

В Иркутск он вернулся согласно числам, указанным в командировке. Ему было предписано по прибытию отметить в УВД Иркутской области, что он и сделал. Затем вернулся в Шелихов. К весне, пройдя все процедуры – админкомиссию, наблюдательную и суд, – он получил на руки решение суда об освобождении.

Сборы были недолгими. Единственная трудность была – это оформление проездного билета Пальме. Они прошли все необходимые процедуры. Оформили ветеринарное свидетельство, купили всем билеты. И... отправились в путь. Всей семьѐй они занимали целое купе. Пальма, понимая всю ситуацию, вела себя совершенно спокойно, расположившись между нижними полками. На ней, как и положено, был ошейник с повязкой и намордник. Правда, он был в снятом состоянии. Постепенно в вагоне привыкли к тому, что в купе едет собака. Начали приносить ей то кусочки курицы, то ещё что-нибудь вкусное.

Иногда на остановках Вячеславу удавалось вывести Пальму на прогулку и дать ей возможность оправиться. Выйдя из вагона, они сразу бежали в конец платформы, где виднелись кусты. Так они продвигались по стране. Уже было относительно тепло. Часа за два до Саратова на полустанке Елховка, видя, как мучается Пальма, просясь в туалет, он попросил проводника открыть им входную дверь. Они выскочили из вагона. Но сразу сделать своё собачье дело Пальма не могла. Она бегала, крутилась, но ничего не получалось.

Вдруг тепловоз дал сигнал и начал движение. Вячеслав побежал к своему вагону. Уцепившись за поручни, поднялся на ступеньки. Пальма бежала рядом. Но запрыгнуть она не могла. Остаться с ней он тоже не мог. Он был одет в спортивные штаны и футболку с короткими рукавами. Ни денег, ни документов при нём не было. Поезд набирал скорость. Понимая, что собака не догонит и не запрыгнет в тамбур, проводник закрыл дверь.

Когда Вячеслав зашёл в купе, на него все набросились, что он

оставил собаку. А Витька начал реветь. Глядя на него, начала плакать и дочь. Что делать?

– Вы сами доедете? – спросил Валентину.

Она успокоила его. Достала из сумочки его билет, документы и деньги. Через некоторое время они прибыли в Саратов. Он побежал в будку дорожников. Рассказал о происшествии. Бригадир дорожников позвонил в Елховку. Оттуда ответили, что собака с висячим намордником бегают вокруг, но к людям не подходит.

– Её звать Пальма, – произнёс Вячеслав.

Это передали по рации.

– Как мне туда быстрее добраться?

Кто-то сказал, что часа через полтора пойдёт электричка. В это время в будку дорожников зашёл мастер. Узнав ситуацию, он сказал:

– Сейчас туда идёт тепловоз без состава. Пойдём к машинисту.

Подошли к тепловозу. Мастер объяснил ситуацию машинисту. Тот согласно кивнул:

– Лезь в тепловоз.

Вячеслав забрался в кабину тепловоза, и они двинулись в путь.

– Скоро Елховка, – произнёс машинист. – Я приторможу, а ты прыгай. Останавливаться нельзя.

После поворота, на подъёме, машинист притормозил, и Вячеслав соскочил на землю.

Он сразу же направился в небольшое станционное здание. Ему начали объяснять, где видели собаку. Он обежал хутор вокруг, но Пальмы нигде не было. Одна из женщин указала в сторону вспаханного поля и сказала:

– Я видела собаку, она бежала в ту сторону по краю поля.

Женщина указала в сторону Саратова.

– Это было совсем недавно, – добавила она.

Вячеслав побежал по дороге, которая тянулась вдоль железнодорожного полотна и края вспаханного поля. Он бежал и звал:

– Пальма! Пальма!

Цвет поля был какой-то белесоватый. И вдруг он на другой стороне заметил движущуюся чёрную точку. Он рванулся через поле. Бежал, спотыкался и звал:

– Пальма! Пальма!

Бежать по вспаханной земле было невероятно трудно. Бежал и падал. Вдруг в какой-то момент он заметил, что собака, а это была она, остановилась. Он вновь начал её звать. Видно, она услышала своё имя, узнала голос. Пальма остановилась, повернулась в его сторону и помчалась к нему навстречу. Он приостановился.

Пальма, подбежав к нему, подпрыгнула, положила лапы ему на плечи. И лизнула несколько раз лицо. Потом она села, а Вячеслав увидел, что у собаки из глаз катятся слёзы. Такое он видел в первый раз в своей жизни. Он и сам был расстроен и вытирал помокревшие глаза. Добирались они долго какой-то электричкой до Саратова.

На пассажирский поезд их не пустили, несмотря на наличие билета и всех разрешающих документов. Он искал проводников, которые согласятся пустить его в поезд. Некоторые разрешали, но чтобы собака была в тамбуре. Он привязывал поводок к двери и уходил в купе. Долго находиться в купе не мог. Шёл к Пальме в тамбур. Она тоже переживала и проявляла радость, когда он находился рядом.

Вот так, с пересадками на электричках и пассажирских поездах, они наконец-то въехали в Крым. Показалась Владиславка. Поезд остановился. Выйдя на перрон, Вячеслав увидел бегущего к нему Витьку. Пальма тоже узнала его, и начала к нему рваться. Витька подскочил к Пальме, принялся её обнимать, а она с благодарностью лизала ему лицо. Следом за Витькой шла Валентина.

Оказывается, они остались на станции и встречали каждый пассажирский поезд. Все вместе зашли в здание вокзала. В зале ожидания небольшим табором разместилась его семья. Не теряя времени, он пошёл договариваться с водителем машины. Вскоре все разместились в просторной «Волге» и отправились в Планерское.

Ехали они по намеченному адресу – к детскому врачу планерской амбулатории Татьяне Свободе. До отъезда в Красноярск Валентина работала вместе с ней детской патронажной медсестрой. Они хорошо сработались, подружились. Изредка переписывались, и Татьяна была в курсе их дел. И вот сейчас они направлялись к ней домой.

По приезду расположились в пристройке. В летнее время жильё сдавали отдыхающим. Встреча, обед, разговоры, планы на будущее. Через несколько дней Татьяна сказала Вячеславу, чтобы он брал документы и шёл на турбазу «Приморье» прямо к директору – Иосифу Борисовичу Бронштейну. На турбазу нужны инструктора по туризму.

Инструктор турбазы «Приморье»

В кабинете у директора он сидел молча, пока тот внимательно рассматривал его документы: паспорт, диплом, трудовую книжку. Несколько коротких уточняющих вопросов, и директор произнёс:

– Иди в приёмную. Пиши заявление. Оформляйся и завтра на работу.

Вячеслав был удивлён лёгкости, с которой его взяли на работу. Он понимал, что директор знал, откуда он прибыл, но акцентировать внимание на этом не стал. И не надоедал с неприятными расспросами. Оформившись документально, он вернулся домой. Утром по договорённости зашёл в приёмную директора. Секретарь пригласила его в кабинет. Помимо директора, в кабинете находился ещё один человек. Их познакомили. Это был заместитель директора турбазы по туристическо-экскурсионной работе Пятков Иван Васильевич.

– Во все тонкости работы тебя введёт Иван Васильевич, – произнёс директор.

Они зашли в кабинет замдиректора. Туда зашли уже работающие инструктора: Люба Печерикина, Валентин Савинкин, Любовь Лаврентьева.

– Походишь пока с инструкторами, в качестве практики и ознакомления с маршрутом.

С турбазы «Приморье» совершали почти каждый день однодневные походы. Шли группой в Тихую бухту, на Кара-Даг в Лягушачью бухту, к Чёртову пальцу, к источникам. Сходив пару раз, Вячеслав понял, что инструктора, в основном, водят по маршруту,

а рассказывают совсем мало, очень скупо. Он пошёл в библиотеку, которая оказалась хорошо укомплектованной, благодаря библиотекарю Людмиле Сегеда.

Увидев, что он вплотную интересуется краеведческой литературой, она предоставляла ему нужную литературу в полном объёме. По давно заведённой привычке как можно больше читать, он быстро освоил краеведческую литературу. Ознакомившись с маршрутами, он вышел в самостоятельный поход. Работать с людьми он умел. Поэтому в самом начале похода он дал обзорную лекцию, не перегружая её ненужным материалом. Затем они отлично сходили в Лягушачью бухту у подножья Кара-Дага. Все остались довольны.

В дни, когда у него не было однодневных походов и дежурств по турбазе, он устремлялся в горы. Пробирался по незнакомым ему тропам и основательно знакомился с горным массивом Кара-Даг. Валентина устроилась работать медсестрой. Жизнь, кажется, налаживалась. Пару раз он сходил в ознакомительный трёхдневный поход по старокрымским лесам.

Подошло время самому набирать группу. Было сделано объявление. В определённое время пошёл в столовую делать запись на поход. Вместо обычных 20 человек записалось 70. О нём уже пошла слава знающего и хорошо рассказывающего человека. Иван Васильевич на вопрос, что делать с большим количеством людей, ответил:

– Я дам ещё одного инструктора в помощь, но ты – старший, и за всё отвечаешь.

Получив всё необходимое – спальники, рюкзаки, посуду, продукты, – группа была готова к отправке. Двумя автобусами их доставили в Старый Крым к городскому кладбищу. Пеший поход начинался отсюда. Все подошли к могиле Александра Степановича Грина. Вячеслав, уже начитавшись о Грине и давно проштудировав его произведения, был в ударе.

Взвалив рюкзаки на плечи, они отправились в Дом-музей Грина. Экскурсию по дому в тот момент вела Екатерина Кузьминична Петникова, вдова поэта Григория Петникова. Петников Григорий Николаевич родился в 1894 году. Жил в Крыму с 50-х годов. Ав-

тор 13 книг. В молодости Григорий Петников учился в харьковской гимназии, затем поступил на филологический факультет Московского университета, но оканчивал Харьковский университета.

Живя в Харькове, с поэтами Николаем Асеевым и Божидаром основал издательство «Лирень». Был участником гражданской войны. С 1925 по 1931 г. был сотрудником издательства «Academia». От известного поэта В. Хлебникова он по наследству получил титул «Председателя Земного Шара». Жил и работал последнее время в Старом Крыму, где в возрасте 77 лет скончался 11 мая 1971 года.

По сути, это случилось перед самым возвращением Вячеслава в Крым. И вот теперь жена поэта Григория Петникова работает хранителем музея А.С. Грина. Она же и водила экскурсии по дому.

В трёхдневный поход входило посещение армянского монастыря Сурб-Хач. Затем группа шла лесными тропами и делала первую остановку на стоянке «Лесная глушь». Разбивка палаток, размещение, приготовление пищи.

Незаметно подходил вечер. Все рассаживались вокруг костра. Мужчины-туристы потихоньку доставали баклажки с вином. Перед походом всех предупреждали, чтобы спиртное с собой не брали. Всё делалось скрытно. А проверять было нехорошо.

– Если будут перегибы, буду поступать жёстко, – предупредил Вячеслав.

– Мы приехали из Сибири. И грех не попробовать крымского вина.

После снятия пробы все разговорились. Вячеслав брал в руки гитару, и вокруг костра звучали всем известные туристические песни.

– Нам надо подготовить ещё и отчётный концерт. Общие песни, стихи, сценки. Предлагайте!

Посыпались предложения. Староста группы взял всё в свои руки. И всё шло по-людски. Ночь прошла спокойно. Утром – ранний подъём, умывание у лесного ручья, завтрак и подготовка к пути. Шли через горы по лесу. Часам к пяти вечера приходили на вторую стоянку под названием «Кордон лесника».

В этом районе действительно жил лесник. Он совмещал свою должность с должностью сторожа домиков турбазы. Они были

установлены для ночёвок туристических групп. Очередной вечер у костра. Песни, стихи, интермедии. Утром – всё, как обычно. Подготовка к очередному переходу и возвращение на турбазу.

– Облегчайте рюкзаки. Оставляйте остатки продуктов леснику. Мы возвращаемся к ужину, и в пути есть никто не будет.

Семья лесника была довольна таким отношением. Однако, не все инструкторы оставляли неиспользованные продукты. Зачастую уносили с собой. Зато когда приходил Вячеслав, для его группы находились и вода в бочках, и дрова для костра без ограничения. Другим группам приходилось идти в лес и собирать сушняк. А по воду идти к озеру. Ну, так уж завелось. На третий день группа отправлялась на турбазу.

Приходили к определённому времени. Их ждали туристы и дежурный инструктор. Рапортовали о прибытии. Тут же исполняли придуманные в походе песни и стихи. Возвращались с разукрашенными лицами, в пучках травы, как из диких прерий. Было всегда весело. Их встречали колоколом.

Слава об инструкторе Вячеславе быстро разнеслась по турбазе. И когда в следующий раз он объявил о наборе группы в трёхдневный поход, записалось 90 человек.

– Нельзя столько. Мне не разрешат, – уговаривал он туристов.

Староста новой группы пошёл к замдиректора турбазы и настоял на своём. Замдиректора турбазы дал в помощь ещё одного инструктора.

Так и шла жизнь. Он работал на турбазе, Валентина – в местной поликлинике. Жили они на квартире. Притом, несмотря на то, что мест было много, их не хотели брать из-за собаки. На одной из улиц они нашли хозяина, согласившегося их взять на постой. Когда они пришли в их двор, Вячеслав подвёл Пальму к хозяевам и твёрдым голосом сказал ей, указывая на хозяина и хозяйку:

– Это – хозяйева. Не лаять на них, не бросаться.

Пальма смотрела внимательно на хозяев двора и в знак понимания вильнула хвостом. Как это ни удивительно, но так и было. Она быстро разобралась, кто есть кто, и исправно несла свою службу. Но надо было искать постоянное жильё. Им выделили на турбазе

половину небольшого туристического дома. Во второй половине жили тоже работники турбазы.

Вячеслав нашёл спецов, которые слепили им печку в домишке. Неимоверно, но они втиснули три кровати в этот домик. Во дворе разбили палатку. И они с Валентиной жили в палатке, а мать Вали с детьми – в доме. Затем он соорудил летний крытый навес с тремя деревянными стенами. Поставили двуспальную кровать и стол с лавками. Было терпимо. Как-никак, а было уже жильё, хоть и совсем скромное.

Начался сентябрь 1971 года. Его вызвал к себе директор и повёл разговор:

– Я знаю, ты играешь на гитаре и занимаешься музыкой.

– Было такое. Да и сейчас не забываю, – ответил он.

– Одиннадцатого сентября город Феодосия отмечает две тысячи пятьсот лет основания города. Городское начальство решило отпраздновать это событие в ресторане «Эллада».

Ресторан «Эллада» был построен на территории турбазы на самом берегу моря. На первом этаже – туристическая столовая, а на втором было решено разместить ресторан. Интерьер делался по мотивам мифов Древней Греции. Вячеслав внимательно слушал директора.

– Так вот, – продолжил тот. – Ты должен найти музыкантов и уже к назначенной дате играть. Срок – неделя, – добавил директор. – И ещё. Если сможешь это сделать, разрешу работать вечерами в ресторане.

Обойдя посёлок, Вячеслав узнал, кто играет на музыкальных инструментах. Понял, что к сроку собрать ансамбль не успевают. Тогда в голову ему пришла мысль, которая и спасла положение. Каждый год на весь курортный сезон на турбазу приезжали музыканты из Минска. Они играли на танцплощадке. Работали они за питание и за отдых своих семей.

Вот к ним он и пошёл на разговор. Музыкантов было человек семь. Всё обговорили. Он получил согласие, и три человека пошли с ним играть в ресторан. Вячеслав сел за ударные инструменты. Открытие ресторана отыграли на славу. Всё прошло хорошо. Ребята

из Минска имели опыт игры в ресторанах, и это дало положительный результат.

Музыканты согласились задержаться ещё на недельку и поработать в ресторане, пока он окончательно не подберёт музыкантов для ансамбля. Он предложил играть вместе баянисту турбазы Мише Горбатову. Пригласил в ансамбль и Петю Романа, он сел за ударные инструменты. Вячеслав играл на контрабасе. Однако контрабаса на турбазе не было. Заместителем директора турбазы по питанию работал Сегеда Михаил Константинович. Все его звали Мишей. Он был крупным мужчиной. Подвижный и, главное, умеющий держать слово. Миша взялся за решение проблемы. Однажды Миша разыскал Вячеслава в комнате инструкторов и сказал, чтобы он готовился на завтра в поездку.

С утра отправились в путь на небольшом автобусе ПАЗике. Ехали в город Саки. В Саках жили Мишины родители, и он ездил в Саки проведать их. Приехав в город, сразу отправились к Мишиным родителям. Их радушно встретили. После сытного обеда Миша сказал:

– А сейчас мы поедem в одно место. Не задавай лишних вопросов.

Они приехали к сакскому универмагу. Зашли в универмаг и Миша направился в отдел музыкальных инструментов. Вячеслав последовал за ним. Подойдя к отделу музыкальных инструментов, Вячеслав сразу увидел его. Он сверкал древесным лаком и был таким значительным, что у него перехватило дыхание. Оказывается, Михаил Константинович через своих знакомых заказал контрабас, и его привезли из Германии. Инструмент был просто прекрасным. Такому приобретению обрадовались все, а Вячеслав был просто в восторге. Мелодии с контрабасом звучали значительней, сочней.

На гитаре-соло играл Саша, молодой парень из Орджоникидзе. Он работал рабочим на складе турбазы. Сашка был фанатом гитары.

Когда минчане уехали, вновь созданный ансамбль приступил к работе. Ансамбль называли «Эллада». По вечерам они играли в ресторане. Это одновременно была и работа, и учёба.

Каждый из них старался, и получалось совсем неплохо. Песни, в основном, пел Вячеслав, иногда все вместе. В ресторан по

вечерам стекались местная публика и жители соседней Щебетовки и Феодосии.

Ресторан всегда был заполнен до отказа. Интерьер, хорошая пища, музыка, располагающая обстановка привлекали в «Элладу» массу народа.

Места заказывали заранее. Ну, а с открытием ресторана всегда находились люди, которые желали попасть в ресторан во что бы то ни стало, хоть на приставные места.

Официанты мотались, как заводные. Ансамбль старался быть на высоте. Музыканты выискивали новинки. Тут же разучивали. Благо, у всех был опыт работы с туристами, где и в походах, и после разучивались полюбившиеся песни. Пошли заказы.

Зимой состав обновился. Ушёл Миша Горбатов. Он стал чаще попивать, и его забрала из ансамбля жена.

Вместо него пришёл пианист Володя Колегаев. Раньше он работал инженером-кораблестроителем в Феодосии, а затем перешёл работать экскурсоводом. По договоренности с директором Колегаева и его семью поместили жить во втором корпусе. До этого он снимал жилье в посёлке. Музыкант он был отличный и уже имел опыт работы по кабакам. Однако он имел вредную привычку – пить на работе.

Придя вечером на работу, начинали первое отделение. Разыгрывались потихоньку, опробовали новые вещи. Ресторан заполнялся посетителями. Народ ел, пил, разговаривал. Разогретые выпитым, потихоньку поднимались отдельные пары и шли танцевать на площадку перед эстрадой.

В перерыве Колегаев подходил к буфету и выпивал стаканчик вина. Обычно после второго перерыва музыкантов кормили. Однако Колегаев предпочитал не есть, а выпить стакан вина.

Когда вновь садились за музыкальные инструменты, Колегаев надевал чёрные тонкие перчатки, чёрные очки, ставил газету на фортепьяно и садился играть. Вначале всё это проходило. Думали, что Колегаев просто выпендривается, пропустив несколько стаканов. Однако Колегаев действительно читал газету. Со временем его выпивки стали отрицательно сказываться на игре ансамбля.

Он стал не попадать в ритм, играть не ту мелодию. Начал всех здорово подводить. Разговоры с ним ни к чему не приводили. В один из вечеров, после сорванной работы, Вячеславу пришлось с ним резко поговорить. Он «полез в бутылку», и Вячеслав просто набил ему морду, предупредив, что уберут его из ансамбля. На следующий день Коллегаев появился на работе трезвый, но в чёрных очках.

К его причудам уже все были привычны, поэтому не обратили на это никакого внимания. И играл он чётко и даже здорово. Видно было, что ему и самому понравилось, как у него получалось. Но когда в перерыве в курилке он снял очки, все увидели под глазами огромные синяки.

В горячке Вячеслав перестарался, а может, у него от пьянки были слабые кровеносные сосуды. Но, в любом случае, это ему пошло на пользу. Какое-то время работали без срывов. Зимой отработали на танцах на турбазе. Летом в июне подъехали музыканты из Минска, Алик Ванштейн, он играл на кларнете. И как играл! Ведя мелодию, он потихоньку разбирал кларнет.

Вячеслав перешёл на ударные инструменты, а на бас-гитаре играл Яша Левин. За фоно остался Коллегаев. Опытные музыканты хорошо повлияли на качество игры. С посетителями работал Вячеслав.

Вот тогда в Планерское приехал Алексей Козлов, пианист и саксофонист. Саксофон в Союзе тогда был редкостью. В некоторых музыкальных заведениях были запрещены аккордеон и саксофон.

Но Алексей был фанатом саксофона и уже тогда здорово играл. Ему принадлежит идея и создание группы «Арсенал», которую он начал создавать в 1972 году. Ему очень долго пришлось искать музыкантов, которые бы подходили ему по духу и классу игры.

Алексей Козлов был и остаётся лучшим среди импровизаторов. А импровизация – это искусство. Научиться искусству импровизации невозможно. Это особый талант. Или он есть, или его нет.

Поэтому и создать джаз-рок-коллектив Алексею было трудно. Однако поиски музыкантов увенчались успехом. Находясь в Планерском, он приходил в ресторан. Днём он занимался на фоно. Официантки ворчали на него, а порой и не пускали. Вячеславу при-

ходило твёрдо останавливать их. Вечером Алексей играл с ансамблем, выдавая свои импровизации. С тех, уже далёких времен, они и знают друг друга.

Алексей Козлов и сейчас приезжает в Коктебель.

В 2002 году они встретились с ним в литературно-музыкальном салоне «Богдан». Тогда Алексей подарил ему свою книгу «Козёл на саксе» и сделал замечательную надпись: «Слава! Это тебе, на память, как контрабасисту от саксофониста! Твой Лёша. А. Козлов».

Состав ансамбля постоянно менялся. Одни уезжали, другие приезжали.

В ансамбле появился Жора Мельничук – баянист, весельчак, рубаха-парень, заводила. Работать с ним было легко. Он никогда не спорил, а с улыбкой наяривал на баяне залихватские ресторанные песни. Всем оставалось включаться и забывать о размолвках, которые часто возникали у музыкантов.

Вячеслав не помнил, как попала к ним эта песня, но они сделали её своей музыкальной эмблемой.

Текст песни:

Цвели дрова, цвели дрова на диком Севере,
Осёл задумчиво завёл аэроплан.
Он приземлился на бамбуковое дерево,
А сам пошёл гулять в «Элладу»-ресторан.

В том в ресторане, разодетый полным шиком,
Сидел медведь горбатый без волос.
Он напевал себе под носом «гоп со смыком»
И зайцу пьяному совал он что-то в нос..

Рояль играла, плакала гитара,
Колхозный бык растягивал баян.
Там лев с коровой танго танцевали,
Чечётку бил парализованный баран.

А воробей, совсем не зная меры,
Ментяру взял на свой колган,

А тот упал на пьяную собаку,
А воробей стащил с него наган.

Музыканты переделали её на свой лад, и часто с успехом исполняли. Жора прямо светился во время игры. У всех поднималось настроение, переходящее из разряда рабочего в праздничное. Это сказывалось на общем настроении. Народ был доволен, народ веселился. Советские граждане расслаблялись по полной программе.

«Эллада» располагалась рядом с корпусами, в которых отдыхали приехавшие в Планерское граждане. Отбой на турбазе объявляли в 23 часа, и всё должно было затихать. Корпуса закрывались. Музыка из ресторана не должна быть слышна совсем.

Однако бывали моменты, когда народ, разгулявшись, не хотел уходить. И тогда, сообщая с посетителями, проводили производственное собрание.

Выглядело это так. Вячеслав задавал вопросы, а зал отвечал:

– Буфетчицу оставляем?

– Да! – дружно отвечал зал.

– На кухне двоих работников оставляем? Закуски надо подавать?

– Да! – отвечал зал.

– Музыкантов оставляем? – задавался провокационный вопрос.

Зал дружно гудел. Это само собой разумеется.

– Тогда играть будем шёпотом. Согласны?

– Согласны! – ревел зал.

– Что же вы делаете? Нас сейчас всех разгонят, – произносил он тихо в микрофон. – Ответьте шёпотом. Будем гулять тихо?

– Да-а-а, – протяжно и совсем тихо отвечал зал.

И ансамбль начинал играть совсем тихо. И удивительно – народ выходил танцевать, и всё было в норме. Руководство турбазы знало об этих задержках, но смотрело на это сквозь пальцы. Жалоб не было, да и выручка ресторана была высокая.

Когда сейчас Вячеслав слушал рёв, доносящийся из всех кафе одновременно, он с благоговением вспоминал те далекие времена и ту разумную, нормальную публику, умеющую отдыхать спокойно, без убийственных децибелов.

Такие тихие гулянья порой затягивались до 2-3 часов ночи. Никто не расходился. Всем было хорошо. После закрытия ресторана народ растекался по ночному посёлку.

Начинались ночные купания. А с погранпоста, где находилась прожекторная вышка, пограничники ярким светом прожекторов освещали берег, выхватывая лучом купающихся голяком отдыхающих.

Особенно подолгу луч задерживался на обнажённых женских телах. Музыканты знали, что на вышке у пограничников стоит мощный бинокль, через который они ведут наблюдение. Так же тщательно пограничники прощупывали лучом Кара-Даг, медленно проводя луч по скалам, на побережья, затем вдоль побережья у гор и задерживая его на вершине. Зрелище было прекрасным. Все с восхищением смотрели на это действие.

То и дело слышались довольные возгласы. Картины открывались действительно удивительные. Они были яркими, запоминающимися, радующими человека.

Ресторан «Эллада» посещали очень интересные люди. Многие запомнились надолго.

Тогда в Планерское часто приезжал поэт Женя Евтушенко.

Чувствовал он себя свободно и раскованно. Женя ходил в рубашке из американского флага, демонстрируя своё пренебрежение к устоям Советского государства. Штаны у него были четырёхцветные. Но всем казалось, что это просто был выпендрёж. Он делал всё, чтобы на него обратили внимание.

Евтушенко часто приходил в ресторан. Одно время он проводил время с группой балерин из Большого театра. Они обычно сидели в конце зала. Девочки так расслаблялись, что лезли танцевать на стол. Официантки их урезонивали, как могли.

Затем Женя стал появляться в ресторане с женщиной по имени Галина. У них был роман. Она была женой известного режиссера со знаменитой фамилией. И Женя увёл её у режиссёра. Приходя в ресторан, Женя через определённое время подходил к эстраде. Доставал из кармана смятые деньги, бросал на барабан и говорил:

– Сыграйте мне мелодию из кинофильма «Мужчина и женщина».

Это знаменитый французский фильм, который тогда был популярным. Затем Евгений Евтушенко со своими протестами, которые почему-то прощало ему КГБ, уехал в Америку. Много лет спустя в литературно-музыкальный салон зашёл проведать Вячеслава Михаила Задорнов. Михаил давно и преданно любил Коктебель. Тогда они долго проговорили, вспоминая прошлый Коктебель. В какой-то момент Михаил вышел на крыльцо и начал кому-то звонить. Состоялся такой разговор: «Ты знаешь, где я сейчас нахожусь?» – спрашивал Михаил. Человек, с которым говорил Задорнов, что-то отвечал. Затем последовал ответ Михаила: «Я сейчас в гостях у Ложко в литературном салоне». На другом конце провода последовала реакция на сказанное, и Михаил произнёс:

– Бросай всё и приезжай.

Закончив разговор, он сказал:

– Я звонил Женьке Евтушенко в Америку. Он кричит, что тоже хочет в Коктебель.

Запомнился ещё один посетитель «Эллады».

Однажды в ресторане появился бородатый мужик. Пройдя прямо к ансамблю, он спросил:

– Знаете ли вы песню «По диким степям Забайкалья»?

Вячеслав знал эту песню и пел её в компаниях. А кто тогда не знал эту песню? Правда, эта песня – не ресторанный. Он положил на барабан десятку и пошёл к столику. Учтывая то, что музыкантам за заказ тогда давали мало, от рубчика до тройка, десятка была щедрым даром.

В то время «парнас» за исполнение любимых песен не приветствовался. Вообще, в то время надзорные органы вели суровую борьбу с «парнасом» и не позволяли исполнять песни на заказ.

Руководство требовало репертуар, утверждало его, и отклоняться от репертуара нельзя было. Так как Планерское находилось на отдалении от столичных городов, то здесь всё с «парнасом» было легче, хотя директор ресторана пыталась прищучить музыкантов. Однако они умудрялись незаметно работать с клиентами.

А тогда, смахнув с барабана десятку, начали исполнять «По ди-

ким степям Забайкалья». Каждый раз, приходя в ресторан, бородатый заказывал эту песню.

Так продолжалось, пока не закончился его отпуск и он не уехал к себе в Сибирь в Забайкалье. У Вячеслава всегда была хорошая память на лица.

Однажды в середине лета, уже в следующем году, он увидел поднимающегося по лестнице бородатого мужика. Это был их клиент. Он медленно шёл по залу, с интересом разглядывая публику. Вячеслав дал команду музыкантам, а сам тихонько начал петь: «По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах»...

Бородатый удивлённо поднял голову, широко заулыбался и, ускорив шаг, направился к эстраде. Вячеслав продолжал петь. Подойдя к барабану, он достал из кармана пачку пятёрок и положил её на барабан. Окончив играть, стали ему говорить, чтобы он забрал деньги, но бородатый твердо заявил: «Я так хочу».

И позже, когда он приходил в ресторан, его радовали исполнением его любимой песни.

Были и ещё очень приметные посетители.

В Планерское любил приезжать житель Еревана, армянин. Музыканты знали его любимую песню. И когда он появлялся в ресторане, а приходил он всегда с большой компанией, в основном женской, тихонько начинали ему петь: «Оф дуге рецьк, инче мотецар. Сартыс гах ныке, инчу имомсар». Это армянская песня о любви. Не брались отвечать за точность передачи этой песни..., но восторгам армянина не было конца. Он буквально осыпал ансамбль своими щедротами.

Людам всегда нравится, что их помнят, что их узнают, и они бывают за это очень благодарны. Посещал ресторан и ещё один удивительный посетитель из Кабардино-Балкарии, из города Нальчик. Высокий, стройный, красивый. Он пришёл в ресторан с роскошной молодой женщиной. Это было в конце августа. В ресторан они ходили каждый день. Он заказывал для неё музыку, и они, обнявшись, танцевали.

Потом он внезапно исчез, а его избранницу видели в посёлке всё время одну. Кабардинец появился дней через пять и вновь пришёл в ресторан со своей красавицей.

Музыкантов заинтересовало его походжение.

Однажды вечером, уже после работы, они сели за столик выпить и отдохнуть. Кабардинец подошёл к ним. Он хотел их угостить. Разговорились и услышали такую историю. Надо сказать, что уже шёл сентябрь.

Папа кабардинца занимал должность директора хлебозавода в Нальчике. Он дал сыну денег на покупку автомобиля, и тот ехал в Запорожье. Как он завернул в Крым, непонятно, но в Планерское он попал, и, притом, накрепко.

Встретив здесь молодую красивую женщину, кабардинец был для чего и куда он ехал. Когда и на этот раз кончились деньги, кабардинец поехал на поклон к отцу.

Очевидно, он был любимым сыном, потому что деньги он получил опять и вновь приехал в Планерское. На этом история с покупкой автомобиля не закончилась. Прогуляв, по сути, вторую машину, он вновь резко укатил в Нальчик.

Его избранница приходила в ресторан, садилась за столик недалеко от эстрады и неспешно ужинала. Разговорились с ней, и она поведала. Кабардинец ненадолго поехал домой, а её настойчиво попросил, чтобы каждый вечер приходила в ресторан и была у музыкантов на виду. И вот буквально через неделю кабардинец появился в ресторане. Его избранница уже была в ресторане и сидела за столиком возле эстрады.

Увидев его, она вся засияла, а он уже летел к ней, широко расставив руки. Объятия, поцелуи, возгласы восторга. Он тут же заказал нам песню о любви.

Кабардинец вновь за машиной поехал. Он сказал, что не может уехать из Планерского, так ему здесь хорошо.

Он со своей избранницей отправил письмо к ней домой. Она была откуда-то из России. В письме они изложили просьбу рассчитать её с работы и собрать все документы. Документы выслать по адресу, который она сообщит позже.

Уезжали из Планерского они вместе, но уже не за машиной, а домой в Кабардино-Балкарию, в Нальчик. Они приходили прощаться.

– А как же отец? Что он скажет? – спросили кабардинца.

– Всё в порядке. Я звонил отцу. Он меня понимает.

И они укатили в Нальчик, в новую жизнь.

Как-то осенью в ресторан зашли двое мужчин спортивного телосложения. Они расположились за столиком возле эстрады. Сделали заказ, выпили. Так они появлялись каждый вечер. Однажды они пришли втроём. С ними была молодая симпатичная женщина.

Мужчина помоложе танцевал с ней, оказывал ей знаки внимания. Он начал подходить к эстраде, заказывать музыку. Познакомились. Узнали, что на отдых приехал известный велосипедист, мастер спорта СССР, со своим тренером. Велосипедист познакомился в Планерском с девушкой и увлёкся ею очень сильно.

В то время в ресторанах звучала популярная песня «Серый волк». Приходя в ресторан, «велосипедист» заказывал эту любимую ему песню. Что она ему напоминала?

Однажды они вновь появились в ресторане. Танцевали мало. Пили, ели, говорили.

Почти под конец вечера «велосипедист» подошёл к ансамблю. Он положил на барабан приличную сумму денег и сказал:

– Сыграйте «Серого волка» 20 раз подряд.

Все, конечно, удивились такому заказу, а два человека из состава начали отнекиваться.

– Смотрите, в ресторане народу совсем мало. Это будет похоже на репетицию, – произнес Вячеслав.

И, в конце концов, все согласились исполнять песню.

При первых звуках музыки на площадку стали выходить люди и танцевать. Надо сказать, что эта песня была заказной. Безболезненно отыграли её пять раз. Но когда она начала звучать дальше, посетители ресторана начали удивлённо смотреть на эстраду. И тогда в голову пришла мысль: пояснить действия ансамбля.

– Мы вас любим и уважаем и не можем не выполнять отдельные просьбы наших клиентов, – говорил в микрофон Вячеслав. – Думаю, вы нас поймете и не осудите, но мы должны сыграть эту вещь 20 раз, – продолжил он.

Их поняли и не осудили. Ещё был интереснейший случай.

В ресторане во время танца познакомилась женщина и мужчи-

на. Вячеслав исполнял песню «Друзья, купите папиросы». У этой пары завязался курортный роман.

Они зачастили в ресторан каждый вечер.

Познакомились с ними. У каждого была семья. Он был из Харькова, она – из Донецка. Любовь у них была сильная. Прошло время. Начался новый курортный сезон. Однажды в ресторане появился он. Поздоровался с музыкантами и сказал, что приехал отдохнуть со своей семьёй.

В один из вечеров в ресторане появилась и его курортная любовь. Она была с мужем. Так вышло, что они, каждый со своим партнёром, пошли танцевать. Они поглядывали друг на друга и ничего не могли сделать. Вячеслав остановил песню и тут же начал исполнять «Друзья, купите папиросы».

Он не выдержал, подвинулся со своей женой к своей любимой, потом повернулся и похлопал по плечу мужа женщины. Тот удивлённо повернулся.

– Разрешите поменяться, – произнес он.

Муж женщины смотрел удивлённо, не зная, что предпринять.

Друг, увидев ситуацию, догадался похлопать соседнего мужчину по плечу, чтобы поменяться партнёрами. Тот быстро согласился. Ситуация была разряжена.

Они прижались друг к другу, не обращая внимания на остальных. Они оба с благодарностью смотрели на Вячеслава, а он им спел ещё пару куплетов песни дополнительно.

В ресторане часто появлялся капитан третьего ранга. Он вернулся из дальнего похода и всю жизнь наслаждался жизнью. В ресторане он всегда появлялся с двумя женщинами. Подвыпив, он шёл с ними же двумя танцевать. Через некоторое время он направлялся к ансамблю и заказывал свою любимую песню:

А я бросаю камушки с крутого бережка

Далёкого пролива Лаперуза...

Так продолжалось каждый вечер до тех пор, пока у него не заканчивались отпуск и финансы.

В то время по ресторанам звучала очень популярная песня «Мясоедовская». Она звучала в отдельных ресторанах, но в городах её исполнение придерживали. В Планерском пели её свободно.

Как-то к музыкантам подошли два здоровых мужика. Один из них положил десятку на барабан и заказал «Мясоедовскую». Они сели за столик музыкантов, заказали по 100 грамм. Выпили, прослушали песню и ушли. Так повторялось каждый вечер. Заинтересовались, что за мужики. Оказалось, это были мясники из Харькова.

Так они отмечали своё присутствие в ресторане, убегая от жён.

И ещё не раз ресторан «Эллада» приносил много интересных встреч и событий.

Шли годы. В посёлке построили новый ресторан «Кара-Даг». Потом на побережье стали возникать кафе и всякие заведения для гуляния и отдыха.

Ресторан переделали на обыкновенный пищеблок.

И больше нет традиций, памяти о людях и больших чувств. Всё растеклось по побережью.

Но не всё шло нормально. В посёлке были свои беспредельщики. Четыре здоровых лба часто задирались к приезжим и устраивали драки. Их почему-то всегда отмазывала милиция. Мама одного из них работала шеф-поваром, имела возможность заступиться за своего великовозрастного балбеса. Мать второго работала администратором, а её сестра – в поссовете. Тоже влияние на местную милицию.

Эта четвёрка заходила в ресторан и устраивала дебоши. Их поведение никого не устраивало, и Вячеслав вмешивался, чтобы их урезонить. В один из вечеров, выйдя из ресторана после работы, он наткнулся на двоих из этой компании.

– Надо поговорить, – остановил его один из них.

– Не о чём нам разговаривать, – твёрдо ответил Вячеслав.

И тогда желающий поговорить схватил его за ворот рубашки. Дёрнув к себе, порвал её. Второй набросился тоже. Вячеслав с разворота завалил его на землю. Но верзила лез на него с кулаками. Рядом стоял железный мангал и какой-то деревянный ящик.

Ящик попался под руку Вячеславу, и он, расвирепев от наглости так называемых блатных, начал бить этим ящиком верзилу – сына шеф-повара. Бил с яростью и остановился, когда тот свалился на землю. Всю драку от начала до конца видел электрик турбазы, и он же – дружинник. Он ещё и урезонивал нападающих, но безрезульт-

татно. Кто-то доложил матери верзилы, и она с воплями выскочила из ресторана, бросилась защищать сына. Она орала благим матом:

– Я тебя посажу, бандит!

На уговоры, что её сын с другом сами затеяли драку, она не реагировала. На следующий день его вызвали в милицию и начались неприятности.

«Всё, – подумал Вячеслав. – Полоса белая кончается».

В этот раз вмешался директор. На удивление, разобравшись во всём, он остановил милицию. Когда-то он работал в КГБ, и у него кругом были свои люди.

Турбаза работала круглогодично. По профсоюзным путёвкам отдыхать на турбазу в Крым ехали со всего Союза. Много гостей было из Сибири. Народ был в основном трудовой, не разбалованный. Приехав из мест, где уже были холода и настоящая зима, попав в благодатный климат Восточного Крыма, они купались в неге.

Посещали все экскурсии, походы, мероприятия. В одной из столовых убрали столы и сделали танцевальный зал. По вечерам ансамбль «Эллада», которым руководил Вячеслав, играл в этом импровизированном танцзале. На турбазу приезжали отдыхать работники одного из закрытых предприятий из Арзамаса-16. Был и есть такой город. У этого предприятия был подписан договор с турбазой на постоянной основе.

Так вот, работники турбазы ездили в Арзамас покупать легковые автомобили согласно установленной очереди. Подошла и очередь Вячеслава. В далёкий путь, а это было за городом Горький, он отправился с Валентином Ягодкой. Они познакомились на турбазе, сошлись семьями. Валентин работал поваром на турбазе, но прекрасно разбирался в автомобилях. Оформив короткий отпуск, они отправились в путь. Вячеслав прихватил с собой пять бутылок коктейбельского коньяка «Крым». Слава об этом коньяке разнеслась по всему Союзу.

На заводе работали энтузиасты и мастера своего дела. Продукцию выпускали отменную. По приезду в Арзамас они разместились в небольшом деревянном доме для приезжих. Дом находился в соновой роще в посёлке за городом.

В город можно было заезжать только по специальным пропускам. Созвонившись с председателем профсоюза завода, они получили указание, что делать. Нашли здание поселкового клуба, в нём происходили все мероприятия по оформлению машин. Наутро из Арзамаса к зданию клуба подогнали несколько машин: «Москвичи-412» и один «Запорожец». Вызывали пофамильно. Люди, приехавшие за машинами, оформляли документы и забирали свои машины. Остался один лишний «Запорожец».

– Ну, чего ты? Иди, оформляй, – говорил Валентин.

Вячеслав совсем не хотел брать эту машину. Они с Валентином, двое крупных мужчин, не представляли, как в него влезут. Войти эту машину он, конечно, научился. Они с Валентиной начали ходить на курсы водителей в Щебетовке. Тренировались на «Запорожце» Станислава Чулака, преподавателя физкультуры из школы местной, планерской.

На курсах училась и жена Стаса Татьяна, и он их из Планерского привозил на занятия и забирал. Так что опыт вождения «Запорожца» у Вячеслава был.

Покрутившись и поняв, что делать нечего, надо забирать, он оформил документы. Уже темнело. Они сели в машину.

– Дай, я сяду за руль, – произнёс Вячеслав.

– Да уже темнеет. У тебя опыта водительского нет.

– Всё, я поведу, – твёрдо сказал Вячеслав.

Уселись. Он завёл машину, и они поехали по пустынной улице. Чуть разогнав машину, Вячеслав на ходу включил заднюю скорость. Раздался треск, но машина ехала. Он развернул автомобиль в обратную сторону, остановился.

– Садись за руль, – кивнул Валентину.

Валентин сел за руль.

– Поехали, – скомандовал Вячеслав.

Они двинулись. Машина ехала по улице с оглушительным треском. Они подъехали к клубу. На пороге уже стояли работники, которые пригоняли машины из города и оформляли.

– Что вы мне за машину дали? Она же неисправна.

За руль сел один из гонщиков. Он завёл машину и поехал с гро-

хотом по улице. Сразу же вернулся. Выйдя из машины, он спросил одного из гонщиков:

– А сколько раз её сюда пригоняют? На спидометре уже двести семьдесят километров накручено. А дорога от нас сюда – всего семь километров.

– Но других машин нет, – ответила товаровед.

Они зашли в помещение сделать отмену продажи. Разговорились. Вячеслав достал бутылку коньяка. Красиво оформленная бутылка произвела впечатление. За разговорами они осушили божественный напиток. Достали вторую. И тут женщина товаровед сообщила:

– Приехал поезд с машинами. Подвезли «Москвичи-412». Но завтра и послезавтра – выходные. Разгрузка начнётся только в понедельник.

Задерживаться им было нельзя. В понедельник, в крайнем случае, во вторник надо было выходить на работу. Тогда с дисциплиной всё было строго. Каждый понимал и осознавал меру своей ответственности. После осушенной второй бутылки коньяка, отзываясь на просьбу Вячеслава, товаровед сказала:

– Ладно, я завтра встречусь с председателем профкома и попробую его уговорить, чтоб он организовал разгрузку.

На том и порешили.

– А можно, я заберу эти пустые бутылки? – спросила товаровед.

– Да, конечно, что за разговор.

Бутылки были сделаны вроде маленьких бочонков с горлышком вверх. Плюс красивые этикетки. Вячеслав, когда все вышли, а женщина задержалась, собирая бутылки, положил незаметно в пакет с бутылками непечатую бутылку коньяка. Суббота прошла в томительном ожидании. Вестей из города не было. Лишь под вечер дежурная по гостиничному дому сказала им, что позвонили из города и просили передать, что всё получается. Завтра утром им пригонят машину. Часов в 9 утра к гостевому дому подъехал новенький зелёный «Москвич-412».

Из него вышел председатель профкома. Его знал Вячеслав. Они встречались в Крыму на турбазе «Приморье». Он сказал сколько надо денег и отдал все товарно-транспортные накладные. Заплатить надо было 7200 рублей. Вячеслав доложил ещё 500 рублей. Однако

председатель профкома, пересчитав деньги, сразу же вернул лишнее Вячеславу.

– Да это я в знак благодарности. От души даю, – уговаривал он.

– Ни в коем случае. Нет и всё. Никаких разговоров, – твёрдо стоял на своём председатель профкома.

Вот такой тогда был народ, не бросался на дармовые. Подошёл Валентин. Они вдвоём уговорили человека взять хотя бы бутылку коньяка:

– Угостите тех, кто вам помог разгрузить машину и доставить её сюда.

Пожали руки и расстались. Валентин поднял капот и начал всё проверять. Масла было совсем немного, да и бензина тоже. Но их об этом предупредили. Собрав вещи и погрузившись, отправились в путь. Началось испытание легендарной машины. Взять масло для двигателя негде было. Они подъехали к зданию мастерских и начали спрашивать о масле. Один из работающих сказал, что масло есть у сверлильного станка. Там сверлили детали, и в масле могла быть стружка.

– Вот, сливайте, – показал рабочий.

Они нашли пустую банку, тряпку и стали через неё сливать масло. Не идеально, но вроде получилось. Залили масло в двигатель, ещё и осталось. Узнали, где заправка и двинулись в путь. Заправили полный бак и взяли курс на Горький. До города было пятьдесят километров. Валентин ехал осторожно, не превышая скорость, до 80 км/час.

– Дай, я поведу, – обратился Вячеслав.

Валентин отговаривал, но Вячеслав настоял:

– Где я ещё поведу, как не на этой незагруженной дороге?

Сев за руль, попробовал все скорости и плавно отпустил сцепление. Ехал вначале осторожно, но через некоторое время, уловив, что машина хорошо слушается, расслабился и прибавил скорость. Валентин то и дело притормаживал его:

– Не торопись. Идёт обкатка.

Подъезжая к Горькому, за руль сел Валентин. Город обошли объездной дорогой. За городом вновь поменялись местами. Одна-

ко, перед Москвой Валентин решительно взял управление в свои руки. Решили в Москву не заезжать и не тратить зря время. Пошли в обход. Уже прилично стемнело, когда они выехали на трассу, ведущую на юг. Когда Валентин начал кунять за рулём, Вячеслав, пообещав, что будет ехать потихоньку, сел за руль.

Ночная езда ему совершенно была незнакома, а встречные машины всё шли и шли вереницей. Это держало в напряжении. Он интуитивно жался к правой стороне.

– Давай съедем на обочину и поспим немного, – просил Валентин.

– Да нет. Будем ехать, ты дремай, – ответил он.

Валентин со сном сражался недолго и через некоторое время засопел.

Вячеслав, почувствовав ослабление контроля, прибавил скорость и держал её на спидометре 90 км/час. В какой-то момент он понял, что проваливается в сон. Было около трёх часов ночи. Он осторожно съехал на обочину под деревья и заглушил мотор. Валентин спал крепко.

Откинувшись на подголовник, Вячеслав с удовольствием прикрыл глаза, и через некоторое время он провалился в сон. Прошло совсем немного. Он очнулся. Открыл глаза. Серело. Наступало утро. На часах было четыре часа двадцать минут. Открыв дверцу, вышел из машины. Посмотрел трассу в оба конца. Дорога была пустой. Видно, в это время все водители – на отдыхе. Обошёл машину со всех сторон, погладил её и тихо произнёс:

– Молодец. Хорошо идёшь.

Обращался он к «Москвичу» как к живому существу. И впоследствии ещё не раз ему приходилось разговаривать с машиной, если что-то случалось с мотором. И машина его слушала. Заводилась и ехала, как будто понимала, что именно так и надо делать. Сколько раз «Москвич» спасал ему жизнь своей надёжностью, крепостью и выносливостью! Вячеслав часто ездил в Днепродзержинск к матери и отцу.

Обычно, чтобы не терять время, ехал ночью, а дневное время тратил на всякие необходимые дела. Конечно, езда ночью – это было опро-

метчиво, но он так приучил свой организм. Несколько раз он попадал в аварию, но именно машина с её «стальным» корпусом всегда спасала его. Он переворачивался на ней, горел. А затем, поставив машину на колёса при помощи водителей, вставлял ключ в замок зажигания и без стёкол с повреждёнными дверьми и капотом продолжал ехать.

После ремонта и покраски он выходил на своём знаменитом «Москвиче» в рейс. О машине стали складывать легенды, как о человеке. Неоднократно было замечено такое интересное явление. По каким-то причинам, а их всегда полно, машина останавливалась. Позаглядывая под капот, потрогав контакты, Вячеслав садился за руль, но «Москвич» не заводился. Тогда Вячеслав, положив руки на руль, начинал с машиной разговаривать.

Он гладил правой рукой доску приборов, руль и произносил:

– Надо ехать, дорогой. Ремонтироваться и отдыхать будем дома. А сейчас надо ехать.

И поворачивал ключ зажигания. Двигатель заводился и начинал урчать ровно и размеренно. Вячеслав выжимал сцепление, включал скорость и плавно трогался с места. И машина не подводила. Работала и работала. Что странно, её по приезду осматривали и говорили, что ничего не надо ремонтировать. Всё в порядке. Видно, в определённый момент «Москвич» проявлял характер, чем-то недовольный в пути.

Доходило порой до смешного. Вдруг в городе он останавливался. И ничего не помогало его завести. Тогда Вячеслав брал молоток, поднимал капот и легонько бил по стартёру. Шёл в кабину, поворачивал ключ зажигания, и двигатель заводился. Так случалось несколько раз. Однажды, когда машина закапризничала вновь, Вячеслав полез в багажник и вместо молотка взял попавшуюся ему в руки кувалдочку. Он перешёл к передней части машины. Поднял руку с кувалдой.

– Ну что, будешь заводиться? – задал он вопрос.

За рулём сидел его товарищ. То ли он не услышал, то ли понял, что ему дали команду заводить, он повернул ключ зажигания. Двигатель завёлся.

– Что, испугался? – спросил Вячеслав вслух.

Это всё было на уровне фантастики. Но так случилось ещё раз.

И он брал кувалду. «Москвич» заводился без удара. А сколько на нём ездило народа? По каким горным дорогам он только ни проходил. К Чёртову пальцу он поднимался многократно в любую погоду, и притом без остановок. Когда у Вячеслава появилась другая машина, «девятка», он стал давать «Москвич» внуку. И тот мотался на нём с друзьями и по горам, и по холмам. Однажды отломал ручку переключения скоростей, но приехал домой, даже не придав значения тому, что в таком состоянии ехать было невозможно.

Знаменитый писатель, автор более двухсот произведений Виктор Пронин описал этот «Москвич» в своих произведениях «Брызги шампанского» и «Божья кара». Виктор Пронин предложил как-то Вячеславу:

– Давай сделаем пьедестал и на него поднимем «Москвич». Это легендарная машина.

– Предложение заманчивое. Но он ещё рабочий и послужит людям.

И машина действительно послужила людям ещё очень долго. Купили её в Арзамасе в 1972 году. В 2002 году Вячеслав отдал её своему приятелю в п. Ленино Алику, без всяких сделок. Просто подарил. С годами запчастей на «Москвич» накопилось столько, что хватило бы ещё собрать одну машину. Не мудрствуя лукаво, Вячеслав отдал все запчасти одному из рабочих, у которого тоже был «Москвич». Вместе с другими рабочими он что-то ремонтировал у Вячеслава во дворе.

Но это было потом, а сейчас, поговорив с машиной, он сел за руль, закрыл дверцу и мягко тронулся с места. Машина как будто понимала, что за рулём – неопытный водитель. Она двигалась без капризов и без сюрпризов.

– О! Где мы? – внезапно проснулся Валентин.

Он глянул на спидометр, по сторонам и спросил:

– Мы, что, всё время ехали? Не останавливались? Давай я сяду за руль.

Было около девяти часов утра. Они поменялись местами, и Вячеслав, зная опытность Валентина, закрыл глаза и попытался заснуть. Дорога подходила к концу. Они въехали на территорию Крыма. К семнадцати часам остановились у ворот Вячеслава. Встречать

их вышла Валентина. Через некоторое время собрались все вместе. Пришла семья Валентина Ягодки, и они во дворе дома под уютным навесом отметили приобретение.

О доме, в котором жила семья Вячеслава, особый разговор. В гостях у него побывали и Григорий Поженян, и Владимир Костко, и Анатолий Приставкин, и Виталий Татаринов, и Саша Юдахин. А музыкальный ансамбль из Белоруссии, который впоследствии стал ансамблем «Песняры» под управлением В. Мулявина, жил у него дома.

Но до постройки дома случился ряд событий, которые существенно повлияли на судьбу Вячеслава. Через пианиста ансамбля «Эллада» Володю Колегаева он познакомился со Славой Мирошниченко. Зная, что Вячеслав водил группы туристов по Кара-Дагу и в Старый Крым, Мирошниченко предложил ему освоить морскую экскурсию и подрабатывать здесь.

Кара-Даг Вячеслав знал уже отлично. И пару раз прошёл вдоль горного массива с Володей Колегаевым. Он быстро вошёл в тему. Экскурсии морские тогда проводились на знаменитом небольшом теплоходе, рассчитанном на сто человек, под названием «Витя Коробков». Капитаном теплохода был Александр Прудников – человек, досконально знающий своё дело. Они сработались. Об экскурсоводе пошла хорошая слава. И когда объявляли, кто поведёт экскурсию, теплоход быстро заполнялся.

Тогда же Вячеслав познакомился с Володей Купченко, который приехал в Планерское с Урала. Он устроился сторожем в дом Макса Волошина. Тогда ещё была жива жена Волошина Мария Степановна. Помимо уборки территории, её охраны, Володя занимался и библиотекой Макса. Вячеслав иногда приходил с ребятами в гости к Купченко. Они посещали дом и кабинеты. В. Купченко тоже водил экскурсии по Кара-Дагу, и даже в то время написал небольшой путеводитель, которым вначале все пользовались.

Колегаев предложил Вячеславу перейти работать в Феодосийское экскурсбюро. Там уже знали о том, что он владеет материалом о Планерском, Кара-Даге и Старом Крыме. Его прослушали на экскурсиях. Подсказали, на что обратить внимание, и приняли на ра-

боту. Он решил расширить сферу своей деятельности в экскурсиях. Он освоил маршрут Судак – Новый Свет. Рассказ для экскурсии он писал сам, добывая интересный материал.

Маршрут был освоен блестяще. Его ездили прослушивать методисты экскурсионного бюро и дали добро на выход на маршрут. В бюро познакомился с замечательными людьми: Октябриной Субботой, Валентиной Федотовой, Ларисой Тюриной, Камиллой Шадриной, Галиной Тауканец и многими другими. Экскурсоводами, в основном, работали женщины. Надо отдать им должное, свою работу они выполняли блестяще, и Вячеслав много почерпнул у них, выезжая с ними на экскурсии.

Следующим маршрутом экскурсионным был город 25 веков Феодосия. И он вновь засел за книги, собирал материал и сам писал себе текст экскурсии. Затем последовала очередная экскурсия в город-герой Керчь. Холм Митридат, краеведческий музей, Аджимушкайские каменоломни, Царский курган. Всё было освоено досконально, и он начал водить и этот маршрут.

Многочисленные маршруты требовали постоянного пополнения знаний о том, о чём приходилось рассказывать. Но он не только рассказывал, но и одновременно учился у экскурсантов. Он заметил такую деталь. Если он преподносил материал широко и обстоятельно, то тут же после его рассказа начинались рассказы экскурсантов. Всё новое он тут же записывал. Дома искал материал и, не затягивая, включал это в рассказ. Эффект получался отличный!

Так он от москвичей-экскурсантов узнал о том, что в Москве пошла волна интереса к поэту Серебряного века Осипу Мандельштаму. В библиотеке турбазы он нашёл отличный материал и тут же, проштудировав его, включил в свой рассказ. Это давало положительный результат.

На экскурсиях он познакомился со многими замечательными людьми. Он узнал писателя из Ленинграда Виктора Перепёлку и его жену Нину. Они подружились. Сошлись семьями. Виктор, прежде чем писать какую-нибудь вещь, собирал материал. И, в основном, не в библиотеках, а в жизни. Если он писал о лесорубах, он уезжал туда, где валили лес, и устраивался рабочим, пропуская

через себя эту профессию. Этой практикой он пользовался постоянно и широко.

Решив подробно написать о виноградарях, он приехал в Планерское и устроился рабочим на виноградники. Он попал как раз на период уборки винограда. Жил он у Вячеслава. В то время уже появилась возможность разместить его у себя. Он проработал всю осень. Зимой принимал участие в обрезке винограда. Набрав материала, он уехал домой в Ленинград писать.

Вячеслав ездил к Виктору и Нине в гости и с женой. Ленинград он любил. Он учился в институте физкультуры им. П.Ф. Лесгафта, и многое в городе ему было знакомо. Прошли годы. Они продолжали поддерживать дружеские отношения. Приезжали в Крым в гости всей семьёй, с женой и дочерью. Потом случилось несчастье. Виктор трагически погиб, но добрые, дружеские отношения с его семьёй сохранились на долгие годы.

И ещё одну замечательную встречу подарила ему работа экскурсовода. Он познакомился с молодой красивой парой – Григорием и Светланой. Григорий был худощав, подтянут, человек спортивного типа. Вячеслав обратил внимание, что они посещают все экскурсии, которые он водил. Они всегда интересовались подробностями заинтересовавших их сведений.

Григорий, как и Вячеслав, занимался боксом. Он достиг отличных результатов. Был в сборной Москвы. Помимо этого, он занимался хоккеем. И тоже на высоком уровне. Он был учёным-биологом. Они были удивительно высокоинтеллигентные люди. С ними было легко и просто. Так случилось, что долгое время они не виделись. Затем в какой-то период они приехали уже не в Планерское, а в Коктебель. И они встретились. Их добрые отношения переросли в крепкую дружбу.

Григорий Блехман остался надёжным, обязательным человеком. К несчастью, такие качества в людях редко встречаются. А эти качества в человеке Вячеслав особенно ценил. Дружба их продолжается и поныне..

Ещё одну замечательную встречу подарила ему работа экскурсовода. На экскурсии в Старый Крым у Армянского монастыря к

нему подошла молодая пара. Они познакомились. Его звали Георгий, а её – Екатерина. Поговорив по теме и о жизни, они отправились в обратный путь. После экскурсии они решили пропустить по стаканчику сухого вина.

В то время на побережье стояли передвижные бочки с сухим вином завода «Коктебель». Вино было отменное и стоило копейки. Стакан вина стоил 25 копеек. Они хорошо подружились. Георгий и Катя пригласили его в гости в Москву. И когда Вячеслав поехал к своей сестре Анне, он решил проведать и Георгия с Катей. Они сошлись, встретились. Они получили новую квартиру, в которой ещё не было и мебели. На кухне – стол, табуретки и кое-какая посуда.

Проговорили весь вечер. Ребята не отпустили его домой. На полу разложили матрасы и таким способом устроились на ночлег. И ещё не раз они встречались и в Москве, и в Планерском. Это был Георгий Тараторкин, впоследствии ставший заслуженным артистом, а его жена – Екатерина Маркова. Катя снималась в фильме «А зори здесь тихие». Впоследствии начала писать книги.

Георгий жил и учился в Ленинграде. Затем, став артистом, он работал в ТЮЗе. Был уже признанным артистом. Познакомились они у знакомых Кати. Георгий, увидев Катю, был пронизан чувством к ней мгновенно и навсегда. Такое бывает в жизни. Познакомились они в 1964 году. Катя была дочерью председателя Союза писателей Георгия Маркова. Всем известна его знаменитая «Сибириада», по которой снимался многосерийный фильм. Именно в этом фильме после долгого перерыва снялась Гурченко Людмила Марковна. Как она вошла в роль! Это было нечто...

Георгий жил в Ленинграде, а Катя – в Москве. Они мотались друг к другу. В 1974 году Вячеслав с ними познакомился. В это время Георгий уже переехал жить в Москву. В 25 лет Георгий стал лауреатом Государственной премии РСФСР. Екатерина снималась в фильмах: «А зори здесь тихие», «Дела сердечные», «Третий в пятом ряду». Она – член Союза писателей России, автор нескольких книг.

Георгий сыграл Родиона Раскольникова в фильме «Преступление и наказание». До этого он играл эту роль на сцене в театре. Луч-

ше, чем он, это сделать никто не смог. Будучи в Москве, Вячеслав накоротке встретился с Георгием в фойе театра Моссовета. Георгий собирался срочно куда-то уезжать. Больше они с ним не виделись. По своей сущности Георгий был аристократ. Этому соответствовало всё: манеры, поведение, стиль одежды, образ, мысль.

Его Раскольников потряс всех, и это – на долгие годы. Он был очень красивый человек. Совершенно не конфликтный и с добрым сердцем. Вячеслав с прискорбием узнал, что 2 февраля 2017 года Георгий ушёл из жизни.

О библиотеке турбазы «Приморье» надо сказать особо. Работала в ней специалист высшей категории не по официальному определению, а по определению её отношения к своей работе. Людмила Денисовна Сегеда была энтузиастом своего дела с головы до пят. Библиотека была прекрасно укомплектована книгами разных интересов. В ней можно было найти книги не только по краеведению и истории Крыма, но и почти всю современную классику.

В то время Вячеслав писал стихи в свою тетрадь. Правда, в Сибири в местной газете печатали его небольшие статьи о спорте. Иногда удавалось поместить какое-нибудь своё стихотворение. Постепенно у него набралось на небольшой сборник. Первая презентация его сборника проходила в библиотеке турбазы «Приморье» и организовывала её Людмила Денисовна Сегеда. А вела вечер Наталья Полковникова, внучка Крачковского, одного из друзей Макса Волошина.

В вечернее время Наталья Полковникова выходила на площадь перед столовой Дома творчества и начинала в голос декламировать стихи. Возле неё всегда собиралось много людей. Планирование всегда было заполнено пишущей братией, и, в основном, читающей публикой. И чтение стихов на площади всегда вызывало интерес. Тем более, что читала их Наталья Полковникова великолепно, просто завораживающе.

И вот когда проходила презентация сборника Вячеслава, она произнесла интересную фразу, будто бы её сказал Макс Волошин её деду: «Придёт время, и сюда прибудет поэт из Дальнего Востока прославлять литературную славу Коктебеля». В то время он не при-

дал значения этим словам. Но по прошествии лет он вспомнил эти слова...

Когда они с семьёй уже жили на территории турбазы, в туристических домиках, он как-то завёл разговор с директором о расширении жилья. Иосиф Борисович ему ответил: «К нам пришли сборно-щитовые дома, но в посёлке их поставить проблематично. Ищи место на территории турбазы».

Пройдясь по турбазе, он нашёл небольшое то ли озерцо, то ли болотце. Другого свободного места не было. Он показал это место директору, и тот разрешил ему заниматься этим вопросом. Вячеслав уже был знаком с Жорой Федотовым, мужем работницы экскурсбюро. Жора был директором завода «Стройдеталь». Он обрисовал ему ситуацию, и Георгий буквально за пару дней решил этот вопрос. Он прислал машины со щебнем и строительным мусором. Дал также трактор. Рабочие справились отлично. Через неделю была готова площадка.

Вячеслав пошёл за разрешением перевезти сборно-щитовой дом на площадку. Директор с профсоюзным деятелем пошли, посмотрели всё, и на профкоме разрешили строить дом, но одновременно они вынесли решение выделить часть участка шофёру турбазы Бокарёву, коммунисту, который стоял тоже на расширение. Конечно, жалко было готовую площадку отдавать, да и участок уменьшался вдвое. Но поднимать шум он не стал, понимая, что всё может сорваться.

Ему помогли сделать фундамент, а затем установить коробку дома. Он усиленно начал строить. Сделали простенки, потолок. Помогать приехали из Днепродзержинска отец и мать. На потолок, на стены били дранку, затем штукатурили. Дом приобретал жилой вид буквально на глазах. И тут сосед пошёл жаловаться на Вячеслава. Мол, его сторона растёт, а со стороны Бокарёва никто ничего не делает.

Вячеслав нанимал турбазовских строителей и оплачивал им работу, а сосед думал, что они были обязаны строить и у него. Но когда шла стройка дома, директор часто обходил турбазу и видел, что и Вячеслав, и его жена Валентина, и родители всё время в работе. Об

этом он и сказал Бокарёву: «Надо не лениться и не ждать, что тебе построят, а работать самому». В готовый дом семья перебралась из маленького туристического домика быстро и с радостью. Начали обживать на новом месте.

Из подсобных материалов он слепил у самого забора три кладовочки. В центре двора установил большой стол. Сделал навес. За этим столом впоследствии перебивало много интересного народа. В этом доме всегда были рады хорошим людям. А сколько интересных событий случалось в этом доме!

Вячеслав водил экскурсии. Особенно ему нравилось ходить в горы, и он с удовольствием шёл на проведение экскурсий по Кара-Дагу.

Однажды ранним летним утром, проснувшись, он поспешил помыться и привести себя в порядок. С удовольствием выпил крепкого чаю и отправился на причал. В 7 часов от причала отошёл экскурсионный катер на «Крымское Приморье». Там он высадил группу экскурсантов, которую пешком повёл через Кара-Даг.

Шли берегом моря. Рядом с ним семенила четырёхлетняя дочурка. Она – загоревшая, плотненькая, крепенькая. С вечера просилась с ним пойти. Пообещал.

И вот теперь они топали вдвоём к причалу. На причале много народу. Все спешат на посадку.

Прошли с дочерью в капитанскую рубку. Поздоровались с капитаном и командой. Через несколько минут катер отвалил от причала и взял курс на «Крымское Приморье» вдоль Кара-Дага.

Он любил этот край, хорошо знал его и поэтому с удовольствием рассказывал экскурсантам о нём. Время шло быстро. Показался причал «Крымского Приморья».

– По приходу теплохода тем, кто идёт в пешеходную экскурсию по Кара-Дагу, собраться у причала, – объявил экскурсантам.

Теплоход причалил. Люди покидали его и собирались на берегу у причала. Удивлённо посмотрел на них. Теплоход покинули все. Посмотрел на капитана. Он смеялся.

– Шкодин мне сказал, что идут все, – сказал он.

– Он что, ошалел?! – возмутился. – Сто двадцать человек – пешком через Кара-Даг? Ну, я ему, гаду, устрою.

Шкодин – это организатор экскурсий. Невысокого роста, ужасно худой, с огромным горбатым носом и волосами торчком. У него наглые навывкате глаза. Врёт без зазрения совести и если бывает уличён – тут же всё переворачивает. Хапуга, каких свет не видывал, и ужасный интриган.

Обязательно кого-то сводит, кого-то натравливает, кого-то убеждает, что ему тот-то и тот готовят каверзу, а потом говорит это же другим.

Ещё вместе не работая, Вячеславу пришлось с ним столкнуться. Узнав, откуда идут неприятности, он поймал его возле ларька и два раза трахнул об ларёк. И Шкодин тут же побежал менять свои сплетни. И вот с этим человеком ему приходилось работать. Зная, что Вячеслав популярен среди отдыхающих, как хороший экскурсовод, Шкодин объявлял, кто поведёт экскурсию.

В летнее время экскурсоводы не любили ходить на Кара-Даг. Жарко, надо следить за людьми и помогать им, оплата небольшая. А он всегда не упустил случая, чтобы пойти на Кара-Даг.

Пользуясь этим, Шкодин продал на экскурсию сто двадцать билетов, хотя группа не должна быть больше двадцати. Но люди не при чём...

Попрощался с капитаном и пошёл с дочуркой к людям. Представился поближе и стал рассматривать людей. В группе много пожилых, и даже стариков. Сказал краткое вступительное слово, и они пошли к подножью Лобового хребта. У подножья подождали всех остальных.

– Раздевайтесь, принимайте пляжную форму. Во время ходьбы будете загорать, – объявил экскурсантам.

Пожилые и старики, выслушав, как они пойдут, начали спрашивать, где остановка автобуса, чтобы вернуться. Однако он настоял на том, чтобы они шли с ним.

– До телевизионной вышки поднимается каждый, кто как может, то есть своим темпом. Кто хочет идти быстрее, пожалуйста. Кто медленно и с остановками, тоже, пожалуйста, – растолковал людям.

Тропа шла по наклонному склону хребта, высота которого всего 128 метров. Одолели первое препятствие. Шёл со стариками, поддерживал, ободрял.

Наверху все отдохнули, пришли в себя, начинали оглядываться по сторонам и увидели раскинувшуюся кругом красоту. Рядом с Вячеславом семенила Сусанна, не задавая вопросов, а только заинтересованно кругом оглядываясь, округляя от удивления и без того свои огромные синие глаза.

Разбил людей на группы. Втиснул между молодёжью пожилых и стариков. Закрепил их за определёнными лицами. Оставил сзади группу из пяти крепких мужчин. Надо, чтобы они шли последними.

– Сейчас будем совершать подъём по Чёртовой лестнице, – сказал экскурсантам и показал вверх. С близкого расстояния кажется, что скалы поднимаются отвесно вверх.

Некоторые начали вновь волноваться.

– Не переживайте. При ходьбе по Чёртовой лестнице можно помогать себе руками. Идти будет легче, чем шли раньше, – успокоил людей и начал движение.

Сначала по глинистой тропке, потом уже по камням, цепляясь за кусты, за выступы камней, начали карабкаться вверх. Впереди Вячеслава карабкалась Сусанна, иногда оскальзываясь. Поддерживал её под попку. Она держалась просто молодцом. Идёт и всё тут!

Добравшись до верха, повернулся. Следом за ним появились первые экскурсанты, а последние ещё не подошли к началу подъёма. Отвёл по тропе людей на безопасное место и вернулся поджидать остальных.

Вот и замыкающие наверху. Все собрались на обширной площадке у скал Король и Королева. Правда, с близкого расстояния они выглядят обыкновенными небольшими скалами, но их уже видели издалека, и находиться возле них каждому приятно.

Люди отдохнули, весело переговаривались, удивляясь своему мужеству. Они преодолели препятствия и поднялись на высоту хребта. Пусть это всего 333 метра, но это – высота.

Сверху открывался великолепный вид на посёлок, раскинувшийся в долине, отделяющей горный массив Кара-Даг от горного массива Эчки-Даг. Перед ними возвышалась вершина Эчки-Дага –

Три брата. Три похожих друг на друга скалы треугольной формы. Огромной дугой выгнулся берег Лисьей бухты, которая заканчивается далеко выдающимся в море мысом Меганом. А от мыса вглубь видна знаменитая Солнечная долина. Видны отдельные постройки совхоза «Солнечная долина». Всё залито ярким солнечным светом. Всё увиденное впечатляло. Бывал Вячеслав здесь неоднократно и не уставал восхищаться.

Посмотрел на людей. Они во все глаза впитывали увиденное, стараясь запечатлеть в своей памяти эту красоту надолго. Дав людям насмотреться, снова поднял их в путь.

Теперь уже тропа шла более-менее сносно, без больших подъёмов и спусков.

Однако, пока они поднимались, осматривались, отдыхали – время шло. Солнце поднялось и начало припекать. Камни разогрелись и тут же отдавали тепло воздуху, легко окатывающему их. Ветерка совсем не было. Кое-кто начал потихоньку ныть, прося перерыва. Но так как они ещё не прошли нужного расстояния, чтобы остановиться на отдых, Вячеслав поддерживал людей, ободрял:

– Посмотрите. Чей-то ребенок идёт впереди. Ни пить не просит, ни отдыхать. Знай, себе топаёт. Чей это ребенок? – задал вопрос.

Так как народу много, то почти никто не обратил внимания, что возле него была маленькая девочка. А после его вопроса все так и посчитали, что это – чей-то ребенок.

Сусанна действительно бодро топала по тропе впереди всех. На неё стали смотреть и подтягиваться. Так они дошли до Мёртвого города. В Мёртвый город спускались не все, а более выносливые и любознательные. На обратном пути они захватили ожидающих их и двинулись дальше.

На северном склоне хребта Хоба-Тепе у Вячеслава было любимое место. Там много деревьев, травы. Есть тень. Здесь он всегда делал остановку. Люди забирались в тень деревьев, вытягивались с удовольствием на траве. Это место он называл «Лежбище туристов». У кого есть бутерброды, вода – доставали и не спеша принимались за еду.

Дав возможность передохнуть и перекусить, вновь овладел вниманием экскурсантов. Начал им рассказывать о самоцветах Ка-

ра-Дага. А рассказать было что. Самоцветы здесь действительно удивительные по красоте. О многих камнях существуют старинные легенды.

Он рассказывал, а Сусанна бегала за его спиной, ловила бабочек и букашек. Поймав какую-то бабочку, она подбежала к Вячеславу.

– Папа, папа, посмотри, какая бабочка! – сказала она ему, теребя его за спортивные штаны.

Он повернулся к ней и посмотрел на бабочку. Экскурсанты некоторое время молчали, потом вдруг раздался дружный хохот. Посмотрел на них – не поймёт, в чём дело. Один из экскурсантов сказал:

– Теперь всё ясно. А мы-то думали, что это действительно чей-то ребенок так стойко переносит тяготы горного похода. А это – ваша дочь. Вы для рекламы здоровья и крепости её берёте. Раз вы так ходите, то и дочь, конечно, будет ходить.

Через некоторое время продолжили путь. Трудный участок остался позади. Вышли к Южному перевалу, и перед глазами восхищённых экскурсантов открылся Магнитный хребет. Он лежит сфинксом, устремив свой лик в сторону моря, круто выгнув спину. Восторгам не было конца. Так, останавливаясь и всё разглядывая, они подошли к домику сторожихи. Перед глазами открылся вид на Коктебельский залив, на берегу которого раскинулся посёлок Планерское – конечная цель их путешествия. Он смотрел на своих старичков. Чувствовали они себя вполне нормально. Им осталось 25-30 минут ходу – спуск по дороге к морю. Прошли и этот участок.

– Ну, вот и всё. Мы пришли. Здесь я с вами прощаюсь, – сказал экскурсантам.

Вячеслава начали благодарить. Он увидел, что людям действительно понравилось.

Да как может не понравиться этот замечательный край с такими причудливыми скалами, хребтами с экзотическими старинными названиями, с удивительной растительностью и с удивительным происхождением?

Распрощавшись с людьми, пошли с Сусанной домой берегом моря. Она нисколько не устала. То и дело отбегала от отца к морю,

чтобы поймать руками набегающую волну или подобрать какой-нибудь заинтересовавший её камень.

Подошли к экскурсионному киоску. Он закрыт. Ну, это и понятно... Шкодин прячется. Теперь Вячеслав его увидит только дня через три, когда у него уже всё перегорит. А, да ладно. Чёрт с ним! Всё прошло благополучно. Он доволен уже тем, что люди остались довольны экскурсией, что довольно его славное дитя, его дочурка Сусанна.

В гости к нему с семьёй приехал Константин Гурецкий. Это было лето. Жара стояла невероятная. Доходило до 37 градусов в тени. Решено было всем вместе сходить в горы. Для Вячеслава это было привычно. Он всегда использовал любую возможность сходить в горы. Товарищ Вячеслава, командир воздушного лайнера, никогда в горах не был. С собой взяли детей. С ними увязался и пятилетний Богдан.

Началось восхождение. Пока шли вдоль моря, все весело болтали. Ступив на горную тропу, поумолкли. В гору шли медленно. Вячеслав шёл первым, поддерживая заданный темп. Через некоторое время Богдан выскочил вперёд и пошёл первым, перебирая маленькими крепкими ножками. Командир воздушного лайнера начал отставать. Рядом с ним плелась Наташка, его дочь. Имея избыток собственного веса, Костя истекал потом.

– Дойдём вон до того пригорка и там отдохнём, – успокаивал Вячеслав.

Незаметно проходили пригорок и шли дальше. Кто-нибудь замечал, что ориентир, намеченный раньше, исчез:

– А где же тот пригорок?

– Да вон же он, недалеко, – указывал Вячеслав на новый ориентир.

Подъём был очень пологий, и нужно было пройти его без остановки, чтобы не потерять темп. Дойдя до ровного участка, расположились в тени кустов отдохнуть. С собой взяли только две поллитровые бутылки с водой. Доставая бутылки, Вячеслав пояснил:

– Каждому набрать в рот по глоточку и хорошо прополоскать во рту. Пить не надо. Вода сильно расслабляет, будет тяжело идти.

Все так и сделали. Когда очередь дошла до Бодьки, он хватанул большой глоток и тут же проглотил его.

– Нельзя, – отобрал у него бутылку Вячеслав.

– А для чего мы её несём? – возразил Богдан.

Пока все сидели, отдыхая и рассматривая окрестности, Богдан, который больше всех ныл, носился рядом и ловил каких-то жуков.

– Ну, пора. Нам ещё много идти, – вставая, пояснил Вячеслав.

Дальше пошли по тропинке вдоль скалы, но уже не такой крутой и тяжёлой. Скалы, раскалившись от палящего солнца, излучали жар. Воздух как бы застыл. Было жарко и душно, но все настойчиво продвигались вперёд. За спиной у Вячеслава в рюкзаке позвякивали бутылки. Услышав звон бутылок, Богдан повернулся к Вячеславу и жалобным голосом произнёс:

– Расскажу дома, что ты не давал воды. Бутылки разобьются, а вода выльется. Почему не даёшь?

Все смеются над его словами. Дошли до ущелья Гяур-Бах. Прохлады не намечалось, и, чтобы не мучить неопытных ходоков, решили повернуть назад. При спуске Вячеслав дал всем глотнуть воды, и дети, довольные, поглаживали свои животики.

Спустились вниз. Все повеселели. Богдан без тени усталости носился взад-вперёд. По нему никак не было заметно, что он прошёл большое расстояние по горным тропам.

Отправив детей домой, Вячеслав с Костей остановились у пивного павильона. В павильоне работали знакомые Вячеслава. Они обслуживали автоматы с вином и пивом.

– Набери-ка чайничек, – обратился Вячеслав к Александру, работнику павильона.

Пока Вячеслав разговаривал с Александром, Костя пил пиво.

– Дай-ка, я сделаю глоток, – обратился к нему Вячеслав.

Костя, ухмыляясь, протянул ему чайник. Чайник был пуст.

– Ну и ну! Одним махом – три литра. Здорово! – удивился Вячеслав.

Пока Костя повторял заход к пиву, Вячеслав подошёл к сувенирному ларьку. Он купил пять значков «За восхождение на Кара-Даг» и спрятал их в карман. Они направились домой. Женщины хлопотали, готовя обед.

– Прежде, чем сесть за стол, всю команду горовосходителей

прошу построиться, – торжественно произнёс Вячеслав.

Первым стал Костя, выпятив вперед свой живот. За ним построились дети. Бодька встал в конце, как самый маленький.

– За восхождение на Кара-Даг в страшную жару, за то, что никто не ныл и не просил воды, за благополучное возвращение награждаются значком все члены группы восхождения, – произнёс торжественно Вячеслав.

Раздавать значки он начал с Кости. Богдан нетерпеливо поглядывал на его руки и на того, кому Вячеслав давал значок. Он беспокоился: достанется ли ему значок? Когда же ему вручили награду, глазёнки его светились такой радостью, таким счастьем, что от этого стало всем хорошо и весело.

– Все за стол! – скомандовала жена.

Шумно стали рассаживаться. Все были в отличном настроении, веселы и довольны. Богдан часто вспоминал об этом походе. И ещё не раз он ходил с отцом в горы. Держался он молодцом.

А был ещё интересный случай в этом доме.

Лёгкий ветерок налетал мягкими волнами с берега, шевелил нежно листву деревьев, запутывался в розах и, вырвавшись, нёс утреннюю свежесть рождающегося дня просыпающейся земле.

Солнце быстро поднималось над морем, посылало в пространство жаркие лучи. Летнее утро вступало в свои права. На берегу появились первые ранние пляжники, любители уединения и тишины. Вот мелкой трусцой побежали двое пожилых поджарых мужчин.

Где-то заработал двигатель грузового автомобиля. На пороге большого деревянного дома стоял рослый, загорелый мужчина. Он был в одних брюках, его сильное, крупное тело блестело в утренних лучах солнца. Вячеслав задумчиво смотрел в сторону моря и к чему-то прислушивался. Это он – хозяин дома, местный житель. Мимо него быстро юркнула светловолосая девочка лет семи. Она быстро подбежала к калитке и открыла её.

– Ты куда, Инна? – спросил её Вячеслав.

– Сбегаю к морю!

Босые ноги её звонко шлёпали по асфальту. Девчонка побежала к берегу и осторожно потрогала ногой воду. Убедившись, что вода

тёплая, она зашла по колени, наклонилась к воде, схватила в пригоршню воду и резко бросила её вверх. Вода разлетелась мелкими брызгами, сверкая на солнце. Девчонка, довольная, засмеялась. Потом она побежала по самой кромке берега, стараясь ударять ногами посильнее, и радовалась разлетающимся в сторону брызгам.

Побежав ещё немного, Инна пошла к дому, вертя на ходу головой в разные стороны, любопытно рассматривая всё вокруг. Недалеко от дома, в траве у дороги, она заметила колышущийся комочек. Девочка присела возле него и увидела, что это был птенец вороны. Птенец был уже оперившийся и крепко держался на ногах. Он дёргал своим клювом какую-то травинку.

Инна взяла птенца на руки и побежала к дому.

– Дядя Слава! – закричала она от калитки. – Я нашла птенца!

– Давай-ка посмотрим, – беря в руки воронёнка, произнес хозяин дома.

К столу подошла дочка хозяина и отдыхающие, приехавшие на лето к морю отдохнуть и набраться сил.

– Пап, давай его оставим? – попросила дочка.

– Для начала его надо накормить, – потянулся за хлебом мужчина.

Однако крошки, насыпанные на стол, воронёнок не брал. Он смешно наклонял голову и одним глазом смотрел на крошки. Тогда мужчина взял его в руки и поднес крошки к клюву воронёнка. Тот открыл клюв и каркнул. Мужчина бросил ему крошки. Воронёнок каркнул ещё и опять получил крошки. Насытившись, он стал отворачивать свою головку.

– Ну, что ж, а теперь ему и погулять можно, – произнес мужчина и посадил его на длинный деревянный стол. Воронёнок осмотрелся, а потом вдруг запрыгал как-то боком по столу. Все рассмеялись. Так в доме появился Карлуша. Через несколько дней он совсем освоился и чувствовал себя очень уверенно. На ночь Карлушу усаживали на прибитую досточку у входной двери. И он засыпал до утра.

Но стоило первым лучам солнца коснуться земли, как Карлуша подавал свой голос. Он громко каркал до тех пор, пока кто-нибудь не выходил из дома и не давал ему несколько кусочков хлеба. Проглотив их, Карлуша успокаивался на некоторое время.

Первой обычно просыпалась и выходила на зов Карлуши отдыхающая из Днепродзержинска. Звали её Женя, любительница природы, в прошлом – спортсменка. Женя просыпалась рано и долго и старательно делала гимнастику. Карлуша сидел возле её окна, поэтому ей первой доводилось слышать его карканье. Женя выходила на улицу и кормила воронёнка, при этом приговаривала:

– Карлуша, сыночек мой. Кушать захотел.

А воронёнок, глотая кусочек хлеба, подкаркивал. Когда в доме все просыпались, то после утреннего туалета собирались у стола за завтраком. Карлуша к тому времени уже научился летать, прилетал на стол и садился возле чьей-нибудь тарелки. Начинался завтрак, и Карлуше давали или кусочек мяса, или макаронину, или жареную картошку. Карлуша быстро понял, что к чему, и когда днём ему давали хлеб, он выбрасывал его.

В этом доме жила старая красивая собака Пальма. Пальма была очень умная и сдержанная собака. Много лет она прожила с семьёй хозяина в разных местах. Поэтому она понимала всё, что ей говорят. Карлушу Пальма восприняла спокойно. Он подскакивал к её миске и выбирал из неё косточки. Пальма заинтересованно смотрела на воронёнка, но не трогала его.

Старый давнишний друг Пальмы – кот Мордан, увидев Карлушу, вначале прижался к земле и начал внимательно наблюдать за ним.

– Мордан, это свой птенец. Его трогать нельзя, – говорил хозяин дома, ласково глядя кота по спине. Тот выгибал довольно спину, мурлыкал и тёрся о ноги хозяина. Хозяин подносил к коту воронёнка и давал ему понюхать.

Воронёнок настороженно вжимал голову и беспокойно смотрел своими глазами-бусинками. Мордан обнюхивал воронёнка и отходил в сторону. Прошло время, и они привыкли друг к другу. Сколько же было удивления у гостей этого дома, когда они видели интереснейшую картину: на лавке возле стола растянулся красивый, пепельной окраски, кот. Только кончик хвоста у него был беленький. Рядом с котом расхаживал по лавке Карлуша.

Иногда Карлуша щипал кота за шерсть. Мордан поднимал голову и недовольно бил хвостом по лавке. А на земле, глядя на них мудрым взглядом, лежала Пальма.

По стуку тарелок Карлуша уже знал, что готовятся к обеду, и слетал с крыши, где он любил сидеть. Однако на ночь Карлуша по-прежнему усаживался на досточку у входной двери. И по-прежнему кричал по утрам, требуя есть.

Однажды утром хозяйина окликнула женщина из соседнего двора. Она стояла в комнате у раскрытого окна.

– Скажите, мужчина, это ваш воронёнок?

– Да, а что? – поинтересовался хозяин.

– Я на вас буду писать жалобу, – с апломбом заявила женщина. – Ваш воронёнок кричит по утрам и не даёт спать.

Мужчина удивлённо пожал плечами и произнес:

– Почему ж на меня? Ведь это воронёнок кричит. Пишите на него.

В его глазах бегали смешные искорки. Женщина, не уловив иронии, продолжала:

– Обязательно напишу, или уберите его.

– Вы не беспокойтесь, – спокойно говорил мужчина, – скоро он кричать перестанет. Я его учу петь соловьем.

Находящиеся во дворе, с интересом прислушивавшиеся к разговору, дружно расхохотались!

Рассерженная женщина, поняв, наконец, что над ней смеются, захлопнула сердито окно.

Вскоре многие разъехались, и хозяину приходилось вставать чуть свет и кормить орущего во всё воронье горло Карлушу. Но тот быстро рос и требовал пищи всё больше и больше. Стоило его покормить и зайти в дом, как через некоторое время вновь раздавалось настойчивое карканье.

Тогда хозяин брал Карлушу в руки и лез по лестнице на чердак. На чердаке спал старший сын хозяина Сашка, устроив там себе роскошное ложе. Хозяин сажал Карлушу на перегородку и закрывал дверь. Погружённый в темноту, Карлуша замолкал.

Но стоило солнцу дойти до той стороны дома, где находился вход на чердак, и проникнуть своими яркими лучами в щели, ос-

вещающая внутренность чердака, как Карлуша начинал громко каркать над головой у Сашки.

Сашка просыпался, хватал Карлушу и выбрасывал его на улицу. Карлуша, слетев на стол, начинал проверять оставленные с вечера тарелки. Всё чаще Карлуша стал летать на соседние дома, и дочка хозяина бегала за ним и звала:

– Карлуша, иди сюда. Я дам кусочек мяса.

Карлуша садился на забор, брал мясо, а в руки уже не давался. Недовольно отлетал в сторону. Но всё же к обеду Карлуша возвращался и чинно ходил по двору, ожидая, когда все сядут за стол. Однажды хозяин заметил стаю ворон на крыше соседнего домика. Вороны недовольно кричали, подняв настоящий гвалт. Они насканивали на одну ворону...

– Уж не наш ли это Карлуша? – присматриваясь, спросил хозяин и пугнул ворон.

Стая с испугом поднялась и улетела, а одна ворона осталась. Посидев на крыше, ворона слетела во двор.

– Карлуша, Карлуша. Иди сюда, мальчик, – ласково звал хозяин воронёнка. Тот подпрыгнул и, каркая, проглотил кусочек мяса, данный ему хозяином.

Всё чаще, заслышав карканье ворон, Карлуша срывался со своего места и летел к ним.

– Папа, он же улетит! – беспокоилась дочка хозяина.

– Ну, что ж, пусть сам решает, где ему лучше, – спокойно объяснял он ей.

Ещё некоторое время Карлуша возвращался домой, и все домашние были ему рады. Но однажды, услышав шум вороньей стаи, Карлуша полетел за ней и... не вернулся. Люди говорили, что на пляже к ним смело подходила ворона и принимала угощения, а потом она улетала, догоняя своих товарок...

Возможно, это был Карлуша...

Но не всё было в жизни Вячеслава спокойно и радостно. То ли завидуя его делам, то ли не воспринимая его самостоятельность, к нему всегда придиралась местная босота, да и власть его не жаловала. Не всегда удавалось отделаться разговорами. Приходилось

пускать в ход кулаки, чтобы урезонить босоту. А те, вместо того, чтобы потихоньку отлежаться и остаться мужиками, бежали в милицию и писали заявление.

Вообще, свободный, независимый характер Вячеслава не нравился многим. Они даже толком не знали, чего они от него хотят, но он их раздражал. Раздражала его слава отличного экскурсовода, музыканта и вообще независимого человека. В их душах зрела какая-то чернота, хотя он никому ничего плохого не делал. Вячеслав всегда отзывался на просьбы людей. А это почему-то злило некоторых представителей местных жителей.

Князь тьмы Талейран говорил: «Бойся первых порывов души, они, как правило бывают благородными». А за благородство надо расплачиваться. В этом Вячеслав убедился неоднократно в процессе жизни.

Жернова жизни и школа выживания

После отсидки, в разных разговорах, слушая умные ответы Вячеслава, у него часто спрашивали:

– У тебя какое образование?

Он отвечал:

– Высшее.

– А что заканчивал? – следовал вопрос.

– Академию Мозгунова, – кратко отвечал Вячеслав.

Сыпались вопросы, высказывались догадки:

– Что это за заведение? Где оно находится?

И ему приходилось разъяснять:

– Академия Мозгунова – это тюрьма и лагерь.

Именно там надо думать ежесекундно о том, что говорить. За слово надо отвечать, и порой очень жёстко. Думать, что и как делать, чтобы в этом скопище озлобленных людей не нажать себе врагов. Тюрьма – это школа выживания. Короче, работа мозгам есть всегда.

Поездки из КПЗ в следственный изолятор начинали утомлять. Вячеслав думал: «Быстрее бы всё заканчивалось, и в лагерь». Ла-

герь, конечно, – не курорт, но жизнь свою организовать можно. Работа, спорт, книги, какие-то дела. И время идёт быстрее.

То ли по недоразумению, то ли так надо было, но когда Вячеслава привезли в тюрьму, его бросили в общую «хату», в которой сидели те, кого арестовали впервые. Было в «хате» человек двадцать. В углу, ближе к дверям, на второй шурше лежал крепкий парень. Звали его Сашка, а кличка «Невский». Сашка был старостой хаты. После обеда Вячеслав лёг подремать. Проснулся от толчка в спину. Его разбудил стриженный под нулёвку парень, грузчик из Евпатории, с мясокомбината. Он попал за кражу мяса. Вячеслав присел на шуршу, и начал слушать разговоры в камере. В тот день в камеру бросили пять человек.

Староста узнавал статью, откуда прибыл и всё остальное. Предупредил, что будут принимать в зеки, но если кто-нибудь пикнет администрации, пусть пеняет на себя. Мол, через это проходят все. Вновь прибывшие – не исключение. Когда очередь дошла до Вячеслава, он твёрдо ответил:

– То, что вы начинаете сейчас жевать, я уже отнёс к ветру. У меня уже третий ходарь, а вы мне мозги полощете.

Глядя на его широкие плечи, крепкие руки и лицо в шрамах, Сашка тихо произнёс:

– Извини, старик.

И процедура приёма в зеки с остальными продолжилась. От этого, правда, были освобождены два старика ввиду преклонного возраста. Первым предстал солдат, попавший за убийство. Стоя на посту, поддал, а потом из карабина шлёпнул парня, который от кого-то убежал. Его напарником был хлопец из Евпатории, сидевший за поджог. Как выяснилось из рассказа, пришёл пьяный, лёг на диван, закурил, а потом заснул. Загорелась подстилка, диван. Опалил себе всю спину. Ну, конечно, закоптилась комната. Его – в больницу, а потом – в тюрьму, чтобы знал, как себя поджигать. Во дела!

В процедуре приёма всё было капитально. Судья, прокурор, защитник и, обязательно, палач. Новичков укладывали на лавку, и суд, посоветовавшись, приказывал палачу выдать по десять ложек на заднее место. Это неприятная вещь. Берётся полотенце, закручива-

ется, на конце привязывается ложка. Палач должен бить с оттяжкой. Бить сильно и так, чтобы ложка не поворачивалась. В случае нарушения палач сам подвергался этой процедуре. За крик при получении ударов зеку добавляли по два удара.

Солдат и «поджигатель», стиснув зубы, лёжа на лавке, молча выдержали первый этап. Второй этап – не менее «приятный». Их посадили за стол. Напротив уселись двое с ложками в руках. Любый из хаты кому-нибудь одному задавал загадку. И в этот момент державший ложку в руках начинал яростно бить по голове. Если принимаемый быстро отгадывал ответ, удары прекращались. Если не мог ответить, то терпел, пока задавший загадку давал ответ и амнистировал. На каждого приходилось по десять загадок. К концу этой процедуры, во время которой вся хата хохотала, у новичков на лбу вздувались приличные бугры, как будто у молодого телка прорастают рога.

И в этот момент следовал коварный вопрос: «У зека рога есть?» Бедняга отвечал и так, и эдак, но не попадал в точку, поэтому удары сыпались с новой силой. А существует на это два ответа: «Были да сбили», «Зек не скотина, рогов не имеет».

После короткого перерыва следовало продолжение. Одному из принимаемых тихонько, чтобы не слышал второй, задавался вопрос: «Что тебе лучше: съесть кусок мыла или поцеловать полотенце?» Солдат был первым, и на этот коварный вопрос решил мыло съесть. Ему, конечно, не дали. Но из этого следовало, что ему надо завязать глаза и взобраться на вторую шуршу. Это от пола – где-то метра полтора. Став на колени на самый край шурши, по команде, с заложенными назад руками, он должен был ринуться вниз головой на пол. А пол – цементный.

И вот он в исходном положении. Глаза завязаны, руки назад. От волнения и переживаний на лбу выступил пот. В этот момент четыре человека покрепче растягивают одеяло перед шуршей и ждут. Последовала команда. Надо отдать должное солдату Лёшке, он ринулся вниз очень решительно и, конечно, упал на растянутое одеяло. В хате грохнул хохот. Лёшка так себя чувствовал, как будто вернулся с того света.

Самоподжигатель решил поцеловать полотенце. Ему пришлось пролезть под всеми шуршами и целую неделю драить до блеска парашу.

– Ну, так, – произнес Невский, – поехали дальше. Будете выдувать срок.

Обоим завязывают глаза, но до этого в кружку каждому бросают бумажки, на которых написаны числа. По команде старосты они должны были дуть в кружки.

– Раз, два, три.

Из кружки полетели бумажки.

– Сильней, – следует команда.

Оба дуют сильней. В этот момент одному и второму подносят открытые коробки с зубным порошком, и вновь следует команда:

– Сильней!

Весь порошок летит в лицо дующему и вокруг. Все с удовольствием ржут.

Следует продолжение. Название этой процедуры – «Прятки». Одному завязывают глаза, и он должен схватить второго. Лёшке завязывают глаза, а второго специально отводят в сторону, чтобы он не участвовал в игре в этот момент, но всё видел. Кто-нибудь из зеков снимает с себя штаны и поворачивается голым задом к тому, кто ищет. Лёшку направляют.

– Ближе, ближе, присядь. Ещё чуть ниже. Хватай.

И когда он хватает, его нос как раз находится против голого зада. В хате – взрыв хохота, визга, клёкота. Некоторые катаются по шуршам. А как же – развлекаются.

– Поехали дальше. Проведем игру под названием «Кто твой сосед?» – произносит прокурор, худой исколотый парень.

«Самоподжигателю» и солдату завязывают глаза. Они садятся на лавку. С ними садится третий, якобы тоже пропустивший игру. Их накрывают одеялами, и несколько человек с книгами становятся возле них. Они должны бить.

А те, кто под одеялом, отгадывать. Берут книгу потяжелей, и пошёл вперёд. Притом, делает это тот, который сидит в центре. Его тут же накрывают одеялом. Длится это долго, но отгадать они не могут. Жалуются, что уже гудит в голове.

– Думать надо, – резонно замечает староста.

И, наконец, солдат, то ли догадался, то ли просто так, указал на сидящего рядом. Игра поэтому и называется: «Кто твой сосед?» Через некоторое время амнистируют и «самоподжигателя».

Они уже изрядно устали, достаточно получили, но играм конец ещё не наступил. Их успокаивают: уже осталось немного. Обоим вновь завязывают глаза. Они становятся на четвереньки на лавке друг перед другом и должны головами сбить друг друга с лавки. Лёшка-солдат покрупнее, да и решительнее, поэтому он сразу устремился вперёд.

«Самоподжигатель», получив удар головой, не решается двигаться вперёд и отодвигается. Перед ними в середине держат чайник. Он тяжёлый, килограммов на шесть. Следует команда. И вот Лёха бьёт по чайнику головой так, что тот, кто держит, выпускает его из рук. В хате – опять хохот, однако, новичкам не до смеха.

И, наконец, гвоздь программы. С обоих снимают штаны до колен, усаживают на лавку лицом друг к другу. Привязывают верёвками половой орган вместе с яичками. Следует объяснение прокурора:

– Одному взять в руки конец верёвки другого и тянуть. Кто кого перетянет. Притом, проигравший получает ложкой по заднему месту.

Им завязывают глаза. В центре между ними ставят швабру. Парень поздоровее держит её так, чтобы она не двигалась. Конец верёвки «самоподжигателя», заведя за швабру, отдают ему же. То же проделывают с Лёшкой. И вот они по команде начали, не видя, тянуть каждый сам себя.

Раздаётся гомерический хохот. Все лежат покатом. А «самоподжигатель» и Лёшка, ругаясь друг на друга, думают, что тянет другой, тянут всё сильней. «Самоподжигатель», подъезжая по лавке к середине, тянет изо всех сил самого себя и истошно орет:

– Ой, ой, не могу больше! Отпусти!

Лёшка старался над самим собой на совесть, греша на напарника по незнанию. Решил дёрнуть изо всех сил, что немедленно проделал. Порвалась веревка. В этот момент им сняли повязки. Увидав суть, они начали ржать вместе с остальными. Лёшка долго потом не мог успокоиться. Ходил и повторял:

– Надо же, придумали. Приеду домой, заделаю своим хлопцам эту шутку.

После этого все успокаивались и ожидали следующего этапа, чтобы вновь позабавиться. Притом, самое активное участие в этой «игре» принимали те, кто только что прошёл через неё.

«Как всё-таки жестоки люди в отношении друг к другу», – ещё тогда подумал Вячеслав.

Тюремные развлечения перемежаются анекдотами.

«На одном из предприятий нашей страны идёт митинг в защиту Луиса Корвалана. Говорятся пламенные речи. В конце выступлений на трибуну выходит местный пьяница. Что-то произносит, а потом вдруг говорит: «В общем, так, от слов надо переходить к делу. Лично я заявляю категорически: если завтра не выпустят Луиса Корвалана, то я не выхожу на работу!»

Ещё анекдот: «В самолёте летят главы правительств СССР, США, Франции: Брежнев, Форд, Жискара д’Эстен. Вдруг на крыло самолёта садится чёрт с пилой и начинает пилить крыло. Французский президент хватает бумагу, карандаш и пишет: «Обещаю тебе во Франции виллу, девочек – перестань пилить». Записку передают чёрту. Он прочёл и продолжает пилить. Форд пишет записку: «Подарю тебе машины, дачи и всё, что захочешь, – перестань пилить». Результат тот же. Записку пишет Брежнев и передаёт чёрту. Того как ветром сдувает с крыла. Форд и д’Эстен спрашивают Брежнева, что он написал. Тот, усмехаясь, говорит: «Я ему написал: «Хорошо пилишь. Возьму работать на БАМ».

Или вот: «Умер видный коммунист. Чёрт и Бог решают, куда его отправить: в ад или рай. Чёрт говорит: «Возьму себе, пусть работает». Через некоторое время встречаются Бог и чёрт. Бог спрашивает: «Ну, как, чёрт, дела? Что подельывает коммунист?» Чёрт махнул рукой и ответил: «С ним – одни неприятности: котлы потушены, ничего не делается, все бастуют. Забери его в рай». Бог согласился и забрал. Через год они встретились вновь. Чёрт, увидев Бога, кричит ему: «Как дела, Бог?» Тот ему отвечает: «Во-первых, не Бог, а товарищ, а во-вторых, мне некогда, я спешу на собрание». Вот как действует агитация.

В хатах задают загадки. Порой путёвые, порой с подковыркой. Вот одна из них: «Река, мост. Один видит мост, идёт по нему и переходит на другой берег. Второй видит мост, но не идёт по нему, однако тоже на другом берегу оказывается. Третий не видел моста, не шёл, а на другой стороне оказался. Вопрос: кто это был?»

Думай, как хочешь. Предположения были разные, а ответ таков: «По мосту шла беременная женщина с маленьким ребёнком на руках».

Вторая загадка: «Лежит в воде, блестит, на «х» называется. Что это такое?» И тут несутся, кто во что горазд. Загадывающий говорит: «Это полтинник». Следует вопрос: «А почему на «х» называется?» Тот отвечает: «А потому что, как ни крутись, ни хрена не достанешь».

Шутники...

Когда Вячеслав поближе познакомился с Сашкой, тот рассказал ему, что принял в своё время тюремную прописку, как и все. «Как в партию принимают», – усмехнулся Вячеслав.

Наконец – суд, который был похож больше на судилище. Дело было настолько глупо состряпано, что косяки выпирали со всех сторон. Во-первых, несоответствие потерпевших. Их было 17 человек. В основном это были здоровые мужики. В ресторане «Эллада» один из них уже прилично на подпитии толкнул приятеля Вячеслава, который танцевал с девушкой. Приятель сделал замечание, а подвыпивший турист с размаху ударил приятеля и разбил ему бровь.

Заметив на танцевальном пятачке перед эстрадой драку, Вячеслав подошёл и увидел происходящее. Он попытался урезонить разбушевавшегося гуляку. Но в этот момент его ударили сзади. Мгновенно сообразив, что происходит, Вячеслав резко развернулся и нанёс удар обидчику. Тот завалился на пол. Из-за большого стола уже поднялись несколько человек и ринулись на Вячеслава. Приятель с окровавленным лицом отошёл в сторону. А Вячеслав начал укладывать одного за другим нападающих.

Тогда, увидев такое положение дел, из-за стола выскочили женщины и начали оттаскивать парней, которые яро лезли в драку на Вячеслава. В толкотне они мешали друг другу. Особенно старатель-

ных, которые нападали на него, он укладывал ударом кулака на пол. В этот момент в ресторане появилась милиция. Драку прекратили, но на следующий день возбудили уголовное дело по факту драки.

Случилось то, чего и следовало ожидать. Дело стряпали под руководством городского КГБ, хоть они этого и не должны были касаться. Все доводы Вячеслава и его приятелей в расчёт не брались. На суде лжесвидетели врали, путались, не могли ничего толком сказать. Всю эту придумку понимал и судья, который вёл процесс. Фамилия его была Хабенков. Он устроил буквально торговлю в зале заседания:

– Скажи, кто с тобою был, и я тебе дам три года «химии».

«Химия» в народе – это стройки народного хозяйства.

– Ну, а если не скажешь, получишь семь лет строгого режима, – давил судья на Вячеслава.

– Так если ты знаешь, кто был со мной, так и занимайся сам, – резко ответил Вячеслав.

Он понимал, что никакого условного срока с направлением на стройки народного хозяйства не будет. Он уже был два раза судим, и ему грозил только лагерь. Судья нагло врал и хотел зацепить нормальных людей, которые были с Вячеславом в ресторане. Это были два уважаемых человека, в прошлом – спортсмены. Работали на приличной работе. Судья хотел сделать подлость чужими руками.

В обвинительном выступлении прокурор, жирный, неаккуратный внешне мужичок, изливался злобой, обвиняя Вячеслава.

– Представляете, – вёл речь прокурор, – он специально натренирован бить людей. – Он ударил человека и тот поле-те-л, – протяжно вёл прокурор.

От старания живот прокурора, свисающий через ремень, трясся.

– Поле-те-л. Это что, самолёт? – спросил Вячеслав. – Ты, прокурор, – дурак, – отпустил вожжи он. – Если бы я не защищался, они бы меня прибили.

– Тогда бы мы их судили за убийство, – ответил прокурор.

– Ты – действительно кретин, – произнёс Вячеслав. – Пусть лучше меня судят, чем хоронят.

Судья заорал, что они сейчас возбудят ещё одно дело по ху-

лиганству и даст дополнительный срок. Вячеслав знал о том, что, сколько бы эпизодов ему сейчас ни вешали, больше 7 лет не дадут. Не позволяла статья. А надеяться на то, что разберутся и срок будет меньше, было бесполезно. Игра шла в одни ворота. Суд ушёл на совещание.

Вячеслава даже не выводили из зала суда во время принятия решения. Через 10 минут показался судья с готовым приговором. Было понятно, что уже всё решено заранее, и приговор был готов. Ему объявили срок: 7 лет строгого режима. Это было паскудно, не доказано, но что было делать? В КПЗ долго не задержали. Через пару дней увезли в СИЗО. Потянулось время ожидания: утверждение приговора, апелляционная жалоба. Отказ. И ожидание распределения в зону.

Шёл шестой месяц заключения. Страсти понемногу улеглись, но осталась большая печаль. Порой она была такой щемящей, что ощущалась как физическая боль. Однако Вячеслав не боялся наплыва тоски и грусти. Он давал им захлестнуть всего себя, чтобы они смогли перекрутить его и встряхнуть. Стремительно несущаяся боль душевная вскоре проходила. Он успокаивался на некоторое время.

Мысленно он старался к произошедшим событиям подойти с объективной точки зрения, глянуть на всё со стороны. Давно известно, что голая правда выглядит непривлекательно, и во всём присутствует элемент выдумки. Вячеслав не сожалел о том, что применял физическую силу против своих врагов. Когда он вспоминал о тех, кто давал против него лживые показания, он понимал, что это – люди с малым запасом знаний и небольшого ума. И говорили они по подсказке руководства, которое хотело с ним расправиться.

О торжестве справедливости говорить не приходится. Как правило, в жизни человек или сдаётся, или приспосабливается к окружающей обстановке. Он понимал, что для того, чтобы доказать суть произошедшего, на самом деле необходимо потратить массу душевных сил и энергии. Абсолютного покоя не существует. Живые и мёртвые тела пребывают в некой вибрации. Подобной, но более тонкой вибрацией обладает и человеческая душа. От несправдливости

вости душа болит. Раны со временем затягиваются, но рубцы обла- дают способностью воспалиться и болеть.

Советы не обращать внимания на многое, и особенно на мелочи, он воспринимал с недоверием. Он не мог закрывать глаза на многие вещи, и у него не было мелочей. Он понимал, что во многом был виновен сам. Его удивляло свойство некоторых людей ломать характер. Стоило ему проявить твёрдость, характер, желание найти истину, и он становился неугодным, непонятым, да к тому же со строптивым характером. А это начальствующим не нравилось. Вот и получал он подлость с их стороны. Он часто задумывался над таким явлением. Получалось, чем больше живёшь и думаешь, тем меньше находишь ответов даже на самые простые вопросы. В этом случае выручают общие фразы. Можно запутаться в поисках ответов так, что не хватит времени для жизни.

Вячеслава угнетало то, что он был не сам: жена, дети. Они-то не виноваты, что он доказывал свою правоту. Вячеслав замечал особенность в своём отношении к жене. Когда она была рядом, он как бы воспринимал это как должное. Само собой разумеющееся, что она была рядом. У него с ней всегда всё получалось. Она умела незаметно поддержать, помочь словом. И ему было всегда здорово, что она у него есть.

Стоило ему расстаться с ней, и мир, в котором он жил раньше, отодвигался. А всё время занимают мысли о ней. Он начинал понимать, что не может отыскать плохих качеств в её характере. Все её положительные черты вырастают неимоверно!

Валентина была не очень говорлива. Оно, наверное, так было лучше. Меньше ненужных слов, меньше причин для ссоры. Он понимал, что у него за плечами – большой срок. Обидно, что не заслуженно, но это уже совсем другие проблемы. Он всё больше убеждался на собственном опыте, с какой лёгкостью стряпались дела.

Никто из тех, кто занимается штамповкой уголовных дел, не думал о тех, на кого их стряпают. Не зря существует такая поговорка: «Был бы человек, а дело на него всегда найдётся». И понять другого те, кто стряпает дела, смогут только тогда, когда побывают

в его шкуре. Иногда Вячеслав, размышляя, пытался как-то себе это объяснить.

Характер у него был непримиримый. Сильно был развит дух противоречия, хотя и обоснованно. Он понимал, что основы характера закладываются в детстве. Но голова человеку дана, чтобы думать и принимать правильные решения. Он себе казался каким-то не до конца отрегулированным.

У него всегда вызывали хорошие мысли воспоминания о трудовой деятельности. Работал он всегда с остервенением. На производстве нужен был всегда размеренный ритм. Поэтому он чаще находил себя в работе, где всё зависело только от него. По натуре он был холерик, относящийся к сильному типу. Однако он понимал, что тормоза у него порой отказывали.

Там, где другой не обратит внимания, он лез в огонь и в воду. Для дела это было хорошо, но ему доставляло массу неприятностей. Не оставлял Вячеслав работу над собой. Утренняя гимнастика, ежедневные обливания холодной водой, занятия в прогулочном дворике были постоянны.

Он не хотел скотинеть, поддаваться обстоятельствам. В камере ешь, спишь и параша рядом. Длительное время такой жизни приводит к нарушениям и психики, и в состоянии организма. В тюремной камере благом были книги. Читал всё подряд. Выбирать не приходилось. Старался находить рациональное зерно в любой прочитанной книге.

Лучше всего он воспринимал книги на историческую тему. Это было ему интересно с детских лет. От остальных книг оставался осадок от несоответствия с реальной действительностью. От книг мысленно переходил к разборке своего полёта. Но заниматься самобичеванием – это зряшное дело.

Ему на ум приходило выражение: «Каждый достоин того, что с ним случилось». Внутренне, наверное, человек знает, насколько он виноват. Приходили мысли, что надо легче относиться к происходящему.

В камере люди настолько разные, что Вячеслав только диву давался. Один спит днями и ночами, как сурок. Отходит от вольной

жизни. А жизнь-то вольная, ох, нелегка! Трудно даже понять, переживает человек или ему всё пополам...

Другой начинает рассказывать про свои подвиги на воле, да с таким рвением и массой подробностей, будто здесь сидят люди с необитаемых островов. Пытается самоутвердиться и находит себя в своих рассказах. Короче, общество собралось без тех моральных устоев, которые ещё действуют на воле. У каждого – своя история, своя беда, свои дела.

Но народу сидит много. Камеры переполнены. Стоит только начать. Был бы судим хоть один раз, а дальше идёт, как по маслу. Судьи свирепствуют безмерно. Срока – за голову схватишься. Не жадные господа судьи. Сами они зачастую не бывают с другой стороны. А вот если бы на своей шкуре испытали всё, возможно, что-то в мозгах изменилось бы.

Зачастую слышишь: наказывают не за то, что сделал, а за то, что попался. А ведь у судей самих зачастую рыло в пуху. И когда от таких принимаешь наказание, то воспринимается это как месть общества, и ни в коем случае – как должное. Идеи о стремлении к хорошему, полезному в основном остаются идеями, а слова – их оболочка.

Конечно, есть положительное в мире. Иначе зачем тогда жить? Однако жернова жизни сделаны из прочного материала, и они перемалывают всех в такую муку, какая им нужна.

В очередной раз принесли книги. Это – настоящая тюремная радость. Теперь у Вячеслава был заряд ещё на две недели. Книги – это очень действенное средство отвлечься от действительности. Особенно, если книги познавательные, умные. Попалась Вячеславу книга «Сердце в строю», автор И. Свистунов. Писатель для него был малоизвестен, но когда он читал книгу, был в постоянном напряжении и охватывало волнение. Написано здорово! Проникновенно...

Просто и всё как в жизни. Редко встретишь книгу, чтобы захватила всего и сразу. Много попадает всякой белиберды, но Вячеслав усвоил: чтобы это узнать, надо дочитывать любую книгу до конца.

В голове бродит масса мыслей, которые просятся на бумагу. Пока всё это он заносил в дневники, которые вёл нерегулярно. Но

что-то значительное, по его разумению, фиксировалось и в сознании, и на бумаге. Вячеслава заметил тюремный библиотекарь. Он заметил, что Вячеслав читает много и к книгам относится сверхаккуратно. Библиотекарь стал подбирать книги по просьбе и приносил столько, что порой к следующему разу Вячеслав не успевал всё прочитать. Оставлял в камере, чтобы дочитать.

Выделил время для игры в шахматы. Дома не приходилось играть. Не было времени: работа, заботы и всё в беготне. Со стороны посмотришь, и он начинал это понимать, что время часто уходило впустую. Но это – опять-таки поверхностное суждение о времени. Это такая субстанция, которая до сих пор не разгадана человеком.

Философы, учёные, мудрецы всех народов пытались разгадать, что есть время. Вячеслав перечитал массу литературы об этом. Да и своих выводов накопилось на целые трактаты. А уж верно это или нет, скажет само время.

Время всё может сказать человеку. Время – это поток, который мгновенно пронизывает всю Вселенную. Если это так, то свет от звёзд и лучи от Солнца приходят к людям мгновенно благодаря времени. Наступает вечер, ночь и лучи Солнца не доходят до другой стороны Земли. А утром земной шар, поворачиваясь к Солнцу, мгновенно получает свет и тепло. Их приносит Время. Поэтому оно взаимодействует с материальными телами мгновенно.

Вячеслав как-то читал в научном журнале о том, что существует теория и практика восстановления своего лучшего состояния в более молодые и сильные годы. Но для этого необходимо сосредоточиться, внутренне собраться. Конечно, надо проявить для этого силу воли, собраться в кулак. Это явление ещё называется медитацией. Оно знакомо подготовленным экстрасенсам. Такие люди умеют лечить болезни и определять их по фотографиям.

Вот здесь причиной служит Время, которое пронизывает мгновенно всё: прошлое, настоящее, будущее. Если человек сосредотачивается, то идёт в своё время, которое вроде бы ушло. Если Время пронизывает мгновенно всю Вселенную, то это же происходит и с живыми организмами.

Учёный Николай Александрович Козырев проводил опыты наблюдения над звёздами. Он быстро передвигал телескоп в разные точки неба по траектории, где должна быть звезда. И во всех точках фиксировалось присутствие данной звезды. Получалось так: всё, что существует во Вселенной, существует во Времени.

Очевидно, так происходит и с человеком. Он (человек) присутствует во времени в любой момент и всегда, при этом изменяясь. Если память смутно удерживает свой собственный образ более раннего периода, то точную формулу прошлого несёт запечатлённая фотография. Отсюда следует один из выводов. Взяв свою фотографию более раннего периода, человек внимательно вглядывается в самого себя и со временем становится таким, каким был раньше. Получается, что человек возвращается в ту точку времени, где был.

Если Время пронизывает всё, то человек всегда находится в этом времени в любой точке. Очевидно, из этого положения трактуются сны, когда мы видим себя почему-то 5 000 лет назад в какой-то другой стране. И если материальное тело человека не насчитывает и ста лет, а человек видит себя во снах за несколько тысяч лет назад, это может говорить о том, что мысль тоже материальна и она есть, наверное, отражением Времени.

Мысль присутствует везде во времени и находит пристанище в мозгу у любого индивидуума. Отсюда следует вывод, как понятие: отдавать и получать. Чем больше ты отдаёшь, тем больше ты получаешь. Очевидно, всё то, что человек отдаёт: нежность, ласку, любовь, материальные вещи – фиксируется в потоке времени и возвращается человеку, но в другом восприятии.

Велик принцип: «Да не оскудеет рука дающего». Мы получаем столько тепла и света, сколько отдаём. Из этого вытекает поэтическая строчка: «Сам себе внутри свети». Ничего нет в этом парадоксального. Люди отдают свой свет, свою энергию в поток Времени. А потом получают их. Поэтому мы не исчезаем. Существует теория: энергия не исчезает бесследно.

Если все эти рассуждения сходятся с действительностью, то Библия преподносит, очевидно, факты, которые были на самом деле.

В ней указан срок жизни до 1 000 лет. Человек может жить долго, только для этого надо быть во Времени, в его всепроникающем потоке, и не ставить себе рамки, снижая своё существование.

Вячеслав до сих пор помнил сон, который ему приснился. Учился он тогда в шестом классе. Он заснул, а проснулся у подножия огромной высоченной стены. Это была крепость. Перед ним вдоль стены росли кусты с огромными листьями. Он пошёл вдоль стены. Через некоторое время он оказался недалеко от ворот крепости. Ворота были открыты. Из ворот выходили воины. Они были полураздеты. Низ от пояса был закрыт какими-то накидками, похожими на короткие юбочки. В руках у каждого было древко-копье. Воины были чернокожие. Они вышли из ворот и направились по пыльной песчаной дороге вдаль от крепости. Через некоторое время они скрылись в зыбком солнечном мареве. Также незаметно от Вячеслава ушёл сон. Однако, проснувшись, он хорошо и отчётливо помнил этот сон.

Только много лет спустя он узнал, что воинов египетские фараоны набирали из соседней Намибии, которая в то время входила в царство Верхнего Египта. Откуда этот сон, о котором Вячеслав помнил всё время? Это были выкрутасы Времени или какие-то его сигналы? Поди, отгадай.

Время часто проделывает с человеком удивительные, неразгаданные штуки. В раннем детстве, думал Вячеслав, мы вообще не замечаем времени. Начиная взрослеть, нам хочется, чтобы время шло быстрее. Затем приходит пора, когда мы начинаем замечать, что время идёт очень быстро.

И это происходит не только в сознании человека. Очевидно, поток Времени изменяется и не является величиной постоянной. Времени находят различные определения: время тянется как резина; время летит; время мчится; время останавливается; время бежит и время замедляет свой бег.

В природе существует масса примеров, когда человека спасало время. В одном из научных журналов описан такой случай. Человек на машине переезжает железнодорожный переезд. По железнодорожному пути мчится поезд. Столкновение неминуемо. И вдруг

человек замечает, что поезд идёт медленно, хотя ничего не изменилось. Человек как бы со стороны наблюдает за всем происходящим: и как он успевает переехать переезд, и как мчится по рельсам поезд, где он только что был.

Описан был ещё один интересный случай. Во время боевых действий один из бойцов видит, что в него летит пуля. Боец всё осознаёт, видит направление пули, уклоняется в сторону от пули, видит, как она пролетает мимо. В пространстве ничего не изменилось, только для бойца время ускорило свой полёт.

Рассуждая об этом моменте, Вячеслав подумал вот о чём. Время каким-то образом предупредило бойца о происходящем, и на мгновение раньше показало ему картину, на которую боец отреагировал. Это ещё одна загадка времени. И это подтверждает, что время – величина непостоянная, и оно может быть непостоянным и для определённого индивидуума.

Как это происходит, совершенно не ясно, но, очевидно, это связано с работой мысли и с ощущением, вернее, предощущением восприятия происходящего, с реакцией индивидуума именно на время.

Какая-то связь между временем и работой мозга есть. Притом, это не связано с человеком конкретно. Оно, время, всё может сделать с человеком, думал он. Любое горе сглаживается, только надо отдать времени. Прежние радости забываются, чтобы сохранить остроту чувств, нужны толчки. Возвращение в те времена, когда чувства бывали обострены. Чувства – это костёр. Дров не подбрасываешь – он затухает. А этим топливом служат письма, встречи, воспоминания.

Порой Вячеслав отрывался от мыслей на разговоры с сокамерниками. Рассказы сидельцев бывали порой забавные и смешные. К примеру, в одной камере с Вячеславом находился Петро Чёрный из Раздольненского района. Работал чабаном. Говорун – невероятный. Историй всяких рассказывал массу. Пётр до этого сидел в другой камере. С ним сидел дед за убийство своей бабки.

Дед, не лыком шитый, содержал своеобразный притон. К нему на квартиру приходили те, кому нужна была тайная встреча. Ходила на эту хату и жена одного следователя. Она работала в ресторане. Встречалась с прилетающим лётчиком гражданской авиации.

Однажды она договорилась с дедом, что придёт к 12 часам дня.

Приготовила выпивку, закуску и ждёт полубовника. А его всё нет и нет. По какой-то причине не появился. Она махнула рукой.

– Давай, дед, выпьем, – позвала деда.

– А чего же не выпить? Можно. И даже нужно, – довольно потирая руки, ответил дед.

Пропустили по одной. Она расслабилась. За разговорами закончили бутылку. В ход пошла вторая. Не заметила, как оказалась в постели вместе с дедом. А дед был ещё ядрёный мужик. И молодичу не пропустил, и себя не опозорил. Этот скрытый притон был на примете у милиции. Как уж там было, но в тот момент пришли из милиции для проверки.

Среди проверяющих был муж этой молодухи. Думал дед, что ему будет хана. Но ничего, обошлось. Уже сам он позже попал в беду. По пьяни толкнул бабу, а она упала, да и головой о порог. И... отдала Богу душу.

Как-то случилось, что из камеры забрали всех сокамерников на этап. Так Вячеслав очутился в камере один. Он удивился, но обрадовался этому одиночеству. Отвык от людей и его к ним не тянуло. Пришла какая-то диковатая мысль: если бы пришлось сидеть в одиночке – вполне мог выдержать. Были бы книги, ручка, бумага. Большого не надо. Ещё раз с благодарностью подумал о книгах. Они его буквально спасали во всех трудных ситуациях.

Правда, и сокамерники не очень беспокоили разговорами. Один скажет за день пару-тройку ничего не значащих фраз, и опять в сон. Второй тоже немногословен. Его крутят за мокрое дело: бесследно пропала его жена. Он всё отрицает, да и не наше это дело. Чужая душа – потёмки. Тут в себе не разберёшься, а ещё чужие заморочки.

Он часто думал о детях – Сусанне и Богданчике. Как-то дико получается. Когда он особенно нужен им и должен быть с ними, его нет. Какой-то злой рок. Где суть всего происходящего? Решают именем республики. А ведь это – всё условности. Решают конкретные люди, которые, по сути, не готовы к таким действиям.

Например, ведётся борьба с алкоголизмом. Трубят со всех трибун: алкоголь – вред. Уничтожает мозги, сердце, здоровье. От него

все болезни. Все клеймят пьющих. Шум по этому поводу – неимоверный. А она, водочка, спокойно стоит на прилавках магазинов в бесчисленных количествах от дальних сёл до столичных городов. Пей, заливайся!

Могут возразить: не пей, держись. Один может, большинство – нет. Убрать нельзя. Государство потеряет значительную статью дохода. Задавался вопросом: а разве государство не теряет больше на том, что пьёт столько людей?

Пьющие опускаются, разваливаются семьи, дети растут без родителей. Разве государство не теряет на этом больше? Теряет. Так к чему же вся эта трескотня? Самый действенный пример для тех, кого учат, – пример наставников и учителей. Вся сила – в действии, а не в пустых словах.

Клеймит какой-то деятель пороки с трибуны, а выйдет с собрания, берёт в руку рюмку коньяка, снять напряжение. Да ещё в компании молодых девушек. А окружающие всё видят. Шила в мешке не утаишь. Возникают у народа мысли: «Им можно, а нам нельзя». Получается, разговоры о всевозможных запретах – для вида. К идеалу никогда не приблизиться.

Под впечатлением прочитанной книги «Сердце в строю» Вячеслав написал стихотворение. Слова порой льются легко и свободно. Но бывают моменты, когда не идёт нужное слово, ну, хоть убей. Он часто размышлял над укладом тюремной жизни, глядя на людей в камере. Совершенно по-разному ведут себя люди. Одни – как мешком пришибленные. Боятся лишнего слова сказать, лишнее движение сделать. А по разговорам – на воле был человеком, и неплохо стоял.

Условия действительно суровые. Не курорт. Но опускаться нельзя. Горе – это одно из средств закалки человека. Для сильных натур. Многих оно ломает, бросает в бездну душевного падения. Люди превращаются в существа жалкие и никчёмные. Вячеславу много раз приходилось видеть, как здоровым, сильным мужиком управляет мелочь, наглая и бесшабашная.

Загоняют под шуршу (кровать в тюремном обиходе), заставляют сидеть на параше. Доходит до того, что вообще опускают.

И уже такой индивид не имеет права сидеть рядом с зеком, есть за одним столом. Он имеет свою миску, курит, если только дадут. Любой может оскорбить, как хочет. Но это – не самое худшее. Его могут бить и пинать, как бездомную собаку. Слабых не любят и ненавидят.

Сила! Физическая сила, в придачу – ум. Вот что здесь ценится. Имеешь характер – сумеешь поставить себя так, что будут если не уважать, то бояться.

Люди в тюрьме, в зоне сходятся по интересам, по землячеству, по интеллекту. Живут семьями. Одному прожить невозможно. Почти невозможно. Кто-то должен прикрывать хоть немного спину. В тюрьме любят рассказывать о своих похождениях, но за словом надо следить, чтобы не попасть впросак.

Можно долго находиться рядом с человеком, но добиться от него доверия невозможно, если лезешь к человеку с расспросами. Если человека не трогать, то рано или поздно он всё равно расскажет то, что скрывал. Людей, хранящих свои тайны навсегда, нет. Груз тайны очень тяжёл. Он съедает тебя изнутри, давит. Никогда не надо лезть в чужие дела, там всегда неблагополучно.

Наступает время, когда человеку нужно облегчить душу, выговориться. Человек не властен над своими душевными бурями, но вполне в его силах, чтобы эти бури не выходили наружу. Всё зависит от условий и рядом находящегося. Нужен человек, умеющий слушать. Исповедь перед служителями культа возникла не зря. Она (исповедь), конечно, имела две стороны. Человек снимал камень с души. В то же время, приобретал человека, который мог воспользоваться тем, что узнал на исповеди.

По тюрьме бродит шутка: «Священников заменили врачи и следователи». Среди зеков попадаются упорствующие. Они объявляют голодовку, вскрывают себе вены, лезут на скандал с администрацией. А спросишь: зачем он это делает? Он не сможет точно ответить, сформулировать свои требования. Он даже не знает, нужно ли то, что он делает.

Понятно, каждый добивается своей правоты. А методы – разные. Но есть такая аксиома: находясь внутри системы, по сути, у

неё в руках, систему не победить. В тюрьме, в лагере надо понимать, что администрация не виновата в том, что люди – за решёткой. Они на работе, и делают своё дело. «Сплели лапти» тебе совсем другие люди. А к ним так просто не подберёшься. Надо искать другие способы доказать своё.

В тюрьме, в лагере надо подчиняться установленным порядкам. Нет, это не покорность, а проявление разумности. Необходимо беречь свои душевные и физические силы. Не растрачивать их попусту в глупом противостоянии устоявшимся правилам. А если обо всём этом сказать короче, то надо проявлять гибкость ума. Ну, а не умеешь, надо учиться. Ведь не зря жизнь отправляет в Академию Мозгунова. Надо оставаться самим собой и не искать ни помощи, ни одобрения, ни понимания, сколь бы желанными они ни были.

Главное, именно здесь, в неволе, надо готовиться к жизни на свободе. За срок, который получаешь, отвыкаешь от уклада жизни на воле. После освобождения, прежде чем окунуться в новую жизнь, надо осмотреться. Коварство преследует на каждом шагу. И на свободе его больше, чем в заключении. Прогресс сделал своё дело. Люди научились вредить друг другу технично.

Бой с открытым забралом в современной жизни неприемлем. Исконная русская черта – любовь к кулачным боям – сейчас забывается, или уже забыта. В литературе встречаешь массу эпизодов, описывающих решение вопросов кулаками. И те, кто плели, шили, стряпали – гораздо хуже, чем те, которые работают с огорчёнными жизнью людьми.

Есть в Вячеславе черта характера, которая доставляла ему много неприятностей в жизни. Он высказывал человеку, занимающему положение, в глаза всё, что он о нём думает. Реакция понятна. При удобном случае ему мстили. И мстили жестоко.

Я правду говорю в глаза,
И не люблю кривить душою.
И вот уж надо мной гроза,
И тяжестью легла большою.

Себя не буду презирать за ложь –
Я с нею не живу в обнимку.
И потому правителям не гожд –
Хожу в изношенных ботинках.

В заплатках одежонка вся.
Не получаю гонорары.
И жизнь свою с трудом неся,
Я вновь осваиваю нары.

Дело, состряпанное против Вячеслава, никто пересматривать не захотел. На поданную апелляцию пришёл ответ из областного суда: всё оставить без изменения. Вячеслав расстроился, хотя и не ожидал ничего хорошего от этой затеи. Не для того они его заталкивали в неволю, чтобы так легко отпустить. Он взялся пересматривать фотографии семьи, чтобы хоть немного успокоиться. Но расстроился ещё сильнее.

На фото – доченька Сусанна и совсем ещё маленький сын Богданчик. Они одеты, сняты на фоне кустов. Выглядели очень грустно. У Вячеслава сжалось сердце до дикой боли, до беспредельной тоски. Он понимал, как его детям нужны сейчас забота и защита. Хорошо, что с ними мама, любящая и надёжная. Но ей тоже нужны защита и помощь.

Он подумал, что в этом мире надо рождаться в таком панцире, как у черепахи. Но вряд ли это спасёт от подлости со стороны тебя окружающих. Ты живёшь в работе, в заботах о семье, о мире, а рядом какой-то гад копает под тебя своим рылом. Отмахиваешься, как от укусов комара, а, оказывается, надо не отмахиваться, а быть настороже и опасаться людей, особенно тех, кто тебе в глаза улыбается. Надо научиться ко многому относиться с недоверием. Это идёт на пользу.

Ты не успел отвернуться, а тебе в спину – нож, да при случае – ещё и повернут в ране. Это, конечно, образно. Вячеслав был в смятении. Он получил семь лет строгого режима. Всем существом понимал, что это незаслуженно и жестоко, но что он сейчас мог поделать?

Подумал о детях: ведь они вырастут без него, а каково будет Валентине? Хватит ли у неё сил выдержать всё это?

Мыслей в голове – обо всём! О справедливости, о человеколюбии и прочей чепухе. Он начинал понимать, что всё это – только на словах. Это говорится, чтобы скрасить суровую жестокую жизнь. Без прикрас она (жизнь) выглядит ужасно и по-настоящему страшно. Вокруг идёт драка за жизнь, за выживание. Драка кровавая, не прощающая никаких ошибок.

Вячеслав пытался взять себя в руки. Постоянная ходьба, занятия физкультурой. Но пока в душевном плане это мало ему помогало. Он думал о том, что жил хорошими делами, с нормальными помыслами, а всё рушилось из-за подлецов. Что это? Где истина? Чему верить?

От этих раздумий приходят мысли, что жить открытым в этом мире совсем нельзя, надо быть себе на уме. Ему было уже 36 лет, а разве в таком возрасте характер переделаешь? В этом мире надо надеяться только на себя и доверять себе. Ему приходил на ум пример. Он дружил с Володькой Губенко. Знал его больше двадцати лет. Когда тому было тяжело, помогал ему, вытягивал из беды.

Когда он тонул, спас его. А в результате на суде начал говорить на Вячеслава такое, что сам перепугался. Но Вячеслав сжал зубы и не отвечал, хотя мог усугубить его положение. Выглядеть подлецом даже перед собой он не хотел. Вовка хорошо изучил Вячеслава. Он знал, что Вячеслав твёрдо всегда отвечает за слова, и если не сдержит слово, перестанет себя уважать. В жизни каждого наступает момент, когда обстоятельства вынуждают его раз и навсегда определить свою судьбу, совершить тот поступок, после которого уже нет дороги назад.

Помогала выбраться из плохого настроения, хоть и ненадолго, физическая нагрузка. В камере было кому портить настроение. Както в камеру привели интересного типа. Старшина, который его привёл, сказал, обращаясь к нему:

– Смотри. Это тебе – не третий этаж. Веди себя нормально.

На третьем этаже в камерах, в основном, сидели те, кто попал по первому разу и по не тяжёлым статьям. Находясь в прогулочном дворике, новоприбывшему задали вопрос:

– Чего это тебя старшина предупредал?

Прибывший ответил:

– Я не привык, чтобы мне грубили. И к грубому обращению.

Вячеслав, выслушав его, произнёс:

– Тюрьма и не таких обламывала.

А он в ответ:

– Я тоже не подарочек.

Так его в камере и прозвали – «Не подарочек».

Пришло время, «Не подарочек» разговорился, рассказал, как лез в петлю на второй день пребывания в тюрьме. Заявил:

– Я жить не буду.

А ему – всего двадцать три года. В камерных беседах выяснилось, что он ещё нигде и не работал.

– А зачем? – спросил он Вячеслава.

– Но ведь ты же для чего-то живёшь? У тебя должны быть какие-то цели?

«Не подарочек» ответил:

– В Ялте, где я жил, большинство молодёжи не работает. Все пьют, воруют, ширяются.

Он был из наркоманов. О какой работе можно говорить? На почве наркомании резал себе вены, но его спасли. Вячеслав толковал «Не подарочку»:

– Тебе нужно найти тяжёлую физическую работу. Она от всего лечит. Дурные мысли лезут от праздности и безделья.

А тот твердит одно:

– Всё равно покончу с собой. Нет ничего в мире такого, что бы меня привлекало.

«Не подарочек» первое время не ел. Всё выливал в парашу.

– Таковую баланду и свиньи не едят, – заявлял он с апломбом. – Я на свободе ел только хорошую пищу.

В камере только посмеивались над его причудами.

– Скоро эта пища будет тебе казаться самой вкусной, – говорили сокамерники.

Но он упорно твердил, что есть не будет. Надолго его упорства не хватило. На третий день всё пошло в дело: и хамса, и овсянка, и хлеб специального замеса, для зеков. Голод – не тётка. Придавит – всё

начнёшь жрать. Грубая пища полезна человеку, по утверждению врачей, особенно тюремных. Возможно, но не в таком объёме и не по столько лет. А впрочем, люди живут в тюрьме и работают.

«Главное – не пища, – думал Вячеслав. – Главное – потеря свободы». Но в тюрьме встречались люди, которые совершенно спокойно относились к потере свободы. Из разговоров с ними становилось ясно, что нет у них на свободе ни пристанища, ни человека, к которому можно было прислониться.

В рассуждениях о своём положении к Вячеславу пришла мысль, что он – всего один зек из сотен тысяч, сидящих в лагерях и тюрьмах. Кого интересуют судьбы, переживания каких-то зеков? В масштабах государства – это ничто. Поражала мысль: природа создала человека жить, трудиться, есть и обязательно любить. Лишая человека свободы, власти насильственно влезали в организм человека, в его физиологию и психику.

У каждого, по крайней мере, у большинства есть женщины. Насильственная разлука чревата нежелательными последствиями. Отсюда всевозможные извращения – гомосексуализм. Из них выскакивают новые преступления. Конечно, те, кто силён духом, те держаться. Но за ними гонится другая беда – медленная атрофия.

Человек создан для деятельной жизни. В нём изначально всё гармонично и рассчитано на активную жизнь во всём её многообразии. В камере часто рассказывают о своих подругах. Сетуют, что срока для них – большее испытание, чем для сидельцев. На воле соблазнов больше, и держаться женщинам тяжелее. Не зря на слуху и в прочтении говорим о верности Пенелопы, прождавшей Одиссея 20 лет. Некоторые сокамерники ругают своих подруг:

– Не успел сесть, а она уже гуляет.

Узнавание о супружеской неверности приводит к новым конфликтам. Планы государства грандиозны, а главное забыто – человек. Вячеславу пришлось поехать по стране. На своём пути встречал разных людей. В основном попадались нормальные люди, но хватало и мразей. Трудовая деятельность Вячеслава началась очень рано. Просто так ему в жизни ничего не досталось. Всё в какой-то борьбе.

Время идёт. Жизнь в тюрьме – сплошное ожидание неопреде-

лённости. Вячеслав нагружал себя до предела физически, это помогало мыслям идти в другом направлении, удаляясь от тоски, огорчений. Он вспоминал вольную жизнь. Как-то ему на ум пришла мысль о директоре турбазы Бернштейне. Хитрый, изворотливый человек. Постоянно прикидывался таким добряком.

Бывало, разговариваешь с ним о чём-нибудь турбазовском. Подходит человек. Он жмёт ему руку, отпускает какие-то шуточки, решает вопросы. А стоит тому отойти, вслед ему тихонько несётся: «засранец», «гад» и ещё какая-нибудь пакость. Это произносится так, как вроде только тебе он доверяет сказанное. Так он проделывает со всеми.

Вячеслав знал точно: стоило ему отойти от директора, вслед будет в спину брошена гадость. Бернштейн страшно, до обожания, любил сплетни обо всех. Слушал их с удовольствием, а после смаковал. Не зря же выражение: «Рыба гниёт с головы». На турбазе сплетни были главным занятием большинства. Плетут друг на друга, что попало.

Стоит на турбазе произойти ссоре, бегут разбираться к директору даже из-за мелочей. Кто прибежит первым, тот и прав. Его Бернштейн и поддерживает. Зная это его качество, его ловят, где попало, не дожидаясь, когда он придёт в кабинет. Лишь бы быть первым на докладе. Он окружил себя дураками и не скрывает этого. Цинично заявляет:

– Умные могут подсидеть, а дуракам без меня не обойтись.

Какие они работники, его особо не волновало. Он и сам-то в году если бывал на базе шесть месяцев, то это хорошо. То болеет, то в командировках, а вместо него руководят бездарные замы. Люди без образования и без зачатков логического мышления. Вся их сущность: обогащение любым путём. По иронии судьбы, они поставлены над другими. Оба зама – интриганы и подлецы.

На базе большинство – народ безграмотный. Их интересы не выходят за пределы турбазы. Есть на базе несколько достойных людей, но они теряются в общей массе. Большинство работников угрызений совести не испытывают. Да и зачем? Перед глазами такой пример, как директор и его замы. Директор может читать мораль по любому случаю, отчитывать работника при людях. Проходит какое-то время, и база узнаёт, что он имеет сожительницу, по счёту – уже четвёртую, а попутно живёт с медсестрой.

В корпусе попался с молоденькой практиканткой. Это по выражению: в своём глазу бревна не видно. Ругает работников кухни и даже выгоняет с работы за то, что тащат продукты. Ему самому тащить не приходится. По твёрдо заведённому графику каждое утро рабочий продовольственного склада несёт к нему в дом кусок мяса и другие продукты. Ну, можно допустить, что директор, хоть и неофициально, имеет право пользоваться такой привилегией!

А для чего строили коммунизм? Хоть в малой части, но такие коммунисты, как он, должны жить при коммунизме! Ладно бы сам, так в летнее время огромная армия родственников прибывает в Планерское на турбазу и присасывается к вымени директорского коммунизма. Демонстративно, на глазах у всех, в ресторане. Чем не заразительный пример для других?

Как-то в беседе директор рассказывал, как живут «слуги народа». Это его выражение. Он часто ездил в Киев в командировки, поэтому рассказ был о киевлянах. Семья из трёх или четырёх человек живёт в элитном доме в квартире из девяти комнат. Это министры, их замы и прочее руководство. Продукты получают по отдельному лимиту в специальных магазинах. Помимо «пособий», получают высокие заработные платы в тысячах.

В то время, когда заработная плата простого работника еле доходит до ста рублей! Всё это он рассказывал с возмущением. И разрушить эту систему, с его слов, нельзя. Всё это, конечно, там, в Киеве, он не говорит. Разве можно себя выдавать? А если короче, то играет роль «бунтаря на коленях». Но всё сказанное не мешает ему пользоваться благами здесь. Он имеет квартиру в Феодосии и занимает огромный дом на территории турбазы.

Рассказывая о связях и блате вверху, спокойно занимается этим сам здесь, внизу. По разным записочкам от прокурора, судьи и прочих должностных лиц он устраивает на базе их родственников, да и их самих, приобщая к коммунистической жизни: «Всем по потребности». Только слово «всем» не несёт своего настоящего смысла. Всем, да не всем!

Трудовой народ едет в Крым отдохнуть, а места на турбазе забраны «блатными». Вот и приходится простому люду снимать койку за 1 рубль 50 копеек у местных жителей, вплоть до скотного

сарая, и выстаивать огромные очереди в столовых общественного питания, которых очень мало. Вот тебе и «хозяева» страны. Получается, что «слуги народа», чтобы отличаться от «хозяев страны», носят в своих нагрудных карманах билеты членов коммунистической партии. Зачем? Они знают.

Вячеслав попытался нарушить ход событий на турбазе и получил нагляднейший, жестокий урок: «В этой жизни болей за себя и своих близких. За общество – не надо». Оно само о себе побеспокоится, если найдёт нужным. Однако Вячеслав понимал, что не везде так устроено. В Сибири всё гораздо проще, искреннее и есть зачатки справедливости.

То ли обстановка в Крыму делала людей такими, то ли ещё какие причины, но то, что люди, встречающиеся ему, были жаднее и хуже – это неоспоримый факт. Есть определённый слой нормального населения и в Крыму. Это те, кто работает на полях, на виноградниках, на фермах. Труд полезный воспитывает в людях положительные качества.

Вячеслав часто вспоминал свою работу в экскурсионном бюро. Ему эта работа нравилась, и работал он с удовольствием, и подходил к работе творчески. Нравился процесс познания края. Он перечитывал массу литературы, добывал факты и знания, где только мог. Не стеснялся спрашивать у коллег по работе. Рассказы экскурсионные он писал сам. К делу подходил со всей серьёзностью.

Он любил преподнести материал, который хорошо знал и хорошо уложенный в голове. Процесс общения и нахождения контакта с группой доставлял ему истинное эстетическое удовольствие. Вячеславу было приятно осознавать, что своим рассказом захватил группу, полностью завладел её вниманием. В глазах людей он видел искреннюю заинтересованность. После экскурсии экскурсанты предлагали ему написать благодарность. На это он отвечал:

– Всем понравилось. Это и есть лучшая благодарность.

Зачастую, подходя к экскурсионному киоску, он слышал разговоры от людей, бравших билеты на экскурсии:

– Мы бы хотели поехать с Вячеславом Ложко. Нам о нём рассказывали наши друзья.

Всё это заставляло его работать над собой, чтобы не ударить

лицом в грязь. Публика приезжала в посёлок Планерское образованная. Было много писателей, журналистов, художников, музыкантов. Посёлок с богатыми писательскими, культурными многолетними традициями притягивал к себе творческую интеллигенцию. А они с интересом посещали экскурсии.

Он очень любил горные маршруты. Любил находиться в объятиях природы. Определённые трудности горного маршрута сплачивают людей, плюс интересные рассказы о местности и помощь по ходу. Результат получался отличный. Он любил брать с собой в горные экскурсии людей старшего возраста. Некоторые, столкнувшись в начале экскурсии с трудностями, пытались уйти, отказаться от экскурсии. Он их не отпускал. Убеждал остаться и пройти маршрут. Он старался пробудить в человеке дремлющие, ещё имеющиеся силы.

Конечно, нужны были спокойствие и настойчивость. Вячеслав понимал, что работа с людьми забирала много душевных сил. Возможно, по этой причине, сталкиваясь с людьми, которые пытались его спровоцировать на скандал, он порою срывался. По характеру он был вспыльчив и легко заводился. Нервная разрядка наступала в самый неподходящий момент. Все эти воспоминания и размышления несколько его успокаивали, но ненадолго.

В связи с происходящими событиями, разговорами о людях, их качествах ему вспомнился случай, который произошёл у них на турбазе.

Долгое время на территории пансионата жила пара лебедей. Они настолько привыкли к людям, что ходили свободно, где им вздумается. Однажды лебеди гуляли недалеко от ворот. И вот тут произошло непредвиденное событие. На большой скорости во двор въехал автобус, и подруга лебеда, не успев отскочить, попала под колеса. Боря, так звали лебеда, громко кричал и не отходил от того места, где лежала задавленная подруга. Все ругали шофёра, но... сделанного не воротишь.

Боря совсем загрустил, и только внимание и забота пожилой дворничихи, которая кормила птиц и животных в живом уголке, помогли ему оправиться от горя. Он ходил за дворничихой постоянно. Где она, там и Боря. Но стоило кому-нибудь из шофёров появиться рядом, Боря вытягивал шею и сердито начинал шипеть. А вот убий-

цу своей подруги он просто преследовал. Каким образом ему удалось узнать шофёра-убийцу, остаётся загадкой. Но, увидев его, Боря высоко вытягивал шею, раскрывал клюв и, широко расставляя крылья, устремлялся на своего кровного врага. Налетая на шофёра, он бил его крыльями и клевал, при этом громко кричал. Всё это происходило на глазах у многих. Шофёр не мог ударить Борю, а только отмахивался. Так продолжалось долго и... шофёр не выдержал насмешек и ненависти одного лебеда – уволился. А Боря ещё долго ходил за своей спасительницей по территории пансионата.

Вячеслав почувствовал, что на него наваливается медленно, но уверенно апатия. Он чувствовал исподволь, разумом осознавая безвыходность своего положения. Он почувствовал, что его жизнь и судьба зависят в буквальном смысле слова от его величества случая. Вся его борьба в тюрьме, внутри изолированного мира, похожа на удары головой о стенку. Ему больно, а стенке всё равно.

Ему передали, что кто-то неизвестный заинтересовался его делом. Пока только заинтересовался. Эта весть вновь вселила в него надежду. По сути, ничего не произошло, а настроение получило градус улучшения, настолько, насколько в этой обстановке оно может улучшиться. Да, без надежды тяжело жить, но и тешить зря себя надеждой нельзя. Надежда расслабляет, забирает боевой настрой. В закрытом пространстве человек мнимое принимает за действительное и поэтому всё время обманывается.

Однако иллюзия какой-то другой жизни, которая может наступить, помогает переносить трудности. В газете Вячеславу попалась статья некого И. Викторова о нём. Вячеслав его не знал, но по тону статьи понял, что он – пустой человек, гонящийся за дешёвой славой. Статья явно заказная. Не зная дела, этот писака навалил кучу нелестных эпитетов на него, приклеил ярлыки. Пустобрех!

Вячеславу и на свободе иногда тыкали в глаза, что он был судим. И кто тыкал? Те, кто сами должны были за свои делишки давно сесть. Но они прикрывались партийными билетами, связями. А хапали не потому, что была необходимость, а из-за жадности и потому что была возможность хапать. Всё это вновь наводило на размышления. Работал он не хуже, а зачастую лучше других. Работы

не боялся и работал в любом месте. И хоть вокруг постоянно твердили, что труд – это главное мерило в характеристике человека, но в жизни на это просто плюют. Работаешь, ну и работай.

Вот если человек прогибался, подхалимничал, тогда ещё куда ни шло. Ну, а если строптивый, самостоятельный, вот и отсылают в лагерь. Там работяги нужны. Будешь работать до одури. Работа дураков любит. Сколько пословиц и поговорок по этому случаю: «На сердитых воду возят», «Покорное телятко двух маток сосёт». А про тех, кто говорит одно, а делает другое: «Всем известно, что лукавые живут лестью».

Вячеслав, возмущённый статьёй в газете о нём, написал в редакцию и отослал. Надежды на то, что поступят по совести, мало. Но хоть душу излить. А то облили грязью со всех сторон, а ты выбирайся или захлёбывайся. Вячеслав ушёл в воспоминания и написал рассказ из своей жизни. Читал сокамерникам. На удивление, они внимательно слушали и одобрили.

Его охватывало недовольство, что от Валентины давно не было вестей. Пришли на ум слова: «Много наших бед от того, что мы не доверяем женщине. Мало уважаем её. А в ней – святость материнства, мудрость веков. Она – антагонист бесчеловечности потому, что она мать». Но это мнение того, кто писал. Это в книге, а в жизни? В действительности всё не так. Он думал, что именно женщина-мать оболгала его, пошла главным лжесвидетелем. Суд влепил семь лет строгача. Вот тебе и чувства материнства.

Декабрь 1975 года. Вячеслав в следственном изоляторе. Было краткое свидание с Валентиной. Поговорили. На турбазе не успокоились, льют грязь. Но к этому уже надо привыкнуть. «Бьют, по сути, лежачего». Надо стерпеть и не оставлять свою борьбу. На ум Вячеславу пришёл зековский анекдот: «В камеру заходит зек. Задают вопрос:

– Сколько дали?

– Тринадцать лет, – отвечает.

Следует новый вопрос:

– А за что?

Зек отвечает:

– Да ни за что.

Спрашивающий говорит:

– Бреешь. В Советском Союзе больше десяти лет за «ни за что» не дают».

Анекдоты из жизни, факты, которые были на самом деле. Или такой эпизод. Из другой камеры через окно один орёт другому: «Витька, тебе сколько дали?» Из другой камеры следует ответ: «Десять лет особого режима». Тот, который спрашивал, резюмирует: «Не щак». Это означает, что ничего страшного. Витька задаёт вопрос спрашивающему: «А тебе сколько дали?» Следует ответ: «Три года химии». И тут же реакция на ответ: «Ого! Они что, одурели?»

Срок, даже большой, принимается как должное, а условное осуждение, каковой является «химия», – как подвох со стороны суда. Настолько в сознании людей укрепилось понятие жестокости власти. «А, между прочим, – подумал Вячеслав, – власть сильна милостью». Мысли всё летят и летят вперёд. Хочется как-то разгадать, а вернее, предугадать дальнейшую жизнь. Но это невозможно. Из страны мечтаний возвращаться тяжело.

Рассказывая о жизни, о сроках, которые пришлось отбывать в местах и не столь отдалённых, и отдалённых, придётся использовать слова, употребляемые в зоне, да и на воле. То есть, иногда придётся использовать блатной жаргон. Этот жаргон лежит в основе всего тюремного и лагерного общения. Жаргон уже давно проник в большую литературу. Создавался он, конечно, с течением времени давно, но прочно входил в обиход общения. Многие даже не знают, откуда брались жаргонные слова, как возникал тюремный сленг, но пользовались им повседневно.

Блатной жаргон возник от слова «блат». Кто бы мог подумать, что это слово в обращение ввёл ни кто иной, как Пётр I. Реформы в то время приходилось внедрять силой. Кто не помнит стрижку бороды у бояр? Для них это был срам. Однако сообразили и те, у кого были деньги, откупались от этого «срама» и избегали его. Таких людей включали в особый список. Список назывался голландским словом «блат» (blat). Вот так и появились «блатные», а от него – «по блату».

После Октябрьской революции в стране наступили голодные времена. Именно тогда пролетарский писатель М. Горький приходил

к Ленину на приём и приносил списки лиц, которых он хотел спасти для России. Вождь пролетариата предложил наркомуп снабжения Цурюпе изыскать дополнительные пайки для деятелей русской культуры, которые были указаны в списках, приносимых М. Горьким.

По ассоциации с блатными преступного мира, который к тому времени уже оформился в преступную мафию, остряки из народа стали называть людей, которым удалось избавиться от мора, блатными. Смысл выражения «по блату» в системе, строящей коммунизм, не только сохранился, но и набрал угрожающую силу. Любкой гражданин страны знал, что это такое.

Блатные – это воры и урки в понимании, которое придаётся этому определению, стали крупным и стойким формированием среди уголовников. На свободе блатные держались особняком. В лагерях и тюрьмах они тоже имели привилегированное положение. У них были строгие свои законы. Свой язык, так называемая «феня». Однако в конце XX века всё изменилось. В блатном мире начались крупные разногласия, разборки. Началась крупная резня тех, кто «ссучился», тех, кто продался начальству, кто стал подлым. Крепкая мафия утратила свою силу, стала видоизменяться и растворилась в общей массе уголовного мира.

Новые воры стали придерживаться новых правил игры. «Паханы», матёрые блатные теряли свой авторитет, теряли поклонение молодняка. Воровской мир тунеядцев катастрофически разрастался, что не входило в планы управляющих органов. Общегосударственная операция была задумана в кабинетах Лубянки и осуществлялась не без участия чекистов. ГУЛАГ требовал покорных рабов. Об этом будет рассказано позже и подробно в большой отдельной главе.

Блатные жаргоны зародились в тюрьмах и на каторге ещё в старой России. Исходя из литературы, известно, что коммунисты того времени разными путями и через разных «вождей» заимствовали от блатных их конспиративность, железные правила верности своим принципам, резкое отлучение провинившихся, круговую поруку, верховодство.

Знающие люди писали, что политбюро – не что иное, как респектабельная кодла блатных паханов, восседающих на позолочен-

ных нарах в тёплом, уютном углу комфортабельной камеры. Возможности, сила правления и пища у политбюристов – в десятки раз улучшенные. Принцип власти был таков: «Подохни ты сегодня, а я – завтра». Действия в основе своей те же: «Отдай, не греш!»

Язык следователей, работников МВД, прокуратуры, охранных отделений насыщен отборными блатными словами и выражениями. И это – от простого милиционера до высокопоставленных генералов. А всё потому, что коммунистические деятели были близки к блатной психологии. Хотя они были наделены правом ограждать честных тружеников от преступников.

Русский язык универсален. Специалисты находят в нём греческие и латинские корни. В нём есть восточные и монгольские идиомы. Спецы утверждают, что мат в Россию принесли монгольские завоеватели. Всё это характеризует могучесть, гибкость русского языка. Ни один язык в мире не имеет такого простора и художественных возможностей, как русский язык.

Лингвисты, правда, не все, считают, что блатной сленг засоряет нашу речь. Мол, она и без того полна неологизмов, техницизм, бюрократических словообразований и прочих терминов, которые режут слух. Однако такие слова прочно вошли в обиход и в литературу. Такие выражения, как: «показуха», «тянуть резину», «чёрный ворон», «шмотки», «дать на лапу» – невозможно убрать из современной речи и вычеркнуть из книг.

Появляются и новые тюремно-лагерные слова. Многие поговорки, присказки, которые бытовали в разговорном обиходе блатных, родились в тюрьмах и лагерях. Есть такие: «А мы – люди тёмные, нам бы хлеба поболее» – это когда косят под дурачка. «Садись, у кого деньги завелись» – приглашение сыграть в карты. «Натяну ему нос на жопу» – угроза. «Ах, мама, роди меня обратно!» – присказка во время отчаянья. «А ху-ху не хо-хо?» – ироничный отказ. «А зачем мне этот компот кушать?» – неустраивающее дело.

«Без туфты, мата и аммонала не построили бы Беломорканала!» Туфта – приписки выполняемых работ. Подстёгивающие матерные слова у зеков и у начальства. Взрывчатка в своё время тоже сыграла роль. «Бей по рогам, чтоб с копыт свалился» – восклицание перед

дракой. «Бог не фраер, он всё видит» – утверждение, что справедливость побеждает.

«Блат и туфта выше ЦК» – хорошие деловые связи и мошенничество (печатная ложь, дутые проценты, приписки) весомее правительственных указаний. «Брать за горло» – воздействовать криком. «Ванька – Машкин брат» – упоминание о малоизвестном человеке. «Век свободы не видать» – клятва-присказка. «Ввели меня в блудную» – возмущение созданным неопределённым положением.

«В лагере закон – тайга, черпак – норма, прокурор – медведь». Это характеризует беззаконие в лагере. «Возьми с полки пирожок с гвоздями» – ироническая похвала, особенно в карцере. «Вот дали ему год. Отсидел 24 месяца и освобожден досрочно» – ироническая шутка. «Всё кипит, и всё сырое» – когда дело не получается. «Вставь перо в жопу и лети отсюда» – так блатные прогоняли от себя кого-то прочь.

«Втыкай глубже, бери больше, кидай дальше. Пока летит, отдыхай» – ироническая поговорка о земляных работах в лагере. «Глаз – ватерпас, член – отвес, ухо зверское» – характеристика сильного делового человека. «Гульнуть по буфету» – разгуляться, дать волю страстям. «Гуляш по коридору и отбивные по рёбрам» – меню в ожидании обеденной баланды. «Да куда он денется?» – выражение уверенности. «Да не пей же кровь» – требование к выигравшему партнёру.

«Дай ему по мозгам» – убедительно подействуй. «Да я тебя тысячу лет не знал и ещё сто лет знать не хочу» – выражение неприязни. «День кантовки – месяц жизни» – лагерная поговорка. «Держи уши торчком, а хвост – трубой» – подбадривание загрустинившего. «Держу за тебя мазу» – уверение в моральной поддержке. «Десять в зубы и пять по рогам» – десять лет лишения свободы и пять лишения прав. «До Бога – высоко, до Москвы – далеко» – о произволе лагерном. «Куда хочешь, жалуйся» – о произволе лагерном.

«Ему пробы негде ставить» – характеристика отпетого человека. «Есть две дырки в носу, и посапывай» – предупреждение кому-то не вмешиваться.

Многие такие поговорки используются в быту и на воле, и прочно вошли в повседневную речь. «Жизнь дала трещину» – сожаление

об ухудшении условий жизни. «Жить будешь, но есть не захочешь» – это о голодном существовании. «Из-за угла мешком притыренный» – характеристика человека с психическими отклонениями.

Очень богатый фольклор, но это – отдельная тема. Таких поговорок и пословиц от тюрьмы и зоны Вячеслав слышал десятки раз. Но все их не упомнишь, да он особенно и не хотел пользоваться этим языком. Выпендриваться ему ни перед кем не надо было. В «блатные» он не лез. У него был совершенно другой настрой по жизни. Но как знания, полученные от жизни, всё услышанное он принимал и зачастую удивлялся меткости высказывания. Как говорят зеки: «Интересно девки пляшут, по четыре бляди в ряд». Всё это сочинялось, копилось с давних времён. Как говорят: «Керенские времена».

Общаясь с нужными людьми, он часто слышал со стороны реплику: «Клинья к нему подбивает». А про очень энергичных и деятельных женщин говорилось: «Конь с яйцами, а не баба». Метко, точно, безапелляционно. Возмущение зеков о плохой пище: «Крупинка крупинку через черпак догоняет». А лагерным брехунам говорили: «Кто тебе поверит, тот и дня не проживёт». Встречая в зоне побитого зека с синяками, спрашивали-констатировали: «Кулак с полки упал». Над интеллигентами издевались: «Кусок интеллекта».

В разговоре о надобности какой-нибудь вещи говорили: «Легче украсть, чем просить». А о бесполезности какого-нибудь дела выражались ёмко: «Лепить к стене горбатого». О провалившемся деле толковали: «Летел как ангел, а упал как чёрт». Греясь возле костров в тайге, отмечали, что: «Лучше маленький Ташкент, чем большая Колыма». Когда кто-нибудь неудачно смеялся, ему втолковывали: «Что ты лыбишься, как одиннадцатый номер галош?». А самой популярной поговоркой в местах заключения была: «Люблю повеселиться, особенно пожрать».

А на тяжёлых земляных работах при перевозке груза твердили: «Машина ОСО: две ручки, одно колесо». За что-нибудь похвалить, говорили: «Молоток. Кувалдой будешь». О людях, которые противны при общении, изрекали: «Морда кирпича просит». Кто тянул дело и не мог сделать, говорили: «Мычит падла, а не телится». Узнав о чьём-то большом сроке, говорили: «Дали на всю катушку».

Про лагерных ловкачей, желавших занять хорошее место, но пролетевших, толковали: «На лбу у тебя написано упираться рогами, а ты в фраера лезешь».

Когда в зону заходил «хозяин», кто-то произносил: «О, нарисовался на горизонте». А тех, кто пытался рассказать необычное или приврать, останавливали: «Ты мне лапшу на уши не вешай, а то нахватался вершушек, как сучка блох, и гонишь порожняк». Когда кого-то пугали сроком, говорили: «Смотри, а то небо в решку покажется». Если в разговоре кто-то сомневался в правдивости сказанного, ему отвечали: «Не веришь, прими за шутку». А если рассказчик продолжал врать, ему возражали: «Не гони тюльку».

Потом брехуна гнали, а кто-то вслед ему изрекал: «Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал». В разговоре, принимающем обострённый оборот, одна из сторон произносила: «Не кати на меня бочку», а вслед уходящему от неприятностей запускали: «Не опускай крылья, лови мышей». Если кто-нибудь хотел примазаться к получению «дачки», ему объясняли: «Кати, малыш, мимо. Тебе тут не светит». В беседе один никак не мог объяснить то, что говорил. Ему бросали: «Не тяни kota за хвост».

И ещё масса поговорок, присказок и специфических слов использовались в разговорах между заключёнными. Постепенно тюремный сленг вошёл в обиход и среди обыкновенных граждан на воле. Чаще всего лагерники разговаривали о женщинах. Некоторые лагерные донжуаны хвастались своими похождениями. И в ходу были высказывания острые, режущие. «Поймал я «биксу» и засандалил ей по самое не могу». «Бикса» – это дешёвая женщина, блядь. Ещё называли их кошёлками, лявками. «Засандалил» – имел половое сношение.

Потравив байки, кто-нибудь произносил: «Степану дачьку притащили. Пойдём, примем бациллу». «Дачька» – передача продуктовая от родственников. «Бацилла» – масло, мясо, сало, яйца, колбаса. Если кто-нибудь хамел, говорили: «Беспредельничаешь, фраер. Ивана побил, все бебехи отбил». «Бебехи» – внутренности у человека. Летало в разговорах слово «блин». Это фальшивые деньги. «Блин печь» – делать фальшивые деньги. Кто-нибудь вспоминал волю, рассказывал, что бросила жена, изрекал: «Пошила сука в блудную». Стала гулять.

Если звучало: «Да не жди ты этого пакостника; он бороду пришил». Это означало, пообещал и не сделал. Что-то взял чужое и не отдал. А когда слышалось: «Что, Тимоха, опять попал? Ты для шпилевых – булка с маслом». Это значит – Тимоха опять проигрался в карты. Обыграть его легко. «Штымт сегодня вышел из БУРа, оттянул шесть месяцев». Это барак усиленного режима. Сидят в нём, получив наказание. «Оттянул» – отсидел.

«Завари чифирку», – кто-нибудь заказывал. «Кто принесёт чай?» И смотрит на шустрого Кольку, а тот через пару минут исчезал. «Ну и вертожопый, уже исчез», – беззлобно произносил встречающий. Это значит – хитромудрый. В беседе под чиферок шли рассказы и о ком-то говорили: «О, этот лобастый волокёт» – умеет делать что-то толково, разбирается. Но есть ему и другое значение: «Вертухай поволок Ваню в кандей». Что в переводе звучит как: «Надзиратель повёл Ваню в штрафной изолятор».

Какому-то опущенному рычат: «Слезай с нар, волчара» – слезай с кровати опущенный, нечистоплотный. Приходит новый лагерник. Его начинают пробивать, кто он такой, обкатывать. А козырный даёт отмашку: «Ну-ка, проверьте его на вшивость». Это проверка людей на психологическую выдержку, на выносливость, на сопротивляемость. Прибегает шнырь: «Патлатый, иди на вахту». «О, выдернули на беседу» – позвали на допрос.

В лагере много сидело гоп-стопников, грабителей, которые забирали «бабло у терпил» силой – забирали деньги у потерпевших силой. Некоторые терпилы сопротивлялись и давали по граблям. Грабли – руки. Да ещё попадались такие, что только – ой: «Хочешь, сука, я тебе грызло перехвачу?». Это упоминание слова «горло». Рассказывает сиделец о сокамерниках: «На пересылке одному фраеру целый сидор с воли приволокли, но шкодники тут же раздербанили». Сидор – это большой мешок с продуктами. Раздербанили – растащили без следа. Да и в тюрьме, и в лагере надо всё время «держаться стойку». Это значит иметь выдержку, держаться с достоинством. А о женщинах лагерных, умеющих себя держать, толкуют: «Ишь, сука, держит стойку, как целочка».

Народная наука. Действие происходит в прогулочном домике

следственного изолятора. Ходят заключённые. Наматывают метры туда-сюда. Думают о своём. Он далеко отсюда. Краем уха ловит неторопливый треп. Прислушивается.

С разговора о голубях перешли на мясокомбинат. Невысокого роста дед, хотя какой он дед? Ему только 50 лет, на 8 лет старше Вячеслава, но он весь седой, лицо всё в морщинах, как сухая земля в трещинах, спина сгорбленная. Рассказывает:

– Работал на мясокомбинате. И вот туда приходила врачиха из санэпидемстанции проверять что-то. Кладёт на окно чемоданчик, а сама идёт по колбасному цеху. Женщины клали ей в чемоданчик пару палок колбасы, и врачиха, окончив обход, забирала свою поклажу и уходила. Аппетиты её стали расти. Заметили, что она стала приносить чемодан большего размера. И вот мужики решили её проучить.

В один из её приходов в оставленный ею чемодан положили два жеребьячих члена и один бычий. Врачиха, захватив чемоданчик, ушла. Дня 3-4 её не было вообще.

Дед рассказал и молчит.

– А дальше что? – спрашивают все.

– Больше она свой чемодан на окошке не оставляла.

Все хохочут. Жадность была наказана. Надолго ли?

Человек рождён для испытаний. Именно страдания и горе делают человека человеком. «Человек не перестрадавший – трава». Есть в обиходе мудрецов такое выражение. Только бы знать, сколько нужно этих страданий человеку, чтобы стать человеком. Он думал о том, что слишком длинная полоса неудач получается. Но ведь должна же она, в конце концов, кончиться. Заканчивался год. Вячеслав думал: «Через пять часов – новый тысяча девятьсот семьдесят шестой год. А каким был прошедший год? Тяжёлым. С большими неприятностями».

Помимо дерьма, его окружали и хорошие люди, но как-то получалось, что их меньше. И выходило само собой заключение: «В этом мире всегда побеждает зло». Сплошь и рядом – лицемерие, хитрость, изворотливость. Возникал вопрос: «Откуда такое в человеке? Почему он поставлен в такие условия?». Вообще, нельзя судить о человеке, не зная его прошлого.

Внезапно ему пришла мысль: он ни разу не встречал Новый год с семьёй. То где-то на выезде, то в командировке. Он разложил на шурше фотографии и начал всматриваться в родные лица жены и детей. Мы живём в наших детях. Вспомнил, как Валентина его упрекала: «Не умеешь жить. Всю правду-матку – в глаза, а надо промолчать. Не обращать внимания ни на что. Вон ведь, живут рядом. Воруют, подличают и лижут одно место руководству. И всё сходит с рук». Конечно, его мучило сожаление, что он срок схлопотал за то, чего не делал. А судьи кто? Мудрецы говорили, что самый лучший судья – это жизнь. Она (жизнь) обязательно рано или поздно за подлости накажет. Никому на этом свете не прощаются злые дела. Только когда всё это их настигнет? Стремление к объективности искажает истину, которая всегда проста.

В камере – некоторые изменения. Вернули «Не подарочек». В других камерах он не ужился. Его довели. Он снова хотел повеситься. Бросили к ним под присмотр. Но ничего, «Не подарочек» стал привыкать. Начал всё без разбору есть. Он даже заинтересовался книгами. Правда, Вячеслав заметил, что «Не подарочек», в основном, только листает книги, а не читает. Люди ко всему привыкают. Привыкнет и этот. Надо терпеть. Выше обстоятельств не прыгнешь. Наши поступки следуют за нами повсюду.

В камере ведутся разговоры о том, что скоро – XXV съезд партии. Дата юбилейная. Думают, что власти это как-то отметят. Вроде, амнистии и сокращение сроков. Говорят, что многие помнили этот съезд: и зеки, и их родственники. Но сказано: «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Вячеслав ждал передачу. Важна была не сама передача, а весть о том, что дома всё в порядке, его помнят.

Да и то, что Валентина была рядом, хоть и через стены тюрьмы. Помимо домашних забот, работы, Валентина ещё заочно учится в техникуме в Днепродзержинске. Она должна уехать на сессию и заберёт с собой Богданчика. Достаётся ей по полной программе испытаний. Так случилось, что она в душе у Вячеслава была главным человеком. Всегда хочется человеку иметь надёжный тыл. А что это, как не любимая женщина? Поэтому мысли о ней, о детях постоянно одолевали Вячеслава, заставляя его переживать. Вячеслав всё чаще

в своих мыслях молил Господа, чтобы он сохранил её и поддержал, дал ей душевные силы и стойкость. Каждому из нас необходимо знать, что его ценят. Жажда самоутверждения в одинаковой степени свойственна всем: и мужчинам, и женщинам.

07.01.1976 года. Мороз, снег, ветер 14 м/сек. И в такую погоду Валентина приехала и подала весть о себе. Вячеслав зачастую рассуждал, вернее, думал о слове «правда», о его сути. Всё чаще он приходил к мысли о несоответствии вкладываемого смысла со значением слова. У каждого человека – свой характер, своё видение мира, своё понимание происходящего. Следовательно, судья, прокурор – тоже люди. И они привыкают к профессии, как сапожник к своей.

Сравнивать, конечно, плохо. Сапоги и люди – разные субстанции. Следственные работники притерпеваются. Им не понятны душевные переживания осуждённых. Они считают, что работают на правду. А это такое трудно воспринимаемое понятие, что определённости не даёт. Это как в том разговоре двоих:

– Скажи мне правду.

– А я тебе и говорю правду.

Тот опять пристаёт:

– Скажи мне правду.

– Я тебе и говорю правду. Только свою. А ты хочешь, чтобы я тебе сказал твою.

Но страшно во всём – равнодушие, которое встречается на каждом шагу. Вячеслав читал о равнодушии высказывания Сен Жюста. Он в Конвенте утверждал: «Равнодушие – это страшный удар для республики. Надо карать не только преступников, но и равнодушных».

С детских лет Вячеслав был приучен делать то, что обещал, чего бы это ему ни стоило! И с таким же требованием он относился к другим. А это как, правило, вызывало нежелательный результат. Он убедился на собственном опыте, что большинство людей умеет только говорить и обещать, а когда доходит до дела, то его-то как раз и нет.

Вячеслав думал, что равнодушие идёт от того, что люди стали лучше жить. Появились вещи, которые не являются предметами первой необходимости, а предметом, пусть и небольшой, роскоши. Усиленно развивается чувство собственности, появляется жад-

ность, желание обогатиться. Вот и теряется чувство товарищества, доброго, немеркантильного отношения к людям.

Зависть начинает съедать людей, которые видят, что другой схватил больше. Трудности и беды, наоборот, сближают людей. Не зря говорят: «Чёрным хлебом делаются легко, а вот чёрной икрой делиться не хотят». В обществе всюду растёт взяточничество. Должностные лица без зазрения совести принимают на лапу. Низы берут пример с верхушек и хоть что-то, но хапают. Люди постепенно становятся рабами вещей. Отлично об этом сказал поэт:

Мы отдали, и этим мы богаты,
И мы рабы всего, что жаль отдать.

На каждом перекрёстке кричат о трудовых подвигах. Вячеслав видел в этом какое-то расхождение: если страна строит коммунизм, то отличная, самоотверженная работа должна быть повседневной нормой, а не трудовым подвигом. И раньше, и сейчас, думал он, главным подвигом должно было быть – понять человека. И по этому поводу им было написано четверостишие:

Не лишней плавкой иль процентом
Отметят люди достоянье века.
А самый главный в жизни подвиг –
Понять душою человека.

Приходили мысли о том, что его всегда обуревали жажда деятельности, жажда общения и стремление к постоянному движению. И в связи с этим к нему приходили мысли, что во многом он тратил свою энергию не по назначению. Надо бы больше отдавать времени дому, любимой женщине, и меньше будет всяких неприятностей. Самый лучший друг – это жена, которую ты любишь, и которая любит тебя.

Ему приходили мысли, что многое надо в жизни изменить, поменять взгляды на многие вещи. Но нужно терпение, терпение и ещё раз терпение. Он начал воспринимать срок как обучение терпению. Думать и думать...

Он вот о чём думал. Если в драках доставалось ему, он не бежал жаловаться в милицию. Считал это ниже своего достоинства. По

сути, власть поощряла тех, кто бегал жаловаться, доносить. Они хитрили, изворачивались, лгали, а со своими противниками умудрялись расправиться чужими руками путём жалоб, оговоров, доносов. Всё это людей портит, извращает. Дмитрий Щеглов в одной из своих статей писал: «Слишком мы бываем снисходительны к стяжательству, к рвачеству, к проявлению волчьих отношений между людьми. Кое-кто, должно быть, скажет: «Мелочи, не в этом суть! А я утверждаю – эти мелочи в психологии. Эти «язвы» на нашем теле помогли сформироваться «власовщине» с её «русской армией освобождения», бандеровщине с её ОУН УПА».

Очень объёмно. Понятно, что среди хапуг, рвачей нет настоящих, нормальных людей. Надо вырабатывать нормы поведения, сообразуясь с обстановкой. То, что подлости хватает вокруг, уже даже не удивляет. Вячеслав услышал по радио репортаж о коммунистах. Между сказанным и тем, что есть в действительности, – расстояние, как между небом и землёй.

Идеи, может быть, и хороши, но их надо проверять жизнью. Факты говорят об обратном, не в пользу высказанных идей. Вячеслав со своими разговорами был неосторожен. Люди, слышавшие рассуждения, всё перевирали, добавляли от себя. Его технично преследовали и прессовали определённые органы. Он везде проходил как уголовник. Он думал, что другой окраски для него и быть не может. Методы его доказывать правоту не всегда были приемлемы. Но бывало так, что другим способом что-то сделать было невозможно.

И он понимал, что был не прав, прежде всего, в отношении к семье. Семья не должна была страдать. Совсем! Никак...

Но мысли роились, роились, и часто думалось, что много лжи в стране, и когда-нибудь это всё рухнет. Хотя человек в своей сущности вряд ли изменится. Подальше от осиных гнёзд! Умный не станет дразнить ос. Осы бояться только огня. Вячеслав получил с воли письмо от любимой. Оно было ласковым, добрым. Она пролила бальзам на его изболевшееся сердце. Настроение улучшилось, тоска, которая притаилась под сердцем, отодвинулась.

На этап забрали сокамерника Ремеза. Повезли на суд в Бахчисарай. Получилось, что Вячеслав в камере с ним пробыл больше трёх

месяцев. Были и другие, но Ремез дольше всех задержался. Скрытный. Наверное, это у него в характере. А может, осторожничал. Всего боялся. Он утащил немного цемента. Будут судить за мелкую кражу. Срок – до двух лет, а страху – на десятку. Да, всё познаётся в сравнении.

Новый сокамерник, молодой парень лет восемнадцати, – здоровый дылда под один метр девяносто сантиметров. Кого-то ограбили с двумя братьями, а их поймали. Попал первый раз и всё стонет, что он не бил и его выпустят. Лишение свободы никому не нравится, за некоторым исключением.

Есть род людей, которых называют «труболёты». Без постоянного места жительства, без работы, без семьи, вообще без всего. Бродяги. Так вот такой народ на зиму старается попасть в тюрьму. Их устраивают тюремные условия: кормят, одевают, моют. Есть крыша над головой и шурша. Некоторым надо мало – минимум. Для чего живёт? Вопросы такого характера у них даже не возникают. Книг в руки не берут.

– А зачем? – спрашивают удивлённо.

А у Вячеслава день замены книг – радость. Он набрасывается на книги, как будто не видел их годы. Настроение поднимается. Он часто вспоминает свою домашнюю библиотеку. У него к книгам развита невероятная «жадность». Книги из личной библиотеки не давал никому. И считал, что правильно делал. Только выпусти хорошую книгу из дому, и всё, она не возвращается. Тот, кто взял, отдаёт на время другому. Следующий – ещё кому-нибудь. Зачитывают так, что концов не найдёшь. Такое бывало.

В руки часто попадают книги, в которых вырваны страницы. Вячеслав мысленно ругал негодников. Есть просто подлые читатели. В самом интересном месте вырывают несколько страниц. Знает, гад, что человек дочитает до определённого места и будет расстроен. Садистское удовольствие. Сколько нервов испорчено из-за этого! Книги, которые попадали в камеру, он старался оберегать всеми силами. Библиотекари тюремные его уже хорошо знали и старались давать на прочтение редкие, хорошие книги. Книга спасала во всех случаях. Это – величайшее изобретение человечества.

Созвучие. Встреча с книгой. Читает он зарисовки и короткие

рассказы Янка Брыля. Начало не обещало ничего хорошего, но привычка дочитывать любую книгу до конца принесла радость.

Много хороших, выстраданных мыслей.

О творчестве прошлого и нынешнего веков затеян спор. Язык Толстого, Чехова в настоящее время «отжил», по мнению одного из литераторов, и вот ответ: «Вечный критерий – если есть что сказать, если хочешь, чтоб тебя поняли, чтоб тебе поверило как можно больше людей, – мудрствовать не будешь».

Или это: «... от избытка сердца говорят уста». Здесь к евангельскому подходит и горьковское: «Много сердца – лучшее средство писать хорошо».

Очень Вячеславу понятно, созвучно ему. Много становится ясным.

Он не имеет опыта писания, но интуитивно понимает, что надо быть искренним. Печатались его стихи. Мало пока, но всё же Вячеслав слышал о них добрые отзывы. Не обольщается на этот счет. Знает – надо работать и учиться.

И вот подтверждение его мыслям: «Искренность – только она будет чувствоваться, только она – главное».

О людях – глубоко осознанно и глубоко прочувствованно: «Нет людей весьма добрых или абсолютно злых – все мы полосатые».

Читает хорошую книгу, и мысли из книги, созвучные его, примеряет по себе. В голову приходит: рано или поздно придётся оставить этот мир. Неизбежно. Закон природы. Думает Вячеслав, с чем ему жалко будет расставаться?

Жалеет, что придётся оставить природу со всеми её красотами. Жаль книг, которые он любит болезненно. И почему-то очень хочется, чтобы все его близкие жили дольше него...

Из Днепродзержинска пришло письмо. Валентина – на сессии. Сообщила о родителях. Они болеют. Отец всё никак не уговорится. Работает и работает. Всю жизнь, с детских лет, в работе, и сейчас, когда уже можно и надо отдохнуть, он не может этого сделать. Ему уже шестьдесят три года. Вячеслав подумал: как быстро летит время. Кажется, ещё недавно был мальчишкой. Он очень хорошо помнил своё детство.

Подвал, в котором отец устроил мастерскую и постоянно что-нибудь мастерил. У него золотые руки. За что ни возьмётся – всё сде-

лает добротнo и красиво. Вот и сейчас не может без дела. А мать, так она вообще издёргалась. За всех переживает. Всю жизнь – работа, хлопоты. И не работа была, а вкалывание. Отдыхать некогда было.

«Эх, жизнь проклятушая!» – думал Вячеслав. Работать, чтобы был кусок хлеба. Питаться, чтобы двигаться и работать. И так без конца и края. А смысл? Мать учила Вячеслава добиваться правды, справедливости и вообще жить открыто. И что? Куда привела эта философия? От такой постановки вопроса – одни неприятности. «Надо заканчивать эту бессмыслицу», – думал он. Поиски правды – это предубеждение. Человечество погрязло в предубеждениях, оно уважает безумие, и на этом фоне здравомыслящий человек пугает всех остальных, как умалишённый.

Свои силы надо отдавать семье, близким. Никто не пожалеет членов твоей семьи на деле, думал он. Вовсю шла переоценка ценностей. Он думал, какие качества в современной жизни важнее. Скрытность, в первую очередь. Душу нараспашку надо зашнуровать. Ибо сказано: «Молчание хорошо у глупых, а ещё лучше – у мудрых». Чувства, которые владеют тобой, порой нельзя пускать даже на лицо. Всё таить в себе. «По большому счёту, кого волнуют твои переживания?» – размышлял он. Вот и вытекает отсюда: терпеть и ждать. Ждать и терпеть...

Физическая боль – это не самое страшное в жизни. Страшно, когда ранят душу. Удар врагам надо наносить наверняка и продуманно, чтобы они испытали тоже душевную боль, если они, конечно, не толстокожие. Приходило к нему в мыслях то, что он не умел обходить острые углы. Пожалуй, самая главная наука в жизни – именно это.

Пришло время, со следствия вернулся Лёшка Поярков, «Не подарочек». Мыслей повеситься теперь у него нет. По крайней мере, он об этом не говорит. Привык к тюремной жизни. С пищей не вредничает. Ест всё подряд. Спит подолгу. В камере ведёт разговоры, сколько ему могут дать. Кризис прошёл. Жить будет, раз настроился на срок. Мысли о том, что он не сможет жить в изоляции, отошли. Ко всему привыкает. Человека можно приучить ко всему, даже если он этого не хочет. Вот и он акклиматизировался.

Периодически большой волной на Вячеслава накатывала тоска. Он очень скучал по жене, по детям, которые росли без него. А они,

он это понимал, нуждались в его любви, в его защите и заботе. Заслужить любовь детей, думал он, – это высшая награда. Он понимал, что Валентине очень тяжело и с детьми, и работа, и учёба, да ещё и его надо поддерживать. Всякая чепуха лезла в голову. Он старался всё гнать от себя. Успокаивал себя, как мог. Порой получалось.

«Не подарочек» принёс тюремные сплетни. Вокруг все толкуют об амнистии к XXV съезду партии. Многие надеются на милость государства. Однако, забывается главный постулат: государство – это аппарат насилия. Он думал, придёт время и всё станет ясно. Напрасно или нет, надеялись люди на партию. Ему в это слабо верилось. Зря отдаваться надеждам нельзя. Они расслабляют, забирают волю, дезорганизуют. «Не подарочек» рассказывал, что много людей в КПЗ. Оно забито. Судьи не жадничают. Срока дают огромные. Преступность растёт.

Власть думает, что она отправляет народ на перевоспитание. Давно известно: тюрьма не перевоспитывает. Она обозляет. Какое, к чёрту, перевоспитание? Это месть путём применения насилия властью, данной не в хорошие руки. Менять надо чаще прокуроров, судей, думал Вячеслав. Они привыкают, черствеют, притупляются чувства человечности. Для них люди, попавшие под следствие, – что гвозди для сапожника. Он их вбивает в каблук, не задумываясь, хотят они туда лезть или нет.

Так и судьи. Они не задумываются, больно это или нет. А некоторые даже упиваются своей властью и используют, чтобы доказать человеку, что он в руках судьи – никто. Раньше трактовали справедливость в суде таким образом. «Самый справедливый суд – это суд присяжных». На деле этого пока нет. Сплошные рассуждения. Но, очевидно, так должно было случиться. Из случившегося всегда надо делать выводы.

Направил бы свои силы в другое русло, чтобы жилось лучше. И окружающим родным было бы лучше. Жизнь в реальности вообще выглядит не так, как её представляют себе люди. Разговоры – одно, а реальное дело – другое. Идёт XXV съезд партии, десятая пятилетка, а неполадок в стране – масса. То и дело выясняется: то и то не построили вовремя, то что-то не достроили.

Это целые предприятия так работают. А личная жизнь простых тружеников представлена в средствах массовой информации в та-

ком виде, что задумаешься: что за народ в стране живёт? Сплошной алкоголизм. Все уши прожужжали. Все друг друга воспитывают, поправляют, наставляют на путь истинный. А где этот путь, никто не знает. Все идут на ощупь. Так и в стране: что-то сделано, а шуму в десять раз больше.

Есть внешняя, показная сторона дела. В неё входят трудности работы, подающиеся как трудовые подвиги. Много неискренности, корысти, стяжательства. Если бы всё, о чём думал Вячеслав, касалось только его, он бы мог упрекнуть себя в предвзятости. Но на самом деле он был, в основном, сторонним наблюдателем, и притом не заинтересованным. У него возникали мысли, что до идеала далеко. Да и есть ли он вообще, идеал?

Но жизнь так устроена, что хочешь, не хочешь, а приспособливаться к действительности надо. Иногда Вячеслав старался уходить от мыслей. Даже подключался под тюремный трёп. Байки, разные анекдоты, рассказы. Забывать не хотелось, поэтому фиксировал, что услышал, на бумаге. Притерпелся к течению времени. Вроде стало проходить быстрее. Но это же всё – в мозгу. Время как было, так и есть.

Лёшка рассказал анекдот. Интересные выводы. Всё, как в жизни: «Умерли три человека: русский, еврей и эстонец. Компетентная медицинская комиссия решила произвести вскрытие и узнать, кто чем жил. Вскрыли русского, и вот что оказалось: в голове – женщина, в желудке – водка, а в печёнках – пятилетка. Вскрыли еврея, а у него в голове – махинации, в желудке – курица, в печёнках – ОБХСС. И, наконец, вскрыли эстонца. Оказалось: в голове – машина, в желудке – капуста, а в печёнках – русские». Анекдот отражает действительное положение вещей. Это 1976 год.

Появился новый сокамерник – интересный человек со своей историей. Молодой парень, всего двадцать один год. Попал в сеть неприятностей и не может никак из них выбраться. Чёрная полоса у него оказалась очень широкая и длинная. А всё шло своим нормальным чередом, но не оказалось характера и стойкости. Легко поддаётся чужому влиянию, а это – беда для многих.

Он сам из Одессы, там живут родители. Учился в средней мореходке. Уже заканчивал её. Писал дипломную работу. В один из

вечеров, соблазненный друзьями, выпил, как следует. По ходу мероприятия друзья подхватили «пассажира» с Севера. Случайный знакомый по выпивке северянин был с деньгами, и они его «бомбанули». Короче, ограбили. Затем их нашли, раскрутили, и он получил пять лет лишения свободы за участие в группе. Из зоны через полтора года попал на стройки народного хозяйства. Привезли в Оренбург. По его рассказам, и работа была хорошая, и условия жизни сносные. Познакомился с хорошей девушкой. Девушка – из Иркутска. Окончила торговый техникум и приехала в Оренбург по разнарядке, дело дошло до свадьбы. Уже и заявление подали.

Через десять дней подходил срок росписи. Но тут в события вступил его поделщик по кличке «Помидор», и уговорил одессита съездить на Украину. Николай, так зовут этого бедолагу, сказал своей девушке Тане, что едет без разрешения спецкомендатуры. Она – в слёзы, уговаривает остаться. Но ему было стыдно перед корешем, что не может решиться отказать. Вот и не послушал подругу, и они уехали.

Попали в Крым. В Бахчисарае взяли чужую машину покататься. Затем бросили её. Оказались в Полтаве. Решили возвращаться, но с шиком. Угнали автомобиль «Волгу» и погнали из Бахчисарая в Оренбург. Ближний свет. До города не доехали всего километров семьдесят, забарахлил мотор. Повозились возле машины – без толку. Остановили проходящую машину и попросились, чтобы их взяли на прицеп. Водитель отказал и уже хотел уезжать. А Колька начал его ругать за отказ. Из машины вышли ещё двое...

Предъявляют удостоверение работника милиции и требуют предъявить права. А какие права? Откуда они возьмутся?

– Нет прав, – отвечает Колька.

– Как, нет прав? – спрашивает один из сотрудников.

– А так, нет и всё, – понесло Кольку.

Результат: их рассадили по машинам и – в Оренбург. Затем – этапом в Крым. Следствие, суд. Получил год за угоны и плюс остаток от первого срока – три года. В общей сложности – четыре года строгого. Приготовился ехать в зону. Но вдруг начали раскручивать его опять. Узнали о «Запорожце», угнанном из Бахчисарая, и о «Волге» из Полтавы. Вообще, готовится получить новый срок. Жалеем обо

всём. Особенно, что не послушал свою подругу. Строит планы, надеется, что она его дождётся.

А кто в тюрьме не строит планы и не надеется на будущее? А будущее – это продолжение настоящего. Вот с этой позиции и надо думать о жизни. Как одессит, он рассказывал о зонах. Поведал о том, что в Одессе – хорошая зона. Занимаются литьём и сборкой свеклоуборочных комбайнов. И заработки есть, по-зонаовски неплохие. Правда, крымчан отправляют, в основном, в зону под Николаев, на карьер. Там идёт добыча камня. Николай рассуждал вслух:

– Если повезут в зону под Николаев, даже в зону не зайду.

– А чего это вдруг? – спросил Вячеслав.

– У меня нет здоровья долбить камень, – усмехнулся Николай.

Об этом карьере напомнили недавно. В камеру зашёл врач. Вячеслав как раз мылся над умывальником, раздетый до пояса. Врач оглядел Вячеслава и произнёс:

– Да-а-а. Хорош. Здоровье есть. Вот таких на карьер надо, а то посылают хилаков, а они и работать толком не могут. А ты, – он обратился к Вячеславу, – ещё здоровее будешь.

Вячеслав в ответ только усмехнулся и подумал: «У всех лагерников и тюремщиков сквозит, что нужны рабы. А сильные рабы ценятся больше и достаются бесплатно». Работа Вячеслава никогда не пугала. Но было неприятно осознавать, что на него смотрят как на рабочую силу. Он понимал, что в заключении иначе быть не может. Жизнь – жестокая штука. В ней много несправедливости, но чтобы выжить, надо держать себя в руках.

Потихоньку тетрадь у Вячеслава заполнялась написанными им стихами. Тема, конечно: переживания, осмысление происходящего, любовная лирика. Короче, он варился в собственном соку. Творчество приносило ему удовлетворение и некоторое успокоение.

В камере – новый человек. Он – из Севастополя. Анатолий Косов. Интереснейший тип этот Толя. Хитрая рысь. Прошёл Крым, Рим и медные трубы. Попал за гоп-стоп. Получил срок. В зону отправили в Закарпатье. Отбывал срок, раскрутился и получил новый срок. Горячими нифелями обварил надзирателя. Тут ему не спустили. Добавили семь лет строгача. Был отправлен в штрафной лагерь

в Среднюю Азию. МВД и лагерные служители не прощают не то что какое-то действие против них, а даже грубое слово.

Он попал в зону Мангышлак. Огромный лагерь на десять тысяч человек. Это – одна по себе огромная трудность. Лагерь в пустыне. Все – с огромными сроками. Люди – злые, издерганные, нервные. Строили город, атомную электростанцию. И заодно – город, в котором будут жить рабочие, обслуживающие атомную электростанцию.

В зоне всё ходило и продавалось за деньги: спиртное, наркотики. Вода даже продавалась. Один рубль – кружка. Условия тяжёлые. Частые жестокие драки целыми группами со смертельным исходом. Но бежать некуда. Кругом – пустыня. Походят, походят и возвращаются, кто не погиб в пустыне или не застрелен при побеге. Такое впечатление, что лагерное начальство создавало само условия для возможности побега. Таким способом они избавлялись от особо активных и решительных зеков.

Несмотря на все тяготы, заработки были хорошие. Но для чего они, если у большинства нет семей, да и срока огромные? В общем, в общей сложности, Косов отбарабанил червонец.

Вернулся в Крым. Женился на музыкантше. Правда, по его словам, женщина она была до него гулящая, но думал, будет жить. Пока не пил, всё шло нормально. Держался и работал. Появились клиенты, знакомства. Он – рихтовщик, маляр и газосварщик. По его словам, хороший специалист. Судя по тому, с какой любовью он говорил о своей работе и с каким знанием дела, можно поверить, что он – действительно хороший специалист. Работа дорогая. Машин бьётся много. Появились дурные деньги, правда, им заработанные. В день иногда получал по триста рублей. Потихоньку начал пить. Получился казус на работе. Ушёл на прогу. Там – опять неприятности. Запил. Связался с человеком, знающим, как хорошо делать дела и не попадаться. Тот раз втянул его, второй. Короче, взял его на крючок. За одним делом последовало другое. Но однажды нарвались на засаду. Подельник погиб, а ему удалось убежать.

Перестал приносить домой большие деньги, жена начала ругаться, не пускать домой. Приучил к большим деньгам и сам себя за это винит. Но как можно требовать денег сверх того, что он может заработать? Видать, она и жила с ним только из-за денег.

В общем, у них дело дошло до развода. Опять запои, не являлся домой. Встречи с друзьями. Одно тянет за собой другое. Ему «на хвост» села милиция, и в результате он приехал. Жена не захотела даже принести передачу. Умеет хорошо рассказывать, с прикрасами. «Метла» у него подвешена отлично. Жизнь зековскую знает в совершенстве. Пробовал в зоне всё: чифирь, ширево, колёса, покуривал травку. Прошёл штрафной изолятор, БУР.

Косов рассказал о своём трудном детстве. Много из его нелёгкого детства перешло во взрослую жизнь. Да, так зачастую случается с каждым. Не зря же звучит: «Все мы – из детства». Какую человек получает закваску в детстве, потом и во взрослой жизни она проявится. «Однако рассуждает он по-умному», – слушая его, думал Вячеслав. Он толковал:

– Прямой открытый характер сейчас не в моде.

– Обладателю такого характера приходится терпеть массу неприятностей, – добавлял Косов.

– Никому твоя честность не нужна и за грош, – веско изрекал Косов.

– Как говорил Владимир Ильич Ленин: надо иметь гибкий ум, – цитировал Анатолий.

– Я улыбался и вежливо разговаривал и со своими врагами, и с начальством, – растолковывал Косов

«Ну и мудрец, – думал Вячеслав, – а за спиной – такие огромные сроки. Вот тебе и вежливость».

– В основном, в последнее время люди заражены заразой наживы, стяжательства, пожить на дурняк, за чужой счёт, – рассказывал Косов.

Жизнь движется по двум, не похожим друг на друга, путям. Один – показатель, видимый. В нём – выступления с трибун, громкие слова, видимость больших значительных дел, в которых участвует провозглашающий с трибуны.

Вторая сторона – настоящая жизнь, без маски: проворачивание дел, использование своего служебного положения в корыстных целях, пьянки, гулянки и всё оттуда вытекающее.

И это – не единичные случаи, а сплошь и рядом. Приходится только удивляться, как ловко всё это у них совмещается. Однако

полно нормального трудового народа. И работают, и живут честно. А вот в руководящих рядах редко найдёшь порядочного человека, думал Вячеслав. Сама жизнь так складывается. И что из этого следует? А следует то, что надо делать выводы.

Вся наша жизнь подвержена законам драки. Драки на выживание. Вот этим законам и следует внимать. Мозги должны работать постоянно. «Не быть простаком», – думал Вячеслав. Думать, конечно, об этом легко, а вот как поступать, если случается сложная ситуация? Это – совсем другое дело. Хватит выдержки – сумеешь принять разумное решение. Не выдержишь – опять посыпятся удары жизни. Конечно, надо менять своё отношение ко всему происходящему, размышлял он.

Только вот может ли человек меняться? Большой вопрос. Не зря говорят: судьба – это характер человека. Вячеслав ожидал ответов на свои заявления, но приходили только отписки. Всё, посадили – значит, и правильно. Мысленно он клял и следователя Уральцева, который из ничего раздул дело. Он, видите ли, боялся за свою карьеру. От руководства поступило указание «упрятать» его надолго. А эта мразь Хабенков! На суде торговался. Строил из себя повелителя человеческих судеб. Он хотел, чтобы Вячеслав при всех сломался, начал просить прощения, хотел унижить его человеческое достоинство.

По иронии судьбы, власть достается людям непринципиальным, самовлюбленным, которые в угоду своему тщеславию делают непотребное с людьми. Самое огорчительное то, что делается это всё «именем народа», на защите которого они якобы стоят. Ни один, ни другой не знают, что такое труд. Занимаясь своими делами, они думают, что их работа важна. Молва о Хабенкове идёт поганая. Его лают последними словами, проклинают. Проводя процесс, он упивается своей властью над людьми. Приходит в бешенство, если ему не подчиняются.

Так произошло и с Вячеславом. Эта гадость судья заявил:

– Попроси у всех прощения. Получишь три года условно. А не попросишь – семь лет строгого режима.

«А чего ради надо было просить прощения?» – думал Вячеслав. Если то, что на него навешали, он не делал. И он получил семь лет строгача. Постепенно обрстая жизненным опытом, вглядываясь внимательно в жизнь, он приходил к выводу, что слово «справед-

ливость» не выражает саму суть этого слова. Нет в жизни ему подтверждения. Вячеслав заразился поисками правды от родителей, которые и жили, и работали всю свою жизнь честно. Ему думалось, что так должно быть везде и во всём. Но, увы, увы...

Всё анализируя, он думал о том, что всё время ходил как бы с повязкой на глазах, слабо просвечивающейся. По сути, видел всё как в тумане. А вот пришло время, и действительность сдёрнула эту повязку с глаз. И перед ним открылась неприглядная картина. Многих людей он увидел в неприглядном виде.

Подумал о своей Валентине. Она оказалась стойкой, многотерпеливой женщиной. Он думал: как ей удавалось терпеть его упрямый, взрывной характер? Терпеть столько трудностей и оставаться добрым, отзывчивым человеком. Не каждый так сможет. А на неё, как специально, свалилась куча бед, думал он. Он – в заключении, заболели мама, дед, да и Богданчик. Витька попал в неприятность. И она держится, не раскисает, не распускается на слабость. Да ещё и учится заочно. Уже четвёртый курс техникума. Стойкая женщина.

«Зная, что у тебя такая подруга, тяготы заключения переносить легче», – думал Вячеслав. А вообще, на что он надеялся в своих обращениях к властям? Он вспоминал, как заместитель директора Бойченко говорил: «В Крыму – 22% советской власти». Он утверждал это, уверенно знал, что говорит. Прямо заявлял, что с начальством нельзя ссориться. Да уж, конечно. Не зря в народе говорят: «Не плыви против ветра». «В жизни заведено, что против силы не пойдёшь. Надо перед ней склониться».

Да, поистине, судьба – мачеха. Она не любит, когда её пасынкам везёт в жизни. Доподлинно известно, что живётся легче тем, кто умеет склоняться, ничего не говорит поперёк начальству. Вячеслав размышлял: «Берёшь любую книгу – рассказ, повесть, роман, и везде на переднем крае – отчаянные, смелые, решительные люди».

В войну именно такие люди – вперёд на танки, на дзоты. Именно они добыли победу. А вот тихоня и приспособленец, он всегда им остаётся, в любых условиях. А в нынешнее время какой-то секретаришка заседает, а народ к нему попасть со своими бедами не может. Когда у человека всё нормально, возле него всегда крутятся желающие присоединиться к этому «нормально». Но стоит чело-

веку попасть в беду, вокруг него появляется пустое пространство. Воистину, друзей и близких надо искать в беде и горе.

Общество обманывает само себя. Слова расходятся с делом, молодёжь верит рассказам, а жизнь внезапно преподносит такие повороты, что не все сразу разбираются в происходящем. Чем раньше человек начинает понимать, что от «слова до дела – сто перегонов» и что не всегда сказанное есть суть, тем быстрее он приобретёт защитный панцирь осторожности.

Он думал: «Как же должны расти дети? Как оградить ото лжи несправедливой? Как научить в детском возрасте разбираться: где – истина, которую надо принять как должное, а где – просто словесная мишура, которой не надо внимать?»

Область человеческих взаимоотношений куда сложнее любой высшей математики. Отношения зависят не только от того, кто обращается, но и от того, к кому обращаются. От настроения человека зависит момент общения. Что-то не так, и вот – конфликт. Из мелочи вырастает большая неприятность. Хотя умные говорят: нет мелочей. На мелочах большие дела рушатся.

Мысли, мысли не покидают Вячеслава ни днём, ни ночью. И только усилием воли он заставлял себя держаться. Утренняя зарядка, обливание холодной водой, занятия днём. Сокамерники смотрели на него с удивлением. Но вот один начал тоже махать руками. Проходят дни, а он не останавливается. Что-то понял и принял какое-то внутреннее решение. Пример Вячеслава подействовал. Он был в другой хате. Там – игры под интерес в карты, всевозможные подлянки, драки.

Их всех разбросали. А вот здесь, попав в другую обстановку, послушав Вячеслава, начал вести себя по-другому. К себе относится бережнее. А Вячеслав размышлял: «Умею убедить других, особенно молодых парней». И ему верят и слушают. А сам делал такие непростительные ошибки. Срывался там, где вообще этого не нужно было делать. Какое-то наваждение.

Сокамерник Николай рассказывает: «Сидел в другой хате с директором автошколы. А он вместе с работниками ГАИ делал за деньги права водителей. Попались потому, что обнаглели до такой степени, что делали водительские удостоверения пачками. Жад-

ность сгубила, да и делиться не хотели. Вот свои же их и подставили. Директор, помимо всего, – член партии и депутат горсовета».

Ходит по камере, рассказывал Николай, и ноет. Жена, главный врач, поднимет всех, чтобы меньше дали. Короче, блат вступает в действие. А его Величество Блат мораль не ставит ни во что. За взятку дают срока большие. Вот он, директор, и крутится, как вошь на гребешке. Но это – не единственный пример. Вячеслав удивлялся, как он здорово был отравлен в школе разговорами о справедливости. Правда, это был 1947 год. Возможно, после войны об этом ещё можно было говорить.

Сашка Новожилов перед этим был в большой хате, где все собраны по первому разу. «Фитиль» – Вячеслав так его назвал за длинный рост – рассказывал о своем преступлении. Он привлекается по статье 141 части II УК УССР. Это грабеж. Вот как Вячеслав представил события по его рассказу:

«Сашка вышел из дому. Уже смеркалось. Дул холодный пронизывающий ветер. «Крымская зима», – пожившись, подумал Сашка. Он направился на угол улицы к продовольственному магазину, где собирались парни с его улицы. Возле магазина он встретил братьев Голубь. Младшему было шестнадцать лет. Это был невысокого роста узколиций паренёк. Маленькие хитрые глазки всё время бегали по сторонам, как бы не находя себе предмета, на котором можно было остановить взгляд.

Колька, так звали паренька, школу бросил. И учиться дальше желания не проявлял. Отец его договорился с кем-то и устроил в ДОСА-АФ на курсы шофёров. Однако и туда Колька ходил изредка, лишь бы числиться. Большую часть своего времени он проводил, болтаясь по улицам. Старший брат Кольки недавно освобожден из заключения, где он отбывал второй срок за драку. Первый раз он сидел за кражу из квартиры. Виктору, имя второго брата, было тридцать четыре года. Он весь был какой-то издёрганный, нервный. В разговоре то и дело вставлял словечки из лагерного лексикона. Почти вся голова его была седая. Видно, нелегко ему далась лагерная жизнь.

Встретив Сашку, Виктор предложил ему выпить прямо из бутылки, которую держал в руках:

– А, Сашка! Привет! На, глотни. На душе будет легче.

– Не хочу. Пить завязал, – промолвил Сашка, поправляя очки. У него было плохое зрение. Очки он носил с семи лет.

Виктор снисходительно ухмыльнулся. Сашке недавно исполнилось только восемнадцать лет.

– Ну, смотри. Чтобы потом базаров не было на пересылке, – произнес он и приложился к бутылке. Выпив больше половины, он остальное отдал Кольке:

– Глотай, брательник.

Сашка видел, что они уже были поддатые. Видать, хорошо приложились раньше.

– Пошли, прошвырнёмся, – сказал Витька. И они все направились к центру города. Пройдя пару кварталов, они увидели, что впереди них идёт, пошатываясь, мужчина. Он был одет в курточку, тёмные брюки и кепи. Мужчина повернул к общественному туалету. Витька наклонился к Кольке и что-то ему сказал. Они ускорили шаг и направились к пьяному. Сашка ещё ничего не успел сообразить, как Витька, подскочив к пьяному, с размаху ударил того по голове. Тут же с другой стороны пьяного ударил и Колька. Тот упал, а Витька начал бить его ногами. Сашка увидел, что нога, обутая в кирзовый сапог сорок третьего размера, ударила пьяного по лицу. Что-то гулко чавкнуло. Сашка подошёл поближе.

– Тащи, – сказал ему с каким-то злом Витька.

– Зачем? – Сашка недоумевал.

– Тащи. Не базарь.

Сашка взял пьяного за ворот куртки, а Колька схватил его за ноги, и они оттащили его за туалет.

Колька начал расстёгивать пуговицы куртки. Руки у него дрожали, и пуговицы ему не поддавались. Тогда Колька с силой дёрнул за ворот куртки. Пуговицы полетели в стороны, а Колька поспешно начал выворачивать карманы.

Витька стаскивал золотое кольцо с пальца руки пьяного и тут же сорвал с него часы.

Увидев всё это, Сашка ушёл в сторону. Через некоторое время показались братья Голубь. Опасливо озираясь по сторонам, Витька бросил:

– Пошли!

И они все втроём чуть ли не бегом пошли в темноту.

Отойдя на приличное расстояние, они зашли в подъезд жилого дома.

– Надо поделить! – предложил Витька.

Колька достал из кармана два паспорта и сберегательную книжку, в которой лежало пятнадцать рублей тройками.

Витька достал из кармана часы и протянул их Сашке.

– На! Бери! – настойчиво произнёс он.

– Зачем они мне нужны? – говорил Сашка, показывая свои часы.

Витька сунул часы в карман, забрал у Кольки сберкнижку с деньгами и коротко бросил:

– Пошли врежем!

Они вышли из подъезда и пошли к ближайшему магазину. Возле магазина Сашка остановился.

– Ну, пока. Я пошёл домой, – сказал он братьям.

– Ну, давай. Пока, – ответил Витька, и они вошли в магазин.

На следующий день Сашка, придя с работы, работал он слесарем на мясокомбинате, переделся и пошёл на улицу. Возле первого подъезда стояла группа парней. Сашка подошёл к ним. В это время из подъезда вышли братья Голубь. Они жили в том же доме, где и Сашка.

– А, Саня, здоров, – поздоровался младший, Колька.

Виктор молча протянул руку.

– Пошли в город, погуляем, – предложил Колька.

Они пошли по улицам, потом подошли к буфету. Пить Сашка отказался. Братья выпили, и они пошли бродить. Недалеко от кинотеатра возле них остановился «москвич». Из «москвича» вылезли два человека, одетые в гражданскую одежду. Они подошли к Сашке и братьям. Все узнали инспекторов уголовного розыска Потапова и Кранкова. Потапов ткнул пальцем сначала в Виктора, потом в Кольку.

– Ты и ты, в машину!

Витька отстранился.

– Нет, гражданин начальник. Пусть Сашка едет. Я приду завтра. Скажу старикам, что нас забрали.

– Не разговаривай, а лезь в машину, – повторил Потапов.

Колька и Витька полезли на заднее сиденье «москвича».

- А что мне делать? – спросил Сашка.
- Жди здесь. Они скоро придут, – бросил Кранков.
- Они уселись в машину и уехали.

Подождав около часа, Сашка понял, что его надули, и пошёл домой. Он догадывался, почему забрали братьев, но удивлялся, как работники милиции могли так быстро узнать о том, что произошло вчера. И тут он вспомнил, что Витька сегодня ему показывал сберегательную книжку, которую вчера забрали у пьяного, а на руке у Витьки были часы и кольцо.

«Дурак, – с неприязнью подумал Сашка о Викторе. – А ещё сидел. Всё взял с собой. Балбес».

Прошло три дня. Сашку никто не беспокоил. С парнями с работы Сашка готовился встречать Новый год. Компания собиралась в рабочем посёлке и у девчонок в общежитии. Сашка уже и деньги внёс. Около 10 часов вечера 31 декабря Сашка был ещё в городе. Пошарив по карманам, он обнаружил, что у него нет денег на проезд. Он решил забежать домой. Дверь открыла мать. По взволнованному лицу матери Сашка понял: что-то случилось. Он прошёл в комнату и увидел: у стола сидели Кранков и участковый, сержант милиции Романов.

- Сашка, что ты натворил? – напустилась на него мать.
- Да ничего я не делал, – растерянно ответил Сашка.
- Отец взбеленился, начал орать:
- Где мой солдатский ремень? Я тебя, мерзавец, сейчас изуродую! – продолжал кричать отец.
- Где паспорта, сберкнижка, часы? – спросил Кранков.
- Да я ничего не знаю, – отпирался Сашка.
- Будем делать обыск.
- Делайте. У меня ничего нет.
- Ладно, мы тебе верим, но ты поедешь с нами.
- Я приду завтра сам, – начал упрашивать Сашка.
- Нельзя! – коротко ответил Кранков.
- Все вышли в коридор.
- Прощайся с матерью, – обратился к Сашке участковый.
- Мать стояла рядом и причитала.

Все вышли на лестничную площадку. Сашка, между участковым и Кранковым, пошёл вниз. Когда они приехали в горотдел, дежурный отвёл его в КПЗ. Там Сашка и встретил новый, тысяча девятьсот семьдесят шестой год.

Третьего января его пригласил на допрос следователь. Сашка от всего отказывался.

– Напрасно запираешься, – сказал следователь и пододвинул ему показания Голубь Виктора. Сашка прочёл. Витька писал, что бил пьяного Сашка, и он же у него всё забрал, а он, Витька, стоял рядом.

– Ах, гад такой! – возмутился Сашка и начал рассказывать следователю, как всё было.

Сашкин рассказ следователь записал на магнитофон, а потом попросил его повторить и записал его показания в протокол допроса. Когда Сашка подписал, следователь произнес:

– Ну, вот и всё. Готовься, поедешь.

– Куда? – спросил Сашка.

– В тюрьму.

На следующий день после завтрака всех, кого отправляли в следственный изолятор, выводили из камер, обыскивали и сажали в «воронок».

Вывели и посадили Виктора Голубь. Когда машина выехала на шоссе, Витька повернулся к Сашке и начал ему говорить:

– Ты, Сашка, всё бери на себя. Ты ещё не судим, и тебе большой срок не вкатают. А то мне следователь шьёт двести первую статью. Вовлечение малолеток в преступление.

– Зачем это мне нужно? – буркнул Сашка.

– Ты много не базарь, а делай, как говорю, – напирал Витька. – Если не скажешь так, как говорю, после освобождения поймаю и отверну голову.

Сашка замолчал. Он размышлял, как ему быть. Не хотелось сидеть в тюрьму. «Да и не бил я этого пьяного, не брал у него ничего, – думал Сашка. – Зачем я буду брать всё на себя? Хочет спасти младшего брата, пусть берёт сам, а мне это не надо, – подумал Сашка. – Ну, а если потом будет бить? Пусть бьёт. Зато сидеть не буду».

На том он и порешил».

Так это всё было, а теперь он сидит в камере и гадает, что ему будет. Клянет себя, что не слушал мать. Она его последнее время предупреждала. Ругает подельников за то, что те начали бить и грабить и его втянули. И, конечно, надеется, что разберутся, что к чему.

Февраль 1976 года. По радио передают речь Первого секретаря КП Украины В.В. Щербицкого. Речь шла об отношении к простым людям: «Должна вестись борьба с равнодушием, бездушным и невнимательным отношением к людям. Главным мерилom в оценке людей должен быть труд, отношение к делу. Ибо в труде лучше всего показывает себя человек». Очень правильные слова и речи. А в жизни: слова, слова, слова...

До мая 1976 года Вячеслав просидел в СИЗО г. Симферополя. В первых числах ушёл на этап. Его отправили в Одессу в ИТК-14. Дорога сама по себе как-то поднимает настроение, даже за решёткой. Всё же, что-то новое. В Херсоне ссадили весь этап, и – в тюрьму. Три дня пробыл в камере ожидающих приговора. Народу в тюрьмах полно. Вячеслав подумал: «Создаётся впечатление, что преступники у нас, в основном, – все, за исключением небольшого числа людей, к общему количеству населения нашей страны. Конечно, это всё не так, но впечатление такое». Порядки в каждой тюрьме свои, несмотря на то, что правила установлены для всех одинаковые. В основном, ощущаешь себя полной скотиной. Каждый гонит, как хочет, оскорбляют и просто издеваются. «Надо быть абсолютно глухим, – думал он, – иначе не выдержишь, сорвёшься, и опять беда. Да... система нипель».

Ночью ушел этапом из Херсона. В этапном вагоне перевозили и женщин. «Когда попадает мужик, как-то смотришь на это проще. Но женщина в тюрьме, и в таких диких условиях, удивляет и вызывает жалость». Они (женщины) больше подвергаются порче, заразе среды, окружающей их, и выносят из лагерей только злобу и маховое отношение к жизни. Впрочем, как и мужики. Сколько им приходится слышать гадостей, оскорблений, но они только огрызаются, а потом постепенно привыкают.

В Одессу приехали утром. Остановились у самого вокзала. Через открытое окно вагона увидел волю. Люди спешат по своим делам. Молодые, старые, и никто ни обращал внимания на арестантский вагон. Никому нет дела до других.

Приехал конвой, и прямым ходом – в зону. «Слава Богу, что не через тюрьму, – подумал Вячеслав. – Надоело сидеть в каменном мешке до одури». Прошли всю процедуру проверки и прочие формальности, и – в жилую зону. Никто не занимался вновь прибывшими. Устроили в этапную камеру. Сами притащили себе шурши, постель, матрацы. Устроившись, Вячеслав пошёл осматривать зону. Народу осуждённого ходит много, а жилая зона – маленькая. Есть небольшая спортплощадка.

Отправился в столовую поесть. Был приятно удивлён, хотя в этих условиях это слово не подходит. Дают нормально и сытно. После тюремной пищи еда показалась роскошной. «Да, всё познаётся в сравнении», – констатировал он. Начал зондировать почву. Решил идти на самый трудный участок, в литейку.

Во-первых, соскучился по работе, как это ни удивительно. Одиннадцать месяцев в тюрьме без дела угнетали. Однако, с работой пришлось повременить целую неделю. Ждали ещё этап.

Распределение шло в административном здании, которое располагалось между рабочей и жилой зонами. Завели в большую комнату, где уже расположились хозяин и его подчинённые. Дошла очередь до Вячеслава.

– Пойдёшь работать мастером? – спросил его хозяин.

По всем параметрам для зоны, на такую работу он подходил. Образование высшее, спортсмен, крепок, статья не тяжёлая.

– Да нет. У меня – семья, и мне надо работать, чтобы как-то помогать ей, – ответил Вячеслав.

– Ну, тогда пойдёшь в литейку. Там хватает работы, – коротко резюмировал хозяин зоны.

Его распределили в 12-й отряд, где жили рабочие из литейного цеха. Получив постельные принадлежности, он отправился в барак, в котором располагался 12-й отряд. Ему указали место на двухъярусной шурше. Завхоз показал на тумбочку.

– Половина – твоя. Ложка, кружка, ну, закрытые консервы. Больше ничего не должно быть, – коротко объяснил завхоз.

Наутро – подъём. Он по привычке встал раньше. Вышел из помещения, сделал хорошую зарядку. Зона просыпалась. Завтрак

и развод на работу. Через ворота, разделяющие жилую и рабочую зону, по пятёркам их вывели в промзону.

Все направились в литейный цех. Зона, по сути, была большим производством. В ней были цеха: литейный, инструментальный, механический, сборочный и цех металлоконструкций. В литейном лили детали для свеклоуборочных комбайнов. Цех был большой, тёмный. Всё как на литейном производстве.

В механическом цеху установлены станки: фрезерные, токарные, сверлильные и другие, необходимые по технологии. Здесь обрабатывались детали для комбайнов. Инструментальный цех готовил необходимые инструменты для производства. Цех металлоконструкций собирал каркасы для комбайнов. В нём, в основном, производились сварочные работы. Затем металлические каркасы перевозились тракторами в сборочный цех. И уже в нём производилась полная сборка комбайнов.

Были ещё электрический цех, картонажка, гараж и разные подсобные помещения. В картонажке клеили коробки разных форматов для Одесской кондитерской фабрики. Работали в картонажке инвалиды или люди со слабым здоровьем, хронические больные.

А вообще, зона была большим производственным учреждением. На выпускаемую продукцию сверху был спущен план как на обычное производство. За невыполнение плана вовремя начальник получал нагоняй больше, чем за систематическое нарушение дисциплины заключёнными. И за этим следили строго.

Войдя в литейный цех, он вместе с двумя новичками зашёл в мастерскую. Начальник цеха и мастер уже знали о прибытии новой рабочей силы. Провели инструктаж и уточнили, кто где хочет работать. Вячеслав, уже поговорив вечером с бригадниками о сути производства, заявил:

– Я пойду заливщиком.

Мастер и начальник цеха удивились. Они были знакомы с данными прибывших.

– А мы хотели тебя поставить мастером участка, – сказал начальник цеха.

Всего рассказывать они не могли. Первый день он работал на

завалке печи. Работа нравилась. Берёшь чугунные чушки, всякий лом в тачку, и – в печь. Однако захотел на заливку, побыть возле расплавленного металла, в самом пекле.

– Дайте мне эту работу. Или на неё конкурс? – спросил Вячеслав.

Заливка в цеху – это особый случай. У одной из открытых стен была установлена небольшая плавильная печь. Её загружали шихтой, металлом и начиналась плавка. Возле печи стоял человек, следивший за процессом плавки. Когда всё было готово, к лотку подходили заливщики с ковшом с ручками с двух сторон. Сталевар пробивал летку, и расплавленный металл лился по жёлобу в подставленный ковш.

Сталевар следил за наполнением. Затем он затыкал отверстие в печи. Два литейщика хватали ковши и бегом бежали к подготовленным опокам. Это формы деталей, сделанные по деревянным моделям в столярке литейного цеха. Первый разворачивался. Брал ручки, поднимал. Второй с другой стороны начинал наклонять ковш, и струя раскалённого металла лилась в форму.

Удивительная приспособляемость

Знакомился с работой он недолго. Включился в ритм работы быстро. С утра с подвески льётся конвейер. Надо быть только внимательным и аккуратным. По монорельсу движется ковш с расплавленным металлом. Возле опок останавливается, и заливщик наклоняет ковш, чтобы струя металла лилась в отверстия. Зато во второй половине дня начинается работа, на которой на вольных предприятиях вряд ли захотели бы работать люди. Ковши с расплавленным металлом надо было таскать вдвоём вручную.

Работая в литейке, Вячеслав подсушился, но, в то же время, восстановил в некоторой степени свою выносливость. Первое время ломило кисти рук и страшно болели ладони. Потом руки огрубели до такой степени, что стали походить по своей твёрдости на копыта животных. Уставал, однако мышцы не болели. Прошлая спортивная подготовка здорово помогла.

Всё это делалось в быстром темпе. За полторы недели Вячеслав

втянулся в эту тяжёлую работу. Ему было не привыкать. И работа грузчиком, и бетонщиком, и спорт закалили его. Он быстро втягивался в нагрузки. Напарником у него был азербайджанский цыган. Он сидел за убийство. И, несмотря на то, что он был из цыган, работал он отлично. На свободе он занимался штангой.

Вячеслав предложил ему соорудить на площадке для металлолома штангу, гантели, помост. Они всё это сделали за несколько дней. И теперь в перерывах, между набором металла в печке проходило около часа, они шли на площадку и качались. Занятия спортом здесь не преследовались, а, наоборот, поощрялись. Интересно было то, что в литейном цеху он встретил известных боксёров из Украины, с которыми встречались на соревнованиях или знал о них.

Здесь был Виктор Колесников по кличке «Колесо». Он работал в столярке литейного цеха. Сам он был одессит. Они хорошо сдружились с ним и были знакомы долгие годы. Тут же оказался «Ваха», Василий Кушнир, который прибыл в зону с особого режима. Когда-то он боксировал в полусреднем весе. Здесь же в это время оказался Жора Волохович, боксёр полулёгкого веса. Все они в разное время входили в сборную Украины по боксу. «Колесо» шутил:

– Половина сборной Украины по боксу тренируется в четырнадцатой зоне в Одессе.

Литейка была в зоне на особом счету. И там находились «авторитеты», но работающие, что для зоны было необычно. Были в других отрядах блатные. Они отлынивали от работы. Крутились. Вообще, обстановка в зоне была интересной. Сидело много народа из Одессы. Администраторы и контролёры – тоже из Одессы.

И они понимали, что если будут свирепствовать, то могут оказаться под прессом на воле. Что с некоторыми потерявшими бдительность и происходило. К тому же, так получалось, что многие и жили рядом, и знали друг друга. Поэтому и контролёры, и вольнонаёмные зачастую служили для общения с зеками. То лёгкую передачу принесут под видом еды для себя, то денежку передадут, а то и что-нибудь из спиртного подгонят. Да и кормёжка в зоне была нормальной по сравнению с другими зонами. Зона постоянно вы-

полняла производственный план, и её управление лагерями Одесской области не обижало.

Пришёл конец трудового месяца, и тут Вячеслав столкнулся с обстоятельствами, вызывающими чувство раздражения и злости.

Все осуждённые начинают бегать к вольным мастерам и вырывать свои копейки. Следуют разборки, взаимные оскорбления. А вольные, привыкшие, видать, ко всему, делают своё дело. Обманывают без зазрения совести.

Тысячи способов, чтобы работающий не знал, сколько он действительно заработал. Потом к вольным мастерам подкатывают на салазках те, кто не работает, но хочет быть выполняющим. И, удивительное дело, это им удаётся. А делается это за счёт работяг, мужиков, как их здесь называют. В общем, каждый за себя и каждый крутит, как может в силу своих мозгов.

Вячеслав начал вести учёт и проработал следующий месяц без единого пропуска. И, несмотря на это, пришлось доказывать, приводить расчёты и требовать своё заработанное. И когда всё же добился, то со всех сторон посыпались реплики: и со стороны мастеров, и со стороны зеков, которые ездят на чужом горбу. Мастер, вольный по кличке «Рог», она удивительно ему подходит, так прямо и заявил, что раз работаешь и зарабатываешь, то ещё нужно тянуть до пяти невыполняющих.

Это в этих-то условиях: пыль, графит, газ, солёный пот, заливающий глаза, ожоги каждодневные от металла. Да ещё вдобавок дай свой пай уборщику, звеньевому, формовщику и дневальному. 3-4 дня адской работы на других. Вячеслав предупредил мастера: «Ещё раз надуешь, попадёшь под струю расплавленного металла». Он начал подумывать о переводе на другую работу, тем более, ему предлагали, зная о его высшем образовании, но решил повременить.

Народ вокруг, в основном, был подлунный. Поэтому надо было быть всё время начеку. Он с первых дней избрал себе линию поведения: начал ходить в эстрадный ансамбль и заниматься спортивными делами.

В отношении питания был сам на сам. Хоть и приглашали, но твёрдо отказывался. Обычно это делается для того, чтобы засосать новичка

в долги и потом уже не выпускать из рук. Пробовали брать на горло. Резко осадил и предупредил: «Буду бить больно и долго». Подействовало. Скрипят, за спиной говорят всякую дрянь, но боятся. Чувствуют характер, да и развитая мускулистая фигура внушает им опасение.

Вячеслав познакомился с нарядчиком Виктором. Он сам был с Камчатки. Жил в Комсомольске-на-Амуре, городе, в котором Вячеслав родился. Предлагал ему перейти в нарядную. Однако Вячеслав пока отказался, зная, что в нарядную попадали через режимную часть. Он посоветовался со своими ребятами из литейки, боксёрской командой.

– Давай, иди. Нам нужен в нарядной свой человек. А мы всегда за тобой будем. Пусть кто-то вякнет, – высказался «Ваха». Его поддерживали и остальные. Да и он сам понимал, что в такой обстановке приходится работать на других. Работая в литейке, он заработал длительное свидание, трое суток.

Свидание с женой пролетело мгновенно. Как будто он видел четкий, хорошо запоминающийся сон. Ласкал, целовал невероятно все трое суток. А ушёл со свидания – его как-будто и не было.

После свидания Вячеслав вновь имел разговор с нарядчиком о переводе его из литейки. Дал согласие. Доработал до конца месяца, оформил перевод и пошёл работать в нарядную. Это своего рода заводоуправление в зоне. Привыкший всё делать основательно и до конца, он быстро разобрался в сути работы и делал её толково и быстро. Зная о его высшем физкультурном образовании, заместитель начальника колонии по политчасти предложил возглавить спортивную работу. Вячеславу было не впервой организовывать спортивную работу, и даже в зоне. Он знал, с чего надо начинать.

Пришлось здорово побегать, однако дело сдвинулось с мёртвой точки. Начал проводить соревнования между отрядами на первенство зоны. Появились волейбольные, футбольные и баскетбольные команды. Потом соревнования пошли как положено. Появился накал борьбы, интерес к результату, масса болельщиков. В это действие постепенно втянулась вся зона. Правда, здешние болельщики отличаются от всех остальных.

Из их глоток несётся отборная брань, советы, от которых мёртвые краснели бы, и своеобразные комментарии. Всё это вывело бы

из равновесия любого спортсмена на воле. Но дело в том, что на площадке находились спортсмены из этой же среды. Они невозмутимо продолжали своё дело, ещё успевали и ответить, не уступая болельщикам в красноречии и в сочности выражений. Несмотря на столь бурное окружение, всё шло своим чередом и довольно интересно. Начался страшный ливень, площадка вся в грязи, а на ней разыгралось настоящее сражение за 1 место. Болельщики не уходили, не обращая внимания на ливень. Многие делали ставки. Азарт захватил всех.

Всё было здорово. Зеки по-другому стали смотреть на жизнь в зоне. Когда дело было сдвинуто с мёртвой точки и начало работать, появились и новые желающие участвовать в этих мероприятиях. Узнав, что за участие в спортивных секциях и соревнованиях будут поощрения, стали подтягиваться блатные.

По понятиям, участие в общественных организациях и хорошая работа среди блатных презируется. А вот занятие спортом, соревнования – это не «за падло». Каждый хочет вырваться на волю, да и в зоне как-то облегчить себе жизнь. Вот и потянулся народ к спортивным делам. А за ними и «шестёрки» потянулись.

Перед спартакиадой Вячеслав участвовал с ансамблем в концерте. Заработал поощрительное личное свидание. Время шло в ожидании встречи с женой. Работы и дел хватает, но всё же находится время и для размышлений. Он всё больше приходил к выводу, что жил очень долго в мире иллюзий.

Очевидно, надо гораздо раньше приходиться к пониманию, что такое жизнь.

В мире действует удивительная приспособляемость, и притом в больших масштабах. Это качество он встречал на каждом шагу. А в зоне – особенно. Со временем он стал понимать, что у власть предержащих – круговая порука. И они объединяются в своих стремлениях удержаться любой ценой и не упустить места, обеспечивающего хорошие условия жизни.

Совершая сами всевозможные правонарушения, они усиленно долбят мелкую сошку, которую с трибун называют народом, а в комнатном обиходе – толпой.

Вячеславу часто приходилось наблюдать интересное явление. Человек обзлѐн, противен, жесток, с ним невозможно говорить, и в то же время он всей душой прикипел к живому существу. Здесь, в зоне, очень много кошек. И каждая из них, несмотря на огромную массу народа, знает своего хозяина. А те балуют их хуже детей. Отказывая себе в лучшем куске, отдают его своим любимцам.

У одного зека появилась прирученная галка. Он её кормил и поил изо рта. И где он ни ходил, она у него всегда сидит на плече. В летнее время все собираются в летнем кинотеатре посидеть на солнышке, поиграть в домино, нарды. И вот эта Галя смело рассказывает между людьми, но стоит её попробовать взять в руки, она отскакивает. Однако только ей стоит услышать голос хозяина, она с криком прыгает к нему на руки. Научилась воровать шахматы и домино.

Только играющие зазевались, так Галя и тянет пешку или домино. Кипишь поднимается невероятный. Игроки злятся, а вокруг все гогочут.

Как-то в колонию приехали шефы с концертом.

Коллектив приехал сборный. Были и профессиональные артисты, и участники художественной самодеятельности.

В разгар концерта, когда женщина-конферансье читала стихи, на эстраде вдруг появилась Галя. Описала круг вокруг конферансье и уселась на барьер.

Ведущая сначала испугалась, а потом удивлѐнно рассматривала птицу. На сцену высыпали артисты посмотреть на Галю. В зале – смех. А она, чувствуя всеобщее внимание, начала каркать во всё горло. Подошёл хозяин, Галя прыгнула ему на плечо и они чинно удалились.

Обычно утречком Галю видно возле кинобудки на травке. Она прогуливается, щиплет траву, тербит камешки и с этой площадки никуда не уходит. А когда хозяин начинает кормить её, радостным криком она реагирует на каждую подачу.

В лаборатории литейного цеха один из заключѐнных развѐл птиц певчих. Правда, они у него были в клетках, но внимания он им уделял много. Сам уже пожилой, по кличке «Змей», он отдавал своё душевное тепло этим маленьким существам. Пришло время, он ушёл на поселение, а птиц оставил сменщику.

Сосед «Змея» по работе достал себе молодого скворца и занимался с ним всё свободное время. И скворец потом привык к хозяину до невероятности. Как-то хозяин ушёл на свидание на трое суток. Так бедный скворушка весь извёлся. Подскакивает к зеку, на которого его оставили, и кричит всю своим птичьим горлом. Отказался принимать пищу. Забастовал. Требовал хозяина. На третьи сутки здорово загрустил. Притом, не обращал ни на кого внимания.

И вот со свидания появился хозяин скворца. Тот только услышал, что он поднимается по лестнице, как тут же запрыгал к двери. Дверь открылась, и скворушка с лёту – в руки к хозяину. Пищит от удовольствия, воркует, поскрипывает. Птичьей радости не было предела! Оставалось только удивляться, откуда и как в таком маленьком существе вместились столько большой любви и привязанности к своему другу-человеку.

У одного из слесарей, Бориса, есть котёнок. Ввиду большого объёма работ Борис живёт прямо в цеху. У него есть уголок и своя шурша. Котёнка зовут Максимка. По окраске котёнок – чёрный, как раз подходит для литейного цеха. По своей привязанности котёнок похож на собаку. Куда Борис направляет свои стопы, туда за ним, подняв хвост трубой, следует и Максимка. Нашкодит что-нибудь, присядет в угол, прижмёт уши и ждёт, что его сейчас будут ругать. А Борис станет над ним и давай наяривать ему накачку на местном жаргоне. Ну, ни дать, ни взять – картина, описанная в басне Крылова «Кот и повар».

Но стоит Максимке куда-то запропасться, Боря ходит по цеху, по территории и ищет его. Максимка услышит его голос, выскакивает из своего укрытия и стремглав несётся к нему. «Переговорив», они идут рядом, довольные друг другом.

Самую оригинальную кошку Вячеслав встретил в нарядной. Раньше в нарядной работал еврей. И когда там появилась кошка, он назвал её Хайка. Кошка как бы впитала в себя всё от этого имени. Хитрая до невероятности, и до невероятности избалована. Разбаловал её Виктор, старший нарядчик. Хайка настолько привыкла доверять людям, что абсолютно потеряла звериное чутьё. Если она улеглась спать на пол или на подоконник, то спит так безмятежно, что её не пугают ни громкий разговор, ни крики.

Ей вставляли в рот сигарету, потешались над ней, а она даже усом не ведёт. Играть любит до самозабвения. Утром, когда все сходятся на работу, она начинает носиться по комнате, затрагивая то одного, то другого. Кто-нибудь начинает с ней играть. Шевелит пальцами, изображая животное, и потихоньку приближается к ней. Хайка выгибает спину, поворачивает голову набок и наклоняет её до земли, потом делает резкий скачок на руку и цепляется за неё всеми лапами. Но, на удивление, делает она это очень аккуратно. Не выпускает коготки и не пускает в ход зубы.

Во время обеда кошка подходит к воротам и ждёт кого-нибудь из своих. С обеда ей всё время приносят кусочек мяса. Несут по очереди. Но Хайка уже издали видит, кто ей несёт лакомый кусок. Бежит навстречу, выражая кошачье нетерпение мяуканьем. Съев мясо, помывшись, Хайка ложится спать. Выворачивается на спину, расставляет в разные стороны лапы, и безмятежно спит.

Через определённое время Хайку купают. Купают её втроём, держат лапы и поливают тёплой водой, и намывают. Она мяукает, пробует ускользнуть, но не очень активно. Виктор прикрикивает на неё, и она замолкает. Потом, как ребёнка, её закутывают в сухую простынь, и – на диван. Грудка у неё белая, и после «стирки» блестит, как снег.

Как-то все ушли в жилую зону, в кинотеатр. Хайка побежала за всеми, потом отстала.

Наутро обнаружили пропажу кошки. Сама она убежать не могла. Далеко от нарядной она не уходила. Кто-то, пользуясь тем, что кошка – ручная, украл её. А в зоне было около 2000 человек. Все из нарядной искали Хайку и в жилой зоне, и в промзоне, но она как в воду канула. Однако не теряли надежды найти её. Как-то посыльный шёл от заводууправления и возле покраски увидел грязную кошку, копающуюся в отбросах. Посыльный позвал кошку по имени. Она подняла голову и пошла к нему. Это была Хайка. Грязная, в мазуте, худая до невероятности. Посыльный принёс её.

Ей тут же устроили капитальную баню. Несмотря на весь кошачий ор, Хайке пришлось трижды выдержать эту процедуру. После тщательного растирания её накормили, и она буквально завалилась спать. Спала до вечера. Потом опять ела. Все старались её погла-

дить. Стоит постучать по колену, Хайка запрыгивает на ноги. Кладёт лапы на плечо и мурлычет под ухо. Её приучили к запаху духов и одеколona. Прошло несколько дней. Хайка отошла от неприятностей. Вновь блестит её шерстка, вновь она со всеми играет.

В нарядной она чувствовала себя полной хозяйкой. Виктор занимается делами, а как только в поле зрения попадает Хайка, присаживается и начинает с ней разговаривать. Незнающий, зайдя в нарядную, думает, что кошку ругают. А получается – наоборот. Но стоит её действительно поругать, она отходит в сторону и отворачивается. Её зовут после этого, она даже не поворачивает голову. Обиделась. Но продолжается это недолго. Она не злопамятная. Виктор долгое время жил на Камчатке. Родители – до сих пор там. Парень вроде бы был с понятиями нормальными, человеческими. Отзывчивый, нет чувства собственности. Если есть возможность помочь человеку, он это делает. Правда, с разбором, но, увы, в этих условиях иначе нельзя.

А то ведь могут понять неправильно и посчитать, что обвели вокруг пальца. Одесситы, по крайней мере, те, которых Вячеслав встречал в зоне, – кручёный народ. Так и норовит кого-то дурануть, что-то выкрутить. Раскрутиться на пустом месте. Что-то слепить из ничего. Зная их предрасположенность к разным махинациям, Виктор держался от них на расстоянии вытянутой руки.

Он – деловой человек, и хорошо устанавливает контакты с людьми. Работалось с ним нормально, без всяких осложнений. В зоне легко можно было отличить человека не из Одессы. Для этого стоило лишь поговорить с человеком. Вячеслав по привычке во всё внимательно вглядывался, наблюдал за персоналом зоны, контролёрами, начальниками отрядов, режимными работниками. Они настолько по-разному относились к заключённым, что он не переставал удивляться этому. Одни относились к зекам с презрением и превосходством, которое исходило от полученной над ними властью, хоть и временной.

Он заметил, что такие люди, как правило, страдают комплексом неполноценности. Они, в основном, были недалёкими. Сами по себе ничего не представляя, они везде, где надо и где не надо, старались унижать зеков. Их, этих так называемых «воспитателей», ненавидели тихой злой ненавистью.

Но были и другие, которые относились чисто по-человечески, считая, что пребывание в зоне по приговору – явление временное. Это просто беда, которая произошла с человеком. С таким сотрудником можно поговорить и даже при случае поделиться своей болью. А в основном относятся безразлично. Они не принимают близко к сердцу беды, душевные боли и всякие переживания зеков.

Вячеслав часто думал о том, что на самом деле происходит с людьми, и приходил к выводу, что человек во всём должен продвигать себя сам: в труде, в учёбе, в успехе, в славе. А если человек попал в беду, не должен опускать руки. Карабкаться из ямы несчастий всеми силами, руками, ногами, зубами, включать вовсю мозги. Человеку в беде могут посочувствовать, немногие могут даже понять человека. Но только единицы найдутся такие, кто протянет руку помощи. В жизни так устроено, что за всё нужно платить: за любовь, за успех, за благополучие, за счастье, за всё, за всё.

Одни платят деньгами, другие – трудом, третьи – страданием и душевной болью, а некоторые – свободой. Всё в жизни оплачивается и имеет твёрдую цену. Он думал, что в проявлении хороших чувств надо быть особенно сдержанным. Лучше не сделать ничего, чем сделать добро, а потом за это расплачиваться и лишний раз разочаровываться в людях.

В жизни надо быть колючим и мудрым, думал Вячеслав. Надо, чтобы люди боялись твоих колючек и понапрасну не лезли к тебе в душу. Но и отталкивать от себя людей нельзя. Вот в таких случаях и сгодится житейская мудрость. А она, мудрость, появляется с годами и только в тех случаях, если человек обобщает свой жизненный опыт и делает соответствующие выводы. Жизнь зачастую растрачивается по мелочам. Человек реагирует на каждый пустяк, придаёт ему значение, тратит впустую душевные силы и горит без пользы. А значение надо придавать совсем небольшому количеству понятий и вещей.

Силы надо отдавать любимому делу и особенно близким людям, думал он. А вся эта трескотня с высоких трибун, значительные слова, не подкреплённые делом, ни к чему не приводят. Все заботы людей сводятся к главному – обеспечить себя и своих близких хлебом насущным, крышей над головой, безопасным проживанием. Суме-

ещь отстоять своё маленькое государство, то при необходимости и в большом проявишь себя, как следует. Крепость большого государства основывается на крепости малой родины каждого человека.

Размышляя обо всём, Вячеслав прощался со многими иллюзиями и твердил себе, что надо воспитывать и воспитывать в себе терпение. Время идёт быстро, даже в зоне, если всё время чем-то занят. Виктор с зоны уехал. Вячеслава сделали старшим, взвалив на него все лагерные производственные дела. Он с головой нырнул в работу. До всего приходилось доходить самому. Природная смекалка и настойчивость помогли разобраться во всех производственных сложностях.

Время помчалось. Мысли печальные растворились в работе, в лагерных делах. Последнее время он всё время находился в промзоне. Переносить сложности лагерной жизни ему помогали занятия спортом. Он таскал гантели, гири до седьмого пота, до дрожи в мышцах. Затем – горячий душ и усталость, обволакивающая всё тело. Все неприятные мысли отодвигаются. Не имеют той остроты, которая бьёт по нервам, скручивает их в пучок, качает, которая сушит мозги тоской.

Вячеслав брал в руки гитару и, подыгрывая себе, сочинял песни. Он всё больше находился в промышленной зоне. Работы было с головой. И он от неё не отлынивал. Иногда пробежит по жилой зоне, повстречается с нужными ему людьми, заглянет в столовую, и снова – в промышленную зону. У входа в столовую он встречал огромного кота по кличке Васька-диетчик. Кот с характером. Все коты и кошки лагеря его боятся. Заключённые научили его питаться только в одном месте. Эту картину надо было видеть.

В столовой из кухни имеются два раздаточных окна, одно – из которого получают общее питание, а второе – для диетчиков. Общее питание заготавливают на всю бригаду. И выносят прямо в кастрюлях на стол. Диетчики за своим питанием подходят сами. Диетическое окно сделано низко, так, что получающие питание приседают. Заходящие в столовую диетчики становятся в очередь и продвигаются к окну раздачи. Кот Васька заходит в столовую и становится в очередь диетчиков, пристраиваясь за последним.

Очередь постепенно продвигается. Продвигается и Васька. Если в столовую заходит очередной диетчик, он встаёт в очередь за Васькой.

Подойдя к раздаче, кот становится на задние лапы, передние кладёт на край раздаточного окна. Благодаря своим размерам, он достаёт до края окна. Положив лапы на край, Васька громко мяукает. Из окна высывается рука с куском мяса. Кот берёт свою порцию и отходит. Съев положенное, он удаляется из столовой и садится у входа. Он подходит к окну строго по расписанию: завтрак, обед, ужин. Когда Васька – на крыльце столовой, другим котам и кошкам в столовой делать нечего. Они даже не подходят. Все эти лагерные мелочи скрашивают жизнь.

Интересно было Вячеславу наблюдать и за работниками администрации. Один из дежурных, уже пожилой мужик, был ярым болельщиком футбольной команды «Черноморец». И настроение дежурного прямо пропорционально зависело от игры команды. «Неудачную команду избрал он себе в кумиры», – говорили зеки. Она плелась в конце таблицы. Зеки звали дежурного «дед», а он это страшно не любил. Имя его было Назар. Как-то зек, забывшись, обратился к нему со словами:

– Дед Назар.

А он как заорёт:

– Не дедушка я, а бабушка! Бабушка, понял, подлый зек?!

Кругом зеки ржут, а тому не до смеха. Смотрит, как бы улизнуть. В вечернее время «дед Назар» включает радио на всю зону, чтобы послушать распорядок игры «Черноморца» с какой-нибудь командой. Если «Черноморец» выигрывал, можно зекам надеяться на поблажки. Но стоит «Черноморцу» проиграть, и на глаза «деду» лучше не попадаться. Объявляя по местному радио «Отбой», «дед Назар» так и говорил:

– Объявляется отбой. И учтите, «Черноморец» сегодня проиграл.

Зеки старались в такие моменты «деда» не заводить. Но при всём при том «дед Назар», по лагерным понятиям, человек неплохой. Есть ещё два дежурных, за которыми надо было иметь глаз да глаз. Когда они рядом, так и смотри, как бы чего не случилось. Но и зеки – тоже не подарок, есть наглые до предела. Таких только окриком или надёжными мерами можно останавливать.

Вячеслав долго разбирался с мыслями о замполите. Никак не мог его понять. Порой ему хотелось подойти и поговорить по душам. А порой думалось, что лучше быть от него подальше. Но сло-

во он умел держать. От своих слов не отказывался. Это было хорошей характеристикой его деловых качеств. Вячеслав и не пытался глубоко проникать в сущность людей, его окружающих. Это было и невозможно, да и ни к чему. Это требовало большой затраты душевных и умственных сил. А эти силы нужны были ему самому.

Ему удалось побыть на личном свидании с женой и сыном. А после их отъезда настроение упало. Да и возня вокруг него всякой лагерной нечисти не прекращалась. Только и смотри в оба. Потеряешь бдительность, прилетит какая-нибудь подлянка. Он вспомнил письмо Виктора, в котором тот советовал прощать «мудаков». Это даёт силы. Однако в таких условиях бездействие люди воспринимали как слабость. Вот и получается, молчать нельзя.

Воспитывать – бесполезно. Бить – опасно для себя самого. Есть семья, о ней надо думать, ну и соответственно поступать. Правда, есть и другие способы отвечать, взятые им из книг. На подлость – подлостью. Иначе это выглядит, как говорили древние: око за око. Но это всё в книгах, а в жизни всё по-другому. Но что можно поделаться? Ведь жизнь твёрдо требует выполнять правила, которые она установила. В зоне люди как голодные волки в клетке. Обозлены, раздражительны. Стычки простые переходят в разборки, а потом – и в откровенные драки. В ход идут ножи и заточки. Никто и никого не останавливает.

Зачастую разборки начинаются из-за карточных долгов. Разбираются с фуфлыжниками. Имея куриные мозги и фортуна с завязанными глазами, они садятся играть в карты. Проиграв, вместо того, чтобы отрезветь, остановиться, они бросаются в омут игры, надеясь на выигрыш. А надежда – очень плохой помощник. Она расслабляет, не даёт возможности реально смотреть на происходящее. Как правило, проигрываются до последнего. Влетают в крупную сумму.

В надежде на то, что судьба спасёт, идут на необдуманный шаг. А судьба, вместо того, чтобы погладить, как мачеха стоит рядом и бьёт по голове железным молотком. Вот и становится такой «счастливец» настоящим «рабом». Днюет и ночует в рабочей зоне. Работает почти круглые сутки, чтобы рассчитаться с долгами. Но, увы, это нелегко сделать. Срок отдавать долг подходит неумолимо, расчёта нет. Растут проценты.

И вот такой «игруля» начинает метаться. Сознательно идёт на нарушение, чтобы спрятаться в штрафной изолятор от наступающих «рабовладельцев», или подставляет свой зад и становится не мужиком, или хватается за нож, идёт на преступление, чтобы съехать из лагеря. В колонии то и дело происходят такие случаи. Один из случаев: чтобы сбежать от тех, кому должен, порезал себя. Вывезли на больничку. Излечился и вновь вернулся в зону. Что делать? Вновь порезал себя. Повторилось то же. Вернулся в зону и спрятался в штрафной изолятор.

Вячеслав никак не мог понять: о чём думают такие люди? Что это за жизнь? Постоянно испытывать чувство страха, доходящее до ужаса, понимая, что в любой момент такой же проигравшийся воткнёт ему в спину «правило». Постепенно теряют всё человеческое. Лгут, изворачиваются, клянутся, лишь бы получить короткую отсрочку. В голове, кроме животного страха, нет ничего. Один из таких проигравших с ножом в руке попытался заставить работать на себя ещё двоих проигравших. В результате получил молотком по голове, и его же ножом ему вспороли брюхо. Результат: один – в больнице, двое – под уголовным преследованием.

Из-за всех драк, поножовщины режим в зоне ужесточили. Жилую зону разбили на локальные зоны. Отгородили отряд от отряда. Настроение зачастую – паскудное. И Вячеслав вновь попал в полосу тоски. Но он понимал, что надо держать себя и не распускаться.

Провели ремонт в нарядной, для себя же.

Последнее время ему редко удавалось хорошо почитать. Всё – урывками. Всё забирает работа. Правда, не упускал возможности взять вечером в руки гитару, сочинить слова и подобрать мелодию. Постепенно у него накопилась полная общая тетрадь стихов и песен.

16.11.1976 года. Вячеслав был сражён страшной вестью. В нарядную зашёл отрядный. Повернувшись к Вячеславу, он как-то виновато произнёс: «Славик, ты же взрослый мужик. Крепись. Сообщи тебе хреновую весть». У Вячеслава всё внутри сжалось. Он застыл в ожидании. В голове неслись мысли, что могло произойти. Отрядный достал из кармана телеграмму и произнёс: «Умер твой отец». До сознания Вячеслава услышанные слова сразу не дошли.

Он взял в руки телеграмму и прочитал: «Умер папа. Похороны 13. Мама, Валя, Сусанна». Что-то железными тисками сдавило ему горло. В груди выросла боль, большая и жгучая. Глаза его заволкло густой пеленой, но он ещё не верил этим страшным словам.

Отрядный успокаивал Вячеслава, но он слышал только звук, не понимая смысла слов. Затем он остался один и всё пытался осознать случившееся. Пытался себе представить, как это всё произошло. Мысль вертелась вокруг одной фразы: «Умер папа». Больше он ничего не мог сообразить. Вячеслав никак не мог поверить в случившееся. Ему казалось, что произошла ошибка. Он не мог себе представить, что отца больше нет. Отца он любил всегда, и отец питал к нему огромные отцовские чувства. Вячеслав это чувствовал всегда.

Виделись они в декабре 1974 года. Кто мог предположить, что виделись они в последний раз? Что больше никогда, никогда ему не придётся увидеть отца и поговорить с ним. Он понимал сознанием, что такое могло случиться. Отец последнее время сильно болел. Но Вячеслав не предполагал, что это может произойти так быстро. Он просидел с тупым недоумением часа четыре. Затем собрался с силами, понимая, что от этого никуда не денешься. Так устроена жизнь. Человек рождается, живёт и умирает, пытался он успокоить хоть немного себя философскими рассуждениями.

На него накатила холодная злоба на тех, по чьей вине он оказался за решёткой. Он очень сожалел, что не смог побыть с отцом перед смертью, не смог проводить его в последний путь. Мысли затащили его в рассуждения о справедливости мира. Он думал о правде. Какая правда? Откуда она? Испокон веков люди, которые добивались правды, как правило, погибали. Сама голая правда, не одетая хотя бы в лёгкую ложь, выглядит неприглядно и не внушает доверия.

Сплошные мысли, мысли... «Всё в мире рождено мыслью, – писал М. Горький. – И ею же может быть разрушено». Понимать действительность глубоко и проникновенно – тяжело для души. И, возможно, жестокость и есть лучший щит в жизни. Происходят постоянные столкновения взглядов. И только в столкновениях взглядов человек чувствует себя сильнее, а то и возвышеннее над самим собой.

Вот и получается: какие мы сами, такова у нас и жизнь. Так думал Вячеслав. Что с человеком случится один раз, то повторится ещё. Как ты поступил один раз, так будешь поступать и всегда. «Получается, что человек втягивается в цепь событий. А это и есть судьба», – думал он. Из мрачных мыслей его вырывали письма из дома от Валентины. Тон этих писем был спокойным, доброжелательным. Было в письмах много нежных, поддерживающих его слов, что даже в этих условиях он смотрел на людей не с такой остервенелостью, как бывало порой.

Жизнь идёт своим чередом, и что ей мысли отдельного человека? Всё течёт, всё изменяется, и порой – совершенно неожиданно. Погибла галка по имени Галя. Залетела за решётку, а хозяин, доставая её, протягивал через дырку и поломал ей ножку. Вначале он её лечил, ухаживал за ней. Сам ведь виноват. Но однажды психанул. Не хватило терпения. Взял Галю за голову пальцами и оторвал. Идиот паскудный. Стоило столько возиться с ней и сюсюкаться, чтобы так жестоко расправиться с птицей? Зеки его ругали, осуждали и даже проклинали.

И жизнь наказала его за это. В зоне было распространено курение анаши. Это наркотик, хоть и лёгкий. За это следовало наказание. Хозяин убитой птицы попался, и ушёл на тюрьму за новым сроком. Эта же зараза привела к печальному концу и Виктора, бывшего нарядчика. Он превышал меры дозволенного в употреблении анаши и терял разум. Плохо соображал, что делал, и накрутил себе на неприятности. Его турнули из нарядной.

Пользуясь положением, он брал у зеков в долг, а отдавать не хотел, да и не мог. В очередных разборках зековских попал под кулаки. Припёртый обстоятельствами к статье, он порезал себе вены. Его вывезли на больницу в тюрьму. Он с дуру написал жалобу на руководство колонии, что, конечно, сделал глупо. «Нельзя ссориться с лодочником, сидя у него в лодке», – размышлял Вячеслав. Лагерь – это большая лодка. Администрация – лодочник.

Во всём мире преследуют за употребление анаши и марихуаны. Во многих странах наказывают, и очень сурово. В Египте в последнее время ужесточили наказание. Тюремное заключение грозит даже за ношение конопли и 25 лет каторги, или даже смертная казнь

за перевозку. И, тем не менее, те, кто может позволить себе, принимают гашиш и марихуану. Марихуана в народе считается хуже гашиша. Возможно, потому, что она дешевле и больше в ходу у бедных слоёв населения. Совсем немногие осознают, что оба наркотика производятся из одного растения.

Вообще, запреты на выращивание и употребление конопли по своей сути не логичны. При тщательном рассмотрении этого вопроса становится ясно, кому выгодно выносить и использовать строгие законы. Большинство запрещающих законов выражают корыстные интересы самых влиятельных людей, находящихся у власти. Употребление конопли, как утверждают правительства многих стран, идёт во вред людям. Однако, в то же время, многие страны выращивают и употребляют табак, и это не запрещено правительствами.

Законы не отражают того, что общество думает о себе, запрещает то или иное. Законы показывают, где власть. Причины того, что конопля запрещается, якобы связаны с защитой здоровья человека.

Однако, ради справедливости, надо заметить, что конопля, по утверждению учёных, не вызывает привыкания и не является большим риском для организма. Сигареты и алкоголь приносят организму вред во много раз больший. Однако сигареты и алкоголь защищены законом. Возникает вопрос: почему же запрещают применение конопли? Удивительно, но ответ лежит на поверхности.

Если бы свободно и повсеместно выращивали коноплю, то половина производителей хлопка, нейлона и искусственного шёлка и людей, занятых производством лесоматериалов, в мире остались бы без работы.

Конопля, а это подтверждено опытом столетий, – это один из самых полезных, крепких, прочных, долговечных материалов на нашей планете.

Нет лучшего волокна для одежды, более прочного материала для канатов, сырья для целлюлозы, которое было бы так легко выращивать и убирать. Ежегодно человечеством вырубается сотни тысяч деревьев. Это делается для того, чтобы у людей были газеты, в которых можно прочитать об уничтожении лесных массивов по

всему миру. Конопля могла бы обеспечить миллионами воскресных газет читателей всего мира без необходимости губить деревья.

Она могла бы заменить огромное количество сырьевых материалов при стоимости в десять раз меньше. Если разрешить выращивать это удивительное растение, то многие лесопромышленники потеряют огромные деньги. К тому же, что немаловажно, конопля обладает чудодейственными лечебными свойствами. Конечно, это дело специалистов. Исходя из этого, становится ясно, что правительства многих стран должны подходить рационально к природным ресурсам. И если контролировать рациональное выращивание и использование конопли, можно сохранить надолго лёгкие планеты – леса, которые из-за расточительного подхода к лесным запасам катастрофически сокращаются.

Из разных источников Вячеслав знал, что употребление конопли было замечено ещё у египетских фараонов. И о медицинских свойствах конопли сведения мелькали, именно мелькали – незаметно, немногословно, но основательно. Семена конопли богаты минеральными соединениями. Они представлены калием, фосфором, серой, магнием, железом, кальцием, цинком. Витамины: РР, В₁, В₂, В₃, В₆, С, Е, бета-каротин.

К тому же, по сообщениям исследователей, в зёрнах конопли имеется богатый спектр аминокислот: аланин, лейцин, гликол, изолейцин, треонин, фенилаланин, тригонеллин, тирозин и др. Есть в зёрнах конопли фенольные соединения с элементами каннабиола.

Вячеслав находил сведения, что ещё в древности пользовались семенами конопли для похудения. Конопля использовалась для снижения аппетита. Возможно, человечество подойдёт разумно к применению и использованию этого растения. А пока – только запреты и строгие наказания. Точки зрения – разные. «Принято думать, что между крайними точками лежит истина. Никоем образом: между ними лежит проблема», – это сказал великий Гёте. Человечество слишком самоуверенно. И те, кто пишет запрещающие законы, думают, что они всё знают. Мудрецы говорили: «Никогда не думайте, что вы уже всё знаете. Как бы человек себя ни ценил, он должен иметь мужество сказать себе: я невежда».

В лагере всегда надо быть начеку, следить за каждым своим шагом. Обдумывать этот шаг, прежде чем сделать. Не зря существует выражение: «Идущий осторожно не спотыкается». Вроде бы потихоньку Вячеслав начинал лучше понимать себя, познавать. А если подумать, то самопознание – это яма для нечистот. Душевное здоровье можно обрести на свежем воздухе, среди нормальных людей. В зоне среди людей с исковерканной психикой не очень-то поймёшь, что к чему.

Рядом крутится пакостник, бывший рассыльный. Ленивый, подлый человечешко. Из нарядной был изгнан. Принялся писать кляузы, лить грязь. Бить нельзя, возможно, он этого и ждал, зная взрывной характер Вячеслава. Да и бить там было нечего. Так себе – клоп, но тоже укусить может. Враги подстёгивают и заставляют мысль работать чётко и действовать рационально. Вячеслав взял в помощники парня из литейки. Работающий, но противный до колик в животе. Спорит по любому поводу, но работу освоил, дотошный. Вячеслав по нему проверял правильность своих решений. А если подумать, то он – не хуже других. Да и народ в зоне собран аховый. Зато новый рассыльный – шустрый. Нахватался верхушек, как собака блох. Много наносного, но работает быстро и неплохо. Самый большой его недостаток – это глупость. «Не пачкает, и ладно», – думал Вячеслав. Время мчалось без остановок. Работа любая и в любом количестве всегда успокаивала его. Он так порой входил в дело, что забывал, где находится.

Как всегда, он относился к делу с заданием для себя: «Делать любое дело на отлично». И если никто не мешал и не лез, то всё получалось. Он внимательно наблюдал за отношениями между зеками, между администрацией и зеками, и между самой администрацией. Всё в зоне переваривалось, как в большом котле, но доступно для глаза. В зоне кое-кто из зеков живёт неплохо. Имеют не только кусок хлеба, но на него ещё и кусок масла. Осуждать таких нет смысла, да и не стоило, а даже, наоборот, приветствовать. Умеют, думал он. Молодцы. Жизнь хоть и в заключении, но идёт. В заключении есть свои, хоть и маленькие, радости. Если человек их сам себе создаёт, то и пусть пользуется, размышлял он. Однако есть целый ряд зеков, которые опускались до скотского состояния. Ходили грязные, неумытые, с ужасным внешним видом.

Да притом голодные и приниженные, и до крайности обозлённые. Таких зеков не то, что сами зеки ненавидели, но даже администрация относилась к ним бросово. Контролёры орут на них, ругают и всячески щемят. Если человек держит себя в характере, стойко, то контролёры стараются таких обходить стороной, относятся к ним терпимо, а перед некоторыми заискивают. Нельзя себя чувствовать рабом. Те, кто спешит подчиниться любому распоряжению, не задумываясь, сами отдают себя в рабство. «Столько вариаций в отношениях между людьми, только диву даёшься», – думал Вячеслав.

Человек не бывает одинаков, и самое главное: любой человек – до конца не весь, ни в плохом, ни в хорошем. Много значат обстоятельства, окружающие человека. Сам по себе человек существовать не может. И каким он будет или есть, всё зависит от окружающей среды, от отношения друг к другу. Когда рациональное зерно в характере берёт верх, тогда что-то и прорастает стоящее.

А коль зерно падает на неблагодарную почву, то и прорастают сорняки. Все имеют недостатки и достоинства. Но только тот, кто понимает время, события и полезность какого-нибудь дела, может за собой вести других.

1 января 1977 года. «Вот и ещё один год жизни позади», – думал Вячеслав. Тяжёлый год, в основном, в моральном плане. С высоты своих неудач ему стало понятно, во что стоит верить, а что обходить стороной. Он почему-то вспомнил выражение, записанное в Коране: «Если тебя лукавый обманул дважды, то на третий раз заткни уши на его сладкие слова, дабы не стать обманутым вновь». Вячеславу то и дело приходила мысль, что его просто убрали с дороги, нагло, грубо, даже без показной справедливости. Откуда может быть доверие людям у власти? Хотя всегда надо помнить восточное изречение: «Умный не станет зря ос дразнить».

Власть всегда действует аморально, но под разными лозунгами человеколюбия. Чтобы в этом разбираться, надо науку эту изучать с детских лет. Только кто это будет делать? Вот люди и становятся обывателями, когда их охватывает страх. Закрывать на всё глаза и ничего не замечать – это ведь тоже страх, а жизнь состоит в умении видеть вещи в их истинном свете и принимать необходимые меры. Мысли,

мысли, они тянули всё дальше нить рассуждений. Он думал вот о чём: никто не рождается преступником. Все люди рождаются равными. Человек становится плохим только от того, что с ним плохо обращались.

«Хотя, в принципе, – думал Вячеслав, – человек – главный воспитатель самого себя, и тут можно сделать многое. Как говорят, мы станем зажигать и гасить звёзды». Жить прошлым – это удел слабых. Размышлять, делать выводы – это, может, и полезно, но действовать надо в реальном времени и в существующих обстоятельствах. Его отношение к делу и результативная работа вызывали уважение не только у зеков, но и у администрации. По возможности его поощрили.

Он заработал очередное личное свидание. Жена приехала на свидание с дочкой и сыном, чем очень порадовала его. Богданчику уже исполнилось два года. Подвижный разумный мальчишка. Вячеслав в очередной раз пожалел, что находится вдали от семьи и не может детям уделять внимание, которое им очень необходимо. Дочь его тоже порадовала. Она уже всю читала, писала. И рассуждает уже по-взрослому. Трудности воспитывают человека.

Время свидания, трое суток, пролетело мгновенно. Расставаться было тяжело. В разлуке три четверти тяжести расставания ложится на остающегося, и лишь только одну четверть берёт на себя уезжающий. Вообще, сила людей – в их привязанности. Хотя в этом и слабость. Но всё надо пережить и надеяться надо на себя, на свои силы.

Лагерная жизнь идёт своим чередом. Состоялся очередной концерт. Работали двумя составами. Положа руку на сердце, думал Вячеслав, их состав принят был хуже, хоть и играли ребята чище. Однако много было не доработано, да и с программой как-то не очень получилось. Однако его приняли хорошо, бурными аплодисментами. Публика в лагере – тяжёлая и скептически настроенная. И бурный приём можно было считать успехом. Саша Ганеев огорчён неудачей. Вячеслав возражал, что надо было серьёзнее подойти к составлению программы.

Он – интересный человек. Сидит уже восемь лет, а держится хорошо. Следит за собой, занимается спортом. Много времени отдаёт музыке. У него есть талант хорошего рассказчика. Вспоминая свои похождения, он представляет их в лицах, непосредственно и смешно. Театр одного актёра. Друг Сашки по зоне, по кличке «Гамлет», гово-

рит: «Я тащусь от Сашкиных рассказов». Как-то они с «Гамлетом» зашли к Вячеславу в нарядную. Настрой был у всех положительный, разговорились, принялись травить байки. Хохотали до слёз.

Вячеслав заметил, что за долгое время отсидки так заразительно он смеялся первый раз. Что-то его отпустило внутри. Глядя на Сашку, он понимал, что ему в лагере тяжело. Потребности духовные у него выше, чем у большинства. И подготовлен он лучше, а это приводит к конфликтам. Вячеслав входил в его положение и по возможности помогал, как мог. Вообще, находясь в гуще наэлектризованного народа, Вячеслав стал остро чувствовать ситуацию и сразу же её воспринимать. Глядя на те или иные действия человека, он уже догадывался, чего тот хочет и что может быть. В словах он моментально улавливал фальшь. Это даже его пугало. Вокруг – столько притворства, завуалированных разговоров.

Каждый что-то хочет выкрутить, поиметь. Бывало, в разговоре он слушает человека и понимает, что тому это самому не надо. Но обидеть зря нельзя, вот и стоишь истуканом, киваешь головой, как китайский болванчик. Он заметил, что мозг его работает с большой нагрузкой. Всё подмечает, анализирует. А это – точно ни к чему. Часто, очень часто неведение спасительно.

Последнее время он стал особенно много читать. Перечитал всего Горького. Всё, что писал Алексей Максимович, актуально и в современном мире, констатировал Вячеслав. Как хорошо Горький описывал борьбу за правду! За простую человеческую повседневную правду, которая в голом виде, увы, нигде не приемлема. Это, очевидно, защитная функция человека, размышлял он. Правда всегда наносит ощутимый удар. «Да и где она, правда, для всех?» – думал он. – Нет её и быть не может». Хотя, хотя...

К нему часто заглядывают Саша Ганеев и Володя «Гамлет». Попив крепкого чайку, начинаются разговоры о жизни. Вячеслав начинает рассказывать, а Сашка с Володькой внимательно слушают. Сашка говорит ему: «Когда у меня паскудное настроение, иду к Вячеславу набраться сил духовных, уверенности, оптимизма, веры в лучшее». Да и сам Вячеслав уже давно замечал в разговорах: он вселяет уверенность в человека. Говорит о том, что несчастья и не-

приятности в жизни неизбежны. И от борьбы с ними человек закаляется, крепнет духом. И это есть закономерность, а не случайность.

Ему верили потому, что он сам всё произносил с верой в то, что говорил. Поэтому надо идти навстречу всем бедам. Побеждая их, ты одерживаешь победу над собой. В результате спокойнее относишься ко всему. Всегда легче утешить, чем понять глубину чужого несчастья. Появляются уверенность и сила духа. Вячеслав поддерживал других, а у самого внутри ныло и болело. Но старался брать себя в руки. Тоска притуплялась, откатывалась куда-то в уголки души. Со всем не покидала его. Она не была острой, режущей до боли.

Всё чаще к нему приходила мысль. Если человек не может отстоять свою честь, дать ответ подонкам, то что из этого выходит? Бежать, писать на обидчика заявление? А где мужские качества? В почёте изворотливость, лживость, кляузничество. К чему это приведёт? Кого воспитывают для общества таким образом?! Приспособленцев. Только стоит вопрос: кто воспитывает? И кому это надо? Всё делается из-под палки.

Воскресный день. Вся зона выходит на работу. План не дотягивают, и начинается «штурмовщина». Это – неистребимая привычка в крупных масштабах. Вообще, вопросов по поводу невыполнения плана много, и тема эта – огромная и нераскрытая.

МВД – государство в государстве

Министерство внутренних дел (МВД) – государство в государстве. Располагает огромным количеством заводов, фабрик, предприятий, подсобных хозяйств. Поскольку при социализме – строго плановое хозяйство, то все предприятия МВД также подчинены планированию. Планы на год, на пятилетку, многолетние перспективные планы. А раз предприятия МВД должны работать строго по плану, постоянно нужна рабочая сила. Напрашивается вывод: преступность тоже планируется. В противном случае, где взять рабочие руки для огромного количества предприятий МВД?

Многие преступления создаются искусственно. Необходимо, чтобы определённое количество людей проходило через машину

правосудия и попадало в лагерь. Несоответствие содеянного теми, кто находился в заключении, и теми, кто волею судьбы находится у руководства, говорит о том, что идея справедливости правосудия есть только идея, и ничего больше. Примеры многотысячные подтверждают это. За незначительные преступления люди томятся в лагерях, и, в то же время, люди у власти любой – большой и малой – творят беззакония на каждом шагу, бичуя других.

Люди меняются, но вновь и вновь повторяется старая история. Отсюда вывод: борьба за жизнь, за место под солнцем – это главное. А призывы к идеалам, манипуляция благородными словами и идеями – это средство достижения. Ни о каком воспитании в местах лишения свободы не может быть и речи. Это всё – блеф.

Во-первых, для того, чтобы воспитывать людей, которые попали за колючую проволоку, да, притом, не по первому разу, нужны идейно убеждённые, умные, понимающие, высокопрофессиональные кадры. Их попросту нет. Единицы не идут в счёт.

Во-вторых, для того, чтобы научить уважать законы, а тем более – соблюдать их, нужны примеры тех, кто воспитывает. На каждом шагу наблюдаешь обратное. От мелочей до крупных дел. Создаётся впечатление, что одни обязаны соблюдать законы и уважать их, а для других это не обязательно. Положительного результата, даже малого, в таком случае быть не может.

В-третьих, для воспитания нужны условия, помогающие человеку отойти душой, понять свои ошибки, чтобы была возможность осмыслить происходящее в нужном направлении. Таких условий нет. В местах лишения свободы действует закон выживания. Все представители администрации своими действиями, поступками, словами подтверждают это. Огромное различие между действительностью и написанным и пропагандируемым заставляет людей думать, смотреть на всё критически и... не верить в то, что говорят.

В местах лишения свободы много, подавляющее большинство людей, работающих в администрации лагерей и тюрем, злых, неумных, бездушных. Наблюдение наталкивает на вывод, что длительное время сознательно подбираются именно такие кадры. Нужны исполнители без лишних рассуждений. Если в администрации бу-

дут работать люди задумывающиеся, понимающие других, машина перемалывания человеческого материала будет давать сбой.

Вывод о том, что людей подталкивают на преступления, создают для этого условия, возникал не однажды и имеет под собой почву. По приговору людей лишают свободы. Но уже не по закону, а по приказам, инструкциям и всевозможным постановлениям человека ставят в заведомо негативное положение. Начинаются ограничения в питании. Люди теряют здоровье. А это поворачивается огромными растратами. Ибо больных надо лечить и в заключении, а потом – на свободу. На это идут огромные суммы. Голодные люди обозлены, нервные, мстительные. И зреет в сознании людей зло и недовольство. Во встречах с близкими женщины не выдерживают длительной разлуки. Семьи распадаются. Страдают находящиеся за колючей проволокой, вынашивая мысли о мести. Страдают дети в разбитых семьях.

В переписке с родными и близкими, получая редко письма, люди забывают о тех, кто находится в заключении. Человек, находясь в заключении, теряет многие связи с внешним миром. А выходя за ворота, становится перед проблемой – где жить, работать, обосноваться. Никто его не ждёт, и никто ему не рад. Человек начинает меняться. Его бросают в поисках необходимых разрешений из организации в организацию. Человек не выдерживает, срывается, совершает преступление, а этого только и ждут. Пройдя все этапы оформления в преступники, он вновь поселяется в лагере. Есть работник для предприятий МВД. И так повторяется много раз. Сплошь и рядом встречаешь людей, отсидевших больше 20 лет, а таких, которые отсидели более 10-15 лет, – не счесть.

В лагерях на первом месте – подлость. Её никто не пресекает. Администрация всячески поощряет подлость в любом её проявлении. У большинства людей мораль, и без того довольно непрочная, рушится окончательно. А людей этих – не сотни и не тысячи, а сотни тысяч. Они выходят в мир и убеждаются, что там – то же самое, и тогда подлость окончательно становится их моралью. А это – неизлечимая зараза, и очень быстро распространяется.

Не может быть, чтобы это не понимали лица, находящиеся у кормила власти. Значит, это кому-то надо. Значит, это всё насажда-

ется сознательно. А если нет? Тогда вообще непонятна слепота тех, кто должен всё это видеть. Опять вывод: на всё надо смотреть шире, не с точки зрения социальной системы. Люди кругом – одинаковые. Не зря Бертран Рассел заметил: «Человек – очень умное, хитрое, но чрезвычайно мерзкое животное».

Даже новейшая история цивилизации, исторический путь всех государств, независимо от идеологий и политических систем, поневоле наводит на мысль, что не в животном, а в человеке сидит лютей зверь, порождение разума. И, сознавая в себе этот природный недостаток, люди с незапамятных времён терпеливо и неустанно плетут, уподобляясь жене мифического героя, сеть для укрощения самих себя. Сеть под названием мораль. Распускают немного – и сплетают вновь, рвут с остервенением – потом снова восстанавливают нарушенное. И работе не видно конца...

Но это относится к тем, кто думает о главном. А существует масса людей с двойной моралью: для себя и для показа. Вот они-то и пропускают массу людей через мясорубку правосудия, создавая трудовой потенциал и подрывая веру в законы и справедливость. Справедливость и законы (справедливые) – это тот стержень, который сдерживает людей от проявления варварства, дикости и эгоистичных желаний.

Постольку-поскольку торжество справедливости существует в природе и в человеческих отношениях редко, отсюда трудности в преодолении низменных стремлений и наклонностей. Жертвы единиц ничего не создают, кроме легенд, которые воспринимаются как красивые сказки, а не пример для подражания. Заметил одну особенность. Где-то в верхах умные головы додумались добавить деньги для покупки продуктов в магазинах лагеря. Польза от этого решения – несомненная.

Однако администрацией лагеря и всеми работниками такое решение было принято с недовольством, мало скрываемым. Мало того, вызывает у них озлобление. Используется любой, даже незначительный случай, чтобы лишить возможности отовариваться на дополнительные деньги. Пишутся рапорта, сплошь и рядом – мелкие придирки: не так встал, не там сел, не застёгнута одна пуговица или ещё что-то не так.

Как-будто постоянное указывание и тыканье на мелочи может

человека чему-нибудь обучить. Просто вымещают зло. И это подтверждено ещё одним наблюдением. В указе об амнистии ст. 9 предполагает снижение сроков на всех режимах. О, сколько нелестных отзывов Вячеслав услышал от представителей администрации по этому поводу! Яд власти над человеком, укоренившееся в сознании понятие о том, что осуждённые – люди с клеймом и с ними можно делать, что угодно, настолько впитались в кровь, что улучшение условий для осуждённых они воспринимают как личную обиду.

Нет, не представителями администрации они себя здесь чувствуют, а рабовладельцами. Стоит кому-то из осуждённых держать позвоночник прямым, и начинается такое изрыгание злости и всяких каверз со стороны представителей администрации, что становится понятно истинное предназначение лагерей – сломать человека, а не подготовить его к жизни на свободе и помочь войти в колею. Всё это – слова. Те, кто должны учить уважать закон, сами его нарушают сплошь и рядом. Тянут в открытую, кто во что горазд. Тянут каждый день, как своё собственное, без тени сомнения: «Что же я делаю?»

Какая там тень сомнения? Наоборот, уверенность, что только так и надо поступать. Вот в действительности как действуют слово призывающее и пример, убеждающий в обратном. Система взаимоотношений в МВД устроена так, что аппарат МВД заинтересован в росте преступности, хоть и говорят обратное. Человек посажен за колючую проволоку. Работает. Даёт продукцию. Мало того, что он не смеет поднимать голос против тупости и произвола представителей администрации, приходится работать на старом, негодном оборудовании, с грубейшими нарушениями технологии.

По полмесяца не поступает материал, а за оставшееся время выпускается намеченная продукция. Причём, выпускается ещё больше намеченного. Любой брак, сделанный даже не по вине работающего, списывается на него. И с него же вычитается. Финансовые взаимоотношения таковы. Пятьдесят процентов заработка забирает себе МВД. Из оставшихся осуждённый оплачивает своё скудное питание, одежду, которая похожа на карикатуру, выплачивает иски и прочие долги.

При такой расстановке сил, конечно же, представители правоохранительных органов заинтересованы в том, чтобы протащить

любой законопроект, который даёт дополнительные запреты, а значит и возможность сажать людей. Отчисления из МВД государству мизерны. Неимоверно раздуты штаты. В лагерях имеются отрядные и их помощники, масса контролёров.

На производстве полно разных мастеров, начальников служб, их помощников. Вдобавок, всяких учётников, нормировщиков и прочих ненужных должностей. Штаты бухгалтерий раздуты. А всё потому, что есть, где брать деньги. Их зарабатывают те, кто сидит. И чтобы в своё оправдание ни говорили работники МВД, сама картина действительности ясна.

Вот если бы государство выделяло определённую сумму на содержание всего аппарата МВД, а из заработка осуждённого высчитывали бы только за одежду, питание и по искам, тогда бы в МВД думали о том, стоит ли держать такую огромную армию дармоедов, ничем не оправданную. Мастера или сидят в кабинетах, или слоняются без дела. Каждый, вплоть до начальника, норовит и делает всё, что ему необходимо, на производстве в лагере. Никто не идёт в государственные учреждения, где надо ждать, платить и быть на равных со всеми.

Всё делается из материала, предназначенного для продукции, ни за что не платится и делается с сознанием, что так положено. Отрядные, за редким исключением, – лодыри и инфантильные люди. Простые вопросы, которые они должны решать со стороны осуждённых, вызывают у них раздражение и злость. Если бы система труда учитывала все аспекты: отношение к делу, к людям, выполнение своих непосредственных обязанностей, сроки выполнения этих обязанностей, качество выполнения, – вот тогда бы они хоть и недовольные были бы, а шевелились.

А так это, в основном, – паразиты на теле народа. На производстве масса людей, находящихся в заключении, смогла бы заменить учётников, нормировщиков, мастеров и других лодырей. Дело от этого только бы выиграло. Огромная масса денег была бы сэкономлена и пошла бы в копилку государства.

Возникла ещё такая мысль. Если уж надо, чтобы людей наказывали то, во-первых, не так жестоко, а во-вторых, с пользой и для самого государства. Сельское хозяйство в упадке, и пока его будут

выводить из прорыва понимающие и действующие люди, можно было бы использовать труд людей провинившихся. Естественно, с разбором, кто есть кто и с ограничениями. Но ведь рабочих рук в сельском хозяйстве катастрофически не хватает.

К тому же, к тем, кто проявит интерес, старание, изменить отношение: дать заброшенные дома, участки, разрешить селиться с семьёй. И многие бы осели в сельской местности, нашли бы себя. Людей надо приблизить к земле, к природе. Многие даже не знают, что в них скрыто желание именно трудиться на земле, потому что основная масса всё-таки живёт в городах.

Но это, конечно, если смотреть сугубо для пользы общества. А в целом всё неразрешимо. Аппарат управляющий быстро костенеет. Всё должно быть продумано и построено так, чтобы в результатах непосредственного труженика был заинтересован находящийся на вершине иерархической лестницы. И именно он на себе должен ощущать изменения в худшую сторону, должен чувствовать пагубность своего бездействия, безынициативности, рутинёрства и бездушия.

Такое, очевидно, возможно при наличии в аппарате контролирующего и карающего органа именно высших управленческих кадров. Что бы там ни говорилось, а народная мудрость гласит: рыба гниёт с головы. Вот и не дать голове гнить. Заставить её думать и работать, принимать решения и действовать.

Давнишние наблюдения об использовании бесплатной рабочей силы работниками МВД. Какой-нибудь райотдел или городской отдел начинает строиться. Даётся задание рядовым работникам милиции устроить облаву. И вот в отдел приводятся выпившие или что-то где-то не так сделавшие. Начинается отсев. Строителей сажают на сутки, а остальных штрафуют. И так повторяется, пока здание не выстраивается. Такое же явление – и в масштабах страны. По стране – множество комсомольских и всяких срочных строек.

Деньги выкачиваются быстро, стройки не заканчиваются. Вольнонаёмный народ разбегается, ибо за мизерную зарплату никто работать не хочет. И вот тут вступает в действие другой механизм. Издаётся указ правительства о борьбе с каким-нибудь злом: хулиганством, воровством, самогоноварением и прочая, и прочая...

Под указ масса народа попадает на скамью подсудимых, за решётку. Правильно ли поступает правительство? Правильно! Гуманно ли? Гуманно! Изымает преступников из общества, оберегая и очищая общество. По отношению к обществу – правильно и гуманно. Вторая часть этой программы вступает в действие. Издаются разовые указы, постоянно действующие, о направлении на стройки народного хозяйства. То есть освобождение условное. Но уже едут пойманные и осуждённые туда, куда их направляют, – на горящие незаконченные стройки.

Правильно ли поступает правительство? Правильно! Гуманно ли? Гуманно! Преступники освобождаются из заключения, им предоставляется свобода («свобода в рассрочку» – такое определение в ходу среди осуждённых), предоставляются рабочие места. По отношению к преступникам – гуманно и правильно. Стройки начинают действовать, вводятся в строй предприятия, притом, уже с малыми затратами. Заработки у большинства условно освобождённых – мизерные.

Если помогают родственники или какими-то неправдами помогают себе сами, тогда удаётся добить условный срок. Но большинство ставится в такие условия, что задержаться не могут. После оформления всех формальностей они добывают срок в лагерях, работая и всё оплачивая. В лагерях администрация за затраченный труд никогда зарплату не даёт полностью.

Под всякими предложениями выполненная работа не оплачивается. Таким образом создаются заделы на будущее, без всяких затрат, экономия фонда зарплаты. А уже этими категориями администрация манипулирует по своему усмотрению. Выгодно? Очень! Как они могут от этого отказаться?

Естественно, в проведении нового, демократического, человеческого будут всячески мешать и тормозить. Сознание так быстро не переделаешь. Начинается массовое приспособленчество. Пресса пестрит сногшибательными статьями и разоблачениями. Правда, раздаются одинокие голоса, что не всё было так плохо. Ведь чего-то наш народ достиг и шёл вперёд. Смешно.

Любой народ при любом правительстве что-то делает и чего-то достигает. А то, что всегда находятся патриоты, – это просто законо-

мерность. Россия всегда была богата истинными сынами, которые делали своё дело для родины и народа, а не для правительства и строя.

Целые направления в нашей жизни долгие годы велись людьми нечистоплотными, карьеристами. Они же и готовили себе должную смену.

В науке господствовала лысенковщина. В юриспруденции – Вышинский со своей сворой. В остальных областях – те, кто подчинялся Сталину, одному из величайших хитрецов, поставившему всё на службу обожествлению своей личности. Долгие годы страна жила в обстановке обмана, лицемерия, чиновничества. Так переходило от правителя к правителю. Что могли воспитать в новых поколениях те, кто сам был воспитан на лжи?

Не берутся во внимание истинные мыслители, честные люди, способные всё осмыслить и увидеть главное. Таких всегда в стране меньше, а если бы их было большинство, то подлость никогда бы не победила. Из всего можно сделать только один вывод, что всегда шла борьба за место под солнцем, борьба за власть. Делалось это под любым удобным соусом, даже под соусом человеколюбия и общего счастья. Да это же невозможно...

Страна, строящая социализм, а затем коммунизм, наполнила свою землю кровью своих сограждан до такой степени, что она уже не впитывается в землю. И что бы ни говорили политики, мыслители, а жизнь показывает другое. И тот, кто умеет видеть, не может ошибаться по поводу услышанного и происходящего. Человечество ведёт борьбу друг с другом, а надо бы готовить всех так, чтобы вели борьбу с самими собой.

Чтобы каждый в состоянии был осмыслить в себе худшее и лучшее и ушёл бороться с худшими. Чтобы как можно больше людей видели и в других людях подобных себе, тогда бы появилась возможность более нормальной жизни. Жизни без злобы, без страданий и огорчений, жизни для других, а не только для себя.

И совершенно безразлично будет, какой будет строй, если люди будут уметь понимать других и понимать своё предназначение в этой жизни. Но взять любую сферу жизни. И кругом примеры выпирают с такой силой, что их не заметить невозможно. Примеры бездушного отношения. Мягко говоря, примеры, показывающие, что всё, что делается, расходится с тем, что говорится.

Такие примеры, как массовое бросание своих детей, отказ от материнства, говорят о серьёзнейшей болезни нашего общества, а это говорит не в пользу социалистического строя. Что-то об этом не слышно в таком масштабе в государствах с другим строем. Проституция, наркомания, детская преступность рождаются не на пустом месте. Для того, чтобы набрали силу такие явления, нужна очень богатая почва для этого.

И ведь растёт это явление, а не уменьшается. Да ведь можно приводить пример за примером, которые будут показывать не частность, а явления глобального масштаба. Да, надо признать, что время выдвинуло лидера новой формации, выдвинуло сподвижников его, желающих переделать всё на новый лад. Но ведь и они были воспитаны на почве всего, что происходило в стране. Не могли они стерильными пройти к власти через жизнь.

Значит, яд прошлого имеется и в них. И это пугает и настораживает. Хватит ли духу держаться до конца, хватит ли сил перевернуть такую огромную глыбу, хватит ли умения всё сделать так, чтобы вновь в очередной раз не наполнить страну поломанными судьбами, страданием, безверием?

Конечно, то, что делается для торжества справедливости, социальной справедливости, обнадёживает, но делается это медленно, с оглядкой, с выбором. Попадают в сферу закона те, кто, пользуясь властью, высокими должностями, награл столько, что его выворачивает от тошноты. А те, кто брал осторожнее, поменьше, вовремя сумел спрятать свои грязные руки, они-то остались у дел, у власти.

И вновь продолжают учить, распекать, ратовать за перестройку, за всё передовое. Это же идиотизм. Простые люди, окружающие таких руководителей, всё о них знают (шила в мешке не утаить) и, естественно, делают вывод: всё – враньё. Поистине медвежью услугу оказывают такие «перестройщики» задуманному делу. Да и как они, закоренелые во многих пороках, вдруг сумели понять, а главное – принять близко к сердцу то, что необходимо народу? Чушь...

Они вновь меняют кожу. Хамелеоны. А борьбы с этими «среднячками» пока не видно. Время даёт им освоиться в новых условиях, приспособиться и спрятать концы в воду. А ведь для того,

чтобы сдвинуть в стране всё, нужно делать это не только в верхах, а на местах, на окраинах, и как можно быстрее. Люди не должны долго копать в грязном белье, они должны трудиться и делать полезное дело. Но всё должно делаться сознательно. А условий, к сожалению, пока нет. Нет моральных твёрдых основ.

В прессе появилось много статей о личностях выдающихся, об их судьбах, о личностях, которые были вынесены на гребень волны временем, и о личностях, возникших из мутной пены. Переваривая всё прочитанное и суммируя собранные сведения, невольно приходишь к выводу, что путь Октябрьской революции от 1917 до нынешних дней – кровавый путь.

Шла неустанная борьба за власть, а не за торжество справедливости для народа. Каждый захвативший власть выдвигал своих сподвижников, уничтожая неугодных. Такой вывод напрашивается из таких примеров. В годы гражданской войны Троцкий был председателем РВК, сконцентрировав в своих руках огромную власть. И именно он назначал, давал согласие на назначение или смену военных начальников. Судя по этому, в армии были в основном его ставленники. Он обладал властью даже награждать. Однако ревниво следил за тем, чтобы против него никто ничего не говорил.

Основателем Первой конной армии был Думенко, а не Будённый. И лишь только Троцкий, узнав о его высказываниях об ордене, который Думенко получил из рук Троцкого, и несогласии по многим вопросам, он возбудил против Думенко расследование. И вот тогда Сталин и Орджоникидзе вступились за Думенко, но безрезультатно. Думенко был расстрелян, хотя, как выяснилось с течением времени, напрасно.

Уже тогда таких случаев было много. Затем пришло время Сталина. И он начал уничтожать армейских руководителей, которые были утверждены ещё во времена правления Троцкого. Ленинский авторитет в то время, во время Троцкого, не сработал. Не очень-то прислушивались члены Политбюро и ЦК к словам Ленина. Не сработал ленинский авторитет и тогда, когда Ленин предупреждал всех о Сталине. Никто не прислушивался к словам Ленина, или же не захотел прислушиваться. Ленин остался в одиночестве. А ведь он обращался к соратникам по партии, к старым революционерам...

Где же то единство, которое должно было быть в таком случае среди тех, кто прошёл ссылки, каторги, боролся за идею торжества справедливости для всего народа? Пусть они были разными, но в главном они должны были быть едиными. Не получилось. Как понимать то, что Блюхер с другими судил Тухачевского, а затем сам оказался репрессированным?

Обвиняют во многом Сталина. А на пустом месте не мог вырасти его вождизм. Его взрастили среда и окружение. Даже молчаливое неприятие его вредных дел не дало бы ему такую огромную силу. Значит, это устраивало многих, большинство. И таких примеров – масса. Заняв определённые посты, должности, члены партии расправлялись со своими противниками, с теми, кто мог занять их место.

Это же кровавая борьба за власть. А пример с Вышинским. Человек, который охотился за Лениным, у которого были не только различные взгляды с большевиками, а даже принадлежность к партии, на пушечный выстрел не должен был подпускаться к делам государства. А ему удалось пройти весь путь до верховной власти, обагрив свои руки по плечи в крови тех, с кем он боролся ещё до победы Октября.

Это ли не политическая близорукость тех, кто был у власти? А может, они это всё видели, понимали, но им так надо было. Не учли, что их тоже коснётся кровавая рука тех, кто не хотел оставлять в живых потенциальных конкурентов. Так и получилось. Сначала Троцкий убирал неугодных ему людей и ставил своих. Затем Сталин убирал людей, выдвинутых при Троцком и при тех, с кем Сталин был не заодно.

Пришло время убирать тех, кто работал и творил дела со Сталиным: Маленкова, антипартийную группу и прочих. Затем появилась новая группировка с новыми вывертами, но всё – за счёт народа. Время застоя. Теперь выкорчёвываются те, кто был апологетами времён застоя. И опять – борьба, пусть не с такой кровью, как раньше, но тоже борьба за власть.

А что же делать народу, с кого брать пример, на кого равняться? И как же, в конце концов, понять, в чём преимущество социалистического строя над капиталистическим? Да тут можно было бы привести права из Конституции СССР. Но дело в том, что права, в

своём большинстве, – на бумаге. А попробуй, осуществи в полной мере хоть одно, сможешь ли ты это сделать?

Да, это, конечно, очевидные вещи, которые видны невооружённым взглядом. Может быть, нынешнее время что-то сможет изменить. Надежду терять нет охоты. Поэтому верится, что будет сдвинуто с мёртвой точки всё то, что давило человека: бесправие, бездушие, унижение, беззаконие, безверие. Всё то, что забирало душевные силы жить и работать в полную меру не только для себя, но и для дела, для страны. Но медленно, так медленно всё делается, что невольно возникает ощущение того, что движение вперёд замедлится и остановится.

Так много в стране приспособленцев, притом, занявших такие места, которые дают им хоть маленькую, но власть. Приходит в голову такая мысль, что у Сталина бюрократы не чувствовали себя вольно, а те, кто тянул резину в делах или смел что-то хапать и грабить, вообще сметались, как пыль. Разве в то время было такое огромное количество взяточников, хапуг, царьков, разве была так распространена круговая порука? Нет, конечно.

Вот и задумываешься над этим явлением. Как же надо вести себя правителю с народом, чтобы и не расслаблять, и не давать волю, которая приводит к распущенности? Может, действительно, истинная демократия, гласность приведут к тому, что люди будут себя чувствовать людьми, начнут себя уважать, а соответственно, и поступки их будут достойными? Посмотрим, как будет развиваться этот эксперимент истории.

По сути, вся жизнь – эксперимент. То и дело одни экспериментируют над другими, одевая это в одежду слов, и подают под видом передовых идей. А кажется, что народу надо в основном: хлеб, крыша над головой, уверенность в завтрашнем дне и возможность честно зарабатывать свой хлеб. Возможность чувствовать себя человеком, а не щепкой, сырой массой, из которой можно лепить всё, пушечным мясом или материалом для экспериментов.

То и дело в голове крутилась мысль о времени Гитлера и времени Сталина. Ведь, по сути дела, и тот, и другой уничтожали свой народ в угоду своим тайным планам, своим притязаниям на господство. Видя, что творят Гитлер и Сталин со своими народами, остальной мир делал выводы. Большинство осуждало фашизм, но многие осуж-

дали и коммунистов. А за что им можно было уважать коммунистов СССР, стоящих у власти, если видели уничтожение лучших представителей народа, да притом, не сотнями, а тысячами?

Народу привыкли навязывать взгляд изнутри страны, а ведь надо посмотреть ещё и другими глазами, глазами стороннего наблюдателя. Практически народ нашей страны уважается всеми народами, а вот стоящие у власти коммунисты заслужили осуждение своими действиями против народа.

Как же не возникнуть антикоммунизму, если в стране, строящей социализм и руководимой компартией, работала такая мясорубка, что кровь народа рекой лилась через границы государства? А затем началась эпоха разграбления, воровства, хищения правителями своего народа, своей страны.

Если народ радуется такому маленькому проявлению к нему внимания, то до какой же степени все пороки глубоко сидят во всех, до какой степени трудно будет всё изменить? Не скоро, ох, не скоро человек будет на истинно человеческом положении в нашей стране. Слушаешь всё, что говорят по радио, телевидению, печатают в газетах и журналах, удивляешься быстрой приспособляемости тех, кто и раньше был у кормушек.

Уже в годы перестройки создана масса неработающих и недоработанных указов и законов. А что-то действительно стоящее, которое ставит на место многих приспособленцев, не принимается, всячески тормозится. Значит, это кому-то надо, значит, их позиции сильны, и попробуй с этим со всем справиться. Тунеядцы, которые не хотят, да и не могут работать, приросшие к кормушкам разных управлений.

Райисполкомы, райкомы воют, что дали возможность тем, кто не ленится, зарабатывать деньги. Воют потому, что многое утекает у них из рук, выходит из-под контроля. Они лишаются возможности влиять на жизнь других, лишаются возможности чувствовать себя маленькими царьками. Таких – миллионы, и захотят ли они добровольно, испив власть, с ней расстаться? Вряд ли. Нужны жёсткие меры, а в этом направлении движения не видно.

В прессе Вячеслав читал многое, до многого додумался давно сам. И это радовало. Радовало, что есть люди, понимающие явления

так, как и он, может, и в другом аспекте, но в главном всё же схоже. Радовало потому, что находил сходство своим мыслям у значительных людей, мыслителей, писателей. И огорчало потому, что жизнь его с детских лет идёт в борьбе и за правильное понимание жизни, а репутация у него создана теми, кто хапал, брал взятки, злоупотреблял властью и всячески шельмовал его.

Прочитана масса литературы. Идёт работа мысли, то и дело прорисовывается интересный вывод. Откуда появился Сталин и сталинизм? Да сама Октябрьская революция родила вождизм вообще и сталинизм в частности. Разве мало слышали: вождь трудового народа, вожди рабочего класса? А гражданская война, когда в разных местах появились личности, которые вели за собой людей, которые творили суд и расправу с врагами идеи? С врагами, которые по случайности оказались по другую сторону, действуя по принципу: кто не с нами, тот против нас. Сколько людей зря в то время было расстреляно, уничтожено. Потом приходили другие обличители и... убирали красных царьков, опять же стреляя или просто уничтожая их и их помощников, замарывая себя кровью, погрязая в убийствах, которым не было оправдания. Потом приходили новые обличители и на свой лад судили суд и расправу.

Как было не взрасти Сталину на такой богатой почве? Его становление было predetermined сложившимися историческими событиями и обстоятельствами, которые родила Октябрьская революция и укрепила гражданская война. Даже Ленин, и это известно из книг, проявлял жестокость к своим соратникам. Он требовал расстрелять Антонова-Овсеевко за то, что тот хотел бескровно взять Зимний, а Ленин торопил со штурмом.

Ленин требовал вешать тех, кто в учреждениях мешал работе, затягивал выдачи справок, разных документов. Строгости нужны были, конечно, но такие требования были уже проявлением жестокости. А какую жестокость проявлял Троцкий не только к своим врагам, но и к своим соратникам! Так оно и шло. И не изжито до сих пор. И всё это – порождение революции, которая была совершена для освобождения человека. От чего?

Читая «Историю государства Российского» Н. Карамзина, вывод сам собой вырывается наружу. Сплошная кровь братоубийственных

войн многие столетия. Междоусобица вела к войнам, предательству, изворотливости. И в таком состоянии славянские племена и народы, захваченные ими, находились века. Это всё вошло в плоть и в кровь народа. Так что предательство имеет исторические корни.

Понимая, что в любой момент может начаться бойня между своими и пришедшими племенами, народ, в основном, жил безалаберно, неосновательно, всё делал с ленцой и неохотой. Эти неохота и лень – также в крови народной. Люди не ценили жизнь друг друга и собственную жизнь. Отсюда высказывание: «Жизнь – копейка».

Откуда же было взяться новому человеку, о котором толкуют уже 71 год, если условий для создания нового человека не было? Характер народа, черты его складывались веками, вот и проявлялись эти качества в экстремальных условиях, но проявлялись в зависимости от обстоятельств. Постоянные войны, тяжёлые походные условия за многие века выработали в русских воинах терпение великое к трудностям, закалили в битвах, сделали упорными и стойкими.

Поэтому русский солдат – самый выносливый, терпеливый, храбрый, умеющий в невозможных условиях выходить победителем. Но воевали за разное: за идеи, за чьи-то блага и, редко, за своё. Всё это перекочевало и в наш век, в новую советскую эпоху, не менее богатую кровавыми событиями, чем прошлая история нашей страны.

Всё больше появляется сведений о Сталине, о тех, кто его окружал, о тех, кого он уничтожил. И вот какой напрашивается вывод. С первых дней создания Советского государства Ленину пришлось за каждый важный вопрос для государства вести борьбу с левой оппозицией в ЦК партии большевиков. По всем важным вопросам, начиная с самого важного – подписания Брестского мира. Ленина активно поддерживали Сталин, Свердлов и ещё ряд большевиков, но не занимающие значительные посты в государственном аппарате и в составе ЦК.

Даже Дзержинский был в левой оппозиции. И только личное уважение и любовь, которые он проявлял к Ленину, не уводили его на крайние позиции. Такие же оппозиционеры, как Бухарин, Рыков, Ломов, Зиновьев, Каменев были явными противниками взглядов Ленина. Они шли на блок с Троцким, который вообще преследовал в революции личные

цели. А Зиновьев и Каменев были названы штрейкбрехерами революции Лениным. Они выдали начало вооружённого восстания.

Видя, с каким трудом Ленину приходится преодолевать сопротивление членов ЦК по важнейшим вопросам строительства государства, Сталин делал свои выводы, и когда его власть окрепла настолько, что он мог решать судьбы людей единолично, он стал убирать противников. А за ними полетело окружение этих людей. Цепочка потянулась дальше. Но когда машина заработала, остановить её уже было невозможно.

Ещё раз он приходил к выводу, что действия противников оппозиции, обстановка, суровая и требующая твёрдости, привели к тому, что впоследствии стало называться «культ личности». Этому помогло и то, что наш народ веками привык надеяться на царя, поклоняться идолам. Нет оправдания Сталину и его действиям, но ведь в такой стране огромной должны были найтись люди, которые остановили бы его зверства любым путём. Не нашлись. Почему?

В «ЛГ» статья об организованной преступности в нашей стране, о том, что существует мафия. И в статье – строки о том, что во время правления Сталина, Гитлера, Муссолини организованной преступности в странах, где управляли названные лица, не было. Там, где был тоталитарный режим, организованная преступность не возникала. Не было коррумпированных чиновников, взяточников.

Вывод: мафия, организованная преступность – это порождение демократии. А вернее всего, власть каждого чиновника на местах, знающего, что есть подход к вышестоящему через взятки и подношения. Нет жестокого страха, ответственности за свои действия. Каждое направление имеет и свои отрицательные стороны. Вот и при нынешней перестройке, казалось бы, преступность должна идти на убыль, а получается наоборот – растёт организованная преступность. Где корень этих явлений?

Ещё одно наблюдение. Над миром властвует серый цвет. Серая крыса стала бедствием человечества. Удивительная приспособляемость к любым условиям жизни. Серые хищники – волки также удивительно стойки и изобретательны, невероятно живучи. Серые вороны, захватившие станции, города, свалки, – хитрые, хищные, жи-

вучие, нахальные. То же и среди людей. Серая масса, живущая, в основном, своими интересами, удивительно приспособляемая, хитрая, изворотливая, съедающая меньшинство, которое понимает жизнь во всех её проявлениях, думает о других, мыслит высшими категориями. Примеры история выдвигает каждый день и долгие тысячелетия.

Думая об МВД как о государстве в государстве, Вячеслав вспомнил о материалах, что вырезал из старых журналов и газет. Касаясь истории, он вспоминал о реформах Петра I. Они, эти реформы, взбаламутили всю Россию. На этой почве возникли целые криминальные течения. От реформ бежали все. Бежали от всевозможных «великих строек».

Как всё в истории повторяется! Бежали все – от крестьян до дворян. Бежали в разные места. Убегали на Дон. Там держалась старая традиция: «С Дона выдачи нет». Однако большинство беглых оставалось в России. Одни сбивались в банды и промышляли на больших дорогах. Другие растворялись в больших городах, добывая себе пропитание методами преступными.

Петр I ввёл в России паспорт и прообраз прописки. Домовладельцы должны были предоставлять сведения обо всех проживающих. За нарушение этих правил полагалась конфискация имущества. Ссылали в ссылки или на галеры. А откуда у беглых были паспорта? Борьба с преступностью возлагалась на воевод. Не хватало ни кадров, ни средств.

Вначале Петр I попытался решить проблему с помощью армии. Но разбойничьи шайки были порой настолько большими, что воинские подразделения справиться с ними не могли. Историки пишут о том, что в Англии в то время обстановка была намного хуже, чем в России. Настоящую полицейскую службу англичане создали только в XIX веке, на три столетия позже, чем в других странах Европы, в том числе, и в России.

В 1715 году указом Петра I была создана Главная Полицмейстерская канцелярия Санкт-Петербурга. 25 мая 1718 года в указе Петра I впервые появилось слово «полиция».

Генерал-полицмейстером был назначен бывший денщик Петра I, его любимец Антон Эммануилович Девиер. Петр I создал

силовую структуру, замкнутую на него. Он самолично составил знаменитые «Тринадцать пунктов» – первый устав полицейской службы в России. Есть смысл привести эти «Тринадцать пунктов» полностью, так как они открывают глаза на многое:

«1) Смотреть, чтобы все строения было регулярно построены по Его Царского Величества указу; печи, камели и трубы печные были бы также по указу, чтобы никакое строение за линию не выходило; чтобы улицы и переулки были ровны и изрядны.

2) Чтобы берега рек и протоков, а также сточные каналы были хорошо укреплены, дабы весною и в дожди землею их не заносило, и чтобы вода нигде не останавливалась.

3) Чтобы улицы и переулки содержались в чистоте, были бы сухи и чтобы проезд по ним был не труден.

4) Чтобы шалашей по проезжим дорогам и у мостов близко не ставили и покрывали бы их холстом, а не рогожей.

5) Чтобы торговцы не продавали съестных припасов недоброкачественных, а тем более вредных для здоровья. Чтобы меры и весы были верные и чтобы цены на съестные припасы были объявлены умеренные.

6) Наблюдать за чистотою улиц, переулков, рядов торговых и мостов, и каждому жителю поставить в обязанность держать в чистоте улицу перед своим двором, убирать сор и отвозить его в указанное место, но отнюдь не в реку, виноватых подвергать жестокому штрафу.

7) Прекращать всякие ссоры на улицах и рынках, арестуя виновных и отсылая их в надлежащий суд с их допросами и делом.

8) Всякую четверть года осматривать печи, камели, в поварных очаги и прочие места, где водится огонь, и предостерегать хозяев, чтобы с огнем обращались осторожно.

9) Искоренять подозрительные дома, как-то: шинки, игорные дома, притоны разврата.

10) Гулящих и слоняющихся людей, а также нищих арестовывать и допрашивать; буде же кто в допросе со словами своими не сходен явится, оных определять на работу.

11) Наблюдать, чтобы хозяева немедленно давали знать полиции о всяком приезде к ним на жительство и отъезжающем, а

также о найме работников из гулящих людей, виновных хозяев ссы- лать на галеры с отображением всего имущества.

12) Для охранения от воров и пожаров определить со дворов караульщиков. Против воров надлежит иметь какое-нибудь оружие, а на случай пожара – ведра, топоры, войлочные щиты, лестницы деревянные, трубы, а в некоторых сборных местах – крюки, парусы и большие водоливные трубы. По ночам караульщики должны ходить с трещот- ками. А для лучшего способа к поиманию и пресечению проходов во- ровских и прочих непотребных людей сделать по концам улиц шлагба- умы, которые опускать по ночам, и иметь при них караулы с ружьями.

13) Для лучшего наблюдения за выполнением предписанного сии- ми пунктами назначить в каждой слободе или улице старосту и с каждых десяти дворов десятского из тех жителей с тем, чтобы каждый десятский за своим десятком накрепко смотрел, чтобы чего не случилось против- ного запрещению; и если за нем что усмотрят, о том тотчас объявлять старосте, а этот – полицмейстеру. Также учинить распорядок между жи- телями, кому с каким пожарным орудием являться на пожары».

Конечно, в то время на полицию взвалили очень много обя- занностей, большую часть из которых сегодня выполняют другие службы. Но полиция того времени со всеми этими многочисленны- ми обязанностями справлялась. У Петра I не забалуешь. И в мире современном для того, чтобы лучше обустроить жизнь, надо бы применять на практике указы и установления Петра I.

Во времена царствования последователей Петра I с полицией происходили всевозможные изменения. Тайный сыск то упраздня- ли, то восстанавливали. Во времена, когда на престоле воцарилась Екатерина II, она очень быстро восстановила Тайную канцелярию. Она предприняла масштабные реформы, которые касались поли- цейского дела в России. Она черпала знания и опыт у французских философов Монтескье и Беккариа.

Они много внимания уделяли животрепещущему вопросу: как усовершенствовать общество и человека путём введения «разум- ных законов». Поднимались вопросы: как создать рациональную систему управления государством, как избавиться от пороков? Но беда этих мечтателей в том, что нигде и никогда самые разумные

законы человеческой сути не исправляли и на состояние преступности не повлияли.

Такова в основном человеческая природа. Но эта теория была в моде. Екатерина увеличила штаты сотрудников полицейских канцелярий. Екатерина II самолично составила «Наказ Главной полиции». Это был своеобразный устав внутренней службы. Это была смесь деловых наставлений и благих побуждений. Из-за несовершенства человеческой природы это всё, в основном, оставалось на бумаге.

Руководителей полиции и их помощников предписывалось набирать из знатных фамилий. У претендентов не должно было быть недостатков, которые могли повредить их совести. Всё должно было зависеть от честности конкретного человека. В «Уставе Благочиния» были изложены требования, которым должны были соответствовать служащие полиции:

1. Здравый рассудок.
2. Добрая воля в исполнении поручений.
3. Человеколюбие.
4. Верность службе Императорского величества.
5. Усердие к общему добру.
6. Радение в должности.
7. Честность и бескорыстие.

В этом же Уставе говорилось об опасности взяток, которые «ослепляют глаза и развращают ум и сердце, устам же налагают узду». В 1775 году в России была проведена реформа местных органов управления. Провинции были упразднены, а вместо них империю разделили на губернии. А губернии делились на уезды. Центральный орган полиции также был упразднён. Функции полиции были переданы на места – губернатору.

Такое управление и в США, где нет и не было единого органа, который бы руководил полицией всей страны. Много полезного и нужного было записано в правилах и Уставе.

«Как бы было здорово, если бы этим указаниям следовали и в современном мире, – думал Вячеслав. – Разве можно было бы тогда создать государство в государстве?»

Надо всё выдержать и остаться человеком

Как бы ни заваливал себя работой Вячеслав, мысли обо всём теребили постоянно его мозг. Плюс – масса прочитанных и пропущенных через себя книг. Ему уже порой не удавалось разобраться в том, что к нему приходило в размышлениях. То ли это были его мысли, результат увиденного, услышанного и прочувствованного, то ли это были мысли, почерпнутые из книг. Но они совпадали с его мыслями, и потому воспринимались как единое. Всё приходилось сносить и жить с этим. Не зря сказано: «До чего всемогущ великий целитель страданий – терпение». А ещё к нему вот такое: «Из всех высоких проявлений человеческой природы примеры труда и терпения извечно служат укором бесплодным мечтателям».

Вячеслав писал о терпении, а у самого вновь вспыхивали огни досады за то, что его слопали со всеми потрохами «радетели за общественную безопасность», у которых рыло до того в пуху, что его и не видно, какое оно, рыло, на самом деле. Из дома приходили письма. Валентина уехала на сдачу госэкзаменов. Ему думалось о том, что она – действительно сильный человек: работа, дети, муж в тюрьме и вот уже и подошли госэкзамены. Витька дома за старшего справится.

Он завалился литературой со всех сторон. Всё ему хотелось прочитать. Времени на всё постоянно не хватало. Доходило до смешного: в тюрьме не хватало времени, чтобы написать письмо домой. Зоновская жизнь отличается непредсказуемостью и порой страшными событиями. В лагерь этапом прибыл из Днепра заключённый. Родом он был из Днепродзержинска. Разговорились, многое вспомнили. Проговорили весь вечер.

Когда-то он работал инженером-металлургом. Где-то сорвался, и вот за спиной – уже четвёртый срок. Стоит только начать. Попав в жернова судебно-правоохранительной системы, вырваться почти невозможно. Metallург рассказал страшную историю, к которой привело головоуятие администрации колонии. В Днепродзержинске находилась колония строгого режима. Умер старый опытный начальник колонии, который умел ладить с заключёнными. Его уважали. Он не занимался мелочными придирками и зря зеков не трогал.

На место умершего хозяина поставили подполковника. Был он злым и мелочным человеком. Упоённый своей властью, он то и дело «прессовал» заключённых. Как-то двое заключённых с большими сроками, отличные специалисты-сварщики, пожаловались новому начальнику колонии, что на кухне почти совсем не моют посуду. Этот дураком вместо того, чтобы отреагировать на замечание и навести порядок, приказал этих парней перевести в столовую в посудомойку.

Он решил их таким образом наказать. И вместе с начальником отряда начал их «прессовать». Приставил к ним своего дневального проверять их работу и докладывать. Дневальный, холуй, начал позволять себе на них орать, что они не работают, что он доложит начальнику. Они предупредили спокойно, чтобы он ушёл от греха, но «дубина сторосовая» потерял всякое чутьё и ещё больше распустил язык.

Один из зеков схватил длинный столовый нож и насквозь проткнул «балбеса». Поняв, что они совершили, они решили, что их в покое не оставят. Взяв ножи, они пошли к начальнику колонии. Но тому повезло. По каким-то делам он был вне лагеря. Из кабинета начальника вышел оперработник, который с ходу начал на них орать. Они были уже на взводе, и в два ножа они «завалили» и оперработника.

Возврата назад не было. Они пошли вразнос. По дороге они убили председателя совета колонии, который попытался их остановить. Он пал жертвой стечения обстоятельств. По центральной дороге лагеря им навстречу шли работницы медсанчасти. Одна из них – подполковник, начальник медсанчасти. По описанию рассказчика, она была злой и бесчеловечной. Она относилась паскудно даже к тяжелобольным зекам. Увидев подходящих к ним заключённых, она заорала на них. И те без разговоров в два ножа проткнули её. Вторую они не тронули даже пальцем.

В это время в колонии уже начался шум и среди зеков, и среди администрации. Зеки вооружались, кто чем мог. Назревал лагерный бунт. Нарушители спокойствия, прихватив с собой канистру солярки, забежали в библиотеку и закрылись в ней. Облив всё соляркой, они подожгли здание библиотеки, а сами повесились. Так трагически закончилась эта история. Начальника сняли и выгнали с работы. Но сколько людей погибло из-за его тупого решения и злонамеренности!

Вот что такое слово, его сила. Всегда надо думать, что говоришь. Лагерь закрыли. Зеков развезли по разным зонам. Головокружения хватало кругом. «А разве на воле не так?» – думал Вячеслав. Очень многое зависит от дураков, засевавших в присутственных местах, на руководящих должностях и решающих судьбы людей. Идеалов, по которым нужно строить жизнь, как не было, так и нет. Существование, а не жизнь. Но надо жить.

«Ты не один, – думал он. – На твоих плечах – большая семья». Надо всё выдержать и остаться человеком. Валентина прошла через все трудности, сдала государственные экзамены, получила диплом. Нервы были на пределе, и сорваться можно в любой момент. Случилась неприятность. Пришли двое блатных, начали требовать пайку. Попёрли на Вячеслава. Пришлось обоим выкидывать из рядной. Уходя, пообещали расправиться.

В лагере такие разговоры без внимания не оставляют. Не ожидая, когда к нему придут, Вячеслав пошёл в цех, где находились эти блатные. Один, увидев его решительную походку, сбежал. Вячеславу удалось найти второго. Он прижал его за станком. Блатной заюлил, пустил жёлтую кровь и начал извиняться. Это происходило на глазах у других зеков, поэтому он его отпустил.

По сути, блатной сам себя наказал. В зоне народ весь взбаламученный. Возможно, это после землетрясения. Вячеслав вечером читал книгу. Вдруг он почувствовал, что трясётся диван. Он подумал, что это включили станки в ПГУ за стенкой. Но тряска началась ещё сильнее. В соседней комнате работники играли в домино. Вячеслав вошёл и произнёс:

– Наверное, землетрясение.

Открыли входную дверь и увидели, как из инструментального цеха выскакивают заключённые. Здание цеха заходило ходуном. По соседству с зоной находится тюрьма, буквально за забором. Из окон тюрьмы несутся крики. Из литейного цеха выскакивают заключённые. Труба от вагранки ходит ходуном. Вековая пыль клубами повалила из цеха. Вокруг ничего не видно. Пока покрутились туда-сюда, всё кончилось.

На следующий день в зоне начали друг над другом смеяться, описывая общий перепуг. Однако в момент землетрясения всем было не

до смеха. Дед Мишка, который сидел уже 8 лет, рассказывал, что когда начало трясти, он смотал свой матрас и – в коридор быстрее. Мимо него кто-то пронёсся и сбил его. Падая, дед Мишка увидел, что это – цыган Котляр. Пока дед поднимался, цыгана и след простыл. И только потом до деда дошло: цыган-то без ноги. Он носил протез. Но на этот раз бежал без протеза быстрее, чем кто другой с обеими ногами.

В дверях образовалась пробка. Два отряда ринулись в одну дверь. Из одной секции выскочил Антоненко Лёшка. А надо сказать, что он был под два метра ростом и более 120 килограммов весом. И вот эта масса на скорости, подгоняемая страхом, врывается в людскую пробку у дверей. Проход сразу же стал свободным. «Ну, точно как в мультфильме «Ну, погоди!», когда бегемот вбегает в зал кинотеатра», – подумал Вячеслав.

По рассказам это выглядело смешно, а в момент землетрясения людей охватывал страх и ужас. Локальные зоны были закрыты. Зеки орут:

– Открывайте! Вы нас хотите убить!

А один из зеков орёт:

– Вышел указ! Мне скоро домой! Открывайте немедленно!

Когда на работу пришли вольные, начались рассказы. Люди из домов выскакивали кто в чём был. Хватали детей и – на улицу. Всем было не до смеха. Стихия не любит шутить. Впоследствии узнали, что это землетрясение охватило многие страны Юго-Восточной Европы. Эпицентр был в Румынии. Она больше всего пострадала. Было объявлено чрезвычайное положение. Были человеческие жертвы, волна докатилась даже до Москвы.

В Одессе было 3 балла по шкале Рихтера, а вот в Кишинёве – до 7. Вячеслав подумал о Крыме. Ведь Коктебель, его посёлок, расположен у самого подножья потухшего вулкана Кара-Даг. А горы всегда находятся в движении. Они – на подземных пластах, которые то и дело двигаются.

В зоне пошли слухи, что вышли изменения в законодательстве. Есть послабления для «глухарей». Это статьи без послаблений и без надежды на досрочное освобождение. Об этой новости говорили даже представители администрации. Как-то Вячеслава остановил замполит зоны, майор К.Л. Попов, и задал вопрос:

– Ты уже подсчитал, когда у тебя три четверти срока?

Вячеслав ответил:

– Срок большой. Ещё успею посчитать. А для чего это?

Майор ответил:

– Твоя статья идёт под условно-досрочное освобождение по трём четвертям отсуженного срока.

«Ох, как это всё-таки далеко», – подумал Вячеслав. И задал вопрос Попову:

– А как же быть с тем, что мне пристроили статью двести шестую часть третью бездоказательно? Надо же продолжать бороться...

– Напрасно ты затеял эту борьбу. Ничего ты не сможешь добиться, – со знанием дела ответил замполит.

Вячеслав подумал: «Да я сам убедился в непробиваемости системы человеколюбия и справедливости». Но всё его существо восставало против такого произвола, дикого и необоснованного, от властей. С лёгкостью забрать у человека 7 лет свободы только потому, что не согнулся и не покорился власти! Как прав был Алексей Максимович Горький, когда сказал: «Никакой патокой гуманизма не подсластить горечь действительности».

Да, много умных слов по этому поводу было сказано мудрецами. Конечно, надо разбираться в процессах, происходящих в обществе, в котором ты живёшь. Не понимая целого, невозможно понять и его часть. Вокруг – столько бардака, непонимания, неразберихи. Об этих явлениях ещё Аристотель писал: «На небе больше порядка, чем на земле». Всё своё существование человечество ведёт себя, в основном, неосмотрительно и неразумно.

О какой справедливости и законности можно говорить? Всё это, в основном, – слова, не подкреплённые действиями. Куда ни глянь, кругом у людей неприятности. Хотя на это надо смотреть осмысленно. Находить самооправдание в чужих неудачах так же неосмотрительно и бесполезно, как пытаться лечить электричеством, не включая при этом ток.

Вообще, обо всех переживаниях, появляющихся от невозможности во всём разобраться, а самое главное – жить без больших потерь, уже давно высказались мудрецы и философы: «Ничего невозмож-

но узнать полностью, и ничему нельзя вполне научиться, ни в чём нельзя удостовериться, ибо чувства наши ограничены, разум слаб, а жизнь коротка. Каждый должен работать на всю мощь своих нервов и мышц, полагаясь на другого лишь в крайне тяжёлую минуту».

«Как проникновенно и понятно всё», – думал Вячеслав. А сказал эти значимые слова философ Анаксагор. Получалось по жизни так. Плохо, что по молодости Вячеслав впитал в себя кучу прогрессивных идей и мыслей. А жизнь преподнесла другие знания и отправила в другую школу, в школу для выживания. А этому надо учить с детских лет, и учить жёстко и твёрдо, чтобы в случае возникновения конфликтных ситуаций человек был готов встречать во всеоружии.

Много в жизненных ситуациях зависит от людей, пробравшихся во власть. А кто их подбирает и проверяет на годность? Да никто. Волна жизни выбрасывает на поверхность не то, что нужно по-настоящему жизни. Во все времена люди любой нации, любого народа погибали всегда за идею, а не за то, что происходит в действительности. Рассуждения, мысли, но всегда надо возвращаться в реальность.

Зона живёт своей обычной жизнью, но иногда бывают моменты хорошего. В лагерь с утра приехали шефы с канатного завода и артисты Одесской филармонии. Дали отличный концерт. Эстрадный ансамбль «Молодые сердца» был на высоте. Ударник – девушка. Работала интересно, легко, самозабвенно. Басист – тоже девушка. Исполняли современные песни. Народ зоновский встречал просто отлично.

А под конец на сцену вышли 20 девушек. Одеты были в прозрачные красноватого цвета трико. Они исполняли танец с пиками. Это было похоже на кабаре. Само появление такого количества девушек на сцене вызвало восторг зала, полного истосковавшихся по женщинам мужиков. Да ещё девушки так соблазнительно были одеты, а вернее – полураздеты.

Станцевали они великолепно и сорвали бурю аплодисментов и криков «браво» за молодость, за красоту, за изящество, за принадлежность к слабому полу, за вид почти интимный. Артисты уезжали довольные таким горячим приёмом. Хорошее в этот день не закончилось. В лагерь приехал книжный магазин. И вновь потянулись зеки к хоть какому-то развлечению. Магазинные работники

были довольны. Здесь хорошо шли канцтовары и книги. Выручка в лагере у них всегда была отличной. Жадность Вячеслава к книгам и здесь сработала. Он набрал книг и вечером принялся за чтение.

Пришло долгожданное письмо. Шло из Крыма в Одессу более 10 дней. Система в действии. Письмо выдержано в спокойном располагающем тоне. В него вложены фотографии детей. Всё это его обрадовало и успокоило. Дети ухоженные. Мать справляется отлично, хоть её и окружают трудности. Он понимал, что нельзя позволять жизненным трудностям сгибать себя.

Смотреть на всё нужно проще. Семье его это удавалось, а он всё метался в поисках истины человеческих взаимоотношений. А где она, эта истина? Всё постоянно меняется. На отношение людей всё время влияет окружающая их обстановка. Только вертись. Вячеслав пошёл в инструментальный цех по делам. Встретил там недавно пришедшего этапом Бориса Фомочкина. Разговорились.

Видно, назрел момент человеку выговориться. Уловив внимание в слушателе, он начал рассказывать свои дела. Во время разбивки этапа по бригадам присутствовал Попов Николай Дмитриевич, заместитель начальника колонии по режиму содержания заключённых. Его в обиходе зеки звали «Режим». Когда в кабинет зашёл Фомочкин, «Режим» посмотрел на него внимательно, а затем произнёс:

– А, старый знакомый.

Фомочкин, больше из осторожности, нежели из-за того, что не вспомнил, замотал головой:

– Да я не знаю вас.

– Ну, как же. Ну-ка, вспомни Днепропетровск. Я тогда работал в уголовном розыске, – ответил «Режим».

На лице Фомочкина появились проблески воспоминаний.

– А помнишь кражу, за которую мы тебя задержали? – спросил «Режим» Бориса.

– Вспоминаю, – заулыбался Борис.

Начальник инструментального цеха, Саша Музыкантский, узнав, что к нему в цех направляют Фомочкина, завозмутился:

– Зачем мне такой ворюга?

«Режим» ему в ответ:

– Да у него руки – золотые. Ты ещё и доволен будешь.

Прошло совсем немного времени, так и случилось. Начальник инструментального цеха был доволен работой Фомочкина. Он всё делал чётко, изобретательно и качественно. Борис рассказывал:

– В последнем деле я шёл в полную неосознанку. Один из моих подельников потянул меня за собой. Я знал, что доказательств на меня нет. И не признавал то, что на меня вешали, – говорил Борис. – Влепили мне пять эпизодов кражи. Я был под надзором милиции и во время следствия. Об этом молчал.

На суде Фомочкин заявил:

– Я был под надзором милиции. В три часа ночи меня проверял капитан милиции. В журнале есть отметка, что меня проверили в Днепре.

А в 9 часов утра в Одессе совершается кража. Никаким транспортом он добраться в Одессу просто не мог к тому времени. Его там просто не было. На суде у него отпали три эпизода краж. Следователь, который вёл дело Фомочкина, изъял у него из дома массу вещей. Покрутившись и не зная, что делать, следователь вернул вещи назад в квартиру Фомочкина.

А случилось так. Когда ему предъявили обвинение в краже, Борис заявил:

– Найдите потерпевшего и отдайте ему вещи, если я их украл.

Вещи пробыли в милиции полгода. Потерпевших не нашли. Пришлось все вещи вернуть Фомочкину. Когда дело дошло до суда, то суд вынес постановление об изъятии этих вещей у Фомочкина. В приговоре судья указал: «изъять личные вещи и конфисковать». Услышав такое определение, Фомочкин резонно возразил судье:

– Вы у меня изъяли женские шубы, платья, кофты, юбки, а я их носить не мог. Я – мужчина. Так какие же это мои вещи?

Суд ничего не мог сделать. Решено было вещи вернуть жене Фомочкина. Однако сделать этого не могли. Жена Бориса отбывала срок заключения. Она получила два года за дачу взятки. Оказывается, их сын попал за хулиганство, и она пошла его выручать. Предложила деньги следователю, а тот, зная всю семью, «сплёл ей лапти». По всему чувствовалось, что Борис – знаток уголовного кодекса и судопроизводства. Об этом легко можно было судить по эпизодам, происходящим в суде.

По делу как вещественное доказательство проходила хрустальная ваза, на которой якобы обнаружили отпечаток большого пальца левой руки Фомочкина. В суде Борис ходатайствует о том, чтобы задали вопрос «барыге», который проходил по делу как свидетель.

– Ты где взял вазу? – спрашивает он у «барыги».

Тот указывает на подельника Бориса, который ранее заявил, что вазу принёс ему Фомочкин.

– А что вы с ней сделали? – последовал следующий вопрос.

Барыга отвечает:

– Отнёс домой. Мы её с женой рассмотрели и поставили на сервант.

– Ну, а дальше что вы с ней сделали? – продолжает задавать вопросы Борис.

Барыга отвечает:

– Когда я узнал, что она краденая, отнёс её в милицию и отдал начальнику уголовного розыска, а тот потом – эксперту.

Фомочкин обращается к прокурору:

– Скажите, гражданин прокурор, как же могли найти мой единственный отпечаток от левого пальца? Других отпечатков нет, хотя вазу брало в руки такое количество людей? Вы неправильно пишете в экспертизе. Надо писать: «Среди множества отпечатков найден отпечаток левого пальца, принадлежащий Фомочкину».

В зале – замешательство. Прокурор не знает, что сказать после такого ляпа. Судья слушает. И тут Фомочкин выдаёт:

– А как там мог появиться отпечаток левого большого пальца моей руки, когда у меня его вообще нет?

Он поднимает руку и показывает, что пальца нет. Потом продолжает:

– Я повредил его на станке и его ампутировали.

Прокурор-женщина в ужасе вскакивает со своего места и бежит к Фомочкину:

– Борис, дайте вашу руку. Я посмотрю.

Борис прячет руку за спину и произносит:

– Нет. Я вам не покажу. Я дам посмотреть любому из зала. А вы вызывайте в суд эксперта-криминалиста.

Ходатайство приняли о вызове эксперта. На следующий день

Фомочкин обращается к суду с просьбой задать вопросы эксперту-криминалисту. Получив разрешение, Борис задал вопрос:

– Скажите, сколько дней может на полированной мебели или на стекле держаться отпечаток пальца?

Для эксперта-криминалиста этот вопрос оказался сложным и он ответил:

– Мне нужно смотреть. Я затрудняюсь прояснить этот момент. Надо смотреть в справочнике.

Фомочкин произнёс:

– Я вам сейчас скажу, а вы мне ответите: правильно или нет.

Получив согласие, Борис произнёс:

– Отпечатки руки на стекле и мебели при температуре восемнадцать – двадцать градусов Цельсия могут держаться не более шести дней. Так это или нет?

Эксперт подтвердил слова Фомочкина. Борис заявил:

– Вы, оказывается, произвели переворот в криминальной науке. Преступление было совершено четвёртого февраля, а экспертиза производилась шестого марта. Прошло больше месяца. Как же может сохраниться отпечаток моего пальца? Как вы подписывали экспертизу?

Эксперт, разобидевшись на всех, заявил:

– Неправильно зачитывали выводы экспертизы. Я писал не так.

Он потребовал зачитать выводы экспертизы повторно. Оказалось, что в экспертизе написана общая фраза: «Отпечаток на вазе имеет сходство с отпечатком пальца Фомочкина». А сходство имеют все отпечатки, и это никак не является доказательством, а просто фраза для следствия, чтобы её как хотели, так и крутили.

Доказательство с отпечатком отпало. Но интрига этого момента состояла не в этом. А в том, что у Бориса на месте были все пальцы. Он просто спрятал его, когда поднимал руку вверх. Сработал на шок, и это удалось. В перерыве прокурор поговорила с потерпевшей, зубным техником. Войдя в зал, она заявила суду, что имеет дополнение к ранее сказанному. Ей разрешили внести дополнение:

– Я убирала в комнате. Вышла на лестничную площадку вытряхнуть коврик. Живём мы на третьем этаже, я посмотрела вниз. Там стоял, согнувшись, мужчина. Я спросила: «Мужчина, что вы

здесь делаете?» Он мне ответил: «У меня болит живот». Так вот, это был он.

И она указала на Фомочкина. Адвокат Бориса тут же задал ей вопрос:

– Как же вы с третьего этажа увидели, кто это был, тем более, по вашим словам, он стоял согнувшись?

Потерпевшая отвечает:

– Я – техник-протезист, а у него нет зубов. Когда он мне отвечал, то я услышала характерный свист при разговоре.

Задать вопрос потерпевшей попросил Фомочкин. Получив разрешение, Борис произнёс:

– За три дня процесса слышал ли кто-нибудь свист у меня при разговоре?

Прокурорше в основном был направлен этот вопрос, и она ответила:

– Я не специалист и определить не могу.

Фомочкин задал вопрос потерпевшей:

– Скажите, вы выходили из квартиры до завтрака или после завтрака?

Потерпевшая в гневе:

– Это не имеет значения.

Но судья, заинтересованный вопросами, попросил потерпевшую ответить на поставленный вопрос. В зале все затихли. Никто не мог понять смысла поставленного вопроса. Потерпевшая ответила:

– Мы с мужем позавтракали. Я его проводила на работу, а сама взялась за уборку квартиры.

И тут Фомочкин изрёк:

– Граждане судьи, понятное дело, такая дама (а потерпевшая была значительных объёмов) позавтракала, а затем начала уборку. От резкого движения она произвела свист задним местом. А теперь говорит, что услышала с первого этажа на третьем свист при разговоре.

Какое-то мгновение в зале было тихо, а потом грохнул дикий хохот. Смеялись все: присутствующие в зале, адвокат, конвойные, судьи. Прокурорша, и та наклонилась, чтобы сдерживать смех. Потерпевшая выскочила из зала. Из пяти эпизодов кражи три в суде

удалось Борису отбить. И, тем не менее, он получил пять лет особого режима, так как был ранее неоднократно судим. Отбыв на особом определённый срок и не имея нарушений, он был переведён на строгий режим и оказался в Одессе.

29 марта Вячеславу стукнуло 37 лет. Собрались вечером. Попили чайку. Потравили лясы, анекдоты. В завершение – гитара. В колонии началось движение. Ушли первые 35 человек по новому указу. Готовится ещё одна комиссия, и на неё вызывают большое количество зеков. «С чем это связано?» – размышлял Вячеслав. Уж больно крупная шумиха поднята во всём мире вокруг вопроса защиты прав человека. Определённый резонанс наступил. Обстоятельства подпирали кое-что менять в существующей системе.

Бардака полно во всех инстанциях. Народ перемалывается в машине: «Следствие – суд – тюрьма». Только вот для чего это всё? Возникает мысль. Очевидно, верхи знают мудрое изречение: «Человек не перестрадавший – трава». Вот и заставляют большинство пострадать, чтобы людьми стали. Он думал: «Такое впечатление, что правосудие, в основном, превращено в орудие для сведения счётов с людьми. Устои так называемой морали расшатаны. Вокруг – сплошное приспособление. А тот, кто противится, становится белой вороной. А кому они нужны? В ходу серый цвет. Вот из «белых ворон» и делают отличных «преступников».

Судят ведь, в основном, не за то, что делают люди, а за то, что попался. Отношения людей посложнее математики. Так много нюансов в поведении людей, что трудно предположить, что можно ожидать не то что от кого-то, а даже от самого себя. Важно в жизни иметь силу, подкреплённую мышлением, и твёрдый взгляд на жизнь.

Вячеслав в своих размышлениях пришёл к интересному выводу. Если всё принимается близко к сердцу и на всё реагируешь, то появляется масса неприятностей и бед. Если же всё происходящее пропускаешь через сито разума и задаёшь себе вопрос: а надо ли тебе это? В жизни всё становится легче и неприятностей меньше. Очевидно, жизнь устроена так, что в то или иное дело нужно вмешиваться только в крайних случаях. Как хочешь, так и понимай действительность.

Если изменить её не в состоянии, остаётся одно: наблюдать, осознать, терпеть. В колонии – оживление, ушли «химики». Поехали на стройки народного хозяйства. На подходе – отправка второй партии. Однако спада количества людей в тюрьмах и лагерях не заметно. Этапы как шли, так и идут один за другим. Вячеслав вспомнил, что пошёл третий год заключения. Он заметил, что здорово изменился. Притерпелся к условиям содержания. Судьба к нему благоволит в этих местах, да и он, по возможности, старался помогать людям. «Всех, конечно, не обогреешь – думал он, – но стоящим помочь надо».

Хотя на язык порой просятся слова, чтобы выразить своё отношение к руководителям за их неразумные действия. Вячеслав твердил себе: «Ты – зек. Попридержи своё мнение при себе». С некоторыми он находил взаимопонимание. А оно, взаимопонимание, наступает тогда, когда люди этого хотят. Тогда, когда один человек хочет понять другого, именно хочет. Чаще всего люди этого не хотят. Хотеть – значит прикладывать усилия. Вячеслав всё наблюдает за людьми. Это было полезно и интересно.

В одиннадцатом отряде дневальным был зек по кличке «Буля», звать Михаил. «Буля» всю свою жизнь провёл в лагерях и тюрьмах. Сидеть он начал с 12 лет. Попал по малолетке за коллективное убийство. «Буля» был прожжённым каторжанином. Ну и, естественно, как все долго сидящие, был со странностями. Как говорят зеки, Буля гнал по-чёрному.

Предпоследний раз «Буля» сидел за убийство жены. По рассказам «Були», жена гуляла и часто наставляла ему рога. Поймав в очередной раз жену на измене, «Буля» учинил разборку, а на языке зеков – «закатил тягло». Жена огрызалась вместо того, чтобы покаяться, «Буля» начал её бить, расвирепев от такой наглости. Жена, видя, что дело совсем плохо, кричит:

– Сдаюсь!

А «Буля» со словами: «Пленных не берём» – схватил утюг и с размаху ударил жену по голове. Конечно, это было бы смешно, если бы не было так грустно.

«Буля» страстно обожал котов. У него их былая куча. Он всех

звал по именам. Коты отзывались. Интересно было смотреть, как «Буля» идёт, а за ним – целая «куча» котов с поднятыми хвостами. И понятно, у «Були» постоянно возникали конфликты с администрацией на этой почве. Но «Буля» не сдавался, и последнее время его оставляли в покое.

Рядом с лагерем мужским, буквально через забор, находилась женская зона. В этом женском лагере отбывала срок очередная жена «Були». Жена пишет «Буле»: «Миша, возьми свидание». А «Буля» в ответ: «На хрена ты мне нужна?». Через некоторое время жена «Були» вновь бомбардирует его своими письмами: «Миша, пришли мне денег на ларёк». «Буля» отвечает: «Работать, сука, надо, а не побираться». Жена «Були» была в отказе от работы, ну и, конечно, денег не было.

«Буля» отсидел 14 лет. Выйдя из зоны, он первым делом закупил всякой снеди в магазине и принёс зекам из своего отряда передачу. Надо отдать ему должное, он принёс передачу и своей жене, но свидание брать отказался. «Буля» захватил из лагеря с собой молодого котика. Куда он уехал и как живёт, никто не знает.

Вячеслав заметил, что явление приручить кота и дружить с ним – в зонах довольно распространённое. Эта тяга поддерживать отношения с четвероногими мурлыками – у человечества очень давняя. Он вспомнил то ли байку, то ли рассказ о том, как человек приручал животных. Живя в пещере, где находилась его жена и ребёнок, он уходил на охоту. Первым животным, которого он приручил, была собака. Она стала его верным помощником и на охоте, и в охране жилища.

Затем человек приручил рогатый скот. Как-то к ним в пещеру пришёл кот согреться. Охотник выбросил его из пещеры. «Зачем он нужен? Какая от него польза?» – сказал он. Жена охотника возилась по хозяйству в пещере, а ребёнок без внимания орал. В этот момент в пещеру зашёл кот. Он подошёл вплотную к плачущему ребёнку. Тот, увидев рядом симпатичного зверька, потянул к нему руки и перестал орать. Занятый котом ребёнок успокоился. Это заметила мать.

Но интересно то, что кот уходил перед приходом охотника. А однажды кот остался. Пришёл с охоты охотник. Кот сидел в углу пещеры. Ребёнок начал орать. Из угла вышел кот и подошёл к плачущему ребёнку. Ребёнок успокоился. Это видели и мать, и отец.

Охотник вновь хотел выкинуть кота, но жена его уговорила. Так кот и остался жить вместе с людьми. Получается, что не человек приручил кота, а кот – человека.

И вот уже тысячелетия кошки живут бок о бок с человеком. И до сих пор человек не разгадал кошачью сущность. До сих пор человек не знает, что от них ожидать и на что способны кошки. Почти у всех народов кошки ассоциируются с сакральными знаниями и сверхъестественными способностями. По народным поверьям, кошки могут защитить жильё от любого негатива. Они же могут вылечить от смертельных заболеваний, отпугнуть нечисть и отвести несчастья. Однако, если кошку обидеть, она может не простить этого даже хозяину.

Поэтому люди всегда относились к кошкам с уважением и опаской. Все кошачьи тайны не разгаданы. В Древнем Египте кошка была первой в списке почитания. К примеру, в храме, в котором обитало священное воплощение богини Баст, был всегда свой кошачий хранитель. В древности за причинённый коту вред человек мог быть убит. Об этом писал сицилиец Диодор. А Геродот описывал такие события. Если загорелось жилище, люди бросались в дом, чтобы убедиться, что в нём не осталась кошка. В Египте кошек мумифицировали наравне с фараонами и членами семьи.

На востоке кошки в Японию пришли вместе с буддизмом. Их очень почитали. Они считались высочайшей наградой, которой император мог поощрить отличившегося придворного, приближённого из близкого круга. А рыбаки брали с собой кошек на рыбалку в море. Они предупреждали о приближении шторма. Правда, рыбаки выбирали специально трёхцветок.

Есть описание, что в 1600 году один из военачальников взял на поле боя семерых котов. Они (коты) работали вместо часов. По ширине зрачков солдаты определяли время и производили смену на посту. Однако в Европе смотрели на кошек по-другому. Католики считали, что кошки – спутники ведьмы. Их сжигали на костре вместе с женщинами, которых считали ведьмами.

А вот у православных отношение к кошке уважительное. Кошка была чистой. Из всех животных она единственная могла без гонений зайти в храм. Кот считался ценным подарком. И стоил порой

дороже коровы. Пётр I издал специальный указ. По этому указу кот стал обязательным сотрудником в каждом крупном амбаре. Кошку сопровождает по жизни масса примет и поверий. Кошек любили моряки. Чёрный кот моряков на борту – к счастью. И чем чернее кот, тем больше будет удачи.

Во время кораблекрушения кошку спасали наравне с людьми. Предание рассказывает, что йоркширские жёны моряков держали в доме чёрную кошку. Это считалось гарантией, что муж вернётся домой невредимым. Большинство людей верит, что кошка видит потустороннее. Она как бы уходит от дурных сущностей. Если это положительные сущности, она играет. Часто приходится наблюдать, как кошка сидит, уставившись в какой-то угол или под кровать.

На кота нельзя кричать или чем-нибудь кидать. Это может посорить с котом и с духом – охранителем очага. По поверьям, кот может передать просьбу человека домовому и проследить, чтобы он эту просьбу выполнил и не проказничал. Считалось лучшей приметой, если кот чихнёт возле невесты. Это предвещало мирную и дружную семейную жизнь. Если кот или кошка чихает много раз возле молодых, то это предвещало, что у них будет много детей.

Вообще, за кошками всегда было принято наблюдать, и не только за своими. Если человек идёт по улице и повстречает кота, который спокойно идёт по своим делам, всё хорошо. Но если кот резко меняет свои планы при встрече с человеком, это значит, он почувствовал ожидающую человека неприятность. И чем резче кот поменяет направление, тем большие неприятности ожидают человека.

Умные люди, повстречавшись с таким явлением, проявляют бдительность во всём: в общении с другими людьми, в работе с документами. Кошки вообще очень обидчивы, и они имеют долгую память. Того, кто обидит специально или сдуру кошку, ждут большие неприятности. Специалисты объясняют, что коты – это существа, близкие к «иному плану бытия». В этом случае можно ожидать неприятностей оттуда, откуда их совсем не ждёшь.

Вячеслав вспомнил, как перед землетрясением все кошки, которые жили в бараках у зеков, вышли из помещений. И никто на это не обратил внимания. А знали бы, к чему это, не ломались бы в

открытые двери, сшибая друг друга. Со временем, хоть и неохотно, но официальная медицина начала признавать благодатное влияние кошек на здоровье человека. В прессе мелькали сообщения о том, что за границей есть клиники кошкотерапии. Даже разрабатывались методики лечения.

Рассказывают о том, что в селениях, которые близко находятся возле Везувия, в каждой семье есть кошка. Притом, это длится уже много столетий. Жители всегда прислушиваются к предупреждениям кошек. Они спасли не одну тысячу жизней. Учёные – в затруднительном положении. Они не знают, как коты отслеживают опасность, не связанную с природными катастрофами.

В литературе Вячеслав читал интересные сообщения о кошках. Во время второй мировой войны нацисты бомбили Британию регулярно. Несмотря на усилия противовоздушной обороны, предупреждения, она запаздывала. И практичные британцы доверились кошкам. Кошки начинали вести себя беспокойно задолго до прилёта нацистской авиации. Жители наблюдали, что волнение кошек возрастало от степени опасности, которая грозила конкретному дому. Кошки вели себя буйно, раздирали шторы, даже выбивали стёкла окон.

И жители спешили за кошками в бомбоубежища, куда кошки стремились с невероятной прытью. Послушав кошек, люди оставались живы. Англичане даже учредили медаль кошкам под названием «Мы тоже служим родине». Так что желание многих зеков иметь при себе кота или кошку, хоть и на подсознательном уровне, но было понятно и объяснимо.

Размышления и выводы

Вячеслав размышлял. Если изменить жизнь не в состоянии, остаётся одно: наблюдать, осознавать, терпеть. А семьи, дети, жёны, отцы, матери, которые в большей своей массе поддерживают своих? Вот и цепная реакция. Отсюда – качество советских граждан, строящих «передовое общество». Правители должны понимать, что делают. Ведь не зря в древности говорили: «Хорошее правитель-

ство – не то, которое хочет сделать людей счастливыми, а то, которое знает, как этого добиться». Этот вопрос требует постоянного ответа. И в решении должны участвовать все. Простым людям всё должно быть понятно.

Жизнь зековская полна неожиданностей. Июнь 1977 года буквально напичкан острыми событиями. Зек из Днепра Сашка Овчаренко, отсидевший уже 7 лет, а из них 3 года – тюремного заключения, якобы взял в хлеборезке сахар. Хлеборез побежал в оперативную часть. Начались разборки. Сашка выскочил из оперчасти в промзону, схватил заточку и его понесло. Хотел раздеть вольного мастера в ЦМК, но кто-то помешал. Сообщили на вахту. Контролёры бросились его ловить. Возле инструментального цеха они с ним столкнулись.

Но тут в дело вступил Дробченко. У него срок – 15 лет за убийство. Достал самопал и начал угрожать контролёрам. Те ретировались. Дробченко с Сашкой бросились к грузовой машине, но ключей не оказалось, они бросили машину, и – в «пожарку» к пожарной машине. Но «небезуха» прыгнула им на плечи и не дала осуществить задуманное. Они разбежались в разные стороны. Сашка Овчаренко метнулся в ЦМК. Там его уже ждали контролёры и быстро повязали.

Дробченко заскочил на второй этаж цеха. Забаррикадировал дверь в комнате мастеров. Выбил окна и начал ждать. Объявили общий съём из промзоны. В зону прибыли из управления. Начались переговоры с предложением сдаться, но он упорствовал. И в самый трудный момент к нему пошёл Валера Богаченко из этого же цеха. Буквально через пять минут они вышли вместе. Какие слова нашёл Валерка для Дробченко, неизвестно, но нашёл. И это сработало. Дробченко сдал свой самодельный пистолет и нож. Буквально через час их увезли в тюрьму.

Но события не прекратились. В эту же ночь (около полуночи) в 13-м отряде началась драка. Выяснение старых дел. Одного из зеков порезали. Но этим не закончилось. Через день молодой зек наглотался таблеток и чуть не «врезал дуба». Его вывезли в больницу. Жара, что ли, действовала на всех? Неизвестно. Но то, что все перевозбуждены, – это факт. Дни прямо полыхали огнём. Духота! Всё вокруг раскалённое. Дождей нет, и не предвидится.

Зона бурлит по поводу прошедшей сессии Верховного Совета СССР. Однако уже мало кто верит, что что-то может измениться в лучшую сторону. Никто не находит связи между изменениями сверху и реальной жизнью. Всё происходит от моментов понимания самой жизни. Кто её как понимает, тот так и поступает. Что бы не втолковывали народу сверху, он (народ) знает своё. Мир находится внутри каждого человека.

Вячеслав размышлял: больше всего надо думать и работать над формированием внутреннего мира и над тем, чтобы не было резких граней перехода от внутреннего понимания себя к действительной, окружающей человека обстановке. Гибкость применительно ко всему. Ничто не остаётся без движения. Чувства человеческие меняются постоянно, а от этого – разное решение одного и того же вопроса. Всё надо учитывать. Знания, приобретённые Вячеславом, были бессистемные. Но со временем, подтверждённые жизненными ситуациями, они стали приобретать как бы законченную систему. Это уже – опыт, которым надо делиться со своими детьми, с тем, чтобы уберечь их от повторения его ошибок.

Вячеслав порою удивлялся своим философским размышлениям. Но это ему помогало в повседневной жизни. Замкнутый круг. Низшие чиновники творят, что хотят, до верхов не доходит. Фальшь вокруг в делах, в словах, в рассуждениях о стране, о законе. Наверное, так надо. Только кому это надо?

Колония, как всегда, насыщена отрицательными событиями. В нарядной контролёр узнаёт полные данные о зеке под фамилией Бойцук. Он писал в свою заветную тетрадь стихи. И вот, оказывается, ночью в туалете повесился (ну, поэт 30-х годов, и всё). Но его успели снять. Откачали и без всяких разборок утром погнали на работу. Во-первых, конец месяца. Надо подтягивать выполнение плана. А во-вторых, работа – лучший лекарь. И он быстро пришёл в себя, и, кажется, доволен, что его спасли.

Он полез в петлю из-за того, что уже 3 года добивается пересмотра. Его посадили незаконно, так он объясняет. Срок получил большой – 8 лет, а разобраться никто не хочет. Ему не пришла в голову мысль, что он не один в своих стараниях чего-то добивается. А это «чего-то»

называется справедливостью. И никто, почти никто не добивается торжества закона и справедливости, но ведь в петлю не лезут.

Он почувствовал безысходность положения. А помогла ему в этом его молодая жена. Не выдержав разлуки, сошла с пути истинного и пустилась во все тяжкие. Начала даже не гулять, а пошла в загул. Понять, конечно, можно, но вот оправдать никак нельзя. Сама жизнь рождается в муках. Для того, чтобы окрепнуть и вырасти, приходится преодолевать массу всевозможных препятствий. И накладывать на себя руки... ну, никак не годится.

Мучительно больно, хоть вой, но держаться надо. Всё проходит, говорили мудрецы древности. Пройдёт и это. В мире вокруг человека – земля, воздух, небо, реки, деревья. Даже ради этого надо жить. Чтобы всё это видеть и ощущать. А за чертой жизни – мрак, небытие. В жизни, даже такой суровой, какой живут зеки, всё равно есть свои радости. И со временем появляется отдушина. Человек страдает, чтобы жить, чтобы хоть иногда найти радость. Жизнь – суровая штука, но другой она не бывает. Жизнь – это борьба. Борьба исключает всякую сентиментальность, успокоенность и расслабленность.

В противовес этому случаю, хотя и благополучно закончившемуся, но неприятному, в зоне произошёл случай, насмешивший всю зону. В зоне живут отдельно гомосексуалисты, в обычном обиходе – «петухи», или «педерасты», короче, опущенные. Имеются они в каждом отряде. Каждый по-разному приходит к такому состоянию. Одни из них – «действующие», и ими пользуются. Другие, ставшие «петухами», по случаю к себе не подпускают.

В мехцехе работает «петух» по кличке «Вика». Здоровенный хлопец, и силён притом. Неизвестна история его падения, но в зоне он не занимается «петушиными» делами. Работает, как вол. Один из блатных хлюпиков подпил водочки. Его разобрало и потянуло на любовь. Он начал приставать к «Вике». Тот просит блатного, чтобы он от него отстал.

Но блатной закусил удила и лезет внаглую. Уговоры на него не действовали, а трогать «Вике» блатного нельзя. Не видя выхода, «Вика» обхватил блатного хлюпика и прижал его так, что у блатного подкосились ноги. Неписанные законы зоны запрещали обижать

блатного. «Педерасты» находятся в зоне как бы вне закона. Их может любой обидеть, оскорбить.

«Вика» взял блатного под мышку и пошёл с ним на вахту. Принёс на вахту и бросил контролёрам под ноги. Те спрашивают:

– Что такое, Вика?

«Вика» отвечает:

– Принёс вам грозного ё...я. Никак не может успокоиться.

Контролёры гогочут. Узнали зеки в зоне. Хохот – до колик по всему лагерю. Опозорился «половой гангстер» перед всей зоной. Вот такими происшествиями, грустными и смешными, разнообразится жизнь зоны.

А между ними – работа, работа, и у каждого – свои занятия. Как ни странно, но работа для большинства – это спасение и от грустных мыслей, и от хандры, и от всяких неприятностей. Как-то за ужином разговорились о вольной жизни. Валентин поведал о своём приятеле историю довольно любопытную. Приятеля звали Жора, а кличка у него была «Завал». Жора был моряком дальнего плавания. Первую визу он получил в Лондон. Рейс был богатым и, как говорил Жора:

– Я заработал приличный сармак.

Жора в Лондоне купил цилиндр, фрак, жилетку. Короче, всю тройку. До этого Жора фарцевал понемногу и знал немного английский язык. Вернувшись из рейса, Жора «Завал» решил поселиться в гостинице «Лондон» в Одессе. В трёхстах метрах от гостиницы Жора взял такси и подъехал с шиком. Почтенный швейцар с огромной бородой открыл перед Жорой массивную дверь, и Жора щедрой рукой выдал швейцару на чай.

Поселившись в гостинице, Жора предался всем прелестям жизни богатого денди. За короткий срок деньги уплыли в неизвестном направлении, и Жора «Завал» сел на мель. Но предаваться отчаянью Жора не любил. Он был горазд на выдумки. Хлопнув по цилиндру, Жора превратил его в шляпу. Затем он обрезал фрак до пояса, соорудив из него жакет. Брюки, распоротые неизвестно где, зашил тонкой проволокой.

В таком экзотическом наряде Жора появился в пароходстве. Однако работу ему не давали. Однажды возле кассы, в которой мо-

ряки получали зарплату за сэкономленное в плавании горючее и вообще за сэкономленное время и за всю экономию, Жора «Завал» бросил клич:

– Братцы, скиньтесь по четвертаку. Я вам что-то интересное скажу.

Народ знал, что Жора был мастак на выдумки, и поэтому не отказались от предложения. Сумма получилась довольно приличная – 400 рублей.

– Ну, что, Жора, выкладывай, что будешь делать с деньгами? – спрашивали моряки.

– Давайте купим на все деньги спичек.

– Зачем? – посыпались вопросы.

– А мы зарядим пушку, что стоит на набережной, – отвечал Жора.

– И что дальше? – прозвучал очередной вопрос.

– А мы выстрелим по пароходству, – заявил Жора.

Все ржут, но заряжать и стрелять по пароходству не стали. У Жоры были какие-то нестыковки с одним из администраторов, который не давал Жоре разрешения пойти в рейс. Тогда «Завал» придумал такую штуку. Узнав фамилию инспектора, выдающего распоряжения по распределению рабочей силы при обкоме партии, Жора из телефона-автомата позвонил в кадры пароходства.

– Алло! Это товарищ Степанов? – прозвучал голос в трубке. – Здравствуйте. С вами говорит инструктор обкома партии товарищ Вергунов.

Степанов от неожиданности весь напрягся:

– Я вас слушаю, товарищ Вергунов, – чуть ли не заикаясь, отвечал Степанов.

– Вот передо мной сидит ваш работник. Он в жалобе на вас. Вы не даёте ему разрешение на рейс. А ему жить не за что! Он – в износившейся одежде. Как вы там, в ближайшее время решите этот вопрос? – услышал Степанов указание инструктор обкома партии. Последовало ещё одно распоряжение.

– Вы, кстати, явитесь ко мне в ближайшее время. А лучше – двадцать шестого числа.

– Да, да, да. Всё сделаю, – лепетал Степанов.

На следующий день Жора «Завал» явился в кадры пароходства и направился прямо к Степанову.

– Ты чего попёрся жаловаться? – набросился Степанов на Жору.

Побурчав и отругав «Завала», он выдал ему направление в рейс на сухогруз, идущий в Японию. Получив направление, Жора быстро удалился. Будучи уже в рейсе, Жора «Завал» узнал от радиста, что начальник из кадров пошёл на приём к инструктору обкома партии Вергунову. Поморочив тому голову, он, в конце концов, разобрался, что его надули, и ушёл из обкома восвояси.

Рассказывали, что Степанов ходил по кабинету и пыхтел, как паровоз. Он сыпал проклятиями в сторону Жоры, но сорвать злость на виновнике происшествия не мог, так как Жора «Завал» находился у берегов Японии. Но и в рейсе Жора не оставлял свои проделки. Работал он коком. Готовить он умел великолепно. Но стоило ему выпить, считай, всё пропало. То пересолит, то переперчит, то сожжёт. Такую пищу нельзя в рот взять. Рот сводило судорогой у тех, кто пробовал его кулинарные приготовления в такие моменты.

Однажды они зашли в порт на ремонт. Продукты были на исходе. Оставался большой свиной окорок. Надо было что-то готовить на ужин, а Жоре не хотелось. Он предложил морякам:

– Братцы! Давайте я эту свиную ногу в порту поменяю на водку, а закусить я вам найду.

И ему удалось уговорить ребят. Взвалив ногу на плечо, Жора исчез в недрах порта. Через некоторое время он появился с полной сумкой водки. Где в иностранном порту он смог достать водку, оставалось загадкой. Но водку он достал и принёс на сухогруз. Однако капитана надо было кормить. Жора из остатков крупы сварил рисовый суп. На второе из этого же супа достал рис, отжал и – на тарелку. Сверху – остатки окорока, и отнёс капитану.

Уже несколько дней Жора кормил капитана рисовым супом. Капитан начал возмущаться:

– Ты что это меня одним и тем же кормишь?

Жора тут же нашёлся:

– Я уже не раз говорил старпому, что продукты кончаются.

И понёс, и понёс придумки. Забил капитану баки и ушёл. Когда

Жора прилично выпивал, он всегда говорил: «Ну, всё, завал». Поэтому ему и дали кличку «Завал».

В лагере – изменения. Прибыл работать в зону капитан Карапет. Когда-то давно он работал здесь контролёром в звании сержанта. Из-за каких-то дел его перевели в город Николаев в тамошнюю зону. Судя по всему, он окончил училище, получил офицерское звание, и вот вернулся в Одессу в 14-ю зону. Среди зеков появился разговор. Его многие знали и утверждали:

– Приехал настоящий гад.

Вначале капитан присматривался, а потом начал набирать обороты. Он оказался мелочным и паскудным человеком. Работал он в режимной части. Карапет буквально упивался властью над людьми. Щемил всех буквально по мелочам, долго и настырно. Через некоторое время Вячеслав и на себе почувствовал влияние этого никчёмного человека. В колонии ожидали какую-то значительную комиссию из Киева. Конечно, в лагере начались движения. Отряды мели, чистили, мыли.

Наводили блеск и порядок в жилой зоне, на производстве. Но делали всё без фанатизма, не спеша, но основательно. Карапет носился по зоне и брызгал на зеков ядом. Нарвался он и на нарядную. Заскочил с криком, надавал каких-то глупых поручений. Придрался к светильнику, который висел в нарядной уже семь лет. Потребовал снять и заменить на простую лампочку.

– Хорошо. Сделаем, – ответил Вячеслав.

– Нет, немедленно снимите! – орал Карапет.

– Нам надо вызвать электрика. Получить разрешение на работы, – резонно заметил Вячеслав.

Тогда Карапет переключился на другое.

– Снимите с окон шторы, – скомандовал Карапет.

Это была полнейшая глупость. Во всех служебных помещениях висели давно шторы. Их периодически стирали, гладили и возвращали на место. Они висели и в ПТУ, и в школе, и в нарядной. В кабинетах у работников – тоже шторы. На дверях висела марля от мух. Недалеко была свалка, с которой мухи летели роем. Кстати, марлю повесили по приказу начальника медсанчасти. А этот дурак пришёл и сорвал марлю.

Решил Карапет оборудовать комнату приёма этапа. Побежал к начальнику колонии с предложением. «Хозяин» вызвал Вячеслава и диктует ему, что надо достать для Карапета.

– Гражданин начальник, это же всё надо доставать на воле. А я – зек, – возразил Вячеслав.

– Ладно. Не гоношись. Ты знаешь, как всё это достать, – возразил «хозяин» зоны.

Прошло время. Ребята с воли принесли, что надо, а Карапет вместо благодарности побежал жаловаться «хозяину».

– Они там, в нарядной, себе есть готовят, – докладывает Карапет.

А это была ложь. Вячеслав, который стоял тут же, не выдержал и громко резко произнёс:

– Не лгите. Вы же – офицер.

«Хозяин» зоны, зная, что производство в зоне держится на умелом управлении Вячеславом, сказал:

– Ты к нему зря не придирайся.

И тут же к Вячеславу:

– Утряси все вопросы. Достань, что он просит.

Карапет решил в этапной комнате установить радио, вешалку, стулья, телефон, коврик.

«Одурел», – думал Вячеслав.

Этого никогда не было. Кому он хотел пыль в глаза пустить? Создаёт себе дешёвый авторитет. Утром Карапет прислал контролёра, чтобы забрать в нарядной часы для этапной комнаты. Вячеслав начал нервничать и хотел разобраться с этим дураком. Отрядный Иван Михайлович остановил его:

– Ты нервы свои береги. Не обращай внимания. Дураков хватает.

Прав он, подумал Вячеслав, но останавливать таких головопатов надо. А таких в зоне вольнонаёмных и из числа администрации хватает. В зоне уже около года – новый хозяин. Был из режимников Фаткулин, и зона еле-еле выполнила план. А зона выпускала комбайны свеклоуборочные. От начала и до конца. Весь цикл законченный.

Прислали переводом из луганской зоны майора Самарского. Там он работал начальником производства. Звать Юрий. Занимался боксом. Вячеслав, как спортсмен со спортсменом, нашёл с ним

общий язык. В субботу «хозяин» вызывает и забирает его в ЦМК. Вячеслав знал, что идут они на прорыв. ЦМК – это цех металлоконструкций. В нём изготовляли рамы для комбайнов. Затем рамы перевозили в сборочный цех, и уже там на них закрепляли необходимое оборудование.

Конец месяца, а до выполнения плана далеко. Вот «хозяин» и позвал Вячеслава с собой. Нужна была его энергия, его умение организовывать работу, его умение говорить с зеками. И когда Вячеслав находил подход к трудягам, они хоть и зеки, но относились с пониманием и начинали работать в усиленном режиме. Вячеслав умел разговаривать с людьми. Знал, как подойти, как затронуть нужную струнку. А мастера и вольнонаёмные с утра до вечера просто тянули волынку, короче, отлынивали.

Начальником ЦМК был бывший партийный работник, бумагомаратель. Ни рыба, ни мясо. Не имел никакого авторитета среди осуждённых. Как начнёт мямлить, вроде у него во рту жвачка. Зеки слушают, посмеиваются, а то и вообще не обращают внимания. Он не знал работников, не знал, кто где работает. Не владел ситуацией. При таком отношении о какой результативной работе в цехе можно было говорить? Доходило до абсурда. Вызывает осуждённого, задаёт ему вопросы:

– Почему у тебя плохое качество сварки?

Зек делает удивлённую морду, и вполне законно:

– О какой сварке говоришь, начальник? Я уже три недели работаю уборщиком.

Анекдот, рождающийся на ходу. А вот «хозяин» своё дело знал и умел организовать работу. Умел втолковать то, что полученное задание необходимо выполнять. Не всем сразу, и не всем – мирным способом. Но с этим ничего нельзя было сделать. Это зона, и закон здесь строг. Это был лагерь строгого режима. А строгость была не только в названии, а в повседневной жизни.

Правда, с помощниками у «хозяина» было не всё ладно. Мастера почти ничего не делали, да и из администрации не все его понимали, а вернее – не принимали и не поддерживали. А сверху план требовали неукоснительно. Сил для выполнения плана и средств, чтобы зеки работали лучше, хватало. Можно было задействовать и

дополнительные передачи, и свидания личные, и общие. Народ бы подтянулся. Работали бы в размеренном ритме. Не заставляли бы работать людей по две смены. Вот такой неорганизованный ритм работы Вячеслав наблюдал и на свободе. И так – во всём.

А уж посадка в тюрьму – это тоже дело, на которое спускается план сверху. А план надо подгонять. Нет времени всё делать качественно, по закону. Вот в зонах и полно народа, которого засадили по «плану». А какое в таком случае может быть исправление? Исправление чего? Люди понимали неизбежность свершившегося. Понимали, что надо терпеть и несправедливость, и оскорбления, и унижения.

Это и называется исправлением. Система позволяет во многом разобраться. Много в жизни – только на словах, а действительность – совершенно другая. Сколько поломанных судеб, и не только по вине самих сидящих в лагере. Никакой активности без приказов и инструкций. Такова основная линия в стране. И никаких лишних вопросов. Получается как в анекдоте: «На съезде партии сидят два колхозника – Иван и Николай. После доклада Иван встаёт и говорит:

– Разрешите мне вопросик.

Ему отвечают:

– Пожалуйста.

– Скажите мне, куда выкинули из мавзолея Иосифа Виссарионовича? Куда делся Никита Сергеевич? И куда делась селёдка по рублю десять копеек?

Ему отвечают:

– Иосиф Виссарионович допускал ошибки и его из мавзолея перенесли. Никита Сергеевич ушёл на пенсию, а потом умер. А вот селёдка от звука новых винтов разбегается. Она стала очень вёрткой. Вам понятно, товарищ?

– Да, мне всё понятно, – ответил Иван.

На следующий день Колька увидел, что на заседании нет Ивана. В прениях он задаёт вопрос:

– Я знаю, куда выкинули из мавзолея Иосифа Виссарионовича, куда делся Никита Сергеевич. И знаю, куда делась селёдка по рублю десять копеек. Но вы мне скажите, куда вы дели моего товарища Ивана? Что я буду говорить его жене Марфе?»

Анекдоты – это оголённая правда. «По колхозам проходят предсъездовские собрания. Выступает председатель колхоза:

– Товарищи колхозники, в этом году посеяли десять гектаров капусты.

Из зала раздаётся голос местного пьяницы-кладовщика, который пропил эту капусту:

– А её моль съела.

Председатель покосился в зал и говорит:

– В будущем году мы посеём двадцать гектаров капусты...

А бухарь опять изрекает:

– А её тоже моль съест.

Уже разозлившись, председатель произносит:

– Товарищи колхозники, через год мы засеём сто двадцать гектаров капусты. И пусть эта моль подавится ею».

Вообще, жизнь, особенно в зоне, преподносит разные забавные выкрутасы. Только смотри. В первом отряде, это отряд хозобслужбы, появился зек Топоровский. В зону его перевели с особого режима. Он был в разряде игровых, крутился с блатными. Его выгнали из отряда, чтобы не мутил воду. Но Топоровский подсуетился, и его взяли шнырём в ПТУ. Топоровский развил бурную деятельность общественную и засрал всем мозги, так что только диву даёшься. Приспособился целый день ходить за начальником колонии по зоне. Только стоит «хозяину» произнести: «Позови мне такого-то...». И Топоровский срывается с места и несётся галопом по зоне.

Ходит он довольно интересно. Ноги у него разведены в стороны, как у Чарли Чаплина. К тому же, походка у него вихляющая. Всё это делается на скорости. Зрелище, вызывающее не то что смех, а гомерический хохот. А он на всё – ноль внимания. Носится и что-то крутит своё. К октябрьским праздникам затеял панно. Всем, кто останавливается его послушать, начинает с невероятным пафосом рассказывать о революции так, вроде он сам был участником этой революции. В его речи преобладают слова, часто повторяющиеся в обиходе на эту тему.

Блеск, могущество, величие революции. «Промедление смерти подобно». Говорит он это так, что у него жилы вздуваются. Вздуваются они на лбу и на шее. Изю рта в разные стороны летит слюна.

Глаза становятся как у полоумка. По-зековскому: «Топоровский гонит по-чёрному». Однако, надо было отдать ему должное: со склада он бегаёт часто. И котлеты жрёт чаще, чем другие – хорошую кашу. Свою линию держит крепко.

В зоне каких только артистов не встретишь. Каждый что-то представляет, каждый что-то выкручивает своё. Кто-то – не во вред другим, а большинство – подленько за счёт другого. Все люди, думал Вячеслав, – нашего социалистического общества. Так сказать, продукт этого общества. Вот и приходится сопоставлять, что к чему и откуда что берётся.

Наконец, зеки дождались то, о чём много и долго говорили. 5 ноября в газетах опубликовали Указ об амнистии. Но на проверку это была не амнистия, а плутовство. Зеки хотя и ждали чего-то вразумительного, но с опаской и не очень надеялись. Вячеслав понял, что новый Указ ПВС – это просто зачистка лагерей. Подчистят лагерь от стариков, инвалидов, женщин с детьми. Основную массу заключённых, конечно, оставят. В стране – строгое планирование. На все производства, зековские тоже, дан план. Нарушать установленный порядок никто не будет. Да и зачем?

Что такое для огромной страны – несколько миллионов, при том работающих на производствах за колючей проволокой? Это обыкновенный шлак. А то, что у этих 7–8 миллионов есть родители, жёны, дети, в расчёт не берётся. Служить народу – это значит управлять этим народом. Да и кого винить в такой ситуации? На всё надо смотреть шире. Есть выражение, отражающее суть всего происходящего: «Каждый народ достоин своего правительства». Народ меняется, если меняется правительство. А разговоры, речи, статьи в газетах – это идеология. Так в любой стране. Понимать всё услышанное и увиденное – это уже дело каждого в отдельности.

После выхода Указа недовольства в зонах много. Всё-таки ждали и надеялись на милость. Ведь известно давно, что власть сильна милостью. Да и что говорить об этом, думал он. Сколько той жизни у человека? И, конечно, сами люди забирают у себя не недели, не месяцы, а годы. А судят сурово и строго. Да, понятно, что люди дают повод, чтобы с ними так поступали. Но так было, есть и будет.

Люди – разные. Восприятие мира – разное. Отсюда – масса разногласий, которые приводят к конфликтам.

Любой конфликт, вылившийся в разные преступления, возникает от неравенства. Со школьной скамьи учат: не бери чужого, уважай старшего, почитай родителей, работай и ешь хлеб свой, тобою заработанный. А на самом деле те, кто учит, сами этого не делают. Рано или поздно каждый начинает думать: «Как же так, ему можно, и на законных основаниях, а мне нельзя?» Вот и начинается реализация желаний: всё уравнивать и иметь столько же, сколько и у другого.

Такой же по развитию и по уму, но волей случая «заброшенный» в коридоры власти и берущий от неё больше, чем ему положено. Очевидно, в этом нельзя ничего изменить. Так было всегда. Во все времена. В зоне продолжают изучать Указ. Каждому тяжело расстаться с надеждой, вот и думают, что в Указе есть какие-то скрытые для всех разъяснения. Из этой ситуации Вячеслав сделал вывод: «Не надо расстраиваться. Надо ждать своего часа».

За разговорами вспоминают своё. Толя Бегунок рассказал, как он сел первый раз. Было ему тогда четырнадцать лет. Как-то с такими же пацанами, как он, выпили по паре стаканов сухого и отправились гулять. Добрались до городского кладбища. Кто-то предложил посмотреть склеп. Все согласились. Подняли крышку склепа, а лезть страшно. Дело уже под вечер. Решили добавить из бутылок принесённого с собой вина.

– Хлопнули по стакашке, и я полез в склеп, – рассказывал Толик.
– За мной полезли ещё двое, а двое остались наверху. Мы подняли крышку гроба. В гробу лежал мужчина пожилого возраста, похороненный уже давно, – продолжал он.

Наверху остались те, кто был старше. Было им уже по шестнадцать лет. Кричат:

– Покажите нам что-нибудь!

– Один из нас начал отдирать ухо, но оно не поддавалось. Тогда он говорит: «Давай отрежем голову». Мы сначала замолчали. Всем было не по себе. Потом согласились. Начали откручивать голову. И нам это удалось, – вёл свой жуткий рассказ Толик.

– Я выбросил голову из склепа наверх, а те двое ухватили её и

начали рассматривать. В это время мимо склепа ехал на велосипеде взрослый парень. Увидел происходящее, остановился и давай давать по шее тем двоим, – продолжал Толька. – Мы услышали шум наверху, и давай выскакивать из склепа. Кучей набросились на парня. Он схватил свой велосипед и – на ход. А мы пошли в город. И надо же, дуракам, сделать такое – захватили голову с собой. Завернули голову в бушлат и поставили на прилавок. Продавщица увидела. Дико заорала и – в обморок.

Мы налили себе ещё по стакану вина, выпили и пошли в город. Мой приятель «Коба» поставил голову на крыльцо у входа и отвалил. Через некоторое время возвращаемся назад. Смотрим, у магазина толпа народа и разговоры, удивление, возмущение.

– Огромное количество выпитого поставило мозги набекрень. «Коба» пробился сквозь толпу, поднялся на крыльцо и с размаху – ногой по голове. Голова улетела в кусты, – вёл свой рассказ Толька. – Я забрал голову и на пустыре зарыл её в песок. И надо же такому случиться! На следующее утро в этом месте копались малыши, и нашли голову. Узнали родители. Потом появилась милиция. Они перерыли весь песок. Искали туловище. Милиция взялась за розыск и нас быстро нашли. Уже через три дня на меня, – говорил Толька, – указывали и говорили: «Глядите, головорез пошёл».

– Следствие крутило, вертело, мутило, и в результате из нас пятерых я пошёл по делу один, – говорил Толька. – Когда меня судили, мне даже из-за ограды места подсудимого не видно было. В зале, как всегда, много народа. Женщины плачут, меня жалеют. Даже сын умершего мужчины, что голову мы открутили, говорил: «Надо старших судить, а не этого шкета». Но судья решил всё по-своему. На всё плюнул и всунул мне полтора года. Так я и пошёл по тюрьмам, – закончил свой рассказ Толька. – Однако, надо заканчивать эти отсидки. И завязать, – резюмировал он.

Благие намерения. Но, как говорится: «Благими намерениями выстлан путь в ад». Вчера был выходной. Зона посмотрела два фильма: «Подозрение» и «Земляки». Фильм «Подозрение» – о фашистах в Германии. А вот «Земляки» – житейский фильм с поднятой пробле-

мой. Если все будут получать высшее образование и стремиться в город, то кто же будет растить хлеб, и на ком будет держаться деревня?

Фильм навеял воспоминания, и Вячеслав мысленно увидел свой край: Кара-Даг, Старый Крым. Предстали в памяти эти удивительные места, насыщенные красотой. Ему вспомнилось, как он с женой и дочкой поднимались весной к самой верхушке Сюрю-Кая. Нашли поляну, полностью заросшую пролесками. Это удивительно красивые синие цветы. Они росли так густо, что негде было поставить ногу. Дух захватывало от такой красоты! Полюбовавшись, они ушли, так и не решившись ступить на эту поляну.

У него были заветные места, где не было людей, где он мог отдохнуть телом и душой. Набраться сил и спокойствия, которое в него вливалось помимо собственной воли, естественно и незаметно. Он всегда себя чувствовал хорошо на природе, вдали от людей. Города накладывают на людей свой отпечаток, взваливают огромный груз цивилизации, что приводит человека к печальному концу. Жить вдали от города в это бурное время – это благо для человека, которое люди часто не понимают.

«Ах, ну их всех к чёрту», – думал он. Вырваться, да окунуться в морские волны, завалиться на камни где-нибудь в диком месте, где, кроме чаек, кричащих о счастье парения, нет никого. Смотреть в синеву неба, чистого от дыма фабрик и заводов. Смотреть, как медленно и с достоинством плывут облака, как караваны сказочных кораблей. Слушать, как шелестит ветер в подсохшей траве. Слышать щебет птиц возле скал и забыть обо всём на свете, хоть ненадолго. Забыть всех – и друзей, и врагов, оставив в своих мыслях только своих близких, с которыми надёжно и хорошо. Мысли, мысли...

От таких мыслей Вячеслав возвращался к реальному положению вещей. Чтобы изменить нынешнее положение, нужны или волосатая рука, или сундук с деньгами. Самый великий двигатель дел человеческих – материальный стимул. Хоть и говорят, что не хлебом единым жив человек. Оно будет справедливым, размышлял Вячеслав, если к нему добавить: «Если есть хлеб».

Относительно спокойное бытие в зоне кончилось из-за шизоидного зека Каца из восьмого отряда, где отбывали срок ин-

валиды. Он уселся за карты. И раз за разом начал проигрывать, влетая на круглую сумму. Последовали разборки, установление срока возврата долгов. Рассчитаться нечем, грозили крупные неприятности. Схватил нож и бросился на того, кому был должен. Ударил его два раза ножом. Под руку попался ещё один зек. Он и его проткнул ножом. Пострадавших – в больницу, а Каца крутят на новый срок.

Кто-то его осуждает, а кто-то жалеет. По рассказам, Кац проиграл свою маму. Как понять, что может выкинуть человек, если он попадает в критическое положение, в которое он сам залез по собственной дурости? Кстати, о дурости. Зек Феофанов сам себя порезал. Пришёл в санчасть.

– Меня схватил радикулит. Дайте освобождение от работы.

Освобождение не дали. Позвонили в цех начальнику Бучацкому. А он с лёту:

– Феофанов – тунеядец и симулянт. Освобождение не давайте.

Вообще, по наблюдениям, Бучацкий – надменный тип. К зекам относится как к скоту. Если бы ему дали здесь большую власть, навёл бы дел! При случае любого втаптывает в грязь. На вольном производстве ему бы такое отношение к рабочим не прошло. А тут ему проходит. Феофанов, уходя из санчасти, заявил:

– Ну, погодите. Вы ещё забегаете.

Вечером он взял и проткнул себя ножом. Он проткнул себе мочевого пузыря. Очень странный и явно вредный для себя способ доказывать свою правоту. На больничку он, конечно, попал. Но дурость, дурость! Она сплошь и рядом. И в том, что люди пишут в инстанции, пытаясь до кого-то достучаться. Ведь все вопросы в жизни можно решать с конкретными людьми.

А вся эта писанина, эта писанина – в никуда, и надежда – это надежда на вилы, которые стреляют раз в год. Авось, какой-то чиновник, под соответствующее настроение, прочитает «бумагу» и даст ей ход. Вячеслав закончил читать двухтомник Ольги Кожуховой. Читал от начала до конца с большим интересом. Всё прочитанное органично входило в его сознание. Видно, что автор много пережила, прочувствовала, прошла. Книга написана с большим чувством.

Язык простой, понятный. Воспринимается легко и свободно. Много умных мыслей в книге, точных высказываний и актуальных.

Вячеслав заметил за собой одно качество. Он очень близко принимал все переживания тех, кто прошёл через гражданскую и Великую Отечественную войну. Война обнажила в человеке всё – и лучшее, и худшее. В суровых условиях войны всё становилось на свои места. Вообще-то, в жизни хватает дел, в которых человек может себя проявить и отличиться. Препятствий много от самих же людей. Одни и те же вещи каждый понимает по-разному. Отсюда – масса разногласий не то, что между людьми, а даже между собственными мыслями.

И умная книга помогает во многом разобраться. Она (книга) помогает мыслям войти в определённое русло. И всё вокруг становится не таким ужасным, как представлялось порой. Надо относиться ко всему философски: «Хорошо, что есть так. Могло быть хуже». Однако это не даёт права расслабляться и не пытаться изменить ход событий в лучшую сторону.

Начало декабря. Задуло сильно, и волна холода накатила на город. Утром лужи оказались затянуты льдом. С неба падают редкие снежинки. В зоне – вновь происшествие. В УМК подрезали парня. В цеху нет порядка. Бестолочь – начальник цеха Бучацкий, грубый, недалёкий тип, к тому же – недалёкий администратор. Всё время проводит какие-то эксперименты. Прикрываясь выполнением плана, выводит из жилой зоны кого попало и когда попало. Народ не знает, кто проигранный, кто выигравший. Зеки идут в промзону, в основном, решать свои дела, а не бросаться на работу. Ни отрядные, ни помощники, ни мастера, ни начальник цеха не знают, кто когда должен работать. Уследить за каждым при такой постановке вопроса нет возможности.

С утра на вахте в рабочую зону прошёл Толька. Он прикалывался насчёт «женихов». По соседству с зоной, через забор, находится женская зона. В том районе, который вплотную примыкает к женской зоне, крутятся зеки. Бросают письма через забор. Получают ответы. Занимаются душевным онанизмом.

И некоторые на полном серьёзе занимаются заборной, вернее, череззаборной любовью. А по большому счёту, гонят дуру и занимают своё свободное время. К прапорщику Палько попало пись-

мо одного такого «Ромео». Он пишет, развлекая какую-то Люду: «...Пришли мы к Иосифу-жиду. Стали требовать от него бабки. Он крутится, не хотел отдавать. Мы его начали гладить горячим утюгом по заднице. И он раскололся, как переспелый орех. После этого хором начали трахать его Сару. По очереди. Жид не растерялся и стал в очередь третьим. После сношения воткнули Саре в зад хвост селёдки и сказали, что она – «русалка». Жид всё хотел украсть у нас эту рыбу. Тогда его раздели. Воткнули в зад бумагу и подожгли. Он бросился в окно с 9-го этажа. Мимо проезжала автоцистерна с горючим. И сброшенный врезался в эту автоцистерну с горючим. Раздался колоссальный взрыв. Короче, он повторил подвиг Гастелло».

И вот в таком роде пишут письма лагерные сочинители своим «русалкам» на 74-ю зону. А те рады стараться: читают, дают ответ, пересылают письма. Чем только люди не занимаются.

Валентин рассказывал случай из своей морской жизни. Одним из рейсов они везли вино в бочках. Перевозили вино грузины. Оставили одного сторожа, а остальные ушли в ресторан. «Рыжий» матрос начал заниматься своими проделками. Делал настолько осмотнительно, что о его проделках не знали даже свои.

В порту разгрузки бочки закатывали на сеть и краном доставляли на берег. Бочки большие, литров по триста каждая. Навалились грузины на одну из бочек, а она легко поддалась и закатилась на сеть. Оказалось, бочка закрытая плотно со всех сторон, но пустая. Грузины между собой выясняют, кто грузил бочки и как грузили. Так ничего не выяснив, они с корабля удалились. Позже «рыжий» рассказал, что вино увёл он. Прорезал палубу. Просверлил бочку и через шланг начал закачивать во всю свободную посуду на пароходе. Заливал вином даже в вёдра из-под краски. Когда вино слил, забил клёпку. Зачистил место, покрасил, заделал отверстие в палубе и стал ждать результата. Результат оказался положительным. Вино давила вся команда парохода.

А однажды они перевозили апельсины. Сопровождающие тоже были грузины. Начался шторм. Грузины привязали одного к палубе, чтобы не смыло, а сами ушли вниз, в трюм, где меньше качало. «Рыжий» увидел, что сторожа укачало, и тот блюёт, ничего не замечая

вокруг. «Рыжий» начал таскать ящики. Утащил двадцать ящиков. Когда остальные грузины вернулись, начали орать на сторожа. А тот им отвечает: «Ящики смыло волной». И зачем они его бросили, да ещё привязали? «Рыжему» и этот раз сошёл фокус с апельсинами. Такой весёлый народ проживает в нашем государстве.

Наступил 1978 год. Вячеслав встретил его с семьёй. На длительное свидание приехала жена с детьми. Немного отошёл душой от лагерной жизни. Надежды на Фортуну мало. Надеялся на то, что она повернётся к нему своим ясным ликом и глянет на него внимательно, но это – зряшное дело. Живёшь, как в скорлупе. Мысли надо таить и нельзя говорить лишнее. Правду – поглубже. Да какая правда? Кому она нужна? Суета это всё...

Надо, конечно, размышлять над происходящим, чтобы сквозь суету проникала в сознание мудрость. А она нужна на каждом шагу, особенно в зоне. Надо постоянно быть начеку, когда разговариваешь с контролёрами. С теми, кто долго служит, ещё можно ладить. А вот молодняк борзееет до беспредела, упиваясь властью над зеками.

Ночь. Идёт снег. Покрыл землю лоскутами белого одеяла. У неба не хватило сил закрыть землю белым покрывалом полностью. Ну, по крайней мере, в районе Одессы, крученной и изворотливой, как змея. В нарядной – новый человек, Игорь Баранов. Валентин готовится уйти «на химию». Вот и дали нового человека обучить, познакомить с работой. Ему сорок лет. Роста невысокого, но крепкий, выглядит молодо.

Работал директором овощного магазина в Одессе. Продал коопторгу по завышенной цене овощи. Детали неизвестны, но схлопотал четыре года строгого. Однако за работу взялся старательно. Подвижный, энергичный, не стесняется спрашивать о том, чего он не знает. Многие зеки его знают. Мерзкая слякотная погода, наконец, сменилась на настоящую зиму.

4 февраля. На улице метёт. Всё засыпано снегом. Колония живёт своей жизнью. Драки, порезы, а кое-кто лез и в петлю. Один из активных нажрался ацетона, но его удалось откачать. Вообще, в зоне – какое-то напряжение. Зеки в раздражении, злые. Нет спокойствия. Но всё это – обычная зоновская жизнь. Надо терпеть и

этому наступит конец. Жизнь изменится. Предчувствие Вячеслава не обмануло.

Во второй половине в нарядную звонит начальник спецчасти Китаенко и вызывает на вахту. Вячеслав спрашивает:

– Опять отказ рассмотреть дело?

– Не совсем так, – отвечает начальник специальной части.

Прибегает Толик:

– Иди быстрее, тебя срочно вызывают. У дежурного тебя ждёт Китаенко.

Вячеслав – на вахту в дежурку, а майор Китаенко поворачивается к нему с вопросом:

– Чего прибежал?

– Так вызывали? – отвечает Вячеслав.

– Когда поставишь бутылку коньяка? – задаёт вопрос Китаенко.

«Ну, раз задаётся такой вопрос, значит, что-то толковое», – подумал он.

Дежурный Дмитрий Митрофанович говорит:

– Да не томи ты, говори ему.

Майор Китаенко:

– Тебе сняли два года, и срок теперь – не семь лет, а пять.

– Покажи бумагу, – Вячеслав обратился к майору.

Тот даёт письмо из Верховного Суда УССР. Чёрным по белому написано, что дело рассматривалось и переквалифицированы эпизоды. Срок наказания снизить до пяти лет. Этому сообщению почему-то не верится, но бумага о снятии срока есть. «Это, наверное, как раз тот случай, когда стреляют вилы», – подумал Вячеслав. Ребята поздравляют и даже считают, когда можно уйти на поселение или на УДО. Короче, появился просвет и для него, и для семьи. Решил пока своим не сообщать, пока окончательно и досконально не будет подтверждено документами из управления.

Вячеслав внутренне смеялся над собой. Он, по зековской примете, дал себе обет не менять носки, майку, трусы, пока не придёт ответ. Они уже здорово изорвались, а он их после стирки носил вновь. Каждый раз порывался изорвать и выбросить, но что-то останавливало, и он вновь надевал это рваньё. И вот случилось. Он дождался

положительного ответа. Как расценивать эти приметы, неизвестно, но что-то в этом есть, по наблюдению многих. Какие-то информационные силы запускаются в нужном направлении, и это срабатывает.

Получив сообщение, Вячеслав снял старьё, заменил на новое, а на следующий день, тоже по примете, состоится сожжение «священного рубища». Не то, чтобы он был подвержен предрассудкам, но зона – это особое место, где, хочешь, не хочешь, а приметам верить приходится. Валентин тоже прошёл суд и ждёт отправки «на химию». Он тоже не менял старую одежду. Вот тебе и приметы. Сколько приходится узнавать нового. Даже годы, проведённые в заключении, кажутся не бесполезными. Есть и в них рациональное зерно. Но жизнь – на то и суровая штука, чтобы мелькнувшие были хорошие вести стереть повседневной злой рутиной.

С утра на Вячеслава оторвался майор Бешляга из производственного отдела. У производственников нет согласия с главной администрацией лагеря. Без их разрешения запрещено что-то делать. Бешляга потребовал какие-то сведения срочно, а дежурный подполковник приказывал Вячеславу никуда не уходить. Разозлённый Бешляга начал срывать зло на Вячеславе. Начал на него материться в «мать». Вместо того, чтобы сдержаться, он ответил Бешляге:

– Ты, майор, лучше свою мать того, дешевле будет!

У того – пена на губах. Орёт:

– Я тебя снимаю. Ты уже не работаешь.

Рядом стоял заместитель начальника по политико-воспитательной работе Попов К.А.

– Ты как-то откручивайся, или уйди с этой работы, – советует он.

Как-то так сложилось, что директор производства, главный инженер и начальник производственно-диспетчерской части объединились против Вячеслава. А он-то – всего-навсего зек. Считают себя людьми высокого пошиба, а прав у них совсем мало. По целому ряду причин, Вячеслав не должен был выполнять их распоряжения без подписи начальника или его двух замов. Вот он и оказывался между молотом и наковальней.

А эти трое производственных начальников удумали творить реорганизацию, но делать это чужими руками. Самим идти на непри-

ятности не хотелось, потому что то, что задумали, не вписывается в зоновские правила. Вообще, как-то они вели себя совсем непродуманно. Приходит новый этап. Начальники цехов, заранее зная, кто идёт в этапе, просят направить нужных работников в их цех. Так Жерновников, распределяющий этап, никогда не даст людей в тот цех, который просит. Специально отправит в другой цех. Работа этих «руководителей» идёт только во вред.

Придут в цех и дают указания, противоречащие указаниям начальника цеха. Работа сбивается, всё разваливается. Зеки начинают бастовать. Так вот случилось, много зеков из-за их головопатыства не вышли на работу. Прибежал Бешляга:

– Иди, выводи зеков на работу. План горит.

«Совсем в мозгах ничего нет, – думал Вячеслав. – Зек должен зека выгонять на работу. Лаяться, входить в конфликт».

Вячеслав ему в ответ:

– Гражданин майор, а пойдите с людьми нормально поговорите, может, они вас и послушают, и пойдут на работу.

А он, не задумываясь, сразу отвечает:

– Зачем я пойду с ними свои нервы портить?

«Каков гусь, – думал Вячеслав. – Ты иди, ругайся, а он будет беречь нервы».

Бешляга кинулся к дежурному за помощью. Дежурный кое-как вывел в промзону, но работать они не стали. «Тупица, только вред делу приносит», – подумал Вячеслав. Но таких много в стране. Администрация решила не накалять обстановку, и никого насильно на работу не выгонять. Дали всем отдохнуть. Зона притихла. Всё спокойно.

Вячеслав занялся своим новым хобби. Последнее время он увлёкся резьбой по дереву. Резал картины штихелями. Это очень увлекающее занятие. Вырезаешь на окрашенной берёзовой доске картину. Покрываешь её древесным лаком, и получается великолепно. Весь уходишь в процесс созидания. Забываешь на время, где ты находишься.

Валентин готовится уйти на этап «на химию». Осталось несколько дней. Совместный ужин и напутственные слова. Валентин, по своей привычке, рассказывает смешные вещи. Вот одна:

«Звучит объявление на железнодорожной станции:

– Внимание! Граждане пассажиры, последний раз объявляю: «Кипяток на станциях бесплатно».

Или вот такой прикол: «Прибегает на станцию человек грязный, потный. Милиция его увидела и цап.

– Ты кто такой? – спрашивают.

Следует ответ:

– Я – рабочий!

– Где и кем ты работаешь?

Он отвечает на полном серьёзе:

– А я бегу впереди паровоза и кричу: «Ту-ту...»

А потом добавляет:

– Ещё у меня есть работа. Когда на почте кончается клей, меня приглашают клеить марки на конверты. У меня язык такой».

Вообще, развлеклись немного. Сделали гимнастику для души. Порассуждали на тему удачи. Определённая полоса неудач, что бы ты ни делал, будет длиться определённый период. То же самое и с полосой удачи. Видно, таков основной принцип в жизни – чередование. Ничего нет постоянного.

Идёт февраль. Погода сорвалась, как злая собака с цепи. Ветер, снег, метель. Настоящая зима. Но, видно, это последние потуги. Весна наступает на пятки, и зима злится. Всему своё время.

Отшумят метели, прояснится небо, и забьют капли там, где не был. Своими синими разводами чистой воды засмеётся апрель.

И ползет через жёсткую битую-перебитую землю травка, чтобы порадовать свежей редкой (в этих местах) зеленью глаз, соскучившийся по живому. И солнце напрямую (без захода в канцелярии, чтобы взять разрешение на посещение серых человечков, оторванных от мира обстоятельствами) с радостью отдаст своё первое тепло людям, так мало видящим тепла на земле.

Будет прогревать стриженные головы, по такому случаю освободившиеся от подобия головных уборов, играть на хмурых лицах, доверчиво подставленных солнцу. Благо, не надо опасаться никакой подлости. Солнце будет перебирать ресницы блаженно закрытых глаз и уносить каждого в тот заветный уголок, где он чувствовал себя особенно счастливым и беззаботным. А такие места, наверное, есть у каждого.

Ведь не может жизнь постоянно стругать своим незаточённым фуганком, снимая с него не только ненужный слой, но и прихватывая часть его самого, нанося ему раны телесные, а особенно – душевные, порой не заживающие долгие годы. Должны быть у каждого дни, которые врезаются в память человеческую, как светлое счастье, пусть недолгое, но такое яркое, что потом вспоминаются всю жизнь, принося минуты благоговения изболевшейся душе.

Память услужливо подсовывает эти яркие воспоминания в особенно горькие часы и дни жизни. Дабы каждый мог прочувствовать, что есть что, и что такое счастье. Человек не может жить постоянно хорошо. Будь он семи пядей во лбу, будь он на самом высоком посту, всё равно у него – масса проблем и масса неприятностей. Иначе бы человек не тянулся к хорошему, преодолевая препятствия. И чем больше преград на пути, тем приятнее достигнутая цель.

Каждый приспособливается в жизни сообразно своему характеру и своему пониманию происходящего вокруг. Не зря говорят: судьба – это характер человека. Каков характер, такова и судьба.

А жизнь – это подъём вверх. Мудрецы говорили, что подняться на высокую башню можно лишь по винтовой лестнице. Пока поднимаешься, покрутись, да так, что и голова идёт кругом. А умники по такому случаю говорят другое: человек похож на обезьяну. Чем выше он забираться, тем больше он демонстрирует свою задницу. Стоит ли лезть высоко?

Всё это – рассуждения, а жизнь движется по своим законам. Валентин 24 февраля покатыл на стройки народного хозяйства. Продукты дали им на восемь суток. Пошли этапом на Казахстан поднимать большую «химию». Сообщают, что «химики» идут со всех зон. Остро нужны рабочие руки. Здесь ему прокатило. Отсидел год за переключиванием бумажек. Не лез никуда. А там надо будет вкалывать. И неизвестно, что лучше: или в степях Казахстана, или в зоне в сытой Одессе?

В конце марта 1978 года Вячеслава вызвали на административную комиссию. Администрация колонии приняла решение ходатайствовать перед Президиумом Верховного Совета УССР о снижении ему срока. Были разборки. Оказывается, следователь Уральцев, этот

никчёмнейший, плюгавенький человечиска, написал Вячеславу в дело препаскудную характеристику, проявив свою подлую инициативу. Однако за годы пребывания в колонии его видели в деле, и было принято положительное решение.

Игорь рассказывает, что ему грозило 12 лет, но вовремя занесли деньги, и он получил только четыре года. Вот такие людишки и решают судьбу других. Многие носят билеты коммунистов, т.е. они красные, а ковырни – они как красные яблоки. Сверху – красные, а внутри – белые. Такова жизнь. Вечером на чаёк подкатил Лёня Магдыч. Лёня – арестант с большим стажем. Опытный сиделец. Человек с хорошо развитым чувством юмора. Приколел всех на разговор рассказами о Севере.

Он сидел в Коми. Рубили просеку для канала. Работали всего человек триста зеков – с одной стороны, а с другой – вербованные по оргнабору несколько тысяч. А темпы прохождения просеки были одинаковые. Зеки жили рядом в землянках. На сопке они построили себе баньку. В баньке жил дед, работая истопником, с громкой кличкой «Колыма». На крыше этой баньки жили шесть «петухов», за которыми дед присматривал.

Вечером на сопку к баньке шли «женихи». Одевшись повольному, в фуражках с цветочками, воткнутыми за околыши. С гармошкой и с песнями. Кричали: «Пойдём в баню, я тебе забарабаню». Врежут одеколону, ощупают «своих дам» и – по домам к землянкам. «Дамы» были с интересными именами: княгиня Лежбовская, Бэлочка, тётя Зина и прочие...

Как-то дед выпроводил «женихов», «дам» отправил на чердак, и все улеглись спать. Как уж там случилось, но банька загорелась. Срублена она была на совесть. Дед заснул после принятия одеколону. Так они все и сгорели. После этого случая «хозяин» говорит зекам:

– Не умеете с «женщинами» обращаться, не бережёте их, больше ни одной к вам не пропущу.

Однажды «хозяин» устроил аврал по заготовке топлива и выгнал на работу всех дурогонов из хозобслужбы: библиотекарей, прачечную и прочих приспособленцев. А они, вместо того, чтобы ра-

ботать, собрали дрова, развели костёр и уселись вокруг греться. Подходит сзади «хозяин», видит ситуацию и говорит:

– Вы у меня будете смотреть на пайку сквозь увеличительное стекло.

Лёнька, не поворачиваясь и не видя, говорит:

– Как вы – на нашу кубатуру.

Затем поворачивается, видит, что перед ним стоит «хозяин», но уже поздно было. Сходу схлопотал 15 суток карцера. Зачастую их посылали в лес на расчистку с небольшим конвоем – два охранника и собака. В батальон охраны «хозяин» брал солдат из Средней Азии, как зеки называли их – «чучмеки». И вот однажды их в лес сопровождали двое охранников. Оба – «чучмеки»: старослужащий «чучмек», у него служба подходила к концу, и с ним был молодой, почти не знавший русского языка. Только несколько слов произносил на русском. Посадил «чучмек» молодого и говорит ему:

– Ты смотри за ними, а я схожу к вербованным, палку брошу.

Он оставил при молодом собаку. Зеки решили собаку съесть. Один из них начал отвлекать «чучмека», показывать ему фокусы на картах. В этот момент собаку зеки убили, ободрали и – в котёл. Когда он кинулся, обнаружил, что собаки нет, заорал:

– Где мой собак?

Зеки отвечают:

– Убежала быстро-быстро в тайгу. Ты не переживай. Она умная, вернётся сама. Лучше вот садись с нами поешь.

Молодой «чучмек» сидит с зеками, ест собачатину, а тут возвращается старший.

– Где собака? – кричит он на молодого.

Тот ему отвечает:

– Он убежал.

– Какой чёрт убежал? Вы её сожрали.

Он увидел лежащую в стороне шкуру и голову собаки. Разорался старший конвойный. Поднял большой кипишь. Схватился за автомат.

– Сволочь! Пристрелю! – орёт. – Достаньте мне собаку!

Затем отпустил всех и приказал:

– Ищите мне хоть какую-нибудь собаку.

Неподалёку располагались небольшие селения. Зеки разбрелись в поисках собаки. Нашли бродячих собак четыре штуки и привели к главному «чучмеку». Старший выбрал одного пса покрупнее. Прицепили его на поводок, и пошли с ним в лагерь. Перед входом в лагерь стоял «хозяин». «Хозяин» был на подпитии. Увидел, что «чучмек» ведёт непонятную собаку, и как гаркнет:

– Багиров, ко мне!

«Чучмек», как положено, докладывает, а «хозяин» ему:

– Где собака? Съели?

«Чучмек» отвечает:

– Нет. Не съели. Вот собака.

И указывает на бродячего пса на поводке.

– Съели! – уже орёт всю «хозяин», а «чучмек» опять своё:

– Нет. Не съели. Вот собака. Вы её не узнаете.

«Хозяин» с размаху – «чучмеку» в морду. А пса отпустил вместе с верёвкой на шее. Освобождённый пёс с визгом помчался в лес, в сторону посёлка. Зеки съели собаку не потому, что жрать было нечего, а ради спортивного интереса...

И так протравили баланду допоздна. А что под дождь ещё делать? Земля пропиталась влагой до такой степени, что больше не принимает. Но всё прояснилось, и 29 марта, в день рождения Вячеслава, выглянуло солнце. Почифирили, побалагурили и разошлись по шуршам. А наутро всё то же: побудка, жратва и развод на работу.

К ним с утра подгрёб Жень Тюлюбаев, завхоз 13-го отряда, и приколол всех на разговоры. Сам он из Архангельска. Ну и имеет богатый опыт отсидки в северных лагерях и знает о тамошних порядках. Зоны огромные. На работу поутру гонят всех. В зоне остаются отказники: всякие воры, шерстяные, ломом подпоясанные и прочая мишура. Основная масса зеков идёт в тайгу на валку леса.

Всех отказников выгоняют в отстойник. Есть такое место в зонах перед вахтой. Приходит «хозяин», сам вологодский, и произносит речь: «Пошто, скоты, на работу не идёте?» Отказники орут: «Жаловаться будем. Издеваешься». «Хозяин» им:

«Бумаги дать? Скажите, сколько? Пишите. Завтра получите ответ прямо из Москвы».

После этой содержательной беседы всех отказников гонят на озеро. На озере начинается заготовка льда. Зеки это называют: «Балет на льду». И так – весь день. Пока последняя бригада, заготавливающая лес, не придёт в зону, отказников не заводят, даже если уже наступила ночь. И так – весь день без обеда и ужина. А утром – опять подъём, и уже в шесть часов утра – вывод на работу. При таких условиях отказников всё меньше, и все начинают плестись на работу.

Женька толкует о том, что всех «додиков», так называемых прибалтнённых, отправляют на поселение на Север. Там – далеко не рай. Пусть попробуют, что такое настоящая работа. А то получается какой-то неразумный коленкор. Отправляют на поселения «пахарей», у которых и так на лбу написано «пахать и пахать», а на спине разъяснение – «без выходных». Так оно и есть. Чтобы уехать на лесоповал, тяжёлую работу, надо пахать здесь, как проклятому.

Интересная «петрушка» получается. А «детдомовцы» здесь спокойно гонят дуру и «тянут» в ненагрузку свой срок. Вячеслав заметил, что что-то неладно с погодой. Уже середина апреля, а тепла всё нет. Порой солнце выглянет из-за туч, скользнёт своими лучами по грязной, заждавшейся тепла земле, и вот его уже нет. Дождь и слякоть. Что-то испортилось в механизме природы. Нарушен нормальный ритм. Зелень никак не пробьётся. Трава лезет из земли несмело, осторожно, боясь, что внезапно нагрянувшие заморозки погубят её и не дадут вырваться на волю, вырасти в полный рост, порадоваться земному теплу.

Птицы не устраивают шумных собраний. Чирикнут, пискнут изредка, по необходимости, и молчок. Сидят, нахохлившись, возле своих домов и думают горькую думу о зря уходящем времени. Пора садиться в гнёзда, прогревать яйца, выращивать птенцов. А где уж тут усядешься, если из-за холодов все букашки и червячки глубоко спрятались и не подают признаков жизни? А птицам кормиться надо.

Вячеслав обратил внимание, что к нему зачастили зеки со своими бедами, с вопросами. Даже с такими, решение которых – не в его компетенции. Народ доверяет, и он чувствовал, что нужен людям, полезен и в курсе многих дел. Но плохо, потому что на него взвалилась дополнительная моральная нагрузка. Приходилось выслушивать зеков, которые шли со своими бедами и непри-

ятностями. Ждали от него совета. А какой совет, когда сам – зек?

Приходилось ломать голову, чтобы помочь по возможности. А если уж не помочь, то выслушать и снять напряжение с души, дать выговориться. Порой это ему помогало. Хотелось от всего спрятаться. Но, видно, ему так было предписано судьбой. Его всё время подмывало броситься на защиту то одного, то другого. Он тысячу раз останавливал себя словами: «Кроме неприятностей, это ничего не даст». Однако, хоть и останавливал себя, но, по возможности, помогал тем, кто к нему обращался.

В колонию пришёл новый работник. Получил назначение отрядным в 14-й отряд. А надо сказать, что именно в этом отряде собрано больше всего зеков с крупными сроками за тяжёлые преступления. Отряд работал в инструментальном цеху и часть – в ремонтном. Работа в этих цехах требовала хорошей профессиональной подготовки. И собраны были в отряде зеки высокой квалификации.

Новый отрядный, по фамилии Сирик, без подготовки пустился во все тяжкие. Невысокого роста, с жидкими рыжими волосами, с маленькими ехидными глазками. Груб в обращении, начал унижать зеков. Неосмотрительный, полез с указаниями и в их закуток. Вячеславу пришлось осадить его основательно. Его прозвали «человек-конфликт». Из инструментального цеха начали приходиться зеки с рассказами о художествах этого яркого представителя администрации.

Вёл он себя настолько странно, что было совсем непонятно, понимал ли он, где находится и с кем имеет дело? Ведь любой из зеков мог сорваться, под горячую руку схватить любую железку и долбануть по башке. Под его злое внимание попал Саша Королёв. У Сашки срок – 13 лет. За спиной уже было шесть лет отсиженного. Сидел здесь с самого начала своего взросления, с восемнадцати лет. Толком парень ничего не видел. У него извращённое понятие о порядочности. Всё, что он познавал во время взросления, было получено в лагере.

Но последнее время стал как-то по-другому на всё смотреть. Стал более осторожен. Не лезет на рожон. У него через год подходил срок уйти на поселение. Нужно было держаться. Занимается усиленно спортом. Сам изготовил спортивный инвентарь. Парень, конечно, с гонором, но начитанный, сообразительный.

И вот этот гнида Сирик стал прессовать Сашку. Дело доходило до крайности. Вячеслав, видя, что может случиться горе, обратился к замполиту Константину Леонтьевичу. Он – бывший моряк дальнего плавания, и ситуацию понимал хорошо. Он разобрался во всём, осадил зарвавшегося отрядного и хорошо рязрядил напряжённую обстановку, а то могло бы случиться непоправимое.

Вячеслав порой удивлялся сам себе. Почему так получалось? Люди всегда тянулись к нему, и он откликался на чужую беду и старался помочь. А в лагере сидит, как преступник. Опять выводы следовали из рассуждений. Не следует говорить и делать, как думаешь. По крайней мере, надо делать это реже. К нему пришло на память выражение Станислава Ежи Леца: «Некоторые были выше других на голову, которую им отрубили».

Дома у него шло движение. Жена уехала в Красноярск забрать стариков, перевезти их в Крым. Дети – при Витьке. Приходил в себя, когда садился резать картины по дереву. Руки работают, мысли идут в спокойное русло. Отходишь душой. Мелькнуло и у него положительное действие. На свидание приехала Валентина с детьми. Как всегда, это пролетает очень быстро. Навозился Вячеслав с сыном. Богданчик рос сообразительным и подвижным. Радовала его и дочь.

С семьёй ему повезло. Жена держалась молодцом. Конечно, трудно. Все заботы о семье – на её плечах. Переезды из одного конца страны в другой, да ещё и со стариками. Это и мужику не всегда под силу, а она справилась. Расставаться с семьёй, как всегда, было тяжело. Душу сдавило костлявой рукой тоски. Подошло время, чтобы уйти в колонию поселения. Но не всё так просто. Кто-то в зоне из администрации этого не хотел.

Как-то вечером в нарядную ввалились опергруппа и вертухаи. И устроили шмон, даже не шмон, а погром. Усердствовал кум Казанков. Злорадствовал, но ушли ни с чем. Он удовлетворил, по его выражению, своё «болезненное самолюбие». Ковырлся во всех дырках, отрывал гвозди от мебели. Понял Вячеслав, что вокруг него создают душную атмосферу. Надо во что бы то ни стало уходить на поселение или на стройки народного хозяйства. Постепенно начали оформлять документы. Но нужен был глаз да глаз.

Поиски интересного и неразгаданного

Успокоиться удалось письмами из дома и книгами. В руки ему попала преинтереснейшая книга – сборник разных событий. Человек собирал 13 лет. Узнал массу интересного. Пожалел, что книга чужая, и не может стать его собственностью, чтобы перечитывать. Из книги узнал, что легендарная героиня сказки Василиса Прекрасная действительно существовала. Она была женой Ивана Грозного. Как повествует хронограф, в 1577 году Иван обручился с вдовою Василисою Милентьевною. «Юже муже её опричник закла; зло урядна и красна, таковые не бысть в девках; к их возяще на зрение к царю...»

Н.И. Карамзин в своих трудах о царе Иване Васильевиче повествует: «Сказывают, что имел молитву с вдовою Василисою Милентьевною, сиречь с женищем». В одной из старых писцовых книг пишется: «Государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси лета 7087 году поместьем пожаловал Фёдора да Марию Милентьевых, детей Иванова, в вотчину». В вотчину – то есть в вечное пользование. Иван Грозный редко раздавал такие подарки.

Милентьев Иван, муж Василисы, был царским дьяком. Первых успехов он достиг накануне опричнины. Затем карьера (а может быть, и жизнь) приказного дельца внезапно оборвалась. Через много лет сироты Милентия получили из фонда поместных земель вотчину по полторы тысячи десятин пашни – множество деревень с обширными лугами и лесами. Сироты не имели никаких заслуг, кроме одной. Они получили землю в 7087 году от сотворения мира, или в 1578-1579 гг. от Рождества Христова. А незадолго до того, как говорят летописцы, царь Иван «имал молитва с вдовою Василисою Мелентьевною».

Василиса действительно была не только прекрасной, но и премудрой. Она избежала участи цариц Анны Колтовской и Анны Васильчиковой, кончивших жизнь в монастыре, и обеспечила будущее детей. Дети Василисы достигли совершеннолетия и поделили между собой землю после того, как Марья Мелентьева вышла замуж. В вяземской писцовой книге читаем: «...и Марья шла замуж за Гаврила Григорьева, сына Пушкина, и тое вотчину Гавриле Пушкин да Федор Мелентьев промеж себя полюбовно поделили пополам».

Дочь Василисы Прекрасной вышла замуж за Гаврилу Григорьевича Пушкина. Неожиданное и удивительное сочетание имен... Народные сказители обессмертили имя Василисы. Гаврила Пушкин получил не меньшую известность благодаря трагедии «Борис Годунов». Как известно, А.С. Пушкина всегда интересовала история его предков, и среди них он особенно выделял Гаврилу Пушкина. Он отзывался о нём как об одном из самых замечательных лиц в эпоху самодержавия. Вообще, род Пушкиных постоянно был в борьбе с существующей властью.

Из других источников Вячеслав прочитал, что в заговоре против Петра I вместе с А.П. Соковниным участвовал и его зять Ф.М. Пушкин – предок великого русского поэта. Его отец, родовитый боярин М.С. Пушкин, тоже был в немилости, он потерял место судьи Владимирского судного приказа и получил назначение в Азов. Семья Соковниных тайне придерживалась раскольничьего учения. Из неё вышли знаменитые боярыни-раскольницы Ф.П. Морозова (ей посвящена известная картина В.И. Сурикова) и Е.П. Урусова, подвергшаяся преследованиям властей. Обе были сёстрами А.П. Соковнина.

Всё переплелось настолько, что трудно рассоединить нити истины и понимания событий. Сам Иван Грозный имел семь жён, и только с первой он прожил долго (13 лет). Это была Анна Захарьина. В старости царь Иван тепло вспоминал о ней...

Остальные жёны кончали жизнь на плахе или в монастыре, за исключением Василисы Прекрасной, которая умерла своей смертью.

И ещё накопал много интересного Вячеслав о знаменитой «Железной маске». Кто же скрывался под ней? Вольтер предполагал, что это был граф де Вермандос, осуждённый на вечное поселение якобы за пощёчину, данную им Людовику XIV. Другие видели в нем Герцога де Бофор, сего феодального демагога, мятежного любимца черни Парижской, пропавшего без вести во время осады Кандии в 1669 году.

Третьи утверждали, что это был Герцог Монмуф. Сам Вольтер, опровергнув все сии мнения с ясностью критики, ему свойственной, романически думал или выдумал, что славным невольником был старший брат Людовика XIV, жертва честолюбия и политики жесто-

косердой. Доказательства Вольтера были слабы. Загадка осталась нерешённой. Взятие Бастилии в 1789 году и обнаружение её архива ничего не могли открыть касательно таинственного затворника.

В заметке о «Железной маске» А.С. Пушкин пишет: «Несколько времени после смерти кардинала Мазарини случилось происшествие беспримерное и, что ещё удивительнее, не известное ни одному историку. Некто, высокого роста, молодых лет, благородной и прекрасной наружности, с величайшей тайною послан был в заточение на остров св. Маргариты. Дорогою невольник носил маску, коей нижняя часть была на пружинах, так что он мог есть, не сывая её с лица. Приказано было, в случае, если б он открылся, его убить...».

До этого «Железная маска» содержался в крепости Пинероль. Ни одно повествование о «Железной маске» за два столетия не обходится без упоминания имени Сен-Мара.

Сей дворянин, сбросив форму мушкетера, продолжал доказывать преданность королю не доблестной шпагой, а ревностным усердием в качестве начальника различных тюрем.

Вершиной карьеры Сен-Мара было назначение его на пост коменданта королевской тюрьмы № 1. Ворота Бастилии распахнулись 18 сентября 1698 года, пропуская сопровождавшуюся конвоем закрытую карету, где находились новоиспеченный комендант и его заключенный. Покинуть стены этого пристанища «Железной маске» было не суждено: через пять лет он умер в камере.

Дюма взял за прообраз д'Артаньяна начальника тюрьмы Сан-Мара. С фактами обращался очень вольно, повторяя при этом, что история для него – лишь гвоздь, на который он вешает свою картину.

Историков пока в полной мере не удовлетворяет ни одна из кандидатур на роль «Железной маски». Между тем, претендентов много.

В этом списке значатся также: сын «цареубийцы» Оливера Кромвеля и король Англии Карл I, которому якобы удалось избежать казни; незаконный отпрыск династии Стюартов Жак де ла Клош и мальтийский рыцарь Жак де Бретель; кардинал де Ретц и генерал Бюлонд.

Даже в современности бытует версия о принце-близнеце или каком-либо другом родственнике Людовика XIV. И ещё несколько «соискателей» обладают равными шансами.

Во-первых, это итальянский граф Эрколе Маттиоли, в пользу которого существуют весомые доводы, включая пометку о смерти в регистрационной книге Бастилии, содержащую, как можно полагать при желании, искаженное написание его фамилии. В тюрьме Пинероле находился и Николя Фуке.

Некогда всемогущий министр финансов, Фуке изрядно досадил Людовику XIV, за что и отправился в пожизненное заключение. Полагали, что он умер в 1680 году. Однако один французский журналист выступил с сенсационным заявлением: по его мнению, вместо Фуке был погребен кто-то другой, а экс-министр влачил дальше брешное существование, превратившись в «Железную маску».

Вместе с Фуке сидел некий Эсташ Доже, который знал какую-то государственную тайну. Он был в контактах с Фуке. И если Фуке превратился в «Железную маску», то Доже отведена роль трупа, захороненного вместо Фуке. Сегодня всё не намного ближе к решению задачи, кто был «Железная маска», чем во времена Пушкина.

В мире происходит много интересного и захватывающего. Разгадка тайн прошлого доставляет истинное наслаждение исследователю, но не менее интересны эти разгадки и просто интересующимся прошлым нашей Земли.

И вновь Вячеслав возвращался к событиям, затрагивающим Ивана Грозного. Никто не остаётся равнодушным перед картиной И.Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван». Царь Иван разделился с малолетними сыновьями после смерти их матери – царицы Анастасии Захарьиной. Шли годы. Старшему царевичу минуло пятнадцать лет, и отец позаботился о том, чтобы приобщить наследника к делам правления.

Наследник многое унаследовал от царя. Он был также вспыльчив, нетерпелив и горд. В царской семье часто происходили ссоры, и тогда на голову взрослого сына обрушивались побои. Ссоры царской семьи становились делом «большой политики».

Разжигал эту вражду приближённый Ивана Грозного, руководитель опричников Малюта Скуратов, злой и коварный человек. Но за царевича вступился Никита Романович Захарьин, дядя царевича по матери.

Подавив псковичей и новгородцев, Малюта объявил участниками заговора и Захарьиных. Они попали в опалу у царя. Это и послужило крупной ссорой Грозного с сыном. Ссоры в царской семье случались по разным поводам. Царь Иван постоянно вмешивался в семейную жизнь взрослого сына. Он заточил в монастырь двух первых жен наследника и, кажется, собирался избавиться также и от последней невестки – Елены Шереметевой. Во всяком случае, последний роковой раздор царя с сыном произошёл из-за неё. Шереметевы были противны Грозному. Он постоянно подозревал их в измене.

Прежде, когда боярская «измена» вползала в царский дом, Грозный казнил дядек наследника, его братьев, а иногда и сестер, и на том дело заканчивалось. Больше всех страдали тогда Захарьины. Теперь настал черед Шереметевых. Но царь не мог заточить Елену в монастырь: она ждала ребенка. И вот-вот должна была родить. По обыкновению, царская семья проводила осенние месяцы в Александровской слободе. Однажды царь Иван зашёл в покои сына и наткнулся на неодетую сноху. По тогдашним понятиям, женщина считалась вполне одетой только тогда, когда на ней было не менее трёх рубах. Не ведая жалости, царь отколотил Елену посохом.

Говорили, будто Грозный поступил так в припадке страшной ярости. Но его ярость была вызвана не одним только «неприличным» поведением Шереметевой. Царевич Иван, явившийся в комнату на шум, в сердцах бросил отцу такой упрек: «Ты без всякой причины отправил в монастырь моих первых жен, а теперь ты и третью бьешь, чтобы погиб сын, которого она носит во чреве».

Грозный не желал рождения наследника от Шереметевой. Его жестокая выходка имела свою логику. От страха и побоев Елена разрешилась в следующую ночь от бремени. Единственный внук Грозного появился на свет мёртвым.

О гибели Ивана говорили разное. Но все толки сводились к двум версиям. Согласно одной, наследник скончался от смертельной раны в висок. Но была и другая версия: он скончался от горячки.

Царевич Иван не был положен на месте смертельным ударом в висок. Последние месяцы царь очень часто колачивал сына палкой. Вероятно, царевич мог бы оправиться и от последнего удара. Но

когда на другой день после ссоры ему сказали, что жена родила в ночь мёртвого сына, он окончательно впал в горячку и, не выдержав страшного нервного потрясения, умер на одиннадцатый день болезни – 19 ноября 1581 года. Грозный питал глубокую привязанность к старшему сыну и после его кончины едва не лишился рассудка от страшного горя. Смерть наследника, виновником которой он был, надломила царя душевно и физически. Он пережил царевича всего на два года. Так и погиб род Ивана Грозного, не дав продолжения.

С детских лет у Вячеслава была страсть читать исторические романы, а затем и литературу по истории. И он находил всё новые и новые факты, приоткрывающие тайные завесы. Поэтому его всё интересовало, и он делал записи в своих дневниках, добывая всё новые и новые сведения. Так ему удалось узнать позже, что об этом эпизоде была написана картина И.Е. Репина «Иван Грозный и сын Иван». Именно через картину миф, созданный в своё время Н.М. Карамзиным, был брошен в сознание народа как факт русской истории, не подлежащий сомнению.

Однако, как говорят специалисты-историки, ни одна русская летопись не упоминает о факте убийства царевича Ивана отцом. Есть версия, что царевич и сам Иван Грозный были отравлены. Уже в советское время об этом писали в газетах, были вскрыты гробницы и, как писал известный антрополог М. Герасимов, экспертиза показала наличие ртути в останках царя и сына, которое превышало норму в десятки раз.

Получалось, что гениальное творение Репина преобразовало историческую ложь в истину. Версия с отравлением имеет под собой почву. После смерти Ивана Грозного на престол взошёл сын Грозного от первой жены, Фёдор. Окружающим было ясно, что Фёдор недолговечен, что царём он является только по титулу. Всеми делами правит Борис Фёдорович Годунов – брат царской жены Ирины Годуновой. Был у Ивана Грозного ещё один сын, Дмитрий, от седьмой жены Марии Фёдоровны Нагой. Английский путешественник Флетчер предсказывал возможную гибель царевича Дмитрия Ивановича как единственного человека, мешавшего Борису Годунову вступить на престол после смерти царя Фёдора. И траге-

дия свершилась. 15 мая 1591 года в Угличе раздался набат. Услышав удары колокола, народ устремился во двор царевича, где лежал зарезанный царевич Дмитрий.

Долгие годы ведётся спор о том, как погиб царевич Дмитрий. С тех времён сохранилось следственное дело о смерти царевича. Факты в этом деле явно подтасованы, потому что главной целью следователей было запутать всё дело, сделать так, чтобы создать версию о случайной смерти царевича, которому в то время исполнилось всего десять лет. Борис Годунов щедро наградил всех участников несчастного случая. После смерти Фёдора на престол вступил Борис Годунов (1595–1605). Об углицкой трагедии вспомнили тогда, когда на смену Фёдору пришёл новый царь, бывший боярин и опричник.

Царские власти всячески поддерживали слух о том, что появившийся претендент на московский трон, назвавший себя царевичем Дмитрием Ивановичем Углицким, на самом деле был безвестным монахом Григорием Отрепьевым. Царь Борис всполошился с самого же начала и увидел в этой тени погибшего царевича самого опасного врага для себя и для своей династии.

Историк С.Ф. Платонов связывает выдвижение самозванца с некоторыми боярскими родами, к числу которых, в первую очередь, относит Романовых. В сущности, никаких данных, кроме подозрений, царь Борис не мог выдвинуть против Романовых. Преследование Романовых началось раньше того, как самозванец стал известен.

Некоторое время у Романовых жил Гришка Отрепьев. Романовы были обречены на преследования и на возможное уничтожение уже в силу того, что они были наиболее опасными претендентами на престол. А права Романовых держались на том, что Анастасия Романовна, дочь родоначальника всей фамилии, была замужем в первом браке за Иваном Грозным, и от неё родились царевичи Иван и Фёдор, впоследствии – царь.

Таким образом, братья царицы Анастасии Романовны имели права на московский престол в случае, если династия Калиты совершенно угаснет. Впоследствии царь Михаил Фёдорович Романов, бывший племянником царицы Анастасии Романовны, подчёркивал

своё право на престол именно тем, что он мог считать себя племянником самого царя Ивана Грозного.

Михаил Фёдорович в своих грамотах опирался на это родство или, точнее сказать, свойство с Иваном Грозным в доказательство своих прав на московский престол. Но такие же права имел и сам Борис Годунов, а также его сын Фёдор. Борис был братом царицы Ирины Фёдоровны, жены царя Фёдора Ивановича, и в силу этого царевич Фёдор Борисович приходился племянником последнему царю из династии Калиты – Фёдору Ивановичу. Именно этим правом родственности, или свойства, с угасшей династией оперировал и сам Борис Годунов.

И Романовы, и Годуновы, таким образом, имели совершенно одинаковые права на престол по московским понятиям. Практически же ни те, ни другие не были связаны кровным родством с Иваном Грозным и его сыновьями.

При таких условиях уничтожение Романовых казалось для Бориса Годунова предпосылкой прочности его власти. Женой Бориса была Мария Григорьевна, дочь Малюты Скуратова. После смерти царя Бориса молодой царевич Фёдор Борисович оказался совершенно беспомощным на своем троне, как и «злая» царица Мария Григорьевна.

Поразительна участь семейства мудрейшего, хитроумнейшего царя Бориса. Ловкий авантюрист сел на московский престол. И никто из ближайших к Борису Годунову советчиков не помог молодому царю Фёдору Борисовичу укрыться за крепкими стенами монастыря.

Участь царя Фёдора Борисовича была поистине плачевной. Он погиб от руки московских палачей, даже не заговорщиков. Так расправились московские люди с последним отпрыском Малюты Скуратова. Позже москвичи свергли и самозванного царя Дмитрия (Гришку Отрепьева).

От книг – снова в реальность. Работа, план. В зоне более-менее спокойно. Штурмовщины нет. Всё идёт в нормальном режиме. Это редко случается, но случается. В свободное время Вячеслав вновь хватается за книги. И всё интересное торопится записывать. К примеру, такое: «Загадка золотого гроба».

Загадка родилась в 1907 году, когда в величайшем городе мёртвых – «Долине царей», вблизи Фив, на западном берегу Нила, обнаружили таинственное захоронение. «Отблески золота вспыхнули всюду, чуть только брызнул первый луч... Золото на полу, золото на стенах, золото там, в самом отдалённом углу, где рядом со стеною стоит гроб, золото яркое и светлое, как если б оно только что вышло совсем новое из рук золотых дел мастера...» Так описывал первое проникновение в тайник тогдашний руководитель египетского попечительства о древностях Г. Масперо. В глубине гробницы стоял гроб в виде спеленатого трупа, также весь покрытый листовым золотом.

Характер захоронения, налобное украшение – медная позолоченная змея – всё это не оставляло сомнений, что найдено погребение фараона. Но какого? Между египтянами начались споры. Одни утверждали, что здесь захоронена женщина, царица Тия – вдова Аменхотепа III, того самого, который изображен в образе сфинксов, установленных в Ленинграде на берегу Невы, около моста имени лейтенанта Шмидта.

Однако при детальном осмотре – уже в каирском музее – специалисты твердо заявили, что найден скелет молодого мужчины. Одни считали, что ему было 17–18 лет, другие – 20–21. Но ни то, ни другое не устраивало историков.

Историки были почти убеждены, что на этот раз в гробу похоронен ни кто иной, как Аменхотеп IV, прославившийся в веках как глава религиозного переворота, приведшего к упразднению многобожия и установлению культа единого бога Атона. Имя его было везде уничтожено, но так называемые прозвания, сопровождавшие это имя, принадлежали именно Аменхотепу IV: «Живущий правдою», «Большой по веку своему».

Аменхотеп IV принял имя Эхнатона, провозгласил себя сыном божьим, опередив своего коллегу из Назарета тысячи на полторы лет.

Аменхотеп IV царствовал 17 лет. Это не согласуется с данными экспертизы: фараон не мог умереть в возрасте 20–21 года. Аменхотеп IV был ещё молод, когда началась религиозная революция, подготовленная при его отце – Аменхотепе III. Считается, что главным «подсказчиком» молодого царя была его мать Тия. Аменхотеп IV,

стремясь стать главным жрецом, что увенчало бы достигнутое единовластие, принялся повседневно выполнять жреческие функции в главном храме. Он изменил своё имя, суть которого («Угодный Амону») теперь его не устраивала, он стал именоваться Эхнатомом, то есть «Угодный Атому», богу Солнца. Аменхотеп IV решил построить новую столицу взамен Фив. Город был построен севернее Фив, в 450 километрах от него. За какие-то 2–3 года в пустыне вырос сказочный город. Это был идейный центр новой религии. Однако против Аменхотепа IV была настроена жреческая оппозиция.

Смерть царя развязала руки противодействия. Оппозиция быстро зачеркнула всё, связанное с реформой. Один из ближайших преемников Аменхотепа IV, женатый на его дочери, Тутанхатон, через несколько лет после смерти «сына божьего» снова стал Тутанхамоном, как его и нарекли при рождении. Этот фараон дал своё благословение на ликвидацию культа Атона. Новая столица, сооружённая в пустыне, просуществовала едва ли больше 25 лет. Известный советский египтолог Ю.Я. Перепёлкин, не выезжая из Ленинграда, изучил все документы и пришёл к выводу, что гроб первоначально предназначался для женщины. Об этом свидетельствуют и изваяния женских головок на канопах – погребальных сосудах.

В этих изваяниях узнана была женщина – фараон Кия – соперница прекрасной Нефертити. Имя Кии беспощадно выскабливалось, как и имя самого Аменхотепа IV. Сведения повествуют о том, что Кия оттеснила в сердце фараона Нефертити. Повествуют о том, что Кия достигла вершины – трона, как из побочной стала главной женой, как получила право именоваться вторым фараоном, чего в Древнем Египте женщины удаивались крайне редко.

Ю.Я. Перепёлкин пишет: «Если место «жены царицы великой» было закреплено за Нефертити, то поднять до уровня её Кию иначе, как сделав её вторым фараоном, не было способов. Воцарение Кии в таком случае было одновременно плодом великой любви к ней фараона и проявлением внимания к исключительным правам Нефертити. Тогда, быть может, не так уж неправы памятники, до последних лет царствования прославлявшие дружбу царя и царицы». Если не считать гроба Тутанхамона, раскопанного в 1922 году всё

в том же городе мёртвых, этот золотой гроб, приготовленный для Кии, был самым роскошным. Не это ли являлось мерилом любви фараона? Но, тем не менее, не останки Кии оказались в гробу.

Огромная работа, проведённая учёными всех стран мира, по сопоставлению черепа и воссозданию по нему лица привела к тому, что стала господствовать новая версия. Похоронен в золотом гробу был царствовавший после Аменхотепа IV фараон Сменхкер, тоже близкий родственник «сына божьего» и имеющий с ним большое сходство. Однако, всё это требовало тщательного изучения и доказательств.

Окунувшись в поиски интересного и неразгаданного, Вячеслав нарыл ещё одну интересную историю. На этот раз о знаменитом мушкетёре короля д'Артаньяне.

В семье бедного гасконского дворянина Бертрана де Батц Кафельморо было пять мальчиков; старший и средний носили почему-то одинаковое имя – Шарль. Когда двое старших братьев, Шарль и Поль, поступили в королевские мушкетёры, они боялись, что Кафельморо, что значит – «замок Мавра», звучит недостаточно благозвучно, и добавили к своей фамилии название поместья своих дальних родственников – д'Артаньян. Никаких прав на это имя они не имели.

Славу фамилии составил второй Шарль де Батц Кафельморо, герой романов Дюма.

Далеко не всем известно, что в основу романов Дюма легли «Мемуары кавалера д'Артаньяна» – книга, широко известная в XVII веке. Эти мемуары написал отставной офицер Гатьен Куртильс де Сандра, живший позже событий, описанных в романе «Три мушкетёра».

Де Сандра положил в основу своих мемуаров ряд подлинных фактов. В середине апреля 1640 года Шарль де Батц Кафельморо выехал из гасконской деревушки Люпиак в Париж. Спал в пустых сараях, ел в самых дешёвых харчевнях, ибо был беден.

В местечке Мон-Ришар он переночевал у своей тётушки. А утром с неизвестным, на брошенную тем реплику, ввязался в драку, схватившись за шпагу. Шарля схватили, поломали шпагу и бросили в тюрьму. Дуэли в то время были запрещены кардиналом Ришелье.

У Шарля забрали деньги, лошадь и рекомендательное письмо. Эта история легла в основу романа «Три мушкетёра». Родственница дала Шарлю денег на дорогу и на новую шпагу. До Парижа он добрался пешком. Своих братьев он не нашёл. Старший брат погиб, а Поль находился на войне в Италии. В память своего покойного брата Шарль решил называть себя Шарль де Батц Капельморо д'Артаньян.

Он случайно познакомился с гвардейцем роты Дезэсара – подразделения, игравшего роль своего рода военной школы. Гвардейца звали Исаак Порто, и он тоже мечтал стать мушкетёром (Дюма превратил его в Портоса). Порто обещал познакомить Шарля с двумя мушкетёрами, родственниками де Тревиля, – Анри Арамицем и Арманом де Силлек д'Атос д'Отевилль (известными всем под именами Арамис и Атос).

Они собрались отдохнуть в лесу, и Шарль принял приглашение. Однако цель прогулки была не безобидной. Мушкетёры короля соперничали с гвардейцами первого министра, кардинала Ришелье. Среди гвардейцев своим щегольством выделялся некто Жилло. В мае 1640 года Жилло украсил себя шитой золотом перевязью. Вскоре кто-то заметил, что Жилло перестал снимать плащ. Возникло подозрение, что перевязь вышита только на груди, и гвардеец не смеет вследствие этого открывать спину. Порто, Атос и Арамис решили проучить щёголя и во время прогулки как бы случайно сорвать с него плащ.

Нужен был посторонний свидетель. На эту роль и был приглашен Шарль. Шутка едва не обернулась трагедией. Жилло был в лесу с тремя гвардейцами кардинала. Симулируя неосторожность, Порто сорвал с Жилло бархатный плащ. Перевязь действительно оказалась из обыкновенной кожи. Раздался смех. Взбешённый гвардеец выхватил шпагу. Его товарищи обнажили оружие и стали рядом с ним.

Против д'Артаньяна оказался известный дуэлянт Монсель. Он даже не захотел скрестить шпагу с «желторотым», но д'Артаньян был не новичок в фехтовании. Через несколько минут раненый гвардеец лежал на земле. В это время д'Атос был на краю гибели. Его противник Ла Пейри ранил Атоса в руку и метил второй удар в живот (в те времена рана в области брюшной полости была верной

смертью). Д'Атос терял силы и мужество. Д'Артаньян сумел отвести от него предательский удар.

Де Тревиль был доволен, но принять в мушкетеры д'Артаньяна не мог, так как он был беден и не мог себя содержать. Мушкетёры от короля не получали ничего. Шарль был направлен в роту Дезэсара, где служил его приятель Исаак де Порто. д'Артаньяну пришлось много воевать в Италии, в Испании вместе с Порто. Судьба хранила их.

В конце 1642 года скончался кардинал Ришелье, много лет полновластно управлявший Францией. Весной 1643 года умер король Людовик XIII. На французский престол взошёл пятилетний мальчик Людовик XIV. Правила страной мать короля Анна Австрийская и её первый министр – кардинал Джулио Мазарини.

После траура был произведён новый набор в мушкетёры. Среди них оказался Порто, а д'Артаньян остался ждать своей очереди. Несмотря на свои 23 года, он имел репутацию надежного и ловкого человека, и был послан сопровождать своего друга мушкетёра Арамица, имевшего секретное поручение в Англии. Об этой поездке известно лишь то, что в Англии они дважды дрались на дуэлях. Арамиц и д'Артаньян давали отчёт жившей в Париже в изгнании королеве Англии Генриетте.

Вскоре после доклада, очевидно, за секреты, известные Шарлю, на него было совершено нападение. Он шёл вечером и увидел, что за ним следуют закутанные в плащи четверо мужчин. Пытаясь их запутать, он попал в западню. Прислонившись к стене, д'Артаньян принял беспримерный бой против семи наёмных убийц.

Он был дважды ранен, но продолжал отчаянно сопротивляться. На счастье, группа мушкетёров случайно проходила поблизости и услышала его крики. Все семеро убийц нашли себе могилу на улице Скверных мальчишек. Два мушкетёра получили ранения, а третий – смертельный удар в грудь. Это был д'Атос, сполна заплативший д'Артаньяну за спасение в лесу близ Медона. Его похоронили 22 декабря 1643 года на кладбище при церкви Сен-Сюльпис.

Наконец, в ноябре 1644 года Шарль становится мушкетёром. На другой день 24-летний мушкетёр – на дежурстве в королевском

дворце. Вдруг в одной из комнат он услышал барабанную дробь. Д'Артаньян распахивает дубовую резную дверь и видит семилетнего мальчика в костюме мушкетёра. Мальчик колотит в барабан. Увидев Шарля, он прерывает своё занятие и говорит: «Мушкетёр, вы мне нравитесь». Это был король Франции.

Вскоре судьба меняется. Кардиналу Мазарини нужен человек испытанной смелости, верный, сообразительный и способный пожертвовать жизнью, но не выдать государственную тайну. Де Тревиль рекомендует д'Артаньяна.

Он был самым преданным курьером первого министра Франции. Он выполнял самые сложные и деликатные поручения и, как правило, с успехом.

В 1647 году Мазарини распустил королевских мушкетёров. Большинство из них покинуло Францию, но Шарль не пострадал. Он стал сеньором на службе кардинальского дворца. Мазарини был скуп. Да Шарль и сам ничего от него не ждал. Он мечтал стать лейтенантом. Но нужны были не только военный опыт, но и деньги. От Мазарини зависела величина суммы патента. Мазарини обещал патент, не оговорив, когда он собирается это сделать.

Народ был недоволен Мазарини и восстал. Началась Фронда. Мазарини вместе с Анной Австрийской и Людовиком тайком бежал из Парижа. Шарль уехал с ними. Несмотря на тяжёлые времена, Шарль выполнял все поручения Мазарини. И тот одерживает победу за победой. Но в 1651 году он вновь бежит из Парижа, и опять рядом с ним – Шарль, которому уже 32 года. Опальный Мазарини только теперь оценил верность д'Артаньяна.

В конце 1652 года в Брюль прибывает взмыленный гонец. На пакете, который он подаёт Мазарини, три лилии – герб Людовика XIV. Достигший совершеннолетия король Людовик XIV хочет взять власть в свои руки и начинает борьбу со своеволием знати. Он звал к себе Мазарини. Король писал королеве о д'Артаньяне. И Шарль въезжает в Париж с нашивками лейтенанта. К славе солдата прибавляется репутация тонкого дипломата и хитреца. Начались бои с врагами короля.

В Бордо прячется принц Конде. Сразу после взятия Бордо д'Артаньян получает звание «привратник Тюильри». Единственная

обязанность этой должности – регулярно получать жалованье. Это синекура.

Под видом священника Шарль отправляется в Англию разведать замыслы Оливера Кромвеля. Две поездки д'Артаньяна в Англию натолкнули Дюма на сюжет «20 лет спустя». После доклада кардиналу о поездке в Англию д'Артаньян уносил с собой документ о назначении его «смотрителем королевского птичьего двора». Это была ещё одна синекура. Новая должность тоже не требовала постоянного присутствия во дворце, д'Артаньян отбыл в свой полк.

Опять – траншеи, опять – атаки. Вместе с Порто они сражаются под командованием полководца Тюренна. Тюренн, в свою очередь, ценит бывших мушкетёров и производит обоих в чин капитана. Мазарини вновь вызывает своего курьера в Париж.

Командиром мушкетёров назначался подполковник д'Артаньян. В 37 лет он занял место де Тревиля.

Под началом де Тревиля было до ста человек; рота д'Артаньяна состояла из 250 мушкетеров, и среди них числился и сам король. Все 250 человек получили одинаковых серых коней с длинными хвостами и костюмы мышиноного цвета с двойным серебряным крестом. Поэтому их называли «серыми мушкетёрами».

Да, д'Артаньян стал графом. Так же, как когда-то его братья присвоили себе фамилию д'Артаньян, он сам произвёл себя в графы. Никто не захотел уличать командира мушкетёров в самозванстве. Подполковник, как всякий гасконец, был не только тщеславен, но и обладал немалым влиянием при дворе. Немногие осмеливались говорить с королем так, как командир мушкетёров.

Д'Артаньян женился на богатой вдове и имел двух сыновей. В 1669 году Людовик женился на испанской принцессе. Бракосочетание состоялось в маленьком городке на франко-испанской границе. Через всю Францию королевский кортеж, который сопровождали мушкетёры, проследовал через Гасконь, проехав неподалеку от деревушки Люпиак, откуда в 1640 году выехал скромный юноша, третий сын Бертрана де Батц Капельморо. И долгие годы старики рассказывали своим детям и внукам о том, как выглядел король, принцы и легендарный граф д'Артаньян.

Сибирь ждёт

И вновь – зонавские дела. Лето 1978 года. Дни стоят тёплые. Май был напряжённым и заполненным делами до предела. «Хозяин» колонии с первых дней июня начал нажимать на всех: не только на зеков, но и на вольнонаёмных, на отрядных и их помощников. Результат нажима сказался. Колония зашевелилась. Работа пошла усиленно на план. Были и срывы. И немало. Но тут же всё соединяли. «Хозяин» вникал во все мелочи. Он поднимал всех: и мастеров, и начальников цехов, и отрядных. Энергии в нём – масса. Народ под его началом – в основном, инертный, к работе активной не привыкший. Больше говорят, чем делают. Ему немало пришлось приложить усилий, чтобы заставить их работать по-настоящему.

С 29 мая вся тройка была при «хозяине» с утра и до поздней ночи. Приходилось вызывать нужных людей, организовывать вывоз деталей из цехов, завоз основных агрегатов в сборочный цех. Звенья с трудом налаженной цепи действий то и дело рвались. Приходилось вместо одних людей выводить на работу других, уговаривать тех, кто уже отстоял у станка по полторы смены. В рабочую зону выводили со всех отрядов и цехов зеков на сборку комбайнов. Две последние ночи «хозяин» сам следил за ходом сборки. Он организовал дополнительный ужин, чай...

И дело пошло. К 1 июня план в 1200 комбайнов был сделан.

– Колонии ещё необходимо в таком темпе проработать месяц, – говорил «хозяин». – И колония рассчитается с долгами.

Интересно было смотреть на «хозяина». «Как он выдерживает в таком режиме? – думал Вячеслав. – Мы ладно, мы – народ подневольный, хоть и временно тут. Отработали, упали, поспали, встали и – вперёд. А у него же – семья, взрослые дети, а он днями и ночами проводит в колонии. И весь отдаётся работе». Кое-кто из работников заряжается его энергией и тоже начинает шевелиться. Часть шевелилась из чувства долга. А часть играла роль сторонних наблюдателей и делала всё спустя рукава, из-под палки. Кого они, такие деятели, могут воспитать, раз-

мышлял Вячеслав, наблюдая за приспособленцами. Кто верит их словам?

Засел за бумаги. Привёл в порядок всю документацию. Подготовил на новый месяц. Отрядный кое-что делает, чтобы Вячеслав пошёл на поселение на Украину. Но всё, как говорится, вилами по воде писано. Он думал, что, может, хоть на этот раз Фортуна не отвернётся от него. Если увезут недалеко, будет возможность встречи с семьёй. Свободное время Вячеслав занимал резьбой по дереву. Уже чувствовал сам, что отточил мастерство.

Получались хорошие картины, которые он дарил стоящим людям. Вячеслав заметил интересную деталь. Начав резать картину, он уже не мог остановиться! Хотелось увидеть завершённую работу, которая выходила из-под его резца. Иногда сидел до глубокой ночи, пока не завершал начатую картину. Мелькала мысль, что это и на свободе пригодится, да и сыновей своих можно научить.

Направление на поселение

За делами пролетело время, и подошло время личного свидания. Валентина прикатила раньше. Через Лину, жену Виктора Колесникова, сообщила, что уже в Одессе, может зайти на свидание раньше. Это, конечно, было сопряжено с определёнными трудностями. Всё делалось по графику. Но в комнатах свидания была свободная комната. Вячеслав рискнул обратиться к начальнику режимной части с просьбой уйти на свидание раньше. «Режим» был в хорошем расположении духа и разрешил!

Ребята помогли ему быстро собраться, и вот он уже третьи сутки со своей женой. До этого он прошёл комиссию на поселение.

Из Киева пришёл запрос на него. Требовали подробную характеристику и установочные данные. Отрядный Иван Михайлович, одногодок Вячеслава, написал положительную характеристику. Его поддержали «хозяин» зоны и замполит. Вячеслав подумал: всю жизнь у него как враги есть, так и друзья: как среди зеков, так

и среди администрации. Правда, кумовья (оперчасть), начальник спецчасти ставят палки в колёса. Но, очевидно, их действия не могут пересилить действия влиятельных людей, «хозяина» и замполита. Да и «хвостов», за которые могли бы уцепиться враги, нет, думал Вячеслав.

Если бы он знал, для чего на него затребовали запрос из Киева! Валентина успокоила его, говоря, что нет разницы, где он будет на поселении: близко или далеко. Мол, она согласна поехать в любой край, куда его пошлют. Чтобы не спугнуть удачу, Вячеслав даже мыслей себе расслабляющих старался не допустить. Валентина вела себя очень достойно. Она была матерью не только для их детей, но и для него. Мать с большой буквы. Он вычитал в одной из множества прочитанных книг о том, что у шумеров, изобретателей письменности и основателей первой высокоразвитой культуры человечества в Месопотамии, записан миф, согласно которому всех богов сотворила мать-богиня. Её звали Мама.

И вот случилось. В зоне состоялся суд по рассмотрению дел заключённых, представленных на стройки народного хозяйства, на условно-досрочное освобождение и на поселение. Рассмотрению дел предшествовала административная комиссия, затем – наблюдательная, и только после этого дела попадали в суд. Через такое решето просто так пройти нельзя было. Суд вынес решение, но так быстро решения суда в зону не приходят. Вячеслав сообщил домой, что по суду принято решение освободить его из зоны и направить в колонию-поселение. То есть случилось то, чего он очень хотел и во что верил. Не зря сказано: «Веруй и остальное приложится тебе».

У него была возможность ещё раз перед отправкой на поселение сходить на длительное свидание. И тут произошёл случай, который мог перечеркнуть все его старания. Валентина приехала на свидание. И так как её уже знали контролёры, они особенно не придирались к продуктам. Расположившись в комнате, она доставала провизию. И тут на стол был поставлен трёхлитровый бутыль, в котором плавал один огурец и несколько листьев.

– Что это? – недоумённо спросил Вячеслав.

– Это Саша тебе закатал водку, – тихо произнесла Валентина. –

Тебе же надо с друзьями отходную провести, – добавила она.

– Но один огурец? Надо же было думать.

В коридоре загремел замок входной двери. В комнату свидания зашёл дежурный по колонии по кличке «майор Дубина» и двое контролёров. Когда Вячеслав только прибыл в колонию, он попал в 12-й отряд. Отрядным тогда в 12-ом отряде был этот майор. С течением времени, когда Вячеслава переводили в другой отряд, он не отпускал его. Ему нужен был грамотный человек в отряде. Майор хотел взвалить на него всю писанину. Но тогда всё утряслось, да и «майор Дубина» перешёл из отрядных в дежурные. Но при каждом удобном случае он старался ущемить Вячеслава.

Вот и сейчас, зайдя в комнату, он обратил внимание на полный трёхлитровый бутыль с одним огурцом.

– А это что? – задал Дубина вопрос.

– Огурцы, – отвечал уверенно Вячеслав.

– А почему один? – вновь спросил дежурный.

– Жена купила на Привозе, – не задумываясь, ответил он.

– Ну, тогда открывай, – дал команду Дубина.

– Вам надо, вы и открывайте, – уверенно возразил Вячеслав.

Майор засомневался, а потом произнёс:

– Тогда бутыль я изымаю, лишаю тебя свидания до завтрашнего дня.

Вячеслав понял, что спорить бесполезно и начал собираться. Жене сказал:

– Соберись и езжай к Лине, я найду способ с тобой связаться.

Жену вывели из комнаты свидания за зону, а его повели в жилую зону. Бутыль Дубина поставил на шкаф в приёмнике. Когда происходили все эти события, двери в их комнату были открыты, и зеки, находящиеся на длительном свидании, ходили по коридору и всё слушали. Вывод из комнаты свидания был под возмущение Вячеслава, и майор, чтобы быстрее его вывести, торопился. В спешке он забыл закрыть на замок дверь из коридора комнат свиданий и приёмника.

Закрыв дверь на замок на выходе, они отправились в зону. С ним шли майор и два контролёра – Иван Иванович и Георгий. Ра-

ботали в зоне они давно и знали, с кем и как себя вести. Вячеслав, идя, возмущался произошедшим, специально заговаривая майора. Так они дошли почти до дежурки, и вдруг майор Дубина резко остановился и, обращаясь к Вячеславу, произнёс:

– Беги быстрее на вахту. Скажи конвоирам, чтобы закрыли дверь в коридор комнаты свидания.

На вахте были вторые ключи. Вячеслав повернулся и не спеша пошёл в сторону вахты.

– Стой! – заорал Дубина. – Иди сюда. Пойдут контролёры.

Но в результате он пошёл с контролёрами в комнаты свидания сам. Когда они зашли в приёмник, майор обнаружил, что бутыль с огурцом, стоящий на шкафу, исчез.

– Сейчас будем делать обыск! – заорал Дубина.

Иван Иванович только хитро ухмылялся. А происходило вот что. Когда Дубина с контролёрами повели Вячеслава, зеки заметили, что дверь на ключ не закрыта. Они мгновенно утащили бутыль. Вначале хотели вылить в туалет. Но когда открыли и обнаружили, что в бутылке – водка, стало жалко.

– Давайте спрячем, – предложил один из зеков.

– Так ведь придут и всё перероют, – возразил другой.

– А давайте спрячем у матери «петуха».

На свидании находился один из «опущенных», и к нему приехала мать-инвалид. Зеки зашли в комнату «петуха» и в приказном порядке ему:

– Клади бутылку матери в постель между ног и закрой простыней.

Так и сделали. В этот момент в комнаты свидания зашёл «Дубина» и контролёры. «Дубина» громко произнёс:

– Если не отдадите добровольно бутылку, его найдут. У кого найдут, пойдёт в Бур.

Реакции не последовало, и «Дубина» приказал контролёрам начать обыск. Надо сказать, что обыск делали спустя рукава. Да и бутылку с огурцом – это не иголка. Когда подошли к комнате, где находился «петух» со своей матерью, Иван Иванович тихо сказал «Дубине»:

– Они сюда не сунутся. Не захотят контактировать.

Майор зашёл в комнату. Осмотрел всё, не трогая руками, заглянул под кровать и вышел. Когда они шли назад, Иван Иванович говорил майору:

– Они, если взяли, то давно уже вылили в туалет.

– А куда они дели пустой бутыль? – сообразил майор.

– Разбили и выбросили в мусорник, – резюмировал Иван Иванович.

Вячеслав пошёл к своему приятелю в литейку Виктору «Колесо» и рассказал о том, что произошло.

– Надо предупредить Валентину, что бутылки уже нет, и стоять на своей версии. Она поехала к тебе домой, – добавил он.

– Надо ждать отбой, потом пойдём в заводоуправление и оттуда попробуем позвонить, – сказал «Колесо».

В заводоуправлении шнырём работал зек лет пятидесяти пяти. Вячеслав и Виктор часто грели его, подгоняя ему то что-нибудь из продуктов, то чаёк. Виктор иногда ходил ночью в заводоуправление, и шнырь давал ему возможность позвонить из кабинета директора. Именно в кабинете был телефон, из которого можно было позвонить в город. У шныря был дубликат ключа. Они, не включая свет, прошли по коридору заводоуправления и поднялись на второй этаж. Тихонько открыли кабинет. Через окно кабинета лился свет от фонарей вахты. Набрали номер телефона. Трубку взяла Лина. Валентина уже была у неё и всё рассказала. Вячеслав, обращаясь к Валентине, говорил:

– Как бы тебя ни мучили расспросами, говори одно: банку купила на Привозе. Её уже нет. Ни на какие кумовские мульки не ведись. Больше молчи.

А в этот момент в комнате свидания события развивались по следующему сценарию. Зеки, достав бутыль, собрались на кухне. Открыв бутыль и обнаружив сногшибательный напиток, приступили к его употреблению. Через некоторое время к ним присоединились их жёны. Надо отдать должное зекам. Они за спасение драгоценного сосуда выделили порцию напитка и «петуху», и его матери.

Постепенно водка сделала своё дело. И ударила в мозг со всей своей сокрушительной силой. Тем более, большинство из тех, кто

пил в настоящий момент, до этого давно не употребляли спиртного. Через некоторое время из комнаты свиданий послышались песни сначала одиноких певцов, а затем и хоровое пение. С вахты позвонили дежурному о том, что в комнатах свидания – галдёж, ор и гуляние.

Дежурный взял контролёров и устремился на вахту. Когда он открыл дверь в комнаты свидания, ему представилась картина, достойная кисти знаменитого мастера. Прямо в коридоре, в обнимку со своими жёнами, стояли пьяные зеки и горланили блатные песни. «Дубина» онемел. Он не знал, что делать. Контролёры начали разгонять зеков по своим комнатам. Поняв, что случилось, «Дубина» произнёс:

– Найдите хоть бутылку пустой.

Через некоторое время в мусорнике нашли остатки стекла, как и предполагал Иван Иванович. Притом, бутылка была разбита на такие мелкие части, что не оставалось ни одного крупного фрагмента. «Дубине» надо было остановиться, тем более зеки мирно разошлись по своим комнатам. Но «Дубина» оказался стоеросовым, и потребовал немедленно лишить всех свидания, на что получил отказ. Зеки начали возмущаться. Возмутились и их жёны:

– На каком основании?

– Вы пьяны! – кричал «Дубина».

– А ты нам наливал? – нагтели на глазах зеки.

Выводить первыми надо было жён, а потом уже зеков в жилую зону. Начались крики, возражения. Вообще, эта бодяга протянулась до утра. «Дубина» подставил сам себя. Утром о происшествии узнал «хозяин» и его замы. Было сообщено в Управление. Оттуда последовало указание: расследовать, найти виновных, наказать. Вячеслава вызвал «хозяин».

– Ну, скажи, что там было? – миролюбиво начал он.

– А я откуда знаю? Жена сказала, что купила на Привозе. Мы ведь её не открывали.

– Ну, жена-то тебе сказала? – нажимал «хозяин».

– Да, мы ни о чём не успели поговорить. Пришёл дежурный и забрал бутылку с огурцами. Я ему говорил: «Давайте откроем». Но он не захотел.

Помучив ещё немного его вопросами, «хозяин» понял, что ничего не добьётся, и оставил его в покое.

– Гражданин начальник, а вы у жены спросите. Может, она что-то знает.

Валентина была уже на вахте и требовала ответить, почему её лишили свидания с мужем. Пришли опера. Они завели Валентину в приёмную комнату и начали перекрёстный допрос. Но она держалась стойко и на все ухищрения, запугивания отвечала одно:

– Купила в Одессе на Привозе. Открывать? Не открывала. Поэтому о содержимом ничего не знаю.

Продержав её в допросной около двух часов, опера вывели её на улицу со словами:

– Свидания он будет лишён, поэтому можете ехать домой.

Но она знала, что без сообщения Вячеслава уезжать не надо. Вячеслав находился в рабочей зоне и, подойдя к «хозяину», спросил:

– Гражданин начальник, так мне можно идти на свидание или нет?

– А куда ты пойдёшь? Она уже уехала.

– Нет, она придёт завтра утром и не уедет, пока не увидится со мной.

Понимая, что оснований лишать его свидания у администрации не было, «хозяин» дал добро на завтра идти на свидание. В беготне и работе прошёл день. Вячеслава вызывал к себе и замполит, тоже с вопросом:

– Ну, мне-то ты можешь сказать, что было в бутылки?

Вячеслав твердил одно и то же: бутылку куплен на Привозе в Одессе. Открывать его не открывали, и что там было, он не знает. На следующее утро он ушёл на свидание. За время, пока его не было, в зоне произошли события. Зеков, которые были на свидании, вызывали к операм и брали от них объяснения. Кто-то из них рассказал обо всём. Поэтому о том, что в бутылки была водка, знали все. Однако предъявить Вячеславу ничего не смогли. Кумовья злились и думали, как сделать ему пакость. Они надели на заместителя начальника по режиму, чтобы не отпускать его на поселение.

Несмотря на то, что было уже решение суда, его не отправляли на этап. За это время ему удалось узнать, кто из зеков раскололся и

сдал всех. Им оказался «блатной». Таким способом узнали, что он состоял на связи у кума «стукачом». Его пришлось увозить из зоны, дабы его не замочили сами же «блатные». «Дубина» получил строгий выговор, и впоследствии его убрали из зоны. Как-то в разговоре «хозяин» проговорился:

– Что тебя здесь не устраивает? Работа есть. Жена приезжает. А что ты будешь делать в Сибири?

Так он узнал, что его на поселение должны отправить в Сибирь. Промурьжив его ещё около месяца, «хозяин» дал добро на его отправку на этап. В один из дней Вячеслав собрался в дорогу. Его предупредили, что утром будет этап.

11 сентября, перед вечерней проверкой, заварил ведро чая (чифира) для отряда, и к проверке вынес на улицу. Мужики спрашивают: «В чём дело?» Завхоз им толкует: «Нарядчик завтра идёт на поселение. Вот и выставил вам магарыч». Такое в колонии случается редко, и смотрели на ведро удивлённо и в то же время нетерпеливо: когда же можно будет приступить? Вначале один как-то несмело взял кружку, зачерпнул из ведра. За ним – второй, и пошло. Торопились зачерпнуть, чтобы успеть. В тот момент с чаем в колонии было туго, да и не каждый мог себе позволить такую роскошь. Напились до тошноты, а потом целую ночь разговоры велись. Обычный зековский трёп на очередное событие.

Вечером он в кругу приятелей обо всём переговорил под чифир. Утром часам к девяти на вахту вышли ещё несколько человек, идущих этапом на поселение. Приехал конвой. Когда Вячеслав шёл к вахте, провожать его вышло чуть не пол-зоны. Он и удивился, и в то же время у него сжалось почему-то сердце. Годы, проведённые в колонии, не прошли бесследно. Со многими он сошёлся по духу. С некоторыми сдружился. И какая-то непонятная печаль охватила его. Глядя на зеков, которые вышли его провожать, Вячеслав подумал: жил и работал в лагере по уму. Народ лагерный груб и непредсказуем, но по-зековски уважали его. Перед уходом он подтянул все дела. Нигде не оставил ни долгов, ни хвостов.

Так получилось, что утром их отправлял ни кто иной, как сам Морозюк по кличке «Дубина». С ним был прапорщик Христофор –

самые ярые охотники за Вячеславом. Судьба перед уходом решила ещё раз испытать его. Однако обстоятельства сложились так, что им не пришлось заглянуть во все закоулки вещевого мешка и потрепать ему нервы. Приехал конвой, и всех начали подгонять.

Проверили по документам. Обыскали тщательно. Конвойные знали, что зеки из одесской зоны всегда идут с деньгами. Обыск был безрезультатным. Настроение было труднообъяснимое. Он и радовался, что покидает зону, и в то же время было чего-то жаль. Много труда и души было вложено во всё, что делал. Привыкаешь и к плохому. Поэтому с ним так же тяжело расставаться, как и с хорошим.

Конвой доставил их прямым ходом на вокзал. Погрузили в вагон. Подвезли этапников из тюрьмы, поезд пошёл на Харьков. Только тронулись, начались дорожные происшествия. Какой-то очень шустрый казах-конвоир начал предлагать бутылочку одеколona за десять рублей. Очередная провокация. Володька имел неосторожность вступить в переговоры с казахом, предлагая за самодельную ручку получить бутылку вина. Буквально через полчаса прапорщик устроил каждому тщательный обыск. Искал деньги и ширпотреб. Но зеки дольше прячут, чем солдаты ищут. Поэтому, кроме шиша, они ничего не нашли. Володька у конвоя на глазах поломал три хорошие самодельные ручки, чтобы им не досталось. Конвоиры сожалели, но сделать ничего не могли.

Ночью прибыли в Харьков. Всех перегрузили на «воронки». И – в тюрьму на Холодную гору. По приезду обычная процедура: перекличка, обыски, баня. Обыск проводил старший сержант в три обхвата. Его морда так и светилась призывом: дай. Только поковырял вещи, увидел консервы и сразу последовало: дай. А что делать? Дал. Иначе перерыл бы всё до ниточки, а банки всё равно бы взял. Рядом с ним – два зека с такими же мордами. Через их «дай» проходят все. После обыска – баня, потом – по этапным камерам. Тюрьма в Харькове огромная. Кучи корпусов. В этапной камере в Харькове Вячеслав просидел две недели. За это время подвезли зеков, идущих на поселение из Днепра, из Запорожья. Формировали большой этап на Сибирь. В камере собралось тридцать семь этапников со всех областей Украины. Все рассказывают за свою зоновскую жизнь, какие в зоне порядки. Послушав расска-

зы зеков, Вячеслав про себя отметил: оказывается, ему ещё и повезло, что срок он отбывал в 14-ой зоне в Одессе. На других зонах за малейшую провинность бьют, как в барабан. Хозяина и его зама невозможно увидеть по два месяца.

Собрали всех в этапной камере. Были зеки, сидящие по первому разу. Но как раз они-то и начали хамить. Вначале они у такого же забрали куртку и начали его бить. Старики вначале только наблюдали за ними. Охамев совсем, они начали придирааться и к ним. Тут уж пришлось втолковать им: ху есть ху. Опустили уши, сникли и затихли надолго. Такую породу останавливать можно и нужно только силой. А не останавливать нельзя – наглеют.

Наконец, этап полностью подготовили и всех увезли на вокзал. Конвой провожающий, конвой встречающий, собаки, резкие окрики, тычки и, наконец, все – по камерам в вагоне-заке. Вместо семи человек натолкали четырнадцать. Конвой попался гадкий. Не дают воды, в туалет не водят. Путь в Сибирь начат. Конвой развлекается. Открыли окна. В вагоне – холодно. На улице – слякотно. Кто-то из зеков завозмущался. Вытащили его из купе, надели наручники. Затащили в пустой бокс и давай его прессовать. Откуда у пацанов 18–20 лет столько злобы? Кто их в армии успеваешь переформатировать? Вагон начал возмущаться. Они прекратили тусовать зека. Все сидят по камерам притихшие. Каждый думает, что там, впереди, ждёт. Мысль, или нерешённая задача, доставляет мужчине столько же страданий, сколько ребёнок – роженице. Со временем освоились, слышались разговоры. Зеки с Украины перезнакомились. Им идти до конца и, судя по всему, в тайге жить и работать вместе.

Глядя на оборзевший конвой, Вячеслав думал: такое встречается довольно часто. Создаётся впечатление, что такому отношению обучают специально. Что паскудно, так это то, что они передают по цепочке рапортом, и следующий конвой выдёргивает уже измученную жертву и продолжает в том же духе. В такой обстановке забываешь: какая же на самом деле власть. Да и есть ли она вообще? Но всё меняется. Конвой – тоже.

Отвлекаясь от происходящего, Вячеслав глядел в окно. Просторы необъятные. Места за окном мелькают разные. То идёт какой-

то серый цвет, то тянется полоса удивительной красоты. Мелькают названия станций, которых раньше и не слышал. Это навеивает лирическое настроение, если оно вообще может появиться в таких условиях. Возникают стихи. Короткие четверостишия:

Капли на проводах – нотные знаки.
Звон проводов – песни дорог.
Сердце алее, чем горные маки,
Ему ль не понять всех наших тревог.

Возникают картины, выхваченные из жизни и памяти:

Стук колёс – звон мелодичный.
Тишь полустанков – российская грусть.
Шёпот берёз и голос столичный.
Всё это вместе – Великая Русь.

Подумалось, что дело идёт к зиме и за Уральским хребтом уже холодно:

Щемящий холод дует на ладошки.
Забрался в душу, холодит лицо.
Здесь нет раздолья комарам и мошкам.
Не надо выходить нам даже на крыльцо.

Все друг к другу присматриваются, разговоры ведут осторожно. В конце вагона две камеры заняты женщинами-зечками. Началась оправка. По одному выводят в туалет, появилась возможность, хоть и бегло, но посмотреть на тех, с кем едешь в вагоне. Когда начали выводить на opravку женщин, мужики оживились. Посыпались замечания, предложения познакомиться. Но идёт пока всё без хамства.

Конвой оказался не из борзых. Солдаты вели себя спокойно, не беспредельничают, разговаривают с зеками. Начальник конвоя – тоже на высоте. И зеки не наглеют. Вячеслав переговорил с дежурным конвоиром. Договорились, что на остановке он пойдёт на станцию добудет вина. Дал согласие. Ему передали деньги. Солдат

видел, что купе-камера спокойное и не боялся с ними общаться. На станции, переговорив со старшим, он куда-то метнулся с чайником.

Вернувшись через некоторое время, дал команду, что всё в порядке. Когда наступило его время на вахту, он открыл кормушку и просунул чайник. Содержимое разлили по кружкам и банкам. Под винишко беседа лилась оживлённее, но все говорили вполголоса, понимая, что надо хранить осторожность. Настроение у всех поднялось. Через солдата передали женщинам в соседнее купе немного вина, предварительно договорившись о соблюдении осторожности. Народ попался сообразительный, и всё прошло нормально.

До Свердловска от Харькова в поезде – чуть больше двух суток. Всё уже было говорено-переговорено. Некоторые зеки с женщинами обменялись адресами, через которые можно было найти друг друга. Прибыли в Свердловск. Этап большой. Вагон был оцеплен конвоем на отдельной площадке. Всех вывели из вагон-зака, усадили рядами на корточки. По периметру ходят конвоиры с собаками. Собаки то и дело рвутся ухватить сидящего зека. Наконец, прибыли автозаки. Всех прибывших начали распахивать по машинам.

До тюрьмы от вокзала – недалеко. Разгрузка, переключка, обыск. Надо сказать, что обыск был поверхностный. Затем завели в этапную камеру. Это была даже не камера, а спортзал какой-то. В центре, в четыре ряда, вплотную друг другу – металлические шурши. Справа от входа – так называемый туалет на четыре толчка, в камере уже было человек сорок. Добавился их этап. Несколько шурш возле разбитых окон были свободны на первом ярусе. На втором было больше свободных шурш.

– Занимаем низ, – скомандовал Вячеслав своей группе, что образовалась ещё в харьковской тюрьме.

– Так холодно же будет, – произнёс Пётр из Марганца.

– Сейчас набьются, и все полезут к окнам, – возразил Вячеслав.

Расположились. Буквально через час дверь в камеру открылась, и завели ещё человек пятьдесят с этапа. Этап пришёл с Северного Кавказа. В нём были все, кто проживает на Кавказе: армяне, грузины, азербайджанцы, осетины, абхазы и прочие. Мест уже не хватало. Ма-

трасы стали бросать просто на пол. Благо, пол был деревянный. Многие залезли под шурши. В камере началось движение. Кто-то что-то уже менял. Некоторые достали карты, и пошла игра. Этап с Кавказа шёл на поселение в Усть-Илимск в Иркутскую область.

Узнал, во сколько ужин.

– Так. Как только загремят посудой в коридоре, пять человек подходят к кормушке, – сказал он своему этапу. – Кормушка открывается, первые берут и передают нашим дальше, – добавил он.

– Да зачем это? Хватит всем, – возразил кто-то из их этапа.

Но он знал, что говорил. Однажды в 1968 году он уже шёл этапом через тюрьму Свердловска и знал, что тот, кто торговал мордой и зевал, оставался без баланды. А с собой было не всегда. Так и случилось. Услышав шум мисок в коридоре, его этапники заняли место возле кормушки, и когда кормушка открылась, быстро начали передавать назад миски с кашей. Петро следил, чтобы их этап получил кашу весь.

Прошло ещё минут пятнадцать, и кормушка захлопнулась. Те, кто не получил порцию, начали барабанить в двери. Дверь открылась, на пороге показался старшина.

– В чём дело? – задал вопрос.

Зеки орали, что им не хватило еды. Возле кормушки толкались человек пятнадцать, в основном с Кавказа.

– Выдано сто тридцать порций, на всех, кто в камере, – произнёс старшина.

– Покормим коридор весь, если останется, донесём вам.

Так они узнали, что в этапной камере набито зеков сто тридцать человек.

Транзитные камеры интересны тем, что сюда стекается народ со всего Союза. Идут все в разные направления. Узнаёшь все тюремные новости Союза по лагерям: какие где порядки, что творится в лагерях. Этап с Кавказа – почти все судимые по первому разу. По их разговорам, порядки тюремные в России им понравились. Вячеслав, конечно, удивился такому мнению, но, услышав их рассказы, понял, что они правы. В Армении в тюрьмах и в вагонах бьют не за слова, не за нарушения, а за просто так. Вещевые мешки перетря-

хивают и забирают понравившиеся вещи: майки, плавки, свитера, бельё. Такое поведение у них в порядке вещей. Не вздумай возразить или сказать слово против. Изобьют. Хорошо, если только получишь побои, а то ещё и внутренности отобьют. Вот тебе и единство малых народов. Где же их национальная гордость, если они друг друга жрут, как волки? Это ещё говорит и о состоянии власти в республике. Вячеслав вспомнил Украину. Тоже строго. Но такого беспредела нет.

Среди армян шёл этапом совсем молодой пацан лет девятнадцати. Земляки, как могли, оберегали его. Вячеслав разговорился с ним. Расспросил о жизни в Армении. Несмотря на молодость, историю своего народа он знал неплохо. Вячеслав целыми днями играл с ним в нарды. Вообще, в пути встречаешь много интересных людей.

Этапом с Украины шёл Витя Моисеенко. Мужуку – сорок четыре года. Играет в шашки просто виртуозно. Сидит уже восемь лет. Все годы двигал шашки. Изучил все ходы, и в игре отвечает автоматически на любой ход. Обыгрывал всех, кто садился с ним играть. Интересный человек, но хитёр и осторожен до звериного. Настоящий хохол. Раскрывался медленно, с опаской, но рассказал много интересного. В обкоме партии руководил распределением сельхозтехники за границу. Рассказывал, что на экспорт техника шла отличного качества и прекрасно оформленная. Трактора – с такими кабинами, как у легковых машин. Имелись холодильники, кондиционеры. Всё – высшего качества. Машины, уже готовые к отправке, внезапно оставались в стране из-за прекращения отношений с той или иной страной или с фирмой. Эти машины должны были идти по другим адресам. Но их группа, во главе с руководителем Союзсельхозтехники, на экспорт оформляла документы и сбывала машины в колхозы и совхозы, беря с председателей взятки.

Всё делалось с ведома первого секретаря обкома партии. Моисеенко рассказывал: однажды начали глубоко «копать». Следователя вызвали в обком и заткнули рот. Второй раз занялась областная прокуратура. Первый секретарь обкома Борисенко закрыл рот и ему. Сейчас Борисенко – член Политбюро ЦК КП Украины. Вячеслав заинтересовался: а как же с ними рассчитывались? Оказалось, просто.

В гости к первому лицу приезжают из Совмина, из ЦК. Он вызывал кого-нибудь из группы и давал задание: на такое-то число организовать банкет. На банкет шли все деликатесы. Это стоило не одну копейку. В их карманах оседало тоже немало. По крайней мере, срок четырнадцать лет говорит о крупных делах этой группы. Сам по себе Моисеенко – работяга. Зеки рассказывали. Пятилетку он выполнил досрочно. Работал на станке токарем. Но в своё время он, конечно, пожил в удовольствие. Неоднократно бывал за границей. По его рассказам, он ездил смотреть страны, а не шляться по магазинам.

Рассказать ему есть что. Речь у него поставлена хорошо. Неплохо знает историю. Вячеслав беседовал с ним на эту тему. Многое почерпнул для себя интересного. Виктор прекрасно разбирался в искусстве. Знал наперечёт названия многих опер и их создателей. Видно было по всему – искусством он интересовался глубоко, а не поверхностно. Получив в лице Вячеслава внимательного слушателя, Моисеенко отводил душу в разговорах. По определению он – большой оптимист. Столько лет отсидел, но сохранил чувство здорового юмора. Он с большим уважением говорил о своей жене. За все годы его заключения она ни разу не дала повод беспокоиться. Помогала ему, по его словам, даже без меры. Приятно было слышать, когда в этих условиях хорошо отзываются о жёнах. Чаще бывает наоборот. Большинство рассказывает о том, что не успел сесть, а жена – уже с другим.

Переклички утром не было. Очевидно, это никому не нужно было. Вечером назначили среди своего этапа дежурных. Утром они встали, убрали свой угол и пошли к кормушке. Остальные видели, что этап с юга – дружный, и старались его обходить. Днём открылась кормушка, и выводной прокричал:

– Кто на прогулку, подготовиться!

Вячеслав оделся и пошёл к выходу. Дверь открылась.

– Что, один? – спросил выводной.

Вячеслав пожал плечами.

– Ну что ж, пошли, – резюмировал выводной.

Пройдя длинными коридорами, они вышли к прогулочным дворикам. Выводной открыл ключом одну из дверей. Запустил его во дворик.

– Гуляй. Нагуляешься, стучи, – произнёс он как-то миролюбиво.

Это был не дворик, а огромный двор. Очевидно, он был рассчитан на большое количество людей. В этапной камере их и было много. «Ну, раз так, будем использовать», – подумал Вячеслав и быстро зашагал сначала по периметру дворика, затем – по диагонали, затем – туда-сюда. На улице стоял мороз, но терпимый. Прогулял он больше двух часов.

– Ну, что, нагулялся? – спросил выводной.

– Да, благодарю! – искренне ответил ему Вячеслав.

– Завтра я выведу вашу камеру первой. Так что к девяти будь готов.

Все трое суток на прогулку из этапной камеры никто, кроме него, не выходил. «Ну, это дело каждого», – думал он.

На третьи сутки, во второй половине дня, сообщили, чтобы их этап готовился в дорогу. Из этапной камеры вызывают пофамильно. Каждый называет имя, отчество, год рождения, статью, срок и куда направляется.

Завели в предэтапные камеры. Теснота, грязь. В углу – одна параша и пара лавок, закреплённых в стену. У них такой порядок. Выдёргивают из камеры, сдаёшь матрац, и заталкивают в боксы. В боксах держат почти двое суток. Но помещение... Если бы с воли кого завести и оставить на пару часов, он бы полез на стены. Грязь – это не то слово. Скотство. Вместо семнадцати человек набили тридцать. Ни ходить, ни сидеть, ни лежать невозможно. Мириады клопов. Вальяются сверху, как парашютисты. Такого множества этих тварей Вячеслав не видел ни в одной тюрьме. Все занимаются стряхиванием клопов. Это была своеобразная психологическая обработка перед дальним этапом. Зеки, измученные в предэтапных боксах, на этапе меньше возмущаются новыми неприятностями.

В боксах накурено, все задыхаются, в первую очередь – сами курильщики. Кашель разрывает грудь, хватаются за горло, будто это поможет. Открыли кормушку, но это – как мёртвому припарка. Но тюремная жизнь со своими зигзагами продолжалась. В тюремном коридоре ходили зечки. Этапом из Харькова шёл туркмен по имени Женька. Сидел он уже девять лет по 117 статье. За изнасилование. Женька начал крутить любовь с зечкой через кормушку. Она – наглая,

как паровоз, начала доить Женьку. Понимая, что парень соскучился по женщине, она начала его крутить. Он отдал одну пачку сигарет, затем – вторую. Женьку останавливают, а он просит, чтобы отошли от кормушки и ему не мешали. Он почти уговорил её, чтобы она дала подержаться за грудь. Слева от двери, буквально в метре, располагался толчок. В этот момент в камере было тихо. На толчок усаживался Витя Моисеенко. Размеров он был внушительных, с огромным животом. В тот момент, когда Женька просунул руку в кормушку и хотел ухватить зечку за грудь, Витя что есть силы произвёл задним местом такой звук, что зашатались даже нары.

Зечку как ветром сдуло. А вся камера грохнула таким смехом, что со стен посыпалась штукатурка. Все ржут до слёз. На толчке невозмутимо, даже не улыбаясь, сидит Витя. Рядом в метре, присев и схватившись двумя руками за голову, качается Женька, от досады воеет и икает. Как же сорвалось такое дело! И на самом интересном.

Часов в шесть утра перевели в другой бокс, но размером больше. Там уже было человек пятьдесят. Набили больше ста человек. Церковники рассказывают про ад. Не видали они настоящий ад! Он был здесь, в камере. Стояли плотной стеной. На нарах сидели, прижавшись друг к другу. Спичка, которой пытались прикурить, тухла. Не хватало кислорода. Все обливались потом. Начали стягивать с себя шмотки, не обращая внимания на клопов и прочих насекомых. Разноязыкий говор стоял общим гулом. В камере собрали русских, украинцев, армян, грузин, азербайджанцев, башкир, мордву, казахов, татар и ещё какие-то национальности. Вавилонское столпотворение. И в таких условиях начался торг и переодевание. Те, кто шёл на конвойные зоны, отдавали вольные «кишки» (одежду) за спецовки, фуфайки, сапоги. А те, кто шёл на поселение, по размеру приобретали эти «кишки».

Вячеслав, в силу своего характера, ко всему относился внимательно, наблюдал за происходящим в камере. Тут же едят, и тут же в метре – толчок, на котором кто-то сидит. Ввиду большой скученности, толчок никогда не пустовал. На это никто не обращает внимания. Вроде так и положено, вроде так было всегда. Петро Сергиенко, с которым шли с Украины этапом, пробился к Вячеславу, сидевшему у открытой кормушки. Он,

как рыба, ловил незначительные потоки воздуха, что шли с тюремного коридора.

– Нет для тебя ничего. Хотел хоть рубашку поновее тебе найти. Все размеры – маленькие.

– Да ты махни рукой, – успокоил его Вячеслав. – Лучше я буду сохранять свои размеры, чем терять их и потом влазить в одежду малых размеров.

Часам к восьми вечера, когда уже все потеряли надежду выбраться из этого ада, начали выдёргивать на этап по несколько человек. Этап с Украины вывели в одиннадцать часов вечера. Выдали каждому по три буханки хлеба, по три кулька сахара, по 20 грамм, и по три селёдки. Получили паёк на трое суток.

Приехал конвой. Начали выводить по пять человек и – на шмон. После обыска – в другую предэтапную камеру. Солдаты, в основном, искали деньги. Но зеки научились уже так прятать, что порой и сами не находили потом. В «воронки» набивали сапогами, прикладами автоматов. Обращение – вежливее не придумаешь. Вместо пятнадцати человек набили тридцать семь. Экономия. Привезли к вагон-заку, и опять: в тесноте, да не в обиде. Какая уж тут обида? В лагерях обиженными никто не хочет быть. До утра вагон стоял на станции. В семь часов отправились в путь.

Поутру Вячеслав присмотрелся, как ведёт себя конвой. Солдаты вели себя сдержанно. Подумалось: наверное, начальник конвоя – думающий, нормальный человек. Так оно и оказалось. С солдатами вёл себя сдержанно, по-дружески, и конвой выполнял приказы быстро и толково.

Обычно в пути у зеков возникает масса вопросов. Начальники конвоя не утруждают себя ответами. Короткое послание на три магические буквы, и всё становится ясно. Им повезло. Начальник конвоя спокойно ответил каждому, и вагон успокоился. Была необычна в поведении конвоя сдержанность, не нагнетание обстановки. Такое случается редко. На оправку водили по два-три человека. Камеры за каждым открытием дверей не закрывали. В вагоне – спокойная атмосфера. Начальники конвоя такие, как сопровождал этап от Свердловска до Мариинска, попадают редко.

Вячеслав разговорился с ним о том, о сём. Почувствовав расположение, он достал цейлонский чай и проговорил:

– Завари, начальник, себе половину и нам.

Он, не ломаясь, согласился. В дороге всегда тяжело без кипятка, а если перепадает ещё и чаёк, то это – просто удача. Когда солдат принёс им чай, они знатно поужинали.

Разговорились с прапорщиком. Рассказал много интересного. В зонах часто возникают волнения, а то и зековские бунты. Для подавления бунта очень часто вызывают войска. И только огнём из автоматов, а иногда и бронетранспортёров удаётся утихомирить зоны. Жертв, как правило, много. Приказы на уничтожение не задерживаются. Особенно, если кто-нибудь пострадал из контролёрского состава или офицеров. Давят и правых, и виноватых.

Приговорённых к расстрелу раньше возили в Красноярск. Об этом Вячеслав знал ещё по первому сроку, так как ему приходилось идти через красноярскую тюрьму. А теперь возят в Свердловск. Расстрел производит не человек, автомат. В специально подготовленную камеру заводят приговорённого. Он идёт, и в определённый момент срабатывает реле и автоматически спускается гашетка оружия, из которого расстреливают.

Ведут себя приговорённые по-разному. Некоторые цепляются за двери, падают, кричат. Как правило, таким одевают наручники и тащат в расстрельную. Некоторые идут спокойно. Они на всё готовые и морально заранее настроенные на смерть. В голове это не укладывается. Как можно себя настроить на смерть? Наверное, за долгое время, пока ждешь утверждения приговора, настраивают себя на худшее. А вот некоторые, проходя от камеры смертников до расстрельной какие-то двести метров, теряют рассудок. Их отправляют жить, это уже всё равно – труп. Некоторые, проходя по коридору смерти, из чёрных становятся белыми.

Уйти из жизни случайно, в результате аварии или по болезни, и то очень тяжело, но уходить из жизни как ненужный и вредный элемент, через насильственную смерть – это кажется ужасным.

В соседнем купе ехали зеки из русских лагерей и пара армян. На остановках подсаживали новеньких. Сидящие в купе начинали требо-

вать, чтобы их подогрели. Толкали арестантские идеи. У этапа из Украины зрело недовольство на беспредел, который творили в соседнем купе. На одной из остановок к ним затолкнули человек пять новеньких. Они все были с перепуганными лицами. Это были новички в тюремной жизни. Сразу же за стенкой началась возня. У новичков начали забирать сумки. Поезд тронулся, конвой начал переводить новичков в освободившееся купе. Новички не могли выйти из купе. У них забрали сумки.

И тут не выдержали этапники. Жёстко начали говорить с соседями. Поняв, что дело приобретает нежелательный оборот, они отдали новичкам сумки. Через некоторое время они начали сыпать оскорблениями в адрес соседнего купе. Мужики разъярились и начали пробивать ногами стенку. Почувствовав, что дело принимает нежелательный оборот, они заткнулись. Этап с Украины шёл большой – двадцать мужиков и одиннадцать женщин. Женщинам-зечкам палец в рот не клади. Эти крохоборы забрали у молодого цыганёнка единственную буханку хлеба. Презренные крысы. Женщины завелись и начали их лаять. Это надо было услышать. Пусть мужик просидит всю жизнь, но так ругаться, как это делают бабы-зечки, он не сумеет. Женщины опозорили их и облили грязью слов настолько, что до отправки их вообще не было слышно. Все три купе договорились: когда они пойдут на opravку, обляять их позорными словами.

И вот началась opravка. Ввели первого, тут же на него посыпались плевки. Он скакнул к следующему купе, а оттуда с новой силой – ещё порция презрения. Он метнулся назад, но конвой его не пустил. На него набросились женщины. Так проделывали с каждым из их компании. Они взмолились. Зачем их позорят перед арестантами? Они знали, что об этом случае будет известно по всем тюрьмам и лагерям Союза. Стоит узнать одному человеку, и уже не скроешь. А тут весь вагон забит зеками из разных лагерей. Тот, который больше всех беспридельничал, не выходил. Клялся, что он не забирал сумки.

– Чего ты боишься, раз не забирал?

– Ну, я иду, – произнёс он таким голосом, как будто входил в холодную воду суровой зимой.

Стоило ему выйти из купе, с ним проделали то же самое. Бежать по коридору ему не дал конвой. Пришлось принять весь ушат

позора. А женщины умудрились его обоссать. Как это им удалось сделать, осталось загадкой. Он взвыл от возмущения и позора. Заработал он и у конвоя. Вячеслав запомнил его фамилию и кличку – «Челябинский». По сути, он был коллективно опущен.

Конвой сообщил в пути, что выгрузка будет в Мариинске. Езды до Мариинска – около двух суток. Перед Мариинском начали всех тусовать: кто когда будет выходить. В купе, где ехал этап с Украины, бросили этого «смелого» и языкатого и ещё одного из их компании. Они забились в угол, как побитые собаки. На вопросы отвечали, что это не они, а другие забирали, и не они лаялись. По приезду каялись. В тюрьме не вставали даже есть. Боялись попасть под молотки.

Прибыли ночью. «Воронки» уже стояли на площадке. Принимал этап не обычный конвой, а контролёрский состав Мариинской тюрьмы. В «воронке» конвоирующие стали предлагать чай. Запаслись чаем. Тюрьма Мариинская небольшая и, на удивление, не загаженная. Обычная процедура, и развели по камерам. Началось отделение части зеков. Очевидно, не все шли в одном направлении. Думали, что в Мариинске наступит концовка этапа и испытание тюрьмами. Забрали на поселение только женщин.

Утро, подъём, и – на этап. Загрузили в «воронки». Посадка была быстрая на какой-то проходящий поезд. Вагон-зак был наполовину загружен. По-быстрому растолкали по камерам вагона, не успев толком проверить. Приняли по счёту, а не пофамильно. Когда поезд уже тронулся, началась проверка по документам. Вячеслав заметил, что конвойные отряды в Сибири – не такие свирепые, как на Украине. Меньше придинок, с конвоем можно договориться, перехватить у них чайку, а то и ещё чего покрепче. Полтора суток в пути и – Кемерово. Загнали в какой-то подвал. Сообщили, что сидеть в нём до вечера. А вечером – опять этап, на Новокузнецк. Есть не давали. Удалось выбить кашу. На завтрак и обед шпоронули. Всем в подвале командовал старшина. Он был на приличном подпитии. На требование позвать дежурного офицера старшина отвечал:

– Я – ваш начальник, и всё решаю, а остальное – хер вам. Вы – преступный мир. Вас надо уничтожать.

Всё это было заявлено торжественным голосом в день празднования Советской Конституции 7 октября. Они должны были почувствовать, какие права и обязанности, как гражданам страны Советов, дала им Новая Конституция. Ну, что ж, все это поняли. Вячеслав на всё смотрел без возмущения. Всё как-то проходило в обычном режиме, без натуги. И ещё одно испытание этапом.

Конвой попался – звери и гады. Командовал молодой лейтенант. Он не произносил ни одного слова без мата. Пить не давали, в туалет не водили. Тогда зеки договорились и начали раскачивать вагон. Конвой перепугался, пошёл на попятную. Начали выводить в туалет, но простить своей слабости зекам не могли. Кто послабее, начали бить. Один недоросток бросился к Вячеславу. Чувствуя опасность, Вячеслав повернулся к узкоглазому конвойному. К нему на помощь прибежал ефрейтор, тоже узкоглазый. Вячеслав стал в боксёрскую стойку, напрягся и приготовился давать отпор. Увидев решительное и злое лицо Вячеслава, конвойные отступили. Он понимал, что ещё мгновение – и могла произойти большая неприятность. Утром прибыли в Новокузнецк.

Со станции повезли в лагерь особого режима Абагур. Это посёлок под Новокузнецком. И вновь – шмон. Двум нерусским прапор толкует: – Это поселенцы. Пусть идут в камеру.

Но те не обращали внимания. Один из них перевернул мешок Вячеслава и всё вытряхнул на пол. С пола хватал со словами: «Это не положено». Это означало, что данный предмет конфискуется в пользу этих ублюдков. Вячеслав спокойно говорит солдату:

– Ну, раз тебе надо, а взять негде, то возьми себе.

Он взвыл от бешенства, схватил тюбик зубной пасты и бросил на пол. Затем со всей силы ударил тюбик сапогом. Тюбик лопнул, паста полетела во все стороны. Забрызгала другого зверя, прапорщика-кладовщика, самого идиота. Все начали на него орать. Зеки по-быстрому затолкали вещи в сумки и – в камеру. Остальных никого не обыскивали. Вечером зеки из хозобслужки рассказали, что сами солдаты побили этого идиота.

Разбросали по хатам. Переключка. Ужин дали, а то всё на сухом пайке: хлеб да селёдка. И глотаешь воду литрами. Ночь – на

нарах. Ночью играли в очко, домино. Дошло дело до оскорблений. Поднялся шум. Началась драка. Все проснулись. Забрали домино, которое принадлежало Петру.

В игре под интерес никогда нельзя оскорблять. Особенно драться. Если в пылу азарта кто-то не выдерживал и оскорблял другого, игру доводят до конца. Делается подсчёт. Потом двое выходят в укромное место. Оскорблённый получает с обидчика. Всё зависит от степени оскорбления, а то доходит и до ножей. Игравшие походили, походили, а доиграть надо. Упросили Петра дать домино. Он проследил за концовкой, а затем сел поиграть сам. Играл спокойно, не повысил даже голос. Когда игрок сдался, подсчитали выигрыш. Охладили по полной блатного игрока.

Утром – ранний подъём, оправка, завтрак. Часов в десять вывели из камер с вещами, подвели к воротам. Открыли ворота, и всех вывели на площадку перед воротами. Никакого конвоя нет. С ними был один офицер.

Все крутят головами, оглядываются. Офицер сообщил, что должен подъехать «воронку» и отправятся по назначению. Это уже была свобода. Пусть под присмотром, но свобода. У всех поднялось настроение. Понятно, что нет на свете большей радости, нежели радость вновь обрётённой свободы. Через время к вахте подъехал «воронка». Из него вышел офицер и направился к тому, который стоял с этапом. Они о чём-то переговорили.

Зеков окликнули и дали команду построиться. Началась передача дел и людей. Прибывший офицер брал дело, зачитывал. Переселенец говорил свои данные и проходил в машину. Наконец, передача закончилась. Отправились в путь. Вячеслав почувствовал что-то необычное. Сразу не мог понять, что это. Вдруг дошло. В «воронке» не было конвоя. Боксики открыты. Въехали в Новокузнецк. Город удивил. Просторные улицы, красивые дома, новый цирк.

Подъехали к речному вокзалу. Майор предложил всем выйти, затем указал на трап, идущий к катеру:

– Идите на катер. Рассаживайтесь.

Но все стояли, не решаясь двинуться. Возле трапа стояли вольные люди. Это обстоятельство всех и смутило.

– Ну, что же вы стоите? – удивился майор.

Не спеша, с оглядкой, поселенцы двинулись на катер. В катере разместились все по одну сторону. Следом зашли пассажиры: женщины, мужчины, молодёжь. Все разместились по другую сторону катера и с интересом смотрели на поселенцев. Поселенцы бросали взгляды на вольных осторожно и удивлённо. В рубке включили музыку. Катер отошёл от причала. По реке шли часа два. Высадились на берегу. Встретил поселенцев начальник колонии. Он произнёс вступительную речь:

– Никуда из посёлка не ходить. Водку не пить. Родственников не вызывать. Работать и жить в посёлке.

Перспектива более чем понятная. «Ха, – подумал Вячеслав. – Жить можно в любых условиях, если человек этого очень хочет».

После разъяснительной речи офицер дал команду какому-то поселенцу, и тот повёл этап к виднеющимся недалеко от посёлка солдатским палаткам.

– Жить будете в палатках. Сейчас кинете вещи, потом возьмёте в каптёрке матрасы и устраивайтесь. Ужин – вечером в столовой, – он указал на одноэтажное здание за административным корпусом.

– Но ужин – только после того, когда бригады вернуться из тайги. Завтра уже на развод и – по бригадам, – добавил сопровождающий.

Получили матрасы, распределились по кроватям. В палатке стояли кровати на двадцать человек. В центре палатки была сооружена печка. Принесли дров, благо, их полно. Растопили, и уже через час в палатке было тепло. Утром на разводе по фамилиям распределили по бригадам. Фамилию Вячеслава не назвали. И когда бригады ушли в лес, он отправился в контору. Нашёл начальника колонии.

– Гражданин начальник, меня бы в бригаду с моими земляками направить, – обратился он к капитану.

– Нет. Ты не сюда командирован. Ты поедешь в Никольское. В десять часов. Пройдёт радиосвязь, и потом я скажу, что тебе делать, – ответил капитан.

Через некоторое время за ним в палатку прибежал посыльный:

– Иди, тебя в штаб зовут.

Зайдя в здание канцелярии, Вячеслав обратился к начальнику колонии:

– Есть что для меня, гражданин начальник?

– Иди, собирай вещи, и вот с этим человеком – в Никольское на лодке, – ответил «хозяин».

– А может, в тайге найдётся для меня место? – попытался Вячеслав ещё раз зацепиться за Георгиевку.

– Найдётся, только в другом месте. Тебя сюда прислали не для тайги, – таинственно произнёс капитан.

Они вышли из канцелярии и направились к палатке, в которой находились его вещи. Он взял свой походный мешок, так называемый «сидор», а сопровождающий взял матрас:

– Давай помогу.

Они направились на берег реки. Это была одна из сибирских рек – Томь. Спустились к берегу, сопровождающий бросил в лодку матрас и пригласил Вячеслава:

– Залезай, располагайся.

Он оттолкнул лодку и на ходу запрыгнул в неё. Прошёл на корму к мотору. Завёл мотор, и они помчались по водной глади. Лодочник держал направление наискосок через реку, на правый берег. Минут через сорок они причалили к пустынному берегу. Вячеслав выгрузился и задал вопрос:

– Ну, а что дальше? Здесь никого нет.

Лодочник произнёс:

– Ты садись, отдыхай. За тобой придут.

Кто и когда должен был за ним прийти, он не сказал. Оттолкнув лодку и прыгнув в неё, он помахал рукой и уселся на корму. Послышался звук заведённого мотора, и лодка, рассекая водную гладь, помчалась в сторону Георгиевки. Походив немного вокруг, Вячеслав успокоился, уселся на матрас и стал ждать неизвестного.

Огляделся. Места великолепные: река, лес подступает прямо к берегу. Чуть вдали – луга и виднеются дома. Это и был посёлок Никольское. Трава на берегу – выше колен. Зашёл в лес. Калина вокруг, как капли крови.

Через час из гущи деревьев, тянувшихся вдоль берега, вышел человек. Одет он был в гражданскую одежду, только фуражка на нём была форменная. Он был худой, лет тридцати семи.

– Привет, – произнёс он, – бери мешок и пошли.

– А матрас? – с вопросом обратился к нему Вячеслав.

– Оставь. Никуда он не денется. За ним придут.

По тропе вдоль реки он пошёл за пришедшим. Минут через двадцать впереди показались дома небольшого селения. Они прошли мимо мастерских и направились к небольшой хатёнке. Из дома вышел человек лет пятидесяти, худощавый, с папиросой в зубах.

– Вот, давай, устраивай, – обратился к нему контролёр, который привёл Вячеслава. А сам ушёл в сторону виднеющихся в отдалении палаток.

– А куда мне? – задал он вопрос новому человеку

– Мы идём сейчас в один из домов, где и будешь жить. Там я живу и ещё механик. Бригады живут в палатках.

Толком до конца не понимая, что происходит, Вячеслав отправился за комендантом по фамилии Довгань.

– Ты пока обустраивайся, а придёт начальство – всё скажет.

Они зашли в просторную избу. В одной половине стояли три койки. Две были заняты, одна – пустая.

– Где взять матрас? – спросил он у коменданта.

– Пока мы с тобой пройдем по зоне, матрас будет на месте.

Постепенно переправили ещё поселенцев. Они тащили на себе кровати и матрасы.

Ещё ничего толком не понимая, он решил как следует осмотреться. Они прошлись по мастерским, прошли какие-то бревенчатые закрытые дома, очевидно, склады, дошли до палаток. Они располагались в ряд за зданием, которое комендант назвал канцелярией. Так прошло трое суток. Он ничего не делал, кроме того, что обследовал деревню с одной улицей. На ней домов-то было всего пятнадцать или семнадцать. Селение называлось Никольское.

На третьи сутки к берегу уже самого селения причалили две моторные лодки. Из них вышли два майора. Оба были невысокого

роста, и ещё три офицера. Один, как впоследствии оказалось, был отрядным, один – командир взвода контролёров. Хотя какой взвод, их здесь было (контролёров) всего пять человек. И один был дежурный по поселению. Приезжее начальство прошлось по мастерским, вдоль палаток, и, не заходя в палатки, направилось в здание конторы.

В контору вызвали механика, коменданта и Вячеслава. «Хозяин» поселения по фамилии Мейеров выслушал отчёт коменданта и механика, отпустил их на работу. Вячеслав, воспользовавшись паузой, рискнул задать вопрос:

– Гражданин начальник, а можно меня направить в бригаду лесорубов в Георгиевку? Там работают мои земляки.

«Хозяин» удивлённо посмотрел на него и ответил:

– Разве тебе не говорили, для чего ты сюда приехал?

– Нет, я пока не знаю, – ответил Вячеслав.

И тут «хозяин» разродился целым монологом:

– Прежде, чем организовать эту колонию, мне надо было подобрать людей, которые организовывали бы работу. Я полгода искал тебя. Делал запрос в Главное управление мест заключения в Москву. И когда нашёл, делал ещё спецзаявку. Сразу не давали.

Вячеслава пробила мысль: вот почему, ещё находясь в зоне, в Одессе, на него из Киева делали запрос и подробную характеристику. Вот почему его внезапно отпустили на поселение, хотя без труда могли зарубить решение суда.

– Так, давай начистоту, – продолжал «хозяин». – Здесь мы не будем каждый день. Нам всем надо оформить переводы, а – это целое дело. Поэтому всё ложится на тебя. Организуй работу и быт колонии. Контролёры будут помогать.

Отнекиваться не было смысла. Он уже был здесь. На следующий день на разводе «хозяин» объявил перед строем:

– Вот ваш нарядчик. Все вопросы – производственные, бытовые и организационные – решать через него. И учтите, он – боксёр, мастер спорта, – добавил майор, усмехаясь.

Буквально за неделю Вячеслав организовал полную документацию поселенцев: бригады, профессии, срока. Он пошёл переговорить с бригадами, узнать, кому что надо. Попросили его сделать

переводы из бригады в бригаду. Люди подбирали своих земляков и тех, кого уже знали. Не затягивая, он оформил им переводы. Бригады, работающие на разных участках, поселились вместе. Кстати, это было удобно всем: и бригадникам, и администрации. Перед отъездом «хозяина» Вячеслав пришёл к нему на беседу.

– Гражданин начальник, у нас ведь нет элементарной аптечки. А дело идёт к зиме. Простуды, всякие заболевания, может, травмы...

– Они приехали сюда работать, а не болеть, – ответил «хозяин». – Но ты прав. Это нужно. Вот и организуешь. Ты по своей профессии, что получил в институте, изучал лечебную физкультуру? Значит, знаком с медициной, хоть и поверхностно.

– Мне ведь нужно будет попадать в аптеку или поликлинику, а они находятся в посёлке, Осиновом Плёсе.

– Хорошо. Дам распоряжение дежурному на свободное перемещение в населённые пункты, и с лодочником будешь переправляться на ту сторону.

Понимая, что денег на медикаменты ему никто сейчас не даст, он пошёл в бригады. Объяснил положение вещей. Бригадники собрали деньги, и после отъезда «хозяина» он отправился в Осиновый Плёс. Нашёл поликлинику, познакомился с главным врачом. А в поликлинике было всего два доктора и несколько медицинских сестёр. Вплотную познакомился с аптекой. Всё объяснил. Его прекрасно поняли и подобрали всё необходимое на первый случай.

Наладил контакты с почтой, чтобы забирать корреспонденцию напрямую – в их отделении, а не через Георгиевку, где находилось главное управление. В конторе была рация, по которой каждое утро необходимо было докладывать в контору Георгиевки о количестве вышедших на работу, об отказниках, больных. Затем добавились требования о выполненных работах. Необходимо было сообщать о кубатуре напиленного леса и о территории, освобождённой от деревьев.

В районе Новокузнецка на реке Томь собирались строить плотину. А в таком случае места вдоль берегов, где находились посёлки, будут затоплены. Чтобы зря не пропадал лес, его решено было

выпилить, а поселение убрать. В этом районе проживали, в основном, старoverы, как их называли – старообрядцы. Жители этих селений уходили с насиженных мест не хотят. И тогда власть придумала мероприятие по их выдавливанию.

Расположенные рядом с селением палатки поселенцев настораживали жителей. И некоторые, не выдержав напряжения и опасаясь за свою жизнь, покидали свои дома и уходили далеко в тайгу, забирая с собой свой скарб, уводили скот и всю живность. Но были, которые упорно стояли на своём и не уходили с насиженных мест. Тогда администрация поселения выезжала в города, оставляя поселенцев без возможности приобретать пищу или в лабазах, или во временных столовых.

Зеки-поселенцы начинали рыскать по брошенным домам, взламывая погреба. Не найдя ничего нужного, они начинали забираться к тем, кто оставался жить в селении. Старообрядцы начали защищаться. Большинство из них были охотниками и рыболовами. Некоторые из них прошли войну. В селении началась стрельба. Чтобы не случилось беды, администрация решила оставить в покое жителей селения до других времён.

Когда в конторе и посёлке была налажена работа, в нём появились семьи представителей администрации. Они заняли свободные дома, обустроились и закрепились на определённый срок. Жёны были трудоустроены в контору: кто занял место бухгалтера, кто – учётчика, кто – экономиста. В большой комнате канцелярии, помимо стола «хозяина», появились четыре стола для вновь принятых на работу.

Вячеслав, с утра проведя развод бригад на работу, сидел за стол и составлял справки для учётчика, экономиста и бухгалтера. Часам к десяти в контору подтягивались «работницы». В одиннадцать часов по рации они выходили на связь с головным отделением и докладывали положение дел, используя справки, составленные Вячеславом. Отказываться от этих обязанностей он не хотел, понимая, что, владея ситуацией и зная положение дел, он будет нужен всем, как воздух. Да и работа была несложной, разнообразила его жизнь.

Ему разрешили вызвать на поселение семью. Он сообщил об этой новости Валентине подробным письмом. И теперь ждал ответ. Дом, в котором он пока жил и в котором находилась художественная мастерская, для проживания был неудобен. В нём жили ещё пара поселенцев. Вячеслав решил приспособить под жильё баньку, стоящую поодаль от этого дома, но в его границах.

В баньке выложили небольшую печь, сделали перегораживающую стену. Получилось что-то вроде комнаты. В неё поместились вдоль стены две кровати, у окна поставили стол и втиснули две табуретки. Всё! Больше ничего не помещалось. Перед печью установили широкую лавку. На ней стояло ведро и ещё некоторая утварь. Проход к двери с двух сторон был заложен поленищами дров. Это было немаловажным фактором. Впереди была зима.

В конце октября, несмотря на все препятствия, приехала жена Вячеслава. Валентина приехала с младшим сыном Богданчиком. Добирались всеми видами транспорта: автобусом, самолётом, попутными машинами и, в завершении, на моторной лодке. Вячеслав встретил жену и сына в Осиновом Плёсе на правом берегу. И последний участок, четыре километра, они прошли пешком через тайгу. Жизнь пошла своим чередом. Со своими радостями и трудностями. Дочь Сусанна оставалась дома с бабушкой и дедом. С ними был и Виталька. Валентину оформили медсестрой. У неё было медицинское образование. Да и в Планерском она работала в медпункте.

Было у Вячеслава одно преимущество: возможность ходить на природу. Начал ходить на рыбалку. Однако, не зная секретов рыбной ловли в местных условиях, приходил домой без улова. Был важен сам процесс. В тайге – хорошо. Дует ветерок, метёт снегом.

Пощипывает морозец, но настроение в такие моменты – отличное. Вячеслав начал ставить петли на зайцев. Но зайцы ловиться не хотели. Следы идут рядом, но в петлю не идут. Нужен навык и знания, это со временем. У местных узнавал о способах ловли таким образом. Но польза – всё равно огромная. Отмахнешь километров десять-пятнадцать, да ещё по глубокому снегу. Тело разогреется, и мороз кажется совсем не мороз. На душе – покой. В тайге – тихо,

красиво. Только верхушки деревьев слегка покачиваются от пробежавшего ветра.

Разбросанные кусты калины на белом фоне выделяются ярко-красными гроздьями ягод. Птичьи голоса особенно чётко разносятся в морозном воздухе. Вячеслав больше смотрел по сторонам, разглядывая причудливо сложившиеся кусты деревьев под грудами снега, чем обращал внимание на заячьи тропы. Настроение поднималось, заботы отодвигались в сторону. Он чувствовал, как в него вливается сила спокойствия, уверенное блаженство от соприкосновения с природой.

Калина примороженная хороша. Она уже отдала горечь морозу. С терпким сладковатым вкусом, отлично утоляет жажду. Ходили собирать калину с сыном и женой. Богданчику очень нравилось в тайге. Он сразу обратил внимание на стройные, густо заросшие, с пушистыми вершинами, в шапках бело-серебристого снега, ели. А ели действительно были хороши. Невысокие сопки, окружающие пойменные луга, покрыты мохнатыми елями, и радуют глаз своим добротным, красивым расположением. Резко выделяются берёзы с крупными стволами и раскидистыми вершинами. Полно осины. Настоящий осиновый край. Здесь и населённые пункты так называются: Осиновка, Осиново, Осиновый плёс.

Богдан целыми днями на улице. Мать с трудом заводила его поесть и отогреться. Вячеслав заметил, что Богданчик, находясь в Никольском уже больше месяца, бегая постоянно на улице, ни разу не заболел, а в Крыму почему-то часто простужался. Очевидно, что при той же одежде низкая температура на улице благотворно влияет на организм. Богдан здорово вырос. Рассказывает обо всём целыми предложениями. Невероятный выдумщик и непоседа. Познакомился со многими колонистами. К нему относятся с подчеркнутым вниманием, угощают, чем могут. Чувствуется тоска мужиков по своим детям. А Богдан познавал мир. У него вылетала тысяча «почему». Всё старались ему объяснить. Освоил в посёлке все пути. Как только проглядел, так он и исчез куда-нибудь. У него появились друзья среди колонистов, и он, завидев их издалека, приветствует поднятой рукой.

Новый год Вячеслав встречал с семьёй. Валентина привезла дочь. Дочь возится с Богданом, и тут же ссорятся. Шуму полно, но это его радовало. Дети постоянно на улице: катание на санках, игры со снегом. В дом заходили с ног до головы в снегу. Богдан постоянно просил, чтобы отец рассказывал ему сказки. Пересказав сказки, которые он знал, Вячеслав начал сочинять свои. Богдан начал говорить целыми абзацами. До всего ему было дело. Как-то, сидя на кровати, он обратился к отцу – Вячеслав Фёдорович. Вячеслав удивился. Дома они обращались друг к другу – «мать», «отец». Богдан где-то услышал такое обращение и перехватил. Он не все слова произносил правильно. К примеру, «мотолок» – это значит «молоток», «облакова» – «облака». Отец обращается к Богдану: скажи – моторка. Он знает, что у него не получается, и он скажет «моторолка», все будут смеяться. Он отвечает: «Людка с мотором». На улице потеплело. Мороз в 52 градуса спал. С неба сыпет не снег, а серебро. Нагулялись досыта. Пора на покой. Богдан перед сном требует сказку. Отец говорит ему:

– Давай расскажу стихотворение.

Отвечает:

– Не надо стиховеяние.

Мать засмеялась, а он ей говорит:

– Ты чего, Тимофеевна?

Через улицу, наискосок, жил со своей семьёй староста староверов. Они познакомились с ним и со временем сошлись. Часто вели беседы о жизни. Староста в годы Великой Отечественной войны был на фронте. Дошёл до Берлина, вернулся в родные места.

Часто в разговорах Вячеслав проявлял знание вопроса по старообрядчеству, что очень помогало в общении. Жена старосты стала приносить молоко Валентине для сына. Денег она категорически не брала. Просила одно: вернуть назад банку, только не мыть. Таковы у них были порядки. Как-то староста пригласил Вячеслава в дом. Он показал ему удивительную книгу – «Златоуст». Затем он угостил его медовухой.

Всё, чем пользовались староверы, они добывали сами. Выращивали хлеб. Были у них и пасеки, скот, за которым они старатель-

но ухаживали, коровы, свиньи, куры. Трудяги – до мозга костей. Недалеко от старосты жил старик. Он был уже в большом возрасте, под девяносто. Сухопарый, подвижный. Сам ходил, несмотря на возраст, на охоту, на рыбалку. Как-то он провалился в полынью, но выбрался и сам дошёл домой. Местные жительницы кинулись его оттирать и лечить. Валентина помогала им. Дед очень быстро пришёл в себя. Уже через две недели он вновь отправился в лес.

Как-то они собрались в избе старосты, выпили медовухи и пошёл разговор. Вячеслав был активным участником, а не сторонним наблюдателем. Староста произнёс:

– Признайся, ты из наших (он имел в виду староверов)? Откуда ты так хорошо знаешь о нашей жизни и наши обычаи?

А знания эти Вячеслав почерпнул, прочитав давно трилогию Алексея Черкасова «Хмель», «Конь рыжий» и «Чёрный тополь». Это была семейная сага, которую Алексей Тимофеевич Черкасов посвятил старообрядцам. Знания, добытые из прочитанных книг, помогли ему в общении с людьми и в решении многих жизненных вопросов на поселении, в тайге. Когда возникали трудности у староверов, они обращались к нему за помощью. «Хозяин» к нему прислушивался и на просьбы Вячеслава реагировал положительно. Хоть и была у них задача – выдвинуть из посёлка староверов – главной, но свирепствовать они не хотели.

А староверы далеко в тайге, на какой-то заимке начали возводить дома, чтобы затем туда перебраться. Они понимали, что их в покое не оставят. И не администрация посёлка была в этом виновата. Такое указание было спущено сверху. Через день-два Вячеслав переправлялся на другой берег и уходил в посёлок, в аптеку и на почту. Лодочник его ожидал на берегу или ходил вместе с ним. Колонисты усиленно заготавливали дрова. Заканчивалась осень, близилась зима. Работа на поселении была налажена, и руководство подолгу не появлялось в Никольском.

Наступила зима. Река начала промерзать. Прибыло начальство и дало команду готовить зимник. На обустройство зимника бросили две бригады. Спиленные брёвна обтёсывали и подтаскивали к берегу. Зимник делали капитально. Сначала соединяли брёвна в длину.

Их связывали и соединяли скобами. Затем началась укладка брёвен поперёк. Всё скреплялось намертво. В уже замёрзшей воде пробивали лунки, брали воду и проливали полностью настил. Морозы дополнительно сковывали зимник. Сделали хороший пологий съезд.

И вот «хозяин» дал команду водителю грузовика проверить прочность зимника.

– Дверь кабины держи открытой, – дал указания «хозяин» водителю.

Заработал мотор, и грузовик медленно двинулся с берега на зимник. Мягко въехав на брёвна, грузовик двинулся через реку. Всё обошлось. Зимник выдержал, и началось регулярное движение для выполнения нужд поселения. Правда, грузовик ходил в посёлок Осиновый Плёс раз или два в неделю. А необходимость была там появляться чаще. Поэтому, проведя развод, отправив бригады в лес, Вячеслав собирался и шёл в Осиновый Плёс.

Набросив вещмешок через плечо, он энергично шагал через тайгу до берега реки и выходил напротив посёлка. А затем, уже по прямой, пересекал замёрзшую реку. Первое время он шёл с осторожностью. Река была своенравная, и в некоторых местах лёд был тонкий. Снизу били ключи, не давая накрепко сковать поверхность льдом. Особенно такие ловушки были у берегов. Впоследствии в одну из таких ловушек он попал.

Одну из бригад лесорубов перевёл на участок, который находился ближе к реке. Через него проходила дорога на посёлок к переправе. С бригадиром у него сложились хорошие отношения. Можно сказать, доверительные.

– Ты бы нам принёс чего-нибудь, – таинственно попросил бригадир проходившего мимо Вячеслава.

Тот неопределённо кивнул головой. Заходить в магазины, покупать спиртное было неосторожно. В посёлке часто появлялись представители администрации поселения и из Георгиевки, и из Никольского. Да и несколько человек жили в Осиновом Плёсе. Любой из них мог остановить Вячеслава, осмотреть его мешок. Так часто рисковать не стоило. Как-то в аптеке он увидел небольшие флакончики чесночной настойки на спирту. На этикетке было указано – 70

градусов. Во флакончике было сто граммов. Вячеслав рискнул и купил пять флакончиков. Выйдя из аптеки, он спрятал их за пазуху. Перейдя через реку и углубившись в тайгу, он услышал звук пил и направился в их сторону.

– Ну, что? – устремился к нему бригадир.

– Вот, нашёл такое, – и он достал флакончик.

Бригадир лесорубов ознакомился с написанным. Потом кликнул своего помощника:

– Вовка, носи хлеб.

Тот быстро смотался к сложенным вещам и принёс завернутый в полотенце хлеб.

– Ну, я пошёл, – произнёс бригадир.

Он открутил пробку. Затем сделал большой глоток, опорожнив флакончик на треть. Проглотив выпитое, он крикнул и поднёс к носу кусок хлеба. Занюхав, отломил кусок и начал закусывать.

– Давай, пробуй, – протянул он флакон Вовке.

Тот выдохнул и перевернул флакон себе в рот. Но выпить всё он не смог. Всё-таки – 70 градусов. Это спирт. Затем они закончили флакон, и бригадир дал команду бригаде сделать перерыв. Вячеслав передал ему ещё четыре флакона:

– В посёлок не носите. Если найдут – хана всем, а мне – в первую очередь.

Бригадники попробовали все по глотку, потом полезли за сигаретами. Начался трёп.

– Я пошёл, а вам ещё два часа работать. Пустые флаконы спрячьте.

Так был найден способ расслабиться. Вячеслав приносил бригадникам флакончики с чесночной настойкой, но, на удивление, никто не борзел. И бригада, придя с работы, быстро ныряла в палатку, стараясь не попадаться на глаза контролёру.

Иногда, испросив разрешение на использование лыж, Вячеслав уходил в тайгу ставить петли на зайцев. Он проваривал петли в хвойных ветках, и брал в руки только в рукавицах. Когда после установки петель он пошёл через день проверять их, почему-то волновался. Увидев метров в двадцати от себя сидящего зайца, он

остановился, а потом кинулся к нему бегом, думая, что заяц убежит. Лыжи заплелись, и он грохнулся в снег.

С трудом поднявшись и приблизившись к зайцу, он обнаружил, что заяц в петле замёрз. Освободив петлю, уложил зайца в заплечный мешок и пошёл в посёлок. Это была его первая добыча в тайге. Разделать зайца ему помог староста староверов. Он и подсказал, как его готовить. Походы в лес продолжались, и он то и дело приходил с добычей. Это было хорошим подспорьем.

Однажды Вячеслав пошёл по заячьему следу, след вёл к кустам и где-то за ними обрывался. Ему бы остановиться и повернуть в сторону. Это был обрывистый берег реки. Сделав несколько шагов, он вдруг почувствовал, что под ногами нет опоры и он куда-то валится. Провалившись метра на два вниз, он остановился на тверди. Это была кромка берега и замёрзшей реки. Огромный сугроб, который намело пургой, цеплялся за высокий край берега, и когда он встал на ноги, сугроб отвалился и сошёл вниз.

Встав на ноги, он начал руками разгребать снег, который был повсюду. Лыжи, прикреплённые на ногах, мешали. Кричать было бесполезно. Вокруг никого не было, и вряд ли кто в эту глушь забредёт. «Да, влип», – подумал он с сожалением. Но надо что-то делать. Он согнулся, нащупал крепления, отстегнул их и начал топтать снег. Сугроб продолжал на него валиться сверху и с боков. Ногой он задел какой-то корень. Он разгрёб снег и нащупал этот корень. Корень поднимался вверх.

«Значит, он идёт к берегу», – подумал он.

Вначале хотел пробиваться на середину реки, там снега было меньше.

«А хватит сил? – подумал он снова. – Берег всё-таки рядом».

Он начал пробивать пространство по корню и продвигаться вверх. Затем корень повернул влево. Через час борьбы со снегом он выбрался в какую-то ложбину и по ней начал подниматься на поверхность. Выбравшись на берег, он свалился прямо на снег, пытаясь отдышаться, отдохнуть и собраться с мыслями. За лыжами он решил не лезть.

– Потом приду с кем-нибудь и заберу.

Он поднялся и по своему следу устремился в обратную дорогу, то и дело проваливаясь в снег чуть ли не до пояса. Домой он добрался под вечер, весь в снегу и промокший. О происшествии он никому не сказал. А через пару дней, когда комендант спросил его о лыжах, ему пришлось рассказать.

– Надо сходить за лыжами, иначе будут неприятности, – резюмировал комендант.

– Завтра я возьму ещё одни лыжи и пойдём.

На следующий день они отправились на поиски. Благо, за эти дни не было снегопада и ветра. Его следы отчётливо были видны на снегу. К месту, где Вячеслав провалился под снег, они добрались быстро. Шли целенаправленно. С собой они захватили верёвку. Вячеслав обвязал себя верёвкой и нырнул в снег. На удивление, он быстро нашёл и палки, и лыжи.

– Тяни! – крикнул он коменданту Довганю.

Выбравшись наружу, он произнёс:

– Раз у нас удачно получилось, давай заглянем в тот угол. У меня там поставлена петля.

Они пошли по кругу и увидели заячьи следы. Зайца первым увидел Довгань.

– Всё, это мой, – произнёс он.

– Не возражаю. Ты заслужил.

Проверять дальше петли они не стали, а повернули домой. После этого случая Вячеслав старался к берегу реки не подходить близко. Местность таила коварство. Это вообще должно было стать для него предупреждением, знаком, на который надо было обратить внимание. Он ещё тогда подумал, что колесо Фортуны вращается быстрее мельничного, и всё меняется слишком быстро и неожиданно. Мозги на то и даны, чтобы ими пользоваться. Но не всегда удаётся удерживать мозг в рабочем, значит, думающем состоянии. «Зачастую мы идём по инстинктам», – думал он.

И ещё раз судьба решила его испытать. Зная нрав реки, «хозяин»-сибиряк дал указание Вячеславу:

– Ходи каждый день к зимнику и проверяй толщину льда. Записывай.

Надо было в метрах трёх-четырёх от настила, по течению вниз, расчистить снег. Просверлить лунку и замерить толщину льда. Прodelывать лунки надо было метров через двадцать – двадцать пять. Работа не тяжёлая. Обычно после развода бригад на работу и отчёта перед главной конторой он брал бур, кусок катанки с загнутым крючком и отправлялся на реку. Метр лежал у него в кармане.

Приходя на реку, он расчищал квадраты, а затем сверлил лунки. Замерив толщину льда, записывал в блокноте и отправлялся в обратный путь. Иногда его подвозила на обратном пути машина колонии. Он заметил, что замеряемый лёд у берегов был тоньше где-то на десять-пятнадцать сантиметров. Как-то об этом сказал старосте старообрядцев:

– Так ведь в этом районе – много ключей, прямо на дне реки, – изрёк староста. – Иногда они бьют сильнее. И даже зимой пробиваются наружу.

Однажды Вячеслав уже всё промерил. Ему оставалось сделать ещё одну лунку. Сверху показался муж племянницы «хозяина» – Саша. Он работал в мастерских. Вольнонаёмные, вместе с администрацией, зарабатывали себе таёжно-лагерный стаж. За это шли надбавки, да и на пенсию можно было уйти раньше. Саша остановился возле него. Поздоровались. Разговорились.

– А ты чего идёшь пешком? – задал вопрос Вячеслав.

– Да они что-то в посёлке должны получить. Остались ждать, а я решил пройтись пешком, – ответил Саша.

– Ну, давай, топай, а мне ещё пару лунок проверить, – сказал Вячеслав.

Он ступил на лёд и нашёл старую лунку. Сильно льдом она не успела затянуться. Он сунул проволоку, нащупал крючком край и отметил толщину. Вышел на зимник и, не задерживаясь, пошёл к краю, недалеко от берега. Саша подходил уже к другой стороне реки и по настилу поднимался вверх. Вячеслав ступил с брёвен на снег. Только он занёс вторую ногу, чтобы поставить на снег, как вся льдина, на которую он встал, пошла под лёд. Бросив бур в сторону, он раскинул руки в стороны и ухватился за край покрытого льдом настила.

Куртка, которую он не застегнул, разлетелась в стороны и распласталась на поверхности воды. Левой рукой он держался за край льдины, а правая была протянута на большем куске. Тело по грудь погрузилось в воду. И тут он вспомнил, что мимо него только что прошёл Саша. Он повернул голову и увидел, как Александр заходит в лес. Что есть силы, Вячеслав закричал:

– Саш-а-а-а!

Тот на мгновение остановился и даже повернулся. Затем зашагал дальше. Ещё раз Вячеслав протяжно во весь голос позвал Александра. Он держался на кромках льда, боясь пошевелиться, чтобы не провалиться полностью. До бревна было совсем немного, но он понимал, что не сможет дотянуться. А если он попытается одним рывком броситься на зимник и не ухватится, то сразу уйдёт под воду и его затянет под лёд. Он ещё раз повернул голову в сторону леса, куда скрылся Саша, и увидел, что тот бежит в его сторону. Александр подбежал к месту, где в полынье висел Вячеслав, и уже занёс ногу, чтобы стать на край кромки ледяной.

– Стой. Не шевелись, – твёрдо произнёс Вячеслав. – Упрись ногами в бревно и потом подай мне руку. Возьми замком мою руку и вались на спину, тяни меня.

Саша взял руку Вячеслава и по команде «три-четыре» потянул на себя. Вячеслав, помогая ему, упёрся левой рукой в кромку. И когда уже большую часть тела Александр вытащил из полыньи, кромка обвалилась, но он успел перевернуться на зимник. Они оба лежали на замёрзших брёвнах и тяжело дышали.

– Вставай. Раздевайся, – произнёс Александр.

Вячеслав буквально вскочил и начал снимать с себя одежду: бушлат, куртку, сапоги, штаны, майку. Мороз был до 37 градусов, если не больше. Одежда тут же застывала и становилась комом. Саша набрал в руки снег и принялся растирать его со спины. Вячеслав то же проделывал с лицевой стороны. Тёр грудь, плечи, ноги. Александр снял с себя бушлат и отдал Вячеславу.

– Надо идти, – сказал он, уже цокая зубами.

– Будем бежать, – и они рванули по зимнику.

Они пробежали по зимнику уже метров пятьдесят, когда услы-

шали звук работающего мотора. Со стороны Осинового Плёса ехал их грузовик. Грузовик остановился. Водитель увидел стоящую колом одежду и впереди бегущих полураздетых парней, всё понял. Саша побежал за одеждой, а Вячеслав полез в кабину. Прибежал Саша, бросил замёрзшую одежду в кузов и тоже залез в кабину.

– Дуй, и побыстрее, – попросил он.

Водитель придавил на газ. Они въехали в тайгу. От зимника до их селения на машине – минут сорок езды. Подъехали к дому, где жил Вячеслав, водитель резко тормознул. Сашка выскочил и побежал кого-нибудь позвать. Из дома вышла Валентина, а с ней и Галина, соседка, жена заместителя начальника колонии по производству Михаила Митасова. Они приехали из Белоруссии работать себе на стаж тяжёлые. Жили по соседству. Это были нормальные, адекватные люди, без начальственного гонора, простые в общении.

Увидев раздетого Вячеслава и всё сообразив, Галина воскликнула:

– Быстро к нам в баню! Миша топит баню с утра.

Была суббота, и семьи готовились к недельной помывке, а задно и попариться. Его завели в баню. Уже было прилично натоплено. И даже жарко.

– Отогревайся. Я сейчас подбавлю пару, – участливо говорил Михаил.

В бане Вячеслав просидел больше часа. Жена принесла одежду. Он тщательно, до красноты, растёр тело, оделся и нырнул в свой дом. Только он завалился в постель, как в дом зашёл «хозяин». Он поставил на стол бутылку водки.

– Давай стаканы, – обратился к Валентине.

Он налил полный стакан до краёв и протянул Вячеславу.

– На, пей, – в приказном порядке произнес «хозяин».

– Да я не пью водку, – сопротивлялся Вячеслав.

– А я сказал, пей. Ты мне нужен здоровый, – ещё раз твёрдо приказал «хозяин».

Вячеслав поднялся с постели, взял стакан и, давась, начал пить. Он действительно не пил водку. Выпивать он стал уже во взрослом возрасте, в двадцать пять лет. И то он впервые попробовал коньяк.

В городе, где он жил и тренировался, был небольшой уютный магазин «Лакомка». В нём продавали разные сладости. И в нём же можно было выпить кофе с коньяком. Так коньяк не давали.

Зачастую, идя с тренировки, они с тренером Евгением Васильевичем Суетовым заходили в «Лакомку». У них давно сложились отношения не как тренера и ученика, а как добрых товарищей. Вячеслав выпивал кофе, а тренер пил коньяк. Но как-то и он попробовал коньяк. И с тех пор на праздниках или каких-нибудь торжествах он позволял себе принять рюмку-две коньяка.

Уже гораздо позже он познакомился с сухими виноградными винами. И с тех пор так повелось, что водку он обходил стороной. Просто не хотелось её пить.

– До конца выпивай, – давил его «хозяин».

Когда Вячеслав домучил стакан водки, «хозяин» налил себе тоже и залпом его осушил:

– Лечись. Потом придёшь, расскажешь.

Через время Вячеслав провалился в сон. Спал до утра. Утром он вскочил бодрый, без признаков какой бы то ни было хвори. Его занятия спортом, даже здесь в тайге, ежедневные утренние обтирания снегом дали свой положительный результат и закалили его организм настолько, что он способен был сопротивляться неожиданностям и невзгодам.

У Вячеслава мелькнула мысль: это происходит с ним уже второй раз. Его сверху предупреждают, дают знак:

– Будь осторожен!

Сделав, как обычно, зарядку, водные процедуры, он позавтракал и пошёл в контору. Зима, морозы, а ходил в резиновых сапогах. Поселенцы удивлялись.

– Отморозишь ноги, – гудели бригадники.

Нет, у него были кирзовые сапоги, но он узнал интересную вещь. Когда идёшь в резиновых сапогах по снегу, ноги горят, как в печи. Трение резины о снег давало такой эффект. Главное, долго не стоять на одном месте. Всё время идти. Несмотря на то, что был выходной день, в конторе уже были учётчик, бухгалтер, а чуть позже появился и «хозяин».

– Ну, давай, рассказывай во всех подробностях, – обратился он к Вячеславу.

Выслушав рассказ о происшествии, «хозяин», подумав, произнёс:

– Больше сам на промеры ходить не будешь. Не хватало мне ещё ЧП тут. Выбери себе напарника, и ходите вдвоём, – авторитетно заявил он.

Покрутившись ещё в конторе, он принёс поленицу дров, высыпал возле печки и ушёл в мастерскую художника. Когда «хозяин» сказал, что ходить надо вдвоём, он подумал о Женьке-художнике. И сейчас направлялся прямо к нему. Женя попал в колонию-поселение из Томска. Срок он получил тоже за драку.

Женька занимался штангой, да к тому же работал кузнецом. Он занимался художественной ковкой. Женька отлично рисовал и писал. В колонии он оформил всю наглядную агитацию и иногда что-нибудь ковал в кузне. Когда Вячеслав предложил ему вдвоём ходить на промеры, он с радостью согласился.

Утром, проведя развод на работу, отправив бригады в тайгу, Вячеслав звал Женьку, и они шли на промеры. До зимника от поселения было ходу по дороге часа полтора. Пройтись по зимней тайге, особенно в тихую погоду, было здорово, и шли они в охотку. Подходили к зимнику. В трёх метрах от настила расчищали площадку от снега. Затем сверлили лунки и делали промеры. Ширину между промерами они оставляли 20-30 метров.

Вячеслав заметил, что в том месте, где он провалился, лёд совсем тонкий. А порой, буром ударив с настила по поверхности, они видели, что лёд и снег уходили под воду. Но настил был сделан крепко и соединялся с зимником прочно. К тому же, сверху от настила были намерзшие глыбы льда, сковывающие зимник.

Всё делалось правильно. За поведением реки надо было следить, чтобы быть готовым к неожиданностям. Вернувшись с зимника, Вячеслав одевал сына и шёл с ним гулять. Бодька рос шустрим и подвижным мальчишкой. Несмотря на свой малый возраст, он сдружился с сыновьями Михаила Митасова. А тем уже было десять и одиннадцать лет.

Особенно Бодька сдружился с собакой Митасовых. Простая дворовая собака, но удивительно сообразительная, с собачьим именем Бобик. С самого утра Бобик уже крутился возле порога дома, где жил Вячеслав с семьёй. Через некоторое время он стал сопровождать Вячеслава на развод, а затем бежал за ним с Женькой на зимник. По дороге он то и дело нырял в тайгу, что-то обнюхивал, на кого-то лаял и выскакивал из тайги довольный выполненным действием. Отряхнувшись от снега, он вырывался вперёд и бежал впереди них, весело махая хвостом.

По возвращению он получал свою порцию еды от Валентины и, поев, укладывался у порога отдохнуть. Кто-нибудь из Митасовых звал Бобика. Он поднимался и нехотя бежал в соседний двор. Выслушав огорчительную речь хозяина, Бобик, опустив уши, уходил в свою будку.

Перед Новым годом Валентина полетела домой забрать Сусанну на каникулы. Она автобусом добралась в Новокузнецк. Оттуда – самолётом на Красноярск. В Красноярском авиаотряде она работала раньше. Её все знали, относились с уважением. И забирали её рейсом на Симферополь «своим зайцем».

А в колонии развивались события неожиданным образом. Раздобыв спиртное, в одной из палаток устроили гулянье. Обычные разговоры перешли в споры, в ругань. Дело в том, что на поселение приходили зеки из разных лагерей: и с общего режима, и со строгого, были даже с особого. Никто их не разделял. Селили всех вместе. Зеки с общего режима иногда теряли чувство меры и вступали в спор с особняком, что оканчивалось не только ссорами.

Однажды ночью, уже и за полночь, в окно постучали настойчиво и требовательно. Вячеслав открыл дверь и впустил двоих поселенцев.

– Одевайся быстрее. Там у нас в палатке обварили кипятком друг друга.

Вячеслав быстро оделся.

– Но мне надо забрать с собой пацана. Я его одного не оставлю. Он поднял Богданчика.

– Давай, сынок, просыпайся. Надо быстро одеваться. Побежим

спасать, – говорил Вячеслав, натягивая на Бодьку штаны, свитерок, пальто и шапку.

Он прихватил с полки марганцовку, бинты, сунул в карман куртки, и они вышли на улицу.

– Берите его руки с двух сторон, и – вперёд.

Они обходными путями, не через контору, где дежурили контролёры, добрались до палатки. Зайдя в палатку, он увидел Николая, лесоруба, с которым они поддерживали отношения.

– Возьми Бодьку, займи, – бросил он Николаю, а сам устремился к «потерпевшим».

Слева на кровати сидел молодой парень и, схватившись за голову, качался. Лицо его было обварено кипятком. С другой стороны на кровати сидел пожилой зек, он прибыл в колонию с особого режима. Тоже с обваренным лицом.

– Вода есть? – задал вопрос всем Вячеслав.

У входа в палатку стояло ведро с кружкой.

– Подведите его к ведру, обмойте холодной водой. Чего сидите? Быстро.

Два человека подхватили молодого, и – к выходу. Стали обмывать холодной водой. Видно, боль отпустила, он перестал стонать. Пожилой зек сам подошёл к ведру и омыл лицо. Вячеслав развёл в кастрюльке марганцовку. Намочил бинты и уложил на лицо одному и другому. Минут через десять он поменял повязки. Обожжённые чуть успокоились.

– Что произошло? – задал вопрос зеку, сидящему возле печки.

– Поспорили, старый взял с плиты чайник и линул в лицо молодому, но тот успел, хоть и с опозданием, отбить чайник. И кипяток вылился прямо на лицо старому.

– Хорошо бы водкой промыть, – промолвил Вячеслав.

– Так нету.

– Вы же что жрали? Было. А для лечения нет? – полувопросительно, полуутвердительно произнёс он. – Короче, я сейчас уйду, а вы найдите и сделайте. Будет лучше.

Он позвал парней, что приходили за ним, забрал Бодьку, и они пошли домой. Пока они в палатке приводили в чувство по-

страдавших, с кроватей то из одного угла, то из другого слышались советы.

– Мукой надо, было бы здорово, – говорил зек лет шестидесяти.

– А где её сейчас возьмёшь? – звучал резонный вопрос.

И тут Вячеслав вспомнил:

– Есть хозяйственное мыло? – задал вопрос.

– Конечно! – один из поселенцев полез в тумбочку.

Вячеслав сказал молодому:

– Снимай бинты и густо мыль лицо.

Что тот и сделал. Он обратился к старому:

– Давай, мылься и ты.

– Да пройдёт, – возразил «старый». Видно, ему стало полегче.

– Утром узнают контролёры, и будут разборки, так что мыль.

«Старый» пошёл к воде и густо намылил лицо. Проводив Вячеслава и Бодьку до дому, парни ушли. Раздев сына, он уложил его в кровать. И, подбросив дровишек в горящую печь, улёгся сам. Несмотря на тревожнения, заснул быстро.

Встал утром без особого труда. Решил идти пораньше проведать «потерпевших». Бодьку он решил не будить. Укрыв его плотнее одеялом, он закрыл дверь и ночной тропой отправился в палатку. В ней уже все проснулись.

– Ну, как наши обваренные? – задал вопрос бригадиру.

– Да надо бы их освободить от работы, – буркнул бригадир.

На разводе контролёр не задал вопрос: почему остаются дома двое бригадников?

Наружу это происшествие выплыло только на третий день. Острота момента была снята, и вдогонку администрации разбираться не хотелось. Тем более, «потерпевшие» пошли на поправку. Сколько советов Вячеслав услышал за эти дни и от старообрядцев, и от жён представителей администрации! Надо свёклу натереть и кашицей – на ожог. Дельно, да только свеклы зимой в палатке зекон не было. И то же самое можно проделать и с тыквой. Но где тыква? Когда ещё будет.

Единственное, что в аптечке у себя Вячеслав нашёл – пенициллин. Он утром одному и второму присыпал ожоги. Они остались в палатке. Когда шли на развод, один из мужиков вспомнил:

– А у нас бабка ожоги лечила мёдом. Если ожог смазать мёдом, перестаёт печь.

– Да, все мы сильны задним умом, – произнёс Вячеслав. – Да условия, видишь, не те.

Но он всё равно отметил и этот способ. Лучше бы, конечно, он не пригодился. Невольно собрал целую кучу рецептов лечения ожогов. И алоэ можно. Убрать иголки и мякотью – на ожог. И лопух кладут на полдня. Но зима исключает многие народные средства. А о лопухе он читал, что это растение – академия. Лечит от множества болезней. Используется и лист, и особенно корень.

Используют и куриный яичный белок. Взбивают и мажут место ожога. Толкуют о том, что даже после сильного ожога не остаётся волдыря. Но, применительно к условиям, ему пришлось добираться до аптеки и спрашивать там лекарства от ожогов. Когда бригада вернулась из леса, они принесли кору дуба. Рассказали Вячеславу, что им подсказал житель Никольского. Кору стереть в порошок. Затем – на стакан кипятка, остудить чуть и со сливочным маслом смазывать ожоги.

– Ну, вот и давайте, действуйте. Вы же получаете масло сливочное на завтрак, – усмехаясь, говорил он бригадникам.

– Ну, да ладно, мы хоть обмоем водой, настоянной на дубовой коре.

– Идите в столовую к шефу Ташеву и просите у него масло подсолнечное, у него есть и мёд. Всё вместе, и яичный белок. И мажьте.

«Потерпевшие» не сидели сложа руки, что-то доставали и лечились. Дело быстро пошло на поправку. Однако, совсем без внимания этот инцидент не остался. От беды подальше зека-поселенца из Никольского забрали и куда-то увезли. То ли вернули в лагерь, то ли – на другое поселение, но из Никольского увезли. Конечно, глупо. Вырваться на волю и возвращаться назад. Но что сделаешь? Глупец уже наказан тем, что он глуп. Не зря говорится, что глупость водит всегда по кривым дорогам.

И вот Валентина прилетела из Симферополя через Красноярск в Новокузнецк. Добралась до Осинового Плёса уже под вечер. Идти через реку и тайгу с дочкой она не решилась. Переночевала в доме у мастера, который работал на поселении. Но кто-то из Никольского

возвращался домой и узнал, что прилетела с дочкой жена нарядчика. Ему об этом сообщил староста. С вечера он договорился с Галиной Митасовой, что она заберёт Бодьку, а он пойдёт через тайгу встречать Валентину и Сусанну.

Чуть свет, поднявшись, он отправил Богдана Митасовым, а сам быстрым шагом – по тракту и в тайгу. Он уже перешёл речку и поднимался к избам Осинового Плёса, когда услышал впереди разговор. По интонации и тембру он узнал голос дочери.

– Сусанна! – закричал он громко.

В морозном воздухе звук разносился чисто и далеко. Он услышал голос дочери:

– Это папа!

Их видно ещё не было, но по голосам он определил, что дочь бежит к нему. Он тоже устремился вперёд. И вот на косогоре он увидел бегущую к нему дочь. Он расставил руки и подхватил её, крепко обнимая и кружа. Пока они с дочкой целовались, на пригорке с сумками показалась Валентина. Она, как всегда, была нагружена. Она всегда хотела всех обогреть и накормить, поэтому постоянно набивала сумки провизией и всё волокла на себе.

Забрав у Валентины сумки, он пошёл через реку первым. Дочь топала рядом и, захлёбываясь от радости, рассказывала о путешествии от дома до встречи. На самолёте она летела первый раз, и впечатления от полёта перехлёстывали через край. Уже подходя к деревне, его вдруг осенило, что Валентина могла что-нибудь привезти на праздник спиртное. А то, что их встретят контролёры, так это – к бабке не ходи.

– Ты везёшь с собой что-нибудь? – задал он вопрос Валентине.

– Да. Везу несколько бутылок коньяка.

– Надо в лесу оставить, а потом заберём.

У него были приметные места, где кусты росли группой. Всегда можно было найти. Так и сделали. Уже подходя к селу, на пригорке они увидели двоих контролёров, которые явно поджидали их. Вячеслав не свернул вдоль берега, хотя к дому так было быстрее и ближе, а сознательно пошёл по дороге на контролёров. Наверху они остановились.

– Есть что-нибудь? – задал вопрос старший.

– Конечно, есть. Продукты, – констатировал Вячеслав.

– А спиртное? – наседал контролёр.

– Ну, что ты, будешь обыскивать? – спросил Вячеслав.

Отношения были нормальные. Контролёр не раз заходил к нему на зайчатину.

– Да я что? Кум приказал. Он сейчас возле крайнего дома наблюдает.

– Ну, обыскивай. Открой ему сумки, – обратился он к Валентине.

Поковырявшись в сумках для вида, они ушли вверх. «Кум» – это оперативный работник, на поселении появился недавно. То ли на эту должность специально подбираются люди, то ли от природы они такие. Молодой парень, двадцать пять лет, но с подлым характером. Не успел прибыть в колонию и как следует освоиться, он начал лазить по палаткам, устраивать проверки. Всё время что-то искал.

Зеки стали осторожнее, но «кум» всё равно не прекращал охотиться. «Кум» завёл себе стукачей. Правда, чтобы их спрятать в толпе, вызывал на беседу всю бригаду по одному. Что уж он там обещал за стукачество, но таких людей он себе нашёл. А возможно, некоторые приехали завербованными уже из зон. Бригадники попадались с водкой. Следовали наказания. По его требованию в одной из изб было устроено что-то похожее на КПЗ. Окна зарешётити. Внутри сделали нары. Дверь посадили на большой амбарный замок.

То и дело кто-нибудь из зеков в этот штрафной изолятор попадал. Особо зеки не переживали. Зимой отлежаться в тёплой избе пять-десять суток было даже хорошо. «Хозяин» говорил куму:

– Ты работяг с работы не снимай. Не забывай, у нас – план, а его надо выполнять.

«Кум» начал с контролёрами встречать бригады с работы и обыскивать. Вот и сейчас он наблюдал из-за дома за процессом обыска. Застегнув сумки, Вячеслав повернул вдоль реки к дому. Зайдя в дом, они быстро расположились. Валентина сходила к Галине за Бодькой. Все были рады и счастливы. Вячеслав сходил в

мастерскую к художнику. Женьке он описал место, где у них была, по-зоновски, нычка. Да Женька и так знал.

– Стемнеет, я схожу, – изрёк Женька.

Вечером, обойдя круг, Женька удалился в тайгу и к тайному месту подошёл с другой стороны. По указанию Вячеслава он взял только половину. Благополучно вернулся назад.

– Через час приходи на ужин, – пригласила Валентина Евгения.

Она сбегала к Митасовым и подарила на новый год бутылку коньяка «Коктебель». На следующее утро она пошла к дому, где жил «хозяин». Дома его не было, да он ей и не нужен был. Она вручила подарок жене «хозяйина», и та с радостью приняла. Для них в Сибири, да ещё в тайге, бутылка подарочного коньяка «Коктебель» была как послание откуда-то из далёкой страны.

Вячеслав, видя, что мужики бегают через тайгу в Осиновый Плѣс то за водкой, то на свидание, примелькались местной милиции, придумал способ, при котором контролёры не могли обнаружить запрещѣнное. Уже давно подружившись с почтовыми работниками, он приходил на почту. Девчонки бегали в магазин, покупали водку и приносили на почту. Здесь они тщательно упаковывали. Ставили сургучные печати на посылку. Подписывали посылку на Георгиевку, и Вячеслав забирал посылки, когда приезжала машина.

По приезду машины в Никольское он вызывал тех, кому пришла посылка. Открывать посылки поселенцы должны были в присутствии контролёров. Те, проверив посылки, отдавали их поселенцам. Обнаруживалось, что одна посылка – не в Никольское.

– Завтра я отвезу её и дам на почту. Пусть посылают по адресу.

Посылку он забирал с собой. Вечером приходил тот, кто заказывал товар, и забирал её. Ящик разбивали и сжигали в печке. Так проходило до определённого времени, пока не произошло одно происшествие. В колонию поселения из Днепра прибыл зека. Как земляка, он устроил его в бригаду, а когда тот захотел вызвать жену, он помог освободить и оборудовать для них комнату.

Жена этого зека приехала и поселилась в представленном жилье. Дверь их комнаты выходила в мастерскую, где работал Женя-

художник, и где они открывали посылки. Жена зека из Днепра начала совать нос во все дела, да и сам зек слишком усиленно проявлял интерес к делам других, особенно он интересовался делами Вячеслава. Как-о вечером они с Женькой открывали посылку, и в этот момент из комнаты вышла жена зека из Днепра. Она, не стесняясь, подошла к столу и увидела, как Женька доставал водку.

– О, дядя Слава, – протяжно произнесла она.

У него внутри что-то ёкнуло. Он почувствовал опасность. Она нырнула в свою комнату.

– Женья, быстро отнеси всё ребятам, не задерживайся.

Женька переложил водку в сумку и нырнул в темноту. Из комнаты вышел Витька, одетый, и направился к выходу. Вячеслав разломал ящик и бросил в печь. Буквально через полчаса в мастерскую зашли контролёры. Они покрутились, ничего не спрашивая. Повертели головами. Вячеслав понял, что они осматривают помещение. У него возникли твёрдые подозрения, что их с Женькой сдали. Но, ни на чём не прихватив, контролёры выдавать себя не стали.

В следующий раз, когда он привёз посылки, на проверку вместе с контролёрами пришёл и «кум». Он сам открывал посылки и сам выдавал зекам. Теперь уже Вячеслав знал твёрдо, что их сдали, и знал, кто стукач. Он пошёл к замполиту майору, его звали Артур, с предложением:

– Заданий много выдаёте, а места, где работать, нет. Надо освободить комнату, что занимает семья из Днепра. Домов свободных много, пусть занимают.

Замполит согласился и уже на следующий день дал указание перевести зека с женой в пустующий дом. Артур у администрации, да и у зеков, пользовался авторитетом. Он был умный, сдержанный и деловой. Находил общий язык со всеми: и с зеками, и с администрацией. Старался сглаживать все конфликты. Надо сказать, что ни Витька, ни его жена не хотели уходить. Новое место надо было обустроить, заготовить дрова и многое чего сделать для нормального проживания. А здесь всё шло на шару.

Дежурный строго приказал:

– Или переходи, или пойдёшь в палатку, в бригаду, а жену отправят домой.

Быстро собрав свои шмотки, они ушли. Но, прежде чем уйти, он побежал искать «кума», чтобы его спасли. «Кум» был в командировке на две недели, а когда приехал, всё уже было поздно. Комнатку разобрали, туда навалили щиты. Короче, места свободного нет. С этого момента Вячеслав почувствовал за собой неусыпный контроль. Но на то и мозги даны, чтобы их использовать.

Пришлось водителю Грише открывать часть плана. Когда они подъезжали к посёлку, за последним поворотом был небольшой овраг, занесённый снегом. Они бросали туда посылочный ящик. А уже вечером, после проверки, кто-нибудь из знающих нырял в овраг и доставал ящик. Это, конечно, было дерзко и в любой момент можно было сгореть, но Вячеслав решил водить «кума» за нос. Жизнь жалких не любит, а любит дерзких.

Кто живёт, втянув голову в плечи, того судьба и колотит без устали. Как-то в тайге на Витьку упало бревно. То ли это был несчастный случай, то ли предупреждали.

В зону пришло сообщение о том, что некоторые статьи «раскредитовали». Попала под этот указ и статья 206 часть третья УК УССР. У Вячеслава появилась возможность освободиться раньше. Пусть ненадолго, всего на пять месяцев, но раньше. Под условно-досрочное попали ещё несколько человек, и среди них – шеф-повар Ташев.

Вначале была наблюдательная комиссия. На ней присутствовали и «хозяин», и замполит. Припёрся и «кум». «Хозяин» дал добро и сказал несколько добрых и нужных слов. Уже выступил председатель наблюдательной комиссии и дал положительное заключение. И тут, нарушая субординацию, заговорил «кум».

– Его нельзя отпускать. Он – злой нарушитель режима. Через него водка попадала на поселение.

И тут выступил Артур.

– Ты что, совсем сумасшедший? – задал он вопрос «куму». – Ты его поймал? – спросил Артур.

– Нет, – буркнул «кум», – но я знаю точно от своего человека.

– Ты, наверное, хочешь в тюрьму? – опять спросил Артур. –

Если мы его сейчас не отпустим, «твоего человека» укокошат, а ты пойдёшь в тюрьму.

Потом он повернулся к Вячеславу и сказал:

– Выйди, погуляй пока.

Вячеслав вышел из конторы и подошёл к бригадникам, которые ждали в стороне.

– Ну, что? – последовал вопрос бригадира.

Он рассказал о том, что произошло в конторе и что он ждёт решения.

– Ах, сучёнок, – промолвил бригадир, – ладно, разберёмся.

Из конторы вышел дежурный и позвал Вячеслава.

– Иди. Ждут. По-моему, всё нормально.

Вячеслав зашёл в контору, выслушал нотации, а потом заключение председателя наблюдательной комиссии.

– Всё взвесив, мы решили представить твоё дело на суд.

Когда Вячеслав уже уходил, Артур вдогонку ему произнёс:

– Не трогайте этого дурака.

Вячеслав приостановился и сказал:

– Да я-то что? Я уйду, а другие-то остаются. Кабы чего не случилось.

– Он прав, – подхватил «хозяин» и, обращаясь к «куму», приказал: – Иди, собери их немедленно и грузовиком отправь в Георгиевку. А завтра отвезёшь сам в Абагур. И следи, чтобы ничего не случилось.

Уже через час из Никольского уходил грузовик, увозя «секретных агентов» в Георгиевку. С ними поехал и «кум». На УДО пропустили троих человек, и пока они ожидали суда, «кума» перевели в другое подразделение, подальше от греха. Не прошло и месяца, к ним на поселение приехал суд. Очевидно, всё уже было решено, но так надо было, что идущие на УДО предстали перед судьёй воочию. Сначала прошёл суд Ташев, затем – бригадир лесорубов, и на закуску – Вячеслав.

Судья, его помощники, секретарь – все были в хорошем расположении духа. Поговорив с ним о том, о сём, судья произнёс:

– Пока мы пишем решение, ты нам обед подготовь по-сибирски.

Вячеслав вышел из конторы и пошёл к Ташеву.

– У тебя – около часа времени. Готовь достойный обед и доставь им из запасников разогреться.

– Всё будет, как надо, – кивнул Ташев.

Примерно через час их вызвали в контору и каждому зачитали решение. Весь состав суда, вместе с «хозяином» и замполитом, последовали в столовую. Вышли они навеселе, довольные. Погрузились в ожидающую их машину и, совершив доброе дело, отправились к себе домой. Через неделю «хозяин» привёз из Новокузнецка справки об освобождении.

Вячеслав ходил по колонии в приподнятом настроении. Он завершал здесь свои дела, чтобы не оставить ни хвостов, ни недоделок. Уйти надо было нормально. Всё должно было быть по-настоящему. Поступки, дела, чувства – всё! Иначе не проснётся в тебе сознание себя самого, и жизнь будет идти без радости, без печали.

«Хозяин» попросил их не оставаться здесь, а съехать быстрее. Сборы были недолгими. Ташев и бригадир лесорубов на поселении были сами. Им вообще было легко. Собрал сумку, забросил на плечи и – вперёд. До Осинового Плёса они добирались вместе. Здесь их пути разошлись. Вячеслав с Валентиной и Бодькой автобусом поехали в Новокузнецк, в аэропорт. Затем – час перелёта, и они – в Красноярске. Валентина узнала, кто из командиров идёт на завтра рейсом на Симферополь.

Надо же такому было случиться! Командиром лайнера был Фёдоров, с которым Вячеслав ранее часто летал. Он заверил Валентину, что будет всё в порядке и чтобы завтра подходили к рейсу. Уже когда они взлетели, к Вячеславу подошла бортпроводница и сказала ему:

– Когда наберём высоту, Фёдоров приглашает тебя в кабину.

Он согласно кивнул головой. Погасли огни предупредительные. Вячеслав выбрался из кресла и пошёл в кабину пилота. Бортпроводница сообщила по внутренней связи в кабину, что он у двери. Механик открыл двери кабины и пригласил внутрь. Они поздоровались. Затем Вячеслав ответил на массу вопросов, которые ему задал Фёдоров. Проговорив около часа, он пошёл на своё место.

Это был последний раз, когда они виделись с заслуженным командиром авиалайнера. Больше жизнь их вместе не свела. Но он часто

вспоминал полёты с Фёдоровым. Он всегда восхищался его умению, спокойствию, твёрдости и его опыту, который он умело применял в сложных ситуациях. Опыт – не куча: навалил, взобрался и сиди, почёсывая брюхо. Опыт – штука динамичная, не выносящая застоя.

Прибыли в Симферополь. Автобусом – до Планерского. Вот они и дома. Покрутившись по дому пару дней, он собрал рюкзак и пошёл в горы. С каким наслаждением он шёл по знакомым ему тропам! За короткое время он облазил все хребты: и Хоба-Тепе, и Магнитный. Неоднократно спускался по ущелью Гяур-Бах в Сердоликовую бухту. По уступу, цепляясь за камни, он спускался в Главную Сердоликовую бухту.

Руки и ноги вспомнили все уступы, зацепки. Это было, конечно, рискованно – осуществлять спуск самому без страховки. Но он это делал, и, спустившись в бухту, раздевался и бросался в море. Вода в бухте была просто как слеза, чистейшая. Накупавшись и отдохнув, он начинал восхождение по ущелью уже по другой тропе, не менее сложной. А иногда возвращался домой берегом.

Скрутив одежду, ботинки и засунув всё в рюкзак, он в воде обходил мыс Плойчатый, попадая в первую Сердоликовую бухту. Пройдя бухту, обходил мыс Тупой, тоже по пояс в воде. Он выходил на простор бухты Гравийной, которая делилась на четыре более мелкие бухты. Огибая хребет Кок-Кая по нижней тропе, он выходил к базе отдыха «Парашютного» у самого подножья.

Кара-Даг и его сила

Как-то в Феодосии он встретил Виктора Нестеренко. Виктор увлекался скалолазанием и часто ходил на Кара-Даг. Они переговорили о многом и впоследствии стали ходить в горы вместе. Когда Вячеслав спускался по ступенчатым спускам вниз, он часто в осыпях находил камни удивительной красоты. У местных мастеров-ювелиров он узнал их названия. Залез в книги и, с присущей ему цепкостью, узнал об этих камнях много.

В местной мастерской по обработке камней-самоцветов он познакомился с её руководителем Олегом Спиранским и с мастером по обработке камней Михаилом Михайловым. Он с удовольствием глядел на то, как из-под рук мастеров выходят удивительные вещи. Камни сами по себе после полировки открывали удивительную красоту. Глаз невозможно было оторвать от агатов, сердоликов, яшмы, аметистов, черномаринов. Ему захотелось самому обработать камень и открыть его красоту.

Знакомый физрук турбазы «Приморье» Альберт Вольский был увлечён сбором самоцветов. Он ходил и шлифовал по ходу наждачной бумагой у себя в руках. Грубую шлифовку Альберт делал в гараже. Там стояли два огромных станка с точильными кругами. Первую обдирку Альберт делал на этих кругах. Потом доводил наждачной бумагой. Использовал разные пасты. У него со временем была создана замечательная коллекция самоцветов. Основное её направление – сердолики. Это удивительной красоты самоцвет с тысячелетней историей.

Для того, чтобы рассказать об этом камне, Вячеслав понимал, что надо писать отдельную книгу. «Может быть, потом», – думал он. А пока – каждодневные походы в горы и поиски всё новых и новых красивых мест. Как-то так случилось, что Вячеслав в своих походах по Кара-Дагу открывал красивейшие жилы агата, сапфирина, сердолика, халцедона. Но его всегда останавливало чутьё, и он никогда не долбил жилы кувалдой и зубилом. Он даже никому не говорил, где находятся эти жилы. Но как-то раз, показывая камни Альберту, он проговорился.

Буквально через пару дней он вновь пошёл на Кара-Даг. Проходя ущелье между хребтом Кок-Кая и Магнитным, он услышал снизу глухие удары металла о металл. Вячеслав понял, что кто-то зубилом и кувалдой разбивает жилу. Он спустился вниз по уступу и буквально у себя под ногами, метрах в пяти, увидел, как Альберт разбивает Сердоликовую жилу. Руки его были в крови. Он или торопился, или что-то ему не давалось. Но он то и дело промахивался и бил себе по руке. Ойкнув и потряхивая от боли рукой, он с новым упрямством долбил жилу.

– Альберт, что ты делаешь?

Тот, услышав окрик, резко опустил кувалду и поднял голову. Вячеслав спустился к Альберту и увидел возле его сумки два больших куса сердолика удивительного морковного цвета. Альберт не брал камень с краю жилы, а долбил её в центр, где окрас был густой и насыщенный. Поступал как варвар, лишь бы схватить себе.

Бродя по Кара-Дагу, собирая камни или в осыпях, или на берегу в бухте, Вячеслав ко многому присмотрелся. Многое узнал из книг и от опытных камнерезов. Жилы долбить нельзя было ни в коем случае. Это как кровеносные сосуды у человека. За боль, причинённую людьми, Кара-Даг мстит. Ежегодно на Кара-Даге погибало от пяти до семи человек. Некоторые говорили, что они гибли из-за незнания троп и мест спуска. Но, странное дело, погибших находили на пологом склоне хребтов Кара-Дага.

Их, как правило, находили в районе больших осыпей, которые шли вдоль самоцветных жил, недалеко от тех мест, где были разбиты выходящие на поверхность самоцветные жилы. Особенно страдали сердоликовые жилы. Незнание и жажда наживы губили людей. Надо сказать, что те, кто проникал на Кара-Даг, варварски относились к нему. Зачастую, под видом научных работ, работники Киевской Академии наук – минерологи взрывали на Кара-Даге уникальные самоцветные жилы.

Так была погублена удивительной красоты жила парчовой яшмы, которую буквально взрывали. Эти псевдо-учёные сотнями килограммов увозили карадагские самоцветы, якобы для научных работ. Но, странно, впоследствии эти самоцветы не были обнаружены ни в музее минералогии, ни в запасниках Академии наук. Всё разошлось или по частным коллекциям, или было продано мастерам, которые работали с самоцветами.

И Кара-Даг мстил. Иногда не сразу, через годы, но он никому не забывал варварского отношения к нему. Так случилось и с Альбертом. Он погиб из-за своей уникальной коллекции. Его застрелили в горах Старого Крыма те, кто интересовался и зарился на его коллекцию. После гибели Альберта коллекция исчезла. Очевидно, её кто-то прихватил. И если бы была возможность дальше проследить за коллекцией, очевидно, можно было наткнуться и на следующие неприятности.

Древние предания и сказания подтверждались. Сердолик – это сердца лик. Камень лечебный. Его человечество знало за тысячи лет до новой эры. У всех народов он пользовался огромной популярностью и особо ценился. Зачастую – дороже драгоценных камней. Сердолик особенно ценили египетские фараоны. Они меняли драгоценные камни именно на крымский сердолик. У египетского фараона Тутанхамона были великолепные сердоликовые бусы.

Вячеславу удалось видеть мумию Тутанхамона в Москве, и на нём – знаменитые сердоликовые бусы. Он удивился: как в то время мастера смогли просверлить каждую бусинку? А карадагский сердолик, как все карадагские самоцветы, – особой твёрдости. Принято считать, что самая большая твёрдость по шкале Мооса у алмаза – 10 единиц. Так вот, карадагские самоцветы имеют твёрдость от 7,5 до 8,5 единиц. А это – драгоценная твёрдость.

Издавна занимались лечением камнем. Сердоликотерапия широко применялась в хирургии. Особенно это было распространено в годы Великой Отечественной войны. Лечение сердоликом вылилось в отдельное направление в хирургии. А карадагская яшма – удивительнейший и уникальный самоцвет. По сути, это халцедонолит. Основа карадагской яшмы – халцедон. Удивительный по красоте камень. Нигде в мире нет жёлтой яшмы, а на Кара-Даге есть. Не зря карадагскую яшму называют «царицей самоцветов».

Это – картинная галерея природы, Эрмитаж под открытым небом. А в лечебнике самоцветов записано, что яшма лечит болезни сердца, головные боли, успокаивает душу. Находя камни в воде у самой кромки берега, Вячеслав восхищался их красотой. В воде сразу видны все оттенки самоцвета. Именно эту красоту открывают камнерезы, доводя шлифовку и полировку камня до совершенства. О самоцветах можно было говорить до бесконечности, а любоваться ими, не отрываясь, – долгое время. Но для этого нужно было время. И другие заботы о доме, о семье были главными.

Уже давно и научная общественность, и пресса поднимали вопрос о том, чтобы Кара-Даг сделать заповедником. Необходимо было защитить этот уникальный во всех отношениях регион. Не только самоцветы требовали защиты, но и уникальная раститель-

ность. На Кара-Даге насчитывались десятки эндемиков среди разнотравья, кустов и деревьев.

Требовали защиты и редкие животные, обитатели Кара-Дага. Общественность достучалась до Правительства Украины. В сентябре 1979 года Постановлением Совета Министров УССР Кара-Даг был объявлен заповедником закрытого типа на базе Карадагской биостанции им. Вяземского.

И вот тогда для работы в заповеднике начали подбирать егерей. Вячеслав для себя решил твёрдо, что идёт работать егерем. Приехав на биостанцию, он пошёл на приём к директору биостанции А.Л. Морозовой. Алла Леонтьевна повела разговор в интересном направлении:

– Зарплата – очень маленькая. Одежды и обуви специальной нет.

Как бы отговаривала она или прощупывала. Она знала, что Вячеслав пропадает на Кара-Даге.

– Да у нас дом – на самом берегу. Так что летом есть кое-какая подкормка. С Кара-Дага я всё равно не уйду, – ответил он директору.

На том и решили. Он написал заявление. Она наложила резолюцию. Вячеслав отнёс заявление в отдел кадров. Так он стал первым егерем Карадагского заповедника. На следующий день он встретил в посёлке Виктора Нестеренко и предложил ему поступить на работу в заповедник. Они вдвоём съездили на биостанцию и оформили Виктора.

– Вот вы вдвоём и будете защищать Кара-Даг со стороны Планерского.

Им выписали удостоверения, и через пару дней они вышли на работу. Виктор заселился на Верхних Трассах в одной из комнат каменного барака. В нём жила сторожиха Марья Петровна. Посёлок Верхние Трассы возник в 1936 году. В то время какой-то дурной башке пришла мысль добывать трасс – вулканический минерал – на горе Святой.

Трасс, или, как его ещё называли, пуццолан, получил своё название по названию бухты Пуццоли в Италии. Ещё древние римляне использовали его для строительства грандиозных сооружений. Трасс на горе Святой взрывали. Затем по канатной дороге спускали вниз к подножию Кара-Дага на камнедробилки. Затем его грузили на баржи и доставляли в Новороссийск на цементные заводы. Трасс размельчали в порошок и добавляли в цемент.

Таким образом получали портландцемент – цемент, пригодный для строительства портовых сооружений, доков, пирсов и прочих конструкций. Этот цемент обладал особой прочностью и стойкостью к разрушительному действию морской воды. Этим разрушителям природы удалось убедить правительство в необходимости добычи трасса. Для этого нужны были специалисты, рабочие и техника. Так возникли два посёлка: Нижние Трассы и Верхние Трассы.

Но в то же время учёные и общественность забили тревогу. Уничтожался уникальный уголок природы. Чахла и без того редкая растительность, большинство видов которой были эндемиками. Разбегались и покидали эти места редкие животные. Птицы перестали гнездиться в этом районе. Уничтожение природы остановила война. А после войны не было возможности финансовой воспроизвести добычу трасса. Таким образом, обстоятельства остановили разрушение вулкана.

Вячеславу с Виктором достался самый трудный участок со стороны посёлка Планерское. Основной поток на Кара-Даг шёл именно из Планерского. Сюда ехали, чтобы просто побродить по Кара-Дагу. Но были и такие, которые целенаправленно шли добывать самоцветы. Это были самые опасные и дерзкие посетители Кара-Дага. Егерям приходилось выходить на территорию с раннего утра.

Через короткое время в посёлке не только местным жителям, но и приезжим стало известно, что егерями работают крепкие ребята – боксёр и скалолаз, что пройти через них трудно и даже невозможно. Количество одиночных туристов резко сократилось. Находились люди, которые знали Кара-Даг, и по тайным тропам они пробирались в горы. Но Виктор и Вячеслав знали свой участок, как пять пальцев. И стоило кому-нибудь пробраться на хребет Кок-Кая или Магнитный, как егеря, по заведённой ими привычке, шли удалять «заблудших».

Вячеслав шёл снизу, зная, по каким тропам проникшие в заповедник будут уходить в горы. Иногда попадались такие, что, взобравшись почти на последний уступ и видя приближение Вячеслава снизу, махали ему насмешливо рукой. Он размеренно, не сбиваясь с темпа, поднимался вверх. И когда он доходил до уступа, на кото-

ром куражились нарушители заповедного режима, сверху появлялся Виктор Нестеренко.

– Здравствуйте, уважаемые, – твёрдо произносил Виктор. – Вам лучше не делать лишних движений, – добавлял он.

В этот момент приближался Вячеслав. Они выводили нарушителей и, если у них были документы, забирали их. Наказывать они никак их не могли. Не было таких прав. Но они придумали полезное дело. Они давали участок «нарушителям» и говорили:

– Очищаете от мусора полностью, и мы возвращаем вам документы.

Люди начинали работать. Мусор – банки из-под консервов, склянки, пакеты, бумагу – они собирали в бумажные мешки, которые выдавал им Вячеслав, и выносили к мусорным ящикам, стоящим у подножия Кок-Кая на базе отдыха «Прибой». Слава о них разнеслась среди отдыхающих в мгновение ока. И поток желающих проникнуть на Кара-Даг резко сократился. Егерям стало легче. К тому же, со стороны биостанции были приняты на работу ещё четыре человека.

Сообща они сумели удержать поток желающих проникнуть на Кара-Даг. Вулкан надо было спасти от грязи. Почти под каждым кустом были оставлены следы пребывания гомо сапиенс, грязнули и неряхи. Однако Коктебель и Кара-Даг по прежнему манили к себе людей. И туристы ехали отовсюду, надеясь попасть на Кара-Даг. Вячеслав придумал очень полезное дело. Он договорился с инструкторами турбазы «Приморье» Надеждой Бондаренко и Валентином Савинкиным, что он будет их пускать на территорию заповедника в бухту Гравийную с туристическими группами. Туристам очень хотелось попасть в заповедник. К тому же, Валентин подрабатывал фотографией. А привезти из Коктебеля снимок, где турист запечатлён на фоне удивительных гор в заповеднике, было мечтой многих.

– Надо выполнить одно условие, – говорил Вячеслав инструкторам. – Вы все приходите с пустыми рюкзаками. Собираете мусор и выносите на обратном пути к подножию.

Всех это устраивало, и люди не считали это за труд, а отзывались с радостью и с пониманием момента. Надо сказать, что такое решение Вячеслав принял после одного происшествия. В то время

председателем поселкового совета был некто Кудрявцев. На посту председателя он закрепился давно и чувствовал себя неким царьком. Да не только чувствовал, он и вёл себя так. Некоторые жители лебезили перед ним. А он вёл себя хамски, считая, что ему всё дозволено.

Когда Вячеслав стал ограждать проход в Большую Лягушачью бухту, к нему стали подходить иногда люди с записками от Кудрявцева.

Тот даже не поговорив с егерями, в приказном порядке давал указание пропустить того или иного «блатного» в Лягушачью бухту под Кара-Даг. И получалось паскудно. У входа стояли люди, которых егеря остановили, а подходили с записочками. И их надо было пропускать.

– Всё, больше не пойдут, – сказал он Виктору. – Пускать не будем. Получается подло.

Он стал забирать записочки, а ходоков от Кудрявцева не пускать.

– Будут неприятности, – предупредил Виктор. – Ты же знаешь, что он связан с милицией и комитетчиками. А этим ребятам палец в рот не клади. Слопают всего.

– Я беру всё на себя.

Вот тогда и возникла идея пропускать с пустыми рюкзаками для уборки. И группы работали, как у себя дома. Чистили Кара-Даг тщательно и с желанием. У подножья через несколько дней образовалась огромная куча мусора. Кудрявцеву доложили о происходящем. Он попытался вызвать к себе на беседу Вячеслава. Но тот не пошёл к нему. Он считал, что они с Нестеренко делали нужное и важное дело. Как-то под вечер они с Виктором спускались по тропе хребта Кок-Кая. У подножья, у горы мусора их ждал Кудрявцев и директор заповедника А.Л. Морозова.

– Ну, и что это такое? – накинулся на них Кудрявцев. – Куда это всё девать?

– Это мусор, вторсырьё и чистота на Кара-Даге, – твёрдо ответил Вячеслав. А потом, помолчав, добавил: – А вот куда его девать, это уже ваша проблема.

Видя, что разговор с егерями ни к чему не приводит, Кудрявцев махнул рукой и ушёл. По глазам Морозовой Вячеслав понял,

что, по сути, она довольна их работой. Самое интересное то, что приехавшие отдыхать в посёлок туристы стали в одиночку или по несколько человек приходить утром с пустыми рюкзаками. Пустой рюкзак был как пропуск на Кара-Даг.

Часть пришедших забирал с собой наверх Виктор Нестеренко, обещая им спуск в бухту Гравийную, а часть уходила по берегу для очистки от мусора подножья Кок-Кая. Некоторые приходили с пустыми рюкзаками, объясняя, что мусор не нашли. Но таких было мало. В основном, народ попадался добросовестный. Однако на Вячеслава посыпались неприятности. То милиция его начала тормозить, то какие-то на него стали писать пасквилы.

Кудрявцев доказал, что он был посредственным человеком, а посредственность обыкновенно осуждает всё, что превышает её понимание. К тому же, он был злопамятным. Впоследствии для Вячеслава это всё выльется большой неприятностью, но тогда он продолжал работать и хорошо делать своё дело.

По Святой горе с южной стороны шла тропа егеря. В одном месте была установлена лавочка для отдыха егерей. Рядом росли сосны и скальный дубняк. Однажды, отдыхая, Вячеслав заметил, что на дереве вверху сидит белка. Он долго не поднимался, чтобы не вспугнуть её. Затем неоднократно в этом месте он встречал уже не одну белку. Они привыкли и не убежали.

На этом же месте отдыха он часто встречал зайца. Когда Вячеслав присаживался на лавку, из-за кустов появлялся заяц метрах в 10–15. Так было несколько раз. Получалось, что он приходил к зайцу в гости, а тот, как гостеприимный хозяин, добродушно встречал Вячеслава.

На границе хребтов Кок-Кая и Магнитного, на переходе, шла тропа, подходящая близко к скале. Один из её выступов выступал над тропой настолько, что приходилось изгибаться, обходя этот выступ.

Однажды Вячеслав заметил на камне небольшую змею. Она, очевидно, грелась на солнце. Заметив Вячеслава или почувствовав, змея нырнула в расщелину. Он осторожно обошёл камень. Впоследствии он часто видел эту змею на том же месте, и со временем

она перестала прятаться. Как она узнавала его, и узнавала ли, он не знал, но то, что она не пряталась при его приближении, это точно.

Однажды он шёл по этой тропе со своим напарником. Подходя к камню, в бинокль увидел змею. Они договорились с напарником, что он пройдёт первый, а Вячеслав пойдёт минут через 20–30.

Как только напарник приблизился к камню, змея нырнула в расщелину. Через некоторое время змея вновь показалась на камне. Подождав ещё немного, Вячеслав осторожно пошёл по тропе. Змея повернула голову в его сторону. Когда он приблизился, она не уползла. Постояв возле камня и тихо поговорив со змеёй, тихонько отошёл.

Ему было приятно думать, что змея его знает и узнаёт. Так ли это на самом деле, неизвестно, но факт такого явления хорошо знаком.

Зачастую, находившись, они шли с Виктором в его жилище. Заваривали чай из трав, которые собирали тут же. Им в этом деле была отличной подсказкой баба Маня. Она знала почти все травы, растущие вокруг. И знала, какая трава и для чего полезна. Погоняв ещё с часок чаи, они расходились по участку. Виктор шёл ещё раз убедиться, что всё спокойно, к Чёртову Пальцу. А Вячеслав спустился вниз с другой стороны плато Тепсень, а уже оттуда через посёлок шёл домой.

Утром, сбегав к морю, проплыв метров двести и вернувшись назад, Вячеслав завтракал и уходил в горы. В горах ему было здорово в любую погоду. Поток желающих посетить Кара-Даг сократился значительно. По посёлку ходили слухи, что многие перестали приезжать в Планерское из-за того, что не пускают на Кара-Даг. Может, это и так, но было заметно, что публика менялась, и не всегда – к лучшему. На Кара-Даг всё же шли люди, уверенные в своей безнаказанности.

Люди, добившись чего-то и ставшие знаменитыми, изменяются. Есть такие люди, которые считают: все их обязаны знать. Обязаны относиться к ним с поклоном, чуть ли не раболепием.

Встретился на Кара-Даге с писателем, уже старым. В своих книгах он воспекает человека, природу. В руках у него было несколько свежесрезанных веток. Много лет он занимается вырезанием узоров на палках. По долгу службы Вячеслав ему указал на его ошибки. В ответ последовали оскорбления, а в заключение:

– Вы приползете ко мне на коленях!

Вот так-то. Писатель, человеколюб. Проводник передовых идей. Инженер человеческих душ, и вдруг: «Приползете ко мне на коленях».

Да это, пожалуй, не вдруг. Носит в себе это он давно. Хоть и обладает талантом литератора, но главного не имеет. Талант – это ещё не человек!

Но были совершенно другого плана люди. Это были люди с большой буквы. Вячеслав встретился с ними в Коктебеле. Каждое утро, не спеша, он шёл вдоль коктебельского пляжа, где уже было достаточно отдыхающего народа. Ему нравился этот участок пути: от его дома до заповедника. Он шёл каждый раз как бы в ожидании чего-то необычного, интересного, и ждал этого, и надеялся на это.

Замечал на себе заинтересованные взгляды и порой слышал тихий разговор: «Это егеря заповедника пошёл». Подходя к базе отдыха Феодосийского филиала научно-исследовательского института, он чувствовал себя увереннее, в его понимании этого слова, – спокойнее.

Вообще, Кара-Даг производил на Вячеслава странное впечатление. Он совершенно не узнавал себя там. Кара-Даг был пуст. Работниками заповедника была проведена большая работа, чтобы огрести этот удивительный участок земли от массового посещения. И это удалось.

И вот, входя во владения древнего вулкана, он каждый раз надеялся, что ему удастся посидеть подольше на каком-нибудь выступе и помечтать, подумать о виденном, пережитом. Осмыслить явления, происходящие в жизни.

Но не тут-то было. Его всегда тянуло идти дальше и дальше. Так он почти никогда, за редким исключением, не останавливался. И удивительно – ему легко думалось во время ходьбы. Сами собой возникали мысли, затрагивающие глубокие пласты понимания нынешней ситуации. И только приходилось удивляться, почему всё, что им осмыслено и понято, не западало ему в голову надолго. Через некоторое время Вячеслав опять жил чувствами, больше всё пропуская через сердце, чем через голову.

Вячеслав чувствовал, что прикипел к Кара-Дагу. Он оказывал

на него чудодейственную силу. Рос он, в основном, в городе. Только на лето ездил в деревню к бабушке. С крестьянским трудом был знаком поверхностно.

Работая егерем, пришлось косить сено в целях противопожарной безопасности. Пришлось и косу отбить, и наточить лезвие, что требовало определённого навыка. Приловчился косить на неровной местности.

При косьбе испытывал радостное чувство. Коса легко ходит вдоль земли, рядом ровными рядками ложится скошенная трава. Когда он косил, то не придерживался народной мудрости: коси коса, пока роса. Солнце высоко, жара. Трава стала жёсткой, а Вячеслав всё клал и клал рядок за рядком. Не мог останавливаться, не сделав намеченного. Он косил, а недалеко от него в платке, повязанном почти у самых глаз, жена Валентина ворошила сено, ловко орудуя вилами. Она тоже всю жизнь прожила в городе и таким работам никто не учил. Вячеслав подумал: крепко в нас сидит крестьянское начало. И было отчего-то радостно от такого открытия.

Солнце, лёгкий ветерок, и сено быстро сохнет. Собрав сено в стожки, они садятся в тень под дубом. Медленно, с наслаждением пьют воду. Состояние – превосходное. Внизу раскинулся посёлок, прижавшись к выгнувшемуся заливу. Море лениво колыхается, набегая волнами на берег. Пляж усеян телами отдыхающих. А на покосе воздух, настоящий на травах, пьянит и кружит голову. Не сговариваясь, они потянулись друг к другу. Горячо целуются. Вячеслав чувствовал, как сильно он любил жену. В такие моменты он особенно чувствовал, как она была ему близка и дорога.

Там, внизу, жизненные заботы, суэта отдаляют людей друг от друга. Делают их грубее, невнимательнее. Вырываясь на природу, человек становится чище. Человек один – более человек.

Он часто с женой приезжал на свой участок вечером и ночью. Сев на сено и прижавшись друг к другу, смотрели вдаль. Быстро спускались сумерки. Загорались огни, разбросанные в долине. Огоньки горели маленькими кострами, отвоёвывая у ночи кусочки пространства. Ночь спускалась к ним, мягко окутывая, светло и чи-

сто. Они молчали. И без слов всё было понятно. Да и не выскажешь того словами, что ощущаешь в такие моменты. Там, внизу, была жизнь. Здесь рядом – счастье.

Так размеренно и шла жизнь. Он отходил душой от прошлых бед. Тем более, ему встречались хорошие люди. И вот однажды ласковым осенним утром он, как всегда, шествовал на работу. Хотя с первых дней его поступления в Карадагский заповедник Вячеслав считал это торжеством и праздником.

Возле забора, мимо которого он проходил на территорию заповедника, его остановила женщина в купальном костюме и задала ему вопрос: «А можно пройти по берегу, немного погулять?» Даже толком не повернувшись, вполоборота он ответил: «Денег много? Тогда идите». На что она ему певучим голосом ответила: «Нет, нет. Лучше мы здесь будем».

Тогда Вячеслав запомнил только очень приятный, располагающий голос. Но уже через несколько дней он разговаривал со знакомыми ребятами, и к ним подошла та же женщина и попросила разрешения немного пройти вдоль берега. И столько в голосе слышалось желания побыть с природой, а не просто проникнуть в запретное место, что он разрешил им дойти до Лягушачьей Бухты.

Она окликнула мужчину, который возился возле базовской моторной лодки:

– Артамон, нам разрешили!

Вячеслав увидел мужчину невысокого роста, плотно сбитого, с короткими кудрявыми волосами, посыпанными сединой, как поле – первым зимним снегом. Он подошёл к ним с какой-то неловкостью за просьбу жены, и в то же время с желанием пройти в заповедник. Чувствовалось, что это место они знают и любят.

Они познакомились. Каждое утро Вячеслав встречал их на берегу, идя на работу. Он обычно сидел на гальке и смотрел в море или помогал лодочникам, а она ходила по берегу и собирала камешки. При более близком знакомстве они оказались простыми добрыми людьми. С каким восхищением Лиля (так звали эту женщину) показывала Вячеславу интересные, красивые, на её взгляд, камни.

Он был искушён в камнях и только снисходительно поглядывал на ту грудку гальки, которую она натаскала в домик, где они жили. Однако разочаровать Вячеслав её не мог, и на все лады расхваливал найденные ею камни. Расстались они очень хорошо. Вячеслав получил приглашение приехать к ним в гости.

Прошло некоторое время. В ноябре он поехал в Москву за щенком сенбернара. Прибыв в Москву, он позвонил им по телефону, и тут же ему было категорически заявлено, что если Вячеслав немедленно не прибудет к ним, они обидятся на него кровно.

Столько искренности было в этом предложении, что ничего не оставалось, как только повиноваться.

Встретили его как родного. Было много разговоров о Кара-Даге, Коктебеле, море, камнях. Лиля вытащила целую грудку камней, которые ей удалось привезти домой, несмотря на возражения Артамона, и всё рассказывала о каждом камушке, вспоминая смешные истории, связанные с их перевозкой.

Они уговорили Вячеслава остаться у них жить, после некоторого колебания он принял их предложение. На следующий день он начал хлопоты по приобретению щенка сенбернара. Почему именно щенка этой породы? Это целая история. И о ней следует рассказать особо.

Как-то года, два тому назад, Вячеслав был в Москве у своих друзей, Геннадия и Альбины. Его друзья любили животных. Геннадий – врач-стоматолог. Работал в центре подготовки космонавтов. Альбина работала в консерватории. У них был замечательный сеттер. Они много ему рассказывали о собаке. В таких разговорах они поведали, что у их знакомых живет сенбернар. Об этой породе Вячеслав читал неоднократно, но толком не представлял, что это такое. Знал одно, что это – огромные собаки.

Геннадий и Альбина говорили, что неплохо бы такой собаке жить на воле, а не в московской квартире. На этом разговор и закончился. И вот через год Вячеслав вдруг получает вызов на международные переговоры. Геннадий ему сообщает без лишних подробностей, что пёс попал в беду и его надо выручать.

Без раздумий он согласился его забрать, ещё толком не представляя, как это сделать и что из этого выйдет.

Однако вскоре выяснилось, что в Москву в командировку едет одна из сотрудниц биостанции – Граф Ирина Анатольевна, человек, страстно любящий природу и животных. Опытная собачница. Вот через неё Вячеслав и решил всё сделать.

Проходит время, и он получает от Ирины Анатольевны телеграмму, чтобы Вячеслав встретил её и пса в аэропорту.

Они поехали на Валеркиной машине. Валерка – художник-декоратор, друг младшего брата Вячеслава. Валерка отказывался ехать, потому что в этот день у Ильи, брата Вячеслава, был день рождения, но, услышав, что отмечать без них не будут, согласился. В поездку с ними напросился младший сынишка Богданчик. Решили взять его с собой.

Когда самолёт подрулил к аэровокзалу и начали выводить пассажиров, в конце вереницы людей он увидел женщину с огромным рыже-пегим псом.

Пёс был действительно больших размеров и очень красив. Он шёл рядом с Ириной Анатольевной, ни на кого не глядя, соблюдая достоинство и невозмутимость, хотя сам был центром внимания.

Ирина была вне себя от радости, от всеобщего внимания, и когда Вячеслав подошёл, поздоровавшись, и хотел взять пса за поводок, она резко отдёрнула поводок и строго сказала ему: «Будь осторожен. Он может укусить. Надо, чтоб привык».

– Он летел ко мне, и он знает, кто его хозяин, – уверенным голосом произнёс Вячеслав. Пёс внимательно посмотрел на Вячеслава, а затем подошёл к нему и ткнулся в него головой, выражая тем самым полное доверие.

Когда они подошли к машине, Ирина хотела сесть с ним на заднее сиденье, но тут уж Вячеслав запротестовал.

Он забрал у Ирины Анатольевны поводок и дал команду собаке лезть в машину.

Сеня, так звали пса, поднял голову, посмотрел на него внимательно, а потом залез на заднее сиденье. Усевшись рядом, Вячеслав справа от себя усадил Богданчика. При виде такой огромной собаки рядом Богданчик притих. Закрыв дверцу, хотя на душе было спокойно от соседства такого огромного, совершенно незнакомого

пса. На уровне головы водителя, почти рядом с лицом, возвышалась морда пса с открытой пастью и огромными белыми зубами.

– Трогай, Валера!

Валера, с опаской поглядывая на собаку, тронул машину.

– А он меня не сожрёт? – задал он совсем не праздный вопрос.

Ирина сидела молча, насупившись, и демонстративно с ними не разговаривала.

Осмотревшись, Сеня вдруг положил Вячеславу на колени свои огромные лапы и тяжёлую умную голову. Так они проехали треть пути. В машине стало жарко, и Валерий открыл окно со своей стороны. Сеня тут же поднялся, повернулся к окну и положил свою голову Валерке на плечо. Тот сжался, задёргал рулем, забеспокоился.

Вячеславу стало смешно, и он захохотал, хотя Валерке было не до смеха.

– Спокойно, Валера. Если б он хотел укусить, уже давно бы это сделал.

Вячеслав почувствовал себя увереннее и обратил внимание, что все в машине стараются вести себя тихо и не раздражать пса. Такое от него исходило величие.

Проезжая село Лесное, они остановились, чтобы дать отдохнуть Сене, да и самим размяться. Не успел Вячеслав открыть дверцу, как Сеня, не ожидая, пока хозяин вылезет из машины, ринулся на улицу. Вячеслав с трудом удержал его за поводок. Он с каким-то щенячьим визгом потянул его в лес и тут же принялся обнюхивать кусты и кочки. Сначала Вячеслав не придавал этому значения и только потом, гораздо позже, он узнал, что это была первая встреча пса с природой. За три года жизни в Москве он никогда не вывозился за город, а выгуливался по московским улицам. Вообще, жизнь у Сени была не из лёгких. Сначала его приобрели супруги-студенты, которым и самим-то не всегда хватало еды. Через год они вынуждены были его продать, и он попал к случайным людям. Те, помыкавшись с ним, продали его Сергею, знакомому Геннадия и Альбины. Сергей хоть и неплохо относился к Сене, но достаточного внимания ему не уделял. К тому же, он часто заглядывал в бутылку, у него происходили ссоры с женой. И всё это – на глазах у Сени.

Пёс нервничал и переживал. А однажды, когда жена Сергея напустилась на него с бранью, пёс, находившийся рядом, не выдержал и покусал её. Они разошлись, и Сергей заметался в поисках хозяина для Сени. Через Геннадия и Альбину Сергей отдал пса Вячеславу.

Вечером они приехали домой, предварительно заехав к Ирине Анатольевне. Пока Валера выгружал вещи, Вячеслав стоял с Сеней возле ворот биостанции.

К ним подошёл сторож и стал рассматривать пса. Увидев, что он хочет погладить Сеню, предупредил его:

– Не тронь. Он этого не любит.

Но сторож не послушал и протянул руку. В этот момент Сеня молча открыл пасть и цапнул его за руку. Сторож заорал и отдёргнул руку. Вячеславу пришлось прикрикнуть на него, чтобы он не орал. Сам виноват. Подъехал Валерка, и они укатили в Коктебель.

Когда они зашли во двор, все гости были в сборе. Восторгу и восхищению от Сени не было конца. Вячеслав завёл его в заранее сколоченную будку, дал воды. Сеня попил, а от предложенной пищи отказался. И лишь только поздно ночью поел. Будка для Сени была больших размеров.

Как-то раз в доме потеряли старшего сына Сашу. Обыскали весь дом. И тут жена Вячеслава понесла миску с водой для Сени. Он миролюбиво лежал возле будки. Жена заглянула в будку, и от неожиданности отшатнулась. В будке, удобно расположившись, спал выпивший Саша. На собачьего квартиранта пришли посмотреть все, кто был в доме. Смеху было предостаточно.

Утром, часов в шесть, Вячеслав уже шёл с ним на прогулку. Он привлекал к себе пристальное внимание всех окружающих. Погуляв, хозяин завёл его в вольер и пошёл на работу. Решил сразу не брать пока его в горы. Возле вольера постоянно толпился народ, и это раздражало не только Сеню, но и Вячеслава. Вечером перенесли будку и вольер вглубь двора.

Было лето, и во дворе было много отдыхающих. Но, удивительно, как только Вячеслав подходил к вольеру, Сеня вилял хвостом и радостно лаял. Ему было радостно, что они нашли общий язык, они просто нравились друг другу.

И вот пришёл день, когда они с Сеней пошли на Кара-Даг. Первое время Вячеслав решил поводить его по побережью. Пёс шёл весело, поглядывая на хозяина умными глазами, то и дело хватая поводок, и тянул к морю. Они подходили к морю, Сеня заходил по грудь в воду и хватал её ртом. Солёная вода пришлась ему по вкусу, и во время ходьбы он то и дело заходил в море и лакал её.

В Лягушачьей бухте хозяин разделся и полез в море освежиться, а следом за ним полез и Сеня. Он плыл рядом и удивлённо вертел своей огромной головой. Первый раз он был на море и первый раз плыл. На берегу они завалились на тёплую гальку, и Сеня, размлев под солнцем, задремал.

Так и шли дни взаимного понимания и познания. Сеня дарил ему ощущение верности, надежности – те чувства, о которых мечтает каждый в мире текучести, сиюминутности, суетности. Вообще, собака для хозяина всегда готова на самоотверженность, вплоть до самопожертвования. Ни одна собака не считает обыкновенную преданность чем-то необычным. Однако люди превозносят это чувство собаки как подвиг только потому, что не все, да и не всегда сами обладают чувством преданности и верности долгу. А ведь это должно быть основой и главным стержнем в жизни.

Однажды утром они, как всегда, вышли на работу. Идя по одной из аллей, Вячеслав обратил внимание, что за ними спешит пожилая женщина. Поравнявшись с ними, она протянула Сене какой-то свёрток, и не успел Вячеслав отдёрнуть его, как пёс уже схватил этот свёрток. Пока хозяин забирал у него изо рта кусок бумаги и ветчины, женщина исчезла.

Посмотрев по сторонам и никого не увидев, он пошёл дальше. Где-то около часа дня Вячеслав заметил, что у Сени вздувается левая сторона. Они заспешили домой. Вячеслав побежал искать ветеринара. Пока они на машине ездили от одного места к другому, прошёл достаточный отрезок времени.

Подъехав к дому, Вячеслав увидел на пороге плачущую дочь.

– В чём дело, Сусанночка? – спросил он у неё.

– Сеня умер, – отвечала она с рыданиями.

В доме действительно все были охвачены горем. Плакал младший сын, жена. Он сам с трудом сдерживал слёзы. За короткий период они очень привязались и полюбили его. Вскрытие показало, что Сеня был отравлен.

Вячеслав проклинал ту женщину. Оскорблял её мысленно последними словами. Если бы она ему попала в тот момент, ей бы несдобровать. Чем мог помешать ей пес? Умный, спокойный, добродушный и красивый. А если она была почему-либо зла на Вячеслава, то, опять же, при чём здесь собака?

Да, самые жестокие звери – это двуногие. С поразительной жесткостью и методичностью они уничтожают своих меньших братьев, которые, кроме пользы, им ничего не принесли.

А откуда же может быть доброе, хорошее отношение к людям?

Вячеслава с самого детства била человеческая жестокость, и вот вновь, уже в который раз, она бьёт его опять. Он бывает зол на людей, но не может разъяриться так, чтобы постоянное зло давило его душу и толкало на борьбу с ними. Возможно, тому причиной служит то, что на его пути встречаются всё-таки действительно хорошие люди.

О своем горе он поведал Вениамину, директору одного из московских институтов, занимающегося проблемами воды. Используя свой отдых, Вениамин делал полезное дело для заповедника: давал научные консультации по его содержанию и восстановлению.

Он обещал Вячеславу помочь и достать щенка сенбернара. В память о Сене он решил взять собаку только такой породы. Своё обещание он выполнил. Вот по этому поводу Вячеслав и прибыл в Москву в ноябре 1980 года.

Лиля Ивановна и Артамон Фёдорович уговорили его, чтобы он принёс щенка к ним домой и пожил у них ещё дней пять.

Сколько радости и восхищения Вячеслав увидел в глазах, когда они с Веней привезли маленькое пушистое и очень красивое создание. Они прибежали с работы, чтобы покормить его и подтереть его сидушки, когда Вячеслав уходил в город по своим делам.

И щенок быстро освоился. Но место для сна он выбрал возле дивана, на котором спал Вячеслав. Ему это было приятно.

Когда они уезжали домой, Лиля Ивановна и Артамон Фёдорович всё беспокоились, узнает ли их весной щенок. По общему желанию друзей, собравшихся на проводы Вячеслава, щенка решили назвать Мэр – Мэр Кара-Дага. Так его записали в паспорте и в родословной.

Время шло. Вячеслав ещё несколько раз появлялся в Москве и останавливался только у Лили Ивановны и Артамона Фёдоровича. Они относились к нему как к родному. С ними было легко и просто. Он не чувствовал никакой скованности. Чувство свободы исходило от их искреннего отношения к нему. Вячеславу опять пришлось столкнуться с человеческой подлостью, и он вынужден был на некоторое время уехать. Его беду разделили с ним эти милые люди. У них дома он успокоился, привёл мысли в порядок и начал борьбу за свою судьбу. И всё время они поддерживали его своим участием и добротой.

К маю он вернулся в Коктебель. Его пёс рос не по дням, а по часам. Очень стал общительным и не любил оставаться один.

В мае же приехали в Коктебель Лиля Ивановна и Артамон Фёдорович. Они были поражены, насколько вырос и как изменился Мэр. Однако их он встретил радостно. Вообще, у него веселый, игривый характер.

Вячеслав был рад их приезду. Они проводили в беседах много времени. Друзья чувствовали, что его что-то гнетёт. На душе у него было беспокойно.

Он чувствовал, как вокруг него сжимался круг. Шла какая-то грязная возня. По непонятным для него причинам его считали антисоветчиком. Дикая, тупая глупость. Возмущение действиями председателя поссовета возводило в ранг антисоветчины. Да, он был против того, чтобы посёлком управлял убийца. Председатель на машине задавил ребёнка. И не понёс наказания. Вячеслав говорил об этом вслух. Он отказывался принимать участие в голосовании, где в очередной раз убийца ребёнка выдвигался на должность председателя поселкового совета. Ему открытым текстом заявили, что он об этом не раз пожалеет.

Зная о том, что против него плетётся заговор, многие злорад-

ствовали. С годами Вячеслав понял, что люди, в целом, неблагодарны и непостоянны. У людей – большая склонность к лицемерию. Люди, в основном, лживы. Если ты делаешь кому-то добро, тебе обещают золотые горы. Но если тебе понадобилась помощь, найдутся тысячи причин увильнуть. Вообще, люди странно относятся к другим. Не боятся обидеть того, кто внушает любовь. А вот тех, кто внушает им страх, они опасаются.

Для большинства людей понятно, что чувство любви держится на благодарности. И, по натуре – неблагодарные, люди могут пренебречь благодарностью. Но если человека боятся, то знают, что может последовать наказание, а от наказания не отмахнёшься.

Жизнь зачастую ставит человека в такие условия, что невольно со временем он начинает понимать: с врагами надо сражаться двумя способами. При помощи закона, но при условии, что закон действует. Второй способ – это силой. Надо сшибать врагов на землю. Хотя и принято считать, что силой обычно сражаются звери, но надеяться полностью на закон – непредусмотрительно. Закона, как правило, не хватает, да и появляется он не вовремя. Вот и приходится в крайних случаях прибегать к силе.

Жизнь учит, что с людьми надо поступать, как они поступают с тобой. Зачастую люди не сдерживают данного ими слова. Тогда ты вправе ответить тем же. Предлог всегда найдётся. И, конечно, надо быть всегда начеку. Желающий тебя обмануть обязательно найдёт способ.

Конечно, чтобы соответствовать званию «человек», надо и уметь сострадать людям, и быть верным данному слову, и быть искренним. Однако внутренне всегда сохранять готовность ответить на негативный вызов соответственно. Это в том случае, если в этом будет необходимость.

Со временем Вячеслав пришёл к неутешительному выводу. Делая добрые дела, он получал в ответ плевки и удары. За добрые дела люди ненавидят, и порой ещё сильнее, чем за зло. Конечно, были исключения из этих жестоких правил. Это и радовало, и в то же время настораживало. Однако был сделан вывод, что доброе отношение расслабляет. И в этом он впоследствии убедился ещё не один раз.

Содержание

Вместо предисловия	3
--------------------------	---

Глава I

Край, где восходит солнце.....	5
Жизнь в деревне	13
Древние свидетельства фамилии.....	16
Новые знакомства и жизненные уроки	19
Жизнь послевоенная.....	26
Семейные тайны	37
Новая школа и новые открытия	45
Ремесленное училище и трудовая закалка.....	50
Как вырабатывают в себе качества борца.....	56
Философия трудового детства и каникулы.....	71
Служба в армии.....	76
Институт физической культуры им. П.Ф. Лесгафта	105
Вопросы, которые надо решать	119
Наше счастье в нас.....	151
Новые испытания. . . Новая жизнь	166
Инструктор турбазы «Приморье»	195
Жернова жизни и школа выживания	237
Удивительная приспособляемость.....	299
МВД – государство в государстве	321
Надо всё выдержать и остаться человеком	342
Размышления и выводы.....	358
Поиски интересного и неразгаданного	389
Сибирь ждёт	404
Направление на поселение.....	405
Кара-Даг и его сила.....	458

Литературно-художественное издание

Вячеслав Фёдорович Ложко

**Непридуманная жизнь.
Книга 1.
Путь с Востока на Запад**

Компьютерная верстка - И. Бедарева
Дизайн обложки - А. Пилинский

Подписано к печати 03.02.2018 г.
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная 80 $\frac{1}{2}$ _М
Печать ризографическая. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 27,9. Тираж 300 экз. Заказ № 016.

ООО «Форма»:
295000 Россия, Республика Крым,
г. Симферополь, пр. Кирова, д. 34 «Г»
Свидетельство о внесении сведений о юридическом лице
в Единый государственный реестр юридических лиц
серия 23 №008846168 от 10.11.2014 г.

Отпечатано на полиграфическом оборудовании
ООО «Форма»